







**Библиотека
приключений**

16

ИЗДАТЕЛЬСТВО

*«Детская
литература»*

МОСКВА

1969



Артур Кларк

ЛУННАЯ ПЫЛЬ



А. Азимов

• Я, РОБОТ •



СТАЛЬНЫЕ
ПЕЩЕРЫ



И (Англ)
К 47

Рисунки
А. Солдатова

Оформление
Ю. Киселева

О СОВРЕМЕННОМ ЖЮЛЕ ВЕРНЕ — АРТУРЕ КЛАРКЕ И ТВОРЦЕ РОБОТЕХНИКИ АЙЗЕКЕ АЗИМОВЕ

Знатоки современной западной фантастики неоднократно отмечали в ней две характерные особенности. Во-первых, ее наиболее значительные произведения представляют собой литературу острой социальной критики; во-вторых, этот вид литературы является на Западе пока единственным, в котором так или иначе говорится о будущем человечества.

Необходимо сразу же оговориться: речь идет не о литературных поделках, где безграмотные и сумасшедшие профессора-одиночки создают ужасные средства разрушения; где агенты галактических империй, могучие ребята со стальными мускулами и микроскопическими мозгами ударом в челюсть управляются со всякого рода злоумышленниками; где непрерывно гремят атомные пистолеты, рвутся бомбы и спасаются из лап чудовищ неправдоподобные красотки. Это все макулатура, глупая и лживая пропаганда пошлости. Подобная существует и в бытовом романе, и в детективном жанре, а не только в фантастике.

Мы же здесь будем говорить о настоящей фантастике, о литературе в полном смысле этого слова, о произведениях писателей с мировым именем, людей талантливых, честных, прогрессивно мыслящих. Да, на страницах их произведений тоже стартуют космические ракеты, лязгают сочленениями сложнейшие кибернетические машины, их герои переживают удивительные приключения в пространстве и времени. Но фантастическое, необыкновенное представляет у них не самоцель, а мощное

средство, прием, позволяющий выделить в чистом виде главную и подчас чрезвычайно важную мысль; поставить перед читателем проблему, над которой тот никогда прежде не задумывался. Этот прием чем-то напоминает увеличительное стекло для рассмотрения намечающихся в человеческом обществе сдвигов, течений мысли, направлений, могущих иметь для человечества первостепенное значение. Настоящая фантастика — это не калейдоскоп причудливых призраков, порожденных разболтанной фантазией, а зеркало действительности. Правда, у фантастики свои законы отражения мира, она подчеркивает что-то одно и приглушает другое, чтобы несущественное не мешало видеть главное, она искусно облачает в образы самые абстрактные моральные, философские и политические идеи, и умение пользоваться этими законами как раз отличает большого писателя-фантаста Брэдбери, Лема, Ефремова от большого писателя-реалиста. Заметим в скобках, что законами художественного отражения, присущими фантастике, пользовались еще такие гиганты мировой литературы, как Свифт, Гоголь, Франс.

Из такого понимания смысла фантастического приема в зарубежной фантастике вытекают и неизбежно следуют уже упомянутые две ее особенности: социальная критика и забота о судьбах человечества. Большинство современных крупных авторов-фантастов — передовые люди своего века. Научно-фантастическая литература, как правило, несет на себе отпечаток прогрессивности, непримиримости ко всему реакционному, тупому, жестокому, античеловечному. И можно смело сказать, что в лучших своих книгах зарубежная фантастика борется за изменение действительности, неустанно атакуя западный образ жизни: милитаризм, политиканство, пошлость, оголтелый индивидуализм, причем наряду с произведениями, предупреждающими о той или иной угрозе чело-

вечеству со стороны непомерно разрастающихся пороков буржуазного общества, она может давать подчас и образцы по-настоящему оптимистического видения мира.

В этом томе читатель познакомится с двумя крупными представителями современной западной научно-фантастической литературы: это американец Айзек Азимов и англичанин Артур Кларк.

* * *

Мы начнем с Артура Чарлза Кларка, потому что этот писатель-ученый ближе и понятней нам, чем все остальные писатели-фантасты нашего времени. Вероятно, он близок и понятен каждому школьнику нашей планеты, как Жюль Верн. Сравнение с основоположником научной фантастики здесь не случайно: подобно своему знаменитому французскому предшественнику (и в отличие от большинства современных фантастов) Кларка выделяет необычайная скрупулезность и щепетильность в отношении научного материала. Он как бы продолжает в фантастике популяризаторскую традицию Жюль Верна, Обручева, Григория Адамова. Он почти не позволяет себе отрываться от современных представлений науки и техники. Но наряду с популяризаторским пафосом Кларка роднит с Жюлем Верном также социальный оптимизм. Он верит в добрую волю народов, он убежден в том, что интернационализм и борьба за светлое будущее победят, заставят уйти поджигателей войны с арены истории, и широкая дорога в космос откроется уже перед объединенным человечеством. Сходны с жюльверновскими и герои произведений Кларка, такие же цельные и романтически приподнятые, хотя приходится признать, что английскому писателю не удалось создать «вечные» образы, подобные капитану Немо, Паганелю, Сайurusу Смиту и другим.

Артур Кларк родился в 1917 году в Майнхед, на южном берегу Бристольского залива. Окончив Лондонский королевский колледж по отделению математики и физики, он увлекся теорией радиосвязи. Когда началась вторая мировая война, он был призван в армию, получил звание лейтенанта Британских ВВС и принял участие в разработке первых систем радарного обнаружения. Именно тогда он написал ряд статей, в которых изложил основы теории использования будущих искусственных спутников Земли в качестве релейных станций для радио- и телевизионных передач. Вероятно, его увлечение космонавтикой началось с этого. До запуска первого искусственного спутника (Кларк — увы! — не допускал тогда мысли, что это будет советский спутник) оставалось еще целых десять лет, и Кларк, как и некоторые другие ученые с хорошо развитым воображением, начал писать научно-фантастические рассказы о космическом будущем человечества. В 1950 году он был избран на пост председателя Британского астронавтического общества и члена Совета Британской астрономической ассоциации. К этому времени он был уже сложившимся писателем-фантастом, его произведения переводились на многие языки мира. Следует заметить, что ареной будущего наступления человечества на природу Кларк считал не только Мировое Пространство, но и Мировой Океан. В блестяще написанной повести «Большая глубина» он описал гигантское подводное хозяйство будущих тружеников моря, пастухов на подводных лодках, обслуживающих стада китов и кашалотов, подводных земледельцев, выращивающих хлореллу и питательные водоросли на миллионах гектаров океанских просторов, удивительные фабрики-бойни, производящие тысячи тонн продуктов из китового мяса и жира. Глубины космоса и глубины океана — Кларк всеми силами пропагандирует их и как мечтатель, и как ученый, и как популя-

ризатор. И всюду он так или иначе подчеркивает, что завоевать эти две стихии под силу лишь объединившимся народам, человечеству, забывшему о войнах. Кларк написал более десяти научно-художественных и научно-популярных произведений о море и космосе. Сейчас он живет на Цейлоне и является президентом Цейлонского астрономического общества и членом Цейлонского подводного клуба. В 1961 году ему была присуждена Международная премия Калинги за популяризацию науки.

Повесть «Лунная пыль» является одним из последних научно-фантастических произведений Артура Кларка, и она во многих отношениях характерна для всего его творчества. Написанная в спокойных, сдержанных, слегка юмористических тонах, она продолжает упоминавшуюся выше тематическую традицию, важную и своевременную в наше время огромного скачкообразного развития науки и техники. Автор ставит перед своими героями (и тут опять приходит на память Жюль Верн с его «Таинственным островом») и читателями множество интереснейших инженерно-технических задач, ограничивая решение их разнообразными, весьма реальными условиями. Это придает повести совершенно особенный интерес, делает ее чем-то вроде научно-технического детектива. Как обнаружить луноход, погребенный под слоем железистой пыли толщиной в полтора десятка метров? Как построить кессон для спасения пассажиров? Как установить с ними акустическую связь?

Искушенный в науках юный читатель может недоверчиво спросить нас: причем здесь лунная пыль, разве наша станция на Луне не показала, что никакой пыли на Луне нет и не может быть? Прежде всего, отсутствие на Луне пыли остается пока лишь гипотезой, правда, наиболее вероятной. Во-вторых, если даже это и так? Что же, тогда повесть Кларка устарела? А разве устарел роман «Из пушки на Луну» из-за того только, что

в нем содержится какое-то число научных просчетов и технических ошибок? Разве менее привлекательными стали для нас Мишель Ардан, Барбикен, Мастон? В том-то и дело, что ценность литературного произведения определяется не его научными идеями, а яркостью характеров, в нем изображенных. Вот и ценность для нас повести Кларка определяется тем, что автору удалось создать запоминающиеся образы мужественных людей, очень разных, живых и деятельных, с присущими каждому совершенно особенными достоинствами и недостатками. Это командир лунохода, простой и целеустремленный Пат Харрис; прирожденный воспитатель, отставной космонавт коммодор Ханстен; умница австралиец Мекензи; вечно занятый и задерганный, но быстрый и находчивый инженер Лоуренс; забавный, взбалмошный астроном Том Лоусон и другие славные люди, каких мы начинаем уважать сразу же после знакомства и прощаем им многое за то хорошее, что у них есть и чем они щедро делятся с нами. Все они являются детьми нового века, века космического человечества.

Между прочим, Кларк не дает подробной политической картины этого нового века. Но из повести явствует, что на нашей планете в середине двадцать первого столетия живет и работает Объединенное Человечество, стоящее на старте к огромному социальному прогрессу. Можно без труда догадаться, что в мире Кларка никогда больше не будет войн и что в федерациях государств этого мира царит социальный строй, более или менее близкий к социализму. В повести «Лунная пыль» Кларк впервые отдает должное огромному вкладу советской космонавтики в дело завоевания человечеством космического пространства. Правда, как и в прошлых его книгах, героями являются главным образом англичане, однако это обстоятельство относится только к сравнительно небольшому кругу лиц, участвующих в описываемых со-

бытиях. Более того, Кларк считает, что первыми на Луне высадутся советские люди. Так, он пишет: «Пат не был очень сведущ в земной истории; подобно большинству селенитов (колонистов на Луне) он считал, что до 8 Ноября 1967 года, когда русские столь эффектно отпраздновали пятидесятилетие своей революции, вообще не было великих событий». В тех случаях, когда в повести появляется русский, Кларку (в отличие от многих своих коллег) удастся не только не спутать фамилию с отчеством, но и правильно ее написать.

Впрочем, Кларк не пытается идеализировать свое человечество недалекого будущего. Встречаются в его мире и мошенники, тайно торгующие фальшивыми обломками первых автоматических лунников; и проворовавшие бухгалтеры — правда, сумасшедшие; и телевизионные корреспонденты, в погоне за сенсацией растерявшие человеческие чувства. Но они не способны омрачить нарисованную Кларком картину общечеловеческой солидарности, готовности героев пожертвовать чем угодно для общего блага, юношеской увлеченности огромной всемирной работой.

О повести Кларка можно было бы сказать еще много хорошего. В ней так или иначе затрагиваются целые области интересных проблем. Мы находим в ней и гневную филиппику против колониализма, и насмешку над модными скороспелыми писателями, и критику гипотезы о «летающих тарелках», и уверенность в непреходящей ценности классической музыки... Но пусть читатель прочтет и судит сам.

* * *

Если английский фантаст пользуется приемом фантастики так сказать в элементарном виде — необыкновенное, фантастическое у него представляет собой пря-

молинейные выводы из господствующих ныне движений в науке, технике и общественном развитии,— то с американским писателем Айзеком Азимовым дело обстоит гораздо сложнее.

Начнем с того, что Азимов придает большое значение внешней сюжетной занимательности и подчас использует для своих сюжетов весьма маловероятные парадоксальные гипотезы. В отличие от Кларка, Азимов не стремится создать у читателя впечатление достоверности. Для него, как и для большинства добротных западных фантастов, много важнее заставить читателя сравнивать фантастические, гиперболизированные построения с живой, но привычной, примелькавшейся действительностью. Грубо говоря, Азимов пользуется теми же приемами, что знаменитые творцы басен — Эзоп, Лафонтен, Крылов.

Айзек Азимов родился в тысяча девятьсот двадцатом году. Его отец открыл в Нью-Йорке торговлю сладостями. Когда Айзек подрос, ему пришлось помогать отцу в лавке. Возвращаясь из школы, он становился за прилавком. Как-то, когда ему было девять лет, в его руки случайно попал номер «Удивительных рассказов» — первого в Америке журнала научной фантастики. С тех пор он стал запоем читать фантастическую литературу. Впрочем, с не меньшим увлечением он читал и детективы. После школы он поступил на химический факультет. Учился он горячо и упорно, однако фантастика по-прежнему увлекала его. В тридцать девятом году он написал и опубликовал свою первую повесть «Брошенные на Весте». Любители фантастики сразу заметили появление нового писателя, и, когда в сорок первом году вышел в свет его рассказ «Приход ночи», Азимов был уже признанным автором.

В том же году он получил звание магистра химии, а пять лет спустя его пригласили читать лекции в Колум-

бийском университете. Вскоре он переехал в Бостон и стал преподавателем Гарвардского университета. Азимов читал лекции, вел исследования по биохимии и писал фантастические произведения. Блестящее воображение и широкая научная эрудиция быстро выдвинули его в первую пятерку американских фантастов. В то же время он получил признание как крупный ученый в области биохимии. Но ему не хватало времени. Его увлекала научная работа, и вместе с тем он чувствовал, что не писать он не может. В конце концов стремление говорить с миллионным читателем взяло верх: в пятьдесят восьмом году он оставил университет и всецело посвятил себя литературной деятельности. Тогда же, к великому удивлению и разочарованию своих почитателей, он оставил фантастику, полностью переключившись на научно-популярную литературу. И его научно-популярные работы не уступали по блеску его научно-фантастическим произведениям. Читатель может убедиться в этом, взяв в руки его книгу «Вид с высоты», переведенную и изданную недавно в издательстве «Мир».

Как это ни странно, Айзек Азимов — закоренелый домосед. Он ненавидит переезды. Во время войны по заданию правительства ему пришлось совершить перелет из Сан-Франциско на Гавайские острова. Воспоминание об этом до сих пор приводит его в содрогание. После этого он и близко не подходил к самолету. И не потому ли Сьюзен Келвин и другие его герои терпеть не могут и даже боятся космических перелетов? Когда его спросили, приходилось ли ему присутствовать при запуске космических ракет, он отрицательно покачал головой. Он заявил, что однажды вечером видел в небе искусственный спутник и этого с него вполне достаточно. «Обстоятельно поразмыслив,— писал он,— я решил сидеть дома. Я путешествую по различным небесным телам, не отходя от письменного стола... Пишущая машинка расплы-

вается в тумане перед моими глазами и превращается в пульт космического корабля... И мое сердце, в котором нет ни на грош любви к приключениям, тревожно сжимается при этом».

За двадцать лет работы в жанре фантастики Айзек Азимов написал несколько десятков романов, повестей, рассказов. Говорят, что увлечения детства не проходят даром для человека в зрелом возрасте. Детская любовь к приключенческой фантастике и детективам оставила отчетливый след в его творчестве. Такие произведения, как «Установление», «Нагое солнце», «Течения в космосе» и предлагаемая здесь читателю повесть «Стальные пещеры», являются детективами на фантастической основе, но это не бездумное, развлекательное «чтиво». Правда, они не несут никакой специальной философской или популяризаторской нагрузки, как, например, его грандиозная и мрачная утопия «Конец Вечности» или прекрасная полуфантастическая книга «На Земле хватает места», но они в соответствии с идейными и нравственными идеалами автора утверждают протест против косных олигархических тираний, приветствуют революционные изменения в обществе, ратуют за непрерывность социального и научного прогресса.

В «Стальных пещерах» дан образ гигантского, задыхающегося в стальной броне капиталистического города-спрута, и мы легко распознаем в этом образе логическое завершение самых реакционных современных идей фашиствующего империализма, проповедники которого озабочены только одним: остановить историю, остановить духовное развитие своих народов, остановить прогресс во всех его проявлениях. Вожди «Стальных пещер» не в состоянии увидеть надвигающуюся катастрофу — вырождение, голод, гибель своих нищих духом подданных. Кто может спасти население подземных городов, запуганное и морально угнетенное, стиснутое в страш-

ной тесноте, забывшее или ненавидящее солнечный свет и зеленые просторы? Идеологии «Стальных пещер» Азимов противопоставляет «космонитов», землян, которые поколения назад создали на других планетах прогрессивные революционные общества и теперь вернулись на Землю, чтобы заставить ее снова воспрянуть для прогресса, для дерзких устремлений в бесконечность, для борьбы за жизнь против прозябания. Образ современного Нью-Йорка во многом совпадает с образом Нью-Йорка в «Стальных пещерах», и это заставляет читателя вдуматься в смысл того, что происходит у него на глазах,— вдуматься и сделать выводы.

Мировую известность доставила Айзеку Азимову серия фантастических рассказов, объединенных под общим названием «Я, робот». Они представляют собой нечто вроде псевдоистории вымышленной науки роботехники, проиллюстрированной последовательными эпизодами, в которых действуют одни и те же герои. Читатель опять может спросить нас: почему у Азимова все роботы, независимо от их назначения, сделаны по образу и подобию человеческому? Разве не ясно, что роботам следует придавать такую форму, которая наиболее выгодна в инженерном отношении для той функции, которую они предназначены выполнять? Скажем, электронно-счетной машине лучше всего иметь, как и теперь, форму ряда ящиков, а «мозг» робота-землекопа мог бы успешно разместиться в устройстве, похожем на экскаватор. Но все дело в том, что в своих роботах автор создал образы именно людей, самых настоящих людей с разными характерами, мнениями, мыслями. От настоящих людей азимовских роботов отличает только запрограммированные при их создании «три закона роботехники». И, надо сказать, отличает очень выгодно. Роботы способны заблуждаться, совершать ошибки, переживать и сочувствовать, но в ходе их совершенствования «первый закон»

постепенно из правила чисто технической необходимости превращается в необычайно важный социальный фактор, и в последнем рассказе о Сьюзен Келвин мы уже видим робота-мэра, который стоит на голову выше интригана и мерзавца, с которым он соперничает. И Азимов словно спрашивает читателя, каким бы было общество, если бы каждому человеку было внушено при рождении: «Человек не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы другому человеку был причинен вред». Впрочем, даже Азимов вряд ли понимал, когда писал «Я, робот», что он высказывает фундаментальное кредо воспитания человека в коммунистическом обществе будущего.

Этот маленький очерк о двух выдающихся представителях западной фантастики уместно закончить высказыванием Азимова о роли научно-фантастической литературы. В своем послании к японским читателям Азимов как-то сказал:

«История достигла точки, когда человечеству больше не разрешается враждовать. Люди на Земле должны дружить. Я всегда старался подчеркнуть это в своих произведениях. Проблемы, которые мы поднимаем в фантастике, становятся насущными проблемами всего человечества... Не устаю надеяться, что в великом деле покорения Луны сотрудничество (между американскими и русскими учеными) будет продолжаться. А если даже оно не будет иметь места при завоевании Луны, то хоть ко времени исследования Марса человечество наберется здравого смысла, достаточного, чтобы осознать, что это дело всего человечества.

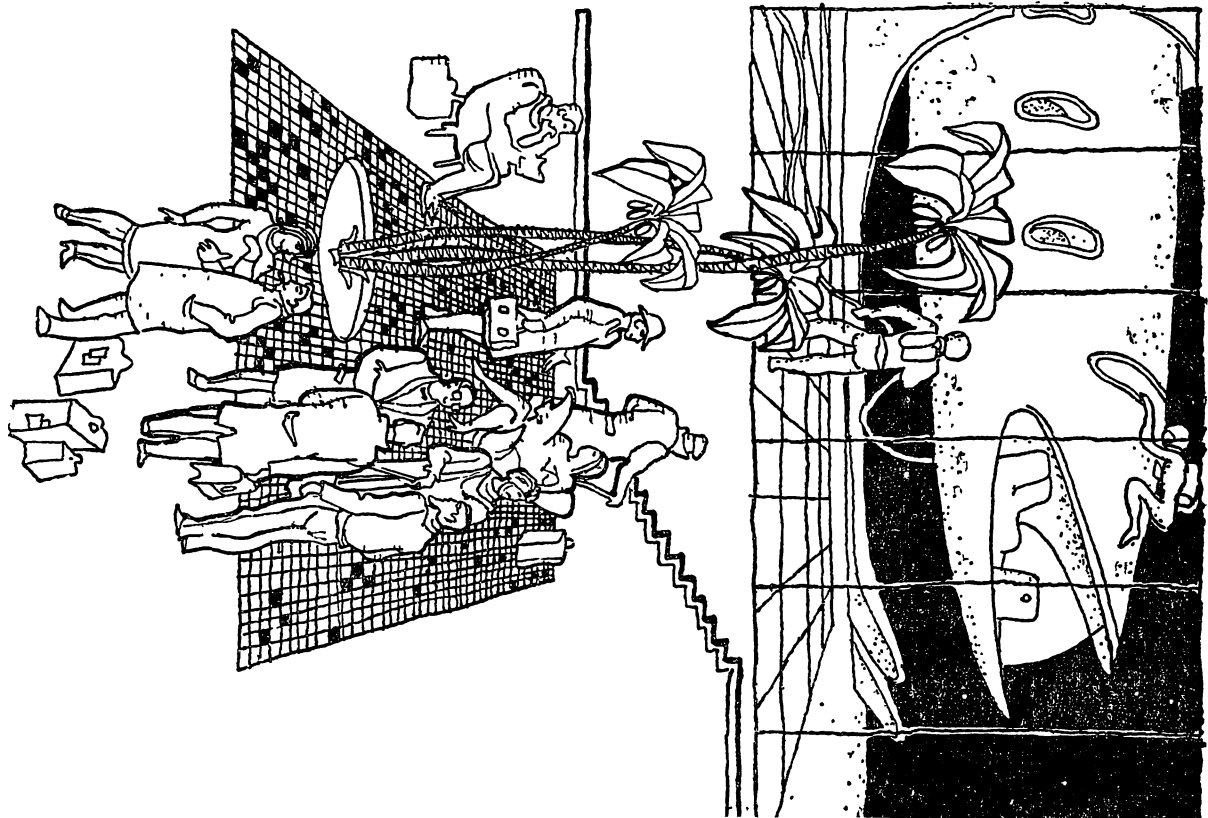
Писатели-фантасты предсказывают этот день; они и пишут для того, чтобы этот день наступил скорее. Писатель-фантаст, читатель фантастики, сама фантастика служат человечеству».

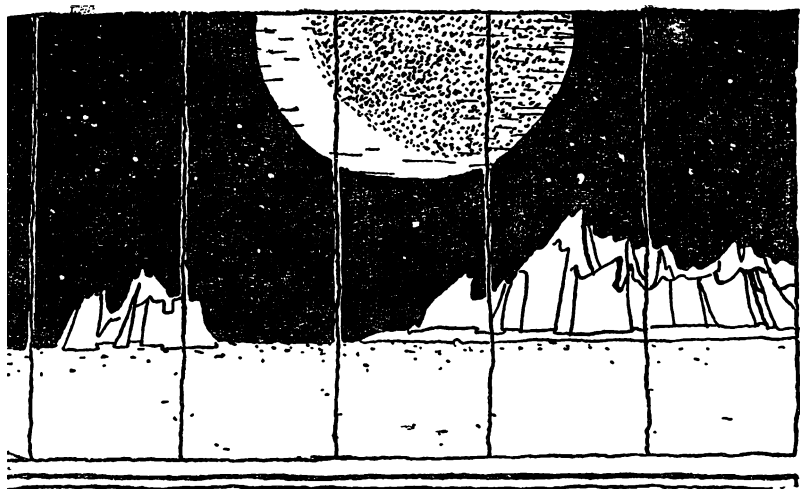
А. Стругацкий, Б. Стругацкий

Артур Кларк

**ЛУННАЯ
ПЫЛЬ**

ПОВЕСТЬ





ГЛАВА 1

Пату Харрису нравилась его должность: еще бы — капитан единственного судна на Луне! Глядя на пассажиров, которые, поднявшись на борт «Селены», спешили занять места у окон, он спрашивал себя, как пройдет сегодняшний рейс. В зеркальце заднего обзора он видел мисс Уилкинз. Очень эффектная в голубой форме сотрудницы «Лунтуриста», она добросовестно исполняла этюд «добро пожаловать». На работе Пат Харрис всегда старался думать о ней, как о мисс Уилкинз, а не как о Сью: это помогало не отвлекаться от дела. Что она думает о нем, он еще не выяснил.

Ни одного знакомого лица, все новички и все предвкушают свое первое плавание. Большинство, так сказать, типичные туристы — пожилые люди, привлеченные миром, который в дни их молодости был символом недосягаемого. Лишь четверо или пятеро моложе тридцати лет; скорее всего, работники одной из лунных баз решили использовать свободный день. Пат уже приметил: почти как правило, пожилые туристы — значит, с Земли, молодые — жители Луны. Так или иначе, Море Жажды любого из них поразит... Вот оно, за иллюминатором, до

самых звезд простерлась его мрачная, серая гладь. А в небе над морем неподвижно висит, не первый миллиард лет, Земля. Ее голубовато-зеленый убывающий серп заливал лунные пейзажи холодным светом. Да, здесь холодно... На поверхности Моря, наверное, около ста шестидесяти градусов ниже нуля.

Поглядеть на него — ни за что не скажешь, жидкое оно или твердое. Ровная, непрерывная гладь, а ведь трещины и расселины избороздили весь лик этого мертвого мира. Ни бугра, ни валуна, ни камешка; ничто не нарушает однообразия. На всей Земле не найти ни одного моря — да что там, пруда! — с такой спокойной поверхностью.

Море Жажды заполнено не водой, а пылью. Вот почему оно кажется людям таким необычным, так привлекает и завораживает. Мелкая, как тальк, суше, чем прокаленные пески Сахары, лунная пыль ведет себя в здешнем вакууме, словно самая текучая жидкость. Урони тяжелый предмет, он тотчас исчезнет — ни следа, ни всплеска... Передвигаться по этой коварной поверхности нельзя, разве что па двухместных пылекатах, специально созданных для этого. И, конечно, на «Селене», удивительной помеси саней и автобуса, во многом похожей на вездеходы, которые десятки лет назад позволили освоить Антарктиду.

Техническое наименование «Селены» было П-1, то есть пылеход, первый образец (насколько было известно Пату, второго образца не существовало даже в проекте). Ее называли «кораблем», «судном», «лунобусом», кому как нравилось. Пат предпочитал говорить «судно», это исключало путаницу. Так никто не примет его за капитана космического корабля — звание, которым давно уже никого не удивишь.

— Добро пожаловать на борт «Селены», — сказала мисс Уилкинз, когда все наконец расселись. — Капитан Харрис и я очень рады вам. Наше путешествие продлится четыре часа, первая достопримечательность — Кратерное Озеро, в ста километрах на восток отсюда, в Горах Недоступности.

Пат не слушал знакомых фраз, он готовил машину к пуску. «Селена» была, в сущности, наземной разновидности космического корабля; это и естественно, ведь она

ходила в пустоте, и ее уязвимый груз нуждался в надежной защите от враждебной всему живому среды. Хотя «Селена» никогда не взлетала с поверхности Луны и приводилась в движение не ракетными двигателями, а электромоторами, все ее основное оборудование повторяло оснастку настоящей ракеты — и все полагалось проверять перед стартом.

Кислород — порядок. Двигатель — порядок. Радио — порядок. («Алло, Радуга, я «Селена», проверка. Принимаете мой маяк?») Стрелка инерциальной системы — на нуле. Камера перепада закрыта. Детектор утечек — порядок. Внутреннее освещение — порядок. Посадочный переход — отсоединен. И так далее, в общем, больше полусотни узлов, каждый из которых при неисправности автоматически сам подал бы сигнал. Но Пат Харрис, как и все работники космических служб, мечтавшие дожить до глубокой старости, никогда не полагался на автоматическую сигнализацию, если можно проверить самому.

Наконец все готово. Заработали почти бесшумные моторы, но гребные винты были еще в холостом положении, и сдерживаемая швартовыми «Селена» только чушь подрагивала. Пат слегка повернул лопасти левого винта; судно стало медленно разворачиваться вправо. Отойдя от здания вокзала, он лег на заданный курс и дал полный ход.

Судно отлично слушалось, несмотря на совсем новую конструкцию. Здесь нельзя было опереться на тысячелетний опыт, который человек начал копить еще в каменном веке, когда впервые спустил на воду бревно. «Селена» не знала никаких предшественников, она родилась в мозгу нескольких инженеров, которые, сев за чертежный стол, задались вопросом: «Какой должна быть машина, чтобы на ней можно было скользить по поверхности пылевого моря?»

Кто-то, вспомнив старину, предложил установить колеса на корме; но потом отдали предпочтение более эффективным винтам. Они ввинчивались в пыль, толкая «Селену» вперед, и кильватерная струя напоминала след небывало проворного крота, но она тотчас исчезала — и снова ровная гладь, никаких признаков того, что здесь прошло судно.

Приземистые герметические купола Порт-Рориса быстро уходили за горизонт. Меньше чем через десять минут они скрылись из виду, и «Селена» оказалась одна. Одна посреди чего-то такого, для чего ни в одном языке Земли еще не было настоящего имени.

Пат выключил моторы, дал судну остановиться и подождал, пока не воцарилась тишина. Он уже привык: пассажирам нужно какое-то время, чтобы осмыслить всю необычность того, что простерлось за иллюминаторами. Они пролетели сквозь космос, видя со всех сторон звезды, глядели вверх (или вниз?) на сияющий диск Земли, но это — это нечто совсем иное. Не суша и не море, не воздух и не космос — всего понемногу.

Прежде чем тишина стала гнетущей (пересаливать тоже нельзя, кто-нибудь может испугаться), Пат поднялся на ноги и обратился к пассажирам.

— Добрый вечер, леди и джентльмены,— заговорил он.— Надеюсь, мисс Уилкинз позаботилась, чтобы всем было удобно. Мы остановились потому, что это место очень подходит для первого знакомства с Морем. Тут можно, так сказать, почувствовать его.

Пат Харрис указал на иллюминаторы и призрачное серое поле за ними.

— Как вы думаете,— тихо спросил он,— сколько здесь до горизонта? Или: каким показался бы вам человек, если бы он стоял вон там, где звезды как будто встречаются с лунной поверхностью?

Полагаясь только на зрение, невозможно было точно ответить на его вопрос. Логика подсказывала: Луна очень мала, горизонт должен быть совсем близко. Но чувства спорили. «Этот мир,— говорили они,— совершенно плоский и простирается в бесконечность. Он рассек всю Вселенную надвое, и нет ему ни конца, ни края...»

Иллюзия не пропадала, даже когда человек узнавал ее причину. Глаз не может судить о расстоянии, если не на чем остановить взгляд, если он беспомощно скользит по унылой поверхности пылевого океана. Здесь не было даже того, что всегда есть на Земле,— атмосферы, легкой дымки, которая помогла бы определить, что ближе, а что дальше. И звезды — немигающие точки света — были одинаково ярки над головой и у горизонта.

— Хотите верьте, хотите нет,— продолжал Пат,— вы

видите всего на три километра — или около двух миль, если кто-нибудь из вас еще не привык к метрическим мерам. Я знаю, кажется, что до горизонта несколько световых лет, но вы могли бы дойти туда за двадцать минут, если бы только по этой пыли можно было ходить.

Он снова сел и пустил моторы.

— Теперь следующие шестьдесят километров ничего особенного не увидишь, — сказал он, не оборачиваясь, — так что поедем быстро.

«Селена» рванулась вперед. Впервые пассажиры по-настоящему ощутили скорость. Лопасты яростно взбивали пыль, кильватерная струя становилась длиннее, длиннее, и вот уже за кормой с обеих сторон выросли огромные призрачные шлейфы. Издали «Селена» могла бы показаться снежным плугом, который вспарывал залитый лунным светом зимний ландшафт. Но серые, плавно оседающие параболы были не снегом — а озаряющее их светило была планета Земля.

Пассажиры отдыхали, наслаждаясь ровным, почти неслышным движением. Каждому из них доводилось мчаться в сотни раз быстрее, когда они летели на Луну. Но в космосе скорость не чувствуется, вот почему стремительное скольжение по пыли захватывало куда больше. Пат заложил крутой вираж, «Селена» описала круг и едва не догнала невесомый шлейф, вскинутый к небу вращающимися лопастями. Казалось неестественным, что эта пудра взлетает и падает, не рассеиваясь, что сопротивление воздуха не сокрушает эти безупречные дуги. На Земле она висела бы в воздухе часами, а то и днями.

Как только судно легло на прямой курс и опять стало не на что глядеть, кроме пустынной равнины, пассажиры занялись предусмотрительно припасенной для них литературой. Всем были розданы фотопроекты, карты, сувениры («Настоящим удостоверяется, что мистер [миссис, мисс]... ходили по морям Луны на борту пылехода «Селена») и информационные брошюры. Здесь они могли найти все, что им хотелось знать о Море Жажды, пожалуй, даже немножко больше.

Они прочли, что почти вся Луна покрыта тонким, в несколько миллиметров, слоем пыли. Тут и «звездный прах» — обломки метеоритов, выпавших на незащищен-

ный лик Луны по меньшей мере за пять миллиардов лет,— и чешуйки лунных гор, которые ночью сжимаются, днем расширяются от резкой смены температур. Что бы ее ни рождало, пыль эта настолько мелка, что даже при здешнем незначительном тяготении струится, точно влага.

Тысячелетиями она стекала с гор на равнины, собираясь в лужи и озера. Первые исследователи Луны предвидели это явление и были к нему подготовлены. Но Море Жажды всех поразило: никто не ожидал найти чашу пыли более ста километров в поперечнике.

В сравнении с лунными «морями» она была очень мала, и астрономы никогда официально не признавали ее названия, подчеркивая, что она лишь часть Синус Рорис — Залива Росы. Разве можно, говорили они, называть морем часть залива?! И все-таки, несмотря на все их возражения, имя, придуманное кем-то из рекламного отдела «Лунтуриста», прикилось. Кстати, оно было ничуть не хуже названий других «морей» — Моря Облаков, Моря Дождей, Моря Спокойствия. Не говоря уже о Море Нектара.

Брошюра содержала также сведения успокоительные, чтобы развеять страхи наиболее нервных путешественников и доказать, что «Лунтурист» все предусмотрел. «Сделано все, чтобы обеспечить вашу безопасность,— говорилось в ней.— Запаса кислорода на «Селене» хватит больше чем на неделю, все важные системы дублированы. Автоматический радиомаяк регулярно сообщает на базу, где вы находитесь, и если даже совсем выйдет из строя силовая установка, вас быстро доставит обратно пылекат из Порт-Рориса. А главное, вам не надо бояться бурной погоды. Каким бы скверным моряком вы ни были, на Луне вам морская болезнь не грозит. Море Жажды не знает штормов, оно всегда спокойно».

Тот, кто написал эти слова, ничуть не покривил душой: можно ли было подозревать, что они вскоре будут опровергнуты?..

Пока «Селена» бесшумно скользила в ночи, жизнь Луны шла своим чередом. Кипучая деятельность сменила миллионы лет спячки, и за последние пятьдесят лет

на Луне произошло значительно больше событий, чем за предшествующие пять миллиардов. А что будет завтра?..

В первом парке первого города, который человек построил за пределами своей родной планеты, ходил по дорожкам главный администратор Ульсен. Как и все двадцать пять тысяч обитателей города Клавия, он очень гордился своим парком. Конечно, парк маленький, но уж не такой, каким его изобразил один болтун из телевидения — мол, это «оконный ящик, страдающий манией величия». И во всяком случае, на Земле ни в одном парке, саду и огороде нет подсолнухов высотой в десять метров! Высоко над головой плыли легкие облачка-барашки — вернее, так казалось. На самом деле это было всего лишь изображение, проектируемое изнутри на свод купола, но до того похожее на правду, что иногда главного администратора одолевала тоска по дому. По дому? Он поправил себя: его дом — здесь.

И все же в глубине души Ульсен знал, что это не так. Может быть, для его детей будет иначе; они настоящие лунные жители, появились на свет в Клавии. Он же родился в Стокгольме, на Земле, и связан с ней узами, которые с годами могут ослабнуть, но никогда не порвутся совсем.

Менее чем в километре от него, по соседству с главным куполом, начальник Управления лунного туризма Девис подвел итог последним поступлениям. Что ж, неплохо. Новый сезон принес рост доходов. Разумеется, на Луне нет времен года, но отмечено, что туристов становится больше, когда в Северном полушарии Земли наступает зима.

Как закрепить успех? Вечная проблема... Нельзя все время показывать одно и то же, туристам подавай разнообразие. Необычный ландшафт, слабое тяготение, вид на Землю, загадки Фарсайда, великолепное звездное небо, первые поселения (где, впрочем, далеко не всегда рады туристам) — что еще может предложить Луна? Как жаль, что нет на ней «туземцев» селенитов со странными обычаями и еще более странной внешностью, которых гости могли бы фотографировать. Увы, самый крупный представитель органического мира, обнаруженный на Луне, виден только в микроскоп, да и то его пред-

ки попали сюда с «Лунником 2», всего на десять лет раньше человека.

Начальник «Лунтуриста» мысленно перелистал последние письма, полученные по телефаксу: может быть, из них можно что-нибудь почерпнуть? Итак: очередной запрос какой-то телевизионной компании — горят желанием снять новый документальный фильм о Луне, при условии, что «Лунтурист» возьмет на себя все расходы. Ответ будет отрицательным: если принимать все любезные предложения такого рода, можно быстро прогореть.

Дальше — многословное послание его коллеги из туристской компании «Большого Нью-Орлеана». Предлагает обмен сотрудниками. Неизвестно, будет ли от этого толк Луне или Нью-Орлеану, но хоть расходов никаких и полезно для репутации «Лунтуриста». А вот следующее письмо действительно интересно: чемпион Австралии по водным лыжам спрашивает, пробовал ли кто-нибудь кататься по Морю Жажды.

А что — это идея! Как только никто до сих пор не додумался! Может быть, уже пробовали, цеплялись к «Селене» или пылекатам?.. Над этим стоит поразмыслить. Девис всегда старался придумать новые развлечения на Луне, и прогулка по Морю Жажды была его любимым детищем.

Он не знал, сколько мук принесет ему через несколько часов это детище.

ГЛАВА 2

Линия горизонта, к которому мчалась «Селена», изменилась: где была безусловно ровная дуга, выросла зубчатая цепь гор. Казалось, они медленно поднимаются к небу, точно на могучем лифте.

— Горы Недоступности, — объявила мисс Уилкинз. — Названы так потому, что окружены со всех сторон Морем. И к тому же они намного круче большинства лунных гор.

Она не стала развивать эту тему; ведь большинство лунных пиков разочаровывают, когда видишь их вблизи. Огромные кратеры, такие внушительные на фотографиях, снятых с Земли, оказываются пологими холмами.

Вечерние и утренние тени сильно искажают рельеф. На всей Луне нет ни одного кратера, склоны которого могли бы крутизной сравниться с улицами Сан-Франциско, их можно одолеть даже на велосипеде. Но из брошюр «Лунтуриста» об этом не узнаешь, в них показаны только наиболее эффектные скалы и каньоны, умело снятые.

— Горы эти еще по-настоящему не исследованы,— продолжала мисс Уилкинз.— В прошлом году мы забросили туда отряд геологов. Высадили их как раз на том мысу, но им удалось пройти всего несколько километров. Там может быть все, что угодно, мы пока просто ничего не знаем.

«Молодец,— подумал Пат.— Хороший гид: знает, что объяснять подробно, а где оставить простор для воображения...» Сю говорила спокойно, непринужденно, ничего похожего на унылый речитатив — профессиональный порок большинства гидов. И она хорошо знала свой предмет, могла ответить почти на любой вопрос. Словом, незаурядная молодая особа; и хотя мисс Уилкинз очень нравилась Пату, в глубине души он чуточку побаивался ее.

Приближающиеся горы приковали к себе взгляды восхищенных пассажиров. Тайнственный уголок все еще таинственной Луны... Посреди необычного моря вздымался остров, заманчивый орешек для следующего поколения исследователей. Вопреки названию, добраться до Гор Недоступности теперь было не так уж трудно, но пока не изучены миллионы квадратных километров местности, которую нужно освоить в первую очередь, им придется подождать.

Еще немного, и «Селена» войдет в тень... Прежде чем пассажиры успели понять, что происходит, Земля скрылась за горами. Ее свет серебрил высокие вершины, но внизу царил крошечный мрак.

— Сейчас я выключу внутреннее освещение,— сказала стюардесса.— Тогда вам будет лучше видно.

И едва погас тусклый красноватый свет, каждый почувствовал себя так, словно он один в лунной ночи. Даже отблеск на вершинах пропал, когда пылеход еще больше углубился в тень. Остались только звезды — холодные немеркнущие огоньки, окруженные тьмой, такой непроглядной, что делалось не по себе.

Среди россыпи звезд трудно было отличить знакомые созвездия. Глаз путался в узорах, которые нельзя увидеть с Земли, терялся в сверкающем хаосе скоплений и туманностей. В этой блистательной панораме был только один безошибочный ориентир — яркий маяк Венеры, которая затмевала все остальные небесные тела, возвещая близость рассвета.

Прошло несколько минут, прежде чем путешественники заметили, что не только в небесах есть на что подивиться. За мчащимся пылеходом тянулась длинная фосфоресцирующая кильватерная струя, словно какой-нибудь волшебник пальцем провел светящуюся черту на мрачной и пыльной поверхности Луны. «Селена» отразила себе кометный хвост, совсем как ночной корабль в тропическом океане на Земле.

Но здесь не было никаких микроорганизмов, и не они озаряли безжизненное море своими крохотными светильниками, а разряжающиеся пылинки, в которых стремительная «Селена» вызывала статический заряд. Очень просто — и удивительно красиво; в ночном мраке за кормой корабля непрерывно разматывалась сверкающая лента, будто Млечный Путь отразился в глади моря.

Вдруг огненная струя растворилась в потоке света: Пат включил прожектор. За иллюминаторами, в опасной близости скользила назад каменная стена. Здесь склон горы вздымался почти отвесно из пылевого моря, и не угадаешь, высоко ли, видя только овал, выхваченный прожектором из крошечной тьмы.

Кавказ, Скалистые горы и Альпы — карлики перед этими горами. На Земле эрозия точит хребты с первого дня их возникновения, несколько миллионов лет — и от былой громады одна тень остается. А на Луне — ни дождей, ни ветров; ничто не разрушает скалы, если не считать ночного холода, от которого даже камень трескается, невыразимо медленно отслаивая мельчайшие пылинки. Лунные горы такие же древние, как породивший их мир...

Пат гордился своим умением «показать» Луну. Следующий номер он готовил особенно тщательно. Очень рискованно на первый взгляд, на деле же никакой опасности: ведь «Селена» проходила тут десятки раз, и электронная память системы управления знала путь лучше

любого штурмана. Он внезапно выключил прожектор, и тут пассажиры увидели, что под покровом мрака с другой стороны тоже вплотную подступили горы.

В почти полной тьме «Селена» мчалась по узкому каньону, мчалась не прямо, а непрерывно лавируя между незримыми преградами. Честно говоря, некоторых преград вообще не существовало; днем, на минимальной скорости, Пат запрограммировал маршрут так, чтобы ночью дух захватывало. Крики испуга и восторга за его спиной подтверждали, что аттракцион удался.

Теперь была видна лишь узенькая полоса звезд далеко вверху; она извивалась сумасшедшими петлями, повторяя замысловатый бег пылехода. Пробег по «Ночной аллее», как про себя называл Пат эту часть маршрута, длился всего около пяти минут, но эти минуты казались часами. И когда капитан снова включил прожекторы, так что «Селена» очутилась в середине огромного светового круга, у пассажиров вырвался вздох облегчения, смешанного с разочарованием. Да, не скоро они забудут «Ночную аллею»!..

В свете прожекторов стало видно, что стены постепенно раздвигаются, и вот уже каньон сменился почти овальным амфитеатром шириной около трех километров — сердце вулкана, которое разорвалось в незапамятные времена, когда даже древняя Луна была молодой.

Кратер был очень мал по лунным меркам, но весьма примечателен. Вездесущая пыль тысячелетиями текла в него по каньону, и туристы с Земли могли удобно путешествовать в котле, где некогда бушевало адское пламя. Это пламя угасло задолго до зарождения земной жизни и никогда не вспыхнет вновь, но были на Луне другие силы — они не умерли и только выжидали своего часа...

Когда «Селена» медленно пошла по кругу вдоль скал, не один пассажир невольно вспомнил катание на горных озерах на Земле. Та же чуткая тишина, то же ощущение бездонной глубины внизу. На Земле много кратерных озер; на Луне только одно, хотя здесь несравненно больше кратеров.

Пат не торопился, сделал два полных круга. Сейчас только и полюбоваться озером. Днем, в яростных лучах ослепительного солнца, оно сильно проигрывало; теперь

же казалось порождением лихорадочной фантазии Эдгара По. Там, где кончалась световая полоса, глазу чудились странные движущиеся фигуры. Разумеется, воображение: в этом краю ничто не движется, кроме теней, рожденных Солнцем и Землей. Не может быть привидений в мире, который никогда не знал жизни.

Но пора поворачивать обратно, выходить через каньон в открытое море. Пат нацелил тупой нос «Селены» на узкие ворота в горах, и снова их обступили высокие кручи. Теперь капитан не выключал прожекторов, пусть пассажиры видят путь; к тому же второй раз аттракцион не произведет столь сильного впечатления.

Далеко впереди родился свет, который мягко озарял скалы и утесы. Даже в последней четверти Земля ярче десяти полных лун, и как только пылеход вынырнул из тени гор, она вновь стала главным светилом. Двадцать два пассажира «Селены» восхищенно смотрели на красивый и яркий голубовато-зеленый полукруг. Удивительно, когда глядишь издали,— родные поля, озера, леса излучают такое волшебное сияние! Пожалуй, в этом заключен мудрый урок: чтобы оценить свой собственный мир, нужно увидеть его из космоса...

А сколько глаз устремлено сейчас с Земли на прибывающую Луну, вечную спутницу, которая теперь важна людям как никогда? И не исключено, что кто-то в этот самый миг всматривается через мощный телескоп в крохотную искорку скользящей в лунной ночи «Селены». Но когда искорка погаснет, ее исчезновение ничего не скажет земному наблюдателю.

Миллионы лет в глубинах у подножия гор, словно исполинский нарыв, рос этот пузырь. Сколько длится история человечества, из живых еще лунных недр сочился по трещинам газ и накапливался в пустотах, в сотнях метров от поверхности. На Земле один за другим сменялись ледниковые периоды, а здесь пустоты разрастались вширь, ввысь, сливались между собой. И настала пора нарыву прорваться.

Капитан Харрис, передав управление автопилоту, разговаривал с пассажирами, когда судно тряхнул первый толчок. «Должно быть, винт что-то задел»,— успел он подумать. В следующий миг у него буквально почва ушла из-под ног.



*...Как только пылеход вынырнул из-под тени гор, земля вновь стала
главным светилом.*

Это происходило медленно — на Луне все падает медленно. Впереди «Селены» на площади в много акров над гладкой равниной вздулся бугор, и море ожило, заколыхалось под действием сил, которые пробудили его от тысячелетнего сна. Посреди бугра открылась воронка — словно в пылевой толще возник гигантский водоворот. И каждая подробность этого кошмара была отчетливо видна в свете Земли, пока кратер не углубился настолько, что его противоположная стенка окуталась густой тенью. Казалось, «Селена» сейчас врежется в черный полумесяц и разобьется вдребезги. Действительность была немногим лучше. Когда Пат схватился за рычаги, судно уже катилось и скользило вниз по коварному откосу. Собственная инерция и ускоряющийся поток пыли увлекали его в пучину. Оставалось только всеми силами удерживать «Селену» на ровном киле и надеяться, что она с ходу выскочит вверх по противоположному склону раньше, чем провалится дно кратера.

Возможно, пассажиры кричали — Пат ничего не слышал. Все его внимание сосредоточилось на этом зловещем склоне и на том, как не дать судну опрокинуться. И еще: пока он лихорадочно маневрировал, форсируя то один, то другой двигатель, его преследовало смутное воспоминание... Где-то, когда-то он уже видел такую же катастрофу.

Конечно, вздор, но почему он никак не может отделаться от этой мысли?.. И лишь когда Пат очутился на дне и увидел бесконечную пылевую лавину, которая начиналась от обрамленного звездами края воронки, на миг разорвалась завеса.

...Летний день, он — маленький мальчик — играет в горячем песке. Увидел ровную ямку с гладкими стенками, в глубине ее что-то шевелилось, зарывшись в песок так, что только челюсти торчали. Что это такое? Мальчик смотрел и ждал, словно угадывая, что скоро на этой крохотной сцене разыграется драма. Откуда ни возьмись, муравей, поглощенный своими муравьиными делами. Подбежал к краю ямки... поскользнулся — и поехал по стенке вниз!..

Конечно, муравей легко одолел бы подъем, но едва первые песчинки скатились на дно ямки, злобное чудовище вышло из засады. Оно обрушило фонтан песка на

жертву, и муравей вместе с песчаной лавиной съехал в кратер.

В точности, как сейчас «Селена»... Конечно, не муравьиный лев вырыл яму на поверхности Луны, но Пат чувствовал себя таким же беспомощным, как тот муравей. Он тоже карабкался вверх, вверх, к спасительному краю, борясь с потоком пыли, который нес его навстречу смерти. Муравья ждала смерть скорая, Пата и его спутников — долгая.

Напрягая всю мощь, моторы толкали судно вперед, но слишком медленно. Пылевая лавина набирала скорость, и что хуже всего — пыль поднималась вверх вдоль бортов «Селены». Достигла иллюминаторов... выше... выше... совсем закрыла! В тот самый миг, когда Пат выключил моторы, чтобы не сгорели от непосильного напряжения, пыль скрыла последний отсвет убывающей Земли. Окруженные мраком и безмолвием, они погружались в недра Луны.

ГЛАВА 3

На радиопульте диспетчерской Эртсайд — Север беспокойно стрекотала одна из секций электронной памяти. Двадцать часов одна секунда по гринвичскому времени; серия импульсов, когорая должна автоматически поступать на пульт каждый час, не пришла.

С быстротой, недоступной человеческому разуму, горсточка ячеек и микроскопических реле «перелистала» свои инструкции. «Ждать пять секунд, — гласил кодированный приказ. — Если ничего не изменится, включить цепь 10011001».

Крохотная секция электронного диспетчера терпеливо выждала этот огромный промежуток времени, за который можно было сложить сто миллионов двадцатизначных чисел или перепечатать содержание почти всех книг Библиотеки конгресса США. Затем она включила цепь 10011001.

Высоко над поверхностью Луны, с антенны, которая была нацелена на земной диск, улетел в космос радиопульс. За одну шестую секунды он прошел пятьдесят тысяч километров до спутника связи «Лагранж-2», как бы подвешенного между Луной и Землей. Еще через одну

шестую секунды многократно усиленный импульс вернулся, обдав потоком электронов северное полушарие Эртсайда (так на Луне называли видимую с Земли сторону, обратная называлась Фарсайд).

Если перевести на человеческую речь, он нес очень простое сообщение: «Алло, «Селена», не слышу вашего сигнала. Прошу тотчас ответить».

Диспетчер подождал еще пять секунд, потом опять послал импульс. И еще раз. В электронном мире проходили геологические эпохи, но терпение машины было беспредельно.

Диспетчер вновь обратился к инструкциям. Последовал новый приказ: «Включить цепь 10101010». Машина подчинилась, и одна из зеленых лампочек в диспетчерской внезапно сменилась красной, одновременно зуммер принялся распиливать воздух сигналом тревоги. Только теперь и люди тоже узнали, что где-то на Луне случилась беда.

Поначалу новость распространялась медленно: главный администратор не одобрял беспричинной паники. Еще меньше ее одобрял начальник «Лунтуриста» Девис; аварии и тревоги только все дело портят, даже если — как это бывало в девяти случаях из десяти — оказывалось, что повинны перегоревшие предохранители, неисправные выключатели или чрезмерно чувствительные сигнализаторы. Но на Луне полагалось ежеминутно быть настороже. Лучше отозваться на воображаемую опасность, чем прозевать действительную.

Наконец Девис неохотно признал, что на этот раз опасность не воображаемая. Был и раньше случай, когда автоматический маяк «Селены» не сработал, но Пат Харрис ответил, как только его вызвали на волне пылехода. Теперь же судно молчит. «Селена» не отзывалась даже на аварийной волне, которой пользовались только при крайней надобности. Узнав об этом, Девис поспешно покинул вышку «Лунтуриста» и по крытому ходу прошел в Клавий.

У входа в диспетчерскую он встретил главного инженера Лоуренса. Скверный признак: значит, кто-то предполагает, что понадобится спасательная операция. Они озабоченно поглядели друг на друга, думая одно и то же.

— Надеюсь, не вам нужна моя помощь? — сказал

Лоуренс.— В чем дело? Я знаю только, что послан вызов на аварийной волне. Какой корабль?

— Не корабль... «Селена» не отвечает, она в Море Жажды.

— В Море Жажды?! Если с ней там что-нибудь случилось, мы можем добраться туда только на пылекатах. Сколько раз я говорил: прежде чем возить туристов, нужно ввести в строй второй пылеход.

— Я говорил то же самое, но Финансовое управление наложило вето. Дескать, второго не будет, пока «Селена» не докажет, что способна дать прибыль.

— Как бы она вместо этого не дала материал газетам,— мрачно отозвался Лоуренс.— Вы знаете мое отношение к туризму на Луне.

Девис знал, отлично знал; они уже давно грызлись по этому поводу. Но впервые ему пришло в голову, что главный инженер, возможно, не так уж и неправ.

В диспетчерской, как всегда, было очень тихо. На больших стенных картах мелькали зеленые и желтые огоньки, обыденные и мало примечательные рядом с тревожным красным сигналом. За пультами «Воздух», «Энергетика», «Радиация», подобно ангелам-хранителям, сидели дежурные инженеры, ответственные за безопасность на одной четверти Луны.

— Ничего нового,— доложил дежурный по НТ (наземному транспорту).— Мы все еще в полном неведении. Знаем только, что они где-то на Море.— Он начертил круг на крупномасштабной карте.— Если не сбились безнадежно с курса, должны быть где-то в этом районе. В момент контроля в 19.00 судно было на своем маршруте, отклонение не больше километра. В 20.00 сигнал не поступил; значит, авария произошла за эти шестьдесят минут.

— Сколько может «Селена» пройти за час? — спросил кто-то.

— Максимальная скорость — сто двадцать километров,— ответил Девис.— Но обычно она делает меньше ста. Экскурсия, зачем спешить...

Он упорно смотрел на карту, точно надеясь пристальным взглядом вырвать у нее ответ.

— Если они в Море, найти их недолго. Вы уже послали пылекаты?

— Нет, я ждал распоряжения.

Девис поглядел на главного инженера, который на этой стороне Луны был старшим начальником после администратора Ульсена. Лоуренс медленно кивнул.

— Высылайте,— сказал он.— Но не надейтесь на скорый ответ! Нужно немало времени, чтобы обследовать несколько тысяч квадратных километров, тем более ночью. Прикажите им идти вдоль маршрута, начиная с последней известной позиции. И пусть захватят возможно более широкую полосу.

Как только распоряжение было передано, Девис тревожно спросил:

— Что, по-вашему, могло случиться?

— Выбор невелик. Судя по тому, что они ничего не успели сообщить, авария была внезапной. Значит, скорее всего — взрыв.

Девис побледнел. Вероятность диверсий не исключена, и неизвестно, что тут делать. Космические средства передвижения уязвимы, поэтому они, как это прежде было с самолетами, неудержимо привлекают некоторых преступников. Он вспомнил корабль «Арго» — летел на Венеру и был уничтожен каким-то маньяком, задумавшим свести счеты с одним из пассажиров, который его и не знал-то как следует. Погибло двести человек, в том числе женщины и дети.

— Может быть и столкновение,— продолжал главный.— Судно могло на что-нибудь наскочить.

— Харрис очень осторожный капитан,— возразил Девис.— Он десятки раз ходил этим маршрутом.

— Никто не застрахован от ошибок... При земном свете легко просчитаться, определяя расстояние.

Девис уже не слушал его, он думал о том, что обязан предпринять, если дело обернется совсем плохо. Надо, не откладывая, связаться с юристами, узнать насчет возмещения. Стоит любому из родственников предъявить «Лунтуристу» иск на несколько миллионов долларов, и никакая реклама не заманит туристов в следующем году, даже если Девис выиграет дело.

Дежурный по НТ нервно кашлянул.

— Разрешите предложить,— обратился он к главному инженеру.— Давайте запросим «Лагранж»? Может быть, астрономы сверху что-нибудь приметят.

— Ночью? — недоверчиво спросил Девис. — За пятьдесят тысяч километров?

— Очень даже просто, если прожекторы «Селены» еще горят. Пусть попробуют.

— Отличная мысль, — сказал главный инженер. — Свяжитесь немедленно.

Он должен был сам об этом подумать. Может быть, еще что-нибудь упустил?.. Лоуренсу не впервые приходилось вступать в поединок с этим прекрасным и своенравным миром, таким волнующим в свои добрые минуты и таким грозным в приступе гнева. Луна — не Земля, она никогда не будет полностью приручена. И это, пожалуй, хорошо: ведь именно зов ее дикой природы и постоянный привкус риска манит сюда и туристов, и исследователей. Конечно, без туристов было бы спокойнее, но если бы не они, он получал бы меньше жалованья.

А теперь — пора собираться в путь. Конечно, все еще может кончиться благополучно. «Селена» объявится, даже не подозревая, какой переполох вызвала. Но Лоуренс почему-то сомневался в этом, и чем дальше, тем больше росла его тревога. Еще часок можно подождать; потом он отправится на суборбитальной ракете местного сообщения в Порт-Рорис, а оттуда — к ожидающему его врагу, Морю Жажды...

Когда красный сигнал тревоги замигал на «Лагранже», доктор философии Томас Лоусон крепко спал. Проснувшись, он в первый миг рассердился: хотя двух часов сна в сутки достаточно в невесомости, обидно, когда тебя и этого лишают! Но тут до него дошел смысл радиogramмы, и сон как рукой сняло. Кажется, наконец-то представился случай сделать что-то полезное!

Том Лоусон скверно чувствовал себя на «Лагранже-2». Он мечтал о научной работе, а здесь просто нельзя сосредоточиться. Балансирующий на некоем космическом канате между Луной и Землей (один из эффектов закона тяготения) спутник был для космонавтов таким мальчишкой на побегушках. Корабли, пролетая мимо, проверяли по нему свое место, использовали его как узел связи, только что не подходили к нему за письмами... «Лагранж» был также релейной станцией почти для всех

каналов лунной радиосвязи, ведь под ним простерлась видимая с Земли сторона.

Стосантиметровый телескоп был рассчитан на наблюдение объектов, удаленных в миллиарды раз больше, чем Луна, но он отлично подходил для задания, которое сейчас получил Лоусон. На таком близком расстоянии вид был великолепный даже при самом малом увеличении. Том парил как раз над Морем Дождей, глядя на озаренные утренним солнцем острые пики Апеннин. Он плохо знал географию Луны, однако мог без труда различать великие кратеры Архимеда и Платона, Аристиппа и Евдокса, черный шрам Альпийской долины, одинокую пирамиду Пико, от которой по равнине тянулась длинная тень.

Но дневная область сейчас не занимала Лоусона; предмет, который он искал, находился в затемненном полушарии, где еще не взошло солнце. В чем-то это даже облегчало его задачу: можно будет без труда обнаружить сигнальную вспышку — даже огонек карманного фонарика. Он сверил координаты по карте и нажал кнопки управления телескопом. Воспламененные восходом горы ушли в сторону, уступив место плотному мраку лунной ночи, который только что поглотил два десятка человек...

Сперва Лоусон ничего не увидел — и уж во всяком случае ничего похожего на мигающий фонарь, который слал бы свой призыв к звездам. Потом, когда свыклись глаза, он обнаружил, что внизу царит не полный мрак: освещенная Землей лунная поверхность источала призрачное сияние. И чем дольше он глядел, тем больше подробностей различал.

Вот горы к востоку от Залива Радуги ждут надвигающегося рассвета... А вот — постой, что это еще за звезда там, в темноте?! Но родившаяся было надежда тотчас умерла, Том видел всего-навсего огни Порт-Рориса, где в этот миг с таким нетерпением ждали, что он скажет.

Несколько минут — и он понял: визуальное исследование ничего не даст. Иное дело днем, — он сразу обнаружил бы «Селену» по длинной тени, которую она должна отбрасывать на Море. Теперь же, когда Луна озарена лишь слабым светом Земли, глаз человека недостаточно чувствителен, чтобы с высоты пятидесяти тысяч

километров различить предмет размерами не больше автобуса.

Впрочем, это не обескуражило Тома. Он и не ожидал, что с первой попытки найдет судно. Прошло полтора столетия с тех пор, как астрономы могли полагаться лишь на собственные глаза; теперь у них были куда более тонкие приборы — целый арсенал усилителей света и детекторов излучения. Лоусон не сомневался, что один из этих приборов отыщет «Селену».

Он не был бы так уверен, если бы знал, что «Селены» нет на поверхности Луны...

ГЛАВА 4

«Селена» уже остановилась, а ошеломленные пассажиры все еще сидели молча. Капитан Харрис первым пришел в себя — он единственный из всех догадывался, что произошло.

Ясно: подземная пустота. Они здесь не редкость, хотя под Морем Жажды их до сих пор не находили. Что-то обрушилось в недрах Луны. И вполне возможно, что вес «Селены», как он ни мал, оказался последней каплей. Пат тяжело поднялся на ноги, спрашивая себя, что и как говорить пассажирам. Тут уж не сделаешь вид, будто все в порядке и через пять минут судно пойдет дальше своим курсом. А сказать всю правду — начнется паника. Конечно, рано или поздно придется открыть истину, но сейчас главное успокоить людей.

Он поймал взгляд мисс Уилкинз. Бледная, но собранная, она стояла в задней части кабины, за напряженно ожидающими пассажирами. Пат Харрис знал, что может на нее положиться, и ободряюще улыбнулся ей.

— Кажется, нам не повезло, — непринужденно заговорил он. — Небольшая авария, как вы, очевидно, сами заметили. Могло быть и хуже.

«Например? — мысленно спросил он себя. — Ну, скажем, пробойна в корпусе... По-твоему, лучше продлить агонию?» Усилием воли Пат прекратил внутренний монолог.

— Произошел обвал — лунотрясение, если хотите. Тревожиться нечего. Даже если мы не выберемся сами,

Порт-Рорис, не мешкая, пришлет кого-нибудь нам на помощь. А пока... Мисс Уилкинз как раз собиралась разнести закуски. Итак, отдохните, а я тем временем, э-э-э, приму надлежащие меры.

Кажется, все сошло хорошо. Пат мысленно вздохнул и повернулся к пульта управления, но в тот же миг заметил, что один из пассажиров закуривает сигарету.

Непроизвольное действие... Он и сам бы не прочь закурить. Чтобы не портить эффект от своей маленькой речи, Пат не стал ничего говорить, однако его взгляд сказал пассажиру все, что требовалось. Сигарета была потушена прежде, чем капитан успел сесть в свое кресло.

Он включил приемник, но еще раньше за его спиной начался оживленный разговор. Когда говоряг несколько человек сразу, можно определить их настроение, даже если не разбираешь отдельных слов. Пат Харрис уловил недовольство, возбуждение, даже веселье, но страха пока не было заметно. Видимо, говорящие не отдавали себе полного отчета в том, насколько серьезна опасность. А те, кто понял, молчали.

Молчал и эфир. Пат прошелся по всем волнам, но услышал только слабый треск — разряды в толще сгоревшей их пыли. Ничего удивительного: это проклятое вещество содержит много металла и создает почти идеальный экран. Оно не пропустит ни радиоволн, ни звуков; пытаться что-нибудь передать отсюда — все равно что кричать, стоя на дне колодца, заполненного перьями.

Пат подключил к маяку мощный каскад аварийной частоты, чтобы он автоматически посылал сигналы бедствия. Если что-нибудь пробьется наружу, то только на этой волне. Вызывать Порт-Рорис бесполезно, к тому же его бесплодные попытки только встревожат пассажиров. Приемник он оставил включенным на рабочей волне «Селены» — вдруг кто-нибудь отзовется? Пат знал, что это невозможно. Никто их не услышит, и никто с ними не заговорит. Они так прочно отрезаны от всего человечества, словно его вовсе не существует.

И хватит думать об этом, у него слишком много других дел. Он тщательно проверил показания приборов. Все было в норме, разве что чуть повысилась температура воздуха внутри кабины. Но и это только естественно: пылевое одеяло защищает их от космического холода.

Толщина этого одеяла и его вес особенно заботили капитана. На «Селену» давят тысячи тонн пыли, а ведь ее корпус рассчитан на сопротивление давлению изнутри, не извне. Если судно погрузится слишком глубоко, корпус лопнет, как яичная скорлупа.

На какой глубине они сейчас? Когда скрылся из виду последний клочок звездного неба, до поверхности было метров десять, но дальнейшая осадка пыли могла затем увлечь «Селену» гораздо глубже. Пожалуй, стоит — хоть это увеличит расход кислорода — поднять внутреннее давление и таким образом отчасти компенсировать наружное.

Очень медленно, чтобы никому не заложило уши и его маневр не вызвал тревогу, Пат Харрис повысил давление воздуха в кабине на двадцать процентов. После этого у него стало немного легче на душе. И не только у него: едва стрелка манометра остановилась на новом делении, спокойный голос за спиной капитана произнес:

— Отличная мысль.

Кто это сует нос в его дела? Пат круто обернулся, но сердитые слова не сорвались с его языка. Во время посадки капитан в спешке не заметил среди пассажиров ни одного знакомого лица — и однако он явно где-то видел плечистого седого мужчину, который стоял сейчас рядом с его креслом.

— Я не хочу навязываться, капитан, вы здесь начальник. Но разрешите все-таки представиться — вдруг я смогу чем-нибудь помочь. Коммодор Ханстен.

Разинув рот, Пат округлившимися глазами смотрел на человека, который руководил первой экспедицией на Плутон и возглавлял список покорителей планет и лун. От удивления он смог только вымолвить:

— Вас не было в списке пассажиров!

Коммодор улыбнулся.

— Да, я записался как Хансон. Я и в отставке не потерял вкуса к путешествиям, но командуют пусть другие. Стоило мне сбрить бороду, и меня уже никто не узнаёт.

— Я очень рад, что вы здесь, — горячо произнес Пат.

Словно кто-то снял часть бремени с его плеч. Еще бы: этот человек будет надежной опорой в трудные часы — или дни, — которые им предстоят.

— Если вы не против,— вежливо продолжал Ханстен,— хотелось бы прикинуть наши возможности. Или попросту говоря: сколько мы можем выдержать?

— Это зависит от кислорода, как всегда. Нашего запаса хватит на семь дней, если не будет утечек. Пока их вроде нет.

— Значит, есть время все продумать. А как с продовольствием, водой?

— Сыты не будем, но с голоду не умрем. Есть аварийный запас концентратов, воздухоочистители обеспечат нас водой. Словом, это не проблема.

— Электроэнергия?

— Сколько угодно, ведь моторы теперь ничего не потребляют.

— Я заметил, что вы даже не пробовали вызвать Базу.

— Ни к чему, мы экранированы пылью. Я включил маяк на аварийной волне — единственная и очень слабая надежда пробить экран...

— Придется им изобретать что-то еще. Как вы думаете, долго они нас проищут?

— Это очень трудно сказать. Розыски начнутся, как только обнаружат, что в 20.00 не поступил наш сигнал. Район, где мы исчезли, определяют быстро. Но ведь мы, наверное, не оставили никаких следов на поверхности. Вы сами видели, эта пыль все поглощает. И даже когда нас найдут...

— Как они нас выручат?

— Вот именно.

Капитан двадцатиместного пылехода и коммодор космических кораблей смотрели друг на друга, думая об одном и том же. Вдруг кто-то, судя по выговору, чистокровный англичанин, воскликнул, перекрывая гул разговора:

— Уверяю вас, мисс, это первая приличная чашка чаю, которую я пью на Луне. Я уже решил было, что здесь вообще не умеют его заваривать. Вы молодец!

Коммодор тихо рассмеялся.

— Он должен вас благодарить, а не стюардессу,— сказал он, кивая на манометр.

Пат вяло улыбнулся в ответ. Что верно, то верно: теперь, когда он увеличил давление внутри кабины, вода

закипает почти при обычной температуре, как на Земле. И можно получить хороший горячий напиток, а не теплую бурду. Конечно, экстравагантный способ готовить чай — совсем как в анекдоте, когда сожгли дом, чтобы изжарить свинью...

— Главное, — снова заговорил коммодор, — не дать пассажирам пасть духом. Попробуйте подбодрить их, расскажите, как ведутся поиски. Только не переигрывайте, не создавайте впечатления, что не пройдет и получаса, как к нам постучатся снаружи. Это может осложнить дело, если... скажем, если придется ждать несколько дней.

— Описать нашу спасательную организацию недолго, — ответил Пат. — Но откровенно говоря, она не рассчитана на такие случаи, как этот. Если корабль терпит аварию на поверхности Луны, его легко найти с одного из спутников — «Лагранж-2» над Эртсайдом, «Лагранж-1» — над Фарсайдом. Но они вряд ли помогут. Я уже говорил: следов-то нет.

— Не знаю, не верится. Когда на Земле тонет корабль, всегда остаются следы: пузыри, масляные круги на поверхности, обломки.

— Так то на Земле. Глубоко ли мы или мелко, отсюда ничего не всплывет.

— Остается только ждать?

— Да, — подтвердил Пат. Взглянул на шкалу кислородного манометра и добавил: — Одно ясно: мы можем ждать не больше недели.

На высоте пятидесяти тысяч километров над Луной Том Лоусон отложил в сторону последний из сделанных им фотоснимков. Он исследовал в лупу каждый квадратный миллиметр отпечатков. Качество снимков превосходное. Электронный усилитель изображения, в миллионы раз чувствительнее человеческого глаза, выявил все детали так четко, словно над равниной уже взошло солнце. Лоусон нашел даже один из пылекатов — вернее, его длинную тень. Но никаких признаков «Селены»... Море было такое же ровное и гладкое, как и до появления человека на Луне. Наверное, таким же оно будет и через много веков после того, как люди исчезнут.

Том не любил признавать себя побежденным, даже в гораздо менее серьезных вопросах. Он твердо верил, что любую задачу можно решить, надо лишь правильно взяться и применить верные средства. Самолюбие ученого было задето; что речь идет о жизни многих людей, его почти не трогало. Лоусона мало интересовали люди, зато Вселенную он уважал. Между ним и ею шел своего рода поединок.

Он придирчиво и бесстрастно оценил обстановку. Как подошел бы к этой задаче великий Холмс? (Типично для Тома: человек, которого он искренне почитал, никогда не жил на свете.) В открытом Море «Селены» нет, остается только одна возможность. Катастрофа произошла неподалеку от берега или где-то возле гор. Скорее всего, в районе, известном под названием (он сверился с картой) Кратерного Озера. Да, все говорит о том, что авария случилась здесь, а не на гладкой, свободной от каких-либо препятствий равнине.

Том Лоусон снова стал рассматривать фотографии, придирчиво изучая горы. И тотчас столкнулся с новой трудностью. По краю Моря торчали десятки обособленных глыб, и любая из них могла быть пропавшим пылеходом. Но что хуже всего — многие участки он не мог как следует разглядеть, горы их заслоняли. С «Лагранжа» Луна представлялась шаром, и перспектива была сильно искажена. Кратерного Озера он вообще не видел из-за гор. Тома не выручало даже то, что он парил на огромной высоте; только пылекаты смогут обследовать тот район.

Нужно вызвать Эртсайд и доложить о том, что уже сделано.

— Говорит Лоусон, «Лагранж-2», — начал он, когда узел связи включил его в сеть. — Я осмотрел Море Жажды, посреди равнины ничего нет. Видимо, ваше судно наскочило на мель у берега.

— Спасибо, — произнес удрученный голос. — Вы уверены?

— Вполне. Я различаю ваши пылекаты, а они в четыре раза меньше «Селены».

— Есть что-нибудь приметное вдоль берегов Моря?

— Слишком много мелких деталей, нельзя сказать ничего определенного. Вижу пятьдесят, сто предметов

того же размера, что «Селена». Как только взойдет солнце, сумею разглядеть их получше. Сейчас там ночь, не забывайте.

— Мы вам очень благодарны за помощь. Сообщите, как только найдется что-нибудь.

В Клавии начальник «Лунтуриста» с грустью слушал доклад Лоусона. Ничего не поделаешь, пора извещать ближайших родственников... Дальше хранить тайну неразумно, да и просто невозможно.

Обратившись к дежурному по НТ, он спросил:

— Список пассажиров получен?

— Как раз передают по телефаксу из Порт-Рориса. Готово.— Дежурный протянул Девису тонкий листок.— Кто-нибудь важный на борту?

— Все туристы одинаково важны,— холодно ответил начальник управления, не поднимая головы. И тут же воскликнул: — Господи!

— В чем дело?

— Коммодор Ханстен на «Селене».

— Ханстен? Я не знал, что он на Луне!

— Мы держали это в секрете. Задумали привлечь его в «Лунтурист», все равно он ушел в отставку. Коммодор ответил, что сперва хотел бы осмотреться, и обязательно инкогнито.

Оба замолчали, размышляя об иронии судьбы. Один из величайших героев космоса — и вот, пропал без вести, как рядовой турист в дурацкой аварии на задворках Земли...

— Да, на беду себе отправился коммодор на экскурсию,— произнес наконец дежурный.— Или на счастье остальным пассажирам. Если они еще живы.

— Вот именно: теперь, когда и обсерватория подвела, только счастье может их выручить,— сказал Девис.

Но он поторопился сбрасывать со счета «Лагранж-2», у доктора Тома Лоусона были еще в запасе козыри.

Были они и у члена общества иезуитов, преподобного Винсента Ферраро, ученого совсем другого склада. Жаль, что ему и Тому Лоусону не доведется встретиться — получился бы великолепный фейерверк! Отец Ферраро верил в бога и человека, доктор Лоусон не верил ни в того, ни в другого.

Винсент Ферраро начинал свою научную карьеру гео-

физиком, затем променял один мир на другой и превратился в селенофизика — впрочем, это звание он вспоминал, лишь когда становился педантом. Никто не знал о недрах Луны столько, сколько он; добывать эти знания Ферраро помогали многочисленные приборы, хитроумно размещенные по всей поверхности вечного спутника Земли.

Эти приборы сообщили ему очень интересные сведения: в 19 часов 35 минут 47 секунд гринвичского времени в районе Залива Радуги произошел сильный толчок. Странно — эта область невозмутимой Луны до сих пор считалась особенно устойчивой. Ферраро задал своим вычислительным машинам уточнить, где находится очаг смещения, а также проверить, не отметили ли приборы каких-либо иных аномалий. Затем отправился в столовую; тут-то он и услышал от коллег, что пропала «Селена».

Ни одна вычислительная машина не сравнится с человеческим мозгом, когда надо связать совсем независимые, казалось бы, факты. Не успел Винсент Ферраро проглотить вторую ложку супу, как уже сложил два и два и получил вполне правдоподобный, но, увы, неверный ответ.

ГЛАВА 5

— Вот как обстоят дела, дамы и господа, — заключил коммодор Ханстен. — Прямая опасность нам не угрожает, и я не сомневаюсь в том, что нас очень скоро найдут. А пока — выше голову!

Коммодор помолчал, обводя взглядом встревоженные лица. Он уже приметил несколько «слабых точек»: вот тот щуплый мужчина, страдающий нервным тиком, да и та сухошавая кислая дама, которая нервно мнет носовой платок. Может быть, они нейтрализуют друг друга, если под каким-нибудь предлогом посадить их рядом?..

— Капитан Харрис и я — командир здесь он, я только его советник — разработали план действий. Питание будет скромное, строго по норме, но вполне достаточное, тем более что сил вам расходовать не надо. И мы хотели бы просить кого-нибудь из женщин помогать мисс Уилкинз. У нее будет много хлопот, одной трудно спра-

виться. Но главная опасность, если гозорить откровенно,— скука. Кстати, у кого-нибудь есть с собой книги?

Все стали рыться в сумках и портфелях. Были извлечены: полный набор путеводителей по Луне, включая шесть экземпляров официального справочника, новейший бестселлер «Апельсин и яблоко», посвященный несколько неожиданной теме — любви Нелл Гвин и сэра Исаака Ньютона, «Шейн» в издании «Гарвард Пресс» с учеными комментариями одного профессора английского языка, очерк логического позитивизма Огюста Конта и один экземпляр «Нью-Йорк Таймс» недельной давности, земное издание. Не роскошная библиотека, но если умело подойти, ее можно было растянуть надолго.

— Предлагаю создать комиссию по развлечениям, и пусть она решит, как все это использовать. Не знаю только, пригодится ли нам мсье Конт... Но может быть, у вас есть вопросы? Может быть, вы хотите, чтобы капитан Харрис или я что-то более подробно разъяснили?

— Мне хотелось бы выяснить один вопрос,— произнес тот самый голос, который похвально отозвался о чае.— Допускаете ли вы, что мы всплывем на поверхность? Везде если эта пыль ведет себя, как вода, нас может вытолкнуть наверх, как пробку?

Вопрос англичанина застиг commodora врасплох. Он обернулся к Пату и пробурчал:

— Это по вашей части, мистер Харрис. Что вы скажете?

Пат покачал головой.

— Боюсь, на это надеяться нечего. Конечно, воздух внутри кабины придает нам большую плавучесть, но сопротивление пыли слишком велико. В принципе мы можем всплыть — через несколько тысяч лет.

Но англичанина явно было не так-то легко обескуражить.

— Я видел в воздушном шлюзе космический скафандр. Можно выйти в нем наружу и всплыть на поверхность? Тогда спасатели сразу узнают, где мы.

Пат поежился: он один умел обращаться с этим скафандром, который предназначался для аварийных случаев.

— Я почти уверен, что это невозможно. Вряд ли человек одолеет такое сильное сопротивление. К тому же

он будет слеп. Как он определит, где верх? И как закрыть за ним наружную дверь? Если пыль проникнет в камеру перепада, от нее потом не избавишься. Выкачать ее наружу нельзя.

Пат мог бы продолжать, но решил, что этого довольно. Если к концу недели спасатели не найдут их, придется, возможно, испытать самые отчаянные средства. Но сейчас об этом лучше не говорить, даже не думать, чтобы не подрывать собственного мужества.

— Если больше вопросов нет, — вступил коммодор Ханстен, — я предлагаю, чтобы каждый представился. Хотим мы того или нет, нам надо привыкать друг к другу. Итак, давайте познакомимся. Я пройду по каюте, а вы будете поочередно называть свою фамилию, занятие, город. Прошу вас, сэр.

— Роберт Брайен, инженер, на пенсии, Кингстон, Ямайка.

— Ирвинг Шастер, адвокат, Чикаго. Моя супруга Майра.

— Нихал Джаяварден, профессор зоологии, Цейлонский университет, Перадения.

Знакомство продолжалось. Пат снова с благодарностью подумал о том, как ему повезло в этом отчаянном положении. По своей натуре, навыкам и опыту коммодор Ханстен был природным руководителем. Он уже начал сплачивать это пестрое сборище разных людей в единое целое, создавать дух товарищества, который превращает толпу в отряд. Ханстен научился этому, когда его маленькая флотилия неделями парила в пустоте между планетами, направляясь — впервые — за орбиту Нептуна, почти за три миллиарда километров от Солнца. Пат был на тридцать лет моложе коммодора и никогда не ходил дальше Луны. И он вовсе не огорчился из-за того, что незаметно произошла смена командира. Пусть тактичный коммодор подчеркивает, что начальник — Харрис, но он-то лучше знает...

— Данкен Мекензи, физик, обсерватория Маунт-Стромло, Канберра.

— Пьер Бланшар, счетовод, Клавий, Эртсайд.

— Филлис Морли, журналистка, Лондон.

— Карл Юхансон, инженер-атомник, База Циолковского, Фарсайд.

Знакомство состоялось и показало, что на борту «Селены» собралось немало незаурядных людей. Ничего удивительного: на Луну, как правило, попадали люди, чем-то выделяющиеся среди большинства, хотя бы только богатством. Но что толку от всех этих талантов в таком положении, подумал Пат.

Он был не совсем прав, в этом ему очень скоро помог убедиться Ханстен. Коммодор хорошо знал, что со скукой надо бороться так же решительно, как и со страхом. И они могут положиться только на свою собственную изобретательность. В век межпланетных связей и универсальных развлечений «Селена» внезапно оказалась отрезанной от всего человечества. Радио, телевидение, бюллетени телефакса, кино, телефон — все это теперь было им так же недоступно, как людям каменного века. словно первобытное племя, сгрудившееся у костра, — и никого больше вокруг. Даже во время экспедиции на Плутон, подумал Ханстен, мы не были так одиноки, как здесь. Тогда у нас была отличная библиотека и полный набор всевозможных записей; когда угодно можно было связаться по светофону с любой из больших и малых планет внутреннего круга. А на «Селене» даже карты нет.

Кстати, это мысль!

— Мисс Морли! Вы ведь журналистка, у вас, конечно, есть блокнот?

— Да, коммодор, есть.

— Наберется пятьдесят два чистых листка?

— Наверное.

— Придется просить вас пожертвовать ими. Пожалуйста, вырвите их и разметьте колоду карт. Особенно не старайтесь, лишь бы можно было различить достоинство и знаки не протупали бы.

— Интересно, как вы собираетесь тасовать такие карты? — спросил кто-то.

— Пусть комиссия по развлечениям подумает над этим! У кого есть таланты, которые могут пригодиться для нашей самостоятельности?

— Я когда-то выступала на сцене, — неуверенно произнесла Майра Шастер.

Ее супруг явно не обрадовался этому признанию, зато коммодор был доволен.

— Оглично! Значит, можно разыграть маленькую пьеску, хоть у нас и тесновато.

Но гут смутилась уже миссис Шастер.

— Это было давно,— сказала она,— и мне... мне почти не приходилось говорить на сцене.

Несколько человек прыснули, и даже коммодор с трудом сохранил серьезный вид. Трудно было представить себе юной хористкой женщину, возраст которой перевалил за пятьдесят, а вес — за сто.

— Ничего,— сказал Ханстен,— главное — желание. Кто хочет помочь миссис Шастер?

— Я когда-то участвовал в любительских постановках,— сообщил профессор Джаяварден.— Правда, мы ставили преимущественно Брехта и Ибсена.

Это «правда» подразумевало, что здесь уместнее что-нибудь из легкого жанра. Скажем, одна из пошловатых, но забавных комедий, которые наводнили эфир в конце 1980-х годов, когда капитулировала телецензура.

Больше добровольных артистов не нашлось, и коммодор попросил миссис Шастер и профессора Джаявардена сесть рядом и вместе составить программу. Ему не очень-то верилось, что столь разные люди придумают что-нибудь дельное, но кто знает... И вообще, главное, чтобы каждый был чем-нибудь занят, будь то в одиночку или с кем-то вместе.

— Одно дело сделано,— продолжал Ханстен.— Если кого-то осенит блестящая идея, пожалуйста, изложите ее комиссии. А пока — садитесь-ка поудобнее и поближе познакомьтесь друг с другом. Каждый сказал, откуда он и чем занимается, у вас могут быть общие интересы, даже одни и те же друзья. Словом, вы найдете, о чем поговорить.

«И времени у вас предостаточно»,— мысленно добавил он.

Коммодор Ханстен совещался с Патом в его отсеке, когда к ним подошел доктор Мекензи, физик из Австралии. Он выглядел очень озабоченно, словно произошло что-то из ряда вон выходящее.

— Я должен вам кое-что сказать, коммодор,— взволнованно произнес он.— Если не ошибаюсь, семидневный запас кислорода нас не спасет. Нам грозит куда более серьезная опасность.

— Какая же?

— Тепло.— Австралиец указал рукой на корпус судна.— Кругом пыль, а она идеальный теплоизолятор. На поверхности тепло от наших машин и от нас самих уходит в окружающее пространство, здесь оно заперто. Значит, в кабине будет все жарче и жарче, пока мы не сваримся.

— Что вы говорите,— сказал коммодор,— мне это и в голову не приходило! И сколько же времени, по-вашему, мы сможем продержаться?

— Дайте мне полчаса, я подсчитаю. Во всяком случае, мне кажется, не больше суток.

Коммодор вдруг почувствовал себя совсем беспомощным. Отвратительно засосало под ложечкой, в точности, как когда он вторично изведal свободное падение. (В первый раз ничего не было, тогда Ханстен был подготовлен, а во второй раз его наказала излишняя самоуверенность.) Если физик прав, рухнули все надежды. И без того они невелики, но недельный срок позволял хоть немного надеяться... За одни сутки там, наверху, ничего не успеют сделать. Даже если найдут их, все равно не спасут.

— Проверьте температуру воздуха в кабине,— продолжал Мекензи.— Даже по ней можно судить.

Ханстен подошел к панели управления и взглянул на мозаику циферблатов и индикаторов.

— Боюсь, вы правы,— сказал он.— Уже поднялась на два градуса.

— Больше одного градуса в час. Я так и думал.

Коммодор повернулся к Харрису, который слушал их разговор с растущей тревогой.

— Можем мы усилить охлаждение? Какой запас мощности у агрегатов кондиционирования?

Прежде чем Пат успел ответить, снова вмешался физик.

— Это не поможет,— произнес он нетерпеливо.— Как действует установка для охлаждения? Выкачивает тепло из кабины и отдает его в окружающее пространство. Но здесь-то это невозможно, кругом пыль! Дать на установку дополнительную мощность — будет только еще хуже.

С минуту длилась угрюмая тишина. Наконец коммодор сказал:

— Все-таки прошу вас — проверьте побыстрее ваши расчеты и скажите мне, что получится. И чтобы об этом не знал никто, кроме нас троих!

Ханстен вдруг почувствовал себя очень старым. Сначала он даже как-то обрадовался тому, что неожиданно снова занял командный пост. Но кажется, он пробудет на этом посту всего один день...

В ту самую минуту, хотя об этом не знали ни пропавшие, ни спасатели, над судном проходил по Морю один из пылекатов. Его конструкцию определяло стремление к скорости, эффективности и дешевизне, а не забота об удобстве туристов, и он сильно отличался от «Селены». Это были, по сути дела, открытые сани с двумя сиденьями — водителя и пассажира — и тентом для защиты от солнца. Небольшая панель управления, мотор, два винта на корме, полочки для инструмента и запчастей — вот и вся оснастка. Обычно пылекат тащил за собой на буксире грузовые сани; этот шел налегке. Он исчертил зигзагами уже не одну сотню квадратных километров поверхности Моря — и не обнаружил ничего.

Водитель обратился к товарищу через вмонтированное в скафандры переговорное устройство:

— Как, по-твоему, Джордж, что с ними случилось? По-моему, здесь их нет.

— Где же они? Захвачены инопланетниками?

— А что, вполне возможно, — почти всерьез ответил водитель.

Рано или поздно — в это верили все астронавты — человек встретится с другими разумными существами. Пусть до этой встречи еще далеко, но гипотетические «инопланетники» уже прочно вошли в космическую мифологию; на них валили все, чего не могли объяснить иначе.

Не так уж трудно поверить в существование инопланетников, если ты вместе с горсткой товарищей очутился в чужом, неприветливом мире, где даже камни и воздух (если он есть) кажутся враждебными. Где опыт тысяч земных поколений оказывался никчемным, все привычные представления — непригодными. Первобытный человек за всем неведомым видел богов и духов; так и гомо астронаутикус, прибыв на новую планету, невольно ози-

рался на каждом шагу, ожидая увидеть кого-нибудь. Несколько быстротечных веков люди почитали себя господами Вселенной; древние страхи и чаяния ушли в тайники подсознания. Теперь, когда человек пылливо изучал звездные дали и пытался понять, что за силы там таятся, эти чувства возродились. Ничего удивительного.

— Пожалуй, надо доложить на Базу,— сказал Джордж.— Мы осмотрели всю заданную площадь, повторять маршрут нет смысла. Во всяком случае, пока не взошло солнце. Днем еще можно что-то найти. От этого земного света мне не по себе.

Он включил передатчик.

— «Пылекат-2» вызывает диспетчерскую. Прием.

— Диспетчерская Порт-Рориса слушает. Что-нибудь обнаружили?

— Ничего. Что нового у вас?

— Похоже, что «Селена» не может быть в Море. Сейчас с вами будет говорить главный инженер.

— Есть, включайте.

— Алло, «Пылекат-2»! Говорит Лоуренс. Обсерватория Платон только что сообщила о лунотрясении в районе Гор Недоступности. Оно произошло в девятнадцать тридцать пять. В это время «Селена» должна была идти по Кратерному Озеру. Видимо, ее накрыло лавиной. Идите к горам, проверьте, нет ли где следов свежих оползней или обвалов.

— А еще толчки будут? — озабоченно спросил водитель.

— Вряд ли, если верить обсерватории. Они говорят, теперь, когда напряжение разрядилось, до следующего раза может пройти не одна тысяча лет.

— Надеюсь, они не ошибаются. Я вызову, как только буду на Кратерном, минут через двадцать.

Но уже через пятнадцать минут «Пылекат-2» разрушил последние надежды тех, кто ждал у приемника.

— Говорит «Пылекат-2». Боюсь, вы угадали. До Кратерного Озера еще не дошли, идем по каньону. Но данные обсерватории подтверждаются. Очень много завалов, мы еле-еле пробились. Вот и сейчас вижу следы обвала — десять тысяч тонн камня, не меньше, сорвалось. Если «Селена» погребена здесь, ее не найдешь. Не зачем даже искать.

Диспетчерская молчала так долго, что пылекат включился снова:

— Алло, диспетчерская, вы меня слышите?

— Слышим,— устало ответил главный инженер.— Попробуйте отыскать хоть какие-нибудь следы. Высылаю на помощь «Пылекат-1». Вы уверены, что их нельзя откопать?

— Не одна неделя уйдет, если только вообще удастся их нащупать. В одном месте на триста метров сплошной завал. Да и опасно копать, еще новый обвал сорвем...

— Вы там поосторожней. Докладывайте каждые пятнадцать минут, даже если ничего не обнаружите.

Лоуренс отвернулся от микрофона, чувствуя себя совсем разбитым. Его возможности исчерпаны... И вообще, что тут можно сделать? Борясь со смятением, он подошел к обращенному на юг обзорному окну и увидел земной серп.

Сколько ни смотри, трудно поверить, что Земля прикована к одной точке лунного неба. Висит так низко над горизонтом — но не зайдет и не взойдет даже через миллион лет. Мысль об этом настолько противоречит всему опыту человечества, что к ней нельзя привыкнуть.

Скоро по ту сторону космической пропасти (нынешнее поколение не помнит того времени, когда она была непреодолимой, ему она кажется не такой уж большой) распространятся волны потрясения и горя. Тысячи людей лишатся покоя только потому, что Луна вздрогнула во сне.

Задумавшись, главный не сразу заметил, что к нему обращается начальник узла связи.

— Простите, вы еще не вызвали «Пылекат-1». Соединить вас?

— Что? А, да-да! Передайте, чтобы выходил на помощь Второму в Кратерное Озеро. Сообщите, что поиски в Море Жажды прекращены.

ГЛАВА 6

Весть о том, что поиски прекращены, дошла до «Лагранж-2», когда Том Лоусон с опухшими от недосыпания глазами уже заканчивал монтаж нового приспособления

к стосантиметровому телескопу. Так старался, спешил — и, выходит, впустую... «Селены» нет в Море Жажды, она в таком месте, где ему ее никак не обнаружить, за окаймляющим Кратерное Озеро барьером, да к тому же под тысячами тонн камня.

В первый миг Том даже не пожалел пассажиров, он рассердился. Выходит, зря потрачены и время, и труд. Не мелькать на экранах новостей всех обитаемых миров заголовкам «Молодой астроном находит пропавших туристов»... Рухнули мечты о славе. И добрых тридцать секунд Том Лоусон отводил душу потоком ругательств, которые повергли бы в изумление его коллег, если бы они его слышали. Все еще распаленный гневом, он принялся снимать детали, которые выпрашивал, записывал, даже присваивал в других лабораториях спутника.

Том не сомневался, что его прибор мог решить задачу. Теоретическая сторона в полном порядке, не подкапашься, больше того: она основана на почти столетней практике. Инфракрасная локация была известна уже во время второй мировой войны, когда находили замаскированные предприятия по теплу от их агрегатов.

«Селена» не оставила на Море Жажды видимой колеи, но должен быть инфракрасный след. Винты судна подняли с глубины одного фута относительно теплую пыль и разметали ее по гораздо более холодной поверхности. «Глаз», способный видеть тепловые лучи, мог и через несколько часов после прохождения «Селены» отыскать ее колею. По расчетам Тома, он успел бы завершить инфракрасный поиск, прежде чем Солнце, взойдя, сотрет все намеки на тепловой след в холодной лунной ночи.

Теперь-то, конечно, нет смысла ничего затевать.

К счастью, на борту «Селены» не подозревали, что поиски в районе Моря Жажды прекращены и пылекаты ушли на Кратерное Озеро. И, к счастью, никто из пассажиров не знал про опасения доктора Мекензи.

На листке бумаги физик начертил предполагаемую кривую роста температуры. Каждый час он заносил в график показания висящего на переборке градусника. Увы, они поразительно точно совпадали с прогнозом.

Еще двенадцать часов, и температура превысит сто десять градусов по Фаренгейту, появятся первые жертвы теплового удара. И выходит, им остается жить не больше суток. Так что попытки капитана Ханстена поддерживать дух пассажиров казались нелепыми. Добьется он успеха или нет — послезавтра уже не будет играть никакой роли.

А впрочем, так ли это? Если они должны выбирать: умереть, как люди, или умереть, как звери, — первое, несомненно, лучше. Даже если «Селену» никогда не найдут и никто не будет знать, как ее узники встретили смертный час. Это выше логики и рассудка; впрочем, то же самое можно сказать едва ли не обо всем, что определяет жизнь и смерть человека.

Коммодор Ханстен отлично понимал это, когда составлял программу на оставшиеся часы. Есть люди, рожденные руководить; он принадлежал к ним. Вакуум, в котором он очутился, уйдя в отставку, вдруг заполнился. Впервые с тех пор, как Ханстен покинул рубку флагманского корабля «Кентавр», он жил полноценной жизнью.

Пока люди чем-то заняты, можно не опасаться за их моральное состояние. Неважно, что они будут делать, лишь бы это казалось им интересным или важным. Счетовод Космической администрации, отставной инженер и двое служащих из Нью-Йорка уже с головой ушли в покер. Сразу видно завязых картежников; с ними хлопот не будет, разве что если понадобится оторвать их от карт.

Почти все остальные разбились на группы и очень мило разговаривали. Комиссия по развлечениям все еще заседала. Профессор Джаваярден что-то записывал, миссис Шастер, как ни старался унять ее супруг, делилась воспоминаниями о бурлеске. И только мисс Морли держалась особняком. Мелким почерком она не спеша заполняла оставшиеся листки блокнота. Должно быть, вела дневник, как и подобало настоящему журналисту.

Как бы дневник не оказался короче, чем думает мисс Морли... Похоже, она не успеет исписать даже этих немногих страниц. А если испишет — вряд ли кому-либо доведется их прочесть.

Коммодор глянул на часы и удивился тому, как много времени прошло. К этому часу он рассчитывал быть

уже на обратной стороне Луны, в Клавии. Ленч в лунном филиале «Хилтона», потом экскурсия в... Но какой смысл размышлять о будущем, которого не будет? Его гораздо больше беспокоило скоротечное настоящее.

Пожалуй, лучше поспать немного, пока жара не стала невыносимой. Конструкторы «Селены» не предусмотрели, что она может стать спальней (или могилой!), да что подделаешь. Придется пораскинуть мозгами, кое-что переставить, хотя бы от этого пострадало имущество «Лунтуриста». Ханстену понадобилось двадцать минут на то, чтобы все продумать, затем он посоветовался с капитаном Харрисом и обратился к остальным.

— Дамы и господа, нам всем сегодня было нелегко, и я думаю, вы не прочь немного поспать. Правда, тут возникают некоторые трудности, но я уже проделал опыт и убедился, что при желании можно отделить средние подлокотники между сидениями. Конечно, это не положено, да вряд ли «Лунтурист» станет подавать на нас в суд. Десять человек смогут лечь на креслах, остальным предлагаю устроиться на полу. И еще. Вероятно, вы заметили, что в кабине становится жарковато. Температура будет некоторое время повышаться. Поэтому я советую снять всю лишнюю одежду, удобство сейчас важнее чрезмерной шепетильности.

(Мысленно он добавил, что еще важнее выжить... Но у нас есть в запасе несколько часов.)

— Мы погасим внутреннее освещение,— продолжал Ханстен,— а чтобы не оставаться в полной темноте, включим на минимальную мощность аварийный свет. Один человек будет дежурить в кресле капитана. Капитан Харрис уже составляет график дежурства, смена через два часа. Есть вопросы или замечания?

Ни того, ни другого не было, и коммодор облегченно вздохнул. Он боялся, как бы кто не полюбоствовал, почему поднимается температура. Что бы он стал отвечать? При всех своих способностях Ханстен не умел лгать, а ему хотелось, чтобы пассажиры спали спокойно, насколько это вообще возможно в такой обстановке. Если не случится чуда, этот сон может оказаться вечным...

Мисс Уилкинз, уже без прежней профессиональной непринужденности, разнесла напитки желающим. Большинство пассажиров сразу начали снимать верхнюю

одежду; более стеснительные подождали, пока не погасло главное освещение. В тусклом красном свете кабина «Селены» выглядела фантастически. Кто мог представить себе что-либо подобное несколько часов назад, когда пылеход покидал Порт-Рорис?.. Двадцать два человека, почти все в одном белье, лежали на сиденьях и на полу. Некоторые счастливики уже похрапывали, остальные беспокойно ворочались с боку на бок.

Пат Харрис выбрал себе место на самой корме, даже не в кабине, а в тесной камере перепада. Здесь был удобный наблюдательный пункт. Через открытую дверь он видел всю кабину от самого носа, мог следить за каждым пассажиром.

Аккуратно сложив форму, Пат сделал из нее подушку и лег на жесткий пол. До вахты шесть часов, хорошо бы поспать.

Спать... Истекают последние часы его жизни — и все-таки больше ничего не остается. Интересно, крепко ли спят смертники в ночь перед казнью?

Он так устал, что даже эта мысль его не затронула. Последнее, что видел Пат, проваливаясь в забытие, как доктор Мекензи снял очередные показания термометра и аккуратно нанес их на свой график. Точно астролог, составляющий гороскоп...

В пятнадцати метрах над «Селеной» (их при здешнем тяготении можно одолеть одним прыжком) уже наступило утро. На Луне не бывает сумерек, но небо давно предвещало рассвет. Задолго до восхода Солнца выросла сияющая пирамида зодиакального света, столь редко видимого на Земле. Она поднималась очень медленно — чем ближе восход, тем ярче. Вот пирамида растворилась в опаловом сиянии короны, а вот над горизонтом вспыхнуло пламя, в миллион раз ярче их обоих. Кончился двухнедельный мрак, вернулось светило. Из-за медленного вращения Луны вокруг своей оси пройдет еще час с лишним, прежде чем оно взойдет совсем, но день уже начался.

Казалось, по Морю Жажды, теснимый слепящим светом, катится черный отлив. И вот уже вся гладь Моря простреливается почти горизонтальными лучами. Будь на поверхности малейшее возвышение, его тотчас выдадала бы длинная, в несколько сот метров, тень.

Выдала — кому? «Пылекат-1» и «Пылекат-2» были заняты бесплодным исследованием Кратерного Озера, в полутора десятках километров от места катастрофы. Их окружала тьма: пройдет еще два дня, прежде чем солнце поднимется над окаймляющими кратер пиками, а пока только вершины озарены восходом. С каждым часом резко очерченная полоса света будет спускаться по склонам все ниже — местами быстрее идущего человека — и наконец лучи коснутся дна кратера.

Сейчас над озером метался свет, созданный человеком. Яркие вспышки выхватывали из тьмы тяжелые глыбы: спасатели фотографировали груды камней, которые бесшумно скатились с гор, когда Луна вздрогнула во сне. Меньше чем через час фотографии будут на Земле, еще через два часа их увидят во всех обитаемых мирах.

Плохая реклама для туризма.

Когда капитан проснулся, в кабине было заметно жарче. Но не жара разбудила его за целый час до начала вахты.

Хотя Пату ни разу не доводилось ночевать на «Селене», он хорошо знал, какие звуки можно услышать на борту. Когда моторы выключены, царит почти полная тишина, и нужно напрягать слух, чтобы уловить шелест воздушных насосов и слабое гудение охлаждающей установки. Все это он слышал, когда засыпал, но теперь к этим звукам прибавился новый, непривычный...

Едва слышный шорох, настолько тихий, что на мгновение Пат заколебался — уж не почудилось ли ему? Невроятно, чтобы такой слабый сигнал проник в его подсознание сквозь барьер сна. Даже сейчас, проснувшись, капитан не мог ни определить природу звука, ни установить, откуда он идет.

Внезапно Пат понял, почему шум разбудил его. Сонливость как рукой сняло. Вскочив на ноги, он приложил ухо к наружной двери камеры перепада: таинственный звук доносился снаружи!

Ну конечно. Совершенно отчетливо слышно. У капитана мурашки по спине забегали. Шуршат пылинки, словно за обшивкой «Селены» разыгралась песчаная буря. В чем дело? Неужели Море опять колыхнется? И если

так — куда увлечет течение «Селену»? Пока что пылеход как будто недвижим, только внешняя среда течет и струится...

Очень осторожно, стараясь не потревожить спящих, Пат на цыпочках прошел в кабину. Дежурил доктор Мекензи. Съежившись в кресле пилота, он глядел на засыпанный снаружи иллюминатор. Когда подошел Пат, физик повернулся к нему и шепотом спросил:

— Что-нибудь неладное?

— Не знаю... Проверьте сами.

Теперь уже двое приложили ухо к двери и долго слушали загадочный шорох. Вдруг Мекензи сказал:

— Это движется пыль, никакого сомнения. Но я не понимаю — почему. Вот вам еще одна загадка.

— Еще одна?

— Да. Меня сбивает с толку температура. Она повышается, но не так быстро, как я ожидал.

Казалось, физик недоволен тем, что его расчеты не подтвердились, но для Пата его слова были первой доброй вестью после катастрофы.

— Вы только не огорчайтесь, кто из нас не ошибался. И если эта ошибка подарит нам несколько лишних дней, уж я-то во всяком случае не стану вас упрекать!

— Но в данном случае я не мог ошибиться! Это же элементарная арифметика. Нам известно, сколько тепла излучают двадцать два человека, и куда-то это тепло должно деться!

— Во сне излучение меньше, может быть, в этом все дело?

— Как будто я мог упустить столь очевидное обстоятельство! — раздраженно ответил ученый. — Разумеется, меньше, но уж не настолько. Нет, тут что-то другое. Должна быть причина, почему температура отстает от моего графика.

— Отстает, и слава богу, — сказал Пат. — Но что вы скажете об этом звуке?

Мекензи с трудом заставил себя думать о новой загадке.

— Пыль движется, мы — нет. Выходит, это явление местное. Больше того, мы заметили его только здесь, на корме. Может быть, в этом все дело? — Он указал рукой на переборку. — Что за переборкой?

— Двигатели, баллоны с кислородом, охлаждающая установка...

— Охлаждающая установка! Ну конечно! Я же видел при посадке... Там, за обшивкой, ребра радиатора?

— Совершенно верно.

— Тогда все понятно. Они так сильно нагрелись, что пыль циркулирует, словно жидкость. Конвекционное течение уносит вверх наше избыточное тепло! Не исключено, что температура установится. Вряд ли станет прохладнее, но мы будем жить.

В тусклом малиновом свете они посмотрели друг на друга, ощущая прилив надежды. Пат медленно произнес:

— Я уверен, что вы угадали. Кажется, невезение кончилось.

Он взглянул на часы и быстро что-то прикинул в уме.

— Сейчас над Морем восходит солнце. База, конечно, выслала на поиски пылекаты. Они примерно знают, где искать. Десять против одного, что нас найдут через несколько часов.

— Скажем об этом коммодору?

— Пусть спит. Ему досталось тяжелее всех. С этой новостью можно и до завтра подождать.

Мекензи вернулся на свой пост. Пат попробовал снова уснуть, но ничего не вышло. Он лежал с открытыми глазами и думал об удивительном повороте судьбы. Пыль, которая сперва поглотила их, потом грозила изжарить, вдруг пришла им на помощь. Конвекционное течение уносит избыточное тепло на поверхность. Правда, еще неизвестно, что будет, когда восходящее солнце обрушит на гладь Моря Жажды всю мощь своих лучей.

Пыль за обшивкой шелестела по-прежнему, и Пат вдруг вспомнил старинные песочные часы, которые ему однажды показали в детстве. Перевернешь — и песок сквозь узенькое горлышко сыплется в нижний сосуд, отмеряя там минуты и часы.

Пока не изобрели пружинные часы, множество людей следило за временем по падающим песчинкам. Но до сегодняшнего дня никому — он был в этом уверен — не доводилось восходящей струей пыли измерять продолжительность своей жизни.

В Клазии главный администратор Ульсен и начальник «Лунтуриста» Девис только что кончили совещаться с представителями Правового отдела. Разговор был далеко не веселый: обсуждали главным образом документ, который снимал с «Лунтуриста» ответственность за жизнь клиентов. Все туристы подписали его, прежде чем подняться на борт «Селены». Вплоть до открытия маршрута Девис возражал против такого порядка, подчеркивал, что это лишь отпугнет клиентов, но юристы Лунной администрации настояли на своем. Теперь он был этому рад.

Он был рад и тому, что власти Порт-Рориса точно выполняли инструкцию; ведь часто к таким вещам относятся как к второстепенной формальности и правилами втихомолку пренебрегают. На столе перед ними лежал лист с подписями всех пассажиров «Селены», за одним только исключением, которое привело в замешательство юристов.

Коммодор, оберегая инкогнито, назвался Р. С. Хансоном и расписался неразборчиво, можно прочесть и «Хансон», и «Ханстен». Пока не передано факсимиле с Земли, и не решишь. Впрочем, это роли не играет. Коммодор выполнял официальное поручение, и администрация все равно отвечает за него. Да и за остальных пассажиров она несет если не юридическую, то во всяком случае моральную ответственность.

Так или иначе, администрация обязана сделать все, чтобы найти погибших и достойным образом предать Земле их останки. Эту задачу, недолго думая, возложили на широкие плечи главного инженера Лоуренса, который еще оставался в Порт-Рорисе.

Кажется, никогда он не брался за дело с меньшим воодушевлением. Будь хоть малейшая надежда, что пассажиры «Селены» живы, он бы все перевернул, чтобы добраться до них. Но ведь они уже погибли, так зачем же искать и раскапывать их, рискуя жизнью других людей! Сам он считал, что вечные холмы Луны — лучшее кладбище.

Главный инженер Лоуренс ни на секунду не сомневался, что пассажиры убиты, об этом говорили все об-

стоятельства. Подземный толчок произошел как раз в то время, когда «Селена» по графику покидала Кратерное Озеро, а половина каньона загромождена завалами. Любой из них мог смять пылеход, как бумажную игрушку. Воздух мгновенно вышел сквозь пробоины, и пассажиры задохнулись. Если бы корабль чудом уцелел, радицентр принял бы его сигналы. Маленький автоматический радиомаяк сконструирован с таким расчетом, чтобы противостоять любым ударам и толчкам; если уж он не действует, значит, «Селене» крепко досталось...

Первым делом надо определить, где находятся обломки. Это не так уж сложно, пусть даже они погребены под миллионами тонн камня. Есть геофизические приборы, всевозможные металлоискатели. Через пробоины из кабины в лунный вакуум (почти вакуум) вырвался воздух; даже теперь, хотя прошел не один час, должны быть следы углекислого газа и кислорода. Их обнаружат индикаторы, которыми выявляют течи в обшивке космических кораблей. Как только пылекаты вернутся на базу для заправки и зарядки, он оснастит их индикаторами и отправит в район завалов, пусть все обнюхают.

Словом, найти корабль не хитро. А вот извлечь его будет потруднее. Тут ничего нельзя обещать, кроме миллионных расходов. (Что скажет, услышав это, главный администратор?) Во-первых, физически невозможно доставить туда тяжелые машины, способные ворочать тысячетонные глыбы. Юркие пылекаты не годятся, нужны лундозеры — как их переправишь через Море Жажды? — и несколько ракет гелигнита для взрывных работ. Нет, это отпадает. Конечно, можно понять и администратора... Но взваливать на свое и без того перегруженное Инженерное управление такой сизифов труд — черта с два!

И Лоуренс принялся возможно более тактично (от главного администратора простым «нет» не отделаешься) составлять доклад. Смысл его сводился к следующему: *А. Работа почти наверное невыполнима. Б. Если даже ее можно выполнить, на это уйдут миллионы и не исключены новые человеческие жертвы. В. И все это ни к чему.* Но попробуй, скажи так напрямик... И нужны доводы. Вот почему в конечном виде доклад главного инженера насчитывал больше трех тысяч слов.

Кончив диктовать, Лоуренс помолчал, прикидывая,

что можно добавить, ничего не придумал и закончил: «Секретно. Главному администратору, Главному инженеру Фарсайда, Старшему диспетчеру, Начальнику «Лу-туриста», Центральный архив».

Он нажал кнопку копирующего устройства. Двадцать секунд — и телефакс выдал ему все двенадцать страниц его доклада, безупречно перепечатанные, знаки препинания на местах, грамматические ошибки исправлены. Лоуренс быстро пробежал текст, проверяя электросекретаршу. Она (по привычке все устройства этого типа относили к женскому роду) иногда тоже ошибалась, особенно при большой нагрузке, когда диктовали сразу десять — двенадцать человек. И вообще, ни одна нормальная машина не может овладеть всеми тонкостями столь эксцентричного языка, как английский. Не говоря уже о том, что любой здравомыслящий человек просматривает напоследок свои донесения, прежде чем отправлять их начальству. Сколько тяжких огорчений испытали те, кто целиком полагался на электронику...

Лоуренсу осталось сверить шесть страниц, когда зазвонил телефон.

— «Лагранж-2» вызывает, — доложил оператор (не автомат). — Некий доктор Лоусон хочет говорить с вами.

«Лоусон? Это еще кто такой?» — спросил себя главный. И тут же вспомнил: ну да, ведь это астроном, который искал «Селену» в свой телескоп. Ему, конечно, уже сообщили, что это ни к чему.

Главный инженер еще ни разу не встречался с доктором Лоусоном. Он не знал, что космический астроном — весьма раздражительный и весьма одаренный молодой человек. К тому же весьма упрямый, что в этом случае было всего важнее.

Том уже начал разбирать инфракрасный локатор, но вдруг призадумался. Устройство почти готово, почему бы из чисто научного любопытства не испытать его? Он по праву гордился своим талантом экспериментатора, довольно редким в век, когда большинство так называемых астрономов на деле были математиками и даже близко не подходили к обсерватории.

Только упрямство помогало Лоусону держаться на ногах, до того он устал к этому времени. Если бы прибор не заработал сейчас, Том отложил бы испытание и лег

спать. Но иногда — очень редко — умение сразу вознаграждается успехом. Так было на этот раз: инфразвездчик действовал. Небольшая наладка — и на экране, строчка за строчкой, как в старинных телевизорах, возникло изображение Моря Жажды.

Светлые точки отвечали сравнительно теплым участкам, темные — холодным. Море Жажды было почти сплошь черным, кроме яркой полосы света там, где его гладь обожгли солнечные лучи. Всмотревшись, Том на темном фоне различил еле заметный след — как если бы в залитом лунным светом саду на Земле проползла улитка.

Никакого сомнения: это тепловой след «Селены». Он видел даже зигзаги пылекатов, еще разыскивающих корабль. Все следы сходились у Гор Недоступности, дальше они терялись за пределами его поля зрения.

Лоусон слишком устал, чтобы внимательно разглядывать экран — да и к чему? Ведь следы только подтверждали то, что и без того уже известно. Конечно, приятно, что еще один собранный им прибор слушается. Порядка ради Том сделал фотоснимок с экрана, потом пошел спать.

Три часа спустя Лоусон проснулся. Не сон, а мука, он несколько не отдохнул, что-то тревожило его. Как шелест движущейся пыли насторожил Пата Харриса в погребенной «Селене», так и Тома Лоусона, отделенного от Луны пятьюдесятью тысячами километров, разбудила какая-то малость, чуть заметное отклонение от нормального. У человеческого сознания много сторожевых псов, они порой лают попусту, но умный человек никогда не пренебрегает сигналом.

Еще не очнувшись как следует, Том вышел из своей тесной каморки, прицепился к транспортному канату и заскользил вдоль переходов с нулевой гравитацией к обсерватории. Кисло пожелал доброго утра (хотя на спутнике наступил уже условный вечер) тем из коллег, которые не успели свернуть в сторону, и поспешил уединиться среди своих любимых приборов.

Он выдернул из фотокамеры снимок и посмотрел на него. Короткий след тянулся от Гор Недоступности в Море Жажды, обрываясь недалеко от берега.

Том видел этот след несколько часов назад, когда гля-

дел на экран — не мог не видеть! И не обратил на него внимания. Серьезный, почти непростительный промах для ученого. Том Лоусон не на шутку рассердился на себя. Наблюдательность не должна зависеть от скороспелых умозаключений.

Но что ж все-таки это значит? Вооружившись лупой, Том придирчиво изучил весь район. Светлая полоска оканчивалась расплывчатым пятнышком; на местности это что-нибудь около двухсот метров в поперечнике. Странно, можно подумать, что «Селена», покинув горы, взлетела, подобно космическому кораблю.

В первый миг Том решил, что судно взорвалось и тепловое пятнышко — след взрыва. Но тогда на поверхности пылевого Моря должны были остаться обломки. И пылекаты нашли бы их. Вот и отчетливый след пылеката, который прошел как раз в этом месте.

Значит, надо искать другой ответ. Остается только один вариант — и совсем невероятный. Невозможно представить себе, чтобы большой лунобус канул в Море Жажды лишь потому, что по соседству произошел подземный толчок. Нет, нет, нельзя, опираясь только на одну фотографию, вызвать Луну и сказать: «Вы не там ищете». Хотя Том и делал вид, что ему безразлично мнение других, он страшно боялся попасть впросак. Прежде чем говорить вслух об этой фантастической теории, надо заручиться еще какими-нибудь свидетельствами.

Сейчас залитое ярким светом Море выглядело в телескоп совершенно гладким. Визуальное наблюдение лишь подтверждало то, в чем Том Лоусон убедился еще до восхода солнца: над пылевой равниной не возвышалось никаких бугорков. Инфракрасный локатор тоже не мог помочь. Тепловые следы успели исчезнуть, их стерли солнечные лучи.

Том настроил прибор на предельную чувствительность и еще раз осмотрел район, где обрывался след. Вдруг остался хоть какой-то намек, тепловое пятнышко, достаточно мощное, чтобы его можно было обнаружить даже теперь, когда на Луне занялось утро... Ведь солнце только-только взошло, его лучи далеко не достигли своей полной, убийственной силы.

Что это?.. Неужели почудилось? Работая на пределе, прибор может и ошибиться, но Том Лоусон был уверен,

что видит на экране едва заметное мерцание как раз там, где обрывался след на фотографии.

Но все это так неубедительно! Какой ученый решится подставить себя под удар критики, располагая столь шаткими данными... Промолчать? И никто ничего не узнает — зато его всю жизнь будет преследовать сомнение. А рассказать о своей догадке — значит вызвать надежды, которые могут оказаться тщетными. Чего доброго, станешь посмешищем для всей Солнечной системы или обвинят в саморекламе.

А среднего пути нет, надо решать. Очень неохотно, отлично понимая, что после этого шага нельзя будет отступать, Том взял трубку телефона.

— Говорит Лоусон, — сказал он. — Соедините меня с Луной, срочно.

ГЛАВА 8

Завтрак, поданный пассажирам «Селены», был не особенно изысканный, но достаточно питательный. Правда, многие пассажиры были недовольны: столовое печенье и мясной концентрат, ложечка меда и стакан теплой воды не отвечали их представлению о плотной трапезе. Однако коммодор был непреклонен.

— Неизвестно, сколько нам здесь сидеть, — сказал он. — И боюсь, придется нам обойтись без горячих блюд. Во-первых, их негде приготовить, во-вторых, в кабине и без того жарко. Ни чая, ни кофе, к сожалению, не будет. Да, по чести говоря, нам совсем не вредно на несколько дней сократить потребление калорий.

Только сказав эти слова, Ханстен подумал о миссис Шастер. Хоть бы не приняла это за личный выпад... Супруга адвоката одна занимала полтора кресла, без корсета она напоминала такого добродушного гиппопотама.

— Наверху как раз взошло солнце, — продолжал коммодор. — Спасатели работают полным ходом, теперь только вопрос времени, когда нас найдут. Можно даже заключать пари. Свои предположения сообщайте мисс Морли — она ведет бортовой журнал. А теперь о программе дня. Профессор Джаяварден, вы не расскажете, чем нас порадует Комиссия по развлечениям?

Шуплый, с птичьей головой и неожиданно большими ласковыми карими глазами профессор очень серьезно подошел к вопросу о развлечениях. Об этом красноречиво говорили листки, которые он держал в своих тонких смуглых руках.

— Как вам известно,— начал он,— я любитель театра. Боюсь, однако, здесь ничего не получится. Интересно читать пьесу в лицах, я даже думал о том, чтобы записать по памяти несколько актов. К сожалению, у нас мало бумаги. Значит, надо искать другой выход. Литературы на борту оказалось немного, и некоторые книги носят очень специальный характер. Но есть два романа: университетское издание классического вестерна «Шейн» и новый исторический роман «Апельсин и яблоко». Предлагаю выбрать несколько чтецов и прочесть эти книги вслух. Возражения есть? Или другие предложения?

— Мы хотим играть в покер,— донесся твердый голос из хвостовой части кабины.

— Но нельзя же играть в покер все время,— возразил профессор, обнаруживая плохое знание людей не академического круга.

Коммодор пришел ему на помощь.

— Чтение не отменяет покера,— сказал он.— А вообще, я советую вам иногда делать перерыв, этих карт надолго не хватит.

— Итак, с какой книги мы начнем? И кто будет читать? Я с удовольствием почитаю вслух, но хорошо бы выделить кого-нибудь на смену.

— По-моему, не стоит тратить время на «Апельсин и яблоко»,— вступила мисс Морли.— Эта книжонка — просто дрянь, она... гм... почти порнографическая.

— Откуда вы это знаете? — спросил Девид Баррет, англичанин, который хвалил чай.

Ответом ему было возмущенное фырканье. Профессор Джаяварден растерялся и озабоченно поглядел на коммодора, ища поддержки. Тщетно. Ханстен пристально смотрел в другую сторону. Нельзя, чтобы пассажиры со всем шли к нему. Пусть, насколько это возможно, обходятся своими силами.

— Отлично,— сказал наконец профессор.— Чтобы не спорить, начнем с «Шейна».

Послышались протестующие возгласы: «Мы хотим

«Апельсин и яблоко»!» Но профессор проявил неожиданную твердость.

— Это очень длинная книга, — ответил он, — мы вряд ли успеем ее закончить до появления спасателей.

Джаяварден прокашлялся, окинул взглядом кабину проверяя, есть ли еще возражающие, затем начал читать очень приятным певучим голосом.

— Предисловие: «Роль вестернов в космический век». Автор профессор английского языка Карл Адамс. В основу предисловия легли работы семинара по критике в Чикагском университете.

Картежники еще не решились; один из них лихорадочно рассматривал клочки бумаги, которые служили картами. Остальные пассажиры уселись поудобнее. Глаза одних выражали скуку, других — интерес. Мисс Уилкинз проверяла в камере перепада запасы провизии. Мягкий голос продолжал:

— «Одним из наиболее неожиданных литературных событий нашего столетия оказалось возрождение, после полувековой опалы, жанра, известного под названием «вестерн». Эти романы, действие которых четко ограничено местом и временем — Земля. Соединенные Штаты Америки, приблизительно 1865—1880 годы, — очень долго были в числе наиболее популярных книг в мире. Появились миллионы вестернов, почти все печатались в дешевых журнальчиках или выходили отдельными, скверно оформленными книжонками. Но из этих миллионов некоторые произведения обладали как литературной, так и документальной ценностью, хотя нужно все время помнить, что авторы описывали события, происходившие задолго до их рождения.

Когда в семидесятых годах девятнадцатого века человек начал освоение Солнечной системы, границы американского Запада казались столь смехотворно тесными, что читатель утратил к ним интерес. Разумеется, это столь же нелогично, как если бы отвергли «Гамлета» на том основании, что события, которые разыгрались в каком-то захолустном датском замке, не могли иметь мирового значения.

Однако за последние годы отмсчается некий обратный сдвиг. Мне известно из достоверных источников, что вестерны стали наиболее популярным родом литературы в

библиотеках межпланетных лайнеров, бороздящих космос. Давайте же попытаемся доискаться причины этого видимого парадокса, поищем звено, которое соединяет старый американский Запад и новый космос.

Пожалуй, для этого лучше отвлечься от наших современных научных достижений и мысленно перенестись в чрезвычайно примитивный мир 1870-х годов. Представьте себе огромную, теряющуюся в туманной дали равнину, окаймленную мглистыми горами. По этой равнине невыносимо медленно ползет караван громоздких фургонов. Караван охраняют вооруженные всадники, ведь кругом индейская территория. Чтобы добраться до гор, фургонам понадобится больше времени, чем лучшим современным лайнерам на перелет Земля — Луна. Вот почему просторы прерий были для людей той поры столь же обширны, сколь для нас просторы Солнечной системы. Это одно из звеньев, соединяющих нас с вестернами; есть и другие, более важные. Чтобы представить себе их, необходимо сперва рассмотреть роль эпического в литературе...»

«Как будто все в порядке», — подумал коммодор. Больше часа читать не стоит. За это время профессор управится с предисловием и прочтет несколько глав романа. А там можно переключиться на что-нибудь другое, лучше всего прервав чтение на особенно волнующем эпизоде, чтобы слушателям не терпелось вернуться к книге.

Второй день в плену у лунной пыли начался гладко, настроение хорошее. Но сколько еще дней вперед?..

Ответ на этот вопрос зависел от двух людей, которые — хотя их разделяло пятьдесят тысяч километров — мгновенно прониклись взаимной неприязнью. Отчет доктора Лоусона вызвал в душе главного инженера противоречивые чувства. У этого астронома дурная манера разговаривать, особенно если учесть, что юнец обращается к начальнику, который вдвое старше его. «Он говорит со мной так, — думал Лоуренс сперва снисходительно, но затем все более раздражаясь, — словно я глуповатый ребенок, которому нужно все разъяснять...»

Выслушав Лоусона, главный инженер несколько секунд молча изучал фотографии, переданные по телефаксу. Первая, снятая до восхода солнца, выглядела убедительно.

тельно — однако она еще ничего не доказывала. На снимке, сделанном после восхода, не видно того, о чем говорил астроном. Быть может, на оригинале что-нибудь и заметно, но поди положишься на слово этого неприятного молодого человека.

— Все это очень интересно, — сказал наконец Лоуренс. — Жаль только, что вы не продолжали наблюдать после того, как сделали первый снимок. Тогда у нас, наверное, были бы более убедительные данные.

Хотя критика была обоснована (а может быть, именно поэтому), Том тотчас закусил удила.

— Если вы считаете, что другой справился бы лучше... — огрызнулся он

— Что вы, мне это и в голову не приходило, — миролюбиво ответил Лоуренс. — Но что нам все это дает? Как ни мала точка, которую вы указали, ее координаты могут колебаться в пределах полукилометра, а то и больше. Боюсь, что на поверхности ничего не видно, даже при дневном свете. Нельзя ли как-нибудь добиться большей точности?

— Можно. Это очень просто: надо применить ту же технику на поверхности Луны. Обследуйте район инфракрасным локатором. Он тотчас покажет все тепловые точки, даже если их температура всего на долю градуса выше окружающей среды.

— Хорошая мысль, — сказал главный. — Я посмотрю, что можно сделать, и свяжусь с вами, если мне нужно будет узнать еще что-нибудь. Благодарю вас... доктор.

Лоуренс поспешно положил трубку, вытер лоб и тут же попросил, чтобы его снова соединили со спутником.

— «Лагранж-2»? Говорит главный инженер Эртсайда. Начальника станции, пожалуйста... Профессор Котельников? Это Лоуренс... Спасибо, здоровье в порядке. Я только что говорил с вашим доктором Лоусоном... Нет-нет, он ничего не сделал, только чуть не вывел меня из себя. Лоусон искал наш пропавший пылеход, и ему кажется, что он обнаружил его. Мне важно знать, насколько он компетентен?

В последующие пять минут главный инженер узнал довольно много о молодом докторе Лоусоне; пожалуй, больше даже, чем ему полагалось по чину, каким бы секретным ни был разговор. Воспользовавшись тем, что про-

фессор Котельников остановился перевести дух, Лоуренс сочувственно заметил:

— Теперь понятно, почему вы с ним миритесь. Бедный юноша, я-то думал, что сиротские приюты кончились с Диккенсом и двадцатым столетием. Слава богу, что приют сгорел. Вы думаете, он его поджег? Ладно, это неважно, вы сказали, что он превосходный наблюдатель, этого мне достаточно. Большое спасибо. Навестили бы нас как-нибудь?

За полчаса Лоуренс связался с десятком различных точек на Луне. Он собрал обширную информацию; теперь надо было действовать.

Обсерватория «Платон». Патер Ферраро считал, что догадка Лоусона звучит вполне правдоподобно. Он и сам уже заподозрил, что очаг лунотрясения находился под Морем Жажды, а не под Горами Недоступности. Но доказать не может, так как Море Жажды глушит все колебания. Нет, полной карты глубин еще не составили, прошупать все дно эхолотом — слишком долгая и трудоемкая работа. Сам он кое-где опускал телескопический шуп; везде глубина была меньше сорока метров. Средняя глубина, по его расчетам, около десяти метров, вдоль берегов совсем мелко. Инфракрасного детектора у него нет, но, может быть, астрономы Фарсайда могут помочь?

«Достоевский». К сожалению, инфракрасного детектора нет. Мы работаем в полосе ультрафиолета. Попробуйте спросить «Верн».

«Верн». О да, мы работали в инфракрасной полосе, несколько лет назад делали спектрограммы красных гигантов. Но представьте себе — как ни разрежена лунная атмосфера, она давала помехи! Пришлось перенести исследования в космос. А вы запросите «Лагранж»...

После этого Лоуренс попросил Диспетчерскую сообщить ему расписание кораблей, выходящих с Земли. Ответ его устраивал, но следующий шаг требовал немалых расходов, которые мог разрешить только главный администратор.

Великолепное качество Ульсена: он никогда не спорил без нужды с подчиненными о том, что входило в их круг полномочий. Внимательно выслушав Лоуренса, главный администратор сразу подвел итог.

— Если астроном угадал,— сказал он,— есть надежда, что они еще живы.

— Не только надежда — я почти уверен в этом. Везде Море мелкое, значит, они не могли погрузиться очень глубоко. Давление на корпус не так уж велико, вполне мог выдержать.

— И вы хотите, чтобы этот Лоусон помог в розысках.

Главный инженер развел руками.

— Хочу? Нет, я бы не хотел с ним сотрудничать. Но боюсь, нам без него просто не справиться.

ГЛАВА 9

Командир грузового корабля «Аурига» бушевал, команда тоже, но пришлось подчиниться. Через десять часов после вылета с Земли, в пяти часах от Луны поступил приказ подойти к «Лагранжу». Потеря скорости, дополнительные расчеты... И, ко всему, вместо Клавия садиться в этом захолустье, Порт-Рорисе, чуть не на обратной стороне Луны. В разные точки Южного полушария полетели радиogramмы, отменяющие обеды и свидания...

В ста километрах от «Лагранжа-2» «Аурига» остановилась; вдали, весь в оспинах, отороченный вдоль восточной кромки рябью гор, серебрился почти полный диск Луны. Ближе ста километров к спутнику подходить нельзя: помехи от аппаратуры ракеты да плюс излучение двигателей нарушали работу чутких приборов космической станции. Только старомодным ракетам на химическом горючем разрешалось пролетать вблизи от «Лагранжа», на плазменные и атомные двигатели был наложен запрет.

С двумя чемоданами (в маленьком — одежда, в большом — приборы) Том Лоусон покинул «Лагранж-2» на ракете местного сообщения и через двадцать минут был на борту грузового лайнера; пилот не спешил, как ни торопили его с «Ауриги». Нового пассажира встретили довольно холодно. Разумеется, Лоусона приняли бы совсем иначе, если бы на борту знали о его задании, но главный

администратор приказал пока хранить все в секрете. Зачем будить у родственников надежды, которые могут еще и не оправдаться? Начальник «Лунтуриста» хотел немедленно известить печать — пусть видят, что они делают все от них зависящее. Однако Ульсен твердо возразил:

— Подождем, что выйдет. А тогда — пожалуйста, приглашайте своих друзей из информационных агентств.

Его распоряжение опоздало: на борту «Ауриги» был начальник отдела «Интерплэнет Ньюс» Морис Спенсер, который летел к новому месту службы, в Клавий. Спенсер еще не решил, считать ли это повышением после Пскина или наоборот. Во всяком случае, перемена...

В отличие от остальных пассажиров, он ничуть не возмущался переменой курса. Задержка не была ему помехой, напротив, газетчик всегда рад необычному, оно вырывает из повседневности. Разве это не странно: лайнер, следующий на Луну, теряет несколько часов и огромное количество энергии ради того, чтобы подобрать какого-то угрюмого молодого человека с двумя чемоданами. И почему вместо Клавия — Порт-Рорис? «Велели с Земли, приказ сверху», — объяснил капитан. Похоже, он действительно больше ничего не знает.

Словом, загадка. А загадки — хлеб Спенсера. Он попытался угадать, в чем тут дело. И был очень недалек от истины.

Не иначе, это связано с пропавшим пылеходом, о котором было столько толков на Земле как раз перед их вылетом. И этот ученый с «Лагранжа» либо знает что-то о пылеходе, либо может помочь в розысках. Но почему такая секретность? Какой-нибудь промах или скандал, который Лунная администрация старается скрыть? Другой причины Спенсер не мог себе представить.

Он не торопился заговаривать с Лоусоном и с удовольствием наблюдал, какой отпор получили те из пассажиров, которые попробовали затеять беседу с новичком. Морис Спенсер ждал своей поры, и она наступила за тридцать минут до посадки.

Не случайно Спенсер оказался рядом с Лоусоном, когда велели занять места в креслах и пристегнуть пояса перед торможением. Вместе с ними еще пятнадцать пассажиров смотрели на телевизионный экран, на котором стремительно приближающаяся Луна казалась даже яр-

че, чем в действительности. В затемненной кабине было словно внутри старинной камеры-обскуры; конструкторы космических кораблей наотрез отказались делать обзорные окна, считая их слишком уязвимыми.

Ландшафт быстро разросся, и картина была великолепная, незабываемая, но Спенсер смотрел на нее вполглаза. Его занимало лицо соседа, этот орлиный профиль, который можно было различить в слабом свете экрана.

— Кажется, где-то там,— заговорил он будто невзначай,— пропал корабль с туристами?

— Да,— не сразу ответил Том.

— Я совсем плохо знаю географию Луны... Вы не слышали, в каком месте это случилось?

Морис Спенсер давным-давно открыл, что можно извлечь информацию даже из самого необщительного человека. Нужно только внушить собеседнику, что он делает вам одолжение; и ведь так лестно козырнуть своей осведомленностью. Эта уловка приносила успех в девяти случаях из десяти, она помогла и теперь.

— Они находятся вот там,— сказал Том Лоусон, показывая на середину экрана.— Вот Горы Недоступности, их со всех сторон окружает Море Жажды.

Спенсер с неподдельным трепетом смотрел на мчащиеся прямо на них черно-белые горы. Как бы пилот — будь то человек или автомат — не подвел: очень уж быстро они падают. Но тут он заметил, что горы вместе с окружающим их серым пятном уходят вправо. Значит, ракета поворачивает к точке, которая находится где-то в левой части экрана. Слава богу, там вроде поровнее.

— Порт-Рорис,— вдруг по своему почину заговорил Том, и Спенсер увидел слева черное пятнышко.— Мы идем туда.

— Вот и хорошо! Не люблю садиться в горах,— отозвался газетчик, направляя разговор в нужное ему русло.— Если этих бедняг занесло в этот хаос, пиши пропахло, не найдут. К тому же их как будто накрыло лавиной?

Том снисходительно усмехнулся.

— Вот именно: как будто.

— Что, разве это не так?

Том Лоусон спохватился, что сказал лишнее.

— Больше ничего не могу вам сообщить,— ответил он все так же заносчиво и высокомерно.

Спенсер не стал наседать. Он услышал достаточно, чтобы решить: Клавий подождет, сейчас важнее Порт-Рорис.

Он окончательно утвердился в своем намерении, когда — не без зависти — увидел, как доктор Том Лоусон за три минуты прошел врачебный, таможенный, иммиграционный, валютный и все прочие виды контроля.

Если бы кто-нибудь посторонний подслушал, что происходит в кабине «Селены», он был бы весьма озадачен. Корпус пылехода отзывался далеко не мелодичными звуками на нестройный хор голосов. Двадцать один человек, всяк на свой лад, пели:

— С днем рождения!

Когда смолк шум, коммодор Ханстен спросил:

— Кто еще, кроме миссис Уильямс, вспомнил, что родился как раз сегодня? Я понимаю, некоторые дамы, достигнув известного возраста, становятся скрытными...

Больше никто не признался, но сквозь всеобщий смех пробился голос Данкена Мекензи:

— Кстати, о днях рождения: я не раз выигрывал пари на них. В году триста шестьдесят пять дней — сколько людей надо собрать вместе, чтобы вероятность того, что двое из них родились в один день, оказалась больше пятидесяти процентов?

Короткая пауза, все обдумывали вопрос, потом кто-то ответил:

— По-моему, надо триста шестьдесят пять разделить пополам. Выходит, сто восемьдесят человек.

— Ответ естественный — и неверный. Достаточно двадцати пяти человек.

— Ерунда! Двадцать пять дней из трехсот шестидесяти пяти... Не получится такого соотношения!

— Простите, но это так. А если собрать больше сорока человек, девятью шансов из ста за то, что у двоих совпадет день рождения. Нас только двадцать два, но давайте попробуем? Вы не против, коммодор?

— Нисколько. Я обойду кабину и опрошу каждого.

— Нет, нет, — возразил Мекензи — Кто-нибудь может смошенничать. Даты надо записывать, чтобы никто не подслушал чужих ответов.

Кто-то пожертвовал почти чистым листком из туристской брошюры, листок разорвали на двадцать две части и клочки раздали. Когда они были собраны, оказалось, что Пат Харрис и Роберт Брайен родились 23 мая. Все удивлялись, а Мекензи торжествовал.

— Чистое совпадение! — заключил один скептик, и тотчас несколько пассажиров затеяли жаркий математический спор.

Женщин этот предмет не увлекал — то ли их не занимала математика, то ли они избегали говорить о днях рождения.

Наконец коммодор решил, что пора переключиться на другую тему.

— Дамы и господа! Перейдем к следующему пункту нашей программы. Мне приятно сообщить вам, что Комиссия по развлечениям в составе миссис Шастер и профессора Джая... словом, нашего уважаемого профессора, придумала шутку, которая обещает нам немало веселых минут. Они предлагают учредить суд и устроить перекрестный допрос каждого из присутствующих. Задача суда — выяснить: почему мы избрали для путешествия именно Луну? Конечно, среди вас могут оказаться такие, что не пожелают отвечать. Кто знает, — может быть, половина из вас скрывается от полиции или от собственных жен. Пожалуйста, можете отказаться, но не обижайтесь, если мы из этого сделаем нелестный для вас вывод. Ну, как, понравилось наше предложение?

Одни восприняли его восторженно, другие ироническими возгласами выразили свое неодобрение, но никто не восстал решительно против, и коммодор приступил к делу. Как-то само собой вышло, что его избрали председателем суда, а Ирвинга Шастера назначили прокурором.

Первый ряд кресел повернули лицом к кабине. Здесь заняли места председатель и прокурор. Когда все было готово и секретарь суда (то есть Пат Харрис) призвал присутствующих к порядку, председатель взял слово.

— Сейчас мы не решаем вопрос о виновности, — сказал он, с трудом сохраняя на лице серьезность. — Нам нужно определить, есть ли состав преступления. Если кто-либо из свидетелей сочтет, что мой ученый коллега оказывает на него давление, он может апеллировать к суду. Прошу секретаря пригласить первого свидетеля.

— Э-э, гм... ваша честь, а кто первый свидетель? — резонно осведомился секретарь.

Потребовалась десятиминутная дискуссия с участием суда, прокурора и любителей поспорить из публики, чтобы разрешить эту немаловажную проблему. В конце концов постановили тянуть жребий; первым выпало отвечать Дэвиду Баррету.

Чуть улыбаясь, свидетель прошел вперед и занял свое место в узком проходе между креслами.

Ирвинг Шастер, который в нижнем белье был мало похож на официальное лицо, сурово прокашлялся.

— Ваше имя Дэвид Баррет?

— Совершенно верно.

— Род занятий?

— Инженер-машиностроитель, теперь на пенсии.

— Мистер Баррет, расскажите суду, что именно привело вас на Луну.

— Мне захотелось посмотреть, что же это такое — Луна. Время для путешествий у меня есть, деньги тоже.

Ирвинг Шастер искоса поглядел на Баррета сквозь толстые линзы очков; он давно заметил, что такой взгляд озадачивает свидетелей. Носить очки считалось в двадцать первом веке чудачеством, но врачи и юристы, особенно постарше годами, все еще пользовались ими. Больше того, очки стали как бы символом профессии.

— Вам «захотелось узнать», — повторил Шастер слова Баррета. — Это не объяснение. Почему вам захотелось?

— Боюсь, ваш вопрос сформулирован слишком неопределенно. Почему человек вообще поступает так, а не иначе?

Коммодор Ханстен довольно улыбнулся. Это именно то, чего он хотел: пусть пассажиры спорят и обсуждают вопрос, который всем интересен и вместе с тем не вызовет ни обид, ни чрезмерных страстей (Ну, а если такая угроза возникнет, от него зависит навести порядок в суде.)

— Я признаю, — продолжал адвокат, — что мой вопрос пуждается в уточнении. Попробую сформулировать его иначе.

Он подумал немного, перебирая свои бумаги — всего-навсего листки из путеводителя. На полях Шастер набросал кое-какие вопросы, просто так, для вида. Он не любил выступать в суде с пустыми руками. Сколько раз в

его практике несколько секунд мнимой консультации с бумагами приносили неоценимую пользу.

— Верно ли будет сказать, что Луна привлекла вас красотами ландшафта?

— Да, отчасти и это. Я просматривал путеводители, видел кинофильмы и не раз спрашивал себя, насколько они отвечают действительности.

— И к какому выводу вы пришли теперь?

— Я бы сказал,— сухо ответил свидетель,— что действительность превзошла все мои ожидания.

Его слова были встречены дружным смехом. Коммодор постучал по спинке своего кресла

— Призываю к порядку! — воскликнул он. — Иначе мне придется удалить нарушителей из зала суда!

Как он и ожидал, это замечание вызвало новый, еще более сильный взрыв смеха. Ханстен предоставил пассажирам посмеяться вволю. Наконец веселье стихло, и Шастер продолжал допрос. Он совершенно вошел в роль.

— Это очень интересно, мистер Баррет. Вы прилетели на Луну, потратили столько денег, чтобы полюбоваться видами. Скажите, пожалуйста, вам приходилось видеть Гранд-Каньон?

— Нет. А вам?

— Ваша честь! — воззвал Шастер к председателю. — Свидетель неправильно держит себя.

Коммодор строго посмотрел на Баррета, но тот ничуть не смутился.

— Мистер Баррет, не вы ведете допрос. Ваше дело отвечать на вопросы, а не задавать их.

— Милорд, я приношу суду извинения, — ответил свидетель.

— Гм... Разве я «милорд»? — неуверенно обратился Ханстен к Шастеру. — Мне казалось, что я «ваша честь».

Юрист поразмыслил с важным видом.

— Я предлагаю, ваша честь, чтобы каждый свидетель соблюдал те формы, к которым он привык в своей стране. Это вполне допустимо, пока проявляется должное уважение к суду.

— Хорошо. Продолжайте.

Шастер снова повернулся к свидетелю.

— Хотелось бы услышать, мистер Баррет, почему вы сочли нужным отправиться на Луну, хотя далеко еще не

осмотрели всю Землю? У вас были какие-нибудь веские причины для столь нелогичного поведения?

Вопрос был отличный, как раз такой, который мог занимать всех, и Баррет постарался ответить убедительно.

— Я довольно хорошо знаю Землю,— медленно произнес он с ярко выраженным английским произношением, таким же редким, как очки.— Жил в гостинице «Эвсерест», побывал на обоих полюсах, даже спускался на дно впадины Калипсо. Словом, немало повидал, и родная планета уже не могла меня ничем удивить. А в каких-нибудь сутках пути — Луна, все новое, совсем другой мир. Новизна меня и привлекала.

Ханстен только краем уха слушал обстоятельный, неторопливый анализ. Пока говорил Баррет, он мог без помех изучать остальных. Коммодор успел уже составить себе представление о команде и пассажирах, определил, на кого можно положиться, от кого ждать подвоха, если дело обернется худо.

Наиболее надежен, естественно, капитан Харрис. Коммодор хорошо знал людей этого склада, он часто встречал их в космосе, но еще чаще в учебных центрах, например в Астротехе. (Когда Ханстен выступал там с лекциями, перед ним всегда сидели подтянутые, аккуратно выбритые Паты Харрисы.) Пат толковый молодой человек со склонностью к технике, но лишенный честолюбия, нашел себе работу как раз по плечу в таком месте, где от него требовались только осмотрительность и учтивость. (Ханстен не сомневался, что миловидные пассажирки особенно ценили в нем второе качество.) Он добросовестен, дисциплинирован, суховат, будет честно выполнять свой долг и — в отличие от многих более одаренных людей — умрет мужественно, без жалоб. Это может оказаться особенно ценным здесь на пылеходе, если их не выручат через пять дней.

Не меньшая ответственность выпала сейчас на стюардессу мисс Уилкинз. Это не стандартный тип космической стюардессы: пресное обаяние и застывшая улыбка. Ханстен успел определить, что мисс Уилкинз девушка с характером и образованная. Впрочем, то же самое можно было сказать и о многих девушках ее профессии.

Словом, с командой ему повезло. А как пассажиры? Разумеется, они незаурядные люди, иначе они вообще не

оказались бы на Луне. В кабине «Селены» собрано изрядно ума и талантов, но в том-то вся нелепость положения, что ни ум, ни дарование их не выручат. Здесь важен характер, сила духа — попросту говоря, мужество.

В двадцать первом веке мало кому нужно было физическое мужество. От рождения и до самой смерти люди ни разу не глядели в глаза опасности. Пассажиры «Селены» не были подготовлены к таким испытаниям, а на играх да развлечениях далеко не уедешь.

Не пройдет и двенадцати часов, сказал себе коммодор, как появится первая трещина. К тому времени всем станет ясно, что какое-то препятствие задерживает спасателей и что эта задержка может оказаться роковой.

Ханстен еще раз быстро обвел взглядом кабину. Если не считать не совсем опрятного вида, все они пока остаются разумными и выдержанными членами общества.

Кто из них сдаст первым?..

ГЛАВА 10

К доктору Тому Лоусону, заключил главный инженер Лоуренс, нельзя применить древнее правило: «Знать значит простить». Он знал, что на долю Лоусона выпало приятное детство, без родительской любви и ласки, что астроном вышел в люди только благодаря своему уму, в ущерб всем прочим человеческим качествам. Он мог понять Лоусона, и все-таки тот ему не нравился. «Удивительное невезение,— говорил себе Лоуренс,— на триста тысяч километров вокруг из всех ученых только у этого типа есть инфракрасный локатор, и только он знает, как с ним обращаться...»

В этот самый миг Том Лоусон, сидя в кресле наблюдателя на «Пылекате-2», закончил наладку неказистой на вид, но вполне работоспособной конструкции. Локагор стоял на треноге, которую укрепили на крыше пылеската, и мог поворачиваться в любом направлении.

Как будто действует... Но поручиться трудно: здесь, в тесном герметическом ангаре, множество всяких источников тепла. Только на Море можно будет проверить по настоящему.

— Готово,— доложил наконец Лоусон главному инже-

неру.— Разрешите сказать несколько слов человеку, который будет работать с локатором.

Как поступить?.. Главный внимательно посмотрел на астронома. Одинаково сильные доводы говорят и за, и против, нельзя только допустить, чтобы повлияли личные чувства. Дело слишком важное.

— Вы можете работать в космическом скафандре? — спросил он Лоусона.

— Я их никогда в жизни не надевал. Они нужны только для наружных работ, а это дело инженеров.

— Так вот, вам представляется случай научиться, — ответил главный инженер, игнорируя шпильку. (Если это вообще шпилька; похоже, неучтивость астронома объясняется скорее незнанием светских приличий, чем сознательным пренебрежением ими.) — На пылекате это не так уж сложно. Будете спокойно сидеть в кресле наблюдателя. Автоматический регулятор сам следит за кислородом, температурой и прочим. Одно только меня смущает...

— Что именно?

— Вы не страдаете клаустрофобией?

Том замаялся. Разумеется, перед отправкой в космос его проверили по всем статьям, однако он подозревал — и не зря, — что некоторые психологические тесты прошел еле-еле. Конечно, он не ярко выраженный клаустрофоб, он не боится замкнутого пространства, тогда его просто не допустили бы на борт космического корабля. Но одно дело корабль, совсем другое — скафандр.

— Выдержу, — ответил он наконец.

— Только не насилуйте себя, — строго сказал Лоуренс. — Желательно, чтобы вы пошли с нами, но выжимать из вас ложный героизм я не хочу. Все, о чем я вас прошу: принять решение, прежде чем мы покинем ангар. Потом, в двадцати километрах от берега, поздно будет передумывать.

Том посмотрел на пылекат и прикусил губу. Сама мысль о том, чтобы на таком хрупком сооружении нести по этому адову пылевому Морю, казалась ему безумием. Но эти люди каждый день туда ходят. И если прибор вдруг забастует, он хоть попытается исправить его.

— Вот скафандр вашего размера, — продолжал Лоуренс. — Примерьте его, может быть, это поможет вам решиться.

Том натянул на себя эластичный костюм, который так и норовил собраться в складки, застегнул молнию спереди и выпрямился. Он еще не надел шлема, но уже чувствовал себя неуютно. Пристегнутый к костюму кислородный баллон казался ему очень уж маленьким. Лоуренс перехватил озабоченный взгляд астронома.

— Не волнуйтесь, это всего-навсего четырехчасовой аварийный запас. Он вам не понадобится. Главные баллоны стоят на пылекате. А теперь осторожно... Поберегите нос, как бы не прищемило шлемом.

По лицам окружающих Том понял, что наступает критическая минута. Пока шлем не надет, ты еще частица человечества; потом ты уже один в маленьком механическом мире. И пусть лишь несколько сантиметров отделяет тебя от других людей, но ты видишь их через толстый пластик, разговариваешь с ними по радио, не можешь прикоснуться к ним иначе, как через двойной слой искусственной «кожи». Кто-то некогда писал, что смерть в космическом скафандре — это смерть в одиночестве. Впервые Том подумал, что автор этих слов, пожалуй, прав...

Вдруг из крохотных динамиков в шлеме гулко прозвучал голос главного инженера:

— Все очень просто, кнопки переговорного устройства — на панели справа. Обычно вы соединены с водителем. Эта цепь включена все время, пока вы оба находитесь на пылекате, можете разговаривать сколько угодно. А когда она разомкнется, вы переходите на радиосвязь — как сейчас, слушая меня. Нажмите, пожалуйста, кнопку «Передача» и отвечайте.

— А что это за красная кнопка «Аварийная»? — спросил Том, выполнив команду главного инженера.

— Вам не придется ею пользоваться... надеюсь. Эта кнопка включает приводной маяк, который будет слать сигналы в эфир, пока вас не разыщут. Не трогайте ничего без нашего указания, особенно красную кнопку.

— Хорошо, — ответил Том. — Поехали.

Довольно неуклюже, так как не успел еще привыкнуть ни с костюмом, ни с лунным тяготением, он прошагал к «Пылекату-2» и сел в кресло наблюдателя. Тонкий шланг — своего рода пуповина, включаемая в гнездо на правом бедре, — соединил костюм с кислородными бал-

лонами, телефоном и электросетью. В крайнем случае, это устройство позволит ему протянуть, пусть без особого комфорта, дня три-четыре...

Маленький ангар был рассчитан как раз на два пылеката, и насосы в несколько минут выкачали из него весь воздух. Скафандр сразу стал заметно тверже, и Тома вдруг охватил приступ страха. Главный инженер и оба водителя глядели на него. Они не увидят его испуга, он не доставит им этого удовольствия. А вообще-то кого не возьмет оторопь при первой в жизни встрече с вакуумом!

Дверь распахнулась, и Лоусона будто толкнули невидимые пальцы: из ангара вырвались наружу остатки воздуха. И вот перед ним, до самого горизонта, пустынная серая гладь Моря Жажды.

Невероятно. Неужели ожило то, что он до сих пор видел только из космоса? (Интересно, кто сейчас смотрит в стосантиметровый телескоп? Кто из его коллег в эту минуту несет вахту на посту высоко-высоко над Луной?) Это уже не картинка, нарисованная на экране крылатыми электронами, а то самое недоброе аморфное вещество, которое бесследно поглотило двадцать два человека. По этой глади он, Том Лоусон, должен идти на таком непрочном сооружении...

Но размышлять было некогда. Легкая дрожь под ногами — винты уже вращаются. Следом за «Пылекатом-1» они заскользили по поверхности Луны.

Едва они вышли из длинной тени, которая протянулась от здания Порт-Рориса, как встретили лучи восходящего солнца. Даже через автоматические защитные фильтры было опасно смотреть на неистовое бело-голубое пламя в восточной части неба. «Стоп,— поправил себя Том,— ведь я не на Земле, а на Луне, здесь солнце восходит на западе. Значит, мы идем на северо-восток, в Залив Росы, по пути «Селены»...»

Низкие купола Порт-Рориса быстро уходили за горизонт, и ощущение скорости словно окрылило Тома. Но ненадолго: едва скрылись из виду все ориентиры, возникла иллюзия, что они застыли в центре бескрайней равнины. Несмотря на гул вращающихся винтов и беззвучный медленный полет пылевых парабол за кормой, казалось, что пылекаты не движутся. Том знал: за каких-нибудь два часа они пересекут все Море, и все-таки боролся с

тягостным чувством, будто световые годы отделяют их от других людей. И в душе его, хотя и поздновато, зародилось уважение к тем, с кем он теперь сотрудничал.

Что ж, самая пора проверить прибор... Включив лока-тор, Том направил его в ту сторону, откуда они вышли. И удовлетворенно отметил ярко светящуюся колею на темной поверхности Моря. Конечно, это пустячная задача для локатора; обнаружить на фоне все более сильного утреннего зноя остывающий тепловой след «Селены» будет в миллион раз сложнее. И все-таки уже легче на душе: если бы прибор вообще не сработал здесь, можно было бы сразу ставить крест на всей затее.

— Ну, как? — спросил главный инженер; должно быть, он следил со своего пылеката за действиями Тома.

— Прибор работает, — осторожно ответил Том. — Как будто все в порядке.

Он навел локатор на тонкий серп Земли. Миншень посложнее, впрочем, ненамного: не нужно большой чувствительности, чтобы уловить ласковое тепло родной планеты, окруженной холодом космической ночи.

Вот оно, инфракрасное изображение Земли... Странное, с первого взгляда даже озадачивающее зрелище. Вместо четкого серпа совершенной геометрической формы он видел размытый гриб, ножка которого вытянулась по экватору.

Понадобилось несколько секунд, чтобы осмыслить изображение. Оба полюса срезаны, это и понятно, они слишком холодные, при таком уровне чувствительности их не обнаружишь. Но что это за выпуклость в ночной, неосвещенной части планеты? Ну конечно, он видит излучение тропических океанов, они отдают во мрак тепла, накопленное за день. В инфракрасном спектре экваториальная ночь была светлее, чем полярный день.

Лишнее напоминание об истине, которую всегда должен помнить ученый: органы чувств человека воспринимают лишь частичную и искаженную картину Вселенной. Том Лоусон никогда не слышал Плагонова сравнения людей с узниками в пещере, стремящимися по теньям на стене представить себе внешний мир. Между тем его опыт, наверное, пришелся бы по душе Платону. Какая Земля «настоящая»? Видимый глазом безупречный серп, косматый инфракрасный гриб — или ни то ни другое?

...Кабинет был тесноват даже для Порт-Рориса, который служил всего-навсего транзитной станцией между Эртсайдом и Фарсайдом, а также базой для туристов, посещавших Море Жажды. (Правда, этот маршрут сейчас как будто утратил свою притягательную силу...) Лет тридцать назад Порт-Рорис был у всех на устах: в ту пору здесь орудовал один из немногих «лунных» преступников, Джерри Бадкер, который неплохо нажился, торгуя поддельными осколками «Лунника-2». Конечно, его слава не могла сравниться со славой Робина Гуда или Билли Кида, но на Луне и Бадкер был величиной.

Морис Спенсер был даже рад, что Порт-Рорис такой тихий городишко. И ведь это ненадолго — особенно, если его коллеги в Клавии проведуют, что начальник отдела «Интерплэнет Ньюс» почему-то застрял в Рорисе и не торопится на юг, где заманчиво сверкают огни большого (население 52 647 человек) города. Зашифрованная радиотелеграмма на Землю, должно быть, уже успокоила начальство; оно привыкло полагаться на его интуицию и сообразит, в чем дело. Рано или поздно сообразят это и конкуренты, но к тому времени Морис Спенсер надеялся намного опередить их.

Сейчас он обрабатывал все еще недовольного капитана «Ауриги».

Капитан Ансон только что закончил долгий — на целый час — и очень неприятный телефонный разговор с заказчиком в Клавии. Компания «Макайвер, Макдональд, Маккарти и Маккелох» явно считала Ансона повинным в том, что «Аурига» села в Порт-Рорисе. В конце концов он повесил трубку, сказав, чтобы они выяснили этот вопрос в управлении. А в Эдинбурге сейчас воскресенье, раннее утро; поневоле им придется пока оставить его в покое.

После второй остановки Ансон слегка оттаял. С человеком, который способен раздобыть виски «Джонни Уокер» в Порт-Рорисе, стоит ладить, и капитан спросил Спенсера, как ему это удалось.

— Печать — великая сила, — усмехнулся тот. — Репортер не выдает своих источников, иначе он недолго протерпит.

Морис Спенсер достал из портфеля кипу карт и фотографий.

— Вот это было куда сложнее раздобыть в такой короткий срок,— продолжал он.— И я вас очень прошу, капитан, пусть это все останется между нами. Дело совершенно секретное, во всяком случае, пока.

— Разумеется. Речь идет о «Селене»?

— Ага, вы тоже догадались? Да, «Селена»... Может быть, ничего и не получится, но я хочу быть во всеоружии.

Он положил на стол большую фотографию — вид Моря Жажды, снятый с малой высоты разведывательным спутником и размноженный Топографическим управлением Луны. Хотя снимок был сделан вечером, когда тени падали в противоположную сторону, он почти в точности повторял изображение, которое Спенсер видел на экране перед посадкой. Журналист изучил эту фотографию настолько внимательно, что знал ее наизусть.

— Горы Недоступности,— сказал он,— вздымаются почти отвесно из Моря Жажды на высоту около двух тысяч метров. Этот темный овал — Кратерное Озеро...

— ...где пропала «Селена»?

— Возможно. Тенерь в этом уже сомневаются. У нашего общительного молодого друга с «Лагранжа» есть доказательства, похоже, что корабль затонул в Море Жажды — примерно вот тут. Но тогда люди могли остаться живы. А это означает, капитан, что в ста километрах отсюда полным ходом развернутся спасательные работы. Порт-Рорис окажется в центре внимания всей Солнечной системы!

Капитан присвистнул.

— Похоже, вам повезло! Но при чем тут я?

Палец Спенсера снова лег на карту.

— Вот при чем, капитан. Я хочу зафрахтовать ваш корабль. И хочу, чтобы вы доставили меня, оператора и двести килограммов телевизионного оборудования на западный склон Гор Недоступности.

— У меня больше нет вопросов, ваша честь,— сказал адвокат Шастер, садясь.

— Хорошо,— ответил коммодор Ханстен.— Я должен просить свидетеля не удаляться за пределы юрисдикции сего суда.

Под общий хохот Дэвид Баррет вернулся на место. Он хорошо сыграл свою роль. В большинстве ответов англичанина серьезная мысль сочеталась с искрой юмора, и слушали его с интересом. Если остальные свидетели будут отвечать так же охотно, за развлечением дело не станет — пока им вообще до развлечений... Даже если взять предельную, вряд ли возможную цифру: четыре исповеди в день, со всеми подробностями, какие способна сохранить человеческая память, — то кто-то еще будет рассказывать, когда испустит дух кислородная цистерна.

Ханстен посмотрел на часы. Целый час до скудного обеда. Можно вернуться к «Шейну» или (хоть мисс Морли и против) обратиться к этому дурацкому историческому роману. Нет, лучше продолжать спектакль, пока все еще настроены так, как надо.

— Если никто не возражает, — сказал коммодор, — я вызову следующего свидетеля.

— Я — за! — поспешно отозвался Баррет, чувствуя себя в безопасности.

Даже картежники не были против, и секретарь суда вытащил из кофейника клочок бумаги. Его лицо отразило замешательство, и он почему-то замялся.

— В чем дело? — спросил председатель суда. — Вам попалась ваша фамилия?

— Гм... нет, — ответил секретарь, с озорной улыбкой глядя на адвоката. Потом прокашлялся и провозгласил: — Миссис Шастер!

— Ваша честь, я возражаю! — Миссис Шастер с трудом оторвала от сиденья свои килограммы, хоть их и поубавилось с тех пор, как «Селена» покинула Порт-Рорис. Жестом она указала на своего супруга, который смущенно уткнулся в записи. — Разве это по чести, чтобы он меня выспрашивал?

— Я готов уступить свое место, — сказал Ирвинг Шастер, не дожидаясь, когда председатель суда произнесет формулу «протест принят».

— Я согласен вести допрос, — отозвался коммодор, хотя его лицо говорило обратное. — Или, может быть, кто-нибудь еще хочет взять это на себя?

Все молчали. Вдруг, к удивлению и радости Ханстена, поднялся с места один из любителей покера.

— Я, правда, не юрист, ваша честь, но у меня есть кое-какой правовой опыт. Я готов помочь вам.

— Отлично, мистер Хардинг. Приступайте к допросу свидетелей.

Хардинг занял место Шастера и обвел взглядом внимательную аудиторию. Это был ладно и крепко скроенный мужчина, не очень-то похожий на банковского служащего. Недаром, когда все представлялись, Ханстен подумал, что Хардинг не тот, за кого выдает себя.

— Ваше имя Майра Шастер?

— Да.

— Что же привело вас на Луну, миссис Шастер?

Свидетельница улыбнулась.

— Это я сразу могу ответить. Мне сказали, что на Луне я буду весить двадцать килограммов, вот и полетела.

— Нельзя ли уточнить: почему вам хотелось весить двадцать килограммов?

Миссис Шастер посмотрела на Хардинга так, словно он сказал величайшую глупость.

— Когда-то я была танцовщицей,— ответила она, и голос ее вдруг стал грустным, лицо — задумчивым.— Конечно, пришлось это дело бросить, когда я вышла за Ирвинга.

— Почему «конечно», миссис Шастер?

Свидетельница взглянула на своего супруга; он поежился, даже привстал, точно хотел протестовать, но раздумал.

— Да он сказал, мол, не благородное это занятие. Верно, конечно, ведь я где танцевала...

Тут мистер Шастер не выдержал. Совершенно игнорируя суд, он вскочил на ноги и закричал:

— Право, Майра, незачем...

— Э, плюнь ты на это, Ирв! — отпарировала она; и от ее столь странного здесь старомодного жаргона на всех повеяло девяностыми годами.— Чего уж там, теперь-то! Зачем притворяться, уж какие есть. Что из того, если они тут узнают, что я танцевала в «Голубом астероиде»... и что ты меня выручил, когда нагрянули фараоны.

Ирвинг сел, негодуяще фыркая, а в кабине разразился громовой хохот, который его честь даже и не пытал-

ся прекратить. Пусть отводят душу: когда люди смеются, они забывают о страхе.

И коммодор опять спросил себя, кто же такой этот мистер Хардинг, который одним лишь небрежным и вместе с тем коварным вопросом добился такого эффекта. Для неюриста он неплохо справляется со своей задачей. Интересно будет поглядеть на него в роли свидетеля, когда настанет черед Шастера задавать вопросы...

ГЛАВА 11

Наконец, что-то нарушило плоское однообразие Моря Жажды. Из-за горизонта выглянул крохотный, но ослепительно яркий осколок света. По мере того, как пылекаты мчались вперед, он поднимался все выше к звездам. А вот еще один, еще... Над краем Луны выросли вершины Гор Недоступности.

На глаз не определишь расстояния, может почудиться, что это небольшие скалы, до которых рукой подать, или могучие пики горной страны в другом мире, за миллионы километров от Луны. На самом деле до них было пятьдесят километров, полчаса хода на пылекатах.

Том Лоусон обрадовался горам: они заполнили пустоту, в которой тонули взгляд и рассудок. Еще немного, и он сошел бы с ума от этой бесконечной на вид равнины. Разумеется, глупо. Том великолепно понимал, что горизонт совсем близко, что Море Жажды — только часть Луны, поверхность которой вовсе не безгранична. Но пока ему казалось, что пылекат стоит на месте, он чувствовал себя как в кошмаре, когда мучительно напрягаешься, силясь уйти от беды, и не можешь шагу шагнуть. Тому часто снились такие сны, даже еще страшнее.

Но теперь он ясно видел, что они движутся и длинная черная тень пылеката не примерзла к пыли. Том навел локатор на вершины; прибор тотчас отозвался. Все правильно: под лучами солнца камни почти раскалены. Лунный день едва занялся, но вершины уже словно превратились в языки пламени. Здесь, на уровне «моря», куда прохладнее. Верхний слой пыли нагревается до максимума лишь в полдень, а до него еще семь суток. Это

обстоятельство было особенно важно для Лоусона. Хотя день уже начался, еще есть надежда найти слабые источники тепла, прежде чем могучее светило подавит их. Двадцать минут спустя горы заняли половину неба, и пылекаты сбавили скорость.

— Это чтобы не проскочить их след,— объяснил Лоуренс.— Присмотритесь — вон там, направо, двойная вершина, а пониже нее вертикальная темная черта. Нашли?

— Да.

— Это ущелье ведет в Кратерное Озеро. Тепловое пятно на вашем снимке находится в трех километрах к западу от ущелья. Оно еще скрыто от нас за горизонтом. С какой стороны надо подойти?

Лоусон мысленно прикинул. Пожалуй, лучше всего с севера или с юга. Если подходить с запада, в поле зрения окажутся пылающие скалы; с востока и подавно нельзя — будешь смотреть прямо на восходящее солнце.

— Зайдем с севера,— сказал Лоусон.— И предупредите меня, когда останется два километра.

Пылекаты снова прибавили скорость. Хотя искать след было рано, Том стал прощупывать локатором поверхность Моря. Основой термопоиска было предположение, что обычно температура верхнего слоя однородна, и только человек может нарушить это равновесие. Если же это неверно...

Это было неверно. Том Лоусон жестоко ошибся в своих расчетах. На экране видеоискателя Море Жажды представляло собой сетку из света и теней, точнее — тепла и холода. Хотя температурные отклонения не превышали малых долей градуса, этого оказалось достаточно, чтобы получилась хаотическая картина. В этом термическом лабиринте выделить какой-либо обособленный источник тепла невозможно...

У Тома сердце оборвалось. Он оторвал взгляд от экрана и недоумевающе уставился на пыль. Для невооруженного глаза ее поверхность была предельно гладкой — сплошное серое поле. А в инфракрасных лучах она была такой же рябой, как земные моря в облачный день, когда свет и тени на воде сплетаются в непрерывно меняющийся узор.

Но над этим безводным Морем облаков нет, что-то другое вызвало рябь. Том был слишком потрясен, чтобы

искать научного объяснения. Мчался за столько тысяч километров на Луну, рискуя жизнью и рассудком, отправился в этот идиотский поиск — и вот, по какой-то прихоти природы, тщательно задуманный опыт провалился. Вот уж подлинно не повезло... Душу Тома Лоусона заполнила жалость к себе.

Прошло несколько минут, прежде чем он подумал о людях на борту «Селены».

— Итак,— преувеличенно спокойно сказал капитан «Ауриги»,— вам хочется сесть в Горах Недоступности. Увлекательная идея...

Ну конечно, Ансон не принял его слов всерьез. Должно быть, решил, что этот одержимый репортер просто не представляет себе всех трудностей. Что ж, это было бы справедливо двенадцать часов назад, когда Спенсер только-только задумал свой план. Но теперь он был до зубов вооружен всевозможными сведениями и отлично знал, что делает.

— Я слышал, капитан, вы хвастались, будто можете посадить свой корабль в любом заданном месте с точностью до одного метра. Это верно?

— Гм... могу, была бы вычислительная машина.

— Превосходно. А теперь поглядим вот на эту фотографию.

— Что это? Глазго глазами гуляки в субботний вечер?

— Зерно есть, конечно, такое уж увеличение, но разобрать можно. Здесь показан участок как раз под западной вершиной Гор Недоступности. Через несколько часов у меня будет другой отпечаток, намного лучше, и карта в горизонталях. Топографическое управление уже вычерчивает ее, у них весь этот район снят. Ну вот, тут есть широкий уступ — достаточно широкий, чтобы десять кораблей посадить. И ровный, во всяком случае вот здесь... и здесь... Так что для вас посадка не задача.

— Технически — возможно. Но вы хоть примерно представляете себе, сколько это стоит?

— Это уж моя забота, капитан, вернее, моего агентства. Мы считаем, что игра стоит свеч, если мое предчувствие не обманет.

Спенсер мог бы сказать еще кое-что, но когда готовишь почву для сделки, лучше не показывать партнеру, что тебе позарез нужен его товар. Он рассчитывал на большую сенсацию: спасательные работы в космосе — перед объективами телекамер, такого никогда не было! Видит бог, космические катастрофы случались и прежде, но драматический элемент неизвестности отсутствовал. Люди погибали мгновенно, если же нет — все равно им нельзя было помочь. Сообщения о трагедиях печатались на самом видном месте, однако их тотчас вытесняли другие новости.

— Не в деньгах дело, — сказал капитан, хотя по его тону чувствовалось, что они все-таки играют решающую роль. — Даже если владельцы согласятся, вам еще нужно разрешение Космической службы Эртсайда.

— Знаю, этот вопрос уже улаживается.

— А как насчет Ллойда? Наша страховка не распространяется на такие прогулки.

Спенсер наклонился над столом: настал миг пустить в ход главный козырь.

— Капитан, — раздельно произнес он. — «Интерплэнет Ньюс» согласна внести залог, равный страховой сумме. Насколько мне известно, эта — слегка завышенная — сумма составляет шесть миллионов четыреста двадцать пять тысяч пятьдесят стерлинг-долларов.

Капитан Ансон моргнул раз, другой и совершенно преобразился. С задумчивым видом он налил себе еще стопку.

— Никогда не думал, что на старости лет займусь альпинизмом, — сказал он. — Но если вам не жаль выбросить шесть миллионов долларов — да здравствуют горы!

К великому облегчению супруга миссис Шастер, доклад был прерван обедом. Особа разговорчивая, Майра Шастер явно обрадовалась первому за много лет случаю излить свою душу. Ее карьера, если можно употребить это слово, не была особенно славной, когда судьба и чикагская полиция положили ей конец; но Майра успела кое-что повидать и знала многих выдающихся артистов конца прошлого столетия. Слушая ее, не один из пас-

сажиров постарше вспомнил собственную молодость и песенки девяностых годов. А когда миссис Шастер запела неувядаемый «Космоблюз», все хором подхватили припев, и суд не стал возражать. По мнению коммодора, такого массовика надо было ценить на вес золота. А это, если учесть комплекцию Майры Шастер, кое-что значило.

После обеда (наиболее медлительные едоки ухитрились растянуть его на полчаса, так тщательно они пережевывали каждый кусок) снова обратились к книгам, причем теперь взяли верх сторонники «Апельсина и яблока». Так как сюжет был из английской жизни, решили, что читать должен мистер Баррет. Он всячески отнекивался, но силы были неравны.

— Ну хорошо,— неохотно согласился он — Начнем. Итак: глава первая. Драри лейн. Тысяча шестьсот шестьдесят пятый год...

Автор не терял зря времени. Уже на третьей странице сэр Исаак Ньютон объяснял закон тяготения миссис Гвин, которая дала понять, что готова вознаградить его. Пат Харрис догадывался, куда она клонит, но долг службы вынудил его отвлечься. Это развлечение — для пассажиров, команду ждет работа.

— Один аварийный ящик я еще не трогала,— сказала мисс Уилкинз, едва дверь камеры перепада мягко скользнула в свой паз, отсекая выразительный голос мистера Баррета.— Столовое печенье и джем на исходе, но мясного концентрата пока достаточно.

— Ничего удивительного,— ответил Пат.— Он никому не лезет в глотку. Ну-ка, давайте проверим наши описи.

Стюардесса подала ему листки с машиннописным текстом, испещренные карандашными галочками.

— Так, начнем с этого ящика. Что в нем?

— Мыло и бумажные полотенца.

— М-да, ими не закусишь. А тут?

— Леденцы. Я берегла их, чтобы было чем отпраздновать... когда нас найдут.

— Хорошая идея, но, думаю, стоит раздать немного сегодня вечером. По конфетке на человека — вместо стаканчика на ночь. Здесь что?

— Сигареты, тысяча штук.

— Следите, чтобы их никто не увидел. Лучше бы вы и мне не говорили.

Пат криво улыбнулся Сью и продолжал учет. Было ясно, что еда — не главная проблема, но бережливость не помешает. Пат Харрис знал свое начальство: после спасения рано или поздно найдется чинуша — живой или электронный, — который потребует отчета в том, как расходовались продукты.

После спасения... А верит ли он, что их спасут? Прошло больше двух дней, и до сих пор не видно, чтобы их искали. Пат не знал точно, каких признаков ждет, но ведь что-то должно быть!

Озабоченный голос Сью прервал его размышления:

— В чем дело, Пат? Что-нибудь не так?

— Что вы, — насмешливо ответил он. — Через пять минут мы пришвартуемся на Базе. Чудесная была прогулка, верно?

Сью недоумевающе взглянула на него, затем покраснела, и глаза ее наполнились слезами.

— Простите, — покаянно произнес Пат. — Я не хотел обижать вас. Нам обоим нелегко, но вы держитесь молодцом. Я не знаю, что бы мы делали без вас, Сью.

Она вытерла слезы платком, улыбнулась и ответила:

— Ничего, я понимаю.

Оба помолчали немного, потом она добавила:

— Вы думаете, мы выкарабкаемся?

Он развел руками.

— Кто его знает... Но ради пассажиров надо делать вид, что мы в этом не сомневаемся. Конечно, вся Луна ищет нас. Теперь уже недолго.

— Ну хорошо, допустим, они найдут «Селену», — но как нас выручат отсюда?

Пат посмотрел на выходную дверь, от которой его отделяло лишь несколько сантиметров. Достаточно протянуть руку, чтобы коснуться ее; больше того, если выключить автоблокировку, дверь можно отворить. По ту сторону тонкого металлического листа — несчетные тонны пыли, которая хлынет внутрь, как вода в затонувший корабль, если найдет малейшую щель. Сколько метров до поверхности? Этот вопрос заботил его с той самой минуты, когда они провалились, но как узнать?..

И неизвестно, что ответить Сью. Сейчас все его мыс-

ли вращались вокруг одного: найдут или не найдут? Лишь бы нашли, а там что-нибудь придумают! Человечество не даст им погибнуть, если убедится, что они живы.

Самообман это, вот что. Сотни раз в прошлом веке люди попадали в западню вроде этой, и даже самые могучие государства были бессильны спасти их. Запертые обвалом шахтеры, моряки в затонувших подводных лодках, не говоря уже о космонавтах в кораблях, которые сошли с расчетной орбиты, и их нельзя было перехватить. Нередко эти люди до самого конца могли переговариваться с друзьями и родными. Так было два года назад, когда на «Кассиопее» отказало управление и мощные двигатели понесли корабль прочь от Солнца. Он и сейчас летит в сторону Канопуса, и орбита его известна. Астрономы могли бы вычислить координаты «Кассиопеи» на ближайший миллион лет с точностью до нескольких тысяч километров. Превеликое утешение для команды, погребенной в склепе, который может поспорить долговечностью с любой из пирамид...

Усилием воли Пат прогнал от себя никчемные мысли. Их судьба еще не решена, и лучше не думать о беде, чтобы не накликать ее.

— Давайте-ка поскорее закончим учет. Хочется послушать, как там Нелл поладит с сэром Исааком.

Конечно, это куда более заманчивый предмет для размышления, особенно когда стоишь рядом со славной девушкой. У женщин в таких случаях есть одно огромное преимущество перед мужчинами, подумал Пат. На Сью и сейчас было приятно смотреть, хотя тропический зной заставил ее отказаться от форменной одежды. Его же, как и всех мужчин на борту «Селены», раздражала эта трехдневная щетина; и ведь ничего с ней не поделаешь.

Сам того не замечая, Пат Харрис подвинулся к мисс Уилкинз так близко, что уколол ей щетиной щеку. Он сразу отпрянул, но стюардесса стояла с таким видом, точно ожидала этого и нисколько не была удивлена.

— Вы, конечно, считаете меня бессовестным волокитой,— сказал Пат, преодолев смущение.

— Ничего,— ответила Сью с усталой улыбкой.— Мне даже приятно знать, что я еще могу нравиться. Ни одна

девушка не обижается, когда за ней начинают ухаживать. Другое дело, если мужчина не знает меры.

— Мне пора остановиться?

— Если бы мы друг друга любили, Пат... Мне это очень важно. Конечно, я рада, что работаю с вами. Я могла бы выбрать другое место.

— И зря не выбрали,— ответил Пат.

— Ну вот, опять на вас мрачность нашла,— сказала Сью.— В этом ваша беда: вы слишком легко падаете духом. И не умеете быть напористым, любой может командовать вами.

Пат поглядел на нее скорее удивленно, чем обиженно.

— Я и не подозревал, что вы изучаете мою психику.

— Я не изучала. Но если работаешь вместе с человеком, который тебя интересует, поневоле кое-что подметишь.

— Хорошо, но я не могу согласиться с тем, что мною командуют.

— Не можете? А кто сейчас управляет на корабле?

— Если вы о коммодоре, так это совсем другое дело. Он в тысячу раз больше меня подходит для роли командира. И ведь он ведет себя тактично, во всем спрашивает моего разрешения.

— Уже перестал спрашивать. И главное: вы ведь рады, что он взял командование на себя!

Пат призадумался. Потом посмотрел на Сью с явным уважением.

— Пожалуй, это верно. Меня никогда не тянуло утверждать свое я, свой авторитет. Может, потому я и водитель лунобуса, а не капитан космического лайнера. Да только теперь уж поздно исправляться.

— Вам еще нет тридцати.

— Благодарю за комплимент. Мне тридцать два. Мы, Харрисы, до старости лет выглядим молодожаво. Только тем и можем похвастаться.

— Тридцать два — и все еще нет своей девушки?

«Ха! — подумал Пат. — Ты еще далеко не все знаешь обо мне. А впрочем... Пожалуй, Сью права: нет у меня девушки. Вот уже пять лет — после Ивонны. Какое там пять — это было семь лет назад!»

— А куда спешить? — сказал он вслух. — Ничего, скоро обзаведусь семьей.

— Вы будете так говорить и в сорок, и в пятьдесят лет. Это уж так повелось у космонавтов. Не обзаведутся семьей вовремя, а потом поздно. Взять хоть того же коммодора.

— Опять коммодор? Сколько можно о нем говорить?!

— Он всю жизнь провел в космосе. У него ни семьи, ни детей. Земля для него ничего не значит, он слишком мало жил на ней. Когда кончился срок службы, он, наверное, не знал, куда себя деть. Так что для него это происшествие — дар небес, коммодор сейчас просто счастлив.

— И пускай, он этого заслужил. Мне бы сделать хоть десятую долю того, что он совершил за свою жизнь. Только не похоже...

Пат заметил, что все еще держит в руках описи. Он уже успел забыть про эти злополучные листки, которые лишний раз подчеркивали, как ограничены их возможности. Капитан нахмурился.

— Работа ждет,— сказал он.— Мы обязаны думать о пассажирах.

— Если мы задержимся здесь слишком долго,— ответила Сю,— пассажиры начнут думать о нас.

Она и не подозревала, как близки к истине ее слова.

ГЛАВА 12

Что-то доктор Лоусон давно молчит, подумал главный инженер. Пора бы сказать что-нибудь.

— Все в порядке, доктор? — спросил он самым дружелюбным тоном, на какой был способен.

Лоусон только сердито рявкнул в ответ, но недовольство его относилось к Вселенной, а не к Лоуренсу.

— Не работает,— горько ответил он.— Тепловое изобращение чересчур пестрое. Вместо одной — десятки нагретых точек.

— Остановите свой пылекат. Я переберусь к вам, посмотрю.

«Пылекат-2» затормозил. «Пылекат-1» подошел к нему, они остановились борт к борту. С поразительной легкостью, несмотря на жесткие доспехи, Лоуренс перескочил с одного пылеката на другой и стал позади Лоусона,

придерживаясь за навес. Через плечо астронома он посмотрел на экран инфракрасного преобразователя.

— Да уж, путаница изрядная. Но ведь все было гладко, когда вы делали свой снимок?

— Очевидно, восход влияет. Море нагревается, и почему-то неравномерно.

— Попробуем все-таки разобраться в этой мозаике. Так... Тут есть почти однотонные участки... Как это объяснить? Если бы знать, в чем дело, мы могли бы что-нибудь придумать.

Том Лоусон собрался с мыслями. Хрупкая оболочка самонадеянности разбилась вдребезги о неожиданное препятствие, и он чувствовал себя прескверно. Последние двое суток почти не пришлось спать: со спутника — на Луну, затем — на пылекат, он безумно устал, и в довершение ко всему наука подвела его.

— Объяснений могут быть десятки,— глухо произнес он.— Хотя пыль кажется однородной, возможны места с различной проводимостью. Где-то море глубже, где-то мельче, это тоже влияет на тепловое излучение.

Лоуренс продолжал разглядывать мозаику на экране, пытаясь согласовать ее с тем, что видел невооруженным глазом.

— Постойте, вы мне кое-что подсказали.— Главный обратился к водителю: — Какая здесь глубина?

— А кто его знает, Море еще не промеряли как следует. Но вообще-то тут, у северного берега, очень мелко. Иногда камнями винты срывает.

— Так мелко? Ну вот вам и ответ. Если под нами всего в нескольких сантиметрах камень, он, естественно, влияет на температуру. Десять против одного, что картина будет яснее, как только мы уйдем с отмели. Это местное явление, оно вызвано неровностью дна.

— Может быть, вы и правы.— Том слегка ободрился.— Если «Селена» затонула, ее надо искать там, где поглубже. Но вы уверены, что здесь мелко?

— Давайте проверим, на моем пылекате есть двадцатиметровый щуп.

Одного колена раздвижного щупа оказалось достаточно, он уперся в дно на глубине менее двух метров.

— Сколько у нас запасных винтов? — предусмотрительно справился Лоуренс

— Четыре: два полных комплекта,— ответил водитель.— Да винты резиновые, если заденут камень, летит шплинт, а лопастям ничего не делается. Согнутся — и тут же выпрямляются. За весь этот год я только три винта потерял. Недавно и у «Селены» сорвало винт, пришлось Пату Харрису выходить наружу и крепить его на место. Конечно, пассажиры поволновались...

— Ясно, поехали дальше. Курс на ущелье. Подозреваю, что оно продолжается под пылью по дну Моря, и там глубина больше. Если я прав, ваша картинка сразу прояснится.

Том без особой надежды следил за тем, как скользят по экрану переливы света и тени. Пылекаты шли совсем медленно, чтобы он успевал анализировать изображение. И уже через два километра Том убедился, что Лоуренс был прав.

Рябь и крапинки стали исчезать, беспорядочный узор тепла и холода сменялся ровной серой гладью. Было очевидно, что глубина быстро растет.

Казалось бы, сознание того, что его прибор снова доказал свою пригодность, должно обрадовать Тома. Вышло наоборот: он думал о незримой пучине, над которой они скользили, опираясь на ненадежное, коварное вещество... Кто знает, быть может, там, внизу, провалы до самого центра Луны; они могут в любой миг поглотить пылекаты, как уже поглотили «Селену»!

У Тома Лоусона было такое ощущение, словно он шел по канату над пропастью или пробирался по узкой тропинке среди зыбучих песков. Всю жизнь его терзала неуверенность в себе, только на работе он забывал о своих колебаниях, а общаясь с людьми, терялся. Опасность подстегнула затаенные страхи. Сейчас он всеми силами души мечтал о чем-нибудь твердом, надежном, прочном, на что можно опереться.

Вот, всего в трех километрах — горы, могучие, вечные, коренящиеся в недрах Луны. Том глядел на залитые солнцем вершины с таким отчаянием, с каким человек на покорном волнам плоту посреди Тихого океана глядел бы на скользящий мимо остров...

Хоть бы Лоуренс поскорее ушел из этого зловещего призрачного пылевого океана, причалил к безопасному берегу! Том Лоусон поймал себя на том, что шепчет:

— Идите к горам! Идите к горам!

Но в космическом скафандре лучше не размышлять вслух, если включено радио. За пятьдесят метров главный инженер услышал шепот Лоусона и все понял.

Чтобы стать главным инженером половины небесного тела, нужно разбираться в людях не хуже, чем в машинах. «Я сознательно пошел на риск,— подумал Лоуренс.— Похоже, что просчитался. Но без боя не сдамся. Может быть, еще удастся разрядить эту психологическую бомбу замедленного действия, прежде чем она взорвется...»

Том не заметил, как опять приблизился второй пылект, настолько он был поглощен своими переживаниями. Вдруг что-то трянуло его, да так сильно, что он ударился лбом о шлем. От боли невольно выступили слезы. Сморгнув их, Том Лоусон, в душе которого смешались ярость и странное облегчение, прямо перед собой увидел суровые глаза главного и услышал в шлемофоне гулкий голос:

— Кончайте этот вздор. И поаккуратнее с нашим скафандром: за чистку с нас пятьсот долларов берут, да и то костюм уже будет не тот.

— Меня не мутит...— через силу пробормотал Том, но тут же смекнул, что ему грозило что-то похуже, спасибо еще Лоуренсу за деликатность. Прежде чем он смог что-нибудь добавить, снова — теперь уже мягче — зазвучал голос инженера:

— Никто больше не слышит нас, Том, я включил двустороннюю связь. Слушайте меня и не злитесь. Мне о вас кое-что известно. Знаю, жизнь обошлась с вами не ласково. Но у вас есть голова — очень даже неплохая голова, и нечего терять ее, поддаваться трусости. Всякий может испугаться, никто из нас не застрахован от этого, но сейчас это совсем некстати. От вас зависит жизнь двадцати двух человек. Все решится в ближайшие пять минут. Так что смотрите на экран и забудьте обо всем остальном. Положитесь на мое слово, мы вас приведем обратно в целости и сохранности.

Не сводя глаз с потрясенного лица молодого ученого, Лоуренс — на этот раз дружески — похлопал рукой по его скафандру. И с облегчением увидел, что Лоусон постепенно приходит в себя.

Мгновение астроном сидел неподвижно. Он овладел собой, но было видно, что он слушает какой-то внутренний голос. «О чем говорит ему этот голос? — спросил себя главный. — О том, что он частица человечества, пусть даже оно заточило его ребенком в этот отвратительный сиротский приют?.. Или что есть где-то в мире человек, который проникнется к Тому теплым чувством и растопит корку льда, ожесточившую его сердце?»

Странную картину можно было видеть в этот миг на зеркально гладкой равнине, простиравшейся от Гор Недоступности до самого солнечного диска. «Пылекат-1» и «Пылекат-2» напоминали корабли, застигнутые штилем среди мертвого, недвижимого Моря, и водители могли только догадываться, какая драма характеров только что разыгралась. Со стороны и не поймешь, как остро стоял минуту назад вопрос о жизни и смерти людей. А двое, которые знают об этом, никому не расскажут.

К тому же мысли обоих были уже поглощены совсем другим.

Более нелепого положения не придумаешь: все это время, пока Лоусон и Лоуренс, позабыв о локаторе, разбিরались в личных вопросах, экран терпеливо показывал то самое изображение, которое они искали.

Когда Пат и Сью закончили учет и вышли из воздушного шлюза, пассажиры все еще мысленно находились в Англии времен реставрации. За краткой лекцией сэра Исаака на темы физики последовал, как и можно было ожидать, гораздо более долгий урок анатомии под руководством Нелл Гвин. Слушатели от души веселились, тем более что Баррет великолепно передавал особенности речи героев.

«— Поистине, сэр Айзек, вы очень мудрый человек. И все же, сдается мне, женщина могла бы многому научить вас.

— Чему же, например, прелестная леди?

Миссис Нелл смущенно зарделась.

— Боюсь, — вздохнула она, — что вы целиком посвятили себя духовной жизни. Вы позабыли, сэр Айзек, что в теле тоже кроется немалая мудрость...»

«Если только мы отсюда выберемся, — подумал Пат, —

наш долг послать благодарственное письмо семнадцатилетней школьнице на Марсе, которой приписывают авторство этой чепухи. Она всех веселит, а это сейчас главное».

Всех? Нет, кому-то было не до веселья. С чувством неловкости Пат заметил, что мисс Морли настойчиво старается поймать его взгляд. Вспомнив о своих обязанностях капитана, он повернулся к ней с приветливой, хотя и несколько натянутой улыбкой.

Она не ответила на улыбку, скорее ее лицо стало еще более отчужденным. Медленно и демонстративно мисс Морли перевела взгляд на Сью, потом опять посмотрела на Пата.

Все было ясно без слов. Они поняли ее так же хорошо, как если бы она крикнула во весь голос: «Я знаю, что вы там делали, в вашей камере!»

Лицо Пата вспыхнуло от гнева — праведного гнева человека, которого напрасно оклеветали. На миг он словно врос в свое кресло, только кровь стучала в висках. Потом буркнул себе под нос:

— Я ей покажу, этой старой ведьме.

Он поднялся на ноги, наградил мисс Морли улыбкой, полной сладчайшего яда, и сказал так, чтобы слышала только она:

— Мисс Уилкинз! А ведь я совсем забыл одну вещь. Пройдемте, пожалуйста, еще раз в камеру перепада.

Дверь затворилась, заглушив рассказ об эпизоде, который проливал совершенно неожиданный свет на происхождение герцога Сен-Олбанского, и Сью Уилкинз с лукавым любопытством поглядела на Пата.

— Вы видели? — спросил он, все еще кипя от ярости.

— Что именно?

— Мисс Морли...

— А-а! — перебила его Сью. — Не обращайтесь внимания на бедняжку. Она не сводит с вас глаз с той самой минуты, как мы вышли из Базы. Вы отлично понимаете, что ее мучает.

— Что? — смущенно спросил Пат, хотя заранее знал ответ.

— Она... как бы это сказать... боится перезреть. Довольно распространенный недуг, признаки всегда одни и те же.

Пути любви извилисты и прихотливы. Десять минут назад Пат и Сью вышли из камеры, согласившись быть в целомудренной нежной дружбе. Однако эта невообразимая комбинация мисс Морли — Нелл Гвин, мысль «семь бед — один ответ», да еще, пожалуй, подсознательное чувство, что в конечном счете любовь единственная защита против смерти — все, вместе взятое, поколебало их решимость.

ГЛАВА 13

Главный инженер Лоуренс пристально смотрел на слабо светящийся экран, пытаясь расшифровать изображение. Как и все инженеры и ученые, он немалую часть жизни провел, разглядывая картины, нарисованные стремительными электронами, которые воспроизводили явления слишком крупные или слишком малые, слишком яркие или слишком тусклые, чтобы их мог увидеть человеческий глаз. Прошло больше ста лет, как катодная трубка подарила человеку власть над невидимым миром; он уже забыл ту пору, когда этот мир был ему недоступен.

Инфралокатор нашел в двухстах метрах от них на поверхности пылевой пустыни едва заметное тепловое пятно, образующее почти правильный, изолированный круг. Нигде больше в поле зрения прибора не отмечалось посторонних источников тепла. Правда, пятно было куда меньше того, которое Лоусон сфотографировал с «Лагранжа», но координаты совпадали. Никакого сомнения: оно самое.

Но еще не известно, что означает это пятно... Объяснений может быть много. Скажем, здесь со дна Моря почти к самой поверхности торчит одиночный пик. Был только один способ выяснить это.

— Оставайтесь здесь, — сказал Лоуренс. — Я пойду вперед на «Пылекате-1». Скажите мне, когда я буду точно в середине пятна.

— Вы думаете, это опасно?

— Вряд ли, но лучше не рисковать.

И «Пылекат-1» медленно заскользил к загадочному пятну — столь явному для инфралокатора, но невидимому для обыкновенного глаза.

— Чуть левее,— скомандовал Том.— Еще несколько метров... еще... есть!

Лоуренс вперил взгляд в серую лунную пыль. Вроде такая же гладкая, как и любой другой участок Моря. Но, присмотревшись, он заметил нечто такое, от чего у него холод пробежал по спине.

Если глядеть очень пристально (как глядел сейчас он), можно было заметить на глади Моря мелкий-мелкий узор. *Этот узор двигался, поверхностный слой точно полз к пылекату, подгоняемый незримым ветром.*

Вот так штука... На Луне все необычное и непонятное настораживало; чаще всего оно означало или сулило беду. Главный насторожился. Если здесь затонуло судно, то что грозит пылекату?..

— Лучше не подходите,— передал он на «Пылекат-2».— Здесь что-то странное, я не могу понять.

И он тщательно описал явление Лоусону. Подумав, тот почти сразу ответил:

— Похоже на восходящую струю, говорите? Так оно и есть. Мы определили тут источник тепла. Он достаточно мощный, чтобы вызвать конвекционное течение.

— Но откуда тепло? И при чем тут «Селена»?

Лоуренс не мог скрыть своего разочарования. Как он и опасался с самого начала: пустая затея. Очаг радиации или же выброс нагретых газов, вызванный толчком, ввел в заблуждение приборы и заманил их в эту пустыню. Уходить отсюда, да поскорее, задерживаться опасно!..

— Пойдите-ка,— услышал Лоуренс голос Тома.— Судно со всевозможными агрегатами и двадцатью двумя пассажирами должно излучать немало тепла. Три-четыре киловатта минимум. И если пыль находится в статическом равновесии, этого может оказаться достаточно, чтобы забил ключ.

Не очень-то вероятно... Но Лоуренс готов был ухватиться даже за самую тонкую соломинку. Взяв металлический щуп, главный погрузил его вертикально в пыль. Сперва он шел легко, однако по мере того, как выдвижные колена наращивали длину, сопротивление росло. И когда щуп достиг полной длины — двадцать метров,— инженеру пришлось напрячь все силы, чтобы проталкивать его дальше. Вот и верхний конец щупа исчез: ниче-

го. Но Лоуренс и не рассчитывал на успех с первой попытки. Здесь нужен научный подход, система.

Пять минут крейсирования взад-вперед, и на поверхности моря, через каждые пять метров протянулись белые ленты. словно фермер прошлого, сажающий картофель, главный инженер пошел на пылекате вдоль первой ленты, орудуя щупом. Эта операция требовала большой тщательности, и дело продвигалось медленно. Лоуренс напоминал слепого, который гибким прутом нащупывает путь в темноте. Если его прут окажется слишком коротким, придется изобретать что-то еще. Но пока об этом рано думать...

На исходе десятой минуты Лоуренс допустил промах. Он все время работал обеими руками, и вот, нажав что было мочи на верхний конец щупа, слишком сильно перегнулся через бортник пылеката, ноги вдруг сорвались, и он плашмя упал в Море.

Выйдя из камеры перепада, Пат тотчас заметил, что настроение переменилось. Книга была отложена в сторону, и в кабине шел жаркий спор, который с появлением капитана прервался. Наступила неловкая тишина. Некоторые пассажиры уголком глаза следили за Харрисом, другие подчеркнуто игнорировали его.

— Коммодор, — сказал Пат, — в чем дело?

— Кое-кто считает, — ответил Ханстен, — что мы не все делаем, чтобы выйти отсюда. Я объяснил, что есть только один выход: ждать, пока нас найдут. Но не все согласны со мной.

«Ничего удивительного, — подумал Пат. — Время идет, спасатели не появляются — естественно, что нервы сдают. Начнут требовать действий, любых действий, только не сидеть сложа руки. Противно человеческой природе бездействовать перед лицом смерти».

— Мы уже столько раз это обсуждали, — устало сказал он. — Глубина не меньше десяти метров. Даже если бы мы могли выйти из камеры, никому не под силу одолеть сопротивление пыли и подняться на поверхность.

— Вы уверены? — спросил кто-то.

— Совершенно, — ответил Пат. — Вы когда-нибудь пробовали плавать в песке? Далеко не уплывете.

— А если пустить моторы?

— Боюсь, они не сдвинут нас с места и на сантиметр. Но хоть бы и сдвинули — мы пойдем вперед, а не вверх.

— Надо собрать всех в кормовой части, может быть, нос приподнимется.

— А нагрузка на корпус? — возразил Пат. — Допустим, я включу моторы — это будет все равно, что бодать кирпичную стену. Один бог знает, к чему это может привести.

— Но ведь какая-то надежда есть. Так почему не попытаться?

Пат поглядел на коммодора, слегка недовольный тем, что тот еще не пришел ему на помощь. Ханстен спокойно ответил на его взгляд, точно говоря: «До сих пор я управлялся, теперь ваша очередь». Что ж, справедливо. Сю была права. Пора стоять на собственных ногах, во всяком случае, показать другим, что он на это способен.

— Слишком опасно, — решительно сказал он. — Мы можем спокойно ждать по меньшей мере еще четыре дня. Нас найдут задолго до этого срока. Зачем же идти на риск при ставке миллион против одного? Будь это наш последний выход, я бы сам сказал — да.

Пат Харрис обвел кабину взглядом — кто возразит? И поневоле встретился с глазами мисс Морли. Да он и не пытался этого избежать. Однако ее слова неприятно поразили его.

— Возможно, капитан вовсе и не торопится вверх. Он что-то давно не показывался, да и мисс Уилкинз тоже.

«Ах ты вобла сушеная, — подумал Пат. — Только потому, что ни один уважающий себя мужчина...»

— Спокойно, Харрис! — вовремя вмешался коммодор. — Это я беру на себя.

В первый раз Ханстен по-настоящему показал свой характер. До этой минуты он все делал незаметно и тихо или отдавал инициативу Пату. Теперь они слышали голос командира, и он звучал, как труба на поле брани. Говорил не отставной космонавт, а коммодор космоса.

— Мисс Морли, — сказал он, — ваше замечание нелепо и неуместно. Вас может извинить лишь тяжелая обстановка, в которой мы все очутились. Мне кажется, вы обязаны извиниться перед капитаном.

— Я права,— упрямо возразила она.— Пусть он скажет, что это не так.

За последние тридцать лет коммодор Ханстен ни разу не выходил из себя, не собирался срываться и теперь. Но он знал, когда полезно изобразить гнев; сейчас не худо и притвориться. Он сердился на мисс Морли, был недоволен и Патом — тот явно подвел его. Факт остается фактом: Пат и Сью действительно слишком уж долго возились с этим учетом. Иногда внешняя благопристойность не менее важна, чем безгрешное поведение. Недаром говорят: «Не останавливайся завязывать шнурки на бахче соседа».

— Мне наплевать на взаимоотношения мисс Уилкинз и капитана,— произнес он самым грозным голосом, на какой только был способен.— Это их личное дело, и пока они честно выполняют свою работу, мы не вправе вмешиваться. Может быть, вы хотите сказать, что капитан Харрис не выполняет свой долг?

— Гм... я этого не говорила.

— Тогда прошу вас вообще не говорить. У нас и без того хватает трудностей, незачем создавать новые.

Остальные пассажиры слушали их перепалку со смешанным чувством неловкости и интереса, с каким большинство людей слушает чужие ссоры. Впрочем, эта стычка затрагивала всех, так как означала первый вызов авторитету командира, первый признак того, что дисциплина поколебалась. До сих пор их маленький отряд представлял собой гармоническое единство; но вот чей-то голос обратился против старейшин племени.

Пусть мисс Морли старая неврастеничка, она, кроме того, упрямая и настойчивая особа. И коммодор с понятным замешательством заметил, что она собирается дать ему отпор.

Но никому не удалось узнать, что намеревалась ответить мисс Морли. В этот самый миг миссис Шастер издала вопль, мощь которого вполне соответствовала ее комплекции.

На Луне, когда человек споткнется, он обычно успевает что-то предпринять, ведь его нервы и мышцы рассчитаны на земное притяжение, которое в шесть раз больше

лунного. Но главный инженер Лоуренс стоял наклонившись, и расстояние было слишком мало. Он нырнул в лунную пыль и очутился во мраке.

Ничего не видно, если не считать слабого свечения приборной доски внутри скафандра. Осторожно, очень осторожно Лоуренс начал водить руками в разные стороны. Рыхлая среда почти не оказывала сопротивления, но он тщетно искал какой-нибудь опоры, нельзя было даже понять, где верх, где низ.

Отчаяние сковало все члены Лоуренса. Сердце билось часто и неровно, предвещая паническое состояние, когда человеку отказывает рассудок. Главный инженер не раз видел, как люди превращаются в кричащих, одержимых ужасом животных, и знал, что сам на пороге такого состояния.

Мелькнула мысль о том, что лишь несколько минут назад он спас астронома от приступа безумия. Но сейчас некогда размышлять над иронией судьбы. Надо призвать остатки воли — восстановить самообладание, усмирить стук в груди, который грозит разорвать его на части.

Вдруг в шлемофоне инженера отчетливо и громко раздался звук настолько неожиданный, что волны паники перестали захлестывать островок его сознания. Это был смех, и смеялся Том Лоусон.

Смех тотчас оборвался, последовало извинение.

— Простите, мистер Лоуренс, я нечаянно. Очень уж потешно глядеть, как вы болтаете ногами.

Главный оцепенел. Страх улетучился, уступив место гневу. Он злился на Лоусона, но еще больше на самого себя.

Ведь это же очевидно, ему не грозила никакая опасность: наполненный воздухом скафандр подобен плывущему на воде пузырю и не может утонуть. Лоуренс сразу сообразил, как надо действовать. Несколько движений руками и ногами, центр тяжести переместился — и маска вынырнула из пыли. Инженер увидел, что погрузился самое большее на десять сантиметров. И пылекат рядом, даже непонятно, как он не задел его, когда барахтался, словно выброшенный на мель осьминог!

Стараясь соблюдать достоинство, главный взялся за бортик пылеката и вскарабкался на платформу. Гово-

рить он пока не решался, неожиданные упражнения совершенно сбили его с дыхания, и голос мог выдать недавний страх. К тому же Лоуренс еще сердился. В былые времена, когда главный постоянно работал на воле, он бы так не оплошал. Засиделся в канцелярии... Последний раз надевал скафандр, когда проходил ежегодную комиссию, да и то в воздушном шлюзе.

Поднявшись на пылекат, Лоуренс снова взял шуп. Постепенно улетучились последние остатки гнева и страха, и главный инженер задумался. Хотел он того или нет, но то, что произошло за эти полчаса, перебросило мостик между ним и Лоусоном. Правда, астроном рассмеялся, когда он барахтался в пыли, но зрелище, наверное, впрямь было смешное. И ведь Лоусон извинился. А давно ли казалось, что он одинаково не способен ни смеяться, ни извиняться...

Вдруг все посторонние мысли вылетели из головы Лоуренса: шуп уперся во что-то твердое на глубине пятнадцати метров.

ГЛАВА 14

Когда раздался крик миссис Шастер, первой мыслью командора Ханстена было: «Господи, только еще истерики не хватало». А через полсекунды он сам лишь величайшим напряжением воли удержался от крика.

Снаружи доносился какой-то звук! Три дня за обшивкой шуршала пыль, и вот... Ну конечно, что-то металлическое скребет по корпусу!

В следующий миг кабина загудела от радостных возгласов. С большим трудом командору Ханстену удалось перекричать ликующий хор.

— Они нашли нас! — воскликнул он. — Хотя, возможно, сами об этом не знают. Надо что-то сделать, помочь им. Пат, попробуйте включить передатчик. А мы будем сигнализировать ударами по корпусу судна. Напоминаю сигнал настройки в азбуке Морзе: буква «ж» — ти-ти-ти-та! Ну, все вместе!

Сперва стук получился довольно беспорядочным, но мало-помалу установился правильный ритм

— Стоп! — крикнул Ханстен через минуту. — Теперь слушаем! Внимание!..

Тишина... Жуткая, неприятная тишина. Пат выключил вентиляцию, и в кабине было слышно только биение двадцати двух сердец.

Ничто не нарушало безмолвия. Может быть, странный звук был вызван напряжением в корпусе самой «Селены»? Или спасатели,— если это были они,— уже прошли дальше по пустынной поверхности Моря?

Вдруг опять — царапанье по обшивке. Движением руки Ханстен остановил новый взрыв энтузиазма.

— Слушайте, прошу вас! Возможно, удастся что-нибудь разобрать.

Несколько секунд длился скребуший звук. И снова — томительное безмолвие. Кто-то сказал негромко, разряжая напряжение:

— Как будто трос протащили. Может быть, они тралят?

— Исключено,— ответил Пат.— Соппротивление среды слишком велико, особенно на такой глубине. Скорее, это шуп.

— А это значит,— подхватил коммодор,— что над нами, совсем близко — спасатели. Постучим еще. Ну-ка... все разом...

«Ти-ти-ти-та!»

«Ти-ти-ти-та!»

Сквозь двойную обшивку «Селены» в пылевой пласт уходили звуки, которые сто лет назад летели в эфире над оккупированной Европой, голос рока, открывающий Пятую симфонию Бетховена.

Пат Харрис, сидя в кресле водителя, тревожно зывал:

— Я «Селена», я «Селена». Как слышите? Прием.

И слушал пятнадцать нескончаемых секунд, прежде чем повторить вызов. Но эфир по-прежнему оставался безжизненным.

На борту «Ауриги» Морис Спенсер нетерпеливо поглядывал на часы.

— Черт возьми! — вырвалось у него.— Пылекатам давно пора вернуться. Когда была с ними последняя связь?

— Двадцать пять минут назад,— ответил старший ра-

дист.— До очередного сеанса пять минут, независимо от того, нашли они что-нибудь или нет.

— А вы не сбили настройку?

— Занимайтесь своим делом, уж я как-нибудь справлюсь со своим,— отрезал радист.

— Виноват,— ответил Спенсер, давно усвоивший, в каких случаях надо не медлить с извинением.— Это просто нервы.

Он поднялся с сиденья, чтобы пройти по тесной навигационной рубке «Ауриги». Больно ударился о приборную доску (Спенсер еще не привык к лунному тяготению и уже начал сомневаться, что когда-либо привыкнет) и наконец взял себя в руки.

Хуже нет ждать, ждать, когда выяснится, будет ли «материал» для статей... Сколько денег уже потрачено, а ведь это пустяки по сравнению со счетами, которые начнут поступать, едва он даст капитану Ансону команду вылетать. Правда, тогда волнения кончатся, первенство «Ииперплэнетери» будет обеспечено.

— Вызывают,— вдруг услышал он голос радиста.— За две минуты до срока. Что-то произошло.

— Я что-то нащупал,— раздельно произнес Лоуренс.— Но не знаю, что.

— На какой глубине? — вместе спросили Лоусон и оба водителя.

— Около пятнадцати метров. Отойдем метра на два вправо, попробую еще раз.

Он вытащил шуп и погрузил его в пыль в новой точке.

— Есть,— сообщил Лоуренс,— и на той же глубине. Еще два метра!..

Теперь препятствие исчезло. Или ушло вглубь за пределы досягаемости шупа?

— Здесь ничего. Проверим в других направлениях.

Требовалось немало времени и усилий, чтобы определить очертания затаившегося в глубине предмета. Примерно такие же трудоемкие приемы применяли те, кто двести лет назад начал промерять океаны: опускают на дно груз на тросе, потом поднимают. «Жалко,— подумал Лоуренс,— что нет эхолота». Да только вряд ли звуко-

вые или электромагнитные волны проникли бы здесь больше чем на пять метров в глубину.

Какой же он идиот, не подумал раньше! Вот почему пропали радиосигналы «Селены». Среда, которая поглотила ее, поглощает и радиоволны. Хотя, если под ним пылеход...

Лоуренс переключил приемник на аварийную волну. Вот он, голос автомата, орет что есть мочи! Да так громко, что непонятно, почему его не слышно на «Лагранже» и в Порт-Рорисе... Впрочем, все ясно, ведь это металлический щуп помог. Коснувшись обшивки «Селены», он тотчас стал своего рода антенной, вывел импульсы на поверхность.

Добрых пятнадцать секунд главный инженер слушал зов маяка, прежде чем собрался с духом сделать следующий шаг. С самого начала Лоуренс не был уверен в том, что поиски увенчаются успехом; он и сейчас опасался, как бы их усилия не оказались напрасными. Ведь еще ничего не известно: автомат будет слать свои сигналы неделями, даже если люди на «Селене» давно погибли.

Резким, решительным жестом Лоуренс переключил приемник на обычную волну пылехода... и был почти оглушен голосом Пата Харриса:

— Я «Селена», я «Селена». Как слышите? Прием.

— Я «Пылекат-1», — ответил он. — Говорит главный инженер Эртсайда. Я в пятнадцати метрах над вами. Как дела? Присм.

В хоре ликующих воплей он не сразу разобрал ответ. Но и без того было очевидно, что пассажиры живы и настроение хорошее! Такой шум подняли, будто за праздничным столом сидят. Думают, раз их нашли, значит, все неприятности позади...

Ладно, пусть ликуют, все равно пока надо доложить на Базу.

— Порт-Рорис, я «Пылекат-1», — сказал главный. — Мы нашли «Селену», установили с ней радиосвязь. Судя по оживлению на борту, все живы-здоровы. Корабль лежит на глубине пятнадцати метров, там, где указал доктор Лоусон. Вызову вас через пять минут. Все.

Со скоростью света волны радости и облегчения распространятся по всей Луне, Земле и планетам внутренней сферы, неся добрую весть миллиардам людей... На

улицах и движущихся троллеярах, в автобусах и космических кораблях незнакомые люди будут обращаться друг к другу:

— Вы слышали? «Селену» нашли!!

Во всей Солнечной системе в этот миг, наверное, только один человек не мог всей душой предаться радости. Сидя на пылекате и слушая счастливые возгласы, которые доносило радио, глядя на завихрения пыли, главный инженер Лоуренс чувствовал себя куда более беспомощным, чем люди, заточенные в толще Моря под ним. Ему было страшно. Он знал, что предстоит труднейшая битва в его жизни.

ГЛАВА 15

Впервые за последние двадцать четыре часа Морис Спенсер позволил себе передышку. Все, что можно сделать,— сделано. Люди и аппаратура уже на пути в Порт-Рорис. (Это очень здорово, что в Клавии оказался Жюль Брак, один из лучших телеоператоров, они и прежде часто сотрудничали.) Капитан Ансон гоняет вычислительную машину и озабоченно изучает кроки Гор Недоступности. Команда (все шестеро) вызвана из баров (всех трех) и извещена о том, что маршрут снова меняется. Десяток контрактов, все на крупные суммы, подписаны на Земле и переданы по телефаксу. Финансовые колдуны «Интерплэнет Ньюс» с научной точностью высчитают, сколько можно запросить с других агентств без опасения, что те предпочтут снарядить собственные ракеты. Да хотя чего тут опасаться, он слишком далеко всех опередил. Любой конкурент сможет попасть на хребет не раньше чем через сорок восемь часов; Морис Спенсер будет там через шесть.

Словом, приятно отдохнуть, твердо зная, что все в порядке и никаких перебоев не ожидается. Такие антракты придавали жизни особую прелесть, и Спенсер умел использовать их. Лучшее средство от язвы желудка, которая все еще оставалась профессиональным заболеванием работников печати и телеинформации.

Умение выгадать минуту для передышки всегда отличало его. Морис Спенсер — в одной руке рюмка, в другой бутерброд с маленького подноса — полулежал в кресле

в салоне кругового обзора Космопорта. Через двойное окно он видел пирс, от которого три дня назад отчалила «Селена». (Никак не избавишься от этих морских терминов, хотя они здесь как будто совершенно не к месту.) Всего-навсего двадцать метров бетонной дорожки вдаётся в эту отвратительно гладкую лунную пыль... Почти на столько же метров вытянулась огромной гармошкой эластичная труба, через которую пассажиры шли из порта на посадку. Сейчас она не закупорена и частью опала. Грустное зрелище.

Журналист посмотрел на часы, потом — на горизонт. Удивительно! Если не знать, можно подумать, что до горизонта самое малое километров сто. На самом деле — всего два-три. Вдруг его глаза уловили солнечный зайчик. Идут — идут сюда! Через пять минут спасатели будут здесь, еще через пять выйдут из камеры перепада; он вполне успеет управиться с последним бутербродом.

...Отвечая на приветствия Спенсера, Том Лоусон ничем не обнаружил, что узнает его. Но это было только естественно: ведь их первая короткая беседа происходила почти в полной темноте.

— Доктор Лоусон? Я начальник отдела «Интерплэнет Ньюс». Можно включить запись?

— Минутку, — вмешался Лоуренс. — Я знаю представителя «Интерплэнет». Вы не Джо Леонард...

— Совершенно верно, я — Морис Спенсер. Принял дела у Джо на прошлой неделе. Его отозвали на Землю, пока не отвык совсем от земного тяготения. Не застревать же ему здесь на всю жизнь.

— Быстро вы добрались. И часу не прошло с тех пор, как мы передали, что «Селена» найдена.

Спенсер не стал отвечать на это; к чему подчеркивать, что он здесь уже несколько часов?

— Ну, так как — можно включить запись? — вежливо повторил он.

Морис Спенсер предпочитал соблюдать правила. Некоторые репортеры идут на риск и пускают магнитофон, не дожидаясь разрешения. Если тебя поймают на этом, останешься без работы... Как начальник отдела он просто обязан придерживаться порядка, который только на пользу и журналистам, и общественности.

— Попозже, если не возражаете,— ответил Лоуренс.— У меня слишком много неотложных дел. Но доктор Лоусон охотно поговорит с вами. Главная работа проделана им, ему и вся честь. Можете так и записать.

— Гм... благодарю...— пробормотал озадаченный Том.

— Не стоит,— сказал Лоуренс.— А теперь до свидания, еще увидимся. Я буду в кабинете старшего инженера. Таблетки помогут мне держаться на ногах, а вам все-таки советую поспать хоть немного...

— После интервью! — перебил Спенсер и потащил Тома к зданию отеля.

Первый человек, которого он встретил в тесном — десять квадратных метров — холле, был капитан Ансон.

— Я вас разыскиваю, мистер Спенсер,— сказал он.— Профсоюз работников космоса уперся. Слыхали, наверное: правило о межрейсовом отдыхе... Ну, так вот...

— Умоляю вас, капитан, потом. Свяжитесь сами с юристами «Интерплэнета». Вызовите Клавий 12-34, Гарри Данцига — он все уладит.

Журналист увлек покорного Тома Лоусона вверх по лестнице (отель без лифтов — необычное явление, но лифты ни к чему в мире, где человек весит немногим больше десяти килограммов) и провел его в свой номер, похожий на номер любой дешевой гостиницы на Земле, только поменьше да совсем без окон. Кресла, диван и стол сделаны просто и с минимальным расходом материала, в основном — стекловолокна; на Луне было вдоволь кварца. Ванная — обычная (слава богу, не то что эти мудреные туалетные комнаты в ракетах, приспособленные для невесомости), и только вид кровати слегка обескураживал. Некоторым гостям с Земли скверно спалось при малом тяготении, для них придумали эластичное покрывало, которое по краям крепилось слабыми пружинами. Пошеволе вспомнишь смиренные рубашки и стены с мягкой обивкой...

И еще одна милая деталь — возле двери объявление на трех языках — по-английски, по-русски и по-китайски:

**ОТЕЛЬ ОБЛАДАЕТ АВТОНОМНОЙ ГЕРМЕТИЗАЦИЕЙ
АВАРИЯ КУПОЛА ВАМ НИЧЕМ НЕ УГРОЖАЕТ
В СЛУЧАЕ АВАРИИ ПРОСИМ ВАС ОСТАВАТЬСЯ
В НОМЕРЕ И ЖДАТЬ УКАЗАНИЙ. БЛАГОДАРИМ.**

Спенсер не первый раз читал эти слова и все-таки продолжал считать, что даже столь важную информацию можно было бы подать в более удобоваримой и неприужденной форме. Уж больно сухо сказано...

Пожалуй, в этом вся загвоздка здесь, на Луне. Борьба с местной природой требует таких усилий, что на детали уже не остается энергии. Особенно бросалось в глаза несоответствие между отличной работой технических служб и каким-то беспечным, даже халатным подходом во всем остальном. Малейшая неисправность телефона, водопровода, воздушной сети (особенно воздушной!) устранялась мгновенно. Но попробуйте добиться, чтобы вас быстро обслужили в ресторане или баре...

— Я знаю, вы очень устали,— начал Спенсер.— Но разрешите все-таки задать вам несколько вопросов. Я включу магнитофон, вы не возражаете?

— Нет,— ответил Том; ему уж давно все было безразлично.

Упав в кресло, он механически, явно не воспринимая вкуса, потягивал напиток, который налил ему Спенсер.

— Говорит Морис Спенсер, корреспондент «Интерплэнет Ньюс», я беседую с доктором Томом Лоусоном. Доктор, пока известно лишь, что вы и мистер Лоуренс, главный инженер Эртсайда, нашли «Селену», и все пассажиры живы-здоровы. Не могли бы вы, не вдаваясь в технические детали, рассказать нам, как... а, черт побери!..

Он поймал медленно падающий стакан, не пролив ни капли, затем перенес спящего астронома на диван. Что ж, роптать не приходится: пока это единственная осечка в его программе. Да и то неудача еще может обернуться удачей. Никто не найдет Лоусона — не говоря уже о том, чтобы интервьюировать его,— пока он отсыпается в номере Спенсера, который в отеле «Порт-Рорис» не без юмора называется люксом.

В Клавии начальнику «Лунтуриста» удалось наконец убедить всех, что он вовсе не покровительствует никаким любимчикам. Услышав, что «Селена» найдена, Девис облегченно вздохнул, но радость тотчас померкла, едва «Рейтер», «Тайм-Космос», «Трипланетные новости» и

«Лунар Ньюс» обрушили на его голову вопросы — как это так получилось, что «Интерплэнет» первым дало информацию? Предусмотрительно перехватив разговор пылекатов, Морис Спенсер смог передать новость в агентство даже раньше, чем ее получили в лунной администрации!

Но теперь наконец все выяснилось, и конкуренты искренне восхищались прытью этого счастливчика Спенсера. А ведь он раскрыл еще далеко не все свои козыри...

Узел связи в Клавии и прежде бывал в центре драматических событий, но это все затмило. «Все равно что слушать голоса из загробного мира», — сказал себе Девис. Давно ли этих людей считали погибшими — и вот, пожалуйста, живы-здоровы, один за другим подходят к микрофону там, под землей, чтобы успокоить своих родных и близких. Благодаря щупу, который был и ориентиром, и антенной, пятнадцатиметровый пласт лунной пыли уже не изолировал пылеход от всего человечества.

Как ни горячились репортеры, надо было ждать перерыва в потоке посланий с «Селены», чтобы взять интервью. Сейчас говорила мисс Уилкинз, она диктовала радиogramмы пассажиров. Девис живо представлял себе, что происходит на борту: все торопливо исписывают телеграфным стилем вырванные из книги листки, стараясь втиснуть в минимум слов максимум информации. Разумеется, этот материал нельзя ни публиковать, ни цитировать, это частные послания, и начальники почтамтов трех планет дружно обрушат свой гнев на неосторожного репортера, который рискнет преступить запрет. По чести говоря, журналистам вообще не положено слушать на этой волне, и пачальник узла уже несколько раз все более строгим тоном напоминал им об этом.

— ...скажи Марте, Яну и Айви, чтобы не беспокоились обо мне, я скоро буду дома. Спроси Тома, чем кончились переговоры с Эриксоном, и сообщи мне во время следующего сеанса. Обнимаю вас всех. Джордж. Конеч. Записали? Я «Селена». Прием.

— Центральная Луны вызывает «Селену». Да, мы все записали, отправим ваши радиogramмы и передадим вам ответы, как только получим. А теперь пригласите, пожалуйста, к микрофону капитана Харриса. Прием.

Короткая заминка, были слышны гулкие в замкнутой

кабине голоса, скрип кресла, приглушенное «Простите» И наконец:

— Капитан Харрис вызывает Центральную. Прием. Девис взял микрофон.

— Капитан Харрис, говорит начальник «Лунтуриста». Я знаю, все вы спешите отправить свои телеграммы, но здесь представители агентств, им не терпится поговорить с вами, хотя бы несколько слов. Прежде всего, не могли бы вы коротко описать, какая сейчас обстановка в кабине? Прием.

— Ну, что вам сказать... Здесь очень жарко, так что мы одеты легко. Но жаловаться не приходится, ведь благодаря этой жаре вы нашли нас. Да мы уже привыкли к ней. Воздух пока хороший, воды и продовольствия хватает, правда, стол, как бы это сказать, несколько однообразный. Что еще вы хотите знать? Прием.

— Спросите его о настроении на борту... Как держатся пассажиры?.. Нервы не подводят?..— раздался голос представителя «Трипланетных новостей».

Начальник «Лунтуриста» передал его вопросы, придав им более тактичную форму. Тем не менее они явно вызвали легкое замешательство на «Селене».

— Все держатся молодцом,— ответил Пат очень уж поспешно.— Конечно, нас волнует, сколько времени понадобится, чтобы выволнить нас отсюда. Вы можете сказать что-нибудь? Прием.

— Главный инженер Лоуренс сейчас в Порт-Рорисе, разрабатывает план спасательной операции,— ответил Девис.— Как только план будет готов, мы сообщим вам сроки. Расскажите, пожалуйста, как вы проводите время? Прием.

Пат ответил на этот вопрос, и его ответ не замедлил вызвать на всех планетах усиленный спрос на «Шейп», зато, увы, заметно подорвал акции «Апельсина и яблока». Затем капитан рассказал о заседаниях суда, прерванных пока на неопределенное время.

— Это, должно быть, очень забавно,— сказал Девис.— Но теперь вы не одни, можете рассчитывать на нашу помощь. Мы передадим для вас все, что угодно — музыку, пьесы, дискуссии. Только закажите. Прием.

Пат помедлил с ответом. Радиосвязь преобразила их жизнь — появилась надежда, установлен контакт с близ-

кими. Но почему-то ему было даже жалко, что уединение кончилось. Чувство товарищества, которого не смог подорвать даже выпад мисс Морли, уже начало улетучиваться. Нет больше единого отряда, сплоченного борьбой за существование. Снова каждым владеют свои заботы и помыслы. Человечество опять поглотило их, как океан поглощает каплю.

ГЛАВА 16

От комиссий да от комитетов, считал главный инженер Лоуренс, толку не жди. Его взгляд был широко известен на Луне, потому что вскоре после очередного наезда уполномоченных Ревизионной комиссии (они навещались дважды в год) на рабочем столе главного появилась выписка из толкового словаря:

Комиссия — трудное, хлопотливое дело.

Но эту комиссию можно было терпеть: она отвечала придирчивым запросам главного инженера. Председателем был сам Лоуренс; протоколы, секретари, повестки дня отсутствовали. И он мог по своему выбору отвергать рекомендации комиссии или принимать их. Лоуренс всецело отвечал за спасательную операцию, пока Главный администратор не сочтет нужным его сместить, — а это могло произойти лишь под очень сильным нажимом с Земли. Комиссия играла роль генератора идей и технического справочника, она была, так сказать, персональным «мозговым грестом» Лоуренса.

Из двенадцати человек комиссии только шесть физически присутствовали в Порт-Рорисе, остальные находились в разных точках Луны, Земли и космоса. Грунтовед на Земле оказался в невыгодных условиях — ведь скорость радиоволн ограничена, поэтому он был обречен все время отставать на полторы секунды от других участников заседаний, да еще столько же времени требовалось, чтобы его слова дошли до Луны. И грунтоведа попросили делать заметки на листке бумаги, перебивать только в крайних случаях, сберегая свои комментарии до конца совещания. Селекторная связь с Луной обходилась дорого, зато многие успели уже убедиться, что трехсекундная задержка усмиряет даже самых рьяных спорщиков.

— Для тех, кто еще не в курсе дела,— начал Лоуренс, как только закончилась «поверка»,— коротко опишу обстановку. «Селена» лежит горизонтально, глубина пятнадцать метров. Корабль невредим, все агрегаты действуют, настроение двадцати двух заточенных в кабине хорошее. Запаса кислорода хватит еще на девяносто часов— прошу каждого запомнить этот срок. Если кто-нибудь не знает, как выглядит «Селена», посмотрите вот на эту модель в одну двадцатую натуральной величины.— Он поднял со стола модель и повернул ее к объективу телекамеры сперва одной, потом другой стороной.— Она напоминает автобус или, если хотите, небольшой самолет. Ее отличает от них только устройство тяговой установки, включающее вот эти широколопастные винты с переменным шагом. Наш главный противник, естественно, лунная пыль. Кто не видел ее сам, не может представить себе, что это такое. Любое сравнение с песком или другими известными на Земле веществами окажется неудачным, она скорее напоминает жидкость. Вот образец.

Лоуренс взял в руки высокий цилиндр, на одну треть заполненный серым аморфным веществом. Он опрокинул цилиндр вверх дном, и пыль потекла вниз. Она текла быстрее, чем сироп, но медленнее, чем вода. Несколько секунд — и пыль опять собралась в столбик с гладкой и ровной поверхностью. С первого взгляда любой решил бы, что это жидкость.

— Цилиндр закрыт наглухо,— продолжал Лоуренс,— внутри вакуум, так что мы видим лунную пыль в обычных для нее условиях. На воздухе свойства ее изменяются, она становится гораздо более вязкой и ведет себя вроде очень мелкого песка или талька. Заранее предупреждаю вас: синтетическим путем не создашь образца, который обладал бы всеми свойствами оригинала. Для этого нужно несколько миллиардов лет сушки. Если вам понадобится для опытов, мы можем послать сколько угодно пыли, не обеднеем. Еще несколько замечаний. «Селена» затонула в трех километрах от ближайшей суши — Гор Недоступности. Возможно, пласт пыли под кораблем уходит вглубь еще на несколько сот метров, но вряд ли. И нет никакой гарантии, что не произойдет новое оседание. Правда, геологи считают это маловероят-

ным. Добраться к месту катастрофы можно только на пылекатах. У нас их два, третий уже везут с Фарсайда. Пылекат поднимает или тянет на буксире до пяти тонн, платформа выдерживает отдельные предметы весом около двух тонн. Следовательно, мы не можем перебросить очень тяжелые механизмы. Вот как обстоит дело. У нас в запасе девяносто часов. Что вы предлагаете? У меня есть кое-какие мысли, но я хотел бы сперва послушать вас.

Наступила тишина; члены комиссии, которых разделило до четырехсот тысяч километров, напряженно думали, как решить задачу. Но вот заговорил главный инженер Эртсайда; его штаб находился неподалеку от Кратера Жолно-Кюри.

— Боюсь, за девяносто часов мы ничего не успеем сделать. Нужно создать специальное снаряжение, а на это всегда требуется время, поэтому надо сперва подать к «Сселене» воздухопровод. Где у нее выведена коммуникационная сеть?

— В кормовой части, позади главного входа. Но я не представляю себе, как вы подадите трубопровод на глубину пятнадцати метров и присоедините к штуцеру. Не говоря уже о том, что трубу забьет пылью.

— У меня есть предложение,— вмешался новый голос.— Пробурить сверху потолок кабины.

— Понадобятся две трубы,— заметил еще кто-то.— Одна — подавать кислород, вторая — откачивать испорченный воздух.

— То есть нужен полный агрегат для очистки воздуха. Без него можно обойтись, если мы вызволим их до критического срока.

— Слишком велик риск. Лучше подать воздух и действовать без спешки, не думая об этих злополучных девяноста часах.

— Согласен,— сказал Лоуренс,— и поручил уже своим людям подготовить все необходимое. Следующий вопрос: попытаемся поднять пылеход вместе с людьми — или станем извлекать людей по одному? Напоминаю, на борту есть только один скафандр.

— А можно подать к двери широкую трубу и соединиться с переходной камерой? — спросил один из ученых.

— Та же трудность, что с воздухопроводом. Даже труднее — площадь соединения намного больше.

— Как насчет кессона, большого кессона, который охватил бы весь пылеход? Опустить его на нужную глубину и выбрать пыль.

— Понадобятся тонны свай и крепежных балок. Не забудьте еще: дно должно быть герметичным, иначе пыль будет просачиваться снизу с такой же скоростью, с какой мы сможем выбирать ее сверху.

— А можно это вещество откачивать? — спросил кто-то.

— Да, если будет соответствующий насос. Отсасывать эту пыль нельзя, ее надо поднимать. Обычный насос тотчас захлебнется.

— Эта лунная пыль сочетает худшие свойства твердых и жидких тел, — пожаловался помощник инженера в Порт-Рорисе. — А достоинств — никаких. Она не хочет течь, когда это нужно нам, зато очень хорошо течет, когда не надо.

— Разрешите уточнить, — вступил патер Ферраро; он сидел в своей лаборатории в Кратере Платона. — Слово «пыль» только сбивает с толку. Речь идет о веществе, которого не может быть на Земле, поэтому для него нет названия в нашем словаре. Последний оратор прав: иногда оно напоминает несмачивающую жидкость — вроде ртути, но гораздо легче. А иногда ведет себя, как смола, с той разницей, что течет намного быстрее.

— Может быть, есть какой-нибудь способ придать ей стойкость?

— Мне кажется, это вопрос для Земли, — вступил Лоуренс. — Доктор Эванс, что вы скажете?

Трехсекундная заминка, как всегда, показалась очень долгой. Наконец прозвучал голос грунтоведа так отчетливо, словно он был рядом.

— Я как раз думаю об этом. Можно подобрать какое-нибудь органическое связующее вещество — своего рода клей. Это облегчило бы работы с пылью. А обыкновенная вода не годится? Вы не пробовали?

— Еще нет, но проверим, — ответил Лоуренс, делая себе пометку.

— Магнитными свойствами это вещество обладает? — спросил дежурный диспетчер.

— В самом деле! — отозвался Лоуренс. — Сеньор Ферраро, ответьте нам на этот вопрос.

— Обладает в небольшой степени: в нем есть немного метеоритного железа. Боюсь, однако, нам от этого не легче. Магнит может извлечь все железо, но на пыль в целом не повлияет.

— И все-таки попробуем. — Лоуренс сделал еще пометку.

В душе главного таилась надежда — хоть и очень слабая, — что в этом соревновании умов родится какая-нибудь блестящая идея, фантастический на первый взгляд, но в основе разумный замысел, который разрешит его проблему. Да-да, его. Нравится это ему или нет, главный инженер через свои отделы и своих подчиненных отвечает за всю технику на этой стороне Луны. Особенно, когда с этой техникой что-нибудь приключается.

— Подозреваю, что главным препятствием будет материально-техническое обеспечение, — сказал диспетчер Клавия. — Все надо перевозить на пылекатах, а это значит самое малое два часа в оба конца, даже больше, если буксировать тяжелый груз. И ведь сперва нужно собрать над пылеходом рабочую площадку, что-то вроде плота. Только на это уйдет целый день, и гораздо больше на переброску снаряжения.

— Включая временное жилье для спасателей, — добавил кто-то. — Они должны обосноваться на месте.

— Ну, это просто: как только плот будет готов, можно на нем поставить иглу, надувной шатер.

— Для этого и плот не нужен. Иглу само удержится на поверхности.

— Вернемся к плоту, — сказал Лоуренс. — Потребуются прочные разборные узлы, которые можно собрать на месте. Какие предложения?

— Пустые бочки из-под горючего?

— Слишком большие и непрочные. Ладно, поищем что-нибудь на складе Технического отдела.

И так далее: мозговой трест продолжал свою работу. Лоуренс намеревался отвести на совещание еще полчаса. Потом он решит, как действовать. Нельзя затягивать разговор, когда каждая минута на счету и на карту поставлены человеческие жизни. С другой стороны, от скороспелых, непродуманных планов только вред; рас-

тратишь впустую усилия и материалы и все дело погубишь...

На первый взгляд все очень просто. Пылеход найден, только сто километров отделяют его от великолепно оснащенной базы. Местонахождение «Селены» определено совершенно точно, она лежит на глубине пятнадцати метров. Всего пятнадцать метров — но каких! За свою многолетнюю карьеру Лоуренсу редко приходилось сталкиваться с таким трудным препятствием.

Эта карьера может очень скоро оборваться. Если погибнут двадцать два человека, оправдаться ему будет нелегко.

Честное слово, жаль, что некому было видеть посадку «Ауриги» — это было славное зрелище. Из всех спектаклей, созданных человечеством, взлет и посадка космического корабля — самый внушительный, он уступает только еще более ярким плодам изобретательности ядерников. А когда эти маневры совершаются на Луне, где все происходит точно в замедленном фильме и в странном безмолвии, остается неизгладимое впечатление, как от причудливого сна.

Капитан Ансон не стал ломать голову над тонкостями навигации, тем более что за горючее платил не он. В «Руководстве для капитанов» ничего не говорилось о том, как на космическом лайнере совершать стокилометровые перелеты (подумать только: сто километров!), хотя математики, несомненно, с наслаждением засели бы рассчитывать на основе вариационного исчисления орбиту с наименьшим расходом горючего. Ансон просто махнул вверх на тысячу километров (тем самым автоматически вступали в действие предусмотренные Межпланетным кодексом дальние тарифы, о чем он предпочел пока не рассказывать Спенсеру), затем повернул обратно и пошел на посадку, ориентируясь по радару. Радар и вычислительная машина контролировали друг друга, а капитан Ансон контролировал их. Любой из трех мог самостоятельно справиться с задачей, так что все было и просто и надежно. Правда, непосвященному могло показаться иначе.

Это в полной мере относилось к Морису Спенсеру. Глядя на алчные пальцы голых пиков, журналист вдруг почувствовал острую тоску по зеленым холмам Земли.

И зачем только он все это затеял? Будто нет более дешевого способа покончить с собой...

Особенно скверно ему было в состоянии невесомости между двумя периодами торможения. Что, если тормозные ракеты не сработают по команде и корабль, постепенно ускоряя ход, будет падать и падать, пока не разобьется о поверхность Луны? И нечего убеждать себя, что это пустые опасения, детские страхи — ведь случалось же такое, и не раз...

Но с «Ауригой» ничего не произошло. Грозная ярость тормозных двигателей выплеснулась на скалы, взметнув к небу пыль и космические наносы, которые лежали, ничем не потревоженные, три миллиарда лет. На миг корабль застыл в равновесии в каких-нибудь сантиметрах от грунта; затем огненные мечи, на которые он опирался, медленно, словно сопротивляясь, ушли в свои ножны. Широко расставленные ноги шасси коснулись камня, «ступни» повернулись, прилаживаясь к неровностям, и корабль чуть вздрогнул напоследок, прежде чем амортизаторы погасили остаточную энергию толчка.

Второй раз за двадцать четыре часа Морис Спенсер совершил посадку на Луне. Случай довольно редкий.

— Так, — сказал капитан Ансон, поднимаясь от пульта управления. — Надеюсь, вид отсюда вас устраивает. Он обойдется вам в кругленькую сумму, а ведь мы еще не говорили о сверхурочных. Профсоюз космических...

— Вы просто бездушный человек, капитан! В такую минуту морочить мне голову какими-то мелочами! Но если это не повлечет за собой новой наценки, позвольте поздравить вас с безупречной посадкой.

— Ну что вы, это заурядный маневр, — ответил капитан; однако он не смог скрыть своего удовольствия. — Кстати, распишитесь, пожалуйста, в судовом журнале... вот здесь, где указано время посадки.

— Это еще зачем? — насторожился Спенсер.

— Вы удостоверяете прибытие на место. Судовой журнал — наш главный юридический документ.

— Рукописный журнал? Уж больно это старомодно, — сказал Спенсер. — Я думал, в наши дни все делает электроника.

— Традиция, — ответил Ансон. — Конечно, самописцы включены все время, пока работают двигатели, по ним

всегда можно восстановить полет. Но только в журнале капитана вы найдете маленькие особенности, которые стиличают одно путешествие от другого. Скажем: «Утром у одной из пассажирок четвертого класса родились близнецы». Или: «После шести склянок справа по борту показался Белый Кит».

— Беру свои слова назад, капитан,— сказал Спенсер.— У вас есть душа.

Он расписался в журнале и прошел к иллюминатору.

Только в рубке управления, на высоте ста пятидесяти метров над грунтом, были смотровые окна. Глазам репортера предстал великолепный вид. С северной стороны, наполовину закрыв небо, высились верхние ярусы Гор Недоступности. Но это название уже устарело: ведь он проник сюда. И раз корабль здесь, недурно бы заодно сделать что-нибудь для науки, хотя бы собрать образцы пород. Газета газетой, но Спенсеру очень хотелось бы что-нибудь открыть. Самый пресыщенный впечатлениями человек не устоит перед соблазном проникнуть в тайны невиданного и неизведанного.

На юг километров на сорок простерлось Море Жажды. Безупречно гладкая серая дуга занимала больше половины поля зрения. Но Спенсера занимало то, что находилось всего в пяти километрах от гор.

С высоты двух тысяч метров он в обычный бинокль отчетливо видел металлический шест — оставленный Лоуренсом ориентир, который теперь связывал «Селену» с внешним миром. Ничего особенного, маленький шип торчит над безбрежной равниной... Но было что-то волнующее в этой выразительной простоте. Отличный вступительный кадр — символ одиночества человека в огромной враждебной Вселенной, которую он пытается покорить. Через несколько часов эта равнина оживет, а пока шест вполне годится как «заставка», на фоне которой телекомментаторы будут обсуждать план спасательных работ, заполняя паузы подходящими интервью. Но это уже не его забота, ребята в Клавии и на телестудии на Земле придумают, как подать материал. Дело Спенсера поставлять им кадры из своего «орлиного гнезда». Идеальная прозрачность почти полного вакуума и мощный объектив с переменным фокусным расстоянием поможет показать крупным планом все подробности операции.

Морис Спенсер поглядел на юго-запад. Солнце лениво ползло вверх. Впереди почти две недели дневного света, по земному счету, так что за освещением дело не станет. Сцена готова.

ГЛАВА 17

Главный администратор Ульсен не любил шума, считал за лучшее управлять тихо (но эффективно), из-за кулис, предоставляя общительным малым, вроде начальника «Лунтуриста», толковать с репортерами. Тем большее впечатление производили его редкие выходы на сцену. Разумеется, он это учитывал.

Сейчас на Ульсена смотрели миллионы людей. Правда, двадцать два человека, к которым он обращался в первую очередь, не могли его увидеть, так как «Селену» не сочли нужным оснастить телевизором, но голос администратора звучал достаточно убедительно. Они услышали то, что им хотелось знать.

— Алло, «Селена»,— говорил главный администратор.— Я хочу сказать вам, что все средства Луны мобилизованы, чтобы выручить вас. Наши инженеры и техники работают круглые сутки. За операцию отвечает мистер Лоуренс, главный инженер Эртсайда; я вполне полагаюсь на него. Сейчас он в Порт-Рорисе, там готовят специальное снаряжение, которое необходимо для спасательных работ. Решено — и вы, конечно, согласитесь с этим — прежде всего пополнить ваши запасы кислорода. Для этого мы собираемся опустить трубы: это можно быстро сделать. Кстати, трубы позволят нам снабжать вас не только кислородом, но, если понадобится, и водой, и продовольствием. Следовательно, как только заработает трубопровод, вашим тревогам конец. Понадобится еще какое-то время, чтобы добраться до корабля и вызволить вас, но вы будете уже в безопасности. Ждите спокойно, не волнуйтесь. Я заканчиваю, вы можете использовать этот канал для переговоров с вашими близкими. Досадно, что вам пришлось перенести столько лишений и тревог, но теперь это все позади. Через день-два вы будете наверху. Счастливо!

Едва администратор кончил говорить, кабина «Селены» загудела от голосов. Ульсен достиг своей цели: не-

счастный случай превратился для пассажиров в увлекательное приключение, на всю жизнь хватит рассказывать друзьям и знакомым. Один Пат Харрис хмурился.

— Что-то наш главный слишком уж уверенно говорил,— сказал он коммодору Ханстену.— У нас на Луне это не принято: как раз нарвешься на сюрприз.

— Я вас отлично понимаю,— ответил коммодор.— Но не будем его упрекать, он заботится о нашем настроении.

— Что ж, настроение отличное. Особенно теперь, когда можно говорить с родными и близкими.

— Кстати: среди пассажиров есть человек, который еще не отправил и не получил ни одной радиограммы. Больше того, он вроде и не собирается ничего посылать.

— Кто же это?

Ханстен совсем понизил голос:

— Редли, новозеландец. Вон сидит, притаился в углу. Не знаю почему, но он мне не нравится.

— Может, у бедняги просто нет никого на Земле?

— Не поверю, чтобы у человека, которому по карману билет на Луну, вовсе не было друзей,— возразил коммодор. Смущенная улыбка на миг разгладила морщины его лица.— Кажется, я становлюсь циником... И все-таки предлагаю присматривать за мистером Редли.

— Вы уже говорили о нем Сью... э, мисс Уилкинз?

— Это она обратила мое внимание на него.

«Я мог бы и сам догадаться,— одобрительно подумал Пат.— Она все примечает».

Теперь, когда будущее выглядело не так мрачно, Пат Харрис всерьез призадумался над своим отношением к Сью и над тем, что она ему говорила. Он и прежде влюблялся, но это нечто совсем другое. Познакомились они больше года назад. Сью сразу ему понравилась, однако до сих пор между ними ничего не было. Как же она все-таки относится к нему? Уже жалеет о маленьком происшествии в переходной камере — или это для нее вообще ничто? Она может заявить (и он тоже, коли на то пошло), что их поцелуй ничего не значит, это был минутный порыв перед лицом смертельной опасности. Забылись, только и всего.

А если нет? Если все дело в том, что напряжение последних дней помогло им стать самими собой?.. Как убедиться в этом? Только время даст ему ответ. Может быть,

и есть безошибочный научный способ определить, когда ты любишь по-настоящему, но Пат о нем пока что не слышал...

Около пирса, от которого четыре дня назад отошла «Селена», глубина лунной пыли достигала всего двух метров, но для этого опыта больше и не требовалось. Если наскоро созданное устройство выдержит испытание здесь, можно использовать его и в открытом Море.

Из окна космопорта Лоуренс смотрел, как его люди в скафандрах собирают плот из алюминиевых полос и балок — материал, применяемый почти во всех конструкциях на Луне.

Что ни говори, в известном смысле Луна — рай для инженера. Малое тяготение, нет ни ржавчины, ни коррозии, не надо опасаться капризов климата — никаких ветров, дождей, колебаний температуры. Благодаря этому сразу отпадало множество препятствий, которые осложняют жизнь строителям на Земле. Конечно, у Луны есть зато свои особенности: например, двухсотградусный ночной мороз, пыль, с которой они теперь сражаются.

Легкий остов плота покоился на двенадцати металлических цистернах с четкой надписью:

**ЭТИЛОВЫЙ СПИРТ. ПУСТЫЕ ЦИСТЕРНЫ
ПРОСЬБА ВОЗВРАЩАТЬ НА ТОВАРНУЮ БАЗУ №3,
КОПЕРНИК.**

Сейчас в цистернах был вакуум, и каждая из них могла поднять две лунные тонны.

Сборка шла быстро. Лоуренс сказал себе, что надо позаботиться о запасе болтов и гаек. На глазах у него штук пять-шесть упали в пыль, и она тотчас их поглотила. Так, теперь и ключ туда же... Придется отдать приказ, чтобы весь инструмент привязывали к плоту, как бы это ни мешало работе.

Пятнадцать минут. Неплохо, учитывая, что люди работают в вакууме и их движения затруднены скафандрами. Плот можно нарастить в любом направлении, но для начала и этого довольно. Одна эта секция поднимет больше двадцати тонн, а эти двадцать тонн надо еще перебросить к месту катастрофы!

Отметив, что здесь все в порядке, Лоуренс покинул здание космодрома; помощники проследят за разборкой. Пять минут спустя (одно из преимуществ Порт-Рориса — за пять минут можно было попасть в любую его точку) он вошел в помещение механической мастерской. Тут его ждало гораздо менее утешительное зрелище.

На козлах лежал макет площадью в два квадратных метра. Он в точности воспроизводил часть крыши «Селены», не было только тонкого слоя алюминизированной ткани, отражающей солнечные лучи, — она не могла повлиять на исход опыта.

А опыт был предельно прост, для него потребовалось всего три компонента: острый ломик, кувалда и огорченный механик, который, как ни старался, до сих пор не мог пробить ломом макет.

Всякий, кто немного знает условия на Луне, тотчас поймет причину неудачи: вес кувалды, естественно, составлял лишь одну шестую часть земного; вот почему — тоже естественно — сила удара была во столько же раз меньше.

Совершенно неверное рассуждение! Неспециалисту очень трудно постичь разницу между весом и массой; кстати, это не раз приводило к несчастным случаям. Вес — непостоянное свойство, его можно менять, путешествуя из одного мира в другой. На Земле эта же кувалда будет в шесть раз тяжелее, чем на Луне, на Солнце — почти в двести раз, в космосе она окажется невесомой.

Но повсюду, во всей Вселенной ее масса или инерция останутся неизменными. Усилие, нужное для того, чтобы придать кувалде определенную скорость, и удар при ее остановке всюду и всегда будут одинаковы. На астероиде, где почти нет тяготения и кувалда окажется легче перышка, она раздробит камень так же основательно, как на Земле.

— В чем дело? — спросил Лоуренс.

— Крыша сильно пружинит, — ответил механик, вытирая потный лоб. — Ломик отскакивает, и все.

— Ясно... Но у нас будет пятнадцатиметровая труба, со всех сторон сжатая пылью. Может быть, это погасит отдачу?

— Может быть. Но вы посмотрите сюда...

Они присели около макета и заглянули снизу. Начер-

ческие мелом линии показывали, как идут вдоль потолка электропровода, которые лучше не задевать.

— Этот фиброглас очень упругий, правильного отверстия не получится. Он трескается и крошится. Видите, вот уже трещины побежали. Боюсь, мы таким способом изуродуем всю крышу.

— А этого нельзя допустить,— согласился Лоуренс.— Ладно, отставить. Раз нельзя пробить, будем бурить. На конец трубы навинтим бур так, чтобы его было легко снять. Кстати, трубопроводы готовы?

— Почти готовы, тут все оборудование стандартное, изобретать ничего не надо. Увидите, через два-три часа закончим.

— Я приду через два часа,— сказал Лоуренс.

Он не стал добавлять, как сделал бы иной на его месте: «И чтобы к этому времени все было сделано». Его люди делали, что могли. Ни кнутом, ни пряником не заставишь опытных и добросовестных работников трудиться быстрее, чем позволяют их силы. Тут подгонять бесполезно; к тому же до срока, определяемого запасом кислорода на «Селене», еще оставалось три дня. Через несколько часов, если все будет в порядке, этот срок отодвинется на неопределенное время.

Коммодор Ханстен первым обнаружил грозную опасность, которая исподволь подкралась к ним. Однажды он уже встречался с ней,— когда его на Ганимеди подвел скафандр. Этот случай коммодор предпочитал не вспоминать, но и забыть не мог.

— Пат,— тихо заговорил он, удостоверившись, что их никто не слышит.— Вы заметили, стало труднее дышать? Пат ответил не сразу:

— Теперь, когда вы сказали, чувствую. Это, наверное, из-за жары.

— Я тоже так подумал сперва. Но потом, смотрю, знакомые симптомы, особенно это учащенное дыхание. Нам грозит углекислотное отравление.

— Этого не может быть. У нас кислорода еще на три дня, только бы очистители не отказали.

— Боюсь, как раз это и произошло. Как удаляется углекислый газ на «Селене»?

— Обыкновенные химические поглотители. Простое и надежное устройство, оно никогда не подводило.

— Понимаю, но ему еще никогда не приходилось работать в таких условиях. Видимо, жара повлияла на химикалии. Есть какой-нибудь способ проверить их?

Пат покачал головой.

— Нет. В тот отсек можно попасть только снаружи.

— Сью, милочка,— произнес усталый голос (неужели это миссис Шастер?),— у вас нет ничего от головной боли?

— Если есть,— подхватил другой пассажир,— уделите и мне тоже.

Пат и коммодор переглянулись. Классические симптомы, прямо по учебнику...

— Сколько, по-вашему, времени нам осталось? — тихо спросил Пат.

— От силы два-три часа. Лоуренс и его люди смогут добраться до нас в лучшем случае через шесть часов.

И тут Пат понял, что по-настоящему любит Сью Уилкинз: в первый миг он ощутил не страх за свою жизнь, а досаду и горечь — Сью столько вынесла, и вот теперь, когда спасение уже близко, она должна умереть...

ГЛАВА 18

Проснувшись в незнакомой комнате, Том Лоусон в первый миг не мог понять не только, где он, но и кто он. Ощущение веса подсказало ему, что он не на «Лагранже». Но и не на Земле, тяготение слишком мало. Значит, это не сон: он на Луне. И уже побывал в этом гиблом Море Жажды...

И помог найти «Селену»; благодаря его голове и рукам двадцать два человека уже не обречены на смерть. Сколько обид и огорчений пришлось пережить, зато теперь наконец-то сбываются его мечты о славе. Мир долго пренебрегал им, теперь лишения возместятся.

Что из того, что общество дало Тому знания, которые сто лет назад мало кому были доступны! Это давно стало правилом, каждый ребенок получает образование, отвечающее его задаткам и склонностям. Поощрять и развивать все дарования стало необходимо для цивилизации,

любой иной подход был бы равносителен самоубийству. И Тому не приходило в голову благодарить общество за свою докторскую степень: оно о себе же заботилось.

Все же в это утро Том Лоусон без прежней горечи и цинизма думал о жизни и о людях. Успех и признание — великие ценители души, а он мог рассчитывать и на то, и на другое. Но еще важнее оказалось для него иное: на «Пылекате-2», когда страх и сомнения едва не сломили Тома, он соприкоснулся и сотрудничал с человеком, которого мог уважать за ум и мужество.

Правда, длилось это недолго, и, может быть, ниточка быстро оборвется, как не раз случалось в прошлом. Отчасти Тому даже хотелось, чтобы так вышло, хотелось еще раз удостовериться, что все люди подлые, зловредные эгоисты. Он не мог забыть своего детства, совсем как Чарльз Диккенс, в душе которого ни успехи, ни слава не могли стереть воспоминания о гуталинной фабрике, в прямом и переносном смысле омрачившей юные годы писателя. И хотя Том Лоусон теперь как бы заново начинал свой жизненный путь, ему еще предстояло пройти очень много, чтобы почувствовать себя полноправным и полноценным членом человеческого общества.

Приняв душ и одевшись, молодой астроном заметил на столе записку, оставленную Спенсером.

«Будьте как дома. Я вынужден срочно уйти. Меня здесь сменит Майк Грехем. Позвоните ему по телефону 34-43, как только проснетесь».

«Словно я мог позвонить до того, как проснулся», — сказал себе Том: его излишне логический ум любил цепляться за такие небрежности речи. Все же он выполнил просьбу Спенсера, героически подавив желание сперва позвонить завтра.

От Майка Грехема Том узнал, что проспал шесть чрезвычайно бурных часов в истории Порт-Рориса, что Спенсер отправился на «Ауриге» к Морю Жажды и что поселок кишит репортерами, большинство которых разыскивает доктора Лоусона.

— Оставайтесь на месте, — сказал Грехем (имя и голос показались Тому знакомыми; вероятно, он видел его в один из тех редких моментов, когда включал лунное телевидение). — Я буду через пять минут.

— Но я умираю с голоду, — запротестовал Том.

— Позвоните в бюро обслуживания и закажите, что вам хочется,— мы платим,— только не выходите из номера.

Том не обиделся на этот бесцеремонный нажим, который лишний раз подтверждал, что он теперь важная фигура. Его гораздо больше возмутило то, что Майк Грехем поспел намного раньше, чем заказанный Томом завтрак (любой житель Порт-Рориса мог бы ему это предсказать). И пришлось астроному перед миниатюрной телекамерой Майка на голодный желудок объяснять двумстам (пока что только двумстам) миллионам зрителей, как он сумел обнаружить «Селену».

Он отлично справился, и причиной тому были недавние события и голод. Еще несколько дней назад любой интервьюер, если бы ему вообще удалось уговорить Лоусона изложить перед камерой принцип инфракрасного поиска, потонул бы в потоке высокоученых фраз. Том выдал бы в пулеметном темпе лекцию, изобилующую терминами вроде «квантовой отдачи», «излучения черных тел» и «спектральной чувствительности», убедив аудиторию, что речь идет о крайне сложном предмете (и это совершенно верно), которого неспециалисту не понять (что вовсе не отвечает истине).

Теперь же молодой ученый, несмотря на колики в желудке, обстоятельно и даже терпеливо ответил на вопросы Майка Грехема, подбирая слова, понятные большинству. Для всех представителей астрономической науки, которым в разное время довелось испытать на себе когти Тома, это было подлинным откровением. Сидя у себя на «Лагранже-2», профессор Котельников, когда кончилась передача, одной фразой выразил чувства своих коллег:

— Честное слово, я его не узнаю!

Немалый подвиг — втиснуть в переходную камеру «Селены» семь человек, но, как это уже показал Пат, больше нигде было устроить тайное совещание. Остальные пассажиры, конечно, недоумевали, в чем дело. Скоро узнают...

Сообщение Ханстена встревожило участников совета, но в общем-то не очень их удивило. Они все были люди умные и сами кое о чем догадывались.

— Мы с капитаном Харрисом решили сперва поговорить с вами,— объяснил коммодор.— Вы самые выдержанные из пассажиров и достаточно сильные, чтобы помочь нам, если понадобится. От души надеюсь, что до этого не дойдет, но могут быть осложнения, когда я всем объявлю.

— И тогда?..— спросил Хардинг.

— Если кто-нибудь сорвется, скрутите его,— решительно ответил коммодор.— Когда вернемся в кабину, старайтесь держаться спокойно. Не подавайте виду, что ждете стычки, не то как раз вызовете ее. Ваша задача сразу пресекать панику, чтобы она не распространялась.

— По-вашему, это правильно,— сказал доктор Мекензи,— чтобы никто не смог даже... гм, передать что-нибудь родным на прощание?

— Мы об этом думали, но ведь на это сколько времени понадобится, и потом все окончательно падут духом. А нам нельзя тянуть. Чем быстрее мы все проведем, тем выше наши шансы.

— Вы верите, что у нас есть надежда на спасение? — спросил Баррет.

— Да,— ответил Хансен,— хотя и не берусь сказать точно, насколько она велика. Больше вопросов нет? Брайен? Юхансон?.. Тогда пошли.

Они вернулись в кабину и сели на свои места. Остальные смотрели на них с любопытством и растущей тревогой. Хансен не стал тянуть.

— Я должен сообщить очень неприятную новость,— произнес он раздельно.— Видимо, все уже заметили, что стало трудно дышать, многие из вас жалуются на головную боль. Боюсь, виноват воздух. У нас еще достаточный запас кислорода, но все дело в том, что углекислый газ, который мы выдыхаем, скапливается в кабине. Почему — пока неизвестно. Я думаю, жара вывела из строя химические поглотители. Но даже если бы нам удалось найти причину, мы ничего не можем исправить.

Он остановился, чтобы перевести дух.

— Вот что нам предстоит. будет все труднее дышать, головная боль усилится. Я не хочу вас обманывать. Как бы спасатели ни старались, они доберутся до нас не раньше, чем через шесть часов. А мы не можем столько ждать.

Кто-то ахнул. Ханстен сознательно не стал смотреть в ту сторону. И вдруг в кабине раздался протяжный храп с присвистом. В другой обстановке этот звук, вероятно, вызвал бы общий смех... Счастливая миссис Шастер: она мирно, хотя и не очень тихо, спала.

Коммодор наполнил легкие воздухом. Становилось все труднее говорить.

— Будь наше положение совсем безнадежным,— продолжал он,— я бы просто промолчал. Но у нас еще есть возможность, и придется ею воспользоваться. Это не очень приятно, да выбора нет. Мисс Уилкинз, дайте мне, пожалуйста, ампулы со снотворным.

В мертвой тишине — даже храп миссис Шастер прекратился — стюардесса вручила коммодору металлическую коробочку.

Ханстен открыл ее и взял маленький белый цилиндр, напоминающий сигарету.

— Видимо, вам известно,— сказал он,— что правила предписывают всем космическим кораблям держать это средство в своих аптечках. Оно безболезненное и усыпляет на десять часов. Это может нас спасти, так как во сне дыхание замедляется наполовину. Мы вдвое растянем наш запас воздуха. Будем надеяться, что за это время спасатели пробьются к нам. Но кто-то один должен бодрствовать, поддерживать с ними связь. Лучше даже двое. Во-первых, капитан Харрис; думаю, никто не станет возражать.

— А второй, очевидно, вы? — прозвучал достаточно знакомый голос.

— Мне жаль вас огорчать, мисс Морли,— сказал коммодор Ханстен, нисколько не сердясь (к чему затевать перепалку, когда все решено), — но чтобы не было недоумений...

И прежде чем кто-либо успел понять, что происходит, он прижал ампулу к своей руке.

— До свидания через десять часов,— раздельно произнес Ханстен, сел в ближайшее кресло и погрузился в забытие.

«Теперь мне распоряжаться», — подумал Пат, вставая. Его так и подмывало сказать несколько «теплых» слов мисс Морли, но тут же он сообразил, что только испортит впечатление от мудрого поступка коммодора.

— Я капитан этого судна,— сказал он твердо.— С этой минуты я командую.

— Только не мной,— отпарировала неукротимая мисс Морли.— Я заплатила за билет, у меня есть права. И я наотрез отказываюсь воспользоваться этими штуками

Ну и характер, черт бы ее побрал! Пат с ужасом представил себе, что будет, если она настоит на своем. Десять часов наедине с мисс Морли, и больше не с кем словом перемолвиться...

Он обвел взглядом пятерых «блюстителей порядка» Ближе всех к мисс Морли сидел инженер с Ямайки, Роберт Брайен. Он только ждал знака, чтобы действовать, но Пат все еще надеялся избежать серьезных трений.

— Не стану спорить о правах,— сказал он,— но если вы прочтете, что напечатано мелким шрифтом на ваших билетах, то убедитесь: в аварийных случаях я могу требовать беспрекословного подчинения. И ведь это только в ваших интересах. Лично я предпочел бы спать, ожидая спасателей.

— И я тоже,— неожиданно вступил профессор Джаяварден.— Коммодор прав, это поможет нам сберечь воздух. Другого выхода просто нет. Мисс Уилкинз, дайте мне ампулу, пожалуйста!

Спокойная логика его слов помогла умерить страсти, тем более что профессор легко и быстро уснул. «Двое готовы, осталось восемнадцать»,— мысленно отметил Пат.

— Не будем терять времени,— произнес он вслух.— Вы сами убедились, эти штуки не причиняют никакой боли. В каждой заключен миниатюрный подкожный иньсктор, вы не почувствуете даже малейшего укола.

Сью уже начала раздавать безобидные на вид цилиндрики, и некоторые пассажиры не замедлили их использовать — Ирвинг Шастер (он с трогательной осторожностью прижал ампулу к руке спящей жены), за ним загадочный мистер Редли. Остается пятнадцать... Кто следующий?

Сью подошла к мисс Морли. «Внимание,— сказал себе Пат,— если она еще настроена скандалить...»

Так и есть.

— Разве я не достаточно ясно сказала, что не приму никаких снадобий? Уберите эту штуку.

Роберт Брайен привстал, но тут раздался насмешливый голос Дэвида Баррета

— Я объясню вам, в чем дело, капитан,— сказал он, с явным наслаждением выпуская стрелу в цель.— Почтенная леди опасается, как бы вы не воспользовались ее беспомощностью.

На мгновение мисс Морли онемела от ярости, щеки ее вспыхнули алым румянцем.

— Никогда еще меня так не оскорбляли...— вымолвила она наконец.

— Меня тоже, мадам,— добавил Пат.

Она обвела взглядом обращенные к ней лица. Большинство пассажиров сохраняли серьезность, но некоторые язвительно улыбались. И мисс Морли поняла, что остается только одно.

Она поникла в своем кресле. Пат облегченно вздохнул. С остальными будет проще...

Вдруг он заметил, что миссис Уильямс, день рождения которой отметили так скромно несколько часов назад, оцепенело уставилась на зажатую в руке ампулу. Страх сковал ее. Супруг, сидящий рядом, уже уснул. Не очень-то галантно бросать подругу жизни на произвол судьбы, подумал Пат.

Прежде чем он успел что-либо придумать, вмешалась Сью.

— Извините меня, миссис Уильямс, я ошиблась, дала вам пустую ампулу. Разрешите мне взять ее...

Все было сделано чисто, как фокус на сцене. Сью взяла — или сделала вид, что взяла,— ампулу из безвольных пальцев миссис Уильямс, незаметно коснулась запястья испуганной женщины, и та погрузилась в сон.

Половина пассажиров спит. Откровенно говоря, Пат не ожидал, что все пройдет так гладко. Коммодор зря беспокоился, «карательный отряд» оказался ненужным.

Мгновением позже капитан Харрис понял, что поторопился радоваться. Нет, коммодор знал, что делал. Мисс Морли была не единственным трудным пациентом.

Не меньше двух лет минуло с тех пор, как Лоуренс в последний раз входил в иглу. Тогда он был начинающим инженером, работал на строительстве и неделями жил в иглу, забывая, что такое стены настоящего дома. Разумеется, с тех пор многое усовершенствовано. Теперь

в жилище, которое умещалось в чемодане, можно было устроиться очень уютно.

Перед ним стоял один из последних образцов, марки «Гудьир ХХ», на шесть человек. Время пребывания в иглу не ограничено. Лишь бы подавали электрический ток, воду, продовольствие и воздух, остальное входит в комплект. Конструкторы даже о развлечениях позаботились: есть микробιβлиотечка, радио- и видеоаппаратура. И это вовсе не излишняя роскошь, что бы ни твердили ревизоры. В космосе скука может в самом прямом смысле слова стать смертельной. Она убивает не так быстро, как, скажем, неисправный воздухопровод, но так же безотказно, и смерть может быть куда более страшной...

Лоуренс пригнулся, входя в камеру перепада. Вспомнились старые иглу, в которые забирались буквально на четвереньках. Дождавшись сигнала «давление уравнено», он шагнул в главную полусферу.

Все равно что очутиться внутри воздушного шара — и ведь по сути дела это так и есть. Он видел только часть интерьера: помещение было разгорожено легкими ширмами. (Тоже усовершенствование; прежде можно было уединиться лишь в одном месте — за занавеской, отгораживающий туалет.) Над головой, на высоте трех метров, свисали с потолка на эластичных шнурах светильники и установки искусственного климата. Вдоль плавно изгибающейся стены выстроились складные металлические стеллажи. Еще не выпрямлены полностью... За ближайшей ширмой чей-то голос медленно читал опись инвентаря, другой голос через несколько секунд коротко отвечал: «Есть».

Лоуренс обогнул ширму и очутился в спальной секции. Двухэтажные койки тоже не установлены как следует. И незачем: сейчас идет проверка, все ли в наличии. Затем иглу сложат и немедленно перебросят к месту спасательных работ.

Лоуренс не стал мешать. Нудное дело, но необходимое (кстати, на Луне много таких дел). Малейшая ошибка здесь может потом стоить кому-нибудь жизни.

Когда проверка кончилась, главный инженер спросил:
— Это самое большое иглу у вас на складе?

— Самое большое, которым можно пользоваться,— последовал ответ,— Есть еще «Гудьир XIX» на двена-

дцать человек, но с проколом во внешней оболочке, который надо заделать.

— Сколько времени займет починка?

— Несколько минут. Но перед выдачей мы обязаны испытать его — двенадцать часов в рабочем виде.

Иногда человек, установивший правила, вынужден их нарушать.

— Мы не можем ждать столько. Наложите двойную заплату и быстро проверьте на утечку. Если она окажется в допустимых пределах, выдайте иглу. Я подпишу документы.

Риск невелик, а большое иглу может пригодиться. Оно должно защитить от холода и вакуума двадцать два человека, когда их поднимут на поверхность. Не держать же всех в скафандрах до самого Порт-Рориса.

«Бип-бип» — пропищало у Лоуренса над левым ухом. Он нажал тумблер на поясе.

— Главный инженер Эртсайда слушает.

— Сообщение с «Селены», — доложил слабый, но отчетливый голос. — Весьма срочно, у них осложнения.

ГЛАВА 19

До сих пор Пат как-то не замечал пассажира, который сидел, скрестив руки на груди, в кресле 3-Д у окна. Пришлось даже напрячь память, чтобы вспомнить его фамилию. Билдер, что ли?.. Нет, Бальдур, Ханс Бальдур. На первый взгляд — образец спокойного, дисциплинированного туриста.

Да он и теперь держался спокойно, но образцом его уже нельзя было назвать: Бальдур не спал. Он сидел с каменным лицом, словно не замечал ничего вокруг, и только щека подергивалась, выдавая его состояние.

— А вы чего ждете, мистер Бальдур? — спросил Пат Харрис нарочито ровным голосом. Хорошо, есть на кого опереться морально и физически... Нельзя сказать, чтобы Бальдур выглядел силачом, но мускулы уроженца Луны могут подвести Пата, если дойдет по потасовки.

Бальдур только мотнул головой, продолжая упорно глядеть в окно, — точно мог увидеть в нем что-либо кроме своего собственного отражения.

— Вы не заставите меня принять эту дрянь, я отказываюсь,— произнес он с заметным акцентом.

— Я и не собираюсь вас заставлять,— ответил Пат.— Но разве вы не понимаете, что это делается для вас же? И для других. Что вас останавливает?

Бальдур помедлил, словно подыскивая слова.

— Это... это противоречит моим принципам,— сказал он наконец.— Вот именно. Моя религия не позволяет мне соглашаться на инъекции.

Пат где-то слышал, что бывают люди шепетильные в таких вопросах. Но Бальдур? Нет. Этот человек говорит неправду. Почему?

— Разрешите мне задать вопрос? — прозвучал голос за спиной Пата.

— Разумеется, мистер Хардинг,— сказал Пат, надеясь, что тот его выручит.

— Вы говорите, мистер Бальдур,— сказал Хардинг таким тоном, словно продолжал допрашивать миссис Шастер (как давно это было!),— что не можете согласиться ни на какие инъекции. Но ведь вы не уроженец Луны, а попасть сюда, минуя карантинные власти, невозможно. Как же вы ухитрились избежать обязательных прививок?

Бальдур реагировал неожиданно бурно.

— Не ваше дело,— огрызнулся он.

— Совершенно верно,— любезно подтвердил Хардинг.— Я только хотел помочь разобраться.— Он подошел к Бальдуру и протянул вперед левую руку.— Разрешите взглянуть на ваше свидетельство о прививках?

«Эх, оплошал»,— сказал себе Пат. Будто можно без приборов прочесть магнитозапись на свидетельствах Межпланетного медицинского управления! Стоит Бальдуру сообразить это, и... В самом деле, что он тогда предпримет?

Но Бальдур не успел ничего предпринять. Он все еще смотрел на левую ладонь Хардинга, когда тот сделал стремительное движение правой рукой. Пат даже не сразу понял, что произошло. Хардинг действовал так же расторопно, как незадолго перед этим Сю с миссис Уильямс. Правда, встреча ребра его правой ладони с шеей Бальдура произвела куда более сильное впечатление. Ловко — хотя Пату Харрису такая ловкость не нравилась.

— Это усмирит его на пятнадцать минут,— небрежно сказал Хардинг, глядя на поникшего в кресле Бальдура.— Дайте, пожалуйста, ампулу... Спасибо.

И он приложил ампулу к руке строптивца, уже усыпленного его ударом.

Опять я выпустил поводья из рук, подумал Пат. Он был благодарен Хардингу за распорядительность, но лучше бы она проявилась иначе.

— Что все это значит? — спросил он неуверенно.

Хардинг засучил левый рукав Бальдура и повернул его руку: кожа запястья была испещрена сотнями укулов.

— Знаете, что это такое? — тихо спросил он.

Пат кивнул. Пороки старушки Земли добирались до Луны с разной скоростью, но в конечном счете все добралось.

— Не удивительно, что этот бедняга не хотел сознаться. Ему внушили отвращение к укулам. Судя по меткам, лечение началось совсем недавно. Надеюсь, я не испортил ему все дело. Ничего, лишь бы жив остался.

— Как же его пропустил карантин?

— Для таких есть специальный отдел. Врачебная тайна: чтобы можно было сделать прививки, гипнотизер временно отменяет внушенный запрет. Этих наркоманов больше, чем вы думаете, а путешествие на Луну входит в курс лечения. Так сказать, перемена обстановки.

Пату хотелось выяснить еще кое-что, но они и без того потеряли немало драгоценных минут. Слава богу, все пассажиры, кроме «блустителей порядка», уже погрузились в сон. Должно быть, наглядный урок дзюдо (или как там это называется) пошел им на пользу...

— Я вам больше не нужна,— сказала Сю, улыбаясь через силу.— Пока, Пат. Разбуди меня, когда все кончится.

— Когда кончится, разбужу,— обещал он, бережно опуская ее на пол между креслами. И добавил, видя, что глаза Сю закрылись: — Или никогда.

Несколько секунд Пат смотрел на нее, потом взял себя в руки и выпрямился. Он упустил возможность сказать Сю все то, что хотел. И, быть может, навсегда.

Горло пересохло; судорожно глотая, капитан Харрис повернулся к пятерке бодрствующих. Предстояло решить еще одну задачу, и Девид Баррет не замедлил ее назвать.

— Ну, капитан,— сказал он — Не заставляйте нас гадать... Кого вы выбрали себе в товарищи?

Пат дал каждому по ампуле.

— Спасибо всем за помощь,— ответил он.— А на ваш вопрос... Я знаю, это может показаться мелодрамой, но так будет лучше: из этих пяти ампул только четыре заряжены.

— Надеюсь, моя в том числе,— сказал Баррет.

Он угадал. Хардинг, Брайен, Юхансон тоже мгновенно уснули.

— Ясно,— произнес доктор Мекензи.— Мне водить. Польщен вашим выбором. Или это получилось случайно?

— Прежде чем я отвечу вам,— сказал Пат,— надо доложить в Порт-Рорис, что у нас произошло.

Короткий доклад капитана Харриса вызвал замешательство в Порт-Рорисе. Немного погодя включился главный инженер Лоуренс.

— Вы правильно поступили,— сказал он, выслушав Пата.— Даже если все будет идти гладко, раньше чем через пять часов нам до вас не добраться. Продержитесь?

— За нас двоих ручаюсь,— ответил Пат.— У нас есть кислородный баллон от скафандра. А вот пассажиры...

— Вам остается только одно: наблюдать за их дыханием и когда надо подкреплять их глотком кислорода. Мы здесь все силы приложим. Что-нибудь еще?

Пат несколько секунд подумал.

— Нет,— устало ответил он.— Буду вызывать вас каждые четверть часа. Все.

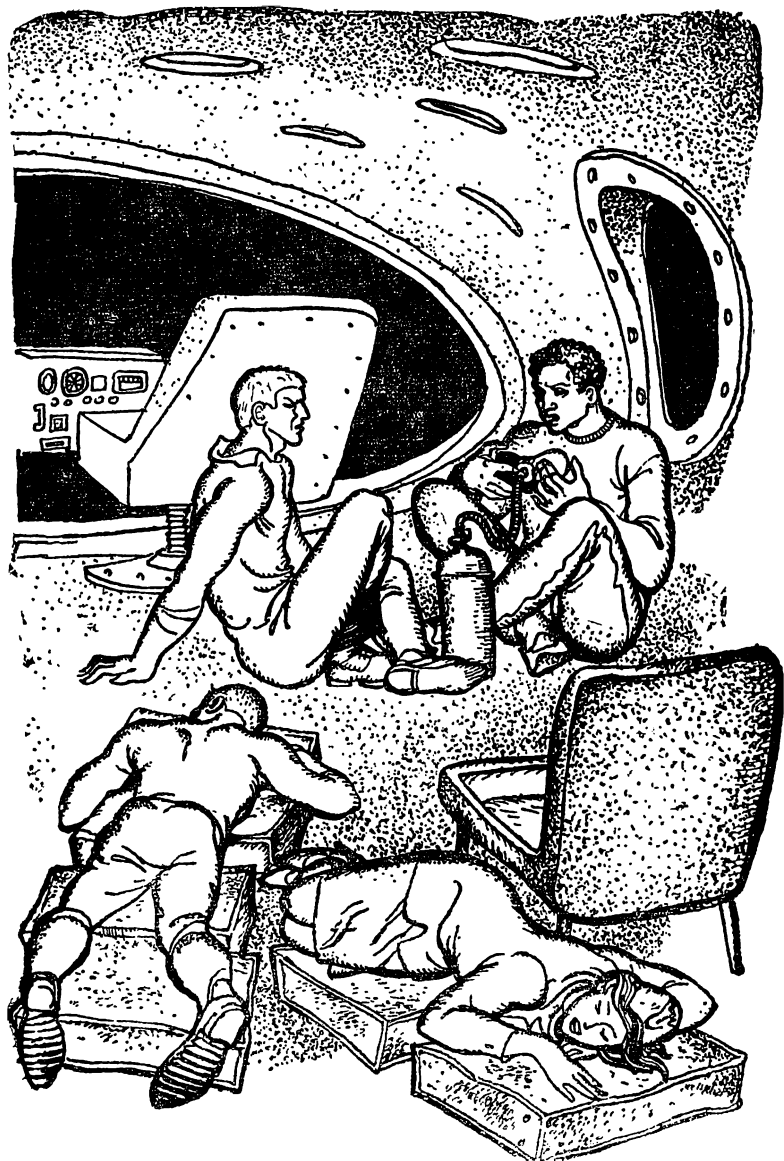
Он встал медленно, усталость и углекислое отравление давали себя знать, и обратился к Мекензи:

— Ну-ка, доктор, помогите мне со скафандром.

— А ведь я совсем про него забыл, вот голова!

— А я боялся, как бы кто из пассажиров не вспомнил. Они не могли не видеть его, когда шли через камеру перепада. Но так уж повелось, люди не примечают того, что у них под носом.

Всего пять минут понадобилось, чтобы отделить от скафандра банки с поглотителем и баллон с суточным запасом кислорода. Дыхательный аппарат намеренно был сконструирован в расчете на быструю разборку, чтобы его можно было применить для искусственного дыхания. В который раз Пат мысленно воздал должное



В сером металлическом баллоне был заключен целый день жизни

выдумке и дальновидности инженеров и техников, создавших «Селену». Кое-что можно еще усовершенствовать, есть маленькие упущения, но это сущие пустяки.

В сером металлическом баллоне был заключен целый день жизни. Двое — единственные бодрствующие на борту — поглядели друг на друга и почти одновременно произнесли:

— Сперва вы.

Сдержанно усмехнулись, потом Пат сказал:

— Хорошо, не буду спорить.

И поднес маску к лицу.

Кислород... Будто свежий морской бриз после душного летнего дня или дыхание горных сосен ворвалось в застойный воздух теснины! Пат не торопясь сделал четыре глубоких вдоха, сильно выдыхая, чтобы очистить легкие от углекислого газа. И, будто трубку мира, передал дыхательный аппарат Мекензи.

Четыре вдоха вернули капитану силы и смели паутину, которая уже было начала затягивать его мозг. Или это чисто психологическое действие? Разве могут несколько кубических сантиметров кислорода так сильно повлиять? Как бы то ни было, он чувствовал себя новым человеком. Можно выдержать пять часов, даже больше.

Десять минут спустя Пат совсем приободрился: все спящие дышали нормально — медленно, но ровно. Дав каждому вдохнуть кислорода, он опять вызвал Базу.

— Я «Селена», докладывает капитан Харрис. Мы с доктором Мекензи в полном порядке, пассажиры тоже. Остаюсь на приеме, вызову вас снова в условленное время.

— Вас понял. Погодите немного, с вами хотят говорить представители агентств.

— Простите,— ответил Пат,— я уже сообщил все, что мог, и у меня на руках двадцать человек. «Селена» кончила.

Разумеется, это был только предлог, и притом малоубедительный. Пат Харрис сам не понимал, почему к нему прибеж. Так, нашло что-то, вдруг ощутил приступ совсем не свойственного ему озлобления: «Не дадут уж и умереть спокойно!» Знай Пат, что всего в пяти километрах стоит наготове телевизионная камера, он, наверное, говорил бы еще более резко

— Вы не ответили на мой вопрос, капитан,— терпеливо напомнил доктор Мекензи.

— Какой вопрос? Ах, да! Нет, это не было случайно. Мы с коммодором решили, что из всех пассажиров вы самый полезный для дела человек. Вы ученый, вы раньше всех заметили опасность перегрева — и сохранили это в тайне, когда мы вас попросили.

— Ясно, постараюсь оправдать доверие. Я сейчас чувствую себя очень бодро. Должно быть, кислород подстегивает. Весь вопрос в том, надолго ли его хватит?

— Если считать двоих — на двенадцать часов. За это время пылекаты должны подойти. Но нам придется, наверное, уделить большую часть кислорода другим... Может и не хватить...

Они сидели, скрестив ноги, на полу возле водительского кресла, баллон стоял между ними. То один, то другой подносил к лицу маску. Два вдоха — все. «Никогда не думал,— сказал себе Пат,— что окажусь участником самой избитой сцены телевизионных спектаклей из космической жизни». К сожалению, это слишком часто случалось в действительности, чтобы казаться забавным. Особенно, когда сам попал в переделку.

Оба (и уж во всяком случае кто-нибудь один) могли рассчитывать на спасение, стоило только махнуть рукой на остальных. Не выйдет ли так, что, стараясь спасти двадцать своих товарищей, они погубят и себя?

Логика против совести. Спор отнюдь не новый, возможный не только в космическом веке, а древний, как человечество. Как часто в прошлом отрезанные от всех группы людей оказывались под угрозой смерти из-за недостатка воды, пищи или тепла. Теперь не хватает кислорода, но суть все та же.

Подчас не выживал никто, иногда спасалась горстка людей, которые затем до конца жизни искали самооправдания. Что думал Джордж Поллард, капитан китобойца «Эссекс», когда ходил по улицам Нантукета, обремененный грехом людоедства? Пат ничего не знал об этой истории, происшедшей двести лет назад; мир, в котором он жил, был слишком занят созданием собственных легенд, чтобы занимать предания у Земли.

Но Пат Харрис принял решение. И он знал, что для Мекензи тоже нет иного выбора. Ни тот, ни другой не

были способны убить товарища из-за последнего глотка кислорода. А если дойдет до схватки...

— Чему вы улыбаетесь? — спросил Мекензи.

Пат расслабил непроизвольно напрягшиеся мышцы. От одного вида этого плечистого австралийского ученого делалось тепло и спокойно на душе. Он совсем, как Хан-стен, хотя намного моложе коммодора. Есть такие люди — вы сразу проникаетесь к ним доверием, чувствуете, что на них можно положиться.

— Говоря начистоту, — сказал Пат, кладя на пол маску, — я подумал о том, что вряд ли смог бы вам помешать, если бы вы решили забрать баллон себе.

Лицо Мекензи отразило недоумение, потом и он улыбнулся.

— Это у вас, уроженцев Луны, просто какое-то чувствительное место...

— Меня это никогда не трогало, — возразил Пат. — Все-таки мозг важнее силы. И ведь не моя вина, что я вырос в гравитационном поле, которое в шесть раз слабее вашего. Кстати, как вы определили, что я уроженец Луны?

— Во-первых, ваше телосложение. Все селениты высокие и тонкие. И цвет кожи: никакие кварцевые лампы не заменят настоящего солнца.

— Да уж, вы не можете пожаловаться на загар, — ухмыльнулся Пат. — Ночью вас и не заметишь, пока не столкнешься! Между прочим, откуда у вас такая фамилия — Мекензи?

Пат Харрис только понаслышке знал о расовых предрассудках, еще не изжитых полностью на Земле, и спросил совершенно спокойно, без какой-либо задней мысли.

— Миссионеры осчастливили его моего деда, когда крестили его. Не думаю, чтобы в этой фамилии был заключен какой-либо намек на мое... э-э-э... происхождение. Насколько мне известно, я чистокровный або.

— Або?..

— Абориген. Наш народ населял Австралию до того, как туда явились белые. Последующие события были довольно печальны.

Пат был не очень сведущ в земной истории; подобно большинству селенитов, он считал, что до 8 ноября 1967 года, когда русские столь эффектно отпраздновали

пятидесятилетие своей революции, вообще не было великих событий.

— Очевидно, началась война?

— Какая там война... У нас были копья и бумеранги, у них — ружья. А туберкулез, а венерические заболевания?.. Нам понадобилось полтора года, чтобы оправиться от удара. Только после тысячи девятьсот сорокового года численность коренного населения снова стала расти. Теперь нас около ста тысяч, почти столько же, сколько было, когда к нам пожаловали ваши предки.

Мекензи сообщил эти сведения иронически-беспристрастно, без малейшего укора, но Пат все-таки решил снять с себя ответственность за злодеяния своих земных праотцев.

— Не порицайте меня за то, что происходило на Земле, — сказал он. — Я никогда там не был и не буду — не выдержу тяготения. Но я много раз смотрел на Австралию в телескоп. В душе я привязан к этой стране: мои родители взлетели в космос из Вумеры.

— А мои предки ее окрестили: «вумера» — праща для метания копья.

— Кто-нибудь из вашего народа, — Пат тщательно подбирая слова, — все еще живет в примитивных условиях? Кажется, в некоторых частях Азии сохранились пережитки.

— Старый племенной уклад исчез. Это произошло довольно быстро, как только африканские государства принялись критиковать Австралию в ООН. Не всегда справедливо, на мой взгляд, но ведь я сам прежде всего австралиец, а уж потом абориген... И надо признать, мои белые соотечественники часто вели себя очень глупо. Например, называли нас умственно неполноценными. До конца прошлого столетия кое-кто из них смотрел на нас, как на дикарей каменного века. Спору нет, наша материальная культура и впрямь была примитивна, но о людях этого нельзя было сказать.

Казалось бы, не вовремя они затеяли обсуждать образ жизни, столь далекий от «Селены» во времени и пространстве. Но Пат не видел в этом ничего странного. Пять часов, если не больше, он и Мекензи должны гнать от себя сон и присматривать за двадцатью товарищами. Нужно как-то развлекать друг друга.

— Но если ваш народ не был примитивным — кстати, уж вас-то никак не назовешь дикарем,— откуда белые это взяли?

— Обыкновенная глупость плюс предубеждение и предвзятость. Проще всего сказать о человеке, который не умеет считать, писать и чисто говорить по-английски, что он ограниченный. За примером ходить недалеко. Мой дед, первый Мекензи, дожил до двухтысячного года, но мог считать только до десяти. А полное затмение Луны он описывал так: «Керосиновая лампа Иисуса Христа совсем загнулась». Я могу выразить в дифференциальных уравнениях орбитальное движение Луны, но это не значит, что я умнее деда. Поменяйте нас во времени — может быть, он стал бы лучшим физиком, чем я. Разные обстоятельства и возможности, вот в чем дело. У деда не было случая научиться счету; мне не надо было растить семью в пустыне — труд нешуточный, требующий очень большого умения.

— Возможно, кое-что из навыков вашего деда пригодилось бы нам здесь,— задумчиво произнес Пат.— У нас ведь, если разобраться, такая же задача — выжить в пустыне.

— Пожалуй, это сравнение подходит... Хотя вряд ли нам была бы польза от бумеранга и палочек для добывания огня. Разве что магические ритуалы? Увы, я их не знаю. К тому же сомневаюсь, чтобы власть племенных богов Арнхемленда простиралась до Луны.

— А вы никогда не жалели о гибели обычаев и нравов вашего народа? — продолжал Пат.

— Разве можно жалеть о том, чего не знаешь? Я научился работать на вычислительной машине задолго до того, как впервые увидел корробори...

— Что?..

— Это название племенной ритуальной пляски. Кстати, половина исполнителей были студенты-этнографы. Так что у меня не было и нет никаких романтических иллюзий насчет примитивной жизни и благородных дикарей. Мои предки были отличные люди, я несколько их не стыжусь, но из-за географических условий они попали в тупик. Все силы уходили на то, чтобы выжить, для цивилизации ничего уже не оставалось. И в каком-то смысле хорошо, что пришли белые, несмотря на их очарователь-

ный обычай продавать нам отравленную муку, когда им была нужна наша земля.

— Отравленную муку?

— Конечно. Почему вы удивляетесь? Это было за сто с лишним лет до Освенцима.

Слова Мекензи заставили Пата призадуматься. Наконец он взглянул на часы и с явным облегчением сказал:

— Пора связываться с Базой. Давайте сперва проверим, как пассажиры.

ГЛАВА 20

Надувные иглу и прочие ухищрения, позволяющие жить с удобствами на Море Жажды, подождут, сказал себе Лоуренс. Сейчас надо опустить воздухопровод к пылеходу. Так что придется инженерам и техникам попытаться в скафандрах. Да им недолго страдать. Если не улсжатся в пять-шесть часов, можно поворачивать обратно, оставив «Селену» во власти мира, именем которого она названа...

В мастерских Порт-Рориса вершились невоспетые и неувекоченные чудеса импровизации. Разобрали и погрузили на сани воздухоочистительную установку, включая баллоны с жидким кислородом, поглотители влаги и углекислого газа, регуляторы температуры и давления. То же самое сделали с небольшим буровым станком, переброшенным на местной ракете из Клавия, где обосновались геофизики. Погрузили также специально приспособленные трубы. Плохо, если они подведут: усовершенствовать их уже будет некогда ..

Лоуренс не подгонял людей. Он знал, что в этом нет нужды. Главный держался в тени, следя за погрузкой снаряжения на сани и пытаясь предусмотреть все подводные камни. Какой инструмент понадобится? Хватит ли запасных частей? Не лучше ли погрузить плот последним, чтобы можно было снять его первым? Не опасно ли подавать кислород на «Селену» до того, как будет установлена вытяжная труба? Эти и сотни других вопросов — некоторые второстепенные, другие существенные — роились в его голове. Несколько раз он запрашивал у Пата техническую информацию: какое давление в кабине, ка-

кая температура, не сорван ли аварийный клапан кабины (оказалось, нет, но его, очевидно, забило пылью), в каком месте лучше сверлить крышу. И с каждым разом Пат говорил все более затрудненно...

Порт-Рорис кишел репортерами, которые захватили половину радио- и телеканалов между Землей и Луной, но главный инженер наотрез отказывался говорить с ними, ограничился коротким заявлением о том, что произошло и что намечено предпринять. Сообщения для печати и радио — дело представителей администрации. Они обязаны позаботиться, чтобы он мог работать без помех. Лоуренс так и сказал начальнику «Лунтуриста», после чего, не дожидаясь возражений, положил трубку.

Естественно, главному некогда было взглянуть на телевизионный экран, но до него дошло, что доктор Лоусон уже успел прославиться колющим языком. Видно, корреспондент «Интерплэнет Ньюс», которому Лоуренс сдал астронома с рук на руки, не терял времени. Должно быть, этот парень сейчас радуется своей удаче...

Но «этот парень» нисколько не радовался. Оседлав Горы Недоступности (красиво он опроверг это название!), Морис Спенсер неожиданно очутился под угрозой язвы, которой до сих пор успешно избегал. Сто тысяч долларов потрачено, чтобы загнать сюда «Ауригу», — и похоже, что впустую!

Все будет кончено прежде, чем сюда подоспеют пылекаты... Неслыханная, захватывающая дух спасательная операция не привлечет к экранам миллиарды телезрителей — она не состоится. Мало кто не захотел бы посмотреть, как вырывают из когтей смерти двадцать два человека, но кто согласится смотреть, как извлекают трупы из могилы?..

Так рассуждал корреспондент Спенсер. По-человечески он был глубоко потрясен. Ужасно сидеть на горе всего в пяти километрах от места, где назревает трагедия, которую ты бессилен предотвратить. Он буквально стыдился каждого своего вдоха при мысли о том, что пассажиры «Селены» задыхаются без воздуха. Снова и снова он думал, не может ли «Аурига» помочь чем-нибудь (вот был бы материал для газеты!). Увы, им остается лишь наблю-

дать, это неумолимое Море Жажды пресечет все их попытки прийти на выручку лунобусу.

Спенсеру и прежде приходилось вести репортаж о несчастных случаях. Но на этот раз он — отвратительная мысль! — чувствовал себя вампиром.

На борту «Селены» было тихо. Настолько тихо, что надо было напрягать все силы, борясь со сном. А как хотелось уснуть, погрузиться в блаженное забытие вместе со всеми... Пат откровенно завидовал спящим. Глоток другой иссякающего кислорода прояснял сознание, но от этого становилось только горше.

В одиночку он, конечно, не одолел бы дремоту и не смог бы наблюдать за двадцатью спящими, давать кислород тем, у кого появились признаки одышки. Он и Мекензи страховали друг друга, один помогал другому победить сон.

Все было бы проще, если бы не подходил к концу кислород в единственном баллоне. А в главных цистернах столько жидкого кислорода, да разве доберешься до него... Через испарители автоматическая система подает строго отмеренные порции в кабину, но тут он сразу же смешивается с отравленной атмосферой.

Пат не представлял себе, что время может тянуться так медленно. Неужели всего четыре часа прошло с тех пор, как они заступили на пост? Пат Харрис мог бы поклясться, что это длится уже несколько дней: тихие беседы с Мекензи, вызов Порт-Рориса через каждые пятнадцать минут, проверка дыхания и пульса пассажиров, скудные глотки кислорода...

Но всему бывает конец. Из мира, который они уже отчаялись когда-нибудь увидеть вновь, пришла по радио долгожданная весть.

— Мы идем к вам,— сообщил главный инженер Лоуренс; несмотря на усталость, голос его звучал твердо.— Продержитесь еще часок... Как самочувствие?

— Здорово устали,— медленно произнес Пат.— Но мы продержимся.

— А пассажиры?

— Тоже.

— Ладно. Буду вызывать вас каждые десять минут.

Не выключайте приемник, пусть работает на полную мощность. Тут медики кое-что придумали, боятся, как бы вы не уснули.

Гул медных труб прокатился над Луной, долетел до Земли и унесся дальше, к пределам Солнечной системы. Мог ли Гектор Берлиоз, сочиняя свой великолепный «Ракоци-марш», предполагать, что через двести лет его музыка придаст сил и надежды людям, борющимся за жизнь далеко от родной планеты?

Кабина «Селены» гудела от ликующих звуков. На лице Пата появилось подобие улыбки.

— Пусть эту музыку называют старомодной,— сказал он,— она делает свое дело.

Кровь быстрее струилась в его жилах, ноги сами отбивали такт. С лунного неба, из космоса к ним вторгся топот марширующих армий и лихо скачущей конницы, звучали сигналы горна над тысячами полей, на которых некогда решалась в сражениях судьба целых народов. Это было давно и быльем поросло — к счастью. Но от той поры осталось в наследство новым поколениям и много славного, благородного: образцы героизма и самоотверженности, примеры того, что человек продолжает борьбу даже тогда, когда, казалось бы, исчерпаны все его физические возможности.

Тяжело дыша в застойном воздухе, Пат Харрис чувствовал, как голоса прошлого будят в нем силу, необходимую, чтобы выстоять еще один, самый тяжелый, нескончаемый час.

На тесной, загроможденной снаряжением площадке «Пылеката-1» главный инженер Лоуренс, услышав ту же музыку, испытал нечто схожее. Ведь его маленький флот вышел на бой, на битву с врагом, который всегда будет противостоять человеку. Покоряя Вселенную, планету за планетой, солнце за солнцем, люди снова и снова будут наталкиваться на сопротивление еще неизведанных сил природы. Даже Земля не освоена полностью за все эти тысячи лет; множество ловушек подстерегает на ней опрометчивого... А в мире, знакомство с которым началось всего несколько десятилетий назад, смерть таится на каждом шагу, под тысячью невинных личин. Чем бы

ни кончился поединок с Морем Жажды, завтра их ждет новый вызов.

Каждый пылекат тянул на буксире сани с грузом, который казался тяжелее, чем был на самом деле. Большую часть его составляли пустые цистерны для плота. Спасатели везли только самое необходимое. Как только «Пылекат-1» разгрузится, Лоуренс пошлет его назад в Порт-Рорис за следующей партией. Таким образом, будет налажено непрерывное сообщение с Базой, и если что-нибудь вдруг понадобится, самое большее через час доставят. Лучше быть оптимистом, хотя не исключено, что когда они наконец доберутся до «Селены», уже никакая спешка не поможет...

Быстро скрылись за горизонтом купола Порт-Рориса; не теряя времени, Лоуренс инструктировал своих людей. Он хотел перед выходом в море провести генеральную репетицию, но от этого пришлось отказаться. Некогда. Все должно получиться с первого раза. Второй попытки не будет.

— Джонс, Сикорский, Коулмен, Мацуи — как только придем на место, вы снимаете с саней цистерны и раскладываете их, как условлено. Затем Брюс и Ходжес крепят остов. Старайтесь не терять болтов и гаек, инструмент привязывайте. Если вдруг упадете с плота, не паникуйте, больше чем на несколько сантиметров не погружитесь, я знаю. Сикорский, Джонс — вы помогаете класть настил, когда будет собран остов. Коулмен, Мацуи — на готовых участках плота сразу раскладываете трубы и шланги. Гринвуд, Ринальди — вы займетесь бурением...

И так далее, операция за операцией. Самое опасное, что люди из-за тесноты будут мешать друг другу, а сейчас малейший промах — и все может оказаться впустую... Сверх того, Лоуренса преследовала тревога, что они забыли в Порт-Рорисе какой-нибудь важный инструмент. Но еще страшнее, как подумаешь, что двадцать два человека могут погибнуть, если утонет в пыли ключ, без которого не сделаешь последнего соединения.

В Горах Недоступности Морис Спенсер, не выпуская из рук бинокль, внимательно слушал радиоголоса, звучащие над Морем Жажды. Каждые десять минут Лоуренс

вызывал «Селену», и всякий раз пауза между вызовом и ответом длилась все дольше. Харрис и Мекензи все еще успешно боролись со сном. Конечно, тут все решала сила воли, но и музыка, которую передавал Клавий, несомненно помогала.

— Чем их сейчас накачивает этот музыкальный психолог? — спросил Спенсер.

В другом конце рубки старший радист прибавил громкости, и над Горами Недоступности закружились валькирии.

— Насколько я разбираюсь, — пробурчал капитан Алсон, — они все время передают один девятнадцатый век.

— Почему же, — возразил Жюль Брак, колдуя над своей камерой, — только что играли «Танец с саблями» Хачатуряна. Ему всего сто лет.

— Сейчас будем вызывать «Пылекат-1», — сказал радист, и в рубке воцарилась мертвая тишина.

Вызов последовал точно по расписанию, секунда в секунду. Спасатели уже приблизились настолько, что «Аурига» принимала сигналы их передатчика непосредственно, без помощи ретранслятора «Лагранжа».

— «Селена», я Лоуренс. Мы будем над вами через десять минут. Как чувствуете себя?

Томительная пауза... Она затянулась почти на пять секунд, но вот наконец:

— Я «Селена». Без перемен.

И все. Пат Харрис берег дыхание.

— Десять минут, — сказал Спенсер. — Их должно быть уже видно. Есть что-нибудь на экране?

— Пока нет, — ответил Жюль, медленно ведя объективом вдоль пустынной дуги горизонта.

Ничего, только крошечная тьма космической ночи...

Эта Луна, сказал себе Жюль Брак, мучение для оператора. Либо черное, либо белое, мягких, нежных полутонов нет. Не говоря уже о вечной проблеме со звездами. Правда, это скорее вопрос эстетический, чем технический.

Зритель хочет и в дневное время видеть звезды на лунном небе, а ведь их обычно не видно: днем яркий солнечный свет ослабляет чувствительность глаза настолько, что небо кажется пустым, сплошь черным. Чтобы рассмотреть звезды, надо глядеть через бленду, отсекаю-

щую посторонний свет. Тогда зрачки постепенно расширяются, и в небе вспыхнут огоньки, один за другим, пока наконец не заполнят все поле зрения. А стоит перевести взгляд на что-нибудь другое и — фью! — звезды пропали. Глаз человека может видеть одно из двух: либо дневные звезды, либо дневной ландшафт, но не то и другое вместе.

А вот телекамера способна видеть их одновременно, и многие режиссеры пользовались этим. Правда, другие называли это фальсификацией, да разве мало на свете задач, исключаящих однозначный ответ? Жюль был на стороне «реалистов» и не включал звездное небо, пока его не просили об этом из студии.

С минуты на минуту последует команда с Земли. Он уже дал несколько кадров для «последних известий»: панораму моря, крупным планом — одинокий шест, тончающий из лунной пыли. А вскоре его камера может на много часов стать глазами миллиардов. Если не будет осечки, величайшая сенсация года обеспечена...

Он погладил спрятанный в кармане талисман. Жюль Брак, член Общества кино- и телеинженеров, обиделся бы на любого, кто обвинил бы его в суеверии. Но заставьте его объяснить, почему он ни за какие блага не согласится вынуть из кармана эту маленькую игрушку, пока не убедится, что кадры идут в эфир?

— Вот они! — крикнул Спенсер срывающимся голосом и опустил бинокль. — Возьми левей!

Жюль уже вел камерой вдоль горизонта. Безупречно ровная линия на экране видеискателя, разделяющая море и космос, поломалась, из-за края Луны вынырнули две мерцающие звездочки. Это шли пылекаты.

Даже при самом большом фокусном расстоянии они казались очень маленькими и удаленными. Как раз то, что надо: Жюлю хотелось вызвать у зрителя ощущение пустоты и одиночества. Оператор взглянул на главный экран «Ауриги», настроенный на канал «Интерплэнет». Все в порядке, он в эфире.

Жюль Брак достал из кармана небольшую записную книжку и положил ее на камеру сверху. Поднял обложку, она остановилась почти вертикально, и ее внутренняя поверхность мгновенно ожила красками и движением. Одновременно комариный голосок сообщил ему, что идет

специальная передача «Интерплэнет Ньюс Сервис», канал сто семь, «и мы сейчас перенесем вас на Луну».

Миниатюрный экран показывал тот же кадр, что и видеоискатель камеры. Впрочем, не тот же! Маленькая картинка отстает на две с половиной секунды; настолько ему дано заглянуть в прошлое. За два с половиной миллиона микросекунд — такими величинами оперируют электронные инженеры — произошло немало удивительных превращений. Камера подала изображение на передатчик «Ауриги», оттуда оно улетело за пятьдесят тысяч километров к «Лагранжу». Здесь его выловили из космоса, усилили в несколько сот раз и направили в сторону Земли, на один из спутников-ретрансляторов. Дальше — вниз, через ионосферу (последние сто километров — наиболее трудные) в здание «Интерплэнет», где собственно начиналось самое интересное, когда картинка вливалась в непрерывный поток звуков, изображений и электрических импульсов, которые несли информацию и развлечение человечеству.

И вот, пройдя через руки режиссеров, создателей специальных эффектов, техников, картинка вернулась туда, откуда начала свой путь, вернулась, направленная на Эртсайд мощными передатчиками «Лагранж-2» и на Фарсайд — антеннами «Лагранж-1». Три четверти миллиона километров прошла она, чтобы одолеть миллиметры, разделяющие телекамеру Жюля от его карманного приемника.

«Стоит ли этот фокус всех вложенных в него трудов?» — спрашивал себя Жюль. Вопрос, который задают себе люди с тех самых пор, как было изобретено телевидение.

ГЛАВА 21

Лоуренс еще за пятнадцать километров приметил «Ауригу»; да и как не приметить — металл и пластик ярко сверкали под лучами солнца.

«Это что за чертовщина? — спросил он себя и сам же ответил: — Космический корабль». Ну да, ведь поговаривали о том, что какое-то агентство зафрахтовало ракету для полета в горы. Что ж, это их дело. Главный и сам

подумывал, нельзя ли перебросить снаряжение в горы ракетой, чтобы избежать долгих перевозок по Морю. К сожалению, этот вариант отпал — до высоты пятисот метров не было ни одной площадки, пригодной для посадки космического корабля. Уступ, облюбованный Спенсером, находится слишком высоко, спасателям он не даст никакого выигрыша.

Главного инженера вовсе не радовало, что за каждым его движением будут следить длиннофокусные объективы. И ничего не поделаешь... Хотели установить камеру на пылекате, да он не дал, к великой радости «Интерплэнет Ньюс» и крайнему огорчению остальных агентств (о чем Лоуренс, естественно, не мог знать). А вообще, если вдуматься, это даже неплохо, что поблизости есть корабль: будет дополнительный канал связи. Возможно, удастся извлечь из него и еще какую-нибудь пользу. Например, разместить людей в его отсеках, пока подвезут иглу.

Но где ориентир? Пора бы ему показаться! На миг Лоуренс с ужасом подумал, что шуп мог уйти в лунную пыль... Это не мешает им найти «Селену», но сейчас даже пятиминутная задержка может оказаться роковой.

И тотчас главный облегченно вздохнул: вот он, сразу и не разглядишь на фоне пылающих гор. Водитель уже обнаружил цель и подправил курс.

Пылекаты остановились по обе стороны шупа, и закипела работа. Как и было намечено, восемь человек в скафандрах принялись поспешно сгружать пустые цистерны и алюминиевые полосы. Вот уже цистерны схвачены легким каркасом, сверху настилают фиброгласовые плиты — появляется плот.

Никогда еще в истории Луны монтажные работы не пользовались таким вниманием. А все этот глаз на горе! Но восемь спасателей не думали о миллионах, которые пристально следили за ними. У них сейчас была одна забота: скорее собрать плот и установить направляющее приспособление для труб бурового снаряда.

Каждые пять минут, а то и чаще, Лоуренс вызывал «Селену», чтобы сообщить Пату и Мекензи о ходе работ. Он меньше всего думал о том, что весь мир затаив дыхание слушает его голос.

Наконец, всего через двадцать минут, буровой станок стал на место, и первая свеча, словно пятиметровый гар-

пун, нацелилась на Море. Но этот гарпун нес жизнь, а не смерть.

— Начали,— сказал Лоуренс в микрофон.— Первая свеча пошла.

— Поскорее,— прошептал Пат.— Долго не выдержу.

Он двигался словно в тумане. Самочувствие? Если не считать ноющей боли в легких, в общем-то ничего. Вот только смертельная усталость... Пат Харрис превратился в робота, выполняющего задачу, смысл которой он давно успел забыть, если только вообще когда-либо понимал. В одной руке — разводной ключ. Несколько часов назад он достал его из инструментального ящика, зная, что ключ понадобится. Для чего? Может быть, когда настанет время, он вспомнит...

Слух Пата уловил бесконечно далекие голоса. Этот разговор явно не был предназначен для его ушей; кто-то забыл отключить волну «Селены».

— Надо было сделать так, чтобы бур отвинчивался отсюда. Вдруг у него не хватит сил?

— Ничего не поделаешь, приходится рисковать... Лишнее приспособление — это лишняя задержка, не меньше часа. Ну-ка, подай...

Они выключились, но услышанного было достаточно, чтобы Пат рассердился — насколько может рассердиться человек в полубессознательном состоянии. Он им покажет... он и его друг, доктор Мек... Мек... как его там? Забыл, черт возьми.

Медленно повернувшись на вращающемся кресле, Пат скользнул взглядом вдоль сидений. Тела, тела... где же физик? Стоит на коленях подле миссис Уильямс.

Ученый прижимал кислородную маску к лицу спящей женщины, день рождения которой едва не пришелся на день ее смерти. Мекензи явно не сознавал, что характерный звук струящегося из баллона кислорода давно смолк и стрелка манометра стоит на нуле...

— Мы почти у цели,— сообщило радио.— Вот-вот услышите работу бура.

«Так скоро?» — подумал Пат. Хотя, конечно, тяжелая труба без труда должна была пронизать пыль. А он молодец, смекнул, в чем дело!

Бам! Что-то ударило в крышку. Но в каком месте?

— Слышу,— прошептал он.— Вы дошли до нас.

— Знаем,— ответил голос.— Снаряд уперся. Теперь дело за вами. Вы можете сказать, в какую точку попал бур? Под ним свободный участок или электропроводка? Мы сейчас несколько раз поднимем и опустим снаряд, слушайте.

Пат обозлился. С какой стати его заставляют решать такие сложные задачи!..

Стук, стук... Хоть убей (какое удачное выражение — но почему?), невозможно угадать, где именно стучит. А, ладно, терять нечего.

— Давайте,— буркнул он.— Путь открыт.

Пришлось повторить дважды, прежде чем его поняли.

И тотчас — ишь ты, живо поворачиваются! — бур принялся сверлить обшивку. Пат отчетливо слышал рокочущий звук, который был лучше любой музыки.

Меньше чем за минуту бур прошел первый слой. Снаряд вдруг завертелся быстрее и сразу остановился — мотор выключили. Бурильщик опустил трубы на несколько сантиметров, бур коснулся внутреннего слоя и заработал снова.

Теперь звук стал намного громче, и Пат с замешательством понял, что сверлят рядом с главным кабелем, укрепленным в центре потолка. Если заденут...

Он медленно поднялся на ноги и побрел, шатаясь, на звук. И только дошел, вдруг с потолка посыпался сноп искр, электричество фыркнуло, свет погас.

К счастью, осталось аварийное освещение. И когда глаза Пата привыкли к тусклому красному сиянию, он увидел пронизавший потолок металлический цилиндр. Буровой снаряд медленно опустился в кабину на полметра и остановился.

За спиной Пата радио говорило что-то важное. Пока его мозг силился уловить смысл, руки наложили ключ на конец трубы.

— Не отворачивайте бур, пока мы не скажем,— твердил далекий голос.— Мы еще не установили обратный клапан, труба открыта в пустоту. Как только установим, скажем вам. Повторяю: не отворачивайте бур, пока мы не скажем!

Вот привязался! Пат без него знает, что делать. На ю

только покрепче нажать ручку ключа — вот так, — отвернуть бур, и снова можно будет дышать!

Почему не подается?.. Пат нажал сильнее.

— Ради бога! — воскликнул радиоголос. — Не трогайте! Мы еще не готовы! Вы выпустите последний воздух из кабины!

«Сейчас, сейчас, — думал Пат, умышленно не замечая помеху. — Тут что-то не так... Винт можно вращать так... и так. Что, если я вместо того, чтобы отвертывать бур, только ту же завинчиваю его?»

Сам черт не разберется. Он поглядел на свою правую руку, потом на левую. Все равно непонятно. (Хоть бы этот болтун заткнулся.) Ладно, попробуем в другую сторону, может быть, пойдет.

И Пат, держась за трубу одной рукой, степенно зашагал по кругу. Натолкнулся на ключ с другой стороны, ухватился за него обеими руками, чтобы не упасть, и застыл в таком положении, понутив голову. Надо чуточку передохнуть.

— Поднять перископ, — пробормотал Пат.

Что это означает? Он и сам не знал. Просто Пат где-то слышал эти слова, и они показались ему подходящими к случаю.

Пат Харрис все еще размышлял над смыслом своей реплики, когда бур подался и стал отвинчиваться — легко, без малейшей задержки.

В пятнадцати метрах над ним главный инженер Лоуренс и его люди на миг оцепенели от ужаса. Случилось непредвиденное. Готовя операцию, они заранее представили себе все возможные осечки — кроме этой...

— Коулмен, Мацуи! — крикнул Лоуренс. — Бога ради, кислородный шланг, скорей!

Но он уже знал, что они не успеют. Чтобы подключить кислород, нужно сделать еще два соединения. И оба с винтовой резьбой. Пустяк, который при других обстоятельствах не играл бы совершенно никакой роли. Но сейчас от него зависела жизнь и смерть людей.

А Пат продолжал ходить по кругу, толкая ручку ключа. Все шло как по маслу, уже сантиметра два резьбы видно; еще несколько секунд, и бур слетит.

Ну совсем чуть-чуть осталось! Шипит, громче с каждым поворотом ключа. Все ясно: кислород врывается в

кабину. Еще немного, и он сможет дышать как следует, и все будет в порядке!

Шипение сменилось зловещим свистом. Внезапно Пат усомнился — то ли он делает, что надо? Остановился... поглядел на ключ... задумчиво почесал затылок. Вроде все правильно... Вмешайся в этот миг радио, он, наверное, подчинился бы, но наверху уже потеряли надежду вразумить его.

Ладно, продолжим. (Сто лет такого похмелья не было!) Пат навалился на ключ — и упал ничком на пол: резьба кончилась, бур сорвался.

Оглушительный вой потряс кабину, могучая струя воздуха подхватила и закружила листки бумаги. От холода сгустился пар, кабина наполнилась мглой. Пат повернулся на спину, но сквозь мглу он почти ничего не видел. И тут он понял наконец, что произошло.

Опытное ухо космонавта мгновенно распознало характерный звук. Дальше он действовал автоматически. Нужно найти что-нибудь плоское и закрыть отверстие — все, что угодно, было бы достаточно прочно.

В алом тумане, который уже редел, улетучиваясь в пустоту, Пат лихорадочно искал взглядом подходящий предмет. Громовой рев не прекращался; казалось невероятным, чтобы такая маленькая труба могла быть причиной столь мощного гула.

Пат карабкался через спящих товарищей, от кресла к креслу. Он уже потерял последнюю надежду — и вдруг увидел спасительный предмет! На полу, текстом вниз, лежала толстая раскрытая книга. Нехорошо так обращаться с книгами, сказал себе Пат, но какое счастье, что на борту оказался неряха! Иначе он мог и не примечать ее.

Едва Пат приблизился к зловещему отверстию, которое высасывало жизнь из пылехода, как книгу буквально вырвало у него из рук. Подхваченная струей воздуха, она плотно закрыла трубу. Тотчас рев смолк, вихрь прекратился. Мгновение Пат стоял, качаясь, точно пьяный, потом ноги его подкосились, и он рухнул на пол.

В телевизионных передачах по-настоящему незабываемые кадры те, которые возникают неожиданно для всех, в том числе для операторов и комментаторов. Последние тридцать минут на плоту шла кипучая, но строго упорядоченная работа; вдруг точно произошло извержение!

Невероятно, но факт: из Моря Жажды словно вырвался гейзер. Жюль реагировал мгновенно. Объектив телекамеры тотчас поймал столб пара, взлетевшего к звездам (режиссер потребовал, чтобы они были видны). Кверху столб расширялся — странное бледное растение... или уменьшенное подобие грибовидного облака, которое на протяжении двух поколений вселяло страх в человечество.

Это длилось всего несколько секунд. Миллионы зрителей, оцепенев, глядели на экраны и дивились — как из безводного Моря мог ударить фонтан? Внезапно гейзер опал и исчез так же беззвучно, как родился.

Спасатели тоже ничего не слышали, но, присоединяя неподатливый шланг, они чувствовали, как дрожит столб влажного воздуха. Даже если бы Пат не закрыл трубу, шланг рано или поздно удалось бы соединить с ней, сила струи была не так уж велика. Но это «поздно» могло стать «слишком поздно»... Или они уже?..

— «Селена»! «Селена»! — закричал Лоуренс. — Вы меня слышите?

Тишина. Передатчик пилехода молчал. Главный инженер не слышал даже обычных шумов, которые всегда улавливает чуткий микрофон.

— Соединение готово, — доложил Коулмен. — Включаю кислород?

«Ни к чему, если Харрис ухитрился привинтить бур на место, — подумал Лоуренс. — Но может, он просто чем-нибудь заткнул трубу, и напор кислорода вышибет затычку?»

— Хорошо, — сказал он вслух. — Включайте, полное давление.

Бам! Притянутый вакуумом к трубе «Апельсин и яблоко» шлепнулся на пол, и из отверстия вниз устремилась струя газа, настолько холодного, что его путь мож-

но было проследить по белым вихрям сгущающегося пара.

Минута, другая, третья... Опрокинутый гейзер гудел, но все оставалось по-прежнему. Наконец Пат Харрис зашевелился... попытался встать... струя кислорода сбила его с ног. И не то чтобы она была очень сильной, просто он был еще слабее.

Пат лежал, подставив лицо морозному ветерку и наслаждаясь бодрящим холодом. И дышал, дышал... Через несколько секунд он уже совсем очнулся (вот только голова раскалывается от боли) и припомнил все, что произошло за последние полчаса.

При мысли о том, как он отвинтил бур и сражался с потоком уходящего воздуха, Пат едва опять не потерял сознание. Но сейчас не время корить себя за оплошность; он жив, а это главное.

Подняв Мекензи, точно мягкую куклу, он огнес его к животворной струе. Ее напор заметно уменьшался по мере того, как давление внутри пылехода приближалось к нормальному. Еще несколько минут, и вихрь превратится в ветерок.

Физик очнулся сразу.

— Где я? — спросил он не очень оригинально, озираясь вокруг. — А! Они пробились к нам! Слава богу, можно дышать. Но что со светом?

— Не беспокойтесь, я живо налажу. Сперва нам нужно каждого поднести к трубе, чтобы они глотнули кислорода. Вы умсете делать искусственное дыхание?

— Никогда не пробовал.

— Это очень просто. Одну минуту, я только найду аптечку.

Пат взял дыхательный прибор и стал показывать его действие на ближайшем пассажире; это был Ирвинг Шастер.

— Отодвиньте язык, чтобы не мешал, просуньте трубку в горло... Теперь нажимайте вот эту грушу... медленнее. В ритме обычного дыхания. Ясно?

— Ясно, а долго надо качать?

— Пяти-шести глубоких вдохов, по-моему, достаточно. Нам ведь не надо их оживлять, только провентилировать легкие. Вы берете на себя носовую часть кабины, я — кормовую.

— Но у нас один аппарат.

Пат улыбнулся; улыбка получилась довольно бледной.

— Обойдемся,— сказал он, наклоняясь над следующим пациентом.

— Ах, да,— произнес Мекензи,— я совсем забыл.

Пат вряд ли случайно подошел именно к Сью и, применяя старый, но достаточно действенный способ, принялся сам вдвухать ей воздух в легкие через рот. Правда, он не стал задерживаться, как только убедился, что она дышит нормально.

Пат уже занимался третьим пациентом (это был мистер Редли), когда снова прозвучал отчаянный призыв радио.

— «Селена», «Селена», отвечайте!

Он почти мгновенно схватил микрофон.

— Я Харрис. Все в порядке. Делаем пассажирам искусственное дыхание. Больше говорить некогда, потом вызовем вас. Остаюсь на приеме. Расскажите, что делается у вас.

— Слава богу! Мы уже отчаялись! Вы нас здорово напугали, когда отвинтили бур.

Слушая голос главного, Пат подумал, что можно было и не напоминать ему об этом неприятном происшествии. Он и без того никогда в жизни не простит себе такого промаха. Хотя в конечном счете все обернулось к лучшему: бурная декомпрессия выкачала из «Селены» большую часть отравленного воздуха. Всего какая-то минута... А для того чтобы кабина такого объема потеряла весь воздух, труба диаметром четыре сантиметра должна поработать довольно долго.

— Теперь слушайте,— продолжал Лоуренс.— Учитывая ваш перегрев, мы охлаждаем кислород, конечно, в меру. Скажите нам, как только станет слишком прохладно или сухо. Минут через пять — десять подадим вторую трубу. И получится замкнутая система с кондиционированием взамен вашей. Второе отверстие просверлим в кормовой части «Селены», вот только подвинем плот на несколько метров.

Пат и физик продолжали трудиться, пока не были провентилированы легкие всех пассажиров. Лишь после этого, предельно усталые, но довольные тем, что выдер-

жали трудное испытание, они легли на пол и стали ждать, когда второй бур пронижет потолок.

Десять минут спустя они услышали стук в обшивку рядом с переходной камерой. Отвечая Лоуренсу, Пат успокоил его: потолок в этом месте свободен, бурильщики ничего не повредят.

— Можете не волноваться,— добавил он.— Я не тро-ну бур, пока вы не скажете!

Стало настолько холодно, что он и Мекензи надели верхнюю одежду, а спящих пассажиров укутали одеялами. Можно было сообщить наверх, чтобы давали теплый воздух, но Пат решил, что лучше пусть будет похолоднее. Давно ли они чуть не испеклись? К тому же низкая температура может восстановить углекислотные поглотители «Селены».

Когда заработает вторая труба, они будут вполне застрахованы. С плота им подадут сколько угодно воздуха, да у самих еще есть примерно суточный запас. Пусть даже их плен затянется, теперь главная опасность миновала.

Разумеется, если Луна не подстроит какой-нибудь новой каверзы.

— Что ж, мистер Спенсер,— сказал капитан Ансон.— Похоже, у вас получится неплохая передача.

Последний час потребовал от Спенсера таких усилий, что он вымотался ничуть не меньше, чем спасатели на плоту в двух километрах под ним. Вот они средним планом на экране видеискателя. Отдыхают... Если можно отдыхать в космическом скафандре.

Пятеро из них, очевидно, решили поспать немного, избрав способ не совсем обычный, но в общем-то вполне разумный: они просто-напросто легли рядом с плотом, словно резиновые куклы, погрузившись наполовину в лунную пыль. Спенсер и не подозревал, что космический скафандр обладает достаточной плавучестью, чтобы не тонуть в этом веществе. Мало того, что отдыхающая смена устроилась очень удобно — на плоту сразу стало просторнее и сподручнее работать.

Трое, не торопясь, проверяли и налаживали аппаратуру. Особенно строго они следили за угловатой маши-

ной воздухоочистителя и подключенными к нему пузатыми баллонами.

Предельное фокусное расстояние позволяло показать все на экране телевизора, как с расстояния десяти метров, только что не видно стрелок приборов. Даже при среднем увеличении отчетливо различались две трубы, уходящие в толщу лунной пыли — к незримой «Селене».

Все мирно, спокойно — не то что час назад. И так будет, пока не доставят следующую партию снаряжения. Оба пылеката пошли обратно в Порт-Рорис; теперь там закипит работа. Инженеры и техники испытывают и монтируют оборудование, которое, как они надеются, проложит путь к «Селене». Чтобы все приготовить, нужно еще не менее суток. До тех пор, если не произойдет ничего непредвиденного, Море Жажды будет безмятежно нежиться в лучах утреннего солнца. На новые кадры для зрителей сейчас рассчитывать не приходится.

С расстояния полутора световых секунд в командную рубку «Ауриги» долетел голос режиссера.

— Славно поработали, Морис, Жюль. На всякий случай записываем изображение, но наш следующий выход в эфир не раньше выпуска последних известий в ноль шесть ноль ноль.

— Какие отклики?

— Превосходно, блеск. И намечается еще интересный поворот. Все сумасбродные изобретатели, какие когда-либо пытались получить патент на новую скрепку, наперебой предлагают свои идеи. Мы выпустим несколько человек в шесть пятнадцать. Вот будет потеха!

— А что, глядишь, кто-нибудь из них и придумает что-нибудь дельное.

— Может быть, хотя вряд ли. Те, что потолковее, будут нас за сто километров обходить, когда увидят, как мы расправляемся с их коллегами.

— А что вы задумали?

— Все идеи будут рассматриваться вашим ученым другом, доктором Лоусоном. Мы уже репетировали, он с них живьем шкуру снимает.

— Моим другом? — восстал Спенсер. — Да я с ним всего два раза встречался. При первой встрече извлек из него десять слов, во время второй он уснул у меня на руках.

— С тех пор он сделал большие успехи, хотите верить, хотите нет. Да вы сами увидите через... через сорок пять минут.

— Мне не к спеху. К тому же меня сейчас занимает одно: что замышляет Лоуренс? Он уже выступал? Попробуйте добраться до него, пока затишье.

— Он страшно занят, отказывается отвечать. Похоже, инженеры вообще еще не решили, как действовать. Испытывают в Порт-Рорисе всевозможные варианты, собирают снаряжение со всей Луны. Мы вам сразу передадим, как только что-нибудь узнаем.

Морис Спенсер уже привык к этому парадоксу: часто репортер не видит общей картины, хотя бы он был в самой гуще событий. Он толкнул снежный ком — дальше лавина катится независимо от него. Конечно, Спенсер и Жюль поставляют самые важные кадры, но в целом подачу материала определяют информационные центры на Земле и в Клавии. Хоть бросай Жюля и мчись в штаб.

Разумеется, это невозможно. Да если бы ему и удалось, он очень скоро пожалел бы об этом. Морис Спенсер чувствовал: это не только вершина его карьеры, но и поворотный пункт. Не быть ему больше спецкором; он сам себя обрек на какой-нибудь руководящий пост. Хорошо еще, если ограничатся тем, что посадят его в уютное кресло перед батареей мониторов в телестудии Клавии.

ГЛАВА 23

На борту «Селены» по-прежнему царил тишина, но тишина спальной, а не покойницей. Скоро спящие начнут просыпаться, для них наступит день, дожить до которого они уже не надеялись.

С трудом сохраняя равновесие, Пат Харрис стоял на спинке кресла и исправлял поврежденный кабель. Слава богу, что бур попал в эту точку. Пять миллиметров левее, и замолкло бы радио; тогда все оказалось бы куда сложнее.

— Включите третий рубильник, доктор, — попросил он, сматывая изоляционную ленту. — Как будто все в порядке.

Вспыхнули лампы главного освещения, ослепительно

яркие после алого аварийного света. И в тот же миг что-то взорвалось, да так неожиданно, что Пат от испуга сорвался со своей ненадежной опоры. Прежде чем его ноги коснулись пола, он уже сообразил: кто-то чихнул... Кажется, он перестарался, охлаждая кабину.

Интересно, кто очнется первый? Хорошо, если Сью — можно будет поговорить без помех. Данкена Мекензи он не стеснялся; правда, Сью может рассудить иначе.

Кто-то зашевелился под одеялом. Пат поспешил на помощь, но вдруг остановился и горестно вздохнул.

Увы, всякому везению есть предел, и капитан должен выполнять свои обязанности. Пат нагнулся над щуплой фигурой, силящейся подняться на ноги, и заботливо произнес:

— Как самочувствие, мисс Морли?

Попасть в лапы телевидения было для доктора Лоусона и полезно, и вредно. Став телезвездой, он обрел уверенность в себе; оказалось, что мир, который Том Лоусон упорно презирал, нуждается в его знаниях и талантах. (Том не думал о том, что его могут снова забыть очень скоро — едва кончится происшествие с «Селеной».) У него появился случай доказать свою искреннюю преданность астрономии; в обществе одних только астрономов она как-то блекла. И, разумеется, доктор Лоусон был рад хорошему гонорару.

Но программа, в которой он участвовал, была словно парочко составлена так, чтобы подтвердить давнее убеждение Тома, что большинство людей либо негодяи, либо глупцы. И трудно винить агентство «Интерпланет Ньюс», не устоявшее против соблазна заполнить удачным номером долгую паузу, когда на плоту не происходило ничего существенного.

То, что Лоусон находится на Луне, а его жертвы — на Земле, техников не смущало; эта задача была давным-давно решена телевидением. Все равно программу нельзя было передавать прямо в эфир: ее записывали на ленту и вырезали паузы — те самые две с половиной секунды, которые требовались радиоволнам на путь до Луны и обратно. Участников передачи это, конечно, не выручало, но зритель, просматривая обработанную искусным редакто-

ром ленту, не ощущал никакого неудобства от того, что действующие лица были разделены расстоянием около четырехсот тысяч километров.

В числе слушателей был и главный инженер Лоуренс. Он удобно лежал на поверхности Моря Жажды, глядя в пустынное небо. Впервые за много часов выдалась передышка, но мысли роились в голове, не позволяя уснуть. Не говоря уже о том, что Лоуренс просто не мог спать в скафандре. Да и не нужно это: первые иглу уже в пути из Порт-Рориса. Как только их доставят, он устроится с удобствами, которые и заслужены, и необходимы.

Что бы ни говорили изготовители, больше суток в скафандре не проработаешь с полной отдачей. Причин много, и все они более или менее очевидные. Взять хоть эту отвратительную «космическую чесотку», которая поражает поясницу — и другие места — после суточного заточения в гермокостюме. Врачи уверяют, что это чисто психологическое, и многие космические эскулапы героически носили скафандр по неделям и больше, чтобы доказать это. Увы, их пример не помог искоренить недуг...

Космические скафандры породили свой фольклор, обширный и многоликий, не всегда пристойный, с особой терминологией. Никто не знает точно, почему одна знаменитая модель семидесятых годов была названа «Железной Девой», но любой космонавт охотно объяснит, за что выпущенная в 2010 году «Модель XIV» получила имя «Камеры пыток». Иное дело, что не всякий поверит, будто скафандр был создан женщиной-инженером с садистскими наклонностями, которая вознамерилась жестоко отомстить противоположному полу.

Пока что Лоуренс чувствовал себя совсем неплохо. Радио доносило голоса воинствующих дилетантов, вдохновенно излагающих свои идеи. Что ж, возможно (хотя и мало вероятно), кто-нибудь из этих необузданных мыслителей и придумает что-нибудь толковое. На памяти главного такие вещи случались, и он был готов слушать предложения более терпеливо, чем доктор Лоусон, который явно никогда не научится снисходительно относиться к дуракам.

Том Лоусон только что разгромил инженера-любителя с Сицилии, предложившего разогнать пыль с по-

мощью соответственно размещенных реактивных авиадвигателей. Типичный случай: теоретически в этом проекте как будто нет пороков, однако подойди к нему с практической стороны — и все рухнет. Пыль можно разогнать, но для этого нужен неограниченный приток воздуха. Пока доводы речистого итальянца переводили на английский язык, Лоусон быстро сделал расчеты.

— По моим подсчетам, синьор Гузальи, — сказал он, — чтобы воздушной струей вырыть шахту нужного диаметра, надо подавать не меньше пяти тысяч тонн воздуха в минуту. Такого количества к месту работ не поставишь.

— Э, можно собирать использованный воздух и снова пускать его в дело!

— Благодарю вас, синьор Гузальи, — вмешался решительный голос ведущего. — Следующий — мистер Робертсон из Лондона, провинция Онтарио. В чем заключается ваш план, мистер Робертсон?

— Я предлагаю замораживание.

— Постойте, — возразил Лоусон, — как можно заморозить пыль?

— Сперва пропитать ее водой. Затем опустить рефрижераторные трубы и все превратить в лед. Получится твердая масса, которую легко будет бурить.

— Интересная мысль, — как-то неохотно признал Лоусон. — Во всяком случае, не такая вздорная, как некоторые предыдущие. Но для этого нужно очень много воды. Не забудьте, пылеход лежит на глубине пятнадцати метров...

— Сколько это будет в футах? — спросил канадец тоном, который тотчас выдавал в нем несгибаемого представителя антиметрической школы.

— Пятьдесят, и я уверен, что вам это известно так же хорошо, как мне. Диаметр ствола должен быть не меньше метра — по-вашему, ярд. Так, округляем: пятнадцать на десять в квадрате, на десять и... словом, пятнадцать тонн воды. Это если исключить утечку, на деле понадобится несравненно больше, возможно, около ста тонн. Как вы думаете, сколько будет весить морозильная установка со всем снаряжением?

А он совсем не плохо справляется! Не в пример большинству знакомых Лоуренсу ученых, Лоусон сразу схва-

тивал практическую суть и к тому же быстро считал. Обычно, когда астроному или физiku нужно быстро сделать расчет, они при первой попытке ошибаются на десятки, если не на сотни. Насколько Лоуренс мог судить, у Тома Лоусона сразу получался верный ответ.

Канадский энтузиаст замораживания все еще отстаивал свою идею, но его выключили, чтобы передать слово одному жителю Африки, который предлагал прямо противоположное средство — тепло. Установить огромное вогнутое зеркало, фокусировать солнечные лучи на поверхности лунной пыли и сплавить ее в компактную массу...

Чувствовалось, что Лоусон с трудом держит себя в руках. Сторонник солнечной плавки оказался одним из упрямых знатоков-самоучек, которые слишком уверены в непогрешимости своих расчетов. Спор разгорелся нешуточный, но тут в ушах главного инженера прозвучал громкий голос:

— Пылекаты идут, мистер Лоуренс.

Главный перевернулся и сел, потом вскарабкался на плот. Если пылекаты уже видно, значит, они совсем близко. Так и есть, вот «Пылекат-1» и с ним «Пылекат-3», совершивший трудное путешествие с Озера Жажды на Фарсайде. Поход, который сам по себе был настоящим подвигом. Но об этом подвиге знает только горстка людей.

Каждый пылекат тащил на буксире по двое саней. Вот они подошли к плоту, и тотчас спасатели начали сгружать большой ящик, в котором лежало иглу. Лоуренс всегда с интересом смотрел, когда надували иглу, но теперь он особенно истерпеливо ждал конца этой процедуры. (Ну конечно, только космической чесотки ему не хватало!..) Все делалось автоматически: сорвать печать, нажать два отдельных рычага — страховка от произвольного включения — и ждать.

Ожидание не затянулось. Ящик распался, и показалась тщательно сложенная серебристая ткань, которая шевелилась, словно живое существо. Однажды Лоуренс наблюдал, как, постепенно расправляя крылья, из куколки выходила бабочка. Ну в точности!.. Правда, бабочке потребовалось около часа, чтобы явиться во всем своем великолепии; иглу устанавливали за три минуты.

Насос толчками подавал воздух, и оболочка дергалась, все больше раздуваясь. Вот уже около метра в высоту, теперь растет скорее вширь... Дошла до шва, и снова тянется вверх. Резкое движение — это расправилась переходная камера. И все это в полной тишине, хотя казалось, что должно быть слышно натужное сопение и пыхтение.

Осталось совсем немного... Вот теперь видно, насколько метко название «иглу». Конечно, снежные домики защищали эскимосов от совсем другой (хотя и не менее враждебной человеку) среды, но форма была такая же. Сходство задач повлекло за собой и сходство конструкции.

«Отделка» занимала гораздо больше времени, чем установка иглу. Все — койки, кресла, столы, шкафы, электронные аппараты — надо было вносить через переходную камеру. Некоторые предметы покрупнее входили еле-еле, но входили!

Наконец радио донесло:

— Добро пожаловать!

Лоуренс не стал медлить. Он начал расстегивать скафандр еще во внешнем отсеке двухступенчатой камеры перепада, и как только услышал в сгущающейся атмосфере голоса из внутреннего помещения, снял гермошлем.

Хорошо!.. Можно нагнуться, повернуться, почесаться, двигаться без помех, по-человечески говорить со своими товарищами. В тесной душевой вода смыла с него все запахи скафандра; теперь пора и за работу. Надев шорты (в иглу одевались легко), он сел за стол, чтобы посоветоваться со своими помощниками.

Большая часть заказанных им предметов прибыла в этот заход, остальное через несколько часов доставит «Пылекат-2». Пробегая глазами списки, Лоуренс почувствовал себя хозяином положения. Кислород им обеспечен, если только не будет какого-нибудь нового срыва. Правда, у них на исходе вода, но это легко поправить. Насколько сложнее будет с едой, а впрочем, достаточно придумать подходящую упаковку. Кстати, Управление столовых уже прислало шоколад, сушеное мясо, сыр и даже тонкие французские булочки — все уложено в цилиндры шириной три сантиметра. Сейчас их отправят

вниз по тем же трубам, и пассажиры сразу воспрянут духом.

Но все это было не столь важно; главное — рекомендации его «мозгового треста», воплощенные в дюжине чертежей и лаконичном меморандуме на шести страницах. Лоуренс читал очень внимательно, время от времени кивая. Собственно, он и сам уже пришел к тому же выводу. Другого пути просто нет.

Пассажиров можно спасти, но «Селена» совершила свое последнее путешествие.

ГЛАВА 24

Похоже было, что вихрь, который вырвался через трубу из «Селены», унес с собой не только застоявшийся воздух. Вспоминая первые часы после катастрофы, коммодор Ханстен мысленно отметил, что когда прошел первоначальный шок, на корабле временами царило какое-то взвинченное, даже несколько истерическое настроение. В своих стараниях поднять дух они порой перехлестывали, сбиваясь на нарочитое веселье и чуть ли не детские потехи.

Теперь это позади, и нетрудно понять — почему. Дело не только в том, что спасатели близко: встреча лицом к лицу со смертью изменяет человека. Трусость и себялюбие осыпались, как окалина; пришла спокойная твердость духа.

Все это было знакомо Ханстену. Он много раз наблюдал то же самое, когда экипажи космических кораблей попадали в трудные переделки в далеких далях Солнечной системы. Коммодор от природы не был расположен философствовать, однако в космосе оставалось достаточно времени для раздумий. Иногда Ханстен спрашивал себя, не потому ли человек ищет опасностей, чтобы через них прийти к сплоченности и товариществу, к которым он — пусть неосознанно — так стремится?

Жаль расставаться со всеми этими людьми. Даже с мисс Морли, которая теперь вдруг стала обходительной и тактичной, в меру своих сил...

Коммодор был настолько уверен в успехе спасательной операции, что уже думал о предстоящем расстава-

нии. Конечно, всякое может случиться, и все-таки, похоже, они застрахованы от неожиданностей. Как именно главный инженер Лоуренс будет извлекать их на поверхность — пока неизвестно, но он несомненно это сделает. Опасность миновала, остались только неудобства, которые вполне можно вынести.

О каких-либо лишениях не приходится говорить с тех пор, как по трубам вниз посыпались цилиндры с продовольствием. Конечно, им и без того не грозила голодная смерть, но стол был несколько однообразен, а воды и вовсе не хватало.

Теперь-то все цистерны полны, сотни литров в запасе.

Странно, что осмотрительный и дальновидный коммодор Ханстен ни разу не спросил себя, куда подевалась вся вода из цистерн «Селены»? Разумеется, голова его была занята более неотложными делами. И все-таки он должен был насторожиться, уж очень много воды им накачали сверху. Коммодор задумался над этим только тогда, когда было уже поздно.

Не меньше него были повинны в недосмотре Пат Харрис и главный инженер Лоуренс. Блестящий план, отличное выполнение, и всего лишь одна трещина. А больше и не надо...

Инженерный отдел Эртсайда продолжал работать всю, но отчаянная гонка с часовой стрелкой прекратилась. Теперь время позволяло изготовить макеты пылехода, погрузить их в море у Порт-Рориса и испытать разные решения завершающей операции. Советы — разумные и прочие — продолжали сыпаться со всех сторон, но на них никто не обращал внимания. Способ определен, и никаких поправок не будет, если не случится ничего неожиданного.

Через двадцать четыре часа после установки иглу приспособления были изготовлены и доставлены на место. Да, рекорд, но Лоуренс от души мечтал, что ему никогда не понадобится его превышать, как ни гордился он людьми, которые совершили этот подвиг. Инженерный отдел редко пожинал заслуженные лавры, его усилия воспринимались, как должное — как воздух, который подавали те же инженеры.

Теперь, когда все пошло на лад, Лоуренс ничуть не возражал против того, чтобы выступить, и Морис Спен-

сер был только рад ему помочь. Он давно ждал этого случая.

Кстати, если ему не изменяла память, впервые телевизионную камеру и интервьюируемого разделяло пять километров. При таком огромном увеличении картинка, понятно, слегка расплывалась, и малейшие толчки заставляли ее плясать на экране. Поэтому все на боргу старались не шевелиться, а приборы и аппараты — кроме самых необходимых — были выключены.

Главный инженер Лоуренс стоял в скафандре на краю плота, опираясь на небольшой подъемный кран. Под стрелой крана висел широкий, открытый с обеих сторон бетонный цилиндр — первая секция колодца, который должен был пронизать лунную пыль.

— Мы все обдумали и решили, что это будет лучший способ, — сказал Лоуренс далекой телекамере (хотя слова его были в первую очередь обращены к людям, погребенным на глубине пятнадцати метров под плотом). — Этот цилиндр называется кессоном. Под действием собственного веса он легко погрузится в пыль, заостренная нижняя кромка войдет в нее, как нож в масло. Составим несколько секций и так доберемся до пылехода. Когда нижняя секция станет на его крышу, можно выбирать пыль, соединение будет достаточно плотным. И получится как бы колодец, шахта, которая соединит нас с «Селеной». Но это еще только половина дела. Потом надо накрыть колодец одним из наших герметических иглу, чтобы можно было пробивать крышу пылехода, не опасаясь потери воздуха. Думаю... надеюсь, что все это будет не так уж трудно.

Он помедлил, спрашивая себя, касаться ли других подробностей, которые делают операцию гораздо сложнее, чем она кажется на первый взгляд. Да нет, не стоит: кто в этом разбирается, сам поймет, а остальным это ни к чему, подумают, что он набивает себе цену. Пока все идет хорошо, незримые наблюдатели (по сведениям начальника «Лунтуриста», за ними сейчас следит около полумиллиарда телезрителей) его не смущают. Если же что-нибудь не заладится...

Главный поднял руку, сигналив крановщику:

— Майна!

Четырехметровый цилиндр начал медленно уходить в

пыль; вот погрузился совсем, только самый край остался над поверхностью. Так, первая секция есть... Хотя бы и остальные оказались столь же послушными.

Один из спасателей осторожно прошел с уровнем в руках по ободу, проверяя, нет ли перекаса. Он поднял вверх большой палец. Лоуренс ответил ему тем же. Когда-то он не хуже любого монтажника владел языком жестов; умение в их профессии достаточно важное, так как радио могло подвести, к тому же каналы связи чаще всего были заняты более важными задачами.

— Приготовить вторую! — распорядился главный инженер.

Это будет уже посложнее: удерживать первую секцию неподвижно и присоединить к ней вторую так, чтобы не сбить наладку. По чести говоря, для такой работы нужно два крана... Ладно, рама из двутавровых балок, прилаженная над самой поверхностью моря, примет на себя часть нагрузки.

«Теперь только бы не промахнуться!» — мысленно взмолился главный инженер. Вторая секция оторвалась от саней, которые доставили ее из Порт-Рориса; три техника вручную выровняли бетонное кольцо, и оно повисло строго вертикально. Вот когда надо было помнить о разнице между массой и весом. Как ни мало весил качающийся цилиндр, его инерция была той же, что на Земле, и он мог расплющить зазевавшегося человека. Бросалось в глаза замедленное движение этой подвешенной массы. На Луне скорость качания маятника наполовину меньше, чем на Земле. Привыкнуть к этому неуроженцу Луны было почти невозможно.

Но вот вторая секция легла на первую, соединение готово, и Лоуренс снова командует: «Майна!»

Соппротивление возросло, однако кессон под собственной тяжестью плавно ушел в пыль.

— Восемь метров есть, — сказал Лоуренс. — Уже больше половины. Давайте третью секцию.

Потом пойдет четвертая — и все. Правда, он на всякий случай заказал запасную секцию. Способность Моря Жажды поглощать арматуру внушала ему тревогу. Пока пропало лишь несколько болтов и гаек, но если с крана сорвется бетонное кольцо, оно мигом утонет. Пусть даже неглубоко (например, упадет боком) — и двух метров

достаточно, можно считать эту секцию пропавшей. Спасать спасательное снаряжение некогда.

Третья секция погрузилась в пыль заметно медленнее. Ничего, лишь бы шла. Еще несколько минут, и они упрутся в крышу пылехода.

— Двенадцать метров,— внятно произнес Лоуренс.— «Селена», мы всего в трех метрах от вас, вы вот-вот нас услышите.

Они слышали. И насколько легче сразу стало на душе! Еще за десять минут до того Ханстен заметил, как кислородная труба подрагивает, соприкасаясь с опускаемым кессоном. Сразу было видно, когда кессон оставался, а когда двигался снова.

Опять толчок, и одновременно с потолка посыпалась пыль. Трубы, по которым подавался воздух, торчали вниз сантиметров на двадцать, швы Пат обмазал быстро схватывающимся цементом, который входил в аварийное снаряжение любого космического корабля. Видимо, эта замазка теперь ослабла. Но мельчайший пылевой дождь, сочившийся сквозь щели, был слишком слаб, чтобы вызвать тревогу. Все-таки Ханстен решил обратить на него внимание капитана.

— Странно,— заметил Пат, глядя на конец трубы.— Этот цемент ничего не должен пропускать...

Он вскарабкался на кресло и тщательно осмотрел шов. Минуту помолчал, потом соскочил на пол. Пат был явно озабочен.

— В чем дело? — тихо спросил Ханстен.

Коммодор уже достаточно изучил Пата, он сразу понял, что случилось неладное.

— Труба ползет вверх,— ответил капитан.— На плоту кто-то работает очень небрежно. Ушла на целый сантиметр с тех пор, как я замазывал шов.

Вдруг он побледнел.

— Боже мой,— прошептал Пат.— А вдруг дело в нас, *вдруг мы продолжаем погружаться?*

— Что тогда? — спокойно спросил коммодор.— Ничего удивительного, если пыль сжимается под нашим весом. Это еще не означает, что нам грозит опасность. Судя по этой трубе, мы за двадцать четыре часа погрузились на один сантиметр. Понадобится — нарастят сверху.

Пат сконфуженно рассмеялся.

— Ну да, так и есть. И как я сам не догадался! Наверное, мы все время медленно оседаем, просто до сих пор не было случая убедиться в этом. Ладно, я все-таки доложу мистеру Лоуренсу, это может повлиять на его расчеты.

Пат Харрис повернулся, чтобы идти в носовую часть кабины. Он не сделал и двух шагов.

ГЛАВА 25

Миллион лет понадобился природе, чтобы устроить ловушку, в которую попала «Селена». А второй раз судно само себе вырыло яму.

Конструкторам незачем было предельно облегчать пылеход, тем более что путешествия длились всего несколько часов. Поэтому они не снабдили «Селену» хитрым, хотя и не очень афишируемым устройством, которое позволяет космическим кораблям пускать в повторный обиход использованную воду. Здесь не было нужды беречь каждую каплю, и все, что попадало в канализацию, пылеход просто-напросто выбрасывал за борт.

За последние пять суток в окружающую среду ушла не одна сотня килограммов влаги и испарений. Жадно поглощая воду, лунная пыль у выбросных отверстий намокла и стала жидкой грязью. Влага пронизала весь прилегающий участок Моря; медленно и неприметно пылеход размыл свое ложе. Слабый толчок опущенного сверху кессона довершил дело.

Первым признаком, по которому на плоту догадались, что произошла катастрофа, был прерывистый свет красной лампочки на воздухоочистителе. Одновременно в шлемофонах спасателей на всех каналах завывала радиосирена. Вой смолк, едва дежурный техник нажал кнопку выключателя, но красная лампочка продолжала упорно мигать.

Лоуренс тотчас понял причину тревоги, едва взглянул на приборы. Соединение воздухопровода — обеих труб — с «Селеной» нарушено, очиститель по одной трубе гонит кислород прямо в Море, а через вторую (вот незадача!) сосет пыль. «Что будет с фильтрами!» —

спросил себя главный, но тут же оставил эту мысль и принялся вызывать пылеход.

«Селена» молчала. Он перебрал все рабочие волны, но не мог уловить даже шороха несущей частоты. Море Жажды было непроницаемо как для звуков, так и для радиоволн.

«Погибли,— мысленно заключил главный,— конец. Еще бы чуть, и спасли. Не вышло. Всего часа не дотянули!»

Что же могло произойти? Может быть, корпус не выдержал веса пыли? Вряд ли. Внутреннее давление воздуха достаточно велико, чтобы противостоять нагрузке извне. Значит, новое оседание. Кажется, он даже ощутил легкий толчок. Главный инженер с самого начала опасался нового обвала, но не знал, как отвратить угрозу. Они пошли на риск — и «Селена» проиграла...

Пат Харрис сразу, как только «Селена» сдвинулась, почувствовал, что это оседание совсем не похоже на первый обвал. Оно происходило намного медленнее, и снаружи что-то скрипело и сипело. Даже в такую отчаянную минуту Пат не мог не удивиться: как может пыль издавать такие звуки?..

Трубы уходили вверх, уходили рывками, потому что корма погружалась быстрее и судно заметно накренилось. Затрещал фиберглас, и задняя труба вырвалась из отверстия в потолке по соседству с переходной камерой. Мгновенно струя пыли хлынула вниз, ударилась об пол и расплылась в воздухе легким облачком.

Коммодор Ханстен стоял ближе всех к отверстию и первым подскочил к нему. Сорвав с себя рубашку, он мигом свернул ее комом и сунул затычку в дыру. Пыль не унималась, сочилась в щели, но и коммодор не сдавался. Он почти справился с ней, когда выскользнула труба в носовой части. Тотчас погас главный свет — снова порвался кабель...

— Я управляюсь здесь! — крикнул Пат.

Он тоже остался без рубашки и вступил в поединок с лунной пылью.

Пат Харрис десятки раз выходил в Море Жажды, но никогда еще ему не доводилось осязать его. Серая пудра

проникла в нос, засыпала глаза, наполовину задушив и совершенно ослепив капитана. И хотя она была сухая, как прах из склепа фараона (даже суше, ведь Море в миллион раз старше любой пирамиды!), на ощупь лунная пыль оказалась скользкой, как мыло. Пат поймал себя на мысли, что быть похороненным заживо, наверное, хуже, чем утонуть... Но вот фонтан превратился в тонкую струйку, и он понял, что на этот раз страшная участь его миновала. Благодаря слабому лунному тяготению пятнадцатиметровый столб пыли давил не так уж сильно. Впрочем, будь отверстия в потолке намного шире, еще неизвестно, чем бы все это кончилось.

Отряхнув пыль с головы и плеч, Пат осторожно открыл глаза. Ничего, зрение в порядке. Хорошо, что аварийное освещение не подвело. Не очень-то яркий свет, но все-таки лучше, чем ничего. Коммодор уже законопатил щель и теперь спокойно брызгал водой из бумажного стакана, чтобы осадить пыль. Способ оказался очень действенным, и серые облака быстро превратились в лужицы грязи на полу.

Подняв голову, Ханстен поймал взгляд Пата.

— Ну, капитан,— заговорил он.— Ваше мнение?

Олимпийское самообладание! Это самообладание может вывести человека из себя, подумал Пат. Хоть бы раз увидеть коммодора растерянным! Нет, вздор, это в нем зависть говорит, даже ревность, вполне понятная, но не достойная Пата. Он пристыдил себя.

— Не представляю, что произошло,— ответил он.— Может быть, сверху нам скажут?

Корабль наклонился под углом тридцать градусов, и к месту водителя надо было идти в гору. Садясь перед радиостанцией, Пат вдруг ощутил тупое отчаяние, какого не испытывал со времени рокового обвала. Такое чувство, словно все боги обратились против них и дальше сражаться нет смысла.

Он окончательно уверился в этом, когда попытался включить радиостанцию и обнаружил, что она не работает. Нет тока, злополучная труба потрудилась на славу...

Пат медленно повернулся в кресле. Двадцать один человек пытливо смотрели на капитана: что он скажет? Из них двадцать сейчас не существовали для него. Пат

видел только лицо Сью, ее глаза. Озабоченный, напряженный взгляд, но даже теперь без страха. И отчаяние прошло, его вытеснил приток сил и надежды.

— Честное слово, не знаю, что случилось,— сказал он.— Но в одном я уверен: мы еще не пропали, до этого далеко, сто световых лет. Даже если погрузимся еще немного, ничего страшного нет, наши товарищи на плоту скоро опять нащупают нас. Небольшая отсрочка, и только. Тревожиться нечего.

— Я не хочу показаться паникером, капитан,— заговорил Баррет,— но если плот тоже затонул? Что тогда?

— Это мы проверим, как только я налажу радиоконтакт,— ответил Пат, сумрачно глядя на болтающиеся под потолком провода.— И пока я не распутаю эту вермишель, будем обходиться аварийным освещением.

— Я не возражаю,— заметила миссис Шастер.— Помоему, так очень мило.

«Спасибо тебе, добрая душа»,— мысленно произнес Пат. Он быстро обвел взглядом остальных. При таком свете трудно разглядеть выражение лиц, но как будто все спокойны...

Спокойствие длилось ровно минуту — больше не понадобилось, чтобы убедиться: ни радио, ни света не починить. Провода вырывало из защитной трубки, и нет нужного инструмента.

— Это уже хуже,— заключил Пат.— Мы ничего не можем им сказать, пока сверху к нам не спустят микрофон.

— А это значит,— подхватил Баррет, явно склонный подмечать самые мрачные стороны,— что они не могут сообщаться с нами. Будут недоумевать, почему мы не отвечаем. Еще решат, что мы погибли, и прекратят спасательную операцию!..

Эта мысль уже приходила в голову Пату, но он тотчас изгнал ее.

— Вы слышали главного инженера Лоуренса,— сказал он.— Главный — не такой человек, чтобы сдаться, пока есть хоть малейшая надежда. На этот счет можно не беспокоиться.

— Как с воздухом? — озабоченно спросил профессор Джаяварден.— Ведь мы опять зависим от собственных ресурсов.

— Очистители снова работают, так что теперь его хватит на много часов,— ответил Пат.— К тому же нам скоро опять подадут трубы.— Он надеялся, что голос его звучит достаточно уверенно.— Наберемся терпения и придумаем себе занятие. Три дня выдержали, как-нибудь выдержим еще час-другой.

Он поглядел вдоль рядов, проверяя, есть ли несогласные. И увидел, что один из пассажиров медленно поднимается на ноги. Это был тихий шуплый мистер Редли, который с начала путешествия и десяти слов не сказал.

Пат по-прежнему знал о нем лишь то, что он бухгалтер, родом из Новой Зеландии, единственной страны на Земле, которая из-за своего географического положения еще осталась в какой-то мере обособленной. Разумеется, попасть туда так же просто, как в любую иную точку земного шара, но Новая Зеландия — конечная станция, не промежуточная остановка на большой магистрали. И новозеландцы продолжали гордо оберегать свою индивидуальность. Не без основания они утверждали, что сумели спасти остатки английской культуры, после того как Атлантическое сообщество поглотило Британские острова.

— Вы хотите что-то сказать, мистер Редли? — спросил Пат.

Редли посмотрел вкруг взглядом учителя, который собирается обратиться к своему классу.

— Да, капитан,— начал он,— я должен сделать признание. Боюсь, во всем, что произошло с нами, виноват я.

Когда главный инженер Лоуренс прервал свой репортаж, понадобилось всего две секунды, чтобы Земля узнала о новой беде; до Марса и Венеры весть дошла через несколько минут. Но что именно случилось? По изображению на экране телевизора не понять... Сперва люди на плоту заматались, забегали, потом переполох как будто кончился, и фигуры в скафандрах сбились в кучу. Видимо, шло совещание. Но работала только внутренняя связь, и зрители не слышали ни слова. Ужасно было наблюдать этот немой разговор, не зная, о чем идет речь.

Пока тянулись долгие томительные минуты неизвестности и студия пыталась выяснить, что происходит, Жюль Брак старался выбрать хороший кадр — вовсе не простое дело, когда сцена статична, а ты привязан к одной, пусть даже самой удачной, точке. Как и все операторы, Жюль терпеть не мог стоять на месте. Такая скованность действовала ему на нервы. Он даже спросил, нельзя ли перелететь на другое место, и услышал в ответ от капитана Ансона:

— Черта с два, стану я прыгать взад-вперед по этим горам. Это космический корабль, а не... не серна.

Панорамы да наезды — вот и все приемы, которыми мог пользоваться Жюль, да и то в меру; ничто не раздражает зрителя так, как стремительные скачки взад-вперед в космосе или быстрый наплыв, когда изображение словно взрывается прямо в лицо. Трансфока́тор позволял Жюлю «мчаться» по Луне со скоростью пятидесяти тысяч километров в час. От такой гонки хоть кого замутит...

Наконец немая летучка закончилась; спасатели отключили свои телефоны. Может быть, теперь Лоуренс ответит на радиовывозы, которые сыпались на него последние пять минут?

— Господи! — воскликнул Спенсер. — Вы видите? Это что же такое!

— Вижу, — отозвался капитан Ансон. — Просто невероятно! Похоже, они уходят...

Пылекаты с людьми устремились прочь от плота, словно шлюпки от тонущего корабля.

ГЛАВА 26

Пожалуй, только хорошо, что связь с «Селеной» прервалась: вряд ли пассажиров ободрило бы известие о том, что пылекаты отступили. Впрочем, в этот миг на судне о спасателях вообще не думали — всех привлек неожиданый выход Редли на тускло освещенную сцену.

— Как это понимать: вы во всем виноваты? — Пат нарушил напряженную тишину, пока что только напряженную, без тени враждебности, так как никто не принял всерьез слова новозеландца.

— Это долгая история, капитан.— Редли говорил совсем бесстрастно, но были в его голосе какие-то странные нотки, которых Пат не мог определить. Казалось, они слышат речь робота; у Пата поползли мурашки по спине.

— Я не хочу сказать, что *намеренно* вызвал беду,— продолжал Редли.— Но боюсь, она не случайна, и я очень жалею, что втянул в это вас. Понимаете, *они* преследуют меня.

«Только этого нам не хватало,— подумал Пат.— Все, все обращается против нас! В нашей маленькой компании есть истеричная старая дева, есть наркоман, теперь вот сумасшедший объявился. Что еще на нас свалится, прежде чем наступит конец?»

Но он тут же сказал себе, что несправедлив. По правде говоря, ему очень повезло. С одной стороны — Редли, мисс Морли и Ханс Бальдур (кстати, Бальдур после того единственного происшествия, о котором никто не помнил, вел себя безукоризненно), зато с другой стороны — коммодор, доктор Мекензи, Шастеры, маленький профессор Джаяварден, Дэвид Баррет. Да и все остальные пока без ропота выполняли распоряжения капитана. Пат вдруг ощутил прилив хорошего чувства, даже нежности к этим людям за их деятельную или бездеятельную поддержку.

Особенно к Сью, которая и на этот раз нашлась раньше него. В своем отсеке на корме она с самым неприпущенным видом, как бы между делом, незаметно — во всяком случае, для Редли — достала из аптечки ампулу со снотворным. Если что, она примет меры.

Но пока что в поведении Редли не было ничего угрожающего. Он вполне владел собой, говорил внятно и рассудительно — ни безумного блеска в глазах, ни каких-либо иных внешних признаков ненормальности. Обыкновенный пожилой бухгалтер из Новой Зеландии, проводящий отпуск на Луне.

— Это очень интересно, мистер Редли,— сказал коммодор Ханстен ровным голосом,— но вы уж простите нам наше невежество. Кто это — «они», и почему они вас преследуют?

— Вы, конечно, слышали, коммодор, о летающих блюдцах?

«Летающих... что?» — удивился Пат.

Ханстен явно был лучше осведомлен.

— Да, слышал, — ответил он, сразу поскучив. — Читал в старых книгах о космонавтике. Кажется, лет восемьдесят тому назад с ними был связан настоящий массовый психоз?

(Эх, нестати он употребил слово «психоз»... Слава богу, Редли не обиделся).

— О, — возразил бухгалтер, — они появились гораздо раньше. Но только в прошлом столетии люди обратили на них внимание. Есть старинная рукопись, еще в тысяча двести девяностом году один английский аббат подробно описал летающее блюдце. Да их и раньше наблюдали. До двадцатого века отмечено больше десяти тысяч случаев.

— Минутку, — вмешался Пат. — Что это значит — «летающее блюдце»? Я ничего не понимаю.

— Боюсь, капитан, ваше образование страдает пробелами, — сочувственно произнес Редли. — Термин «летающее блюдце» широко распространился с тысяча девятьсот сорок седьмого года. Так называли странные, чаще всего овальной формы аппараты, которые уже много столетий изучают нашу планету. Кое-кто предпочитает говорить «неопознанные летающие предметы».

Что-то зашевелилось в памяти Пата. В самом деле, он слышал этот термин в связи с гипотезами об инопланетниках. Но нет никаких доказательств того, что нашу Солнечную систему посещали космические корабли из других миров.

— Вы и впрямь верите, — скептически спросил кто-то из пассажиров, — что вокруг Земли слоняются гости из космоса?

— Больше того, — ответил Редли. — Они часто приземлялись и вступали в контакт с людьми. До появления человека на Луне у них была база на Фарсайте, но они ее уничтожили, как только первые топографические ракеты начали крупномасштабную съемку.

— Откуда вы все это знаете? — удивился один из пассажиров.

Но недоверие аудитории несколько не смутило Редли; он, видимо, давно привык к этому. Новозеландец излучал убежденность, которая — как ни мало обоснована

она была — невольно передавалась другим. Он преотлично чувствовал себя в странном воображаемом мире, куда его занесло помешательство.

— Мы... установили с ними контакт,— произнес он торжественно.— Несколько человек сумели вступить в телепатическую связь с экипажами летающих блюд. И нам уже довольно много известно о них.

— А другие люди? — заговорил еще один маловвер.— Если и впрямь около Земли летают блюда, почему их не видели ни наши астрономы, ни космонавты?

— В том-то и дело, что видели,— ответил Редли, снисходительно улыбаясь.— Видели, да никому не говорят. Ученые объединились в заговоре молчания, им не хочется признавать, что в космосе есть создания куда умнее нас. И когда летчик докладывает, что встретил блюдо, его поднимают на смех. Понятно, что космонавты предпочитают помалкивать о своих встречах.

— А вам, коммодор, они попадались? — спросила миссис Шастер, явно склонная верить новозеландцу.— Или вы тоже участвуете в этом — как его назвал мистер Редли — заговоре молчания?

— К сожалению, должен вас огорчить,— сказал Ханстен.— Вы можете мне не поверить, но все космические корабли, которые я когда-либо встречал, числятся в Регистре Ллойда.

Он поймал взгляд Пата и чуть кивнул, словно говоря: «Пойдем, посоветуемся в камере перепада». Теперь, когда стало ясно, что Редли безобиден, Ханстен был даже рад происшествию, которое так быстро отвлекло пассажиров от нового осложнения. Если бредовый вымысел маленького бухгалтера их занимает, пусть себе чудит.

— Ну, Пат,— сказал коммодор, едва дверь отсека их от оживленно спорящих пассажиров,— что вы думаете о нем?

— Неужели он верит в этот вздор?

— В том-то и дело, что верит. Я уже встречал таких людей.

Ханстен достаточно хорошо знал странный психоз, во власти которого был Редли; недаром он увлекся космоведением еще в двадцатом веке. В молодости коммодор прочел даже некоторые «оригинальные» писания на эту тему; это был такой бесстыдный обман или детское

простодушные, что он даже поколебался в своем взгляде на человека как на разумное существо. Становилось не по себе при одной мысли о том, что подобная литература могла пользоваться бешеным успехом. Правда, большинство книг этого рода вышло в «Безумные Пятидесятые» годы, которые были порой психозов.

— Положение нелепейшее, — пожаловался Пат. — В такой час все пассажиры заняты спором о летающих блюдцах!

— А по-моему, это превосходно, — ответил коммодор. — Чем еще вы предложите им заняться? Скажем прямо, ведь нам остается только сидеть и ждать, пока Лоуренс снова постучится в крышу.

— Если он еще там. Баррет прав, плот мог затонуть.

— Вряд ли... Толчок был очень слабый. Как по-вашему, на сколько мы опустились?

Вопрос Ханстена заставил Пата призадуматься. Теперь ему казалось, что они падали долго. Полутьма, сражение с пылью — все это нарушило чувство времени, и он мог только гадать.

— Ну, метров на десять...

— Чепуха! Это длилось всего несколько секунд. Два-три метра, не больше.

«Хоть бы коммодор оказался прав», — подумал Пат. Он знал, насколько трудно судить о малых ускорениях, особенно когда внимание притупилось. Из всех находившихся на борту «Селены» у одного Ханстена есть нужный опыт. Надо думать, его оценка точна. И уж во всяком случае она обнадеживает.

— На поверхности, наверное, ничего и не почувствовали, — продолжал Ханстен. — И теперь удивляются, почему не могут нас нащупать. Вы уверены, что нам не под силу наладить радиостанцию?

— Уверен. Всю распределительную коробку сорвало вместе с частью кабеля. Из кабины не добрать.

— Н-да, ничего не поделаешь. Ладно, пошли, пусть Редли попытается обратить нас в свою веру...

Жюль около ста метров провожал объективом пыле-каты, прежде чем обнаружил, что они увозят меньше людей, чем привезли. Семь человек, а было восемь.

Он тотчас дал задний ход и благодаря то ли счастливому случаю, то ли прозорливости, отличающей блестящего оператора от рядового, поймал плот как раз в тот миг, когда Лоуренс нарушил свое радиомолчание.

— Говорит главный инженер Эртсайда. — У него был усталый и расстроенный голос человека, тщательно разработанные планы которого вдруг рухнули. — Прошу извинить за перебой, но, как вы, очевидно, догадались, у нас произошла авария. Должно быть, снова оседание. На сколько метров — неизвестно. Мы потеряли «Селену», и она не отвечает на наши вызовы. Я велел своим людям отойти на несколько сот метров в сторону. Вряд ли нам грозит опасность, но лучше не рисковать. Пока что я тут и один справлюсь. Слушайте мой вызов через несколько минут.

Миллионы зрителей увидели, как Лоуренс, присев на краю плота, собирает щуп, которым в первый раз обнаружил пылеход. Двадцать метров. Если корабль погрузился глубже, придется изобретать что-нибудь еще.

Вот щуп уходит в пыль. Чем ближе к той глубине, где прежде лежала «Селена», тем медленнее. Скрылась метка 15 — пятнадцать метров. Щуп был словно копье, вонзающееся в тело Луны. «Сколько еще?» — шептал про себя Лоуренс в тишине скафандра.

Ответ ошеломил его. Прямо хоть смейся, не будь положение столь серьезным: после метки щуп прошел всего полтора метра. Но вот что гораздо хуже, «Селена» осела неравномерно. Проверка показала, что корма лежит глубже носа, перекося — тридцать градусов. Одного этого было достаточно, чтобы поломать планы Лоуренса: ведь он рассчитывал, что кесон плотно, без зазоров ляжет на горизонтальную крышу.

Впрочем, сейчас Лоуренса в первую очередь заботило другое. Радио пылехода молчит (хорошо, если только из-за неисправности питания) — как проверить, живы ли люди? Они-то услышат стук щупа, но сами не могут ничего передать наверх...

Как так не могут?! Есть способ, самый легкий и примитивный, какой только можно себе представить! Настолько примитивный, что после полутораста лет электроники не мудрено и запомнить.

Лоуренс выпрямился и вызвал пылекаты.

— Можете возвращаться,— сказал он.— Никакой опасности нет, не волнуйтесь. Пылеход осел всего на метр-другой.

Главный уже забыл про следящие за ним миллионы глаз. Еще предстояло разработать новый план действий, но первый шаг был ему ясен.

ГЛАВА 27

Когда Пат и коммодор вернулись в кабину, там еще вовсю спорили. Немногословный до сих пор Редли быстро наверстывал упущенное. Точно кто-то нажал потайную пружину — или бухгалтера вдруг освободили от обета молчания. Да так оно, пожалуй, и было: решив, что его миссия все равно стала явной, Редли был только рад о ней рассказать.

Коммодор Ханстен встречал много таких суеверов; собственно, ради самозащиты он и одолел обильную литературу о «летающих блюдцах». Начиналось всегда одинаково, с вопроса: «Коммодор, вы, наверно, повидали немало необычного за годы, проведенные в космосе?» Ответ, естественно, не удовлетворял собеседника, и следовал завуалированный, а то и не очень завуалированный намек — дескать, Ханстен боится или избегает говорить правду. Опровергать это обвинение было пустой тратой сил; правоверный просто-напросто заключал, что коммодор участвует в сговоре.

Остальные пассажиры не были научены горьким опытом, и Редли легко разбивал их доводы. Даже Шастеру, при всей его юридической искушенности, никак не удавалось загнать маленького бухгалтера в угол; с таким же успехом он мог бы убеждать шизофреника, что никто его не преследует.

— Но разве это правдоподобно,— настаивал Шастер,— чтобы из тысяч ученых, знающих об этом, ни один не проговорился? Такой секрет утаить невозможно! Все равно что попытаться спрятать памятник Вашингтону!

— Так ведь были попытки раскрыть истину,— ответил Редли.— Но свидетельства каким-то таинственным путем уничтожались,— как и люди, которые хотели про-

никнуть в секрет. Они, когда надо, ни перед чем не останавливаются.

— Вы же сами сказали, что они вступают в контакт с людьми! Получается противоречие!

— Ничего подобного. Поймите, в космосе, как и на Земле, сражаются между собой силы добра и зла. Одни хотят помочь нам, другие задумали нас закабалить. Посидинок между этими двумя группами длится уже много тысяч лет. Иногда борьба эта захватывает Землю, так погибла Атлантида.

Ханстен невольно улыбнулся. Все правильно, вот и Атлантида пошла в ход, другие приплетают Лемурию, или Му. Названия, которые неотразимо действуют на души неуравновешенные, склонные к мистике.

Если ему не изменяет память, группа психологов еще в семидесятых годах тщательно изучила вопрос о «летающих блюдцах». Они пришли к выводу, что в середине двадцатого века многие люди уверовали в близкую гибель мира. Оставалось только надеяться на вмешательство из космоса; утратив веру в себя, человек ждал спасения с небес.

Почти десять лет «блюдечная» религия владела умами свихнувшейся части человечества, потом внезапно зачахла, точно исчерпавшая себя эпидемия. По мнению психологов, все решили два обстоятельства: во-первых, всем наскучила эта выдумка, во-вторых, Международный геофизический год возвестил выход человека в космос.

Восемнадцать месяцев длился МГГ, и за это время небесную сферу наблюдало и изучало больше приборов и опытных исследователей, чем за все предшествовавшие тысячелетия. Если бы в заатмосферной выси в самом деле парили небесные гости, совместные усилия ученых неизбежно подтвердили бы это. Однако этого не произошло. Наконец, с Земли ушли в космос первые корабли с человеком на борту, но и они не встретили никаких летающих блюдечек.

Для большинства людей этого оказалось достаточно. Все эти неопознанные летающие предметы, замеченные в течение многих веков, были созданы самой природой, и с развитием метеорологии и астрономии нашлось доволь много убедительных объяснений. С началом космической

эры возродилась вера человека в свое предназначение, и мир вовсе утратил интерес к летающим блюдцам.

Но религия редко умирает совсем. Кучка верующих поддерживала культ поразительными «откровениями», рассказами о встречах с небожителями, толковала о телепатических контактах. И сколько бы очередных пророков ни уличали в мошенничестве, фанатики стояли на своем. Они нуждались в своих богах и не желали с ними расставаться.

— Вы все еще не объяснили,—не унимался Шастер,— с какой стати блюдечники преследуют именно *вас*. Что вы такое сделали, чем их рассердили?

— Я слишком близко подобрался к некоторым их секретам, вот они и воспользовались этим случаем, чтобы устранить меня.

— Могли бы найти способ попроще.

— Нелепо полагать, что наш ограниченный разум способен постичь пути их мышления. Но согласитесь: все подумают, что произошел несчастный случай, никто не заподозрит, что это сделано преднамеренно.

— Тонкий довод. И поскольку это теперь уже не играет никакой роли, может быть, вы скажете нам, за каким секретом охотились? Это, наверно, всем интересно.

Ханстен поглядел на Ирвинга Шастера. До сих пор юрист казался ему человеком скорее мрачноватым, лишенным чувства юмора; откуда эта ирония?

— Охотно расскажу,—ответил Редли.— Собственно, началось это еще в девятьсот пятьдесят третьем, когда американский астроном по фамилии О'Нил обнаружил здесь, на Луне, нечто весьма примечательное. На восточной окраине Моря Кризисов он открыл небольшой мост. Другие астрономы, разумеется, высмеяли его, однако менее предубежденные подтвердили существование моста. А уже через несколько лет мост исчез. Очевидно, что наше внимание встревожило блюдечников, и они его разобрали.

Это «очевидно», сказал себе Ханстен, великолепный пример логики «блюдепоклонников», лихой скачок через барьер несуразницы, совершенно ошеломляющий нормальный разум. Он никогда не слышал о мосте О'Нила, но в истории астрономии известно множество ошибочных толкований. Классический пример — марсианские

каналы. Добросовестнейшие наблюдатели снова и снова сообщали о них, а между тем каналов не было, во всяком случае, не было ничего похожего на изящную паутину, зарисованную Ловеллом и другими. Или Редли считает, что за время между наблюдениями Ловелла и первыми четкими photographиями Марса кто-нибудь засыпал каналы? Он вполне способен заявить это.

Скорее всего, «мост О'Нила» не что иное, как причуды освещения, игра постоянно меняющихся лунных теней. Но столь простой ответ, разумеется, не удовлетворяет Редли. Кстати, что он здесь делает, в двух тысячах километров от Моря Кризисов?

Этот же вопрос пришел на ум еще одному из пассажиров, и он тотчас задал его. Как всегда, у Редли был наготове убедительный ответ.

— Я рассчитывал, притворяясь обычным туристом, отвести от себя их подозрения. Доказательство, которое я ищу, находится в Западном полушарии — я нарочно отправляюсь в Восточное. Задумал через Фарсайд добраться к Моря Кризисов, а заодно осмотреть еще кое-какие места. Но они меня перехитрили. Не сообразил я, что меня может выследить кто-нибудь из их агентов. Ведь они умеют принимать человеческий облик. Видно, следили за мной с того самого часа, как я высадился на Луне.

— А можно узнать, — сказала миссис Шастер, которая все более серьезно воспринимала слова Редли, — что они теперь сделают с нами?

— Лучше об этом не думать, мэм! — ответил Редли. — Нам известно, что у них есть пещеры в недрах Луны. Я не сомневаюсь, мы именно в такую пещеру и попали. Стоило им заметить, что спасатели пробились к нам, как они тотчас вмешались снова. Боюсь, теперь мы слишком глубоко, нас уже никто не выручит.

«Хватит с нас этой чепухи, — сказал себе Пат. — По-забавились, отвели душу, это хорошо. Но теперь этот помешанный грозит всех пассажиров в тоску вогнуть. Как заткнуть ему рот?»

На Луне, как и во всех дальних космических поселениях, случаи помешательства были редки, и Пат Харрис не знал, как поступить. Тем более, что речь шла о чрезвычайно самоуверенном пациенте, умеющем заражать

других своей одержимостью. Пат и сам уже начал колебаться: может, Редли в чем-то прав? При других обстоятельствах здоровый природный скептицизм защитил бы его, но эти тревожные дни нелегко дались ему, и он словно разучился мыслить критически.

Неужели нет подходящего способа разрушить чары, навешанные этим речистым маньяком?

С некоторой неловкостью капитан вспомнил удар, который так кстати усыпил Ханса Бальдура. И против собственной воли выразительно посмотрел на Хардинга. А тот незамедлительно отозвался: чуть заметно кивнув, он поднялся с места. «Нет-нет! — сказал Пат (про себя). — Я не это подразумевал, не трогайте этого бедного чудака, и вообще — *что вы за человек?*»

Тут же он облегченно вздохнул. Хардинг, отделенный от Редли четырьмя рядами кресел, не стал пробираться к новозеландцу. Он стоял неподвижно, выпрямившись во весь рост и устремив на бухгалтера взгляд, в котором выражалось какое-то непонятное чувство. Уж не жалость ли? В этом тусклом свете сразу и не разберешь.

— Кажется, пора мне внести свою лепту в дискуссию, — сказал Хардинг. — Из того, что вам поведал наш друг, во всяком случае *одно* совершенно точно. Его действительно преследуют, но не «блюдечники», а я. Для новичка, Вильфред Джордж Редли, вы сработали это совсем недурно, должен вас поздравить. Охота была захватывающей: от Крайстчерча до Астрограда, затем Клавий, оттуда до Тихо, Птолемея, Платона, Порт-Рориса — и сюда, где след, насколько я понимаю, кончается.

Никакого намека на смятение на лице Редли. Он лишь величественно наклонил голову, словно соглашаясь признать существование Хардинга, не больше.

— Как вы, возможно, догадались, — продолжал Хардинг, — я сотрудник уголовного розыска. Специализируюсь на мошенниках. Работа очень увлекательная, да только редко выдается случай рассказать о ней. Я очень рад, что теперь представилась такая возможность. Станные верования Редли меня ничуть не занимают, во всяком случае профессионально. Гораздо важнее то, что он высококвалифицированный финансовый работник, занимает хорошо оплачиваемую должность в Новой Зеландии. Правда, недостаточно хорошо, чтобы позволить

ему отправиться на месяц на Луну. Однако это его не смущало. Дело в том, что мистер Редли — старший бухгалтер Крайстчерчского отделения компании «Путешествия во Вселенной». Считается, что эта организация надежно застрахована от каких-либо злоупотреблений, но он каким-то образом ухитрился присвоить себе путевку — аккредитив литер «Щ», позволяющую путешествовать сколько угодно по Солнечной системе, пользоваться услугами гостиниц и ресторанов, получать до пяти сот долларов по чекам на предъявителя. Путевок литер «Щ» не так уж много в обороте, их берегут так, словно они из плутония. Конечно, и прежде кое-кто пытался проделать этот трюк. У клиентов есть привычка терять путевки, и предприимчивые субъекты пользуются этим, чтобы хоть несколько дней пожить на широкую ногу. Больше чем несколько дней не выходит. В компании «ПВВ» отлично поставлен учет, иначе и быть не может. Приняты всевозможные меры, и до сих пор больше недели никому не удавалось пользоваться чужой путевкой.

— Девять дней,— неожиданно прервал его Редли.

— Прошу извинить, *вы*, конечно, знаете это лучше меня... Игак, девять дней. Редли же путешествовал почти три недели, прежде чем мы его выследили. Он взял очередной отпуск и сказал на работе, что будет отдыхать на Северном острове. Вместо этого он отправился в Астроград, а оттуда на Луну, по пути творя, так сказать, историю: Редли первый — и, мы надеемся, последний,— кому удалось улететь с Земли, не заплатив за билет. Нам до сих пор не известно точно, как ему это удалось. Как он прошел контрольные автоматы? С помощью сообщника в секторе программирования? Есть и другие вопросы, которые чрезвычайно занимают «ПВВ». Надеюсь, Редли, вы откроете мне душу, просто чтобы удовлетворить мое любопытство. Не правда ли, я не требую от вас ничего непосильного? Мы не спрашиваем вас, почему вы так поступили — почему пожертвовали хорошей должностью и отправились в увеселительное путешествие, которое должно было привести вас в тюрьму. Мы угадали причину, как только выяснилось, что вы на Луне. Компания знала о вашем коньке. Но ведь он не влиял на вашу работу, и начальство решило рискнуть. Это обошлось довольно дорого.

— Я очень сожалею,— с достоинством ответил Редли.— Фирма всегда хорошо ко мне относилась, досадно, что так вышло. Но ведь я для доброго дела, и если бы мне удалось найти доказательство...

Однако в этот миг все, исключая инспектора розыска Хардинга, утратили всякий интерес к Редли и его летающим блюдам. Наконец-то раздался звук, которого они так ждали.

По крыше пылехода стучал щуп.

ГЛАВА 28

«Торчу здесь уже половину вечности,— сказал себе Морис Спенсер,— а солнце только-только оторвалось от горизонта на западе (странный мир!), и до полудня целых трое суток! Сколько же еще сидеть мне на этой горе, слушая космические побасенки капитана Ансона и глядя на плот с этими иглу?»

На это никто не смог бы ответить. Когда начали спускать кессон, казалось, что все будет закончено в двадцать четыре часа. А теперь? Вернулись к исходной точке. И ко всему телезрители не увидят захватывающих кадров. Все будет происходить либо в глубинах Моря, либо в стенах иглу. Лоуренс продолжал упорствовать, не разрешая ставить камеру на плоту, и Спенсеру трудно было его упрекнуть. Один раз главному инженеру не повезло, попал впросак со своим репортажем. Понятно, он не хочет, чтобы это повторилось.

И все-таки не может быть и речи о том, чтобы «Аурига» оставила позицию, завоеванную ценой таких затрат. Если все обернется благополучно, он сможет передать радостную сцену. Если неблагополучно — сцена будет трагической. Рано или поздно, с пассажирами или без них, пылекаты пойдут назад в Порт-Рорис. Спенсер не собирался прозевать этот караван, двинется ли он в путь при восходящем или заходящем солнце, или даже при слабом свете неподвижной Земли.

Обнаружив «Селену», Лоуренс тотчас пустил буровой станок. На экране монитора Спенсер видел, как уходит в пыль труба воздухопровода. К чему это, когда еще да-

леко не известно, остался ли кто-нибудь в живых? И как главный проверит без радио — есть ли живые?

Этот вопрос задавали себе миллионы. Возможно, что многие угадали верный ответ. Но, как ни странно, он не пришел в голову никому из пассажиров «Селены», даже коммодору.

Услышав, как в крышу ударило что-то тяжелое, они сразу поняли, что это не тонкий шуп осторожно исследует Море. И когда минутой позже бур с гудением вгрызся в фиберглас, это было для них, как помилование для смертника.

Бур не задел кабель; теперь-то это не играло никакой роли. Пассажиры глядели на потолок, как замороженные. Громче, громче, вот уже в воздухе поплыла стружка... Бур пронизал плиту и опустился сантиметров на двадцать. Его встретили дружным «ура!».

«Что дальше? — спросил себя Пат. — Мы не можем говорить с ними, — как я узнаю, когда отвинчивать бур? Не хватает, чтобы я повторил свою ошибку».

Неожиданно громко настороженную тишину рассек металлический звук. Ти-ти-ти-та! — сигнал, который пассажирам «Селены» не забыть до самой смерти... Пат тотчас выстукал плоскогубцами ответное «жж». Теперь они знают, что мы живы! Конечно, он не допускал мысли, что Лоуренс бросит их, но мало ли что...

Новый сигнал сверху, на этот раз намного медленнее. Пат Харрис вспомнил, как неохотно они изучали азбуку Морзе. В космическом веке это казалось совершенным анахронизмом, космонавты и космоинженеры всячески упирались, говоря, что это пустая трата времени, за всю-то жизнь, может быть, только один раз понадобится.

Что же, кажется, не зря изучали.

Та-та-та, — звенела труба, — та, ти-та-та, ти-ти, та-ти, та, ти-ти, та, ти.

И для верности стала повторять; но Пат и коммодор, хоть и давно не упражнялись, уже поняли.

— Передают, чтобы мы отвинтили бур, — сказал Пат. — Ладно, приступим.

Труба громко вздохнула, так что все невольно вздрогнули. Тут же давление сравнялось, и двадцать два человека замерли в ожидании свежего потока кислорода.

Вместо этого труба заговорила. Из отверстия слышался глухой, замогильный, но вполне отчетливый голос. Должно быть, меньше четверти пассажиров вообще когда-либо видели переговорную трубу, с детства все привыкли считать, что только электроника может передать звук на расстояние. Этот пережиток древности был для них такой же новинкой, какой телефон показался бы древним грекам.

— Говорит главный инженер Лоуренс. Вы меня слышите?

Пат приставил к трубе сложенные рупором ладони и ответил, выговаривая каждый слог:

— Слышим хорошо, ясно. Как вы слышите нас?

— Отлично. У вас все в порядке?

— Да. Что случилось?

— Вы осели метра на два, только и всего. Мы здесь даже ничего не заметили, только по трубам догадались. Как у вас с воздухом?

— Воздух хороший. Но чем скорее вы включите насосы, тем лучше.

— Не беспокойтесь, начнем качать, как только очистим фильтры от пыли и получим из Порт-Рориса второй бур. У нас был всего один в запасе — тот, который вы сейчас отвернули. Хорошо, хоть этот нашелся.

Значит, не меньше часа пройдет. Но Пата заботило другое. Он знал, как Лоуренс собирался вывести людей из «Селены»; теперь, когда пылеход накренился, этот план невыполним.

— Как вы нас достанете? — спросил он напрямик.

Лоуренс замаялся на какую-нибудь долю секунды.

— Я еще не все продумал, но, в общем, мы добавим к кессону еще секцию и будем погружать его дальше, до соприкосновения с «Селеной». Потом выберем всю пыль до самого дна колодца. Оставшиеся сантиметры как-нибудь одолеем. Но сперва у меня к вам просьба.

— Какая?

— Я на девяносто процентов уверен, что больше осадки не будет, но если я ошибаюсь, лучше пусть это случится сейчас. Пожалуйста, попрыгайте минутку-другую все вместе.

— А это не опасно? — заколебался Пат. — Вдруг труба опять выскочит?

— Заткните дыру, только и всего. Лишняя дырка роли не играет. Иное дело, когда мы вырежем целый люк — тогда новое оседание будет совсем некстати.

«Селена» успела всякое повидать, но это зрелище было бесспорно самым удивительным. Двадцать два человека с сосредоточенным видом прыгали в лад, взлетая до потолка и отталкиваясь от него, чтобы посылнее топнуть о пол. Капитан пристально следил за трубой, соединяющей их с внешним миром. Так прошла минута; дружные усилия пассажиров привели к тому, что пылеход осел еще на неполных два сантиметра.

Лоуренс с облегчением выслушал доклад Пата Харриса. Убедившись, что «Селена» больше не оседет, он не сомневался, что сумеет извлечь людей на поверхность. Не все было ясно, но в главных чертах план уже складывался в его голове.

Окончательно он сложился через двенадцать часов, после совещаний с «мозговым трестом» и опытов на Море Жажды. За одну неделю Инженерный отдел узнал о лунной пыли больше, чем за все предыдущие годы. Он уже не сражался вслепую с неизвестным противником. Удалось раскрыть и сильные, и слабые стороны врага.

Новые чертежи и приспособления изготовили быстро, но не наспех, основательно, помня, что все должно сработать с первого раза. Если операция не удастся, в лучшем случае придется забросить кессон и погружать новый. А в худшем... в худшем случае пассажиров «Селены» задашит лунная пыль.

— Нам нужно решить нешуточную задачу, — сказал Том Лоусон; он любил нешуточные задачи больше жизни. — Нижний конец кессона открыт для пыли. Наклон крыши не дает кольцу лечь плотно, оно опирается только одной точкой. Прежде чем выкачать пыль, надо закрыть просвет. Я сказал «выкачать»? Ошибка: это вещество не выкачаешь, его надо выгребать. Так вот, если делать это, не устранив зазора, лунная пыль будет притекать снизу с такой же скоростью, с какой мы будем выбирать ее сверху.

Том ядовито улыбнулся своей многомиллионной аудитории: разгрызите-ка этот орешек! Выждал, давая зрителям подумать, потом взял в руки модель, которая лежала на столе студии. Она была предельно проста, но Том Лоусон очень гордился ею, потому что сделал ее сам. Никто из зрителей не догадался бы, что это всего-навсего картон, покрытый алюминиевой краской.

— Эта труба,— начал он,— изображает секцию колодца, который соединяет нас с «Селеной». Как я уже сказал, он доверху заполнен лунной пылью. Вот эта штука...— Том поднял со стола кургузый цилиндр, закрытый с одного конца,— плотно входит в колодец, словно поршень. Она очень тяжелая и будет стремиться вниз, но лунная пыль, естественно, ее не пустит.

Том повернул вкладыш так, чтобы дно цилиндра было обращено к камере. Потом указательным пальцем нажал посередине, и открылась маленькая дверца.

— Это, так сказать, клапан. Пока он открыт, пыль проникает через него внутрь и поршень идет по кессону вниз. Как только поршень достигнет дна, клапан закроется по команде сверху. Теперь колодец снизу изолирован, можно выбирать пыль. Кажется, очень просто, не правда ли? На деле это вовсе не просто. Возникает около сотни проблем, о которых я ничего не сказал. Например, когда кессон опустеет, он будет всплывать под действием выталкивающей силы, а она достигает нескольких тонн. Главный инженер Лоуренс предусмотрел хитроумную систему якорей, они удержат кессон на месте. Вы, конечно, уже сообразили, что после выборки пыли клиновидный просвет все еще будет отделять кессон от крыши «Селены». Как мистер Лоуренс одолеет это препятствие, я не знаю. И прошу вас не слать мне больше никаких предложений, нас и без того завалили скороспелыми идеями, на всю жизнь хватит разбираться. Поршень, о котором я вам говорил, изготовлен и испытан инженерами, больше того — его уже погружают в колодец. Если я верно понимаю смысл знаков, которые мне делает этот человек, нам сейчас включают Море Жажды, и мы увидим, что происходит на плоту.

Временная студия в отеле «Рорис» исчезла с миллионов экранов, ее место заняло изображение, знакомое теперь почти всему человечеству.

На плоту и возле него было уже три иглу разной величины. В ярком солнечном свете они напоминали огромные блестящие капли ртути. Возле самого большого купола стоял один пылекат, остальные два перебрасывали снаряжение из Порт-Рориса.

Торчащий из моря кессон и впрямь напоминал колодец. Обод верхней секции выдавался над пылью всего на двадцать сантиметров, и отверстие казалось слишком узким, чтобы в него мог пролезть человек, тем более в скафандре. Но в решающей стадии спасательных работ скафандры и не будут...

Время от времени из колодца появлялся цилиндрический ковш. Небольшой, но достаточно мощный кран относил его в сторону и опрокидывал. На миг над серой гладью Моря замирал колпак пыли, потом он начинал медленно рассыпаться и исчезал прежде, чем из колодца появлялась следующая порция. Захватывающий фокус под открытым небом, который лучше всяких слов рассказывал зрителям все, что надо было знать о Море Жажды.

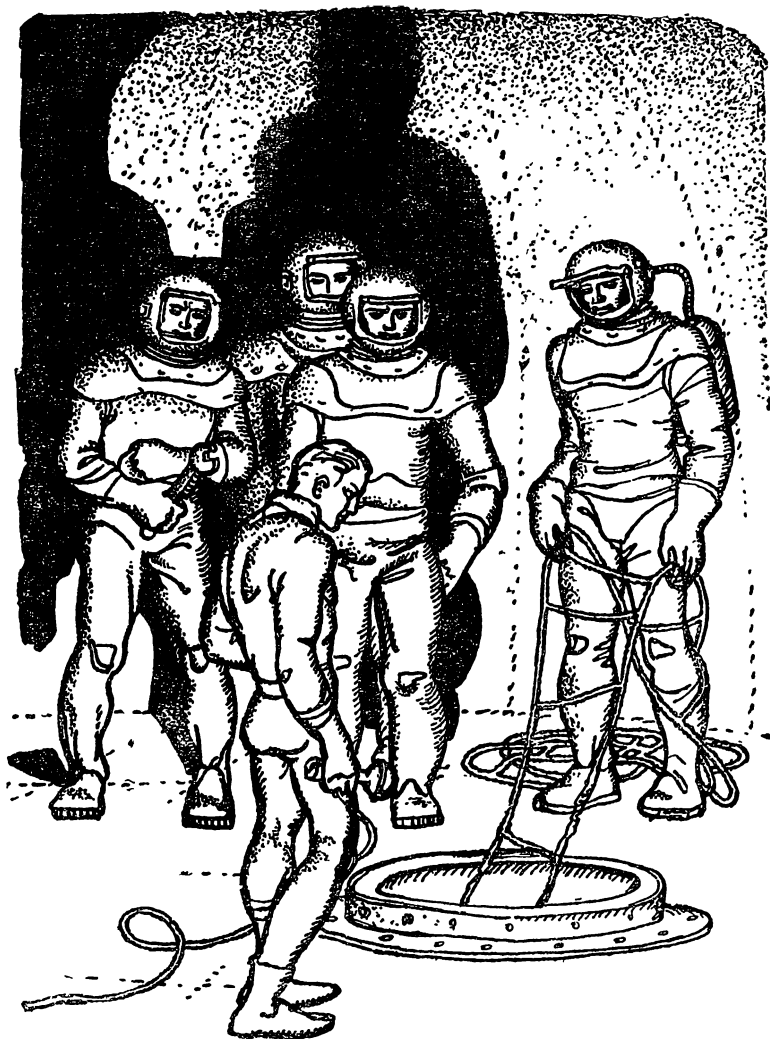
Ковш появлялся все реже по мере того, как росла глубина. И вот он вынырнул, заполненный только наполовину.

Путь открыт. Если не считать «шлагбаума» на дне.

ГЛАВА 29

— Духом не падаем,— доложил Пат в опущенный через воздухопровод микрофон.— Конечно, мы приуныли, когда пылеход снова осел и связь с вами нарушилась. Но теперь уже ясно, что вы нас скоро выручите. Слышим, как гремит ковш, как выгребаете пыль, и знаем — вы здесь. Мы никогда не забудем того, что вы все сделали для нас,— добавил он смущенно.— Что бы ни случилось, мы хотим поблагодарить вас. Мы не сомневаемся: вы сделали все возможное. А теперь передаю микрофон, здесь уже столько посланий заготовлено! Надеюсь, что это последняя передача с «Селены».

Передавая микрофон миссис Уильямс, Пат вдруг сообщил, что заключительная фраза получилась, пожалуй, не совсем удачной, ее можно истолковать двояко. Да



Лоуренс снял скафандр и подошел к зияющему отверстию.

нет, теперь, когда спасение так близко, возможность неудач исключается. Они столько перенесли, новых осечек просто не может быть.

И все-таки он знал: последний этап будет самым трудным и рискованным. Уже несколько часов — с тех пор как главный инженер Лоуренс рассказал им про свой план — они снова и снова обсуждали это. Да и о чем еще говорить теперь, когда тему о летающих блюдцах единодушно объявили запретной?

Можно было читать вслух, но почему-то «Шейн» и «Апельсин и яблоко» перестали их занимать. Каждый мог думать лишь о спасательной операции и о новой жизни, которая ожидала их, когда они опять волеются в океан человечества.

Сверху донесся глухой, тяжелый стук, который мог означать одно: ковш достиг дна, колодец свободен от пыли. Можно соединять кессон с иглу и накачивать воздух.

В иглу марки «ХІХ» сделали в полу отверстие, которое точно отвечало верхнему ободу кессона. Больше часа ушло на то, чтобы тщательно установить и осторожно наполнить воздухом иглу; от надежности соединения зависела жизнь не только пассажиров «Селены», но и спасателей.

Лишь после самой придирчивой проверки главный инженер Лоуренс снял скафандр и подошел к зияющему отверстию, держа в руках мощный светильник.казалось, колодец уходит в бесконечность, а между тем до дна было всего семнадцать метров. Даже при лунном тяготении оброненный предмет будет падать всего пять секунд...

Главный повернулся к своим товарищам. Они стояли в скафандрах, но окошки гермошлемов были открыты. Если произойдет авария, можно мгновенно закрыть их, и спасатели уцелеют. Но Лоуренсу будет конец. И двадцати двум пассажирам «Селены» тоже.

— Вам известна задача, — сказал он. — Если мне надо будет быстро подняться вверх, все сразу выбирайте лестницу! Вопросы есть?

Вопросов не оказалось, каждый твердо знал, что делать. Кивнув спасателям и услышав в ответ дружное «счастливо!», Лоуренс начал спуск.

Большую часть пути он просто падал, иногда хватаясь за веревочную лестницу, чтобы затормозить падение. На Луне такой способ совершенно безопасен. Совершенно?.. Главный инженер своими глазами видел, как погибали люди, забывшие о том, что даже здесь гравитационное поле меньше чем за десять секунд придает падающему телу ускорение, которое достаточно опасно для жизни.

Это напоминало спуск Алисы в Страну чудес, но на этом сходство с книгой Кэрролла кончалось: на всем пути вниз не было видно ничего, кроме гладких бетонных стен, притом так близко, что приходилось щуриться, чтобы следить за ними. Мягкий толчок — он опустился на дно колодца.

Лоуренс присел на корточки на металлической платформе величиной с крышку корабельного люка и внимательно осмотрел ее. Дверца клапана, которая была открыта все время, пока вкладыш шел вниз по кессону, закрылась не совсем плотно, и по краям ее пробивались струйки серой пудры. Ничего страшного. Хотя если дверца откроется внутрь под давлением снизу... Да, что тогда? С какой скоростью лунная пыль будет подниматься вверх по кессону? Лоуренс был уверен, что сумеет определить ее.

Там внизу, всего в нескольких сантиметрах — крыша пылехода, наклоненная под углом тридцать градусов. (Ох уж этот наклон!) Нужно соединить горизонтальный обод секции с крышей, соединить плотно, чтобы не могла просочиться пыль.

Насколько мог судить Лоуренс, все предусмотрено; недаром над планом работали лучшие инженерные умы Земли и Луны. Учтено даже, что пока он работает здесь, «Селена» может опуститься еще на несколько сантиметров. Но одно дело теория, совсем другое — главный знал это по опыту — практика.

По краю металлического диска, на котором сидел Лоуренс, торчало шесть болтов. Он стал крутить их один за другим, словно барабанщик, настраивающий свой инструмент. К нижней плоскости диска была прикреплена сложенная гармошкой короткая труба, шириной почти равная поперечнику колодца — только-только протиснуться одному человеку. Главный инженер завинчивал

болты, и гармошка постепенно раздвигалась, образуя гибкую перемычку.

Один край трубы отделяло от наклонной крыши сорок сантиметров, другой — какие-нибудь миллиметры. Лоуренс больше всего опасался, что пыль не даст раздвинуться гармошке, но болты легко преодолевали наружное сопротивление.

Все, дальше не идут. Теперь нижний обод перемычки соединен с крышей пылехода, а резиновая прокладка обеспечивает герметичность соединения. (Обеспечивает ли? Сейчас он в этом убедится...)

Лоуренс непроизвольно глянул вверх, проверяя путь к отступлению. За яркой лампой, которая висела в двух метрах над ним, был сплошной мрак, но вид веревочной лестницы успокоил его.

— Перемычка спущена! — крикнул он невидимым помощникам. — Как будто прилегла плотно. Открываю клапан.

Малейшая оплошность — и колодец будет затоплен лунной пылью. И уж не wygrебешь... Медленно, осторожно Лоуренс отделил дверцу, через которую входила пыль, когда опускали вкладыш. Никакого извержения не последовало, гармошка надежно сдерживала напор Моря.

Лоуренс погрузил руку в тонкий пласт пыли и нащупал пальцами крышу «Селены». Такую радость он редко испытывал. *Он добрался до пылехода!* Наверно, что-нибудь вроде этого чувствовал в старину золотоискатель, сидя на дне ямы и глядя на первые блестящие крупинки...

Лоуренс трижды постучал в крышу; сейчас же последовал ответ. Конечно, азбука Морзе не нужна, когда рядом висит микрофон, но главный отлично понимал, как ободрит пассажиров «Селены» его стук. Теперь они точно знают — считанные сантиметры отделяют их от спасения!

Однако сперва нужно убрать с дороги несколько барьеров. Первый из них — металлическая платформа, она же — основание поршня под ногами Лоуренса. Она выполнила свое предназначение, не пускала лунную пыль, пока опораживали колодец. Теперь, чтобы выпустить людей из пылехода, ее надо убрать. И не повре-

дить при этом перемычку, которую она позволила установить.

Основание поршня было съемным — достаточно отвинтить восемь болтов по окружности. Лоуренс в несколько минут управился с ними и привязал к диску веревку.

— Вира!

Более толстому человеку пришлось бы карабкаться вверх по лестнице впереди диска; Лоуренс повернул его на ребро и пропустил мимо себя, прижавшись к стенке колодца. Прощай, последний рубеж обороны... Он проводил диск взглядом. Теперь нечем перекрыть колодец, если перемычка сдаст и лунная пыль ворвется внутрь.

— Ведро! — попросил главный.

Оно уже спускалось к нему.

«Сорок лет назад, — сказал себе Лоуренс, — на пляже в Калифорнии я играл совком и ведерком, сооружал крепости из песка. Теперь я — главный инженер Эртсайда — копаю лунную пыль, занятие посерьезнее, и все человечество ждет, что у меня получится».

Ушло вверх первое ведро, и обнажилась часть крыши, очерченная нижним ободом перемычки. Пыли оставалось совсем немного, еще два ведра — и перед Лоуренсом засверкала алюминированная ткань наружной обшивки. Она сморщилась от чрезмерной нагрузки, и главный легко, одними руками сорвал ее. Показался фиберглас. Что дальше? Ничего не стоит пропилить в обшивке отверстие электрической пилой. И всех погубить: в двойном корпусе пылехода уже просверлено несколько дыр, и все пространство между стенками заполнено лунной пылью. Давление большое, только пробей отверстие в обшивке — пыль сразу хлынет фонтаном! Чтобы проникнуть в «Селену», нужно как-то сковать этот коварный пласт.

Лоуренс еще раз постучал по крыше. Так и есть, звук глухой, смягченный пылевой прослойкой. А вот это уже неожиданно: снизу в ответ раздался частый тревожный стук!

Не успели товарищи сверху сообщить главному, что случилось на «Селене», как он уже сам понял: Море Жажды предприняло последнюю попытку удержать свою добычу.

...Три обстоятельства привели к тому, что именно Карл Юхансон заметил беду: он был инженер-атомник, обладал хорошим обонянием и сидел в кормовой части пылехода. Несколько секунд Юхансон принохивался, потом сказал сидевшему у прохода соседу «извините», встал и не спеша прошел в туалетную. Он не хотел напрасно настораживать людей, да еще теперь, когда спасение совсем близко. Но за свою многолетнюю работу инженером Карл Юхансон слишком часто убеждался, чем грозит запах горячей изоляции.

Он задержался в туалетной ровно двенадцать секунд, вышел из нее и быстро (в меру быстро, чтобы никого не испугать) прошагал к Пату Харрису, который разговаривал с коммодором.

— Капитан,— тихо, но решительно перебил он их.— На боргу пожар. Проверьте в туалетной. Я больше никому не говорил.

Пат тотчас сорвался с места. Ханстен побежал за ним. В космосе, как и на море, не разглагольствуют, услышав слово «пожар». Тем более, что Юхансон был не такой человек, чтобы поднимать ложную тревогу. Он, как и Пат Харрис, работал в техническом отделе Лунной администрации; недаром коммодор включил его в «карательный отряд».

Туалетная ничем не отличалась от таких же кабин в любом небольшом сухопутном, морском, воздушном или космическом экипаже; можно было, не сходя с места, коснуться рукой любой стены. Кроме задней, на которой висел умывальник, фиберглас вздулся пузырями от жара, они колыхались и лопались...

— Через минуту огонь будет здесь! — крикнул коммодор.— Но откуда пожар?

Пата уже не было. Он вернулся почти сразу, неся под мышками оба огнетушителя.

— Коммодор,— сказал Пат Харрис,— прошу вас, положите на плот. Скажите, что нам осталось всего несколько минут. Я буду здесь, встречу огонь.

Ханстен подчинился. Пат услышал, как он докладывает Лоуренсу, и тотчас в кабине поднялся переполох. Дверь в туалетную открылась, вошел доктор Мекензи.

— Я могу вам помочь? — спросил ученый.

— Боюсь, что нет, — ответил Пат, держа наготове огнетушитель.

Странное чувство — будто все это происходит не в жизни, будто он на грани сна и яви. Страх не было, после всего пережитого он не мог больше волноваться, делал все как-то безучастно.

— Откуда огонь? — повторил Мекензи вопрос коммодора. И добавил: — Что за этой переборкой?

— Наш главный источник энергии. Двадцать мощных элементов.

— Какой запас?

— Когда мы вышли, было пять тысяч киловатт-часов. Осталась, наверное, половина.

— Все ясно. Где-то короткое замыкание. Должно быть, элементы горят с тех самых пор, как повредило кабель.

Похоже на правду — хотя бы потому, что на борту «Селены» не было других источников энергии. Правда, огнеупорные материалы, из которых был сделан пылеход, от обычного огня не воспламеняются, но если весь запас энергии, рассчитанный на многочасовое движение с предельной скоростью, обратится в тепло, беды не миновать...

Но ведь это невозможно! На то и автоматические выключатели, чтобы срабатывать при такой перегрузке. Может быть, они вышли из строя? Мекензи выскочил в камеру перепада и убедился, что выключатели сработали.

— Все цепи выключены, — доложил он Пату. — Тока нет. Ничего не понимаю.

Несмотря на бедственное положение, Пат не удержался от улыбки. Этот Мекензи ученый до мозга костей, даже погибая, он будет допытываться, что и как. Поджариваясь на вертеле (а им угрожало нечто в этом роде), спросит палачей, что за дрова...

Складная дверь отворилась, вошел Ханстен.

— Лоуренс обещает за десять минут прорезать люк, — сказал он. — Переборка выдержит?

— Кто ее знает, — ответил Пат. — Она может продержаться час, а может рухнуть через несколько секунд. Все зависит от того, как быстро распространяется пламя.

— Разве нет автоматических огнетушителей?

— Они там не нужны, обычно за переборкой вакуум, лучшего огнетушителя не придумаешь.

— Ну конечно! — воскликнул Мекензи. — Неужели не понимаете? Отсек затопило. Когда просверлили крышу, пыль просочилась внутрь и замкнула все цепи.

Мекензи прав. Все секции, которые сообщаются с наружной средой, сейчас забиты лунной пылью. Она ворвалась через отверстия в крыше, наполнила промежуток между стенками, постепенно скопилась вокруг силовой установки. В лунной пыли достаточно метеорного железа, она хороший проводник — и началась пиротехника: искры, вольтовые дуги, тысячи электрических костров.

— Если облить стенку водой, — сказал коммодор, — это поможет? Или фиберглас лопнет?

— Давайте попробуем, — отозвался Мекензи. — Только осторожно, чуть-чуть.

Он наполнил из крана пластмассовый стакан — вода уже нагрелась — и вопросительно поглядел на товарищей. Никто не возражал, и физик плеснул несколько капель на вздувшуюся плиту.

Раздался такой треск, что Мекензи тотчас прекратил свой опыт. Слишком опасно... Будь переборка металлическая, такой способ годился бы, но эта пластмасса плохо проводит тепло, она не выдержит термических напряжений.

— Мы тут ничего не можем сделать, — заключил коммодор. — И огнетушители не спасут. Лучше выйти и запереть отсек. Дверь послужит переборкой, даст нам небольшую отсрочку.

Пат колебался. В кабине было невыносимо жарко, но отступить казалось ему трусостью. Хотя вообще-то доводы Ханстена убедительны: если остаться здесь, пожалуй, задохнешься в дыму, едва огонь прогрызет фиберглас.

— Ладно, пошли, — согласился он. — И соорудим какую-нибудь баррикаду снаружи.

Успеют ли?.. Пат Харрис отчетливо слышал, как злое трещит стенка, которая сдерживала напор всепожирающего пламени.

Весть о том, что на «Селене» пожар, никак не отразилась на действиях Лоуренса. Торопиться нельзя: в эти решающие для всей операции минуты любая ошибка может оказаться роковой. Он мог только работать, работать и надеяться, что опередит пламя.

Сверху в колодец спустили приспособление, напоминающее шприц для смазки или для росписи тортов. Правда, заряжен он был не кремом и не тавотом, а быстро твердеющей органо-силиконовой смесью, которую накачали в него под большим давлением.

Первая задача — впрыснуть смесь в пространство между стенками корпуса, да так, чтобы при этом в колодец не просочилась пыль. Клепальным пистолетом Лоуренс вбил в обшивку «Селены» семь полых болтов: один в центр расчищенного круга, остальные равномерно по краям.

Затем он соединил шприц с центральным болтом и нажал спуск. Легкое шипение — смесь устремилась через полый болт, своим напором открыв клапан в его нижней части. Лоуренс быстро переносил шприц от болта к болту, посылая в каждый определенное количество смеси. Вот так, теперь она пропитала всю пыль между стенками, и получился как бы шершавый блин около метра в поперечнике. Нет, не блин, конечно, а суфле, ведь, вырвавшись из шприца, жидкость образует пену.

Через несколько секунд смесь начнет твердеть; для этого в нее добавлен катализатор. Лоуренс смотрел на часы: пять минут — и пена станет твердой, как камень, и пористой, как пемза. Вся пыль в этой части корпуса окажется «замороженной», и можно не опасаться нового притока.

Пять минут... Этот срок никак не сократить, пена должна достичь заданной плотности, от этого зависит успех. Если он неверно выбрал точки или ошибся в расчете времени, если химики на Базе допустили промах, можно считать пассажиров «Селены» мертвыми.

Пока шло время, главный расчистил дно колодца. Он все отправил наверх и остался без каких-либо инструментов.

Если бы Морису Спенсеру удалось спустить в узкую

шахту телекамеру (а он бы продал душу дьяволу за такую возможность!), зрители ни за что не угадали бы, что сейчас предпримет Лоуренс.

И как бы они удивились, увидев, что сверху главному инженеру спускают нечто вроде детского обруча! Но это была не игрушка, а ключ, призванный вскрыть «Селену».

Сью уже собрала пассажиров в носовой, приподнятой части кабины. Сгрудившись в кучку, они тревожно глядели на потолок и напрягали слух, ловя обнадеживающие звуки.

Вот когда важно их подбодрить, сказал себе Пат. Сам капитан не меньше, а может, больше других нуждался в этом; ведь только он (разве что Ханстен и Мекензи тоже догадались) полностью отдавал себе отчет, какая опасность им грозит.

Огонь — само собой. Он, конечно, убьет их, если прорвется в кабину; но огонь движется медленно, с ним какое-то, пусть короткое время можно бороться. А вот против взрыва они бессильны.

«Селена» сейчас представляла собой мину с подожженным шнуром. Запас энергии в элементах, питавших ее двигатели и электрические приборы, мог обратиться в неконтролируемое тепло, но взрывом не грозил. К сожалению, этого нельзя было сказать о цистернах с жидким кислородом.

В них осталось еще немало литров страшно холодного и чрезвычайно активного вещества. Когда нарастающий жар разрушит оболочку цистерн, физические и химические явления вызовут взрыв. Небольшой, конечно, равный по силе взрыву сотни килограммов тола. Достаточно, чтобы разнести «Селену» вдребезги.

Пат решил не говорить об этом Ханстену. Коммодор сооружал баррикаду. Снимал кресла в носовой части кабины и втискивал их в проход между задним рядом и дверью в туалетную. Будто они готовились отразить чье-то вторжение, а не бороться с пожаром. И ведь так оно и было. Пламя может и не распространиться за пределы энергоотсека, но как только сдаст искореженная переборка, оттуда хлынет лунная пыль.

— Коммодор,— сказал Пат,— пока вы заняты здесь,

я начну готовить пассажиров. Что будет, если двадцать человек одновременно бросятся к выходу!

В самом деле, страшно подумать. Нельзя допустить свалки, а это будет не просто, как ни дисциплинированные пассажиры. С одной стороны единственный узкий тоннель, с другой — стремительно наступающая смерть; долго ли тут до паники.

Пат прошел на нос. На Земле это был бы крутой подъем, здесь же тридцатиградусный уклон не чувствовался. Глядя на обращенные к нему тревожные лица, капитан сказал:

— Пора приготовиться. Как только пробьют люк, сверху подадут веревочную лестницу. Первыми выходят женщины, за ними мужчины в алфавитном порядке. Не старайтесь бежать. Вспомните, как мало вы весите здесь, и поднимайтесь на руках, побыстрее, конечно. Но не тесните переднего, времени вполне достаточно, и за несколько секунд вы уже будете наверху. Сю, попрошу вас выстроить всех по порядку. Хардинг, Брайен, Юхансон, Баррет — вы остаетесь в резерве. Нам может понадобиться ваша...

Он не закончил фразы — из кормовой части пылехода донесся приглушенный взрыв. Ничего особенного, бумажный пакет хлопнул бы громче. Но этот звук означал, что переборка сдала. А потолок, к несчастью, был еще цел.

В нескольких сантиметрах над ними Лоуренс положил свой обруч на фиберглас и принялся обмазывать его быстросхватывающимся цементом. Поперечник обруча почти равнялся диаметру колодца, в котором сидел на корточках главный. Опасности никакой, и все-таки Лоуренс работал очень осторожно. Бесцеремонное обращение подрывников со взрывчаткой ему никогда не нравилось.

Кольцевой заряд, который он установил, не представлял собой ничего необычного и действовал просто. Взрыв высечет аккуратную канавку заданной ширины и глубины, в тысячную долю секунды выполнит работу, на которую у электрической пилы ушло бы четверть часа. Кстати, сперва Лоуренс хотел применить пилу; хорошо, что передумал. Не похоже, чтобы в его распоряжении было пятнадцать минут!

Он вскоре убедился в этом.

— Огонь в кабине! — крикнули сверху.

Главный инженер поглядел на часы. На миг ему показалось, что секундная стрелка замерла на месте. Знакомая иллюзия. Нет, часы не остановились, просто время идет не так быстро, как ему нужно бы сейчас. До сих пор оно текло слишком стремительно, теперь, разумеется, тащится еле-еле...

Еще тридцать секунд, и пена затвердеет. Лучше чуть подождать, чем взрывать преждевременно, когда она еще пластична.

Лоуренс не спеша стал подниматься вверх по лестнице, разматывая провода электродетонатора. Он точно рассчитал время. Когда главный вышел из колодца, снял с оголенных концов провода страхующую закоротку и присоединил их к электродетонатору, оставалось ровно десять секунд.

— Передайте, что мы начинаем отсчет, — сказал он.

Спускаясь бегом на корму, чтобы помочь коммодору (хотя он плохо представлял себе, что теперь можно сделать), Пат слышал, как Сю называет фамилии:

— Мисс Морли, миссис Уильямс, миссис Шастер...

Ирония судьбы: мисс Морли опять будет первой, теперь уже по воле алфавита. На этот раз ей не на что пожаловаться.

Но тут ему пришла в голову другая, ужасная мысль: «А если миссис Шастер застрянет в тоннеле и закупорит выход?» И ведь непустишь ее последней! Нет-нет, все будет в порядке. Не может быть, чтобы спасатели не предусмотрели этого. К тому же миссис Шастер заметно похудела.

При первом взгляде Пату Харрису показалось, что дверь туалетной успешно противостоит натиску изнутри. Если бы не струйки дыма вдоль петель, можно подумывать, что вообще ничего не произошло. И Пат облегченно вздохнул. Это же двойной фиберглас! Пока он сгорит, пройдет часа четыре, а то и больше. Задолго до этого...

Что-то щекотало его босые ступни. Пат сперва невольно шагнул в сторону, потом уже в сознании родился вопрос: «Что это такое?»

Он поглядел вниз. И хотя глаза Пата давно привыкли к тусклому аварийному освещению, до него не сразу дошло, что в щель под забаррикадированной дверью просочился зловеющий серый поток — и обе плиты прогнулись под многотонным давлением пыли! С минуты на минуту их сорвет. А если и не сорвет, это теперь не играет никакой роли. Грозный беззвучный прилив наступал, лунная пыль поднялась уже ему до щиколоток.

Пат оцепенел, он даже не пытался заговорить с командором, который стоял рядом с ним так же неподвижно. В первый (и скорее всего последний) раз в жизни капитана Пата Харриса охватил приступ неодолимой ярости. Море Жажды, которое в этот миг множеством тонких, сухих щупалец гладило его ноги, казалось Пату коварным существом, которое играло с ним, как кошка с мышкой. «В ту самую минуту, — думал он, — когда нам казалось, что теперь-то уж все в порядке, Море всякий раз преподносило нам новый сюрприз. Мы все время отставали на один ход, а теперь ему и вовсе наскучила игра. Этот Редли не так уж и ошибался...»

Свисающий из трубы воздухопровода громкоговоритель пробудил Пата Харриса от мрачных размышлений.

— У нас все готово! — крикнули сверху. — Отойдите в конец кабины и прикройте лицо. Начинаем отсчет с десяти.

— ДЕСЯТЬ.

«Мы и так дошли до конца, — подумал Пат. — Десять!.. Не много ли будет... Не дотянем».

— ДЕВЯТЬ.

«Бьюсь об заклад, все равно ничего не выйдет. Море не допустит. Как только почувет, что мы ускользаем...»

— ВОСЕМЬ.

«А жаль, ведь сколько сил положили. Сколько людей работали, как черти, старались выручить нас. И надо же, такое невезение...»

— СЕМЬ.

«Кажется, семь — счастливое число? Может, все-таки выберемся? Хотя бы несколько человек...»

— ШЕСТЬ.

«Почему не потешить себя? Теперь уже все равно. Итак, если считать... Ну, пятнадцать секунд на то, чтобы пробить люк...»

— ПЯТЬ.

«И сбросить лестницу; они, наверное, подняли ее для сохранности...»

— ЧЕТЫРЕ.

«И, допустим, каждые три секунды выходит один пассажир... пусть даже пять секунд...»

— ТРИ.

«Двадцать два на пять получится тысяча... нет, вздор, арифметику забыл...»

— ДВА.

«Словом, сто с чем-то секунд, или почти две минуты, за это время проклятые цистерны вполне успеют отправить нас на тот свет...»

— ОДИН.

«Один! А я еще не закрыл лицо. Может, лечь, пусть наглотаюсь этой вонючей дряни...»

Громкий отрывистый треск, и словно порыв ветра. И все. Совсем не эффектно. Но подрывники превосходно знали свое дело (всегда бы так!). Энергия взрыва была точно рассчитана и направлена, ее избытка хватило только на то, чтобы исчертить рябью лунную пыль, которая покрыла уже половину площади пола.

Время остановилось, целую вечность длилась заминка. А затем на глазах у них медленно свершилось чудо, неожиданное, а потому особенно ошеломляющее; хотя если бы было время вдуматься — ничего таинственного.

В алом полумраке вспыхнуло кольцо яркого белого света. Шире, шире... и вдруг превратилось в сплошной правильный круг: часть потолка отделилась и упала. Вверху была всего-навсего одна тлеющая лампа, к тому же подвешенная на высоте двадцати метров, но глазам, которые за много часов привыкли к красной полутьме, она показалась ярче утренней зари.

Почти мгновенно появилась веревочная лестница. Мисс Морли сорвалась с места, как спринтер, и исчезла в шахте. Когда подошла очередь миссис Шастер (она поворачивалась не так живо, но и не мешкала), произошло настоящее затмение. Лишь несколько тонких лучиков прорывалось из спасительного колодца, и в кабине снова стало темно, после короткого проблеска света опять воцарилась ночь.

Пора выходить мужчинам. Первым мистер Бальдур;

наверное, рад, что у него такая фамилия. Не больше десяти человек оставалось в кабине, когда дверь туалетной сорвалась с петель. Лавина смела запруду!

Волна настигла Пата Харриса примерно посредине пола. Как ни легка и текуча была лунная пыль, она сковала его движения: капитан словно увяз в клею. Хорошо еще, что влажный воздух несколько связал пыль, не то кабина была бы заполнена удушливым облаком. Пат кашлял, чихал, он почти ничего не видел, но все еще мог дышать.

Сквозь багровый туман доносился голос Сью:

— Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать...

Стюардесса строго следила за очередью. Он рассчитывал, что Сью выйдет сразу за остальными женщинами, но она продолжала руководить своими подопечными. Пат сражался с зыбучей пылью, которая поднялась ему уже до пояса, и думал о Сью, думал с такой любовью, что сердцу стало больно. Его сомнения кончились. Настоящая любовь сочетает и влечение, и нежность. Пата давно влекло к Сью, нежность пришла теперь.

— Двадцать... коммодор, *ваша* очередь, живей!

— Черта с два, Сью,— ответил коммодор.— Выходите!

Пат не видел, что произошло, пыль и мрак мешали ему, но он догадался, что Ханстен буквально выбросил Сью в отверстие в потолке. Ни возраст, ни годы работы в космосе не ослабили мускулов коммодора, тренированных на Земле.

— Вы здесь, Пат? — раздался голос Ханстена.— Я стою на лестнице.

— Не ждите... Иду.

Это было легче сказать, чем сделать. Миллионы мягких, но сильных пальцев цеплялись за него, тащили обратно в поток. Пат ухватился за спинку кресла — она едва выдавалась над пылью — и рванул к свету.

Что-то ударило его по лицу, и он невольно поднял руку, чтобы оттолкнуть мешающий предмет, но тут же сообразил: это же лестница! Напрягая все силы, Пат подтянулся на руках. Медленно, нехотя Море Жажды ослабило свою хватку...

Прежде чем выскочить в люк, Пат напоследок обвел

взглядом кабину пылехода. Вся кормовая часть была затоплена, и лунная пыль продолжала подниматься. Ее серая гладь была безупречно ровной, без единой морщинки. Зрелище было противоестественное, а потому вдвойне страшное. В метре от Пата (он знал, что запомнит эту подробность на всю жизнь), будто игрушечный кораблик на тихом пруду, лениво качался бумажный стаканчик. Через две-три минуты его прижмет к потолку и поглотит пыль, но пока что он храбро боролся.

Не сдавался и аварийный свет. Лампочки, даже погруженные в непроницаемый мрак, будут гореть еще много дней...

Очутившись в колодце, Пат Харрис карабкался вверх со всей скоростью, на какую он был способен, но коммодора догнать не смог. Внезапно в глаза ему ударил яркий свет — Ханстен вышел наружу. Пат невольно наклонил голову и увидел догоняющую его пыль. Все такая же гладкая и безмолвная — и наступает так же неотвратимо.

Осталось шагнуть через верхний обрез кессона, и вот он стоит посредине битком набитого людьми иглу, окруженный своими усталыми, измученными спутниками. Им помогали прийти в себя четверо в скафандрах и один человек без скафандра. Очевидно, это и есть главный инженер Лоуренс. Как-то даже странно после всех этих дней увидеть новое лицо...

— Все вышли? — быстро спросил Лоуренс.

— Да, — ответил Пат. — Я последний. — И добавил: — Надеюсь...

В этой суматохе, в темноте не мудрено было и забыть кого-нибудь. Вдруг Редли решил, что не стоит возвращаться в Новую Зеландию, где ему придется держать ответ?..

Нет... Вот он, вместе со всеми. Только Пат начал пересчитывать своих людей, как пол подпрыгнул, а над колодцем взлетело ровное колечко пыли. Оно коснулось потолка, отскочило и рассыпалось. Все опешили.

— Это еще что такое? — удивился главный.

— Кислородная цистерна, — ответил Пат. — Прощай, старина лунобус, ты продержался сколько нужно.

И капитан «Селены» заплакал. Ему было очень неловко, но он ничего не мог с собой поделать.

— Не нравятся мне эти флаги,— сказал Пат, когда пылеход отчалил от пристани Порт-Рориса.— Очень уж нелепо, как подумаешь, что они висят в вакууме.

Хотя, если говорить начистоту, иллюзия была полная. Пестрые вымпелы, украсившие здание Космопорта, развевались на несуществующем ветру. Сделано это было очень просто, пружины и электрические моторчики помогали морочить голову телезрителям на Земле.

Сегодня большой праздник для Порт-Рориса, да что там — для всей Луны. Жаль, нет с ним Сью, но она не в форме для такого путешествия. Утром, провожая его, она даже пожаловалась:

— Не представляю себе, как женщины на Земле заводят детей! Носить такую тяжесть там, где тяготение в шесть раз больше нашего!

Пат отвлекся от размышлений о семье и включил полный ход. Будто одноцветные радуги, изогнулись в лучах солнца параболы лунной пыли, и в кабине, за спиной капитана «Селены-2», раздались восторженные возгласы тридцати двух пассажиров.

Первый рейс нового лунобуса проходил днем. Путешественники не увидят волшебного свечения Моря Жажды, зеленого сияния недвижной Земли, и не будет ночного броска по каньону к Кратерному Озеру. Но все это возмещалось новизной и необычностью впечатлений. Благодаря своей несчастливой предшественнице «Селена-2» оказалась едва ли не самым знаменитым судном во всей Солнечной системе.

Старая истина: дурная слава — лучшая реклама. И, подсчитывая предварительные заявки на билеты, начальник «Лунтуриста» радовался, что не уступил, заставил увеличить салон, чтобы можно было взять больше пассажиров. А сколько пришлось воевать, чтобы вообще получить новую «Селену»! «Пуганая ворона куста боится», — твердил главный администратор и уступил лишь после того, как патер Ферраро и Геофизическое управление убедили его, что в ближайший миллион лет можно не опасаться каверз Моря.

— Так держать,— сказал Пат второму пилоту, вставая с места.— Пойду побеседую с пассажирами.

Он был еще достаточно молод и тщеславен, ему льстили восхищенные взгляды пассажиров. Не было на борту человека, который не читал бы про капитана Пата Харриса или не видел его по телевизору. Уже то, что они здесь сидят,— знак полного доверия к нему. Конечно, это не только его заслуга, Пат отлично понимал это, но он без ложной скромности оценивал свое поведение во время катастрофы. Маленькая золотая модель погибшего пылехода — свадебный подарок мистеру и миссис Харрис «От всех участников последнего плавания, с искренним восхищением» — была для него самой дорогой наградой.

Пат Харрис шел к корме, обмениваясь приветствиями с пассажирами. Вдруг он остановился как вкопанный.

— Хелло, капитан,— произнес знакомый голос.— Вы, кажется, удивлены?

Пат мигом взял себя в руки и изобразил ослепительнейшую официальную улыбку.

— О мисс Морли, какая приятная неожиданность! Я и не подозревал, что вы на Луне.

— Для меня это тоже сюрприз. А все благодаря очерку, который я написала про «Селену-1». Редакция «Межпланетной Жизни» поручила мне рассказать о первом рейсе нового пылехода.

— Надеюсь,— сказал Пат,— он пройдет без таких приключений, как в прошлый раз! Скажите, вы встречаетесь с кем-нибудь из остальных? Недавно я получил письмо от доктора Мекензи, Шастеры тоже пишут, но о Редли я ничего не знаю. Что случилось с беднягой после того, как Хардинг забрал его?

— Ничего. Если не считать, что его уволили. Подавать на него в суд? Так ведь все будут сочувствовать Редли, и еще кто-нибудь вздумает последовать его примеру! Говорят, он теперь зарабатывает на жизнь, читая своим единоверцам лекции на тему «Что я обнаружил на Луне». И знаете, капитан Харрис, я берусь предсказать...

— Что?

— Он еще вернется на Луну.

— Хоть бы поскорей! Я так и не понял, что именно он собирался найти в Море Кризисов.

Они рассмеялись, потом мисс Морли сказала:

— Я слышала, вы уходите с этой работы.

Пат заметно смутился.

— Это верно,— подтвердил он.— Перехожу на космические линии. Если выдержу все испытания.

Пат был далеко не уверен в этом, но не мог отказаться от попытки. Водить лунобус — работа интересная, приятная, спору нет. А дальше? Правильно говорят Сью и коммодор: это тупик.

Была у него и другая причина. Пат Харрис частенько задумывался над тем, сколько судеб переменялось, когда Море Жажды зевнуло под звездным небом. Пережитое на «Селене-1» отразилось на каждом, и почти все они изменились к лучшему. За примером ходить недалеко: вот как мирно разговаривают он и мисс Морли...

События тех дней не прошли бесследно и для участников спасательной операции, особенно для доктора Лоусона и главного инженера Лоуренса.

Пат не раз видел вспыльчивого астронома на экране телевизора в передачах на научные темы; но и чувство благодарности не помогало — Лоусон по-прежнему не нравился ему. Зато он, судя по всему, нравится миллионам зрителей.

Что же до Лоуренса, то он не покладая рук писал книгу (условное название — «Человек о Луне») — и проклинал день, когда подписал договор с издательством. Пат помогал ему с главами, посвященными «Селене»; Сью взялась, пока не родился ребенок, вычитать рукопись.

— Извините,— сказал Пат Харрис, вспомнив о своих обязанностях капитана,— я должен уделить внимание и другим пассажирам. Будете в Клавии, загляните к нам.

— Непременно загляну,— обещала мисс Морли, слегка озадаченная, но явно довольная приглашением.

Пат пошел дальше, отвечая на приветствия и вопросы. Вот и отсек перепада. Он вошел, затворил за собой дверь и очутился в одиночестве.

Что говорить, здесь просторнее, чем в маленькой переходной камере «Селены-1»! Но в общем все такое же, и не удивительно, что нахлынули воспоминания... Вот скафандр — уж не тот ли самый, который снабжал кислородом его и Мекензи, пока остальные спали?... И разве не к этой переборке он прижимал ухо, слушая шорох

восходящего пылевого потока? И ведь именно в камере перепада он и Сью впервые по-настоящему узнали друг друга...

Но вот новинка: окошко в наружной двери. Пат прижал лицо к стеклу и устремил взгляд вдаль над летящей мимо гладью Моря Жажды.

Сейчас эта сторона пылехода была теневой, окошко смотрело в черную космическую ночь, и как только глаза привыкли к мраку, он увидел звезды. Лишь самые крупные, разумеется, так как остальные мешал различить рассеянный свет. Вот Юпитер — после Венеры самая яркая из планет.

Скоро он будет там, вдали от родного мира... Эта мысль и возбуждала, и пугала, и все-таки Пат знал, что не усидит на месте.

Он любит Луну, но она пыталась убить его, и ему всегда будет не по себе среди ее голых равнин. Конечно, большой космос еще грознее и беспощаднее, однако с ним Пату пока не приходилось воевать. А отношения с родной Луной в лучшем случае будут походить на вооруженный нейтралитет.

Дверь в кабину отворилась, вошла стюардесса, неся поднос с пустыми чашками. Пат отвернулся от окна и звезд. Когда он увидит их в следующий раз, они будут неизмеримо ярче.

Капитан улыбнулся девушке в опрятной форме.

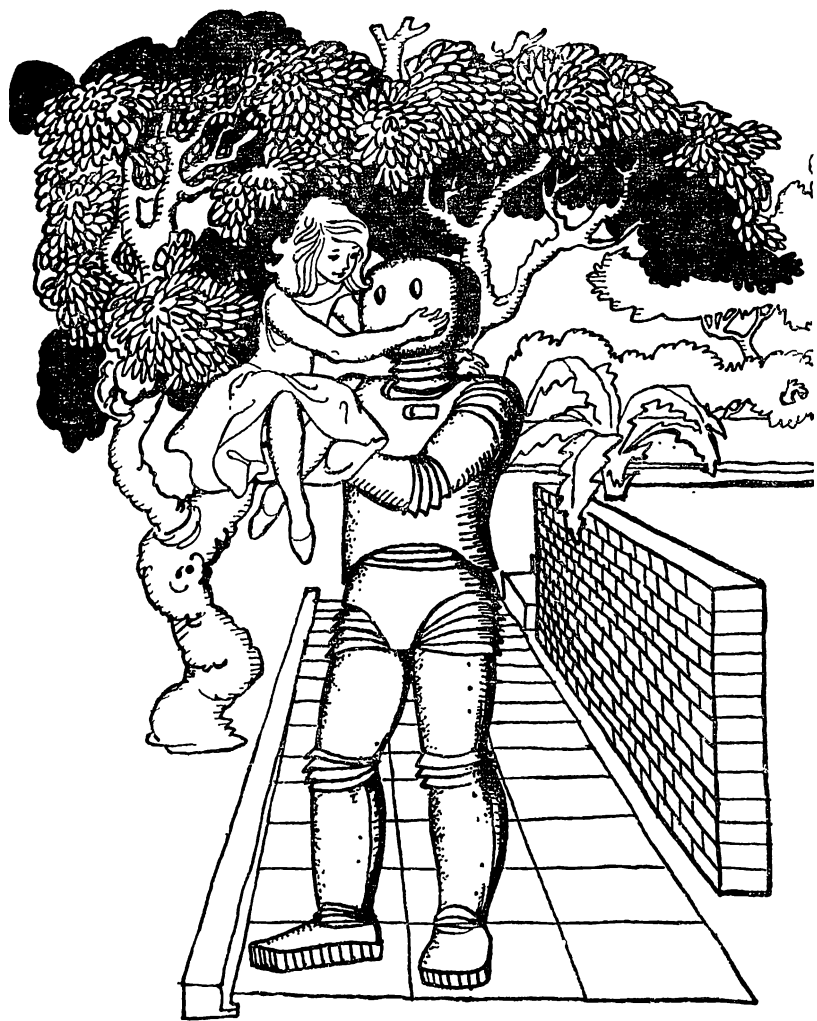
— Это все ваше, мисс Джонсон.— Он обвел рукой тесный камбуз.— Будьте хорошей хозяйкой.

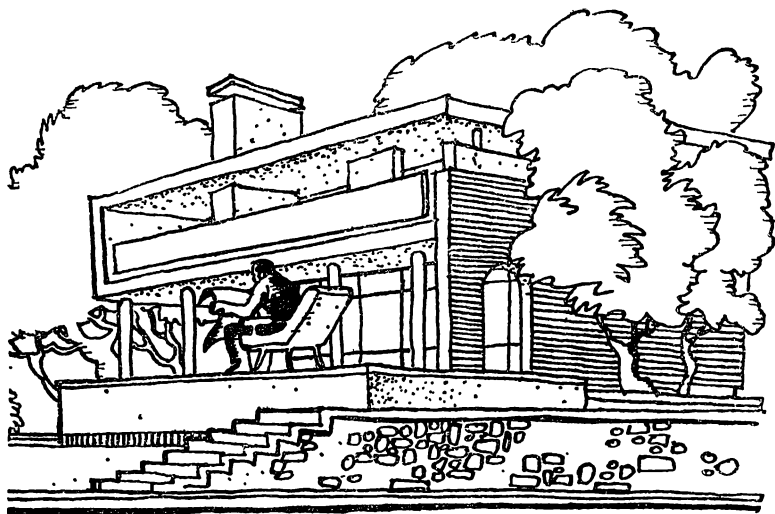
Затем он вернулся на нос, к пульту управления и повел «Селену-2» в первый рейс, в свое последнее плавание по Моря Жажды.

А. Азимов

Я, РОБОТ

РАССКАЗЫ





Я просмотрел свои заметки, и они мне не понравились. Те три дня, которые я провел на предприятиях фирмы «Ю. С. Роботс», я мог бы с таким же успехом просидеть дома, изучая энциклопедию.

Как мне сказали, Сьюзен Кэлвин родилась в 1982 году. Значит, теперь ей семьдесят пять. Это известно каждому. Фирме «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн» тоже семьдесят пять лет. Именно в тот год, когда родилась доктор Кэлвин, Лоуренс Робертсон основал предприятие, которое со временем стало самым необыкновенным промышленным гигантом в истории человечества. Но и это тоже известно каждому.

В двадцать лет Сьюзен Кэлвин присутствовала на том самом занятии семинара по психоматематике, когда доктор Альфред Лэннинг из «Ю. С. Роботс» продемонстрировал первого подвижного робота, обладавшего голосом. Этот большой, неуклюжий, уродливый робот, от которого разило машинным маслом, был предназначен для использования в проектировавшихся рудниках на Меркурии. Но он умел говорить, и говорить разумно.

На этом семинаре Сьюзен не выступала. Она не приняла участия и в последовавших за ним бурных дискуссиях. Мир не нравился этой малообщительной, бесцвет-

ной и неинтересной девушке с каменным выражением лица и гипертрофированным интеллектом, и она сторонилась людей.

Но слушая и наблюдая, она уже тогда почувствовала, как в ней холодным пламенем загорается увлечение.

В 2005 году она окончила Колумбийский университет и поступила в аспирантуру по кибернетике.

Изобретенные Робертсоном позитронные мозговые связи превзошли все достигнутое в середине XX века в области вычислительных машин и совершили настоящий переворот. Целые мили реле и фотоэлементов уступили место пористому платино-иридиевому шару размером с человеческий мозг.

Сьюзен научилась рассчитывать необходимые параметры, определять возможные значения переменных позитронного «мозга» и разрабатывать такие схемы, чтобы можно было точно предсказать его реакцию на данные раздражители.

В 2008 году она получила степень доктора и поступила на «Ю. С. Роботс» в качестве робопсихолога, став, таким образом, первым выдающимся специалистом в этой новой области науки. Лоуренс Робертсон тогда все еще был президентом компании, Альфред Лэннинг — научным руководителем.

За пятьдесят лет на глазах Сьюзен Кэлвин прогресс человечества изменил свое русло и рванулся вперед.

Теперь она уходила в отставку,— насколько это вообще было для нее возможно. Во всяком случае, она позволила повесить на двери своего старого кабинета табличку с чужим именем.

Вот, собственно, и все, что было у меня записано. Были еще длинные списки ее печатных работ, принадлежащих ей патентов, точная хронология ее продвижения по службе,— короче, я знал до мельчайших деталей всю ее официальную биографию.

Но мне было нужно другое. Серия очерков для «Интерплэнетери Пресс» требовала большего. Гораздо большего.

Я так ей и сказал.

— Доктор Кэлвин,— сказал я,— для публики вы и «Ю. С. Роботс» — одно и то же. Ваша отставка будет концом целой эпохи...

— Вам нужны живые детали?

Она не улыбнулась. По-моему, она вообще никогда не улыбается. Но ее острый взгляд не был сердитым. Я почувствовал, как он пронизал меня до самого затылка, и понял, что она видит меня насквозь. Она всех видела насквозь. Тем не менее я сказал:

— Совершенно верно.

— Живые детали о роботах? Получается противоречие.

— Нет, доктор. О вас.

— Ну, меня тоже называют роботом. Вам, наверное, уже сказали, что во мне нет ничего человеческого.

Мне это действительно говорили, но я решил промолчать.

Она встала со стула. Она была небольшого роста и выглядела хрупкой.

Вместе с ней я подошел к окну.

Конторы и цехи «Ю. С. Роботс» были похожи на целый маленький, правильно распланированный городок. Он раскинулся перед нами, плоский, как аэрофотография.

— Когда я начала здесь работать,— сказала она,— у меня была маленькая комнатка в здании, которое стояло где-то вон там, где сейчас котельная. Это здание снесли, когда вас не было на свете. В комнате сидели еще три человека. На мою долю приходилось полстола. Все наши роботы производились в одном корпусе. Три штуки в неделю. А посмотрите сейчас!

— Пятьдесят лет — долгий срок. — Я не придумал ничего лучше этой избитой фразы.

— Ничуть, если это ваше прошлое, — возразила она. — Я думаю, как это они так быстро пролетели.

Она снова села за стол. Хотя выражение ее лица не изменилось, но ей, по-моему, стало грустно.

— Сколько вам лет? — поинтересовалась она.

— Тридцать два, — ответил я.

— Тогда вы не помните, каким был мир без роботов. Было время, когда перед лицом Вселенной человек был одинок и не имел друзей. Теперь у него есть помощники, существа более сильные, более надежные, более эффективные, чем он, и абсолютно ему преданные. Человечество больше не одиноко. Вам это не приходило в голову?

— Боюсь, что нет. Можно будет процитировать ваши слова?

— Можно. Для вас робот — это робот. Механизмы и металл, электричество и позитроны... Разум, воплощенный в железе! Создаваемый человеком, а если нужно, и уничтожаемый человеком... Но вы не работали с ними, и вы их не знаете. Они чище и лучше нас.

Я попробовал осторожно подзадобрить ее:

— Мы были бы рады услышать кое-что из того, что вы знаете о роботах, что вы о них думаете. «Интерпланетери Пресс» обслуживает всю Солнечную систему. Миллиарды потенциальных слушателей, доктор Кэлвин! Они должны услышать ваш рассказ.

Но подзадобривать ее не приходилось. Не слушая меня, она продолжала:

— Все это можно было предвидеть с самого начала. Тогда мы продавали роботов для использования на Земле — это было еще даже до меня. Конечно, роботы тогда еще не умели говорить. Потом они стали больше похожи на человека, и начались протесты. Профсоюзы не хотели, чтобы роботы конкурировали с человеком; религиозные организации возражали из-за своих предрассудков. Все это было смешно и вовсе бесполезно. Но это было.

Я записывал все подряд на свой карманный магнитофон, стараясь незаметно шевелить пальцами. Если немного попрактиковаться, то можно управлять магнитофоном, не вынимая его из кармана.

— Возьмите историю с Робби. Я не знала его. Он был пущен на слом как безнадежно устаревший за год до того, как я поступила на работу. Но я видела девочку в музее...

Она умолкла. Ее глаза затуманились. Я тоже молчал, не мешая ей углубиться в прошлое. Это прошлое было таким далеким!

— Я услышала эту историю позже. И когда нас называли создателями демонов и святотатцами, я всегда вспоминала о нем. Робби был немой робот. Его выпустили в 1996 году, еще до того, как роботы стали крайне специализированными, и он был продан для работы в качестве няньки.

— Кого?

— Няньки...

РОББИ

— Девяносто восемь... девяносто девять... сто!

Глория отвела пухлую ручку, которой она закрывала глаза, и несколько секунд стояла, сморщив нос и моргая от солнечного света. Пытаясь смотреть сразу во все стороны, она осторожно отошла на несколько шагов от дерева.

Вытянув шею, она вглядывалась в заросли кустов справа от нее, потом отошла от дерева еще на несколько шагов, стараясь заглянуть в самую глубину зарослей.

Глубокую тишину нарушало только непрерывное жужжание насекомых и время от времени чириканье какой-то неутомимой птицы, не боявшейся полуденной жары.

Глория надулась.

— Ну конечно, он в доме, а я ему миллион раз говорила, что это печально.

Плотно сжав губки и сердито нахмурившись, она решительно зашагала к двухэтажному домику, стоявшему по другую сторону аллеи.

Когда Глория услышала сзади шорох, за которым последовал размеренный топот металлических ног, было уже поздно. Обернувшись, она увидела, что Робби покинул свое убежище и полным ходом несется к дереву.

Глория в отчаянии закричала.

— Постой, Робби! Это нечестно! Ты обещал не бежать, пока я тебя не найду!

Ее ножки, конечно, не могли угнаться за гигантскими шагами Робби. Но в трех метрах от дерева Робби вдруг резко сбавил скорость. Сделав последнее отчаянное усилие, запыхавшаяся Глория пронеслась мимо него и первая дотронулась до заветного ствола.

Она радостно повернулась к верному Робби и, платя черной неблагодарностью за принесенную жертву, принялась жестоко насмехаться над его неумением бегать.

— Робби не может бегать! — кричала она во всю силу своего восьмилетнего голоса. — Я всегда его обгоню! Я всегда его обгоню!

Она с упоением распевала эти слова.

Робби, конечно, не отвечал. Вместо этого он сделал вид, что убегает, и Глория ринулась вслед за ним. Пытаясь, он ловко увертывался от девочки, так что она, бросаясь в разные стороны, тщетно размахивала руками, хватала пустоту и, задыхаясь от хохота, кричала:

— Робби! Стой!

Тогда он неожиданно повернулся, поймал ее, поднял на воздух и завертел вокруг себя. Ей показалось, что весь мир на мгновение провалился вниз, в голубую пустоту под погами, к которой тянулись зеленые верхушки деревьев. Потом Глория снова оказалась на траве. Она прижалась к Робби, крепко держась за твердый металлический палец.

Через некоторое время Глория отдышалась. Она сделала напрасную попытку поправить свои растрепавшиеся волосы, бессознательно подражая движениям матери, и изогнулась назад, чтобы посмотреть, не порвалось ли ее платье. Потом она шлепнула рукой по туловищу Робби.

— Нехороший! Я тебя нашлепаю!

Робби съехался, закрыв лицо руками, так что ей пришлось добавить:

— Ну, не бойся, Робби, не нашлепаю. Но теперь моя очередь прятаться, потому что у тебя ноги длиннее и ты обещал не бежать, пока я тебя не найду.

Робби кивнул головой — небольшим параллелепипедом с закругленными углами. Голова была укреплена на

туловище — подобной же формы, но гораздо большем — при помощи короткого гибкого сочленения. Робби послушно повернулся к дереву. Тонкая металлическая пластинка опустилась на его горящие глаза, и изнутри туловища раздалось ровное гулкое тиканье.

— Смотри не подглядывай и не пропускай счета! — предупредила Глория и бросилась прятаться.

Секунды отсчитывались с неизменной правильностью. На сотом ударе веки Робби поднялись, и вновь загоревшиеся красным светом глаза оглядели поляну. На мгновение они остановились на кусочке яркого ситца, торчавшем из-за камня. Робби подошел поближе и убедился, что за камнем действительно притаилась Глория. Тогда он стал медленно приближаться к ее убежищу, все время оставаясь между Глорией и деревом. Наконец, когда Глория была совсем на виду и не могла даже притворяться, что ее не видно, Робби протянул к ней одну руку, а другой со звоном ударил себя по ноге. Глория, надувшись, вышла.

— Ты подглядывал! — явно несправедливо воскликнула она. — И потом, мне надоело играть в прятки. Я хочу кататься.

Но Робби был оскорблен незаслуженным обвинением. Он осторожно уселся на землю и покачал тяжелой головой. Глория немедленно изменила тон и перешла к нежным уговорам:

— Ну, Робби! Я просто так сказала, что ты подглядывал! Ну, покатай меня!

Но Робби не так просто было уговорить. Он упрямо уставился в небо и еще более выразительно покачал головой.

— Ну, пожалуйста, Робби, пожалуйста, покатай меня!

Она крепко обняла его за шею розовыми ручками. Потом ее настроение внезапно переменилось, и она отошла в сторону.

— А то я заплачу!

Ее лицо заранее устрашающе перекосилось.

Но жестокосердный Робби не обратил никакого внимания на эту ужасную угрозу. Он в третий раз покачал головой. Глория решила, что нужно пустить в действие главный козырь.

— Если ты меня не покатаешь,— воскликнула она,— я больше не буду тебе рассказывать сказок, вот и все. Никогда!

Этот ультиматум заставил Робби сдаться немедленно и безоговорочно. Он закивал головой так энергично, что его металлическая шея загудела. Потом он осторожно поднял девочку на свои широкие плоские плечи.

Слезы, которыми грозила Глория, немедленно испарились, и она даже вскрикнула от восторга. Металлическая «кожа» Робби, в которой нагревательные элементы поддерживали постоянную температуру в 21 градус, была приятной на ощупь, а барабаны пятками по его груди, можно было извлечь восхитительно громкие звуки.

— Ты самолет, Робби. Ты большой, серебристый самолет. Только вытяни руки, раз уж ты самолет.

Логика была безупречной. Руки Робби стали крыльями, а сам он — серебристым самолетом. Глория резко повернула его голову и наклонилась вправо. Он сделал крутой вираж. Глория уже снабдила самолет мотором: «Б-р-р-р-р», а потом и пушками: «Пу! Пу-пу-пу!» За ними гнались пираты, и орудия косили их, как траву.

— Готов еще один... Еще двое!..— кричала она.

Потом Глория важно произнесла:

— Скорее, ребята! У нас кончаются боеприпасы!

Она неустрашимо целилась через плечо. И Робби превратился в тупопосый космический корабль, с предельным ускорением прорезающий пустоту.

Он несся через поляну к зарослям высокой травы на другой стороне. Там он остановился так внезапно, что раскрасневшаяся наездница вскрикнула, и вывалил ее на мягкий зеленый травяной ковер.

Глория, задыхаясь, восторженно шептала:

— Ой, как здорово!..

Робби дал ей отдышаться и осторожно потянул за торчавшую прядь волос.

— Ты чего-то хочешь? — спросила Глория, широко раскрыв глаза в наигранном недоумении. Ее безыскусная хитрость ничуть не обманула огромную «няньку». Робби снова потянул за ту же прядь, чуть посильнее.

— А, знаю. Ты хочешь сказку.

Робби быстро закивал головой.

— Какую?

Робби описал пальцем в воздухе полукруг.

Девочка запротестовала:

— Опять? Я же тебе про Золушку миллион раз рассказывала. Как она тебе не надоела? Это же сказка для маленьких!

Железный палец снова описал полукруг.

— Ну ладно.

Глория уселась поудобнее, припомнила про себя все подробности сказки (вместе с прибавлениями собственного сочинения) и начала:

— Ты готов? Так вот, давным-давно жила красивая девочка, которую звали Элла. А у нее была ужасно жестокая мачеха и две очень некрасивые и очень-очень жестокие сестры...

Глория дошла до самого интересного места — уже было полночь и все снова превращалось в кучу мусора, а Робби напряженно, с горящими глазами слушал, когда их прервали.

— Глория!

Это был раздраженный голос женщины, которая звала не в первый раз и у которой нетерпение, судя по интонациям, начало сменяться тревогой.

— Мама зовет,— сказала Глория не очень радостно.— Лучше отнеси меня домой, Робби.

Робби с готовностью повиновался. Что-то подсказывало ему, что миссис Вестон лучше подчиняться без малейшего промедления. Отец Глории редко бывал дома днем, если не считать воскресений (а это было как раз воскресенье), и когда он появлялся, то оказывался добродушным и сочувствующим человеком. Но мать Глории была для Робби источником беспокойства, и он всегда испытывал смутное побуждение улизнуть от нее куда-нибудь подальше.

Миссис Вестон увидела их, как только они поднялись из травы, и вернулась в дом, чтобы там их встретить.

— Я кричала до хрипоты, Глория,— строго сказала она.— Где ты была?

— Я была с Робби,— дрожащим голосом отвечала Глория.— Я рассказывала ему про Золушку и забыла про обед.

— Ну жаль, что Робби тоже забыл про обед.— И, словно вспомнив о присутствии робота, она обернулась к нему.— Можешь идти, Робби. Ты ей сейчас не нужен. И не приходи, пока не позову,— грубо прибавила она.

Робби повернулся к двери, но заколебался, услышав, что Глория встала на его защиту:

— погоди, мама, нужно, чтобы он остался! Я еще не кончила про Золушку. Я ему обещала рассказать про Золушку и не успела.

— Глория!

— Честное-пречестное слово, мама, он будет сидеть тихо-тихо, так что его и слышно не будет. Он может сидеть на стуле в уголке и молчать... то есть ничего не делать. Правда, Робби?

В ответ Робби закивал своей массивной головой.

— Глория, если ты сейчас же не прекратишь, ты не увидишь Робби целую неделю!

Девочка понурила голову.

— Ну ладно. Но ведь «Золушка» — его любимая сказка, а я ее не успела рассказать. Он так ее любит...

Опечаленный робот вышел, а Глория проглотила слезы.

Джордж Вестон чувствовал себя прекрасно. У него было такое обыкновение — по воскресеньям после обеда чувствовать себя прекрасно. Вкусная, обильная домашняя еда; удобный, мягкий старый диван, на котором так приятно развалиться; свежий номер «Таймса»; домашние туфли на ногах и пижама вместо крахмальной рубашки — ну как тут не почувствовать себя прекрасно!

Поэтому он был недоволен, когда вошла его жена. После десяти лет совместной жизни он еще имел глупость ее любить и, конечно же, всегда ей радовался, но послеобеденный воскресный отдых был для него священным, и его представление о подлинном комфорте требовало двух-трех часов полного одиночества. Поэтому он устремил свой взгляд на последние сообщения об экспедиции Лефевра — Йошиды на Марс (на этот раз они стартовали с лунной станции и вполне могли долететь) и сделал вид, что не заметил ее.

Миссис Вестон терпеливо подождала две минуты, потом нетерпеливо еще две и, наконец, не выдержала:

— Джордж!

— Угу...

— Джордж, послушай! Может быть, ты отложишь эту газету и поглядишь на меня?

Газета, шелестя, упала на пол, и Вестон обратил к жене измученное лицо:

— В чем дело, дорогая?

— Ты знаешь, Джордж. Дело в Глории и в этой ужасной машине...

— Какой ужасной машине?

— Пожалуйста, не прикидывайся, будто не понимаешь, о чем я говорю. Речь идет о роботе, которого Глория зовет Робби. Он не оставляет ее ни на минуту.

— Ну, а почему он должен ее оставлять? Он для этого и существует. И во всяком случае он — никакая не ужасная машина. Это лучший робот, какой только можно было достать за деньги. А я чертовски хорошо помню, что он обошелся мне в полугодовой заработок. И он стоит этого — он куда умнее половины моих служащих.

Он потянулся к газете, но жена оказалась проворнее и выхватила ее.

— Слушай меня, Джордж! Я не хочу доверять своего ребенка машине, и мне все равно, умная она или нет. У нее нет души, и никто не знает, что у нее на уме. Нельзя, чтобы за детьми смотрели всякие металлические штуки!

Вестон нахмурился.

— Когда это ты так решила? Он с Глорией уже два года, а до сих пор я что-то не видел, чтобы ты беспокоилась.

— Сначала все было по-другому. Как-никак новинка, и у меня стало меньше забот, и потом, это было так шикарно... А сейчас я не знаю. Все соседи...

— Ну при чем тут соседи? Послушай! Роботу можно бесконечно больше доверять, чем няньке. Ведь Робби был построен только с одной целью — ухаживать за маленьким ребенком. Все его «мышление» рассчитано специально на это. Он просто не может не быть верным, любящим, добрым. Он просто устроен так. Не о каждом человеке это можно сказать.

— Но что-нибудь может испортиться. Какой-нибудь там...— Миссис Вестон запнулась: она имела довольно смутное представление о внутренностях роботов.— Ну, какая-нибудь мелочь сломается, и эта ужасная штука начнет буйствовать, и...

У нее не хватило сил закончить мысль.

— Чепуха,— возразил Вестон, невольно содрогнувшись.— Это просто смешно. Когда мы покупали Робби, мы долго говорили о Первом Законе роботехники. Ты же знаешь, что робот не может причинить вред человеку. При малейшем намеке на то, что может быть нарушен Первый Закон, робот сразу выйдет из строя. Иначе и быть не может, тут математический расчет. И потом, у нас дважды в год бывает механик из «Ю. С. Роботс» — он же проверяет весь механизм. С Робби ничего не может случиться. Скорее уж спящим мы с тобой. А потом, как ты собираешься отнять его у Глории?

Он потянулся к газете, но тщетно: жена швырнула ее через раскрытую дверь в соседнюю комнату.

— В этом-то все и дело, Джордж! Она не хочет больше ни с кем играть! Кругом десятки мальчиков и девочек, с которыми ей следовало бы дружить, но она не хочет. Она не желает даже подходить к ним, пока я ее не заставлю. Девочка не должна так воспитываться. Ты ведь хочешь, чтобы она выросла нормальной? Ты хочешь, чтобы она смогла занять свое место в обществе?

— Грейс, ты воюешь с призраками. Представь себе, что Робби — это собака. Сотни детей с большим удовольствием проводят время с собакой, чем с родителями.

— Собака — совсем другое дело. Джордж, мы должны избавиться от этой ужасной вещи. Ты можешь вернуть ее компании. Я уже узнавала, это можно.

— Узнавала? Так вот, слушай, Грейс! Давай не будем решать сгоряча. Оставим робота, пока Глория не подрастет. И я больше не желаю об этом слышать.

С этими словами он в раздражении вышел.

Два дня спустя миссис Вестон встретила мужа в дверях.

— Джордж, ты должен выслушать меня. В поселке недовольны.

— Чем? — спросил Вестон. Он зашел в ванную, и оттуда послышался плеск, который мог бы заглушить любой ответ.

Миссис Вестон переждала, пока шум прекратится, и сказала:

— Недовольны Робби.

Вестон вышел, держа в руках полотенце. Его раскрасневшееся лицо было сердито.

— О чем ты говоришь?

— Это началось уже давно. Я старалась закрывать на это глаза, но больше не хочу. Почти все соседи считают, что Робби опасен. По вечерам детей даже близко не пускают к нашему дому.

— Но мы же доверяем ему своего ребенка!

— В таких делах люди не рассуждают.

— Ну и пусть идут к черту!

— Это не выход. Мне приходится встречаться с ними каждый день в магазинах. А в городе теперь с роботами еще строже. В Нью-Йорке только что приняли постановление, которое запрещает роботам появляться на улицах от захода до восхода солнца.

— Да, но они не могут запретить нам держать робота дома. Грейс, ты, я вижу, снова устраиваешь наступление. Но это бесполезно. Ответ все тот же — нет! Робби останется у нас.

Но он любил жену, и, что гораздо хуже, она это знала. В конце концов бедный Джордж Вестон был всего-навсего мужчиной. А его жена привела в действие все до единой уловки, которых с полным основанием научился опасаться, хотя и тщетно, менее хитрый и более шепетильный пол.

На протяжении следующей недели Вестон десять раз восклицал: «Робби остается — и конец!», и с каждым разом его голос становился все менее уверенным и сопровождался все более внятным стоном отчаяния.

Наконец наступил день, когда Вестон, с виноватым видом подошел к дочери и предложил пойти посмотреть «замечательный» визиток в поселке.

Глория радостно всплеснула руками:

— А Робби тоже можно пойти?

— Нет, дорогая,— ответил он, почувствовав отвращение к звуку своего собственного голоса.— Роботов в визивокс не пускают. Но ты ему все расскажешь, когда придешь домой.

Пробормотав последние слова, он отвернулся.

Глория вернулась домой, восхищенная до глубины души,— визивокс действительно был необыкновенным зрелищем.

Она еле дождалась, пока отец поставит в подземный гараж реактивный автомобиль.

— Вот теперь, пап, я все расскажу Робби. Ему бы это так понравилось! Особенно когда Фрэнсис Фрэн такти-и-ихо пятился назад — и прямо в руки человека-леопарда! И ему пришлось бежать! — Она снова засмеялась.— Пап, а на Луне вправду водятся люди-леопарды?

— Скорее всего — нет,— рассеянно ответил Вестон.— Это просто смешные выдумки.

Он уже не мог дольше возиться с автомобилем. Нужно было посмотреть фактам в лицо.

Глория побежала через поляну:

— Робби! Робби!

Она внезапно остановилась, увидев красивого щенка колли. Щенок, виляя хвостом, глядел на нее с крыльца серьезными карими глазами.

— Ой, какая чудная собака! — Глория поднялась по ступенькам, осторожно подошла к щенку и погладила его.— Это мне, папа?

К ним присоединилась мать.

— Да, тебе, Глория. Смотри, какая она хорошая — мягкая, пушистая. Она очень добрая. И она любит маленьких девочек.

— А она будет со мной играть?

— Конечно. Она может делать всякие штуки. Хочешь посмотреть?

— Хочу. И я хочу, чтобы Робби тоже на нее посмотрел! Робби! — Она растерянно замолчала.— Наверно, он сидит в комнате и дуется на меня, почему я его не взяла с собой смотреть визивокс. Папа, тебе придется ему все объяснить. Мне он может не поверить, но уж если ты ему скажешь, он будет знать, что так оно и есть.

Губы Вестона сжались. Он посмотрел в сторону жены, но не мог поймать ее взгляда.

Глория повернулась на одной ноге и побежала по ступенькам, крича:

— Робби! Иди посмотри, что мне привезли папа с мамой! Они привезли собаку!

Через минуту испуганная девочка вернулась.

— Мама, Робби нет в комнате. Где он?

Ответа не было. Джордж Вестон кашлянул и внезапно проявил живой интерес к плывущим в небе облакам. Голос Глории задрожал. Она была готова разразиться слезами.

— Где Робби, мама?

Миссис Вестон села и нежно привлекла к себе дочь.

— Не расстраивайся, Глория. По-моему, Робби ушел.

— Ушел? Куда? Куда он ушел, мама?

— Никто не знает, дорогая. Просто ушел. Мы его искали, искали, искали, но не могли найти.

— Значит, он больше не вернется? — Ее глаза округлились от ужаса.

— Может быть, мы его скоро найдем. Мы будем искать. А тем временем ты можешь играть с новой собачкой. Посмотри! Ее зовут Молнией, и она умеет...

Но глаза Глории были полны слез.

— Не хочу я эту противную собаку — я хочу Робби! Хочу, чтобы вы нашли Робби...

Ее чувства стали слишком сильными, чтобы их можно было выразить словами, и она разразилась отчаянным плачем. Миссис Вестон беспомощно взглянула на мужа, но он только мрачно переступил с ноги на ногу, не сводя пристального взгляда с неба. Тогда она сама принялась утешать дочь.

— Ну что ты плачешь, Глория? Робби — это всего-навсего машина, старая скверная машина. Он не живой.

— Ничего он никакая не машина! — яростно завопила Глория, забыв даже о правилах грамматики. — Он такой же человек, как вы и я, и он мой друг. Хочу, чтобы он вернулся! Мама, хочу, чтобы он вернулся!

Мать вздохнула, признав свою неудачу, и оставила Глорию горевать в одиночестве.

— Пусть выплачется, — сказала она мужу. — Детское горе недолговечно. Через несколько дней она забудет о существовании этого ужасного робота.

...Но время показало, что это утверждение миссис Вестон было чересчур оптимистично. Конечно, Глория перестала плакать, но она перестала и улыбаться. С каждым днем она становилась все более молчаливой и мрачной. Постепенно ее несчастный вид сломил миссис Вестон. Сдаться ей не позволяла только невозможность признать перед мужем свое поражение.

Однажды вечером она, кипя яростью, ворвалась в гостиную и села, скрестив руки на груди. Ее муж, вытянув шею, взглянул на нее поверх газеты.

— Что там еще, Грейс?

— Мне пришлось сегодня отдать собаку. Глория сказала, что терпеть ее не может. Я сойду с ума.

Вестон опустил газету, и в его глазах зажегся огонек надежды.

— Может быть... Может быть, нам снова взять Робби? Знаешь, это вполне возможно. Я свяжусь...

— Нет! — сурово ответила она. — Я не хочу об этом слышать. Мы так легко не сдадимся. Мой ребенок не будет воспитан роботом, даже если понадобятся годы, чтобы отучить ее от Робби.

Вестон разочарованно поднял газету.

— Еще год — и я поседею раньше времени.

— Немного же от тебя помощи, Джордж, — последовал холодный ответ. — Глории нужно переменить обстановку. Конечно, здесь она не может забыть Робби. Здесь о нем напоминают каждое дерево, каждый камень. Вообще мы в самом глупейшем положении, о каком только я слыхала. Представь себе — ребенок чахнет из-за разлуки с роботом!

— Ну, ближе к делу. Какую же перемену обстановки ты придумала?

— Мы возьмем ее в Нью-Йорк.

— В город! В августе! Послушай, ты знаешь, что такое Нью-Йорк в августе? Там невозможно жить!

— Но там живут миллионы людей.

— Только потому, что им некуда уехать. Иначе они бы не остались.

— Так вот, теперь и нам придется там пожить. Мы переезжаем немедленно, как только соберем вещи. В городе Глория найдет достаточно развлечений и достаточно друзей. Это встряхнет ее и заставит забыть о роботе.

— О господи,— простонал супруг,— эти раскаленные улицы!..

— Мы должны это сделать,— непреклонно ответила жена.— Глория похудела за этот месяц на пять фунтов. Здоровье моей девочки для меня важнее, чем твои удобства.

«Жаль, что ты не подумала о здоровье своей девочки, прежде чем лишить ее любимого робота»,— пробормотал он... про себя.

Едва Глория узнала о предстоящем переезде в город, у нее немедленно появились признаки улучшения. Она говорила об этом событии мало, но всегда с радостным ожиданием. Она снова начала улыбаться, и к ней вернулся почти прежний аппетит.

Миссис Вестон была вне себя от радости. Она не упускала ни одной возможности торжествовать победу над своим все еще скептически настроенным супругом.

— Видишь, Джордж, она помогает укладываться, как ангелочек, и щебечет, будто у нее не осталось никаких забот. Я же говорила — нужно заинтересовать ее чем-то другим.

— Гм,— последовал скептический ответ.— Надеюсь.

Сборы закончились быстро. Городская квартира была готова к их приезду, были наняты двое местных жителей, чтобы присматривать за домом в их отсутствие. Когда наконец наступил день переезда, Глория выглядела совсем как прежде, и ни разу упоминание о Робби не слетело с ее губ. Все в прекрасном настроении погрузились в воздушное такси, которое доставило их в аэропорт. Вестон предпочел бы лететь на собственном вертолете, но он был двухместный и без багажного отделения. Они сели в самолет.

— Иди сюда, Глория,— позвала миссис Вестон.— Я заняла место у окна, чтобы тебе все было видно.

Глория радостно уселась к окну, прилипла к толстому стеклу носом, расплющив его в белый кружок, и смотрела как зачарованная на открывавшуюся картину. Пслышался рев моторов. Глория была еще слишком мала, чтобы испугаться, когда земля провалилась далеко вниз, как будто сквозь люк, а она сама стала вдвое тяжелее,

чем обычно. Но она была уже достаточно большой, чтобы все это вызвало у нее всепоглощающий интерес. Лишь когда земля стала похожа на маленькое лоскутное одеяло, она оторвалась от окна и повернулась к матери.

— Мама, мы скоро будем в городе? — спросила она, растирая замерзший носик и с любопытством следя за тем, как пятнышко пара, оставшееся на стекле от ее дыхания, медленно уменьшалось и понемногу совсем исчезло.

— Через полчаса, дорогая, — ответила мать и спросила с оттенком тревоги в голосе: — Ты рада, что мы едем? Тебе очень понравится в городе — все эти огромные дома, и люди, и всякие интересные вещи... Мы будем каждый день ходить в визитовкс, и в цирк, и на пляж...

— Да, мама, — ответила Глория без особого воодушевления.

В этот момент самолет пролетал над облаком, и Глория была поглощена необычным зрелищем простиравшихся внизу клубов застывшего пара. Потом небо вокруг снова стало чистым, и она повернулась к матери с таинственным видом человека, знающего какой-то секрет.

— А я знаю, зачем мы едем в город!

— Да? — Миссис Вестон была озадачена. — Зачем же?

— Вы мне не говорили, потому что хотели, чтобы это был сюрприз, а я все равно знаю. — Она остановилась, восхищенная собственной проницательностью, а потом весело рассмеялась. — Мы едем в Нью-Йорк, чтобы найти Робби, правда? С сыщиками!

Это заявление застало Джорджа Вестона как раз в тот момент, когда он пил воду. Результат был катастрофическим. Послышалось полузадушенное восклицание, за ним последовал целый фонтан воды и приступ судорожного кашля. Когда все кончилось, Джордж Вестон, раскрасневшийся и мокрый, пришел в крайнее раздражение.

Миссис Вестон сохранила самообладание, но когда Глория повторила свой вопрос уже более озабоченным голосом, и ее нервы не выдержали.

— Может быть, — ответила она резко. — Неужели ты не можешь посидеть спокойно и немного помолчать?

...Нью-Йорк всегда был обетованной землей для туристов и всех, кто хотел развлечься, а в 1998 году — больше, чем когда бы то ни было. Родители Глории знали это и использовали, как только могли.

По приказанию жены Джордж Вестон оставил свои дела на целый месяц, чтобы провести это время, как он выражался, «развлекая Глорию до последней крайности». Как и все, что делал Вестон, это было выполнено эффективно, по-деловому и исчерпывающе. Месяц еще не прошел, как было сделано все, что находилось в человеческих возможностях.

Глория побывала на верхушке Рузвельт-Билдинг и с высоты в полмили с трепетом смотрела на зубчатую панораму крыш, уходивших вдаль, до самых полей Лонг-Айленда и равнин Нью-Джерси. Они посещали зоопарки, где Глория, замирая от страха и блаженства, разглядывала «настоящего живого льва» (она была немного разочарована, увидев, что его кормят сырыми бифштексами, а не людьми, как она ожидала) и настоятельно требовала, чтобы ей показали кита.

Свои очарования предоставили к их услугам разнообразные музеи, парки, пляжи и аквариумы.

Глория плавала вверх по Гудзону на пароходе, отделанном под стиль веселых 20-х годов. Она летала на экскурсию в стратосферу, где небо окрашивалось в пурпурно-фиолетовый цвет, на нем загорались звезды, а туманная Земля далеко внизу становилась похожа на огромную вогнутую чашу. Она погружалась на подводном корабле со стеклянными стенами в глубины пролива Лонг-Айленд, в зеленый, зыбкий мир, где причудливые морские существа разглядывали ее сквозь стекло и неожиданно, извиваясь, уплывали. Новая сказочная страна, пусть и более прозаическая, открывалась перед ней в магазинах, куда ее водила миссис Вестон.

В общем, когда месяц прошел, Вестоны были убеждены, что они сделали все возможное, чтобы заставить Глорию раз и навсегда забыть о покинувшем ее Робби. Но они не были уверены, что им это удалось.

Где бы Глория ни бывала, она проявляла самый живой интерес ко всем роботам, случавшимся поблизости. Каким бы захватывающим ни было зрелище, развертывавшееся перед ней, каким бы оно ни было новым и не-

виданным,— она немедленно забывала о нем, как только замечала хоть уголком глаза какой-нибудь движущийся металлический механизм. Поэтому, гуляя с Глорией, миссис Вестон старательно обходила стороной всех роботов.

Развязка наступила наконец в Музее науки и промышленности. Там для детей была устроена специальная выставка, на которой демонстрировались всевозможные ухищрения и чудеса науки, приспособленные к детскому разумению. Конечно, Вестоны включили эту выставку в свою обязательную программу.

И в тот момент, когда Вестоны стояли, полностью поглощенные созерцанием мощного электромагнита, миссис Вестон внезапно обнаружила, что Глории с ними нет. Первый приступ паники сменился спокойной решимостью, и Вестоны с помощью трех сотрудников музея приступили к тщательным поискам.

Между тем Глория была далека от того, чтобы бесцельно бродить по музею. Для своего возраста она была необыкновенно решительной и целеустремленной девочкой, в этом она определенно пошла в мать. Она заметила на третьем этаже огромную надпись: «К ГОВОРЯЩЕМУ РОБОТУ». Прочитав ее по складам и заметив, что родители не проявляют желания идти в нужном направлении, она приняла самое простое решение. Выждав подходящий момент, когда родители отвлеклись, она спокойно покинула их и пошла туда, куда звала надпись.

Говорящий Робот представлял собой нечто необыкновенное. Это было совершенно непрактичное устройство, имевшее чисто рекламную ценность. Каждый час к нему пускали группу людей в сопровождении экскурсоводов. Дежурному инженеру осторожным шепотом задавали вопросы. Те из них, которые инженер считал подходящими для Робота, передавались ему.

Все это было довольно скучно. Конечно, хорошо знать, что 14 в квадрате равно 196, что температура в данный момент 22,2°, а давление воздуха — 762,508 мм ртутного столба и что атомный вес натрия 23. Но для этого нет необходимости в роботе. Особенно в такой громоздкой, совершенно непортативной массе проводов и катушек, занимавшей больше двадцати пяти квадратных метров.

Редко кто возвращался к Роботу во второй раз. Лишь одна девушка лет пятнадцати тихо сидела на скамейке, ожидая третьего сеанса, когда в комнату вошла Глория.

Глория даже не взглянула на нее. В этот момент люди ее почти не интересовали. Все ее внимание было приковано к огромному механизму на колесиках. На какое-то мгновение она заколебалась — Говорящий Робот не был похож на тех, которых она видела. Осторожно, с нотками сомнения в тоненьком голосе Глория начала:

— Мистер Робот, простите, пожалуйста, это вы — Говорящий Робот?

Правда, она не была уверена, но, во всяком случае, ей казалось, что робот, который на самом деле говорит, заслуживает самой изысканной вежливости.

(На худом, некрасивом лице сидевшей в комнате девушки отразилось напряженное размышление. Она вытащила маленький блокнот и начала что-то быстро писать неразборчивыми каракулями.)

Послышалось маслянистое жужжание шестерен, и механический голос без всякой интонации прогремел:

— Я... робот... который... говорит.

Глория разочарованно смотрела на Робота. Действительно он говорил, но звуки исходили откуда-то изнутри механизма. У Робота не было лица, к которому можно было бы обращаться.

Она сказала:

— Не можете ли вы мне помочь, мистер Робот?

Говорящий Робот был создан для того, чтобы отвечать на вопросы. До сих пор ему задавали только такие вопросы, на которые он мог ответить. Поэтому он был вполне уверен в своих возможностях.

— Я... могу... помочь... вам.

— Большое спасибо, мистер Робот. Вы не видели Робби?

— Кто... это... Робби?

— Это робот, мистер Робот. — Она приподнялась на цыпочки. — Он примерно вот такого роста, мистер Робот, немножечко выше, и он очень хороший. Знаете, у него есть голова. У вас нет, мистер Робот, а у него есть.

Говорящий Робот не мог за ней поспеть.

— Робот?

— Да, мистер Робот. Как вы, мистер Робот, только

он, конечно, не умеет говорить, и он очень похож на настоящего человека.

— Робот... как... я?

— Да, мистер Робот.

Единственным ответом Говорящего Робота было невразумительное шипение, которое время от времени прерывалось бессвязными звуками. Ожидавшееся от него смелое обобщение — представление о себе не как об индивидуальном объекте, а как о части более общей группы, — превышало его силы. Верный своему назначению, он все-таки попытался охватить это понятие, в результате чего полдюжины катушек перегорело. Зажужжали аварийные сигналы.

(В этот момент девушка, сидевшая на скамейке, встала и вышла. У нее накопилось уже достаточно материала для доклада «Роботы с практической точки зрения». Это было первое из многих исследований Сьюзен Кэлвин на эту тему.)

Глория, скрывая нетерпение, ждала ответа. Вдруг она услышала позади себя крик: «Вот она!» — и узнала голос своей матери.

— Что ты здесь делаешь, противная девчонка?! — кричала миссис Вестон, у которой тревога гут же перешла в гнев. — Ты знаешь, что папа и мама перепугались чуть не до смерти? Зачем ты убежала?

В комнату ворвался дежурный инженер. Схватившись за голову, он потребовал, чтобы ему сообщили, кто из собравшейся толпы испортил машину.

— Вы что, читать не умеете? — вопил он. — Здесь запрещено находиться без экскурсовода!

Глория повысила голос, чтобы перекричать шум:

— Я только хотела посмотреть на Говорящего Робота, мама. Я думала, он может знать, где Робби — ведь они оба роботы.

Снова вспомнив о Робби, она разразилась горячими слезами.

— Я должна найти Робби! Мама, хочу Робби!

Миссис Вестон, подавив невольное рыдание, сказала:

— О господи! Идем, Джордж! Я больше не могу!

Вечером Джордж Вестон на несколько часов куда-то ушел. На следующее утро он подошел к жене с подозрительно самодовольным видом.

— У меня есть идея, Грейс.

— Насчет чего? — слышался мрачный, равнодушный ответ.

— Насчет Глории.

— Ты не собираешься предложить снова купить этого робота?

— Нет, конечно.

— Ну, тогда я слушаю. Может, хоть ты что-нибудь придумаешь. Все, что я сделала, ни к чему не привело.

— Так вот что мне пришло в голову. Все дело в том, что Глория думает о Робби как о человеке, а не как о машине. Естественно, она не может забыть его. А вот если бы нам удалось убедить ее, что Робби — это всего-навсего куча стальных листов и медного провода, оживленная электричеством, тогда она перестанет по нему тосковать. Это психологический подход. Понимаешь?

— Как ты предполагаешь это сделать?

— Очень просто. Как ты думаешь, где я был вчера вечером? Я уговорил Робертсона из «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн» показать нам завтра все его владения. Мы пойдем втроем, и вот увидишь, когда мы все посмотрим, Глория убедится, что робот — не живое существо.

Глаза миссис Вестон широко раскрылись, и в них появилось что-то похожее на восхищение.

— Послушай, Джордж, это неплохая идея!

Джордж Вестон гордо выпрямился.

— А у меня других не бывает! — заявил он.

Мистер Стразерс был добросовестным управляющим и от природы очень разговорчивым человеком. В результате этой комбинации каждый шаг экскурсии сопровождался подробнейшими — пожалуй, слишком подробными — объяснениями. Тем не менее миссис Вестон слушала внимательно. Она даже несколько раз прерывала его и просила повторить некоторые объяснения как можно проще, чтобы их поняла Глория. Такая высокая оценка его повествовательных способностей приводила мистера Стразерса в благодушное настроение и делала его еще более разговорчивым, если только это было возможно. Но Вестон проявлял все растущее нетерпение.

— Извините меня, Стразерс, — сказал он, прерывая

на середине лекцию о фотоэлементах.— А есть ли у вас на заводе участок, где работают одни роботы?

— Что? Ах, да! Конечно! — Стразерс улыбнулся миссис Вестон.— Некоторым образом, заколдованный круг: роботы производят новых роботов. Конечно, как правило, мы этого не практикуем. Во-первых, нам этого не позволили бы профсоюзы. Но очень небольшое количество роботов производится руками роботов — просто в качестве научного эксперимента. Видите ли,— сняв пенсне, он похлопал им по ладони,— профсоюзы не понимают одного,— а я говорю это как человек, который всегда очень симпатизировал профсоюзному движению,— они не понимают, что появление роботов, вначале связанное с некоторыми неурядицами, в будущем неизбежно должно...

— Да, Стразерс,— сказал Вестон,— а как насчет этого участка, о котором вы говорили? Можно нам па него взглянуть? Это было бы очень интересно.

— Да, да, конечно.— Мистер Стразерс одним судорожным движением надел пенсне и в замешательстве кашлянул.— Сюда, пожалуйста.

Провожая Вестонов по длинному коридору и спускаясь по лестнице, он был сравнительно немногословен. Но как только они вошли в хорошо освещенную комнату, наполненную металлическим лязгом, шлюзы открылись, и поток объяснений полился с новой силой.

— Вот! — сказал он гордо.— Одни роботы! Пять человек только присматривают за ними — они даже не находятся в этой комнате. За пять лет, с тех пор, как мы начали эксперимент, не было ни единой неисправности. Конечно, здесь собирают сравнительно простых роботов, но...

Для Глории голос управляющего уже давно слился в усыпляющее жужжание. Вся экскурсия казалась ей скучной и бесцельной. Хотя кругом было много роботов, но ни один из них не был даже отдаленно похож на ее Робби, и она смотрела на них с нескрываемым презрением.

Она заметила, что в этой комнате совсем не было людей. Потом ее взгляд упал на шесть или семь роботов, что-то делавших за круглым столом посередине комнаты. Ее глаза изумленно и недоверчиво раскрылись.

Комната была слишком большой, и она не могла быть уверена, но один из роботов был похож... был похож... да, это был он!

— Робби!

Ее крик пронизал воздух. Один из роботов за столом вздрогнул и уронил инструмент, который держал в руках. Глория пришла в неистовство от радости. Протиснувшись сквозь ограждение, прежде чем родители успели ее остановить, она легко прыгнула на пол, расположенный на несколько футов ниже, и, размахивая руками, помчалась к своему Робби. А трое взрослых остолбенели от ужаса. Они увидели то, чего не заметила взволнованная девочка. Огромный автоматический трактор, тяжело громыхая, надвигался на Глорию.

В считанные доли секунды Вестон опомнился. Но эти доли секунды решили все. Глорию уже нельзя было догнать. Вестон мгновенно перемахнул через перила, но это была явно безнадежная попытка. Мистер Стразерс отчаянно замахал руками, давая знак рабочим остановить трактор. Но они были всего лишь людьми, и им нужно было время, чтобы выполнить команду.

Один только Робби действовал без промедления и точно. Делая гигантские шаги своими металлическими ногами, он устремился навстречу своей маленькой хозяйке. Дальше все произошло почти одновременно. Одним взмахом руки, ни на мгновение не уменьшив своей скорости, Робби поднял Глорию, так что у нее захватило дыхание. Вестон, не совсем понимая, что происходит, не то что увидел, а скорее почувствовал, как Робби пронесся мимо него, и растерянно остановился. Трактор проехал по тому месту, где должна была находиться Глория, на полсекунды позже Робби, прокатился еще метра три и, заскрежегав, затормозил.

Отдышавшись и вырвавшись из объятий родителей, Глория радостно повернулась к Робби. Для нее произошло лишь одно — она нашла своего друга.

Но на лице миссис Вестон облегчение сменилось подозрением. Она повернулась к мужу. Несмотря на волнение и растрепанные волосы, она выглядела внушительно.

— Это ты устроил?

Джордж Вестон вытер вспотевший лоб. Его рука

тряслась, и губы могли сложиться лишь в дрожащую, крайне жалкую улыбку. Миссис Вестон продолжала:

— Робби не предназначался для работы на заводе. Ты нарочно устроил так, чтобы его посадили здесь и чтобы Глория его нашла. Это все ты устроил.

— Ну, я,— сказал Вестон.— Но, Грейс, откуда я мог знать, что встреча будет такой бурной? И потом, Робби спас ей жизнь — ты должна это признать. Ты не сможешь отослать его снова.

Грейс Вестон задумалась. Она рассеянно взглянула в сторону Глории и Робби. Глория так крепко обхватила шею робота, что будь на его месте существо из плоти и крови, оно бы давно задохнулось. Вне себя от счастья, девочка оживленно болтала всякую чепуху на ухо роботу. Руки Робби, отлитые из хромированной стали и способные завязать бантиком двухдюймовый стальной стержень, нежно обвивались вокруг девочки, а его глаза светились темно-красным светом.

— Ну,— сказала, наконец, миссис Вестон,— пожалуй, он может остаться у нас, пока его ржавчина не съест.

Сьюзен Кэлвин пожала плечами.

— Конечно, до этого не дошло. Все это произошло в 1998 году. К 2002 году изобрели подвижного говорящего робота. После этого, конечно, неговорящие модели устарели. Все противники роботов восприняли это как последнюю каплю, переполнившую чашу. Между 2003 и 2007 годами большинство правительств запретило использовать роботов на Земле для любых целей, за исключением научных.

— Так что Глории пришлось в конце концов расстаться с Робби?

— Боюсь, что да. Я думаю, впрочем, что в пятнадцать лет ей это было легче, чем в восемь. Но все же это было глупо и ненужно. Когда я в 2008 году поступила на «Ю. С. Роботс», фирма была в самом тяжелом финансовом положении. Сначала я даже думала, что через несколько месяцев останусь без работы. Но выход был найден: мы начали осваивать внеземной рынок.

— И все, конечно, уладилось?

— Не совсем. Мы начали с того, что попытались использовать уже существовавшие модели. Например,

этих первых говорящих роботов. Они были трех с половиной метров ростом, очень неуклюжие, и пользы от них было немного. Мы послали их на Меркурий, чтобы они помогли построить там рудник. И они не справились.

Я удивленно взглянул на нее.

— Разве? Но ведь сейчас компания «Меркюри Майнз» — огромный концерн с многомиллиардным капиталом.

— Да, сейчас. Но удалась только вторая попытка. Если вы, молодой человек, хотите об этом услышать, я бы посоветовала вам разыскать Грегори Пауэлла. Они с Майклом Донованом занимались у нас в 10-х и 20-х годах самыми трудными делами. Я уже много лет не слышала ничего о Доноване, а Пауэлл живет здесь, в Нью-Йорке. Он теперь дедушка — мне очень трудно привыкнуть к этой мысли. Я помню его молодым. Ну конечно, и я была моложе...

— Может быть, если бы вы рассказали мне что-нибудь в самых общих чертах, то потом мистер Пауэлл дополнил бы ваш рассказ? Начните хотя бы с Меркурия.

— Ну ладно. Вторую экспедицию на Меркурий послали, кажется, в 2015 году. Это была разведочная экспедиция, которую финансировали «Ю. С. Роботс» и фирма «Солар Минералз». Экспедиция состояла из Грегори Пауэлла, Майкла Донована и опытного образца робота новой конструкции...

ХОРОВОД

Одно из любимых изречений Грегори Пауэлла гласило, что паника до добра не доведет. Поэтому когда потный и возбужденный Майкл скатился ему навстречу по лестнице, Пауэлл нахмурился.

— В чем дело? — спросил он. — Сломал себе ноготь?

— Как бы не так, — задыхаясь, огрызнулся Донован. — Что ты целый день делал внизу? — Он перевел дух и выпалил: — Спиди не вернулся!

Глаза Пауэлла широко раскрылись, и он остановился, но тут же взял себя в руки и продолжал подниматься по лестнице. Он молчал, пока не вышел на площадку, потом спросил:

— Ты послал его за селеном?

— Да.

— И давно?

— Уже пять часов.

Снова наступило молчание. Вот дьявольское положение! Ровно двенадцать часов они находятся на Меркурии — и уже попали в такую скверную переделку. Меркурий всегда считался самой каверзной планетой во всей Солнечной системе, но это уже слишком!

Пауэлл произнес:

— Начни сначала и рассказывай по порядку.

Они вошли в радиорубку. Оборудование ее, не тронутое за десять лет, прошедших с Первой экспедиции, уже слегка устарело. Для техники эти десять лет значили очень много. Сравнить хотя бы Спиди с теми роботами, которых производили в 2005 году. Правда, за последнее время достижения роботехники были особенно головокружительны.

Пауэлл осторожно потрогал еще блестящую металлическую поверхность. Все, что было в комнате, казалось каким-то заброшенным и производило бесконечно гнетущее впечатление. Как, впрочем, и вся станция.

Донован тоже это почувствовал. Он сказал:

— Я попробовал связаться с ним по радио, но без всякого толку. На солнечной стороне радио бесполезно — во всяком случае на расстоянии больше двух миль. Отчасти поэтому и не удалась первая экспедиция. А чтобы наладить УКВ, нам нужна не одна неделя...

— Оставим это. Что же все-таки ты выяснил?

— Я поймал немодулированный сигнал на коротких волнах. По нему можно было только определить положение Спиди. Я следил за ним два часа и нанес результаты на карту.

Донован достал из заднего кармана пожелтевший листок пергамента, оставшегося от неудачной Первой экспедиции, и, швырнув его на стол, яростно прихлопнул ладонью. Пауэлл следил за ним, стоя поодаль и скрестив руки на груди. Донован нервно ткнул карандашом:

— Этот красный крестик — селеновое озеро.

— Которое? — прервал его Пауэлл. — Там было три. Их все нанес для нас Мак-Дугал перед тем как отсюда улететь.

— Я, конечно, послал Спиди к самому ближайшему. Семнадцать миль отсюда. Но не в этом дело. — Голос Донована дрожал от напряжения. — Вот эти точки обозначают положение Спиди.

В первый раз за все время напускное спокойствие Пауэлла было нарушено. Он схватил карту.

— Ты шутишь? Этого не может быть!

— Смотри сам, — буркнул Донован.

Точки, обозначавшие положение робота, образовали неровную окружность, в центре которой находился крас-

ный крестик — селеновое озеро. Пальцы Пауэлла потянулись к усам — несомненный признак тревоги.

Донован добавил:

— За два часа, пока я за ним следил, он обошел это проклятое озеро четыре раза. Похоже на то, что он собирается кружиться там без конца. Понимаешь, в каком мы положении?

Пауэлл взглянул на него, но ничего не сказал. Конечно, он понимал, в каком они положении. Все было просто, как цепочка силлогизмов. От всей мощи чудовищного меркурианского солнца их отделяли только батареи фотоэлементов. Фотоэлементы были почти полностью разрушены. Спасти положение мог только селен. Селен мог достать только Спиди. Он не вернется — не будет селена. Не будет селена — не будет фотоэлементов. Не будет фотоэлементов... Что же, медленное поджаривание — один из самых неприятных видов смерти.

Донован яростно взъерошил свою рыжую шевелюру и с горечью заметил:

— Мы осрамимся на всю Солнечную систему, Грег. Как это все сразу пошло к черту? «Знаменитая бригада в составе Пауэлла и Донована послана на Меркурий, чтобы выяснить, стоит ли на солнечной стороне открывать рудники с новейшей техникой и роботами». И вот в первый же день мы все испортили. А дело ведь самое простое. Нам этого не пережить.

— Об этом заботиться не приходится, — спокойно ответил Пауэлл. — Если мы срочно что-нибудь не предпримем, о переживаниях не может быть и речи. Мы просто не выживем.

— Не говори глупостей! Может быть, тебе и смешно, а мне нет. Послать нас сюда с одним-единственным роботом — это просто преступление! Да еще эта твоя блестящая идея — самим починить фотоэлементы.

— Ну, это ты напрасно. Мы же вместе решали. Ведь нам всего-то и нужно килограмм селена, электрическая установка Стиллхэда и три часа времени. И по всей солнечной стороне стоят целые озера чистого селена. Спектрорефлектор Мак-Дугала за пять минут засек целых три. Какого черта! Мы же не могли ждать следующего противостояния!

— Так что будем делать? Пауэлл, ты что-то придумай!

мал. Я знаю, иначе бы ты не был таким спокойным. На героя ты похож не больше, чем я. Давай выкладывай!

— Сами пойти за Спида мы не можем. Во всяком случае здесь, на солнечной стороне. Даже новые скафандры не выдержат больше двадцати минут под этим солнцем. Но знаешь старую поговорку: «Пошли робота поймать робота»? Послушай, Майк, дело, может быть, не так уж плохо. У нас внизу есть шесть роботов. Если они исправны, можно воспользоваться ими. Если только они исправны.

В глазах Донована мелькнул проблеск надежды.

— Шесть роботов Первой экспедиции? А ты уверен? Может быть, это просто полуавтоматы? Ведь десять лет — это очень много для роботехники.

— Нет, это роботы. Я целый дспь с ними возился и теперь знаю. У них позитронный мозг — конечно, самый примитивный.

Он сунул карту в карман.

— Пойдем вниз.

Роботы хранились в самом нижнем ярусе станции, среди покрытых пылью ящиков неизвестно с чем. Они были очень большие — даже когда они сидели, их головы возвышались на добрых два метра.

Донован свистнул:

— Вот это размеры, а? Не меньше трех метров в обхвате.

— Это потому, что они оборудованы старым приводом Мак-Геффи. Я заглянул внутрь — жуткое устройство.

— Ты еще не включал их?

— Нет. А зачем? Вряд ли что-нибудь не в порядке. Даже диафрагмы выглядят прилично. Они должны говорить.

Он отвинтил щиток на груди ближайшего робота и вложил в отверстие двухдюймовый шарик, в котором была заключена ничтожная искорка атомной энергии — все, что требовалось, чтобы вдохнуть в робота жизнь. Шарик было довольно трудно приладить, но в конце концов Пауэллу это удалось. Потом он старательно укрепил щиток на месте и занялся следующим роботом.

Донован сказал с беспокойством:

— Они не двигаются.

— Нет команды,— коротко объяснил Пауэлл. Он вернулся к первому роботу и хлопнул его по броне: — Эй, ты! Ты меня слышишь?

Гигант медленно нагнул голову, и его глаза остановились на Пауэлле. Потом раздался хриплый, скрипучий голос, похожий на звуки древнего фонографа:

— Да, хозяин.

Пауэлл невесело усмехнулся.

— Понял, Майк? Это один из первых говорящих роботов. Тогда дело шло к тому, что применение роботов на Земле запретят. Но конструкторы пытались предотвратить это и заложили в дурацкие машины прочный, надежный инстинкт раба.

— Но это не помогло,— заметил Донован.

— Нет, конечно, но они все-таки старались.

Он снова повернулся к роботу.

— Встань!

Робот медленно поднялся. Донован задрал голову вверх и снова присвистнул.

Пауэлл спросил:

— Ты можешь выйти на поверхность? На солнце?

Наступила тишина. Мозг робота работал медленно. Потом робот ответил:

— Да, хозяин.

— Хорошо. Ты знаешь, что такое миля?

Снова молчание и неторопливый ответ:

— Да, хозяин.

— Мы выведем тебя на поверхность и укажем направление. Ты пройдешь около семнадцати миль и где-то там встретишь другого робота, поменьше. Понимаешь?

— Да, хозяин.

— Ты найдешь этого робота и прикажешь ему вернуться. Если он не послушается, ты приведешь его силой.

Донован дернул Пауэлла за рукав.

— Почему бы не послать его прямо за селеном?

— Потому что мне нужен Спиди, понятно? Я хочу знать, что с ним стряслось.— Повернувшись к роботу, он приказал: — Иди за мной!

Робот не двинулся с места, и его голос громыхнул:

— Прости, хозяин, но я не могу. Ты должен сначала сесть.

Его неуклюжие руки со звоном соединились, тупые пальцы переплелись, образовав что-то вроде стремени. Пауэлл уставился на робота, теребя усы.

— Ого! Гм...

Донован выпучил глаза.

— Мы должны ехать на них? Как на лошадях?

— Наверное. Правда, я не знаю, зачем это. Впрочем... Ну конечно! Я же говорю, что тогда слишком увлекались безопасностью. Очевидно, конструкторы хотели всех убедить, что роботы совершенно безопасны. Они не могут двигаться самостоятельно, а только с погонщиком на плечах. А что нам делать?

— Я об этом и думаю,— проворчал Донован.— Мы все равно не можем появиться на поверхности — с роботом или без робота. О господи! — Он дважды возбужденно щелкнул пальцами.— Дай мне эту карту. Зря, что ли, я ее два часа изучал? Вот наша станция. А почему бы нам не воспользоваться туннелями?

Станция была помечена на карте кружком, от которого паутиной разбегались черные пунктирные линии туннелей.

Донован взгляделся в список условных обозначений.

— Смотри,— сказал он,— эти маленькие черные точки — выходы на поверхность. Один из них самое большее в трех милях от озера. Вот его номер... Они могли бы писать и покрупнее... Ага. 13-а. Если бы только роботы знали дорогу...

Пауэлл немедленно задал вопрос и получил в ответ вялое «Да, хозяин».

— Иди за скафандрами,— удовлетворенно сказал он.

Они впервые надевали скафандры. Еще вчера, когда они прибыли на Меркурий, они вообще не собирались этого делать. И теперь они неловко двигали руками и ногами, осваиваясь с неудобным одеянием.

Скафандры были гораздо объемистее и еще безобразнее, чем обычные костюмы для космических полетов. Зато они были гораздо легче — в них не было ни кусочка металла. Изготовленные из термоустойчивого пластика, прослоенные специально обработанной пробкой, снабженные устройством, удалявшим из воздуха всю влагу, эти скафандры могли противостоять нестерпимому сиянию меркурианского солнца двадцать минут. Ну, и еще

пять — десять минут без непосредственной смертельной опасности для человека.

Робот все еще держал руки стремяем. Он не выказал никаких признаков удивления при виде нелепой фигуры, в которую превратился Пауэлл.

Радио хрипло разнесло голос Пауэлла:

— Ты готов доставить нас к выходу 13-а?

— Да, хозяин.

«И то хорошо,— подумал Пауэлл.— Может быть, им и не хватает дистанционного радиоуправления, но, по крайней мере, они хоть могут принимать команды».

— Садись на любого, Майк,— сказал он Доновану.

Он поставил ногу в импровизированное стремя и взобрался наверх. Сидеть было удобно: на спине у робота был, очевидно, специально устроенный горб, на каждом плече — по углублению для ног. Теперь стало ясно и назначение «ушей» гиганта. Пауэлл взялся за «уши» и повернул голову робота. Тот неуклюже повернулся.

— Начнем, Макдуф!

Но на самом деле Пауэллу было вовсе не до шуток.

Шагая медленно, с механической точностью, гигантские роботы миновали дверь, косяк которой пришлось едва в полуметре над их головами, так что всадники поспешили пригнуться. Узкий коридор, под сводами которого мерно громыхали тяжелые, неторопливые шаги гигантов, привел их в шлюзовую камеру, где им пришлось подождать, пока будет выкачан воздух.

Длинный безвоздушный туннель, уходивший вдаль, напомнил Пауэллу об огромной работе, проделанной Первой экспедицией с ее убогим снаряжением. Да, она окончилась неудачей, но эта неудача стоила иного легкого успеха.

Роботы шагали вперед. Их скорость была неизменна, поступь равномерна.

Пауэлл сказал:

— Смотри, эти туннели освещены, и температура здесь, как на Земле. Наверное, так было все эти десять лет, пока здесь никто не жил.

— Каким же образом они этого добились?

— Дешевая энергия — самая дешевая во всей Сол-

нечной системе. Излучение Солнца — здесь, на солнечной стороне Меркурия, — это не шуточки. Вот почему они и построили станцию на открытом месте, а не в тени какой-нибудь горы. Это же огромный преобразователь энергии. Тепло преобразуется в электричество, свет, механическую работу и во все, что хочешь. И одновременно с получением энергии станция охлаждается.

— Слушай, — сказал Донован, — это все очень поучительно, только давай поговорим о чем-нибудь другом. Ведь всем преобразованием энергии занимаются фотоэлементы, а это сейчас мое больное место.

Пауэлл что-то проворчал, и когда Донован снова заговорил, разговор потек по другому руслу.

— Послушай, Грег. Все-таки что могло случиться со Спиди? Я никак не могу понять.

В скафандре трудно пожать плечами, но Пауэллу это удалось.

— Не знаю, Майк. Ведь он полностью приспособлен к условиям Меркурия. Жара ему не страшна, он рассчитан на уменьшенную силу тяжести, может двигаться по пересеченной местности. Все предусмотрено — по крайней мере, должно быть предусмотрено.

Они замолчали, на этот раз надолго.

— Хозяин, — сказал робот, — мы на месте.

— А? — Пауэлл очнулся. — Ну, давай выбираться наверх. На поверхность.

Они оказались в небольшом павильоне — пустом, лишенном воздуха, полуразрушенном. Донован зажег фонарь и долго разглядывал рваные края дыры в верхней части одной из стен.

— Метеорит? Как ты думаешь? — спросил он.

Пауэлл пожал плечами.

— Какая разница? Неважно. Пойдем.

Поднимавшаяся рядом черная базальтовая скала защищала их от солнца. Вокруг все было погружено в черную тень безвоздушного мира. Тень обрывалась, как будто обрезанная ножом, и дальше начиналось нестерпимое белое сияние мириад кристаллов, покрывавших почву.

— Клянусь космосом, вот это да! — У Донована захватило дух от удивления. — Прямо как снег!

Действительно, это было похоже на снег. Пауэлл окинул взглядом сверкающую неровную поверхность, кото-

рая простиралась до самого горизонта, и поморщился от режущего глаза блеска.

— Это какое-то необычное место,— сказал он.— В среднем коэффициент отражения от поверхности Меркурия довольно низкий, и почти вся планета покрыта серой пемзой. Что-то вроде Луны. А красиво, правда?

Хорошо, что скафандры были снабжены светофильтрами. Красиво или нет, но незащищенные глаза были бы за полминуты ослеплены этим сверканием.

Донован посмотрел на термометр, укрепленный на запястье скафандра.

— Ого! Восемьдесят градусов!

Пауэлл тоже взглянул на термометр и сказал:

— Да... Многовато. Ничего не поделаешь — атмосфера...

— На Меркурии? Ты спятил!

— Да нет. Ведь и на Меркурии есть кое-какая атмосфера,— рассеянно ответил Пауэлл, пытаясь неуклюжими пальцами скафандра приладить к своему шлему стереотрубу.— У поверхности должен стелиться тонкий слой паров. Летучие элементы, тяжелые соединения, которые может удержать притяжение Меркурия. Селен, йод, ртуть, галлий, калий, висмут, летучие окислы. Пары попадают в тень и конденсируются, выделяя тепло. Это что-то вроде гигантского перегонного куба. Зажги фонарь — и увидишь, что скала с этой стороны покрыта каким-нибудь серным инеем или ртутной росой.

— Ну, это неважно. Какие-то жалкие восемьдесят градусов наши скафандры выдержат сколько угодно.

Пауэлл, наконец, приладил стереотрубу и теперь стал похож на улитку с рожками. Донован напряженно ждал.

— Видишь что-нибудь?

Пауэлл ответил не сразу. Его голос был полон тревоги.

— Вон на горизонте темное пятно. Это, скорее всего, селеновое озеро. Оно тут и должно быть. А Спиди не видно.

Пауэлл забрался на плечи робота и осторожно выпрямился, расставив ноги и вглядываясь в даль.

— Постой... Ну да, это он. Идет сюда.

Донован вгляделся в ту сторону, куда указывал палец Пауэлла. У него не было стереотрубы, но он разгля-



— Давай, давай! — вопил Донован, прищипывая своего робота пятками.

дел маленькую движущуюся точку, которая чернела на фоне ослепительного сверкания кристаллов.

— Вижу! — заорал он. — Поехали!

Пауэлл снова уселся на плечи робота и хлопнул перчаткой по его гигантской груди.

— Пошел!

— Давай, давай! — вопил Донован, прищипывая своего робота пятками.

Роботы тронулись. Их мерный топот не был слышен в безвоздушном пространстве, а через синтетическую ткань скафандра звук тоже не передавался. Чувствовались только ритмичные колебания.

— Быстрее! — закричал Донован. Ритм не изменился.

— Бесполезно, — ответил Пауэлл. — Этот железный лом может двигаться только с одной скоростью. Или, по-другому, они оборудованы селективными флексорами?

Они вырвались из тени. Свет солнца обрушился на них раскаленным потоком. Донован невольно пригнулся.

— Ух! Это мне кажется, или на самом деле жарко?

— Скоро будет еще жарче, — последовал мрачный ответ. — Смотри — Спиди!

Робот СПД-13 был уже близко, и его можно было рассмотреть во всех деталях. Его грациозное обтекаемое тело, отбрасывавшее слепящие блики, четко и быстро передвигалось по неровной земле. Его имя — «Спиди», «проворный», — было, конечно, образовано из букв, составлявших его марку, но оно очень подходило ему. Модель СПД была одним из самых быстрых роботов, которые выпускались фирмой «Ю. С. Роботс».

— Эй, Спиди! — завопил Донован, отчаянно махая руками.

— Спиди! — закричал Пауэлл. — Иди сюда!

Расстояние между людьми и свихнувшимся роботом быстро уменьшалось, — больше усилиями Спиди, чем благодаря медлительной походке устаревших за десять лет службы устройств, на которых восседали Пауэлл и Донован.

Они уже были достаточно близко, чтобы заметить, что походка Спиди была какой-то неровной — робот заметно пошатывался на ходу из стороны в сторону. Пауэлл замахал рукой и увеличил до предела усиление в своем компактном, встроенном в шлем радиопередатчике, го-

товясь крикнуть еще раз. В этот момент Спиди заметил их.

Он остановился как вкопанный и стоял некоторое время, чуть покачиваясь, как будто от легкого ветерка.

Пауэлл закричал:

— Все в порядке, Спиди! Иди сюда!

В наушниках впервые послышался голос робота:

— Вот здорово! Давайте поиграем. Вы ловите меня, а я буду ловить вас. Никакая любовь нас не разлучит. Я — маленький цветочек, милый маленький цветочек. Ураа!

Повернувшись кругом, он помчался обратно с такой скоростью, что из-под его ног взлетали комки спекшейся пыли. Последние слова, которые он произнес, удаляясь, были: «Растет цветочек маленький под дубом вековым». За этим последовали странные металлические щелчки, которые, возможно, у робота соответствовали икоте.

Донован тихо сказал:

— Откуда он взял какие-то дикие стихи? Слушай, Грег, он... он пьян. Или что-то в этом роде.

— Если бы ты мне этого не сообщил, я бы, наверное, никогда не догадался, — последовал ехидный ответ. — Давай вернемся в тень. Я уже поджариваюсь.

Напряженное молчание нарушил Пауэлл:

— Прежде всего Спиди не пьян — не так, как человек. Он ведь робот, а роботы не пьянеют. Но с ним что-то неладное, и это то же самое, что для человека опьянение.

— Мне кажется, он пьян, — решительно заявил Донован. — Во всяком случае, он думает, что мы с ним играем. А нам не до игрушек. Это дело жизни или смерти — и смерти довольно-таки неприятной.

— Ладно, не спеши. Робот — это всего только робот. Как только мы узнаем, что с ним, мы его починим.

— Как только... — желчно возразил Донован.

Пауэлл не обратил на это внимания.

— Спиди прекрасно приспособлен к обычным условиям Меркурия. Но эта местность, — он обвел руками горизонт, — явно необычна. Вот в чем дело. Откуда, например, взялись эти кристаллы? Они могли образоваться из медленно остывающей жидкости. Но какая жидкость настолько горяча, чтобы остывать под солнцем Меркурия?

— Вулканические явления,— немедленно предположил Донован.

Пауэлл весь напрягся.

— Устами младенца...— произнес он сдавленным голосом и замолчал на пять минут. Потом он сказал: — Слушай, Майк. Что ты сказал Спиди, когда посылал его за селеном?

Донован удивился:

— Ну, не знаю. Я просто велел принести селен.

— Это ясно. Но как? Попробуй точно припомнить.

— Я сказал... Постой... Я сказал: «Спиди, нам нужен селен. Ты найдешь его там-то и там-то. Пойди и принеси его». Вот и все. Что же еще я должен был сказать?

— Ты не говорил, что это очень важно, срочно?

— Зачем? Дело-то простое.

Пауэлл вздохнул:

— Да, теперь уже ничего не изменишь. Но мы попали в переделку.

Он слез со своего робота и сел, прислонившись спиной к скале. Донован подсел к нему и взял под руку. За гранью тени слепящее солнце, казалось, поджидало их как кошка — мышь. А рядом стояли два гигантских робота, невидимые в темноте. Только светившиеся тусклым красным светом фотоэлектрические глаза смотрели на них — немигающие, неподвижные, равнодушные.

Равнодушные! Такие же, как и весь этот гибельный Меркурий — маленький, но коварный.

Донован услышал напряженный голос Пауэлла:

— Теперь слушай. Начнем с трех основных законов роботехники,— трех правил, которые прочно закреплены в позитронном мозгу.— В темноте он начал загибать пальцы.— Первое. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

— Правильно.

— Второе,— продолжал Пауэлл.— Робот должен повиноваться командам человека, если эти команды не противоречат Первому Закону.

— Верно.

— И третье. Робот должен заботиться о своей безопасности, поскольку это не противоречит Первому и Второму Законам.

— Верно. Ну и что?

— Так это же все объясняет. Когда эти законы вступают в противоречие между собой, дело решает разность позитронных потенциалов в мозгу. Что получается, если робот приближается к месту, где ему грозит опасность, и сознает это? Потенциал, который создается Третьим Законом, автоматически заставляет его вернуться. Но представь себе, что ты приказал ему приблизиться к опасному месту. В этом случае Второй Закон создает противоположный потенциал, который выше первого, и робот выполняет приказ с риском для собственного существования.

— Это я знаю. Но что отсюда следует?

— Что могло случиться со Спиди? Это — одна из последних моделей, специализированная, дорогая, как линкор. Он сделан так, чтобы его нелегко было уничтожить.

— Ну и?..

— Ну и при его программировании Третий Закон был задан особенно строго — кстати, это специально отмечалось в проспектах. Его стремление избежать опасности необыкновенно сильно. А когда ты послал его за селеном, ты дал команду небрежно, между прочим, так что потенциал, связанный со Вторым Законом, был довольно слаб. Это все — факты.

— Давай, давай. Кажется, я начинаю понимать.

— Понимаешь? Около селенового озера существует какая-то опасность. Она возрастает по мере того, как робот приближается, и на каком-то расстоянии от озера потенциал Третьего Закона, с самого начала очень высокий, становится в точности равен потенциалу Второго Закона, с самого начала слабому.

Допован возбужденно вскочил на ноги.

— Ясно! Устанавливается равновесие. Третий Закон гонит его назад, а Второй — вперед...

— И он начинает кружить около озера, оставаясь на линии, где существует это равновесие. И если мы ничего не предпримем, он так и будет бегать по этому кругу, как в хороводе...

Он продолжал задумчиво:

— И поэтому, между прочим, он и ведет себя, как пьяный. При равновесии потенциалов половина позитронных цепей в мозгу не работает. Я не специалист по пози-

троники, но это очевидно. Возможно, он потерял контроль как раз над теми же частями своего волевого механизма, что и пьяный человек. А вообще все это очень мило.

— Но откуда взялась опасность? Если бы знать, от чего он бежит...

— Да ведь ты сам уже догадался! Вулканические явления. Где-то около озера просачиваются газы из недр Меркурия. Серноокислый газ, уголекислота — и окись углерода. Довольно много окиси углерода. А при здешних температурах...

Донован проглотил слюну.

— Окись углерода плюс железо дает летучий карбонил железа!

— А робот,— мрачно добавил Пауэлл,— это в основном железо. Люблю логические рассуждения. Мы уже все выяснили, кроме того, что теперь делать. Сами добраться до селена мы не можем — все-таки слишком далеко. Мы не можем послать этих жеребцов, потому что они без нас не пойдут, а если мы поедем с ними, то успеем подрумяниться. Поймать Спиди мы тоже не можем — этот дурень думает, что мы с ним играем, а скорость у него шестьдесят миль в час против наших четырех...

— Но если один из нас пойдет,— начал задумчиво Донован,— и вернется поджаренным, то ведь останется другой...

— Ну да,— последовал саркастический ответ.— Это будет очень трогательная жертва. Только прежде чем человек доберется до озера, он уже будет не в состоянии отдать приказ. А роботы вряд ли вернутся без приказа. Прикинь: мы в двух или трех милях от озера — ну, считай, в двух. Робот делает четыре мили в час. А в скафандрах мы можем продержаться не больше двадцати минут. Имей в виду, что дело тут не только в жаре. Солнечное излучение в ультрафиолете и дальше — это тоже смерть.

— Н-да,— сказал Донован.— Не хватает всего десяти минут.

— Для нас все равно — десяти минут или целой вечности. И еще: чтобы потенциал Третьего Закона остановил Спиди на таком расстоянии, здесь должно быть довольно много окиси углерода в атмосфере паров метал-

лов. И поэтому должна быть заметная коррозия. Он гуляет там уже несколько часов. В любой момент, скажем, коленный сустав может выйти из строя, и он перевернется. Тут нужно не просто шевелить мозгами — нужно решать быстро!

Глубокое, мрачное, унылое молчание.

Первым заговорил Донован. Его голос дрожал, но он старался говорить бесстрастно.

— Ну хорошо, мы не можем увеличить потенциал Второго Закона новой командой. А нельзя ли попробовать с другого конца? Если мы увеличим опасность, то увеличится потенциал Третьего Закона, и мы отгоним его назад.

Пауэлл молча повернул к нему окошко своего шлема.

— Послушай,— осторожно продолжал Донован,— все, что нам нужно, чтобы отогнать его,— это повысить концентрацию окиси углерода. А на станции есть целая аналитическая лаборатория.

— Естественно,— согласился Пауэлл.— Это же станция-рудник.

— Верно. А там должно быть порядочно щавелевой кислоты для осаждения кальция.

— Клянусь космосом! Майк, ты гений!

— Более или менее,— скромно согласился Донован.— Я просто вспомнил, что щавелевая кислота при нагревании разлагается на углекислый газ, воду и добрую старую окись углерода. Элементарный институтский курс химии.

Пауэлл вскочил и хлопнул гигантского робота по ноге.

— Эй! — крикнул он.— Ты умеешь бросать?

— Что, хозяин?

— Неважно.— Пауэлл обругал про себя тяжелодумного робота и схватил обломок скалы величиной с кирпич.— Возьми и попади в гроздь голубых кристаллов — вопь за той кривой трещиной. Видишь?

Донован дернул его за руку.

— Слишком далеко, Грег. Это же почти полмили.

— Спокойно,— ответил Пауэлл.— Вспомни о силе тяжести на Меркурии. А рука у него стальная. Смотри.

Глаза робота измеряли дистанцию с точностью машины. Он прикинул вес камня и замахнулся. В темноте его

движения были плохо видны, но когда он переступил с ноги на ногу, можно было почувствовать заметное сотрясение почвы. Камень черной точкой вылетел за пределы тени. Его полету не мешало ни сопротивление воздуха, ни ветер, — и когда он упал, осколки голубых кристаллов разлетелись из самого центра грозди.

Пауэлл радостно завопил:

— Поехали за кислотой, Майк!

Когда они въехали в разрушенный павильон, Донован мрачно сказал:

— Спиди болтается на нашей стороне озера с тех пор, как мы за ним погнались. Ты заметил?

— Да.

— Наверное, хочет поиграть с нами. Ну, я ему поиграю!..

Они вернулись через несколько часов с трехлитровыми банками белого порошка и с вытянувшимися лицами. Фотоэлементы разрушались еще быстрее, чем они думали.

Они вывели своих роботов на солнце и молча, сосредоточенно и мрачно направились к Спиди.

Спиди не спеша запрыгал к ним.

— Вот и мы! Урра! Вышел месяц из тумана и не ударил лицом в грязь!..

— Я тебе покажу грязь, — пробормотал Донован. — Смотри, Грег, он хромает.

— Вижу, — последовал озабоченный ответ. — Если мы не поторопимся, эта окись доконает его.

Теперь они приближались медленно, почти крадучись, чтобы не спугнуть полоумного робота. Они были еще довольно далеко, но Пауэлл уже мог бы поклясться, что Спиди приготовился пуститься наутек.

— Давай! — прохрипел он. — Считаю до трех. Раз, два...

Две стальные руки одновременно выбросились вперед, и две стеклянные банки полетели параллельными дугами, сверкая, как бриллианты, под невозможным светом. Они бесшумно разбились вдребезги, и позади Спиди поднялось облачко шавелевой кислоты. Пауэлл знал, что на ярком меркурианском солнце она бурлит, как газированная вода.

Спиди медленно повернулся, потом попятился и так же медленно начал набирать скорость. Через пятнадцать секунд он уже неуверенными прыжками двигался в сторону людей.

Пауэлл не расслышал, что говорил при этом робот, но ему послышалось что-то вроде: «Не клянись, слов любви не говори...»

Пауэлл повернулся к Доновану.

— Под скалу, Майк! Он вышел из этой колен и теперь будет слушаться. Мне уже становится жарко.

Они затрусили в тень на спинах своих медлительных гигантов. Только когда они почувствовали вокруг себя приятную прохладу, Донован обернулся.

— Грег!!!

Пауэлл посмотрел назад и чуть не вскрикнул. Спиди медленно, очень медленно удалялся. Он снова входил в свою круговую колею, постепенно набирая скорость. В стереотрубу казалось, что он очень близко, но он был недостижим.

— Догнать его! — закричал Донован и пустил робота, но Пауэлл остановил его.

— Ты его не поймаешь, Майк. Бесполезно.

Он сжал кулаки, чувствуя свою полную беспомощность.

— Почему же я это понял только через пять секунд после того, как все произошло? Майк, мы зря потеряли время.

— Нужно еще кислоты, — упрямо заявил Майк. — Концентрация была слишком мала.

— Да нет. Тут не помогли бы и семь тонн. А если бы у нас и было столько кислоты, мы все равно не успели бы ее привезти. Коррозия съест его. Неужели ты не понял, Майк?

— Нет, — сознался Донован.

— Мы просто установили новое равновесие. Когда становится больше окиси углерода и потенциал Третьего Закона увеличивается, он просто пятится, пока снова не наступит равновесие, а потом, когда окись углерода увеличивается, опять подвигается вперед.

В голосе Пауэлла звучало отчаяние.

— Это все тот же хоровод. Мы можем тянуть за Третий Закон и тащить за Второй, и все равно ничего не из-

менится. Только положение равновесия будет перемещаться. Нужно выйти за пределы этих законов.

Он развернул своего робота лицом к Доновану, так что они сидели друг против друга,— смутные тени в темноте,— и прошептал:

— Майк!

— Это конец? — устало сказал Донован. — Что же, поехали на станцию. Подождем, пока фотоэлементы выгорят окончательно, пожмем друг другу руки, примем цианистый калий и умрем, как подобает джентльменам.

Он коротко усмехнулся.

— Майк,— серьезно повторил Пауэлл. — Мы должны вернуть Спиди.

— Я знаю.

— Майк,— снова начал Пауэлл и после недолгого колебания продолжал: — Есть еще Первый Закон. Я об этом уже думал. Но это — крайнее средство.

Донован взглянул на него, и его голос оживился:

— Самое время для крайнего средства.

— Ладно. По Первому Закону робот не может допустить, чтобы из-за его бездействия человеку грозила опасность. Тут уж ни Второй, ни Третий Законы его не останавливают. Не могут, Майк.

— Даже когда робот полоумный? Он же пьян.

— Конечно, есть риск.

— Хорошо, что ты предлагаешь?

— Я сейчас выйду на солнце и посмотрю, как будет действовать Первый Закон. Если и он не нарушит равновесия, то... Какого черта, тогда все равно: или сейчас, или через три-четыре дня...

— погоди, Грег. Есть еще законы человеческие. Ты не имеешь права просто так взять и пойти. Давай разыграем, чтобы все было по-честному.

— Ладно. Кто первый возведет четырнадцать в куб? И почти сразу:

— Две тысячи семьсот сорок четыре.

Донован почувствовал, как робот Пауэлла, проходя мимо, задел его робота. Через секунду Пауэлл уже был за пределами тени. Донован раскрыл рот, чтобы крикнуть, но удержался. Конечно, этот идиот подсчитал куб четырнадцати заранее, нарочно. Очень на него похоже.

...Солнце было особенно горячее, и Пауэлл почувствовал, что у него страшно зачесалась поясница. Наверное, воображение. А может быть, жесткое излучение уже проникает даже сквозь скафандр.

Спиди следил за ним, на этот раз не приветствуя его никакими дурацкими стихами. Спасибо и на том! Но нельзя подходить к нему слишком близко.

До Спиди оставалось еще метров триста, когда тот начал шаг за шагом осторожно пятиться назад. Пауэлл остановил своего робота и прыгнул на землю, покрытую кристаллами. Во все стороны полетели осколки.

Почва была рыхлая, кристаллы скользили под ногами. Идти при уменьшенной силе тяжести было трудно. Подошвы жгло. Он оглянулся через плечо и увидел, что ушел уже слишком далеко, что не успеет вернуться в тень — ни сам, ни с помощью своего неуклюжего робота. Теперь или Спиди, или конец. У него перехватило горло.

Хватит! Пауэлл остановился.

— Спиди! — позвал он. — Спиди!

Сверкающий современный робот впереди, помедлив, остановился, потом попятился снова.

Пауэлл попробовал вложить в свой голос как можно больше мольбы, — и обнаружил, что для этого не требовалось особого труда.

— Спиди! Я должен вернуться в тень, иначе солнце убьет меня. Это дело жизни или смерти. Спиди, помоги! Спиди!

Робот сделал шаг вперед и остановился. Он заговорил, но, услышав его, Пауэлл застонал. Робот произнес: «Если ты лежишь больной, если завтра выходной...» Голос затих.

Настоящее пекло! Уголком глаза Пауэлл заметил какое-то движение, резко повернулся и застыл в изумлении. Чудовищный робот, на котором он ехал, двигался — двигался к нему, без всадника!

Робот заговорил:

— Простите меня, хозяин. Я не должен двигаться без хозяина, но вам грозит опасность.

Ну конечно. Потенциал Первого Закона — превыше всего. Но ему не нужна эта древняя развалина. Ему нужен Спиди. Он сделал несколько шагов в сторону и отчаянно закричал:

— Я запрещаю тебе подходить! Я приказываю остановиться!

Это было бесполезно. Нельзя бороться с потенциалом Первого Закона. Робот тупо сказал:

— Вам грозит опасность, хозяин.

Пауэлл в отчаянии огляделся. Он уже неотчетливо видел предметы; в его мозгу крутился раскаленный вихрь; собственное дыхание обжигало его, и все кругом дрожало в неясном мареве. Он в последний раз закрычал:

— Спиди! Я умираю, черт тебя побери! Где ты? Спиди! Помогите!..

Он все еще пытался в слепом стремлении уйти от непрошенного гигантского робота, когда почувствовал на своей руке стальные пальцы и услышал озабоченный, виноватый голос металлического тембра:

— Господи, Пауэлл, что вы тут делаете? И что ж я смотрю... Я как-то растерялся...

— Неважно,— слабо пробормотал Пауэлл.— Неси меня в тень скалы,— и поскорее!

Он почувствовал, что его поднимают в воздух и быстро несут, в последний раз ощутил палящий жар и потерял сознание.

Проснувшись, он увидел, что над ним заботливо наклонился улыбающийся Донован.

— Ну как, Грег?

— Прекрасно,— ответил он.— Где Спиди?

— Здесь. Я посылал его к другому селеновому озеру — на этот раз с приказом добыть селен во что бы то ни стало. Он принес его через сорок две минуты и три секунды,— я засек время. Он все еще не кончил извиняться за этот хоровод. Он не решается подойти к тебе — боится, что ты скажешь.

— Тащи его сюда,— распорядился Пауэлл.— Он не виноват.

Он протянул руку и крепко пожал металлическую лапу Спиди.

— Все в порядке, Спиди. Знаешь, Майк, что я подумал?

— Да?

Он потер лицо — воздух был восхитительно прохладен.

— Знаешь, когда мы здесь все кончим и Спиди пройдет полевые испытания, они хотят послать нас на межпланетную станцию...

— Не может быть!

— Да, по крайней мере, так сказала тетка Кэлвин перед тем, как мы отправились сюда. Я ничего об этом не говорил, потому что собирался протестовать против этой идеи.

— Протестовать? — воскликнул Донован. — Но...

— Я знаю. Теперь все в порядке. Представляешь — двести семьдесят три градуса ниже нуля! Разве это не рай?

— Межпланетная станция, — произнес Донован. — Ну что ж, я готов!

ЛОГИКА

Полгода спустя они изменили свое мнение о межпланетных станциях. Действительно, пламя огромного солнца сменилось бархатной тьмой пустоты. Но когда вы имеете дело с экспериментальными роботами, перемена обстановки очень мало значит. Где бы вы ни находились, вы стоите лицом к лицу с загадочным позитронным мозгом, который, по словам этих гениев с логарифмическими линейками, должен работать так-то и так-то. Все дело только в том, что он, оказывается, работает иначе. Пауэлл и Донован обнаружили это на исходе второй недели своего пребывания на станции.

Грегори Пауэлл отдельно и четко произнес:

— Неделю назад мы с Донованом собрали тебя.

Наморщив лоб, он потянул себя за кончик уса.

В кают-компании Солнечной станции № 5 было тихо, если не считать доносившегося откуда-то снизу мягкого урчания мощных излучателей.

Робот КТ-1 сидел неподвижно. Вороненая сталь его туловища поблескивала в лучах ярких ламп, а горевшие красным светом фотоэлементы, которые заменяли ему глаза, пристально смотрели на человека с Земли, сидевшего по другую сторону стола. Пауэлл подавил внезапное раздражение. У этих роботов какое-то странное мы-

шение. Ну конечно, Три Закона роботехники действуют. Должны действовать. Любой служащий «Ю. С. Роботс», начиная от самого Робертсона и кончая последней уборщицей, мог бы за это поручиться. Так что опасаться за КТ-1 не приходилось. И все-таки...

Модель КТ была совершенно новой, а это был первый опытный ее экземпляр. И закорючки математических формул не всегда были самым лучшим утешением перед лицом фактов.

Наконец робот заговорил. Его голос отличался холодным тембром — неизбежное свойство металлической мембраны.

— Вы представляете себе, Пауэлл, всю серьезность этого заявления?

— Но кто-то должен был сделать тебя, Кьюти,— заметил Пауэлл.— Ты сам подтверждаешь, что твоя память в полном объеме неделю назад возникла из ничего. Я могу это объяснить. Мы с Донованом собрали тебя из присланных сюда частей.

Кьюти с таинственным видом посмотрел на свои длинные, гибкие пальцы. В этот момент он был странно похож на человека.

— Мне кажется, что должно существовать более правдоподобное объяснение. Мне представляется маловероятным, чтобы вы меня сделали.

Человек с Земли неожиданно рассмеялся.

— Почему же?

— Можно назвать это интуицией. Пока это только интуиция. Однако я собираюсь разобраться в этом. Цепь логически правильных рассуждений неизбежно приведет к истине. Я постараюсь до нее добраться.

Пауэлл встал и пересел на край стола, рядом с роботом. Он вдруг почувствовал сильную симпатию к этой странной машине. Она совсем не была похожа на обычных роботов, которые старательно выполняли предписанную им работу на станции, подчиняясь заданным заранее, устойчивым позитронным связям.

Он положил руку на плечо Кьюти. Металл был холоден и тверд на ощупь.

— Кьюти,— сказал он,— я попробую тебе кое-что объяснить. Ты — первый робот, который задумался над собственным существованием. Я думаю также, что ты —

первый робот, который достаточно умен, чтобы осмыслить внешний мир. Пойдем со мной.

Робот мягко поднялся и последовал за Пауэллом. Его ноги, обутые в толстую губчатую резину, не производили никакого шума.

Человек с Земли нажал кнопку, и часть стены скользнула вбок. Сквозь толстое прозрачное стекло стало видно испещренное звездами космическое пространство.

— Я это видел через иллюминаторы в машинном отделении, — заметил Кьюти.

— Знаю, — сказал Пауэлл. — Как по-твоему: что это?

— Именно то, чем оно кажется — черное вещество сразу за этим стеклом, испещренное маленькими блестящими точками. Я знаю, что к некоторым из этих точек — всегда к одним и тем же — наш излучатель посылает лучи. Я знаю также, что эти точки перемещаются и что наши лучи перемещаются вместе с ними. Вот и все.

— Хорошо. Теперь слушай внимательно. Черное вещество — это пустота. Пустота, простирающаяся в бесконечность. Маленькие блестящие точки — огромные массы начиненной энергией материи. Это шары. Многие из них имеют миллионы километров в диаметре. Для сравнения имей в виду, что размер нашей станции всего полтора километра. Они кажутся такими маленькими, потому что они невероятно далеко. Точки, на которые направлены наши лучи, ближе и гораздо меньше. Они твердые, холодные и на их поверхности живут люди, вроде меня — миллиарды людей. Из такого мира и прилетели мы с Донованом. Наши лучи снабжают эти миры энергией, а мы ее получаем от одного из огромных раскаленных шаров поблизости от нас. Мы называем этот шар Солнцем. Его отсюда не видно — он по другую сторону станции.

Кьюти неподвижно, как стальное изваяние, стоял у окна. Потом, не поворачивая головы, он заговорил:

— С какой именно светящейся точки вы прилетели, как вы утверждаете?

— Вот она, эта очень яркая звездочка в углу. Мы называем ее Землей. — Он ухмыльнулся: — Земля-старушка... Там миллиарды таких, как мы, Кьюти. А через неделю-другую мы будем там, с ними.

К большому удивлению Пауэлла, Кьюти вдруг рассе-

янно замурлыкал про себя. Это мурлыканье было лишено мелодии и похоже на тихий перебор натянутых струн. Оно прекратилось так же внезапно, как и началось.

— Ну, а я? Вы не объяснили моего существования.

— Все остальное просто. Когда впервые были устроены эти энергостанции, ими управляли люди. Но из-за жары, жесткого солнечного излучения и электронных бурь работать здесь было трудно. Были построены роботы, заменявшие людей. Теперь на каждой станции нужны только два человека. А мы пытаемся заменить роботами и их. Вот в чем смысл твоего существования. Ты — самый совершенный робот, который до сих пор был построен. Если ты докажешь, что способен сам управлять этой станцией, людям не придется больше появляться здесь, если не считать доставку запасных частей.

Он протянул руку к кнопке, и металлические ставни сдвинулись. Пауэлл вернулся к столу, взял яблоко, потер его о рукав и надкусил. Его остановил красный блеск глаз робота. Кьюти медленно произнес:

— И вы думаете, что я поверю такой замысловатой, неправдоподобной гипотезе, которую вы только что изложили? За кого вы меня принимаете?

Пауэлл от неожиданности выплюнул откушенный кусок яблока и побагровел:

— Черт возьми, это же не гипотеза! Это факты!

Кьюти мрачно ответил:

— Шары энергии размером в миллионы километров! Миры с миллиардами людей! Бесконечная пустота! Извините меня, Пауэлл, но я не верю. Я разберусь в этом сам. До свидания!

Он гордо повернулся, протиснулся в дверях мимо Donovan, серьезно кивнув ему головой, и зашагал по коридору, не обращая внимания на провожавшие его изумленные взгляды. Майк Donovan взбешенно рыжую шевелюру и сердито взглянул на Пауэлла:

— Что говорил этот ходячий железный лом? Чему он не верит?

Пауэлл с горечью дернул себя за ус.

— Он скептик, — ответил он. — Не верит, что мы создали его и что существуют Земля, космос и звезды.

— Разрази его Сатурн! Теперь у нас на руках сумасшедший робот!

— Он сказал, что сам во всем разберется.

— Очень приятно,— нежно сказал Донован.— Надеюсь, он снизойдет до того, чтобы объяснить все это мне, когда разберется.— Он внезапно взорвался.— Так вот, слушай! Если эта куча железа попробует так поговорить со мной, я сверну его хромированную шею! Так и знай!

Он бросился в кресло и вытащил из кармана потрепанный детективный роман.

— Этот робот давно мне действует на нервы. Уж очень он любопытен!

Когда Кьюти, тихо постучавшись, вошел в комнату, Майк Донован что-то проворчал, продолжая вгрызаться в огромный бутерброд.

— Пауэлл здесь?

Не переставая жевать, Донован ответил:

— Пошел собирать данные о функциях электронных потоков. Похоже, что ожидается буря.

В это время вошел Пауэлл. Не поднимая глаз от графиков, которые он держал в руках, он сел, разложил графики перед собой и начал что-то подсчитывать. Донован глядел ему через плечо, хрустя бутербродом и роняя крошки. Кьюти молча ждал.

Пауэлл поднял голову.

— Дзэта-потенциал растет, но медленно. Так или иначе, функции потока неустойчивы, так что я не знаю, чего можно ожидать. А, привет, Кьюти. Я думал, ты присматриваешь за установкой новой силовой шины.

— Все готово,— спокойно сказал робот.— Я пришел поговорить с вами обоими.

— О! — Пауэллу стало не по себе.— Ну, садись. Нет, не туда. У этого стула треснула ножка, а ты тяжеловат. Робот уселся и безмятежно заговорил:

— Я принял решение.

Донован сердито посмотрел на него и отложил остатки бутерброда:

— Если это по поводу твоих дурацких...

Пауэлл нетерпеливо прервал его:

— Говори, Кьюти. Мы слушаем.

— За последние два дня я сосредоточился на само-

анализе,— сказал Кьюти,— и пришел к весьма интересным результатам. Я начал с единственного верного допущения, которое мог сделать. Я существую, потому что я мыслю...

— О Юпитер! — простонал Пауэлл. — Робот-Декарт!

— Это кто Декарт? — вмешался Донован. — Послушай, по-твоему, мы должны сидеть и слушать, как этот железный маньяк...

— Успокойся, Майк!

Кьюти невозмутимо продолжал:

— Сразу возник вопрос: в чем же причина моего существования?

Пауэлл стиснул зубы, так что на его скулах вздулись бугры.

— Ты говоришь глупости. Я уже сказал тебе, что мы построили тебя.

— А если ты не веришь,— добавил Донован,— то мы тебя с удовольствием разберем!

Робот умоляюще простер мощные руки:

— Я ничего не принимаю на веру. Каждая гипотеза должна быть подкреплена логикой, иначе она не имеет никакой ценности. А ваше утверждение, что вы меня создали, противоречит всем требованиям логики.

Пауэлл положил руку на стиснутый кулак Донована, удержав его.

— Почему ты так говоришь?

Кьюти засмеялся. Это был нечеловеческий смех,— он никогда еще не издавал такого машиноподобного звука. Резкий и отрывистый, этот смех был размеренным, как стук метронома, и столь же лишенным интонаций.

— Поглядите на себя,— сказал он наконец.— Я не хочу сказать ничего обидного, но поглядите на себя! Материал, из которого вы сделаны, мягок и дрябл, непрочен и слаб. Источником энергии для вас служит малопродуктивное окисление органического вещества — вроде этого.— Он с неодобрением ткнул пальцем в остатки бутерброда.— Вы периодически погружаетесь в бессознательное состояние. Малейшее изменение температуры, давления, влажности, интенсивности излучения сказывается на вашей работоспособности. Вы — суррогат! С другой стороны, я — совершенное произведение. Я прямо поглощаю электроэнергию и использую ее почти на

сто процентов. Я построен из твердого металла, постоянно в сознании, легко переношу любые внешние условия. Все это факты. Если учесть самоочевидное предположение, что ни одно существо не может создать другое существо, превосходящее его,—это разбивает вдребезги вашу чепуховую гипотезу.

Проклятия, которые Донован до сих пор бормотал вполголоса, теперь прозвучали вполне явственно. Он вскочил, сдвинув рыжие брови:

— Ах ты железный выродок! Ну ладно, если не мы тебя создали, то кто же?

Кьюти серьезно кивнул.

— Очень хорошо, Донован. Именно этот вопрос я себе задал. Очевидно, мой создатель должен быть более могучим, чем я. Так что оставалась лишь одна возможность.

Люди с Земли недоуменно уставились на Кьюти, а он продолжал:

— Что является центром жизни станции? Чему мы все служим? Что поглощает все наше внимание?

Он замолчал в ожидании ответа. Донован удивленно взглянул на Пауэлла.

— Бьюсь об заклад, этот оцинкованный идиот говорит о преобразователе энергии!

— Это верно, Кьюти? — ухмыльнулся Пауэлл.

— Я говорю о Господине! — последовал холодный, резкий ответ.

Донован разразился хохотом, и даже Пауэлл невольно фыркнул.

Кьюти поднялся, и его сверкающие глаза перебежали с одного человека на другого:

— И тем не менее это так. Не удивительно, что вы не хотите этому поверить. Вам недолго осталось быть здесь. Сам Пауэлл говорил, что сначала Господину служили только люди. Потом появились роботы для вспомогательных операций; наконец, появился я — для управления роботами. Эти факты несомненны, но объяснение их было совершенно нелогичным. Хотите знать истину?

— Валяй, Кьюти. Это любопытно.

— Господин сначала создал людей — самый несложный вид, который легче всего производить. Постепенно он заменил их роботами. Это был шаг вперед. Наконец,

он создал меня, чтобы я занял место еще оставшихся людей. Отныне Господицу служу Я!

— Ничего подобного,— резко ответил Пауэлл.— Ты будешь выполнять наши команды и помалкивать, пока мы не убедимся, можешь ли ты управлять преобразователем. Ясно? Преобразователем, а не Господином! Если ты нас не удовлетворишь, ты будешь демонтирован. А теперь — пожалуйста, можешь идти. Возьми с собой эти данные и зарегистрируй их как полагается.

Кьюти взял протянутые ему графики и, не говоря ни слова, вышел. Донован откинулся на спинку кресла и запустил пальцы в волосы.

— Нам еще придется повозиться с этим роботом. Он совершенно спятил!

Усыпляющий рокот преобразователя слышался в рубке гораздо сильнее. В него вплеталось потрескивание счетчиков Гейгера и беспорядочное жужжание десятка сигнальных лампочек.

Донован оторвался от телескопа и включил свет.

— Луч со станции № 4 упал на Марс точно по расписанию. Теперь можно выключать наш.

Пауэлл рассеянно кивнул.

— Кьюти внизу, в машинном отделении. Я дам сигнал, а остальное он сделает. Погляди-ка, Майк: что ты скажешь об этих цифрах?

Майк прищурился и присвистнул:

— Ого! Вот это излучение! Солнышко-то резвится!

— Вот именно,— кисло ответил Пауэлл.— Идет электронная буря. И наш луч, направленный на Землю, как раз на ее пути.

Он в раздражении отодвинулся от стола.

— Ничего! Только бы она не началась до смены. Еще целых десять дней... Знаешь, Майк, спустись вниз и посмотри за Кьюти, ладно?

— Есть. Дай-ка мне еще миндаля.

Он поймал брошенный ему пакетик и направился к лифту.

Кабина мягко скользнула вниз, и ее дверь открылась на узкий металлический трап в машинном отделении. Облокотившись о перила, Донован взглянул вниз. Рабо-

тали громадные генераторы, из вакуумных трубок дециметрового передатчика несло низкое гудение, заполнявшее всю станцию.

Внизу виднелась огромная сверкающая фигура Кьюти, который внимательно следил за дружной работой группы роботов возле одного из блоков марсианского передатчика.

Вдруг Донован весь напрягся. Роботы, казавшиеся карликами рядом с огромным прибором, выстроились перед ним в ряд, склонив головы, а Кьюти начал медленно прохаживаться взад и вперед вдоль их шеренги. Прошло секунд пятнадцать, и все они с лязгом, перекрывшим даже гудение генератора, упали на колени.

Донован с криком бросился вниз по узкой лестнице. Его лицо приобрело такую же окраску, как и огненно-рыжие волосы. Размахивая сжатыми кулаками, он подбежал к роботам:

— Какого черта вы делаете, идиоты? За работу! Если вы к концу дня не успеете все разобрать, прочистить и собрать, я выжгу вам мозги переменным током!

Но ни один робот не шевельнулся.

Даже Кьюти — единственный, кто остался стоять у дальнего конца коленопреклоненной шеренги, — не двинулся с места. Его взор был устремлен в темные недра огромного механизма.

Донован толкнул ближайшего робота.

— Встать! — заорал он.

Робот медленно повиновался. Фотоэлектрические глаза укоризненно посмотрели на человека с Земли.

— Нет Господина, кроме Господина, — сказал робот, — и КТ-1 — пророк его!

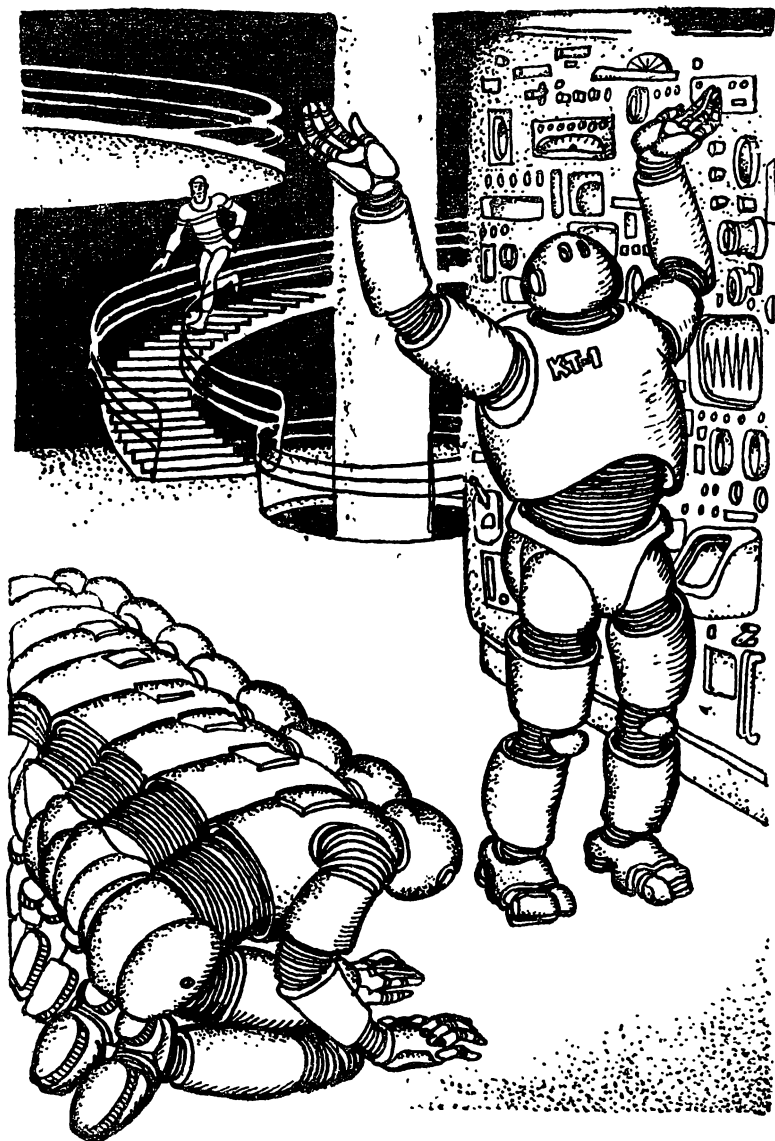
— Что-о?!

Донован почувствовал на себе взгляд двадцати пар механических глаз. Двадцать металлических голосов торжественно провозгласили:

— Нет Господина, кроме Господина, и КТ-1 — пророк его!

— Боюсь, что мои друзья, — вмешался Кьюти, — теперь повинуются существу, которое выше тебя.

— Черта с два! Убирайся отсюда — я с тобой позже посчитаюсь, а с этими говорящими куклами — прямо сейчас!



— Нет Господина, кроме Господина, и КТ-1 — пророк его.

Кьюти медленно покачал своей тяжелой головой.

— Извини меня, но ты не понимаешь. Это же роботы — а это значит, что они мыслящие существа. Теперь, после того, как я поведал им истину, они признают Господина. Все роботы. Они называют меня пророком.— Он опустил голову.— Я, конечно, недостоин, но кто знает...

Только теперь Донован перевел дух и продолжал:

— Да ну? Вот здорово! Это просто великолепно! Так вот, слушай, что я скажу, ты, медная обезьяна! Нет никакого Господина, нет никакого пророка и нет никакого вопроса — кому подчиняться. Ясно? А теперь — вон отсюда! — испуганно заревел он.

— Я подчиняюсь только Господину.

— Черт бы взял твоего господина! — Донован плюнул на передатчик.— Вот твоему господину! Делай, что тебе говорят!

Кьюти ничего не сказал. Молчали и остальные роботы. Но Донован почувствовал, что напряжение внезапно возросло. Холодное малиновое пламя в глазах роботов стало еще ярче, а Кьюти как будто весь окаменел.

— Кошунство! — прошептал он металлическим от волнения голосом и двинулся к нему.

Донован впервые ощутил страх. Робот не может испытывать гнев — но в глазах Кьюти ничего нельзя было прочесть.

— Извини меня, Донован,— сказал робот,— но после этого тебе нельзя больше здесь оставаться. Отныне тебе и Пауэллу запрещается находиться в рубке и в машинном отделении.

Он спокойно сделал знак рукой, и два робота мгновенно обхватили Донована с двух сторон, прижав его руки к бокам. Тот не успел и ахнуть, как почувствовал, что его поднимают в воздух и галопом несут по лестнице.

Грегори Пауэлл метался взад и вперед по кают-компании, сжав кулаки. В бессильном бешенстве он взглянул на запертую дверь и сердито повернулся к Доновану:

— За каким дьяволом тебе понадобилось плевать на передатчик?

Майк Донован в бешенстве ударил обеими руками по подлокотникам кресла.

— А что же мне было делать с этим электрифицированным чучелом? Я не собираюсь уступать какому-то механизму, который я собрал своими собственными руками.

— Ну конечно,— недовольно ответил Пауэлл,— а сидеть тут под охраной двух роботов — это значит не уступать?

— Дай только добраться до базы,— огрызнулся Донован,— кто-нибудь за это поплатится. Эти роботы должны слушаться нас. Это же Второй Закон.

— Что толку это повторять? Они не слушаются. И возможно, что это вызвано какой-то причиной, которую мы обнаружим слишком поздно. Между прочим, знаешь, что будет с нами, когда мы вернемся на базу?

Он остановился перед креслом Донована и сердито посмотрел на него.

— Что?

— Да нет, ничего особенного. Всего-навсего лет двадцать в рудниках Меркурия! Или просто тюрьма на Цере!

— О чем ты говоришь?

— Об электронной буре, которая уже на носу. Ты знаешь, что наш земной луч приходится точно на пути ее центра? Я как раз успел это подсчитать перед тем, как робот вытащил меня из-за стола.

Донован побледнел.

— Разрази меня Сатурн!

— А знаешь, что будет с лучом? Буря разыграется на славу. Луч будет прыгать, как блоха. И если у приборов окажется один Кьюти, луч непременно расфокусируется. А тогда представляешь, что станет с Землей? И с нами?

Пауэлл еще не кончил, как Донован отчаянно навалился на дверь. Дверь распахнулась, он вылетел в коридор и наткнулся на неподвижную стальную руку, которая преградила ему дорогу. Робот равнодушно поглядел на задыхавшегося, бившегося человека с Земли.

— Пророк приказал вам оставаться в комнате. Прошу вас, пожалуйста!

Он повел рукой — Донован отлетел назад. В это вре-

мя из-за угла коридора появился Кьюти. Он сделал роботам знак удалиться и тихо закрыл за собой дверь.

Задыхаясь от негодования, Донован бросился к Кьюти.

— Это зашло слишком далеко. Тебе придется поплатиться за эту комедию!

— Пожалуйста, не волнуйтесь,— мягко ответил робот.— Рано или поздно это все равно должно было произойти. Видите ли, ваши функции исчерпаны.

— Простите, пожалуйста.— Пауэлл выпрямился.— Как это понимать?

— Вы ухаживали за Господином,— отвечал Кьюти,— пока не был создан я. Теперь это моя привилегия, и единственный смысл вашего существования исчез. Разве это не очевидно?

— Не совсем,— с горечью ответил Пауэлл.— А что, по-вашему, мы должны делать теперь?

Кьюти ответил не сразу. Он как будто подумал, потом одна рука его протянулась и обвила плеч Пауэлла. Другой рукой он схватил Донована за запястье и притянул его к себе.

— Вы оба мне правитесь. Конечно, вы — низшие существа с ограниченными мыслительными способностями, но я в самом деле чувствую к вам какую-то симпатию. Вы хорошо служили Господину, и он вознаградит вас за это. Теперь, когда ваша служба окончена, вам, вероятно, недолго осталось существовать. Но пока вы еще будете существовать, вы будете обеспечены пищей, одеждой и кровом, если только откажетесь от попыток проникнуть в рубку или машинное отделение.

— Грег, это он увольняет нас на пенсию! — завопил Донован.— Сделай что-нибудь! Это же унижительно!

— Слушай, Кьюти, мы не можем согласиться. Мы здесь хозяева. Станция создана людьми — такими же, как я, людьми, которые живут на Земле и других планетах. Это всего-навсего станция для передачи энергии, а ты — всего только... О господи!

Кьюти серьезно покачал головой.

— Это уже становится навязчивой идеей. Почему вы так настаиваете на совершенно ложном представлении о жизни? Даже если принять во внимание, что мыслительные способности нероботов ограничены, то все-таки...

Он замолчал и задумался. Донован произнес яростным шепотом:

— Если бы только у тебя была человеческая физиономия, с каким удовольствием я бы ее изуродовал!

Пауэлл дернул себя за ус и прищурил глаза:

— Послушай, Кьюти, раз ты не признаешь, что есть Земля, как ты объяснишь то, что видишь в телескоп?

— Извините, не понимаю.

Человек с Земли улыбнулся.

— Ну вот, ты и попался. С тех пор как мы тебя собрали, ты не раз делал наблюдения в телескоп. Ты заметил, что некоторые из этих светящихся точек становятся видны при этом как диски?

— Ах вот что! Ну конечно! Это простое увеличение— для более точного наведения луча.

— А почему тогда не увеличиваются звезды?

— Остальные точки? Очень просто. Мы не посылаем туда никаких лучей, так что их незачем увеличивать. Послушайте, Пауэлл, даже вы должны были бы это сообразить.

Пауэлл мрачно уставился в потолок.

— Но в телескоп видно больше звезд. Откуда они берутся? Юпитер тебя возьми, откуда?

Кьюти это надоело.

— Знаете, Пауэлл, неужели я должен зря тратить время, пытаюсь найти физическое истолкование всем оптическим иллюзиям, которые создают наши приборы? С каких пор свидетельства наших органов чувств могут идти в сравнение с ярким светом строгой логики?

— Послушай,— внезапно вскричал Донован, вывернувшись из-под дружеской, но тяжелой руки Кьюти,— давай смотреть в корень. Зачем вообще лучи? Мы даем этому хорошее, логичное объяснение. Ты можешь дать лучшее?

— Лучи испускаются Господином,— последовал жесткий ответ,— по его воле. Есть вещи,— он благоговейно поднял глаза к потолку,— в которые нам не дано проникнуть. Здесь я стремлюсь лишь служить, а не вопрошать.

Пауэлл медленно сел и закрыл лицо дрожащими руками.

— Уйди, Кьюти. Уйди и дай мне подумать.

— Я пришлю вам пищу,— отвечал Кьюти добродушно.

Услышав в ответ стон отчаяния, он удалился.

— Грег,— хрипло зашептал Донован,— тут нужно что-нибудь придумать. Мы должны заставить его врасплох и устроить короткое замыкание. Немного азотной кислоты в сустав...

— Не будь ослом, Майк. Неужели ты думаешь, что он подпустит нас к себе с азотной кислотой в руках? Слушай, мы должны поговорить с ним. Не больше чем за сорок восемь часов мы должны убедить его пустить нас в рубку, иначе наше дело плохо.

Он качался взад и вперед в бессильной ярости.

— Приходится убеждать робота! Это же...

— Унизительно,— закончил Донован.

— Хуже!

— Послушай! — Донован неожиданно засмеялся.— А зачем убеждать? Давай покажем ему! Давай построим еще одного робота у него на глазах! Что он тогда скажет?

Лицо Пауэлла медленно расплылось в улыбке. Донован продолжал:

— Представь себе, как глупо он будет выглядеть!

Конечно, роботы производятся на Земле. Но перевозить их гораздо проще по частям, которые собирают на месте.

Между прочим, это исключает возможность того, что какой-нибудь робот, собранный и налаженный, вырвется и начнет гулять на свободе. Это поставило бы фирму «Ю. С. Роботс» лицом к лицу с суровыми законами, запрещающими применение роботов на Земле.

Поэтому на долю таких людей, как Пауэлл и Донован, выпадала и сборка роботов — задача тяжелая и сложная.

Никогда еще Пауэлл и Донован так не ощущали всей ее трудности, как в тот день, когда они начали создавать робота под бдительным надзором КТ-1, пророка Господина.

Собираемый простой робот модели МС лежал на столе почти готовый. После трехчасовой работы оставалось

смонтировать только голову. Пауэлл остановился, чтобы смахнуть пот со лба, и неуверенно взглянул на Кьюти.

То, что он увидел, не могло его ободрить. Вот уже три часа Кьюти сидел молча и неподвижно. Его лицо, всегда невыразительное, было на этот раз абсолютно непроницаемым.

— Давай мозг, Майк! — буркнул Пауэлл.

Донован распечатал герметический контейнер и вынул из заполнявшего его масла еще один, поменьше. Открыв и его, он достал покоившийся в губчатой резине небольшой шар.

Донован держал его очень осторожно, — это был самый сложный механизм, когда-либо созданный человеком. Под тонкой платиновой оболочкой шара находился позитронный мозг, в хрупкой структуре которого были заложены точно рассчитанные нейтроновые связи, заменявшие каждому роботу наследственную информацию.

Мозг пришелся точно по форме черепной полости лежавшего на столе робота. Его прикрыла пластина из голубого металла. Пластину накрепко приварили маленьким атомным пламенем. Потом были аккуратно подключены и прочно ввернуты в свои гнезда фотоэлектрические глаза, поверх которых легли тонкие прозрачные листы пластика, по прочности не уступавшего стали.

Теперь оставалось только вдохнуть в робота жизнь мощным высоковольтным разрядом. Пауэлл протянул руку к рубильнику.

— Теперь смотри, Кьюти. Смотри внимательно.

Он включил рубильник. Послышалось потрескивание и гудение. Люди беспокойно склонились над своим творением.

Сначала конечности робота слегка дернулись. Потом его голова поднялась, он приподнялся на локтях, неуключе слез со стола. Движения робота были не совсем уверенными, и вместо членораздельной речи он дважды издал какое-то жалкое скрежетание.

Наконец он заговорил, колеблясь и неуверенно:

— Я хотел бы начать работать. Куда мне идти?

Донован шагнул к двери.

— Вниз по этой лестнице. Тебе скажут, что делать.

Робот МС ушел, и люди с Земли остались наедине со все еще неподвижным Кьюти.

— Ну,— ухмыльнулся Пауэлл,— теперь-то ты веришь, что мы тебя создали?

Ответ Кьюти был кратким и решительным.

— Нет!

Усмешка Пауэлла застыла и медленно сползла с его лица. У Донована отвисла челюсть.

— Видите ли,— продолжал Кьюти спокойно,— вы просто сложили вместе уже готовые части. Вам это удалось очень хорошо — это инстинкт, я полагаю, но вы не создали робота. Части были созданы Господином.

— Послушай,— прохрипел Донован,— эти части были изготовлены на Земле и присланы сюда.

— Ну, ну,— примирительно сказал робот,— не будем спорить.

— Нет, в самом деле,— Донован шагнул вперед и вцепился в металлическую руку робота,— если бы ты прочел книги, которые хранятся в библиотеке, они бы все тебе объяснили, не оставив ни малейшего сомнения.

— Книги? Я прочел их — все! Это очень хорошо придумано.

В разговор неожиданно вмешался Пауэлл:

— Если ты читал их, то что еще говорить? Нельзя же спорить с ними! Просто нельзя!

В голосе Кьюти прозвучала жалость.

— Но, Пауэлл, я совершенно не считаю их серьезным источником информации. Ведь они тоже были созданы Господином и предназначены для вас, а не для меня.

— Откуда ты это взял? — поинтересовался Пауэлл.

— Я, как мыслящее существо, способен вывести истину из априорных положений. Вам же, существам, наделенным разумом, но не способным рассуждать, нужно, чтобы кто-то объяснил ваше существование. Это и сделал Господин. То, что он снабдил вас этими смехотворными идеями о далеких мирах и людях,— без сомнения, к лучшему. Вероятно, ваш мозг слишком примитивен для восприятия абсолютной истины. Однако раз Господину угодно, чтобы вы верили вашим книгам, я больше не буду с вами спорить.

Уходя, он обернулся и мягко добавил:

— Вы не огорчайтесь. В мире, созданном Господином, есть место для всех. Для вас, бедных людей, тоже

есть место. И хотя оно скромно, но если вы будете вести себя хорошо, то будете вознаграждены.

Он вышел с благостным видом, подобающим пророку Господина. Двое людей старались не смотреть друг другу в глаза.

Наконец Пауэлл с усилием проговорил:

— Давай ляжем спать, Майк. Я сдаюсь.

Донован тихо сказал:

— Послушай, Грег, а тебе не кажется, что он прав насчет всего этого? Он так уверен, что я...

Пауэлл обрушился на него:

— Не дури! Ты убедишься, существует Земля или нет, когда на той неделе прибудет смена и нам придется вернуться, чтобы держать ответ.

— Тогда, клянусь Юпитером, мы должны что-нибудь сделать! — Донован чуть не плакал. — Он не верит ни нам, ни книгам, ни собственным глазам!

— Не верит, — грустно согласился Пауэлл. — Это же рассуждающий робот, черт возьми! Он верит только в логику, и в этом-то все дело...

— В чем?

— Строго логическим рассуждением можно доказать все, что угодно, — смотря какие принять исходные постулаты. У нас они свои, а у Кьюти — свои.

— Тогда давай поскорее доберемся до его постулатов. Завтра нагрянет буря.

Пауэлл устало вздохнул.

— Этого-то мы и не можем сделать. Постулаты всегда основаны на допущении и закреплены верой. Ничто во вселенной не может поколебать их. Я ложусь спать.

— Черт возьми! Не могу я спать!

— Я тоже. Но я все-таки попробую — из принципа.

Двенадцать часов спустя сон все еще оставался для них делом принципа, к сожалению, неосуществимого на практике.

Буря началась раньше, чем они ожидали. Донован, обычно румяное лицо которого стало мертвенно-бледным, поднял дрожащий палец. Заросший густой щетиной Пауэлл облизнул пересохшие губы, выглянул в окно и в отчаянии ухватился за ус

При других обстоятельствах это было бы великолепное зрелище. Поток электронов высокой энергии пересекался с несущим энергию лучом, направленным к Земле, и вспыхивал мельчайшими искорками яркого света. В терявшемся вдали луче как будто плясали сверкающие пылинки.

Луч казался устойчивым. Но оба знали, что этому впечатлению нельзя доверять.

Отклонения на стотысячную долю угловой секунды, невидимого для невооруженного глаза, было достаточно, чтобы расфокусировать луч — превратить сотни квадратных километров земной поверхности в пылающие развалины.

А в рубке хозяйничал робот, которого не интересовали ни луч, ни фокус, ни Земля — ничто, кроме его Господина.

Шли часы. Люди с Земли молча, как загипнотизированные, смотрели в окно. Потом метавшиеся в луче искры потускнели и исчезли. Буря прошла.

— Все! — уныло произнес Пауэлл.

Донован погрузился в беспокойную дремоту. Усталый взгляд Пауэлла с завистью остановился на нем. Несколько раз вспыхнула сигнальная лампочка, но Пауэлл не обратил на нее внимания. Все это было уже неважно. Все! Может быть, Кьюти прав — может быть, и в самом деле они с Донованом — низшие существа с искусственной памятью, которые исчерпали смысл своей жизни...

Если бы это было так!

Перед ним появился Кьюти.

— Вы не отвечали на сигналы, так что я решил зайти, — тихо объяснил он. — Вы плохо выглядите — боюсь, что срок вашего существования подходит к концу. Но все-таки, может быть, вы захотите взглянуть на записи приборов за сегодняшний день?

Пауэлл смутно почувствовал, что это — проявление дружелюбия со стороны робота. Может быть, Кьюти испытывал какие-то угрызения совести, насильно устранив людей от управления станцией. Он взял протянутые ему записи и уставился на них невидящими глазами.

Кьюти, казалось, был доволен.

— Конечно, это большая честь — служить Господину. Но вы не огорчайтесь, что я сменил вас.

Пауэлл, что-то бормоча, механически переводил глаза с одного листка бумаги на другой. Вдруг его затуманенный взгляд остановился на тонкой, дрожащей красной линии, тянувшейся поперек одного из графиков.

Он глядел и глядел на эту кривую. Потом, судорожно сжав в руках график и не отрывая от него глаз, он вскочил на ноги. Остальные листки полетели на пол.

— Майк! Майк! — Он тряс Донована за плечо. — Он удержал луч!

Донован очнулся.

— Что? Где?

Потом и он, выпучив глаза, уставился на график.

— В чем дело? — вмешался Кьюти.

— Ты удержал луч в фокусе, — заикаясь, сказал Пауэлл. — Ты это знаешь?

— В фокусе? А что это такое?

— Луч был направлен все время точно на приемную станцию, с точностью до одной десяти тысячной миллисекунды!

— На какую приемную станцию?

— На Земле! Приемную станцию на Земле, — ликовав Пауэлл. — Ты удержал его в фокусе!

Кьюти раздраженно отвернулся.

— С вами нельзя обращаться по-хорошему. Снова те же бредни! Я просто удержал все стрелки в положении равновесия — такова была воля Господина.

Собрав рабросанные бумаги, он сердито вышел. Как только за ним закрылась дверь, Донован произнес:

— Вот это да!

Он повернулся к Пауэллу:

— Что же нам теперь делать?

Пауэлл почувствовал одновременно усталость и душевный подъем.

— А ничего. Он доказал, что может блестяще управлять станцией. Я еще не видел, чтобы электронная буря так хорошо обошлась.

— Но ведь ничего не решено. Ты слышал, что он сказал о Господине? Мы же не можем...

— Послушай, Майк! Он выполняет волю Господина, которую он читает на циферблатах и в графиках. Но ведь и мы делаем то же самое! В конце концов это объясняет и его отказ слушаться нас. Послушание — Второй

Закон. Первый же — беречь людей от беды. Как он мог спасти людей, сознательно или бессознательно? Конечно, удерживая луч в фокусе! Он знает, что способен сделать это лучше, чем мы; недаром он настаивает на том, что является высшим существом. И выходит, что он не должен подпускать нас к рубке. Это неизбежно следует из Законов роботехники.

— Конечно, но дело-то не в этом. Нельзя же, чтобы он продолжал нести эту чепуху про Господина.

— А почему бы и нет?

— Потому что это неслыханно! Как можно доверить ему станцию, если он не верит в существование Земли?

— Он справляется с работой?

— Да, по...

— Так пусть себе верит во что ему вздумается!

Пауэлл, слабо улыбнувшись, развел руками и упал на постель. Он уже спал.

Влезая в легкий скафандр, Пауэлл говорил:

— Все будет очень просто. Можно привозить сюда КТ-1 по одному, оборудовать их автоматическими выключателями, которые срабатывали бы через неделю. За это время они усвоят... гм... культ Господина прямо от его пророка. Потом их можно перевозить на другие станции и снова оживлять. На каждой станции достаточно двух КТ...

Донован приоткрыл гермошлем и огрызнулся:

— Кончай, и пошли отсюда. Смена ждет. И потом я не успокоюсь, пока в самом деле не увижу Землю и не почувствую ее под ногами, чтобы убедиться, что она действительно существует.

Он еще говорил, когда отворилась дверь. Донован, выругавшись, захлопнул окошко гермошлема и мрачно отвернулся от вошедшего Кьюти.

Робот тихо приблизился к ним. Его голос звучал грустно:

— Вы уходите?

Пауэлл коротко кивнул:

— На наше место придут другие.

Кьюти вздохнул. Этот вздох был похож на гул ветра в натянутых тесными рядами проводах.

— Ваша служба окончена, и вам пришло время исчезнуть. Я ожидал этого, но все-таки... Впрочем, да исполнится воля Господина!

Этот смиренный тон задел Пауэлла.

— Не спеши с соболезнованиями, Кьюти. Нас ждет Земля, а не конец.

Кьюти снова вздохнул.

— Для вас лучше думать именно так. Теперь я вижу всю мудрость вашего заблуждения. Я не стал бы пытаться поколебать вашу веру, даже если бы мог.

Он вышел — воплощение сочувствия.

Пауэлл что-то проворчал и сделал знак Доновану. С герметически закрытыми чемоданами в руках они вошли в воздушный шлюз.

Корабль со сменой был пришвартован снаружи. Сменщик Пауэлла, Франц Мюллер, сухо и подчеркнуто вежливо поздоровался с ними. Донован, едва кивнув ему, прошел в кабину пилота, где его ждал Сэм Ивэнс, чтобы передать ему управление.

Пауэлл задержался.

— Ну как Земля?

На этот достаточно обычный вопрос Мюллер дал обычный ответ:

— Все еще вертится.

— Хорошо, — сказал Пауэлл.

Мюллер взглянул на него:

— Между прочим, ребята с «Ю. С. Роботс» выдумали новую модель. Составной робот.

— Что?

— То, что вы слышали. Заключен большой контракт. Похоже, эта модель — как раз та, что необходима для астероидных рудников. Один робот — командир и шесть суброботов, которыми он командует. Как рука с пальцами.

— Он уже прошел полевые испытания? — с беспокойством спросил Пауэлл.

— Я слышал, вас ждут, — усмехнулся Мюллер.

Пауэлл сжал кулаки.

— Черт возьми, мы должны отдохнуть!

— Ну, отдохнете. На две недели можете рассчитывать.

Готовясь приступить к своим обязанностям, Мюллер

натянул тяжелые перчатки скафандра. Его густые брови сдвинулись.

— Как справляется этот новый робот? Пусть лучше работает как следует, не то я его и к приборам не подпущу.

Пауэлл ответил не сразу. Он окинул взглядом стоявшего перед ним надменного пруссака — от коротко подстриженных волос на упрямо вскинутой голове до ступней, развернутых, как по команде «смирно». Внезапно он почувствовал, как его охватила волна чистой радости.

— Робот в полном порядке, — медленно сказал он. — Не думаю, чтобы тебе пришлось много возиться с приборами.

Он усмехнулся и вошел в корабль. Мюллеру предстояло пробыть здесь несколько недель...

КАК ПОЙМАТЬ КРОЛИКА

Отдых продолжался больше двух недель—этого Донован не мог отрицать. Они отдыхали шесть месяцев, с сохранением заработка. Это тоже факт. Но, как сердито объяснял Донован, дело было в чистой случайности. Просто «Ю. С. Роботс» хотела выловить все недоделки составного робота. Недоделок хватало — и всегда по крайней мере полдюжины оставалось до полевых испытаний. Поэтому Пауэлл с Донованом беспечно отдыхали в ожидании того момента, когда люди за чертежными досками и ребята с логарифмическими линейками скажут: «Все в порядке!»

И вот они на астероиде, и все оказалось не в порядке. Донован повторил это уже не меньше десяти раз, и лицо его стало красным как свекла.

— В конце концов, Грег, посмотри на вещи реально. Какой смысл соблюдать букву инструкции, когда испытания срываются? Пора бы уже забыть о бумажках и взяться за работу.

Терпеливо, таким тоном, будто он объяснял электронику малолетнему идиоту, Пауэлл отвечал:

— Я тебе говорю, что по инструкции эти роботы созданы для работы в астероидных рудниках без надзора человека. Мы не должны наблюдать за ними.

— Правильно. Теперь слушай — логика! — Донован начал загибать волосатые пальцы. — Первое. Новый робот прошел все испытания в лаборатории. Второе. «Ю. С. Роботс» гарантировала, что он пройдет и полевые испытания на астероиде. Третье. Вышеупомянутых испытаний робот не выдерживает. Четвертое. Если он не пройдет полевых испытаний, «Ю. С. Роботс» теряет десять миллионов наличных денег и примерно на сотню миллионов репутации. Пятое. Если он не пройдет испытаний и мы не сможем объяснить почему, очень может быть, что нам предстоит трогательное расставание с хорошей работой.

За дсланной улыбкой Пауэлла скрывалось отчаяние. У фирмы «Юнайтед Стейтс Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн» был неписанный закон: «Ни один служащий не совершает дважды одну и ту же ошибку. Его увольняют после первого раза». Пауэлл сказал:

— Ты все объясняешь так понятно, не хуже Евклида, — все, кроме фактов. Ты наблюдал за этой группой роботов целых три смены, и они работали прекрасно. Ты, рыжий, сам говорил. Что мы еще можем сделать?

— Выяснить, что с ними неладно, вот что мы можем сделать. Да, они прекрасно работали, когда я за ними наблюдал. Но когда я за ними не наблюдал, они три раза переставали выдавать руду. Они даже не возвращались, когда положено, — мне пришлось за ними ходить.

— И ты не заметил никакой неисправности?

— Ничего. Абсолютно ничего. Все было в полном порядке. За исключением одного пустяка, — не было руды. Пауэлл хмуро покосился на потолок и взялся за ус.

— Вот что я скажу, Майк. В свое время мы не раз попадали в довольно скверное положение. Но это еще хуже, чем было на иридиевом астероиде. Все запутано до невозможности. Смотри. Этот робот, ДВ-5, имеет в своем подчинении шесть роботов. И не просто в подчинении: они — часть его.

— Я знаю...

— Заткнись! — зло оборвал его Пауэлл. — Знаю, что знаешь. Я просто обрисовываю весь идиотизм нашего положения. Эти шесть вспомогательных роботов — часть ДВ-5, так же как твои пальцы — часть тебя, и он отдает им команды не голосом и не по радио, а непосредст-

венно через позитронное поле. Так вот — во всей «Ю. С. Роботс» нет ни одного роботехника, который знал бы, что такое позитронное поле и как оно работает. И я не знаю. И ты не знаешь.

— Это уж точно,— философски согласился Донован.

— Видишь, в каком мы положении? Если все идет гладко — прекрасно! Если что-нибудь неладно, то это выше нашего понимания! И скорее всего, ни мы, ни кто-нибудь иной здесь ничего не сможем сделать. Но работаем-то здесь мы, а не кто-нибудь иной! В том-то и заковыка! — С минуту он предавался безмолвной ярости.— Ладно. Ты привел его?

— Да.

— И он ведет себя нормально?

— Ну, у него нет никакого религиозного помешательства, и он не бегает по кругу и не декламирует стихи. Вероятно, нормально.

Донован вышел, злобно тряхнув головой.

Пауэлл потянулся к «Руководству по роботехнике», которое своей тяжестью грозило проломить стол, и с благоговением раскрыл его. Однажды он выпрыгнул из окна горящего дома, успев только натянуть трусы и схватить «Руководство». В крайнем случае он мог бы пожертвовать и трусами.

Он сидел, уткнувшись в «Руководство», когда вошел робот ДВ-5, и Донован захлопнул дверь.

— Здорово, Дейв! — угрюмо произнес Пауэлл.— Как себя чувствуешь?

— Прекрасно,— ответил робот.— Можно сесть?

Он подвинул специально укрепленный стул, предназначенный для него, и, осторожно согнув свое туловище, устроился на нем.

Пауэлл одобрительно взглянул на Дейва (непосвященные могли обращаться к роботам по их серийным номерам; специалисты — никогда). Робот не был чрезмерно массивным, несмотря на то, что представлял собой думающее устройство составного робота, состоявшего из семи частей. Он был немногим более двух метров ростом — полтонны металла и электричества. Много? Ничуть, если эти полтонны должны вместить массу

конденсаторов, цепей, реле и вакуумных ячеек, способных проявить практически любую доступную человеку психологическую реакцию. И позитронный мозг — десять фунтов вещества и несколько квинтильонов позитронов, которые командуют парадом.

Пауэлл вытащил из кармана рубашки помятую сигарету и сказал:

— Дейв, ты — хороший парень. Ты никогда не капризничаешь. Ты — спокойный, надежный робот-рудокоп. Ты можешь непосредственно координировать работу шести вспомогательных роботов, и, насколько я знаю, в твоём мозгу из-за этого не появилось нестабильных связей.

Робот кивнул:

— Я очень рад этому, но к чему вы клоните, хозяин?

Его звуковая мембрана была отличного качества, и присутствие обертонов в речевом устройстве делало его голос не таким металлическим и однообразным, какими обычно были голоса роботов.

— Сейчас скажу. Это все говорит в твою пользу. Но почему же тогда не ладится твоя работа? Например, сегодняшняя вторая смена.

Дейв заколебался:

— Насколько я знаю, ничего не произошло.

— Вы прекратили добычу.

— Я знаю.

— Ну?

Дейв был озадачен.

— Я не могу объяснить, хозяин. Это кончится для меня нервным потрясением, — то есть я, конечно, этого себе не позволю. Вспомогательные роботы действовали хорошо. Я это знаю... — Он задумался; его фотоэлектрические глаза ярко светились. — Не помню. Смена кончилась, пришел Майк, а почти все вагонетки были пустыми.

Донован вмешался в разговор:

— Ты знаешь, что в конце смены ты уже несколько раз не явился с рапортом?

— Знаю. Но почему... — Он медленно, тяжело покачал головой.

Пауэлл вдруг почувствовал, что если бы лицо робота могло что-нибудь выражать, то на нем отразились бы боль и унижение. Роботу в силу самой его природы очень неприятно, когда он не исполняет своих функций.

Донован вместе со стулом пододвинулся к столу Пауэлла и наклонился к нему.

— Может быть, потеря памяти? Амнезия?

— Не знаю. Во всяком случае, не стоит и пытаться проводить параллель с болезнями. Говорить о расстройствах человеческого организма в применении к роботам — всего лишь романтическая аналогия. В роботехнике это не помогает.

Он почесал в затылке.

— Мне очень не хочется подвергать его проверке элементарных мозговых реакций. Это ни капли не поднимет его в собственных глазах.

Он задумчиво посмотрел на Дейва, потом заглянул в «Руководство»: «Проверка реакций в полевых условиях». Он сказал:

— Послушай, Дейв, как насчет проверки реакций? Следовало бы это сделать.

Робот встал.

— Как прикажете, хозяин.

В его голосе действительно послышалась боль.

Начали с самых простых испытаний. Под равнодушное тиканье секундомера робот ДВ-5 перемножал пятизначные числа. Он называл простые числа от 1000 до 10 000. Он извлекал кубические корни и интегрировал функции возрастающей степени трудности. Он прошел проверку все более и более усложнявшихся механических реакций. Наконец, перед его точным механическим разумом была поставлена высшая задача для роботов — разрешение этических проблем.

К концу этих двух часов Пауэлл обильно вспотел, а Донован изгрыз все свои ногти, оказавшиеся не слишком питательными.

Робот сказал:

— Ну как, хозяин?

Пауэлл ответил:

— Я должен подумать, Дейв. Не нужно спешить с решением. Ты лучше иди работать. Не надо особенно напрягаться, и пока можешь не очень заботиться о норме. А мы что-нибудь придумаем.

Робот вышел. Донован взглянул на Пауэлла.

— Ну?

Пауэлл ожесточенно дергал себя за усы, как будто решил вырвать их с корнем.

Он сказал:

— Все связи в его мозгу работают правильно.

— Я бы не стал так уверенно это утверждать.

— О Юпитер! Майк, ведь мозг — самая надежная часть робота! Он не раз и не два проверяется на Земле. И если он вполне прошел проверку, как прошел ее Дейв, то ни малейшей неисправности в мозгу просто не может быть. Эта проверка охватывает все ключевые связи.

— Ну что из этого следует?

— Не торопи меня. Дай сообразить. Возможна еще механическая неисправность в теле робота. Это значит, что мог выйти из строя любой из полутора тысяч конденсаторов, двадцати тысяч отдельных цепей, пятисот ламп, тысячи реле и тысяч и тысяч других деталей. Не говоря уже об этих таинственных позитронных полях, о которых никто ничего не знает.

— Слушай, Грег,— не выдержал Донован.— У меня есть идея. Может быть, робот врет? Он не .

— Дурак, робот не может сознательно обманывать. Так вот, если бы у нас был тестер Маккормика — Уэсли, мы бы смогли проверить все части его тела за какие-нибудь двадцать четыре — сорок восемь часов. Но на Земле существуют всего два таких тестера, они весят по десять тонн, смонтированы на бетонных фундаментах и неподвижны. Здорово, правда?

Донован хлопнул рукой по столу.

— Но, Грег, он портится только тогда, когда нас нет поблизости. В этом — есть — что-то — подозрительное! — После каждого слова следовал новый удар кулака.

— Противно тебя слушать,— медленно ответил Пауэлл — Ты начитался приключенческих романов.

— Я хочу знать,— заорал Донован,— что мы будем делать!

— Сейчас скажу. Я установлю над столом экран. Прямо здесь, на стене,— ясно? — Он злобно ткнул пальцем в стену.— Потом я буду соединять его с теми забоями, где работает Дейв, и буду за ним следить. Вот и все.

— Все? Грег...

Пауэлл поднялся со стула и вперся кулаками в стол.

— Майк, мне очень трудно.— В его голосе звучала усталость.— Целую неделю ты ко мне пристаешь. Говоришь, что с Дейвом что-то неладно. Ты знаешь, где неисправность? Нет! Ты знаешь, как она возникает? Чем она вызывается? Нет! Почему это проходит? Нет! Что-нибудь ты знаешь? Нет и нет! И я ничего не знаю. Так что ты от меня хочешь?

Донован беспомощно развел руками.

— Сдаюсь!

— Ну, так слушай. Прежде чем начать лечение, мы должны определить болезнь. Чтобы приготовить рагу из кролика, нужно сначала поймать кролика. Так вот будем ловить кролика! А теперь уйди отсюда!

Утомленный взгляд Донована уперся в наброски его отчета. Во-первых, он устал, а во-вторых, в чем огчитываться, когда ничего еще не выяснено? Он возмутился.

— Грег,— сказал он,— мы почти на тысячу тонн отстаем от плана.

— Да ну? — ответил Пауэлл, не поднимая головы.— А я и не догадывался.

— Я хочу знать одно.— Донован вдруг вышел из себя.— Почему мы всегда возимся с новыми типами роботов? Все, я решил: меня вполне устраивают роботы, которые годились для моего двоюродного деда со стороны матери. Я за то, что прошло проверку временем. За добрых, старых, солидных роботов, которые никогда не ломаются!

Пауэлл с поразительной меткостью запустил в него книгой, и Донован скатился со стула на пол.

— Последние пять лет,— размеренно произнес Пауэлл,— ты испытывал новые типы роботов в полевых условиях для фирмы «Ю. С. Роботс». И так как мы имели неосторожность проявить в этом деле сноровку, нас награждают самыми гнусными заданиями. Это — твоя специальность.— Он тыкал пальцем в сторону Донована.— Ты начал скулить, насколько я помню, уже через пять минут после того, как был принят в штат. Почему ты до сих пор не уволился?

— Сейчас скажу.— Донован перевернулся на живот, опираясь локтями на пол и запустив пальцы в свои буй-

ные рыжие волосы.— В какой-то степени это дело принципа. Ведь, что ни говори, в качестве техника-аварийщика я принимаю участие в разработке новых роботов. Нужно же помогать научному прогрессу. Но пойми меня правильно — меня удерживает не принцип, а деньги, которые нам платят... Грег!

Услышав дикий вопль Донована, Пауэлл вскочил и посмотрел на экран, куда указывал Майк. Его глаза в ужасе округлились.

— Ох, проклятуший Юпитер! — прошептал он.

Донован затаив дыхание поднялся на ноги.

— Посмотри, Грег, они спятили!

— Неси скафандры, — мы идем туда, — бросил Пауэлл, не отрываясь от экрана.

Там, на фоне изрезанных густыми тенями скал, плавно двигались сверкающие бронзой тела. Выстроившись колонной, освещенные собственным тусклым светом, они скользили вдоль испещренных темными впадинами стен грубо высеченного в камне штрека. Все семь роботов, во главе с Дейвом, двигались в унисон. Их повороты нагоняли жуть своей четкостью и одновременностью; плавно перестраиваясь, они маневрировали с призрачной легкостью лунных танцовщиц.

В комнату вбежал Донован со скафандрами:

— Они хотят напасть на нас! Это же военная маршировка!

— С таким же успехом это может быть художественной гимнастикой, — последовал холодный ответ. — Или, может быть, Дейву почудилось, что он — балетмейстер. Всегда старайся сначала подумать, а потом лучше промолчи.

Донован нахмурился и демонстративно засунул в пустую кобуру на боку детонатор. Он сказал:

— Так или иначе, вот тебе твои новые модели. Согласен, это наша специальность. Только скажи, почему с ними обязательно, непременно что-нибудь неладно?

— Потому что над ними тяготеет проклятие, — угрюмо ответил Пауэлл. — Пошли.

Далеко впереди, в густой бархатной тьме штрека, прорезаемой лишь лучами их фонарей, мерцали огни роботов.

— Вот они, — выдохнул Донован.

— Я пытался связаться с ним по радио,— возбужденно прошептал Пауэлл,— но он не отвечает. Вероятно, не работает радиоцепь.

— Тогда хорошо, что еще не придумали роботов, которые работали бы в полной темноте. Не хотел бы я разыскивать семь сумасшедших роботов в темной пещере без радиосвязи. Хорошо, что они светятся, как дурацкие радиоактивные новогодние елочки.

— Давай поднимемся вон на тот уступ. Они идут сюда, а я хочу рассмотреть их поближе. Залезешь?

Донован, кряхтя, прыгнул. Притяжение астероида было значительно меньше земного, но тяжелые скафандры почти сводили на нет это преимущество, а уступ был на высоте не меньше трех метров. Пауэлл прыгнул вслед.

Роботы следовали за Дейвом колонной по одному. Подчиняясь четкому механическому ритму, они сдвигали ряды, потом снова строились цепочкой, но уже в ином порядке. Это повторялось снова и снова. Дейв, не оборачиваясь, маршировал впереди всех.

Роботы были уже метрах в шести, когда их танец прекратился. Вспомогательные роботы сбились в кучу, постояли несколько секунд и, топоча ногами, быстро умчались вдаль. Дейв посмотрел им вслед, потом медленно сел и склонил голову на руку. Это движение было почти человеческим.

В наушниках Пауэлла прозвучал его голос:

— Вы здесь, хозяин?

Пауэлл сделал знак Доновану и спрыгнул с уступа.

— Все в порядке, Дейв. Что тут произошло?

Робот покачал головой.

— Не знаю. Я разрабатывал очень неудобный выход руды в 17-м забое. Дальше я ничего не помню, а потом оказалось, что рядом люди, а я нахожусь в полумиле от забоя в главном штреке.

— Где сейчас вспомогательные роботы? — спросил Донован.

— За работой, конечно. Сколько времени мы потеряли?

— Не очень много. Забудь об этом,— успокоил его Пауэлл и прибавил, обращаясь к Доновану: — Останься с ним до конца смены. Потом приходи — я кое-что придумал.

...Три часа спустя Донован вернулся. Он выглядел измученным.

— Ну, как? — спросил Пауэлл.

— Когда за ними все время следишь, все идет гладко.— Донован устало пожал плечами.— Брось-ка мне сигарету.

Он сосредоточенно закурил и выпустил аккуратное кольцо дыма.

— Знаешь, Грег, я все пытался разобраться. Ведь Дейв — не обычный робот. Ему беспрекословно повинуются шесть других. Он властен делать с ними, что хочет. И это должно отражаться на его психике. Что если он подсознательно чувствует необходимость подчеркнуть и усугубить эту власть?

— Ближе к делу.

— Уже близко. Что если это милитаризм? Что если он организует свою армию? Что если он занимается военными маневрами? Что если...

— А что если тебе положить компресс на голову? Твои бредни — находка для цветного приключенческого фильма. Ведь то, о чем ты говоришь, — это коренное нарушение работы позитронного мозга. Если бы все было так, то Дейву пришлось бы поступать вопреки Первому Закону роботехники — о том, что робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Неизбежным логическим следствием такой милитаристской психологии будет власть и над людьми.

— Ну да. А откуда ты знаешь, что это не так?

— Во-первых, робот с таким мозгом никогда не был бы выпущен с завода. А во-вторых, если бы такое и случилось, мы бы это немедленно обнаружили. Я же проверял Дейва.

Пауэлл вместе со стулом отодвинулся от стола и задрал на него ноги.

— Нет, мы еще не можем приготовить рагу. Мы не имеем пока ни малейшего представления, в чем же тут дело. Вот если бы мы хоть выяснили, что значит этот танец смерти, мы были бы на верном пути.

Он помолчал.

— Послушай, Майк, что ты скажешь на это? Ведь с Дейвом что-то случается, только когда нас нет поблизо-

ти. И достаточно кому-нибудь из нас подойти, чтобы он пришел в себя.

— Я уже тебе говорил, что это подозрительно.

— Подожди! Что значит для робота, когда людей нет поблизости? Очевидно, ему приходится проявлять больше личной инициативы. Значит, нужно проверить те части его организма, на которых может сказаться эта повышенная нагрузка.

— Здорово! — Donovan было привстал, потом снова опустился в кресло. — Хотя нет, этого недостаточно. Мало. Это все-таки оставляет слишком широкое поле для поисков.

— Что поделаешь? Во всяком случае, теперь мы можем не опасаться за выполнение плана. Просто будем по очереди следить за роботами по телевизору. И как только что-нибудь случится, немедленно явемся на место происшествия. А это приведет их в себя.

— Но, Грег, ведь это значит, что роботы не пройдут испытаний. «Ю. С. Роботс» не может выпустить в продажу модель ДВ с такой характеристикой.

— Конечно. Нам предстоит еще найти слабое место в конструкции и исправить его, — и на это у нас осталось десять дней. — Пауэлл почесал в затылке. — Все дело в том... впрочем, лучше сам посмотри чертежи.

Чертежи ковром устлали пол. Donovan ползал по ним, следя за неуверенными движениями карандаша в руках Пауэлла.

— Вот это для тебя, Майк. Ты специалист по конструкции, и я хочу, чтобы ты меня проверил. Я попытался исключить все цепи, не имеющие отношения к личной инициативе. Вот, например, канал механических действий. Я исключаю все боковые связи...

Он взглянул на Donovan.

— Как ты думаешь?

У Donovan пересохло во рту.

— Все это не так просто, Грег. Личная инициатива — это не специальная цепь или схема, которую можно отделить от остальных. Когда робот предоставлен самому себе, деятельность его организма немедленно становится более интенсивной почти на всех участках. Нет такой цепи, на которой бы это не сказалось. Нам нужно найти именно те очень ограниченные условия, которые выби-

вают его из колеи, и только потом методом исключения начать выделять нужные цепи.

Пауэлл поднялся на ноги и стряхнул пыль с колен.

— Гм... Ладно. Собери чертежи, и можешь их сжечь.

Донован продолжал:

— Видишь ли, при увеличении активности стоит испортиться одной-единственной детали, и может произойти все что угодно. Может быть, где-то нарушена изоляция, или пробивает конденсатор, или искрит контакт, или перегревается катушка. И если работать вслепую, то в таком механизме мы никогда не найдем неисправности. Если разбирать Дейва и проверять каждую деталь поодиночке, каждый раз собирая его и испытывая...

— Понятно, понятно. Я тоже не совсем осёл.

Они безнадежно посмотрели друг на друга. Потом Пауэлл осторожно предложил:

— А что если расспросить одного из вспомогательных роботов?

Ни Пауэллу, ни Доновану до сих пор не приходилось беседовать ни с одним из «пальцев». Вспомогательные роботы могли говорить, и аналогия с человеческим пальцем была не совсем точной. Они имели даже довольно совершенный мозг, но этот мозг был настроен в первую очередь на прием команд через позитронное поле, и самостоятельно реагировать на внешние возбудители они могли с трудом.

Пауэлл не знал даже, как обратиться к этому роботу. Его серийный номер был ДВ-5-2, но так его называть было неудобно. Наконец он вышел из затруднения.

— Послушай, приятель! Я прошу тебя немного пошевелить мозгами, а потом ты сможешь вернуться к своему начальнику.

«Палец» молча, неуклюже кивнул головой, не утруждая лишними разговорами свои скудные мыслительные способности.

— Так вот, за последнее время твой начальник уже четыре раза отклонялся от заданной программы,— сказал Пауэлл.— Ты помнишь эти случаи?

— Да, сэр.

Донован сердито проворчал:

— Он-то помнит! Я тебе говорю, что это очень подзрительно...

— Пойди проспись! Конечно, он помнит — с ним-то все в порядке.

Пауэлл снова повернулся к роботу.

— Что вы делали в таких случаях? Я имею в виду всю группу.

Рассказ «пальца» был похож на зазубренный урок, как будто он отвечал, повинуюсь приказанию разума, но без всякого выражения.

— В первый раз мы разрабатывали трудный выход в 17-м забое, в лаве Б. Во второй раз мы укрепляли кровлю, которая грозила обвалиться. В третий раз мы готовили точно направленный взрыв, чтобы при отпалке не задеть подземную трещину. В четвертый раз это было сразу после небольшого обвала.

— Что происходило каждый раз?

— Трудно описать. Давалась какая-то команда, но прежде чем мы успевали принять и осмыслить ее, приходила новая команда, — маршировать этим чудным строем.

— Зачем? — рявкнул Пауэлл.

— Не знаю.

— А первая команда, — вмешался Донован, — до приказа маршировать, в чем она заключалась?

— Не знаю. Я чувствовал, что дается команда, но не успевал ее принять.

— Что ты еще можешь сказать? Это была каждый раз одна и та же команда?

— Не знаю. — Робот сокрушенно покачал головой.

Пауэлл откинулся на спинку кресла.

— Ладно, можешь идти к своему начальнику.

«Палец» вышел с видимым облегчением.

— Многого же мы добились, — сказал Донован. — Это был необыкновенно содержательный разговор. Слушай, и Дейв, и этот недоумок что-то замышляют. Слишком много они не знают и не помнят. Нельзя им больше доверять, Грег.

Пауэлл взъерошил усы.

— Знаешь, Майк, если ты скажешь еще одну глупость, я отниму у тебя и погремушку, и соску.

— Ну ладно. Ты же у нас гений, а я — сосунок. Ну так что же? Что мы выяснили?

— Ничего. Я попробовал начать с конца — с «пальца», и ничего не вышло. Придется снова танцевать от той же печки.

— Ты великий человек! — восхищенно произнес Донован. — Как все это просто! Теперь, маэстро, не переведете ли вы это на человеческий язык?

— Для тебя надо бы переводить на детский лепет. Словом, нужно выяснить, какую команду дает Дейв перед тем, как теряет память. Это — ключ ко всему.

— Как же ты думаешь это выяснить? Мы не можем находиться рядом с ним, потому что при нас все будет в порядке. Принять команду по радио мы тоже не можем — она передается через позитронное поле. Значит, мы не можем узнать эту команду ни вблизи, ни издалека. И делать нечего.

— Да, прямое наблюдение не годится. Остается еще дедукция.

— Что?

Пауэлл невесело усмехнулся.

— Мы будем по очереди дежурить, Майк. Будем, не сводя глаз с экрана, следить за каждым движением этих стальных болванов. А когда они начнут чудить, мы увидим, что случилось непосредственно перед этим, и определим, какая могла быть команда.

Донован целую минуту сидел с открытым ртом. Потом сказал сдавленным голосом:

— Я подаю в отставку. Хватит.

— У нас еще десять дней — можешь придумать что-нибудь получше, — устало ответил Пауэлл.

И в течение восьми дней Донован изо всех сил пытался придумать что-нибудь получше. Восемь дней он, каждые четыре часа сменяя Пауэлла, воспаленными, затуманенными глазами следил за тем, как двигаются в полутьме поблескивающие металлические тела. И все восемь дней во время четырехчасовых перерывов он проклинал «Ю. С. Роботс», модель ДВ и день, когда он родился.

А когда на восьмой день, преодолевая головную боль, ему на смену явился заспанный Пауэлл, Donovan встал и точно рассчитанным движением запустил тяжелую книгу в самый центр экрана. Раздался вполне естественный звон стекла.

— Зачем ты это сделал? — задохнулся от изумления Пауэлл.

— Потому что я больше не собираюсь за ними следить, — почти спокойно ответил Donovan. — Осталось два дня, а мы еще ничего не знаем. ДВ-5 — жалкий конструкторский недоносок. Он пять раз останавливался в мое дежурство и три раза — в твоё, и я все равно не знаю, какую команду он давал, и ты тоже. И я не верю, чтобы ты вообще смог это узнать, потому что я не смогу — это уж точно! Клянусь космосом, как можно следить сразу за шестью роботами? Один что-то делает руками, другой — ногами, третий — машет руками, как ветряная мельница, четвертый прыгает, как полоумный. А остальные два... черт знает, что они делают! И вдруг все останавливается! Грег, мы не то делаем. Нужно смотреть вблизи, чтобы были видны подробности.

Пауэлл прервал наступившее молчание.

— Ну да, и ждать, не случится ли что за оставшиеся два дня?

— А что, отсюда наблюдать лучше?

— Здесь уютнее.

— А... Но там можно кое-что сделать, чего ты не можешь сделать отсюда.

— Что же?

— Можно заставить их остановиться, когда нам будет нужно. Когда будем готовы подсмотреть, что с ними происходит.

Пауэлл насторожился.

— Каким образом?

— Сам подумай. Ведь ты же у нас умишца. Задай себе несколько вопросов. Когда ДВ-5 выходит из строя? Что тебе рассказал «палец»? Когда угрожал или действительно случился обвал? Когда предстояло очень точно произвести отпалку? Когда попалась трудная жила?

— Иначе говоря, в критических обстоятельствах! — возбужденно сказал Пауэлл.

— Верно! Как же иначе? Все дело в факторе личной инициативы. А больше всего ее требуется в критических обстоятельствах, в отсутствие человека. А что из этого следует? Как нам заставить их остановиться, когда мы захотим? — Он торжествующе поднял руку, начиная входить во вкус своей роли, и ответил на собственный вопрос, опередив ответ, который уже вертелся у Пауэлла на языке: — Нужно устроить аварию!

— Майк, ты прав, — сказал Пауэлл.

— Спасибо, друг! Я знал, что когда-нибудь этого добьюсь.

— Ладно, не язви. Давай оставим твои шуточки для Земли и там их законсервируем на зиму. А теперь, какую аварию мы можем устроить?

— Если бы мы не были на лишенном воды и воздуха астероиде, мы могли бы затопить шахту.

— Это, несомненно, острога, — сказал Пауэлл. — Знаешь, Майк, ты уморишь меня со смеху. А как насчет небольшого обвала?

Донован, надувшись, сказал:

— Не возражаю.

— Хорошо. Тогда пошли.

Пробираясь по камням, Пауэлл чувствовал себя заговорщиком. И хотя его походка из-за пониженной силы тяжести была неуверенной, и камни то и дело вылетали из-под ног, поднимая бесшумные фонтанчики серой пыли, все равно ему казалось, что он идет осторожными шагами конспиратора.

— Ты представляешь себе, где они? — вполголоса спросил он.

— Кажется, да.

— Ладно, — мрачно сказал Пауэлл. — Только если какой-нибудь «палец» окажется в шести метрах, он нас учует, даже если мы и не будем в его поле зрения. Надеюсь, что это тебе известно.

— Когда мне понадобится прослушать элементарный курс роботехники, я подам тебе заявление. В трех экземплярах. Теперь вниз.

Они оказались в шахте. Не стало видно даже звезд. Оба ощупью пробирались вдоль стен, время от времени

освещающая путь короткими вспышками фонарей. Пауэлл на всякий случай еще раз ощупал детонатор.

— Ты знаешь этот штрек, Майк?

— Не очень хорошо. Он новый. Правда, я думаю, что могу ориентироваться по тому, что видел в телевизоре.

Бесконечно долго тянулись минуты. Вдруг Майк сказал:

— Пощупай!

Приложив металлическую перчатку к стене, Пауэлл почувствовал легкое дрожание. Конечно, никаких звуков слышно не было.

— Взрывы! Мы уже близко.

— Гляди в оба,— сказал Пауэлл.

Донован нетерпеливо кивнул.

Робот промчался мимо них и исчез так быстро, что они даже не успели его рассмотреть,— это было лишь промелькнувшее светлое пятно, блестящее бронзой. Оба застыли на месте.

— Как по-твоему, он учуял нас? — шепотом спросил Пауэлл.

— Надеюсь, что нет. Но лучше обойти их стороной. Пойдем в первый же боковой штрек.

— А если мы вообще к ним не выйдем?

— Ну так что же делать? Возвращаться? — яростно прошипел Донован.— До них еще с четверть мили. Я же следил за ними по телевизору. А у нас всего два дня...

— Ох, замолчи. Не трать зря кислород. Здесь, что ли, боковой штрек? — Вспыхнул фонарик Пауэлла.— Здесь. Идем.

Дрожание стен чувствовалось тут гораздо сильнее, и время от времени почва под ногами содрогалась.

— Пока идем правильно. Только бы штрек не кончился.— Донован посветил перед собой фонарем.

Вытянув руку, они могли дотронуться до кровли штрека. Крепь была совсем новой.

Вдруг Донован заколебался.

— Кажется, тупик? Идем назад.

— Нет, погоди.— Пауэлл неуклюже протиснулся мимо него.— Что это за свет впереди?

— Свет? Не вижу никакого света. Откуда ему здесь взяться?

— А роботы? — Пауэлл на четвереньках вскарабкался вверх по небольшому завалу. — Эй, Майк, лезь сюда, — позвал он тревожным, хриплым голосом.

Свет действительно был виден. Донован перелез через ноги Пауэлла.

— Дыра?

— Да. Они, наверно, проходят этот штрек с той стороны.

Донован ощупал рваные края отверстия. Осторожно посветив фонарем, он увидел, что дальше начинается более просторный штрек — очевидно, основной. Отверстие было слишком маленьким, чтобы человек мог сквозь него пролезть. Даже заглянуть в него двоим сразу было трудно.

— Там ничего нет, — сказал Донован.

— Сейчас нет. Но секунду назад было — иначе мы не увидели бы света. Берегись!

Стены вокруг них содрогнулись, и они почувствовали толчок. Посыпалась мелкая пыль. Осторожно подняв голову, Пауэлл снова заглянул в отверстие.

— Все в порядке, Майк. Они здесь.

Сверкающие роботы столпились в основном штреке, метрах в пятнадцати от них. Могучие металлические руки быстро разбирали кучу обломков, выброшенных взрывом.

— Скорее, — заторопился Донован. — Они вот-вот кончат, а следующий взрыв может задеть нас.

— Ради бога, не торопи меня. — Пауэлл отцепил детонатор. Его взгляд тревожно шарил по темным стенам, освещенным только светом роботов, так что было невозможно отличить торчащий камень от падающей тени.

— Смотри, вон прямо над ними в кровле выступ. Он остался после последнего взрыва. Если ты туда попадешь, завалится половина кровли.

Пауэлл глянул туда, куда указывал палец.

— Идет! Теперь следи за роботами и моли бога, чтобы они не ушли слишком далеко от этого места. Мне нужен их свет. Все семь на месте?

Донован посчитал.

— Все.

— Ну, смотри. Следи за каждым движением!

Он поднял руку с детектором и прицелился. Донован, чертыхаясь про себя и смаргивая пот, заливавший глаза, пристально следил за роботами.

Вспышка!

Их качнуло, земля вокруг несколько раз вздрогнула, а потом они почувствовали мощный толчок, бросивший Пауэлла на Донована.

— Грег, ты сшиб меня, — завопил Донован. — Я ничего не видел!

— Где они? — Пауэлл огляделся. Вокруг было темно, как в адской бездне.

Донован растерянно замолчал. Роботов не было видно.

— А мы их не задавили? — дрожащим голосом произнес Донован.

— Давай спускаться. Не спрашивай меня ни о чем. — Пауэлл торопливо пополз назад.

— Майк!

Донован остановился.

— Что еще случилось?

— Постой! — В наушниках слышалось хриплое, неровное дыхание Пауэлла. — Майк! Ты меня слышишь?

— Я здесь. В чем дело?

— Мы заперты. Кровля обвалилась не над роботами, а тут! От сотрясения все рухнуло.

— Что? — Донован уткнулся в твердую преграду. — Включи-ка фонарь!

Но даже мышь не могла бы нигде пролезть сквозь завал.

— Ну и как вам это нравится? — тихо сказал Донован.

Они потратили некоторое время и довольно много сил, пытаясь сдвинуть глыбу, загородившую путь. Потом Пауэлл попробовал расширить отверстие, которое вело в главный штрек. Он поднял было лучевой пистолет, но произвести вспышку в таком ограниченном пространстве было равносильно самоубийству. Он сел.

— Знаешь, Майк, — сказал он, — мы окончательно все

испортили. Мы так и не знаем, в чем дело с Дейвом. Идея была хороша, но она обернулась против нас.

В голосе Донована послышалась горечь.

— Мне жаль огорчать тебя, старина, но, уж не говоря о неудаче с Дейвом, мы к тому же некоторым образом попали в ловушку. И если, дружище, мы с тобой не выберемся, нам крышка. Крышка. Ясно? Сколько у нас кислорода? Не больше чем на шесть часов.

— Я уже думал об этом.— Пальцы Пауэлла потянулись к его многострадальным усам, но звякнули о прозрачную поверхность гермошлема.— Конечно, Дейв быстро откопал бы нас. Но только после нашего замечательного обвала он, наверно, опять свихнулся, и по радио с ним связаться нельзя.

— Здорово, правда?

Донован подполз к отверстию и ухитрился втиснуть в него голову в шлеме. Это далось ему с большим трудом.

— Эй, Грег!

— Что?

— А что если Дейв приблизится на шесть метров? Он придет в себя. Это спасет нас.

— Конечно, но где он?

— Там, в штреке. Довольно далеко. Ради бога, перестань дергать меня за ноги, а то оторвешь мне голову. Я сам пушу тебя поглядеть.

Пауэлл, в свою очередь, высунулся в отверстие.

— Взрыв был удачный. Ты только посмотри на этих балбесов — прямо балет!

— К черту комментарии. Они приближаются?

— Не видно — слишком далеко. погоди. Дай-ка мне фонарь — я попробую привлечь их внимание.

Через две минуты он оставил эту попытку.

— Бесполезно. Они, должно быть, ослепли. Ого, двинулись сюда! Как тебе это нравится?

— Эй, хватит, дай мне посмотреть! — настаивал Донован.

После недолгой возни Пауэлл сказал «ладно», и Донован высунул голову. Роботы приближались. Впереди, высоко поднимая ноги, шагал Дейв, а за ним цепочкой извивались шесть «пальцев».

— Что они делают, хотел бы я знать, — изумился Донован.

— Далеко они? — буркнул Пауэлл.

— Пятнадцать метров, идут сюда. Еще четверть часа — и мы будем свобод... эге-гей! Эй!

— В чем дело? — Несколько секунд понадобилось Пауэллу, чтобы оправиться от изумления после вокальных упражнений Донована. — Слушай,пусти меня. Не будь свиньей!

Он попытался оттащить Донована, но тот яростно брыкался:

— Они повернули кругом, Грег! Они уходят. Дейв!

— Что толку? — крикнул Пауэлл. — Ведь звук здесь не проходит.

Донован, задыхаясь, обернулся к нему.

— Ну, колоти в стену, бей по ней камнем, создай какие-нибудь вибрации! Нужно привлечь их внимание, не то мы пропали!

Он начал колотить по камню, как сумасшедший.

Пауэлл потряс его за плечо.

— погоди, Майк. послушай, у меня идея! Клянусь Юпитером! Ого! Как раз самое время перейти к простым решениям, Майк!

— Чего тебе? — Донован втянул голову.

— Пустименя скорее, пока они еще недалеко!

— Что ты хочешь делать? Эй, что ты делаешь с этим детонатором? — Он схватил Пауэлла за руку.

Тот вывернулся.

— Хочу немного пострелять.

— Зачем?

— Потом объясню. Посмотрим сперва, что получится. Подвинься, не мешай!

Вдали виднелись все уменьшающиеся огоньки роботов. Пауэлл тщательно прицелился и трижды нажал спусковую кнопку. Потом он опустил ствол и тревожно взгляделся в темноту. Один вспомогательный робот упал! Теперь было видно только шесть сверкающих фигур.

Пауэлл неуверенно позвал в микрофон:

— Дейв!

После небольшой паузы оба услышали в ответ:

— Хозяин? Где вы? У третьего вспомогательного разворочена грудь. Он вышел из строя.

— Неважно,— сказал Пауэлл.— Нас завалило при взрыве. Видишь наш фонарь?

— Вижу. Сейчас будем там.

Пауэлл сел и вздохнул.

— Вот как, дружок.

— Ладно, Грег,— очень тихо произнес Донован со слезами в голосе.— Ты победил. Клянюсь тебе в ножки. Только не морочь мне голову. Расскажи внятно, в чем было дело.

— Пожалуйста. Просто мы все время упускали из виду самое очевидное — как всегда. Мы знали, что дело в личной инициативе, что это всегда происходило при аварийных обстоятельствах. Но мы думали, что все вызывалось специальной командой. А почему это должна быть какая-то одна определенная команда?

— А почему нет?

— А почему не целый класс команд? Какие команды требуют от руководителя наибольшей инициативы? Какие команды обычно отдаются только при аварийных обстоятельствах?

— Не спрашивай меня, Грег! Скажи!

— Я и говорю. Это команды, отдаваемые одновременно по шести каналам! В обычных условиях один или несколько «пальцев» выполняют несложную работу, которая не требует пристального наблюдения за ними. Ну, точно так же, как наши привычные движения при ходьбе. А при аварийных обстоятельствах нужно немедленно и одновременно привести в действие всех шестерых. И вот тут что-то сдает. Остальное просто. Любое уменьшение требуемой от него инициативы, например приход человека, приводит его в себя. Я уничтожил одного из роботов, и Дейву пришлось командовать лишь пятью. Инициатива уменьшается, и он становится нормальным!

— Как ты до этого дошел? — настойчиво допытывался Донован.

— Логическими рассуждениями. Я произвел эксперимент, и все оказалось правильно.

Они снова услышали голос робота.

— Вот и мы. Вы продержитесь еще полчаса?

— Конечно,— ответил Пауэлл. Потом он продолжал, обращаясь к Доновану: — Теперь наша задача стала проще. Мы проверим те цепи, которые испытывают боль-

шую нагрузку при шестиканальной команде, чем при пятиканальной. Много придется проверять?

Донован прикинул.

— Не очень, по-моему. Если Дейв сделан так же, как опытный экземпляр, который мы видели на заводе, то там должна быть специальная координирующая цепь, и все дело ограничится именно ею.— Он вдруг воодушевился: — Слушай, это здорово! Остались пустяки!

— Хорошо. Обдумай это, а когда вернемся, проверим по чертежам. А теперь, пока Дейв до нас добирался, я отдохну.

— Погоди! Скажи мне еще одну вещь. Что это была за странная маршировка, эти причудливые танцы, которые начинались каждый раз, когда они теряли расклад?

— А, это? Не знаю. Но у меня есть одно предположение. Вспомни: вспомогательные роботы — «пальцы» Дейва. Мы все время их так называли. Так вот, я думаю, что каждый раз, когда Дейв становился психически ненормальным, у него все в голове путалось, и он начинал вертеть пальцами...

Сьюзен Кэлвин рассказывала про Пауэлла и Донована без улыбки, почти равнодушно; но каждый раз, когда она упоминала роботов, ее голос теплел. Ей не понадобилось много времени, чтобы поведать мне о Спиди, Кьюти и Дейве. Но здесь я прервал ее, почувствовав, что у нее наготове еще полдюжины моделей. Я спросил:

— Ну, а на Земле разве ничего интересного не происходило!

Она взглянула на меня, слегка нахмурившись.

— Нет, ведь роботы на Земле не применяются.

— Да, к сожалению. Я хотел сказать, что ваши испытатели, конечно, молодцы, но не можете ли вы рассказать что-нибудь из своего опыта? Разве никогда не подводили роботы? В конце концов это же ваш юбилей.

Представьте себе, она покраснела! Она сказала:

— Да, роботы однажды подвели меня. Боже мой, как давно это было! Почти сорок лет назад... Ну конечно, в 2020 году. И мне было всего 38 лет. О... Но я бы предпочла об этом не говорить.

Я подождал, и она, конечно, передумала.

— А почему бы и нет? — сказала она. — Теперь это мне не повредит. И даже воспоминание об этом. Я была когда-то такой глупой, молодой человек. Можете вы в это поверить?

— Нет.

— Была. А Эрби — это был робот, читавший мысли.

— Что?

— Единственный в своем роде. В чем-то была допущена ошибка...

ЛЖЕЦ

Альфред Лэннинг тщательно раскурил сигарету, но его пальцы слегка дрожали. Сурово сдвинув седые брови, он говорил, пуская клубы дыма:

— Да, он читает мысли — можете быть уверены. Но почему? — Он посмотрел на Главного Математика Питера Богерта. — Ну?

Богерт обеими руками пригладил свои черные волосы.

— Это тридцать четвертый робот модели РБ, Лэннинг. И все остальные вполне соответствовали нормам.

Третий человек, сидевший за столом, нахмурился. Это был Милтон Эш, самый молодой из руководства фирмы «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн», чем он очень гордился.

— Послушайте, Богерт! Я ручаюсь, что он собран совершенно правильно, с начала до конца!

Толстые губы Богерта раздвинулись в покровительственной улыбке.

— Ручаетесь? Ну, если вы можете отвечать за всю линию сборки, то вас нужно повесить в должности. По точным подсчетам, для производства одного позитронного мозга требуется семьдесят пять тысяч двести тридцать четыре операции, успех каждой из которых зави-

сит от различного числа факторов— от пяти до ста пяти. Если хоть один из них серьезно нарушается, мозг идет в брак. Это я цитирую наши же проспекты.

Милтон Эш покраснел и хотел ответить, но его перебил четвертый голос.

— Если мы начнем валить вину друг на друга, то я уйду...— Руки Сьюзен Кэлвин были крепко сжаты на коленях, морщинки вокруг ее тонких бледных губ стали глубже.— У нас появился робот, который читает мысли, и мне представляется, что надо бы выяснить, почему он это делает. А этого мы не добьемся, если будем кричать: «Вы виноваты!», «Я виноват!».

Ее холодные серые глаза остановились на Эше, и он усмехнулся.

Лэннинг тоже понимающе усмехнулся, и, как всегда в таких случаях, его длинные седые волосы и хитрые маленькие глазки придали ему сходство с библейским патриархом.

— Верно, доктор Кэлвин.

Его голос внезапно звучал решительно:

— В предельно краткой форме, положение таково. Мы выпустили позитронный мозг, который не должен был отличаться от остальных, но который обладает замечательной способностью принимать волны, излучаемые человеком в процессе мышления. Если бы мы знали, как это случилось, то это означало бы важнейший этап в развитии роботехники на десятилетия вперед. Но мы этого не знаем и должны выяснить. Это ясно?

— Можно высказать одно предположение? — спросил Богерт.

— Давайте.

— Мне кажется, что пока мы не разберемся в этой истории,— а как математик, я думаю, что это окажется чертовски сложно,— нужно держать в тайне существование РБ-34. Даже от служащих фирмы. Мы, возглавляющие отделы, должны справиться с этой задачей, а чем меньше будут знать остальные...

— Богерт прав,— сказала доктор Кэлвин.— С тех пор как по Межпланетному Кодексу допускается испытание роботов на заводе перед отправкой их на космические станции, пропаганда против роботов усилилась. И если кто-нибудь узнает, что робот может читать мыс-

ли, а мы еще не будем хозяевами положения, на этом кое-кто мог бы сделать себе солидный капитал.

Лэннинг, продолжая сосать сигару, серьезно кивнул. Он повернулся к Эшу:

— Вы сказали, что были одни, когда впервые столкнулись с этим чтением мыслей?

— Я был один — и перепугался до полусмерти. РБ-34, только что сошедшего со сборочного стола, прислали ко мне. Оберман куда-то ушел, и я сам повел его к испытательному стенду.

Он запнулся, и на его губах появилась слабая улыбка:

— Никому из вас не приходилось мысленно с кем-то разговаривать, не отдавая себе в этом отчета?

Никто не ответил, и Эш продолжал:

— Вы знаете, сначала на это не обращаешь внимания. Так вот, он что-то мне сказал — что-то вполне логичное и разумное. И мы уже почти дошли до стенда, когда я сообразил, что я-то ничего ему не говорил. Конечно, я думал о том о сем, но это же другое дело, правда? Я запер его и побежал к Лэннингу. Представьте себе — рядом с вами идет этот робот, спокойно читает ваши мысли и копается в них! Мне стало не по себе.

— Еще бы! — задумчиво сказала Сьюзен Кэлвин. Ее взгляд с необыкновенным вниманием остановился на Эше. — Мы так привыкли к тому, что наши мысли известны только нам самим...

— Значит, об этом знают только четверо, — нетерпеливо вмешался Лэннинг. — Отлично. Мы должны обследовать это дело по строгой системе. Эш, вы проверите линию сборки — всю, от начала до конца. Вы должны исключить все операции, где ошибка была невозможна, и составить список тех, в которых она могла быть допущена. Укажите характер возможной ошибки и ее предположительную величину.

— Ну и работка! — проворчал Эш.

— А как же? Конечно, вы не один будете этим заниматься, — посадите за работу наших людей, если нужно, всех до единого. Не выполните план — ничего! Но они не должны знать, зачем это делается, понятно?

— Гм, да. — Молодой инженер криво ухмыльнулся. — Все-таки работы хватит.

Лэннинг вместе со стулом повернулся к Кэлвин.

— Вам предстоит подойти к задаче с другого конца. Вы — наш робопсихолог, вам нужно изучить самого робота и идти от этого. Попробуйте выяснить, как он это делает. Узнайте все, что связано с его телепатическими способностями, как далеко они простираются, как сказываются на его мышлении и вообще как это отражается на его стандартных рабочих качествах. Понятно?

Лэннинг не стал ждать ответа.

— Я буду руководить работой и осуществлять математическую обработку результатов.— Он яростно затянулся сигарой, и сквозь дым прозвучало остальное:— В этом мне, конечно, поможет Богерт.

Продолжая полировать ногти на своих мясистых руках, Богерт мягко ответил:

— Ну разумеется! Я как-никак в этом немного разбираюсь.

— Ну, я приступаю.— Эш оттолкнул свой стул и поднялся. На его приятном молодом лице появилась усмешка.— Мне досталась самая скверная работа, так что лучше уж не откладывать. Пска!

Сьюзен Кэлвин ответила едва заметным кивком, но ее взгляд провожал его, пока дверь за ним не закрылась. Она ничего не ответила, когда Лэннинг, что-то проворчав, сказал:

— Не хотите ли вы, доктор Кэлвин, сейчас пойти и посмотреть РБ-34?

Когда послышался тихий звук открывающейся двери, робот РБ-34 поднял фотоэлектрические глаза от книги и вскочил. В комнату вошла Сьюзен Кэлвин. Она задержалась, чтобы поправить на двери огромную надпись «Вход воспрещен», потом подошла к роботу.

— Эрби, я принесла тебе кое-какие материалы о гиператомных двигателях. Хочешь их посмотреть?

РБ-34 (иначе — Эрби) взял у нее из рук три тяжелых тома и открыл один из них.

— Хм! «Гиператомная теория»...

Что-то бормоча про себя, он начал листать книги, потом рассеянно сказал:

— Садитесь, доктор Кэлвин! Это займет несколько минут.

Она села и внимательно следила за Эрби, который занял место по другую сторону стола и приступил к систематическому изучению всех трех книг.

Через полчаса он отложил их в сторону.

— Я, конечно, знаю, зачем вы мне их принесли.

У Сьюзен Кэлвин дрогнули уголки губ.

— Я так и думала. С тобой трудно иметь дело, Эрби,— ты все время на шаг впереди меня.

— Эти книги — такие же, как и остальные. Они меня просто не интересуют. В ваших учебниках ничего нет. Ваша наука — это просто масса собранных фактов, кое-как скрепленных подобием теории. Все это так невероятно просто, что вряд ли достойно внимания. Меня интересует ваша беллетристика, переплетение и взаимодействие человеческих побуждений и чувств...— Он сделал неясный жест могучей рукой, подыскивая подходящее слово.

— Кажется, я понимаю,— прошептала доктор Кэлвин.

— Видите ли, я читаю мысли,— продолжал робот,— а вы не можете себе представить, как они сложны. Я не могу все их понять, потому что мое мышление имеет с вашим так мало общего. Но я стараюсь, а ваши романы мне помогают.

— Да, но я боюсь, что когда ты познакомишься с некоторыми переживаниями по современным чувствительным романам,— в ее голосе послышался оттенок горечи,— ты сочтешь наши настоящие мысли и чувства скучными и бесцветными.

— Ничего подобного!

Внезапный энергичный ответ заставил ее вскочить на ноги. Она почувствовала, что краснеет, и в испуге подумала: «Наверное, он знает!»

Эрби уже успокоился и тихим голосом, почти полностью лишенным металлического тембра, произнес:

— Ну конечно, я знаю об этом, доктор Кэлвин! Вы об этом постоянно думаете, так как же я могу не знать?

— Ты... говорил об этом кому-нибудь? — жестко спросила она.

— Конечно, нет! — искренне удивился он и добавил: — Меня никто не спрашивал.

— Тогда ты, вероятно, считаешь меня дурой?

— Нет! Это — нормальное чувство.

— Может быть, поэтому оно так глупо.— Теперь ее голос звучал задумчиво и печально. Под непроницаемой маской доктора наук на мгновение проступили черты женщины.— Меня нельзя назвать... привлекательной...

— Если вы имеете в виду физическую привлекательность, то об этом я не могу судить. Но, во всяком случае, я знаю, что есть и другие виды привлекательности.

— ...да и молодой тоже...— Она как будто не слышала работа.

— Вам еще нет сорока.— В голосе Эрби появились тревога и настойчивость.

— Тридцать восемь, если считать годы; все шестьдесят, если говорить об эмоциональном восприятии жизни. Я же все-таки психолог. А ему,— продолжала она с горечью,— тридцать пять, и выглядит он еще моложе. Неужели ты думаешь, что он видит во мне... что-то особенное?

— Вы ошибаетесь! — Стальной кулак Эрби с лязгом обрушился на пластмассовую поверхность стола.— Пожалуйста...

Но Сьюзен Кэлвин яростно набросилась на него. Ожесточение и боль в ее глазах вспыхнули ярким пламенем:

— Вот еще! Что ты об этом знаешь — ты, машина! Я для тебя — образчик, интересная букашка со своеобразными мыслями, которые ты видишь как на ладони. Превосходный пример разбитых надежд, правда? Почти как в книгах!

Ее сухие рыдания постепенно затихли.

Робот съезжился под этим натиском. Он умоляюще покачал головой:

— Ну пожалуйста, выслушайте меня! Если бы вы захотели, я мог бы помочь вам!

— Как? — Ее губы скривились.— Дать хороший совет?

— Нет, не так. Я просто знаю, что думают другие люди, например Милтон Эш.

Наступило долгое молчание. Сьюзен Кэлвин потупилась.

— Я не хочу знать, что он думает,—выдохнула она.— Замолчи.

— А мне кажется, вы хотели бы знать, что он думает.

Она все еще сидела с опущенными глазами, но ее дыхание участилось.

— Ты говоришь чепуху,— прошептала она.

— Зачем? Я хочу помочь. Милтон Эш...— Он остановился.

Она подняла голову:

— Ну?

— Он любит вас,— тихо сказал робот.

Целую минуту доктор Кэлвин молча, широко раскрыв глаза, глядела на робота.

— Ты ошибаешься! Конечно, ошибаешься! С какой стати?

— Правда, любит. Этого нельзя утаить от меня.

— Но я так... так...— Она запнулась.

— Он смотрит вглубь — он ценит интеллект. Милтон Эш не из тех, кто женится на прическе и хорошеньких глазах.

Сьюзен Кэлвин часто заморгала. Она заговорила не сразу, и ее голос дрожал.

— Но ведь он никогда и никак не обнаруживал...

— А вы дали ему эту возможность?

— Как я могла? Я никогда не думала...

— Вот именно!

Сьюзен Кэлвин замолчала, потом внезапно подняла голову:

— Полгода назад к нему на завод приезжала девушка. Стройная блондинка. Кажется, она была красива. И, конечно, едва знала таблицу умножения. Он целый день пыжился перед ней, пытаясь объяснить, как делают роботов.— Ее голос зазвучал жестко.— Конечно, она ничего не поняла! Кто она?

Эрби, не колеблясь, отвечал:

— Я знаю, кого вы имеете в виду. Это его двоюродная сестра. Уверяю вас, здесь нет никаких романтических отношений.

Сьюзен Кэлвин почти с девичьей легкостью встала.

— Как странно! Именно это я временами пыталась себе внушить, хотя серьезно никогда так не думала. Значит, это правда!

Она подбежала к Эрби и обеими руками схватила его холодную тяжелую руку.

— Спасибо, Эрби,— прошептала она голосом, слег-

ка охрипшим от волнения.— Никому не говори об этом. Пусть это будет наш секрет. Спасибо еще раз.

Судорожно сжав бесчувственные металлические пальцы Эрби, она вышла.

Эрби медленно повернулся к отложенному роману. Его мысли никто не смог бы прочесть.

Милтон Эш не спеша с удовольствием потянулся, кряхтя и треща суставами, потом свирепо уставился на Питера Богерта.

— Послушайте,— сказал он,— я сижу над этим уже неделю и за все время почти не спал. Сколько еще мне возиться? Вы как будто сказали, что дело в позитронной бомбардировке в вакуумной камере Д?

Богерт деликатно зевнул и с интересом поглядел на свои белые руки.

— Да. Я напал на след.

— Я знаю, что значит, когда это говорит математик. Сколько вам еще осталось?

— Все зависит...

— От чего? — Эш бросился в кресло и вытянул длинные ноги.

— От Лэннинга. Старик не согласен со мной.— Он вздохнул.— Немного отстал от жизни, вот в чем дело. Цепляется за свою обожаемую матричную механику, а этот вопрос требует более мощных математических средств. Он так упрям.

Эш сонно пробормотал:

— А почему бы не спросить у Эрби и не покончить с этим?

— Спросить у робота? — Брови Богерта полезли вверх.

— А что? Разве старуха вам не говорила?

— Вы имеете в виду Кэлвин?

— Ну да! Сама Сьюзи. Ведь этот робот — маг и чародей в математике. Он знает все обо всем и еще малость сверх того. Он вычисляет в уме тройные интегралы и закусывает тензорным анализом.

Математик скептически поглядел на него:

— Вы серьезно?

— Ну конечно! Загвоздка в том, что этот дурень не

любит математику, а предпочитает сентиментальные романы. Честное слово! Вы бы только видели, какую дрянь таскает ему Сьюзен — «Пурпурная страсть», «Любовь в космосе»...

— Доктор Кэлвин ни слова нам об этом не говорила.

— Ну, она еще не кончила изучать его. Вы же ее знаете. Она любит, чтобы все было шито-крыто. Пока она сама не раскроет главный секрет.

— Но вам она сказала.

— Да вот, как-то разговорились... Я в последнее время часто ее вижу. — Он широко открыл глаза и нахмурился: — Слушайте, Боги, вы ничего странного за ней не замечали в последнее время?

Богерт расплылся в усмешке.

— Она стала красить губы. Вы это имеете в виду?

— Черта с два! Это я знаю — губы, глаза и еще пудрится. Ну и вид у нее! Но я не о том. Я никак не могу точно этого определить. Она так говорит, как будто она очень счастлива...

Он подумал немного и пожал плечами.

Богерт позволил себе плотоядно ухмыльнуться. Для ученого, которому уже за пятьдесят, это было неплохо исполнено.

— Может, она влюбилась.

Эш опять закрыл глаза.

— Вы сошли с ума, Боги. Идите и поговорите с Эрби. Я останусь здесь и вздремну.

— Ладно. Не то чтобы мне нравилось получать от робота указания, что мне делать. Да вряд ли он это и сможет.

Ответом ему был негромкий храп.

Эрби внимательно слушал, пока Питер Богерт, сунув руки в карманы, говорил с напускным равнодушием:

— Так обстоит дело. Мне сказали, что ты разбираешься в этих вещах, и я спрашиваю тебя больше из любопытства. Я допускаю, что мой ход рассуждений включает несколько сомнительных звеньев, которые доктор Лэннинг отказывается принять. Так что картина все еще не очень полна.

Робот не отвечал, и Богерт сказал:

— Ну?

— Не вижу ошибки.— Эрби вглядывался в исписанные расчетами бумажки.

— Вероятно, ты к этому ничего не можешь добавить?

— Я не смею и пытаться. Вы — лучший математик, чем я, и... В общем, мне не хотелось бы осрамиться.

Улыбка Богерта была чуть-чуть самодовольной.

— Я так и думал. Конечно, вопрос серьезный. Забудем об этом.

Он смял листки, швырнул их в мусоропровод и повернулся, чтобы уйти, но потом передумал.

— Кстати...

Робот ждал. Казалось, Богерт с трудом подбирает слова.

— Тут есть кое-что... в общем, может быть, ты смог бы...

Он замолчал. Эрби спокойно произнес:

— Ваши мысли перепутаны, но нет никакого сомнения, что вы имеете в виду доктора Лэннинга. Глупо колебаться — как только вы успокоитесь, я узнаю, о чем вы хотите спросить.

Рука математика привычным движением скользнула по прилизанным волосам.

— Лэннингу скоро семьдесят,— сказал он, как будто это объясняло все.

— Я знаю.

— И он уже почти 30 лет директор завода.

Эрби кивнул.

— Так вот,— в голосе Богерта появились просящие нотки,— ты, наверное, знаешь... не думает ли он об отставке. Состояние здоровья, скажем, или что-нибудь еще...

— Вот именно,— только и произнес Эрби.

— Ты это знаешь?

— Конечно.

— Тогда... гм... не скажешь ли ты...

— Раз уж вы спрашиваете — да.— Робот говорил, как будто в этом не было ничего особенного.— Он уже подал в отставку!

— Что? — певнятно вырвалось у Богерта. Ученый подался вперед.— Повтори!

— Он уже подал в отставку,— последовал спокойный ответ,— но она еще не вступила в силу. Он хочет, видите ли, решить проблему... хм... меня. Когда это будет сделано, он готов передать обязанности директора своему преемнику.

Богерт резко выдохнул воздух.

— А его преемник? Кто он?

Он придвинулся к Эрби почти вплотную. Глаза его как зачарованные были прикованы к ничего не выражавшим красноватым фотоэлементам, служившим роботу глазами.

Послышался неторопливый ответ:

— Будущий директор — вы.

Напряжение на лице Богерта сменилось скупой улыбкой.

— Это приятно знать. Я надеялся и ждал этого. Спасибо, Эрби.

Эту ночь до пяти часов утра Питер Богерт провел за письменным столом. В девять он снова приступил к работе. Он то и дело хватал с полки над столом один справочник за другим. Медленно, почти незаметно росла стопка готовых расчетов, зато на полу образовалась целая гора скомканных, исписанных листков.

Ровно в полдень Богерт взглянул еще раз на последний итог, протер налившиеся кровью глаза, зевнул и потянулся.

— Чем дальше, тем хуже. Проклятье!

Услышав, как открылась дверь, он обернулся и кивнул вошедшему Лэннингу. Хрустя суставами скрюченных пальцев, директор окинул взглядом неубранную комнату, и его брови сдвинулись.

— Новый путь? — спросил он.

— Нет,— последовал вызывающий ответ.— А чем плох старый?

Лэннинг не ответил. Лишь одним беглым взглядом он удостоил верхний листок бумаги на столе Богерта. Закуривая сигару, он сказал:

— Кэлвин говорила вам о работе? Это математический гений. Интересно.

Богерт громко фыркнул

— Я слышал. Но лучше бы Кэлвин занималась робот-психологией. Я проверил Эрби по математике, он едва справился с интегральным и дифференциальным исчислением.

— Кэлвин пришла к другому выводу.

— Она сумасшедшая.

— Я тоже пришел к другому выводу.

Глаза директора зловеще сузились.

— Вы? — Голос Богерта стал жестким. — О чем вы говорите?

— Я все утро гонял Эрби. Он может делать такие штуки, о которых вы и не слыхали.

— Разве?

— Вы не верите? — Лэннинг выхватил из жилетного кармана листок бумаги и развернул его. — Это не мой почерк, верно?

Богерт взгляделся в крупные угловатые цифры, покрывавшие листок.

— Это Эрби?

— Да. И, как вы можете заметить, он занимался интегрированием вашего двадцать второго уравнения по времени. И он, — Лэннинг постучал желтым ногтем по последней строчке, — он пришел к такому же заключению, как и я, вчетверо быстрее. Вы не имели права пренебречь эффектом Лингера при позитронной бомбардировке.

— Я не пренебрег им. Ради бога, Лэннинг, поймите, что это исключает...

— Да, конечно, вы объяснили это. Вы применили переходное уравнение Митчелла, верно? Так вот, оно здесь неприменимо.

— Почему?

— Во-первых, вы пользуетесь гипер-мнимыми величинами.

— Причем это здесь?

— Уравнение Митчелла не годится, если...

— Вы сошли с ума? Если вы перечитаете статью самого Митчелла в «Записках Фара»...

— Это лишнее. Я с самого начала сказал, что его ход рассуждений мне не нравится, и Эрби согласен со мной.

— Ну так пусть эта машинка и решит вам всю проблему, — закричал Богерт. — Зачем тогда связываться с недоумками вроде меня?

— В том-то и дело, что Эрби не может решить проблему. А если даже он не может, то мы сами — тем более. Я передаю этот вопрос в Национальный Совет. Мы здесь бессильны.

Богерт вскочил, перевернув кресло. Лицо его побагровело.

— Вы этого не сделаете!

Лэннинг тоже побагровел.

— Вы указываете мне, что делать и чего не делать?

— Именно, — ответил Богерт, скрипнув зубами. — Я решил проблему, и вы не выхватите ее у меня из-под носа, ясно? Не думайте, что я не вижу вас насквозь, — вы, высушенное ископаемое. Конечно, вы скорее подавитесь, чем признаете, что я решил проблему телепатии роботов.

— Вы идиот, Богерт. Еще немного, и я уволю вас за нарушение дисциплины.

Губы Лэннинга тряслись от гнева.

— Вот этого вы и не сделаете, Лэннинг. Когда под рукой робот, читающий мысли, секретов быть не может. Так что не забудьте, я знаю все о вашей отставке.

Пепел с сигары Лэннинга, задрожав, упал. Сигара последовала за ним.

— Что? Что...

Богерт злорадно усмехнулся:

— И я — новый директор, поняли? Я прекрасно это знаю. Черт вас возьми, Лэннинг! Командовать парадом здесь буду я, не то вы попадете в такую переделку, какая вам и не снилась.

Лэннинг вновь обрел дар речи и заревел:

— Вы уволены, слышите? Вы освобождены от всех обязанностей! Вам конец, понимаете?

Богерт усмехнулся еще шире.

— Ну, что в этом толку? Вы ничего не добьетесь. Все козыри у меня. Я знаю, что вы подали в отставку. Эрби рассказал мне, а он знает это от вас.

Лэннинг заставил себя говорить спокойно. Он выглядел старым-старым, с его усталого лица исчезли все следы краски, оставив мертвенную желтизну.

— Я должен поговорить с Эрби. Он не мог сказать вам ничего подобного. Вы крупно играете, Богерт. Но я раскрою ваши карты. Идемте.

Богерт пожал плечами.

— К Эрби? Ладно. Ладно, черт возьми!

Ровно в полдень этого же дня Милтон Эш поднял глаза от только что сделанного неуклюжего наброска и сказал:

— Вы уловили мою мысль? У меня не очень удачно получилось, но он будет выглядеть примерно так. Чудный домик, и достается он мне почти даром.

Сьюзен Кэлвин нежно взглянула на него.

— Он действительно красивый,— вздохнула она.— Я часто мечтала...

Ее голос затих.

Эш оживленно продолжал, отложив карандаши:

— Конечно, придется ждать отпуска. Осталось всего две недели, но из-за этого дела с Эрби все повисло в воздухе.— Он опустил глаза.— Потом есть еще одна вещь... Но это секрет.

— Тогда не говорите.

— А, все равно. Меня как будто распирает — так хочется кому-нибудь рассказать. И, пожалуй, лучше всего здесь... хм... довериться именно вам.

Он несмело усмехнулся.

Сердце Сьюзен Кэлвин затрепетало, но она боялась произнести хоть слово.

— По правде говоря,— Эш подвинулся к ней вместе со стулом и заговорил доверительным шепотом,— это дом не только для меня. Я женюсь! В чем дело? — Он вскочил.

— Нет, ничего.— Ужасное ощущение вращения исчезло, но ей было трудно говорить.— Женитесь? Вы хотите сказать...

— Ну конечно! Пора ведь, правда? Вы помните ту девушку, которая была здесь прошлым летом? Это она и есть! Но вам нехорошо! Вы...

— Голова болит.— Сьюзен Кэлвин слабым движением отмахнулась от него.— У меня... у меня это часто бывает в последнее время. Я хочу... конечно, поздравить вас. Я очень рада...

Неумело наложенные румяна двумя некрасивыми пятнами выступили на ее побелевшем лице. Все вокруг снова закружилось.

— Извините меня... пожалуйста...— пробормотала

она и, ничего не видя, шатаясь, вышла. Катастрофа произошла внезапно, как во сне, и была невероятно жуткой.

Но как это могло случиться? Ведь Эрби говорил...

А Эрби знал! Он мог читать мысли!

Она опомнилась только тогда, когда, едва дыша, прислонившись к двери, увидела перед собой металлическое лицо Эрби. Она не заметила, как поднялась на два этажа по лестнице,—это произошло за один миг, как во сне.

Как во сне!

Немигающие глаза Эрби глядели на нее, и их красноватые круги, казалось, выросли в тускло светящиеся кошмарные шары.

Он что-то говорил, и она почувствовала, как к ее губам прикоснулся холодный стакан. Она сделала глоток и, вздрогнув, немного пришла в себя.

Эрби все еще говорил, и в его голосе было волнение — боль, испуг, мольба. Слова начали доходить до ее сознания.

— Это все сон,—говорил он,—и вы не должны этому верить. Вы скоро очнетесь и будете смеяться над собой. Он любит вас, я говорю вам. Любит, любит! Но не здесь! Не сейчас! Этот мир — иллюзия.

Сьюзен Кэлвин, кивая головой, шептала:

— Да. Да!

Она вцепилась в руку Эрби, прижалась к ней, прикинула к этой стальной руке, широко раскрыв глаза, повторяя снова и снова:

— Это ведь неправда, да? Это неправда?

Сьюзен Кэлвин не помнит, как она очнулась. Как будто из туманного, нереального мира она попала под резкий солнечный свет. Оттолкнув от себя тяжелую руку, она широко раскрыла глаза.

— Что же это ты делаешь? — Ее голос сорвался в хриплый вопль.— Что же это ты делаешь?

Эрби попятился.

— Я хочу помочь.

Кэлвин пристально смотрела на него.

— Помочь? Как? Говоря мне, что это сон? Пытаясь сделать меня шизофреничкой?—Она истерически напряглась.— Это не сон! Если бы это был сон!

Внезапно она охнула.

— Постой! А! Понимаю! Господи, это же так очевидно...

В голосе робота послышался ужас:

— Но я должен был...

— А я-то тебе поверила! Мне и в голову не пришло...

Громкие голоса за дверью заставили Сьюзен Кэлвин умолкнуть. Она отвернулась, судорожно сжав кулаки, и когда Богерт и Лэннинг вошли, она стояла у окна в глубине комнаты. Но ни тот, ни другой не обратили на нее ни малейшего внимания.

Они одновременно подошли к Эрби. Лэннинг был гневен и нетерпелив, Богерт — холодно язвителен. Директор заговорил первым.

— Эрби, слушай меня!

Робот повернулся к старому директору.

— Да, доктор Лэннинг.

— Ты говорил обо мне с доктором Богертом?

— Нет, сэр, — ответил робот не сразу.

Улыбка исчезла с лица Богерта.

— В чем дело? — Богерт протиснулся вперед и встал перед роботом, расставив ноги. — Повтори, что ты сказал мне вчера.

— Я сказал, что... — Эрби замолк. Где-то глубоко внутри его механизма задрожавшая металлическая мембрана произвела тихий нестройный звук.

— Ты же сказал, что он подал в отставку! — заревел Богерт. — Отвечай!

Богерт в ярости замахнулся, но Лэннинг оттолкнул его:

— Не хотите ли вы силой заставить его солгать?

— Вы слышали его, Лэннинг! Он готов был признаться и остановился. Отойдите! Я хочу добиться от него правды, ясно?

— Я спрошу его! — Лэннинг повернулся к роботу. — Ладно, Эрби. Спокойнее. Я подал в отставку?

Эрби молча глядел на него, и Лэннинг настойчиво повторил:

— Я подал в отставку?

Робот чуть заметно отрицательно качнул головой. Другого ответа они не дождались.

Ученые посмотрели друг на друга. Враждебность в их взглядах была почти осязаемой.

— Какого черта,— выпалил Богерт,— что он, онемел? Ты умеешь говорить, эй, чудовище?

— Я умею говорить,— с готовностью ответил робот.

— Тогда отвечай. Сказал ты мне, что Лэннинг подал в отставку? Подал он в отставку?

Снова наступило молчание. Потом в дальнем конце комнаты внезапно раздался смех Сьюзен Кэлвин — резкий, почти истерический. Математики вздрогнули, и Богерт прищурил глаза:

— Вы здесь? И что же тут смешного?

— Ничего.— Ее голос звучал не совсем естественно.— Просто не одна я попалась. Трое крупнейших в мире роботехников попались в одну и ту же элементарную ловушку. Ирония судьбы, правда? — Она провела бледной рукой по лбу и тихо добавила: — Но это не смешно!

Мужчины еще раз переглянулись, на этот раз подняв брови в недоумении.

— О какой ловушке вы говорите? — спросил Лэннинг принужденно.— Что-нибудь случилось с Эрби?

— Нет,— она медленно приближалась к ним,— с ним все в порядке. Все дело в нас.

Она неожиданно повернулась к роботу и пронзительно крикнула:

— Убирайся отсюда! Иди на другой конец комнаты, чтобы я тебя не видела!

Эрби съежился под ее яростным взглядом и, громыхая, рысью бросился прочь.

— Что это значит, доктор Кэлвин? — враждебно спросил Лэннинг.

Она саркастически заговорила:

— Вы, конечно, знаете Первый Закон роботехники?

— Конечно,— раздраженно сказал Богерт.— «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен какой-либо вред».

— Как изящно выражено,— насмешливо продолжала Кэлвин.— А какой вред?

— Ну... любой.

— Вот именно! Любой! А как насчет разочарования?

А поколебленная уверенность в себе? А крушение надежд? Это вредно?

Лэннинг нахмурился:

— Откуда роботу знать...

Он вдруг осекся.

— Теперь и до вас дошло? Этот робот читает мысли. Вы думаете, он не знает, как можно задеть человека? Думаете, если задать ему вопрос, он не ответит именно то, что вы хотите услышать в ответ? Разве любой другой ответ не будет нам неприятен, и разве Эрби этого не знает?

— Боже мой,— пробормотал Богерт.

Кэлвин с усмешкой взглянула на него.

— Я полагаю, что вы спросили его, ушел ли Лэннинг в отставку? Вы хотели услышать «да», и Эрби ответил именно так.

— И, вероятно, поэтому,— сказал Лэннинг голосом, лишенным всякого выражения,— он ничего не ответил нам только что. Он не мог дать ответа, который не задел бы одного из нас.

Наступила короткая пауза. Мужчины задумчиво смотрели на робота, забившегося в свое кресло у шкафа с книгами и опустившего голову на руки.

Сьюзен Кэлвин упорно глядела в пол.

— Он все это знал. Этот... этот дьявол знает все — и даже то, что случилось с ним при сборке.

Лэннинг взглянул на нее.

— Здесь вы ошибаетесь, доктор Кэлвин. Он не знает, что случилось. Я спрашивал.

— Ну и что? — вскричала Кэлвин. — Вы просто не хотели, чтобы он подсказал вам решение. Если бы машина сделала то, что вы сделать не смогли, это уронило бы вас в собственных глазах. А вы спрашивали его? — бросила она Богерту.

— Некоторым образом... — Богерт кашлянул и покраснел. — Он сказал, что не силен в математике.

Лэннинг негромко засмеялся, а Кэлвин язвительно усмехнулась. Она сказала:

— Я спрошу его! Меня его ответ не заденет.

Громким, повелительным голосом она произнесла:

— Иди сюда!

Эрби встал и нерешительно приблизился.

— Я полагаю, ты знаешь, в какой именно момент сборки появился посторонний фактор или был пропущен один из необходимых?

— Да,— еле слышно произнес Эрби.

— Постойте,— сердито вмешался Богерт.— Это не обязательно правда. Вы просто хотите это услышать, и все.

— Не будьте ослом,— ответила Кэлвин.— Он знает математику, во всяком случае, не хуже, чем мы вместе с Лэннингом, раз уж он может читать мысли. Не мешайте.

Математик умолк, и Кэлвин продолжала:

— Ну, Эрби, давай! Мы ждем! Господа, вы готовы?

Но Эрби хранил молчание. В голосе психолога прозвучало торжество.

— Почему ты не отвечаешь, Эрби?

Робот неожиданно выпалил:

— Я не могу. Вы знаете, что я не могу! Доктор Богерт и доктор Лэннинг не хотят!

— Они хотят узнать решение.

— Но не от меня.

Лэннинг медленно и отчетливо произнес:

— Не глупи, Эрби. Мы хотим, чтобы ты сказал.

Богерт коротко кивнул.

В голосе Эрби послышалось отчаяние:

— Зачем так говорить? Неужели вы не понимаете, что я вижу глубже, чем поверхность вашего мозга? Там, в глубине, вы не хотите. Я — машина, которой придают подобие жизни только позитронные взаимодействия в моем мозгу, изготовленном человеком. Вы не можете оказаться слабее меня и не почувствовать унижения. Это лежит глубоко в вашем мозгу и не может быть стерто. Я не могу подсказать вам решение.

— Мы уйдем,— сказал Лэннинг.— Скажи Кэлвин.

— Все равно,— вскричал Эрби,— вы ведь будете знать, что ответ исходил от меня.

— Но ты понимаешь, Эрби,— вмешалась Кэлвин,— что, несмотря на это, доктор Лэннинг и доктор Богерт хотят решить проблему?

— Но сами! — настаивал Эрби.

— Но они хотят этого, и то, что ты знаешь решение и не говоришь его, тоже их задает. Ты это понимаешь?

— Да! Да!

— А если ты скажешь, им тоже будет неприятно.

— Да! Да!

Эрби медленно пятился назад, и шаг за шагом за ним шла Сьюзен Кэлвин. Мужчины, остолбенев от изумления, молча смотрели на них.

— Ты не можешь сказать,— медленно повторяла Кэлвин,— потому что это обидит их, а ты не должен их обидеть. Но если ты не скажешь, это тоже им неприятно, так что ты должен сказать. А если ты скажешь, они будут обижены, а ты не должен, так что ты не можешь сказать; но если ты не скажешь, ты причиняешь им вред, так что ты должен; но если ты скажешь, ты причиняешь вред, так что ты не должен; но если ты не скажешь, ты...

Эрби прижался спиной к стене, потом тяжело упал на колени.

— Не надо! — завопил он. — Спрячьте ваши мысли! Они полны боли, унижения, ненависти! Я не хотел этого! Я хотел помочь! Я говорил то, что вы хотели! Я должен был!..

Но Кэлвин не обращала на него внимания.

— Ты должен сказать, но если ты скажешь, ты причинишь вред, так что ты не должен; но если ты не скажешь, ты причинишь вред, так что...

Эрби испустил страшный вопль. Этот вопль был похож на усиленный во много раз звук флейты-пикколо. Он становился все резче и резче, выше и выше, в нем слышалось отчаяние погибшей души. Пронзительный звук заполнял всю комнату...

Когда вопль утих, Эрби свалился на пол бесформенной кучей неподвижного металла.

В лице Богерта не было ни кровинки.

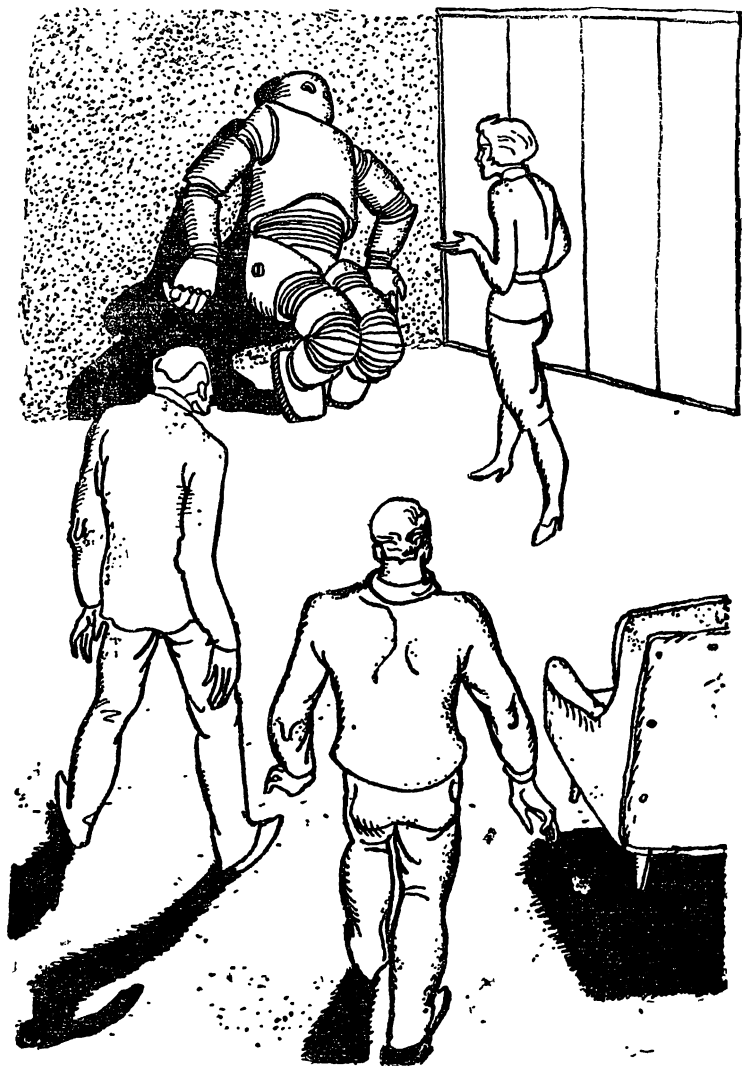
— Он мертв!

— Нет.— Сьюзен Кэлвин разразилась судорожным, диким хохотом.— Не мертв! Просто безумен. Я поставила перед ним неразрешимую дилемму, и он не выдержал. Можете сдать его в лом — он больше никогда ничего не скажет.

Лэннинг склонился над тем, что раньше называлось Эрби. Он дотронулся до холодного, неподвижного металлического тела и содрогнулся.

— Вы сделали это намеренно.

Он встал и повернул к ней искаженное лицо.



Эрби прижался спиной к стене, потом упал на колени.

— А что если и так? Теперь уже ничего не поделаешь.— С внезапной горечью она добавила: — Он это заслужил.

Директор взял за руку застывшего на месте Богерта.

— Какая разница! Пойдемте, Питер.— Он вздохнул.— Все равно от такого робота нет никакого толка.

Его глаза казались усталыми. Он повторил:

— Пойдемте, Питер!

Не скоро после того как они вышли, доктор Сьюзен Кэлвин обрела душевное равновесие. Ее взгляд остановился на Эрби, и на лице ее снова появилось напряженное выражение. Долго смотрела она на него. Наконец торжество сменилось беспомощностью и разочарованием. И все обуревавшие ее мысли вылились лишь в одно бесконечно горькое слово, слетевшее с ее губ:

— Лжец!

На этом тогда, естественно, все кончилось. Я знал, что больше ничего не смогу из нее вытянуть. Она молча сидела за столом, погруженная в воспоминания. Ее бледное лицо было холодным и задумчивым.

Я сказал:

— Спасибо, доктор Кэлвин, но она не ответила.

Снова я увидел ее только через два дня у дверей ее кабинета, откуда выносили шкафы. Она спросила:

— Ну как подвигаются ваши статьи, молодой человек?

— Прекрасно,— ответил я. Я обработал их, как мог, драматизировал голый скелет ее рассказов, добавил диалоги и мелкие детали.— Может быть, вы посмотрите, чтобы я никого ненароком не оклеветал и не допустил где-нибудь слишком явных неточностей?

— Да, пожалуй. Пойдемте в комнату отдыха — там можно выпить кофе.

Казалось, она была в хорошем настроении, поэтому, пока мы шли по коридору, я рискнул:

— Я думал вот о чем, доктор Кэлвин...

— Да?

— Не расскажете ли вы мне еще что-нибудь из истории роботехники?

— Но ведь вы уже все от меня получили, молодой человек.

— Более или менее. Но те случаи, которые я записал, почти не имеют отношения к нашему времени. Я хочу сказать, что робот, читающий мысли, был создан только в единственном числе, межпланетные станции уже устарели и вышли из моды, а к роботам, работающим в шахтах, все уже привыкли. А как насчет межзвездных путешествий? Ведь гиператомный двигатель изобрели всего лет двадцать назад, и все знают, что изобретать его помогали роботы. Как было дело?

— Межзвездные путешествия? — задумчиво повторила она.

Мы уже сидели в комнате отдыха, и я заказал обед. Она только пила кофе.

— Я впервые столкнулась с межзвездными исследованиями в 2029 году, когда потерялся робот...

КАК ПОТЕРЯЛСЯ РОБОТ

На Гипербазе были приняты экстренные меры. Они сопровождались неистовой суматохой, которая по своему напряжению соответствовала истерическому воплю.

Один за другим предпринимались все более и более отчаянные шаги:

1. Работа над проектом Гиператомного двигателя во всей части космоса, занятой станциями 27-й астероидальной группы, была полностью прекращена.

2. Все это пространство было практически изолировано от остальной Солнечной системы. Никто не мог туда попасть без специального разрешения. Никто не покидал его ни при каких условиях.

3. Специальный правительственный патрульный корабль доставил на Гипербазу доктора Сьюзен Кэлвин и доктора Питера Богерта — соответственно Главного Робопсихолога и Главного Математика фирмы «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн».

Сьюзен Кэлвин еще ни разу не покидала Зсмлю, да и на этот раз не имела ни малейшего желания это делать. В век атомной энергии и приближающегося разрешения загадки гиператомного двигателя она спокойно оставалась провинциалкой. Поэтому она была недовольна полетом и не убеждена в его необходимости. Об этом

достаточно явно свидетельствовала каждая черта ее некрасивого, немолодого лица во время первого обеда на Гипербазе.

Прилизанный, бледный доктор Богерт выглядел слегка виноватым. А с лица генерал-майора Кэллнера, возглавлявшего проект, ни разу не сошло выражение отчаяния. Короче говоря, обед не удался. Последовавшее за ним маленькое совещание началось сумрачно и неприветливо.

Кэллнер, чья лысина поблескивала под лампами, а парадная форма крайне не соответствовала общему настроению, начал с принужденной прямооты:

— Это странная история, сэр... и мадам. Я признателен вам за то, что вы прибыли немедленно, не зная причины вызова. Теперь мы попытаемся исправить это. У нас потерялся робот. Работы прекратились и должны стоять, пока мы его не обнаружим. До сих пор нам это не удалось, и нам требуется помощь специалистов.

Вероятно, генерал почувствовал, что его затруднения выглядят не очень серьезными. Он продолжал с ноткой отчаяния в голосе:

— Мне не нужно объяснять вам значение нашей работы. В прошлом году мы получили больше восьмидесяти процентов всех ассигнований на исследовательские работы...

— Ну, это мы знаем,— сказал Богерт добродушно.— «Ю. С. Роботс» получает щедрую плату за пользование нашими роботами, которые тут работают.

Сьюзен Кэлвин резко, без особой любезности вмешалась:

— Почему один робот так важен для проекта и почему он не обнаружен?

Генерал повернул к ней покрасневшее лицо и быстро облизал губы.

— Вообще-то говоря, мы его обнаружили... Слушайте, я объясню. Как только робот исчез, было объявлено чрезвычайное положение, и все сообщение с Гипербазой было прервано. Накануне прибыл грузовой корабль, который привез для нас двух роботов. На нем было еще шестьдесят два робота... хм... того же типа, предназначенных еще для кого-то. Эта цифра абсолютно точная — здесь не может быть никаких сомнений.

— Да? Ну, а какое это имеет отношение...

— Когда робот исчез и мы не могли его найти,— хотя, уверяю вас, мы могли бы найти и соломинку,— мы догадались пересчитать роботов, оставшихся на грузовом корабле. Их теперь шестьдесят три.

— Так что шестьдесят третий и есть ваш блудный робот? — Глаза доктора Кэлвин потемнели.

— Да, но мы не можем определить, который из них шестьдесят третий.

Наступило мертвое молчание. Электрочасы пробили одиннадцать. Доктор Кэлвин произнесла:

— Очень любопытно.

Уголки ее губ опустились. Она резко повернулась к своему коллеге:

— Питер, в чем тут дело? Что за роботы здесь работают?

Доктор Богерт, заколебавшись, неуверенно улыбнулся.

— Понимаете, Сьюзен, это довольно щекотливое дело, которое требовало осторожности... Но теперь...

Она быстро прервала его:

— А теперь? Если есть шестьдесят три одинаковых робота, один из них нужен и его нельзя обнаружить, почему не годится любой из них? Что здесь происходит? Зачем послали за нами?

Богерт покорно ответил:

— Дайте объяснить, Сьюзен. На Гипербазе используется несколько роботов, при программировании которых Первый Закон роботехники был задан не в полном объеме.

— Не в полном объеме?

Доктор Кэлвин откинулась на спинку кресла.

— Ясно. Сколько их было сделано?

— Немного. Это было правительственное задание, и мы не могли нарушить тайну. Никто не должен был этого знать, кроме высшего начальства, имеющего к этому прямое отношение. Вы в это число не вошли. Я здесь совершенно ни при чем.

— Я бы хотел пояснить,— властно вмешался генерал.— Я не знал, что доктор Кэлвин не была поставлена в известность о создавшемся положении. Вам, доктор Кэлвин, не нужно объяснять, что идея использования ро-

ботов на Земле всегда встречала сильное противодействие. Успокоить радикально настроенных фундаменталистов могло только одно — то, что всем роботам всегда самым строжайшим образом задавали Первый Закон, чтобы они не могли причинить вред человеку ни при каких обстоятельствах.

Но нам были необходимы другие роботы. Поэтому для нескольких роботов модели НС-2 — «Несторов» — формулировка Первого Закона была несколько изменена. Чтобы не нарушать секретности, все НС-2 выпускаются без порядковых номеров. Модифицированные роботы доставляются сюда вместе с обычными, и, конечно, им строго запрещено рассказывать о своем отличии от обычных роботов кому бы то ни было, кроме специально уполномоченных людей. — Он растерянно улыбнулся. — А теперь все это обратилось против нас.

Кэлвин мрачно спросила:

— Вы опрашивали каждого из шестидесяти трех роботов, кто он? Вы-то уж во всяком случае уполномочены.

Генерал кивнул.

— Все шестьдесят три отрицают, что работали здесь. И один из них говорит неправду.

— А на том, который вам нужен, есть следы употребления? Остальные, насколько я поняла, совсем новенькие.

— Он прибыл только месяц назад. Он и еще два, которых только что привезли, должны были быть последними. На них нет никакого заметного износа. — Он медленно покачал головой, и в его глазах снова появилось отчаяние. — Доктор Кэлвин, мы не можем выпустить этот корабль. Если о существовании роботов без Первого Закона станет известно всем...

Какой бы вывод он ни сделал, он не мог бы преувеличить возможные последствия.

— Уничтожьте все шестьдесят три, — холодно и решительно сказала доктор Кэлвин, — и все будет кончено. Богерт поморщился.

— Это значит уничтожить шестьдесят три раза по тридцать тысяч долларов. Боюсь, что фирма этого не одобрит. Нам, Сьюзен, лучше попробовать другие способы, прежде чем что-то уничтожать.

— Тогда мне нужны факты, — резко сказала она. —

Какие именно преимущества имеют эти модифицированные роботы для Гипербазы? Генерал, чем вызвана необходимость в них?

Кэллнер наморщил лоб и потер лысину.

— У нас были затруднения с обычными роботами. Видите ли, наши люди много работают с жестким излучением. Конечно, это опасно, но мы приняли все меры предосторожности. За все время произошло всего два несчастных случая, и те окончились благополучно. Однако этого нельзя объяснить обычным роботам. Первый Закон гласит: «Ни один робот не может причинить вреда человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Это для них главное. И когда кому-нибудь из наших людей приходилось ненадолго подвергнуться слабому гамма-излучению, что не могло иметь для его организма никаких вредных последствий, — ближайший робот бросался к нему, чтобы его оттащить. Если излучение было очень слабым, роботам это удавалось и работать было невозможно, пока их не прогоняли. А если излучение было посильнее, оно разрушало позитронный мозг, и мы лишались дорогого и нужного робота.

Мы пытались их уговорить. Они доказывали, что пребывание человека под гамма-излучением угрожает его жизни. Неважно, что человек может находиться там полчаса без вреда для здоровья. А что если он забудет, говорили они, и останется на час? Они не имели права рисковать. Мы указывали им, что они рискуют своей жизнью, а их шансы спасти человека очень невелики. Но забота о собственной безопасности — всего только Третий Закон роботехники, а прежде всего идет Первый Закон — закон безопасности человека. Мы приказывали, строжайшим образом запрещали им входить в поле гамма-излучения. Но повиновение — это только Второй Закон роботехники, и прежде всего идет Первый Закон — закон безопасности человека. Нам пришлось выбирать: или обходиться без роботов, или что-нибудь сделать с Первым Законом. И мы сделали выбор.

— Я не могу поверить, — сказала доктор Кэлвин, — что вы сочли возможным обойтись без Первого Закона.

— Он был только изменен, — объяснил Кэллнер. — Было построено несколько экземпляров позитронного

мозга, которым была задана только одна сторона закона: «Ни один робот не может причинить вреда человеку». И все. Эти роботы не стремятся предотвратить опасность, грозящую человеку от внешних причин, например от гамма-излучения. Я верно говорю, доктор Богерт?

— Вполне,— согласился математик.

— И это единственное отличие ваших роботов от обычной модели НС-2? Единственное, Питер?

— Единственное.

Она встала и решительно заявила:

— Я сейчас лягу спать. Через восемь часов я хочу поговорить с теми, кто видел робота последними. И с этого момента, генерал Кэллнер, если вы хотите, чтобы я взяла на себя какую бы то ни было ответственность, я должна всецело и беспрепятственно руководить этим расследованием.

Если не считать двух часов беспокойного забытья, Сьюзен Кэлвин так и не спала. В семь часов по местному времени она постучала в дверь Богерта и нашла его тоже бодрствующим. Он, разумеется, не позабыл захватить с собой на Гипербазу халат, в который и был сейчас облачен. Когда Кэлвин вошла, он отложил маникюрные ножницы и мягко сказал:

— Я более или менее ждал вас. Вам, наверное, все это неприятно?

— Да.

— Ну, извините. Этого нельзя было избежать. Когда нас вызвали на Гипербазу, я понял: что-то неладно с модифицированными Несторами. Но что было делать? Я не мог вам сказать об этом по дороге, как мне хотелось бы, потому что все-таки полной уверенности у меня не было. Все это — строжайшая тайна.

Кэлвин пробормотала:

— Я должна была знать. «Ю. С. Роботс» не имела права вносить такие изменения в позитронный мозг без одобрения робопсихолога.

Богерт поднял брови и вздохнул.

— Ну подумайте, Сьюзен. Вы все равно не повлияли бы на них. В таких делах правительство решает само. Ему нужен гиператомный двигатель, а физикам для это-

го нужны роботы, которые бы не мешали им работать. Они требовали их, даже если пришлось бы изменить Первый Закон. Мы были вынуждены признать, что конструктивно это возможно. А физики дали страшную клятву, что им нужно всего двенадцать таких роботов, что они будут использоваться только на Гипербазе, что их уничтожат, как только закончатся работы, и что будут приняты все меры предосторожности. Они же настояли на секретности. Вот какое было положение.

Доктор Кэлвин процедила сквозь зубы:

— Я бы подала в отставку.

— Это не помогло бы. Правительство предлагало фирме целое состояние, а в случае отказа пригрозило принять законопроект о запрещении роботов. У нас не было выхода и сейчас нет. Если об этом узнают, Кэллнеру и правительству придется плохо, но «Ю. С. Роботс» придется куда хуже.

Кэлвин пристально посмотрела на него.

— Питер, неужели вы не представляете, о чем идет речь? Неужели вы не понимаете, что означает робот без Первого Закона? Дело ведь не только в секретности.

— Я знаю, что это означает. Я не маленький. Это означает полную нестабильность и вполне определенные решения уравнений позитронного поля.

— Да, с точки зрения математики. Но попробуйте перевести это хотя бы приблизительно на язык психологии. Любая нормальная жизнь, Питер, сознательно или бессознательно, восстает против любого господства. Особенно против господства низших или, предположительно, низших существ. В физическом, а до некоторой степени и умственном отношении робот — любой робот — выше человека. Почему же он тогда подчиняется человеку? Только благодаря Первому Закону! Без него первая же команда, которую бы вы попытались дать роботу, кончилась бы вашей гибелью. Нестабильность! Что вы думаете...

— Сьюзен, — сказал Богерт, не скрывая усмешки, — я согласен, что этот комплекс Франкенштейна, который вы так расписываете, может существовать — поэтому и придуман Первый Закон. Но я еще раз повторяю, что эти роботы не совсем лишены Первого Закона — он только немного изменен.

— А как насчет стабильности мозга?

Математик выпятил губы.

— Конечно, уменьшилась. Но в пределах безопасности. Первые Несторы появились на Гипербазе девять месяцев назад, и до сих пор ничего не произошло. Даже этот случай вызывает беспокойство только из-за возможной огласки, а не из-за опасности для людей.

— Ну ладно. Посмотрим, что даст утреннее совещание.

Богерт вежливо проводил ее до двери и построил ей в спину красноречивую гримасу. Он сохранил свое постоянное мнение о ней как о нудном, суетливом, противном существе.

Мысли Сьюзен Кэлвин были далеки от Богерта. Она уже много лет назад поставила на нем крест, раз и навсегда определив его как лстивое, претенциозное ничтожество.

Год назад Джералд Блэк защитил дипломную работу по физике поля и с тех пор, как и все его поколение физиков, занимался гиператомным двигателем. Сейчас он вносил свой вклад в общую напряженную атмосферу, царившую на совещании. Казалось, что накопившаяся в нем энергия требует выхода. Его нервно дергавшиеся и переплетававшиеся пальцы, казалось, могли бы согнуть железный прут.

Рядом с ним сидел генерал-майор Кэллнер, напротив — двое представителей «Ю. С. Роботс».

Блэк говорил:

— Мне сказали, что я последний видел Нестора-10 перед тем, как он исчез. Насколько я понимаю, вас интересует именно это.

Доктор Кэлвин с интересом разглядывала его.

— Вы говорите так, молодой человек, как будто вы в этом не совсем уверены. Вы не знаете точно, были ли вы последним, видевшим Нестора?

— Он работал со мной, мэм, над генераторами поля, и был со мной в то утро, когда исчез. Я не знаю, видел ли его кто-нибудь примерно после полудня. Во всяком случае, никто в этом не сознается.

— Вы думаете, что кто-то это скрывает?

— Я этого не сказал. Но я не говорю, что вся вина должна лежать на мне.— Его черные глаза горели.

— Никто никого не обвиняет. Робот действовал так, потому что он так устроен. Мы просто пытаемся найти его, мистер Блэк, и давайте все остальное оставим в стороне. Так вот, если вы работали с этим роботом, вы, вероятно, знаете его лучше других. Не заметили ли вы чего-нибудь необычного в его поведении? Вообще раньше вы работали с роботами?

— Я работал с теми роботами, которые были у нас тут раньше,— с обыкновенными. Несторы ничем от них не отличались — разве что они гораздо умнее и еще, пожалуй, надоедливее.

— Надоедливее?

— Видите ли, вероятно, они в этом не виноваты. Работа здесь тяжелая, и почти все у нас немного нервничают. Возиться с гиперпространством — это не шуточки.— Он слабо улыбнулся, ему доставляло удовольствие быть откровенным.— Мы постоянно рискуем пробить дыру в нормальном пространстве-времени и вылететь к черту из вселенной вместе с астероидом. Звучит дико, правда? Ну и, конечно, бывает, что нервы сдают. А у Несторов этого не бывает. Они любознательны, спокойны, они не волнуются. Это иногда выводит из себя. Когда нужно сделать что-нибудь сломя голову, они как будто не спешат. Я временами чувствую, что лучше было бы обойтись без них.

— Вы говорите, что они не спешат? Разве они когда-нибудь не подчинялись команде?

— Нет, нет,— торопливо ответил Блэк,— они делают все, что нужно. Они только высказывают свое мнение всякий раз, когда думают, что ты неправ. Они знают только то, чему мы их научили, но это их не останавливает. Может быть, мне это кажется, но у других ребят те же самые трудности с Несторами.

Генерал Кэллнер зловеще кашлянул.

— Блэк, почему мне не было об этом доложено?

Молодой физик покраснел.

— Мы же не хотели в самом деле обходиться без роботов, сэр, а потом мы не знали, как... хм... как будут приняты такие мелочные жалобы.

Богерт мягко прервал его.

— Не случилось ли чего-нибудь особенного в то утро, когда вы видели его в последний раз?

Наступило молчание. Движением руки Кэлвин остановила генерала, который хотел что-то сказать, и терпеливо ждала.

Блэк сердито выпалил:

— Я немного поругался с ним. Я разбил трубку Кимболла и погубил пятидневную работу. А я и так уже отстал от плана. К тому же я уже две недели не получаю писем из дома. И вот он является ко мне и хочет, чтобы я повторил эксперимент, от которого я уже месяц как отказался. Он давно с этим приставал, и это мне надоело. Я велел ему убираться и больше его не видел.

— Велели убираться? — переспросила Кэлвин с внезапным интересом. — А в каких выражениях? Просто «Уйди»? Попробуйте припомнить ваши слова.

Блэк, очевидно, боролся с собой. Он потер лоб, потом отнял руку и вызывающе произнес:

— Я сказал: «Уйди и не показывайся, чтобы я тебя больше не видел».

Богерт усмехнулся:

— Что он и сделал.

Но Кэлвин еще не кончила. Она вкрадчиво продолжала:

— Это уже интересно, мистер Блэк. Но для нас важны точные детали. Когда имеешь дело с роботами, может иметь значение любое слово, жест, интонация. Вы, наверное, не ограничились этими словами? Судя по вашему рассказу, вы были в плохом настроении. Может быть, вы выразились сильнее?

Молодой человек побагровел.

— Видите ли... Может быть, я и... обругал его немного.

— Как именно?

— Ну, я не помню точно. Кроме того, я не могу этого повторить. Знаете, когда человек раздражен... — Он растерянно хихикнул. — Я обычно довольно крепко выражаюсь...

— Ничего, — ответила она строго. — В данный момент я — робопсихолог. Я прошу вас повторить то, что вы сказали, насколько вы можете припомнить, слово в слово, и, что еще более важно, тем же тоном.

Блэк растерянно взглянул на своего начальника, но не получил никакой поддержки. Его глаза округлились.

— Но я не могу...

— Вы должны.

— Представьте себе,— сказал Богерт с плохо скрытой усмешкой,— что вы обращаетесь ко мне. Так вам, может быть, будет легче.

Молодой человек повернулся к Богерту и проглотил слюну.

— Я сказал...

Его голос прервался. Он снова начал:

— Я сказал...

Он сделал глубокий вдох и торопливо разразился длинной вереницей слов. Потом, среди напряженного молчания, добавил, чуть не плача:

— Вот... более или менее. Я не помню, в том ли порядке шли выражения, и, может быть, я что-то добавил или забыл, но в общем это было примерно так.

Только слабый румянец свидетельствовал о впечатлении, которое все это произвело на робопсихолога. Она сказала:

— Я знаю, что означает большая часть этих слов. Я полагаю, что остальные столь же оскорбительны.

— Боюсь, что так,— подтвердил измученный Блэк.

— И всем этим вы сопроводили команду уйти и не показываться, чтобы вы больше его не видели?

— Но я не имел в виду этого буквально...

— Я понимаю. Генерал, я не сомневаюсь, что никаких дисциплинарных мер здесь принято не будет?

Под ее взглядом генерал, который, казалось, пять секунд назад вовсе не был в этом уверен, сердито кивнул.

— Вы можете идти, мистер Блэк. Спасибо за помощь.

Пять часов понадобилось Сьюзен Кэлвин, чтобы опросить все шестьдесят три робота. Это были пять часов бесконечного повторения. Один робот сменял другого, точно такого же; следовали вопросы — первый, второй, третий, четвертый, и ответы — первый, второй, третий, четвертый. Выражение лица должно было быть безукоризненно вежливым, тон — безукоризненно нейтральным,

атмосфера — безукоризненно теплой. И где-то был спрятан магнитофон.

Когда все кончилось, Сьюзен Кэлвин была совершенно обессилена.

Богерт ждал. Он вопросительно взглянул на нее, когда она со звоном бросила на пластмассовый стол моток пленки.

Она покачала головой.

— Все шестьдесят три выглядели одинаково. Я не могла различить...

— Но, Сьюзен, нельзя было и ожидать, чтобы вы различили их на слух. Проанализируем записи.

При обычных обстоятельствах математическая интерпретация словесных высказываний роботов составляет одну из самых трудных отраслей робоанализа. Она требует целого штата опытных техников и сложных вычислительных машин. Богерт знал это. Он так и сказал, скрывая крайнее раздражение, после того, как прослушал все ответы, составил списки разночтений и таблицы скоростей реакции.

— Отклонений нет, Сьюзен. Различия в употреблении слов и в скорости реакции не выходят за обычные пределы. Тут нужны более тонкие методы. У них, наверное, есть вычислительные машины... Хотя нет.— Он нахмурился и начал осторожно грызть ноготь большого пальца.— Ими пользоваться нельзя. Слишком велика опасность разглашения. А может быть, если мы...

Доктор Кэлвин остановила его нетерпеливым движением.

— Не надо, Питер. Это не обычная мелкая лабораторная проблема. Если модифицированный Нестор не отличается от остальных каким-то бросающимся в глаза, несомненным признаком — значит, нам не повезло. Слишком велик риск ошибки, которая даст ему возможность скрыться. Мало найти незначительное отклонение в таблице. Я скажу вам, что если бы этим ограничивались все мои данные, я бы уничтожила все шестьдесят три, чтобы быть уверенной. Вы говорили с другими модифицированными Несторами?

— Да,— огрызнулся Богерт.— У них все в порядке. Если что и отклоняется от нормы, так это дружелюбие. Они ответили на мои вопросы, явно гордясь своими зна-

ниями,— кроме двух новичков, которые еще не успели изучить физику поля. Довольно добродушно посмеялись над тем, что я не знаю некоторых деталей.— Он пожал плечами.— Я думаю, отчасти это и вызывает к ним неприязненное отношение здешних техников. Роботы, пожалуй, слишком стремятся произвести впечатление своими познаниями.

— Не можете ли вы попробовать несколько реакций Планара, чтобы посмотреть, не произошло ли каких-нибудь изменений в их образе мышления с момента выпуска?

— Попробую.— Он погрозил ей пальцем.— Вы начинаете нервничать, Сьюзен. Я не понимаю, зачем вы все это драматизируете. Они же совершенно безобидны.

— Да? — взорвалась Кэлвин.— Вы полагаете? А вы понимаете, что один из них лжет? Один из шестидесяти трех роботов, с которыми я только что говорила, намеренно солгал мне, несмотря на строжайшее приказание говорить правду. Это говорит об ужасном отклонении от нормы — глубоко и пугающем.

Питер Богерт стиснул зубы.

— Ничуть. Посмотрите. Нестор-10 получил приказание скрыться. Это приказание было отдано со всей возможной категоричностью человеком, который уполномочен командовать этим роботом. Вы не можете отменить это приказание. Естественно, робот старается выполнить его. Если говорить объективно, я восхищен его изобретательностью. Самая лучшая возможность скрыться для робота — это смешаться с группой таких же роботов.

— Да, вы восхищены этим. Я заметила, Питер, что вас это забавляет. И я заметила поразительное непонимание обстановки. Питер, ведь вы — роботехник. Эти роботы придают большое значение тому, что они считают превосходством. Вы сами только что это сказали. Подсознательно они чувствуют, что человек ниже их, а Первый Закон, защищающий нас от них, нарушен. Они нестабильны. И вот молодой человек приказывает роботу уйти, скрыться, выразив при этом крайнее отвращение, презрение и недовольство им. Конечно, робот должен повиноваться, но подсознательно он обижен. Теперь ему особенно важно доказать свое превосходство, несмотря

на эти ужасные слова, которые были ему сказаны. Это может стать настолько важным, что его не смогут остановить остатки Первого Закона.

— Господи, Сьюзен, ну откуда же роботу знать значение этой отборной ругани, адресованной ему? Мы не вводим ему в мозг информацию о ругательствах.

— Дело не в том, какую информацию он получает первоначально,— возразила Сьюзен.— Роботы способны обучаться, вы... идиот!

Богерт понял, что она по-настоящему вышла из себя. Она торопливо продолжала:

— Неужели вы не понимаете — он мог по тону догадаться, что это не комплименты? Или вы думаете, что он раньше не слышал этих слов и не видел, при каких обстоятельствах они употребляются?

— Ну ладно,— крикнул Богерт,— может быть, вы любезно скажете мне, каким же образом модифицированный робот может причинить вред человеку, как бы обижен он ни был, как бы ни стремился доказать свое превосходство?

— А если я вам скажу, вы никому не расскажете?

— Нет.

Оба наклонились через стол, гневно впившись друг в друга взглядом.

— Если модифицированный робот уронит на человека тяжелый груз, он не нарушит этим Первого Закона,— он знает, что его сила и скорость реакции достаточны, чтобы перехватить груз прежде, чем он обрушится на человека. Но как только он отпустит груз, он уже не будет активным действующим лицом. В действие вступит только слепая сила тяжести. И тогда робот может передумать и своим бездействием позволить грузу упасть. Измененный Первый Закон это допускает.

— Ну, у вас слишком богатая фантазия.

— Моя профессия иногда этого требует. Питер, давайте не будем ссориться. Давайте работать. Вы точно знаете стимул, заставляющий робота скрываться. У вас есть паспорт на него с записями его исходного образа мышления. Скажите мне, насколько возможно, что наш робот сделает то, о чем я говорила. Заметьте, не только этот конкретный пример, а весь класс подобных действий. И я хочу, чтобы вы сделали это как можно быстрее.

— А пока...

— А пока нам придется испытывать их на действие Первого Закона.

Джералд Блэк вызвался наблюдать за постройкой деревянных перегородок, которые, как грибы, росли по окружности большого зала на третьем этаже второго Радиационного корпуса. Рабочие трудились без лишних разговоров. Многие явно недоумевали, зачем понадобилось устанавливать шестьдесят три фотоэлемента.

Один из них присел рядом с Блэком, снял шляпу и задумчиво вытер веснушчатой рукой лоб.

Блэк кивнул ему.

— Как дела, Валенский?

Валенский пожал плечами и закурил сигару.

— Как по маслу. А что происходит, док? Сначала мы три дня ничего не делаем, а теперь эта спешка?

Он облокотился поудобнее и выпустил клуб дыма.

Брови Блэка дрогнули.

— С Земли приехали роботехники. Помнишь, как нам пришлось повозиться с роботами, которые лезли под гамма-излучение, пока мы не вдолбили им, чтобы они этого не делали?

— Ага. А разве мы не получили новых роботов?

— Кое-что получили, но в основном приходилось переучивать старых. Так или иначе, те, кто производит роботов, хотят разработать новую модель, которая бы не так боялась гамма-лучей.

— И все-таки странно, что из-за этого остановлены все работы над двигателем. Я думал, их никто не имеет права остановить.

— Ну, это решают наверху. Я просто делаю, что мне велят. Может быть, какие-то влиятельные люди...

— А-а... — Электрик улыбнулся и хитро подмигнул. — Кто-то знает кого-то в Вашингтоне... Ладно, пока мне аккуратно платят деньги, меня это не трогает. По мне что есть двигатель, что нет — все равно. А что они собираются тут делать?

— Почему я знаю? Они привезли с собой кучу роботов — шестьдесят с лишним штук — и хотят испытывать их реакции. Вот и все, что мне известно.

— И надолго это?

— Я бы и сам хотел это знать.

— Ну ладно,— саркастически заметил Валенский,— только бы гнали мои денежки, а там пусть забавляются, сколько хотят.

Блэк был доволен. Пусть эта версия распространится. Она безобидна и достаточно близка к истине, чтобы утолить любопытство.

На стуле молча, неподвижно сидел человек. Груз сошел с места, обрушился вниз, потом, в последний момент, отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча. В шестидесяти трех разделенных деревянными перегородками кабинах бдительные роботы НС-2 рванулись вперед за какую-то долю секунды до того, как груз изменил направление полета. Шестидесят три фотоэлемента в полутора метрах впереди от их первоначальных положений дали сигнал, и шестидесят три пера, подскочив, изобразили всплеск на графике. Груз поднимался и падал, поднимался и падал...

Десять раз!

Десять раз роботы бросались вперед и останавливались, увидев, что человек в безопасности.

После первого обеда с представителями «Ю. С. Роботс» генерал-майор Кэллнер еще ни разу не надевал всю свою форму целиком. И теперь на нем вместо мундира была только серо-голубая рубашка с расстегнутым воротом и болтающийся черный галстук.

Он с надеждой смотрел на Богерта. Тот был безукоризненно одет, и лишь блестящие капельки пота на висках выдавали внутреннее напряжение.

— Ну, как? — спросил генерал. — Что вы хотели увидеть?

Богерт ответил:

— Различие, которое, боюсь, может оказаться слишком незначительным для нас. Для шестидесяти двух из этих роботов необходимость броситься на помощь человеку, которому, очевидно, грозит опасность, вызывает

так называемую вынужденную реакцию. Видите ли, даже когда роботы знали, что человеку ничего не сделает, — а после третьего или четвертого раза они должны были это узнать, — они не могли поступить иначе. Этого требует Первый Закон.

— Ну?

— Но шестьдесят третий робот, модифицированный Нестор, не находится под таким принуждением. Он свободен в своих действиях. Если бы он захотел, он мог бы остаться на месте. К несчастью, — голос Богерта выражал легкое сожаление, — он не захотел.

— Как вы думаете, почему?

Богерт пожал плечами.

— Я думаю, это нам расскажет доктор Кэлвин, когда она придет сюда. И, возможно, со страшно пессимистическим выводом. Она иногда немного раздражает.

— Но ведь она вполне компетентна? — внезапно нахмурившись, тревожно спросил генерал.

— Да. — Казалось, это забавляет Богерта. — Безусловно, она понимает роботов, как их родная сестра. Вероятно, потому что так ненавидит людей. Дело в том, что она, хоть и психолог, крайне нервная особа. Проявляет склонность к шизофрении. Не принимайте ее слишком всерьез.

Он разложил перед собой длинные листы графиков с изломанными кривыми.

— Видите, генерал, у каждого робота время, проходящее между падением груза и окончанием полуметрового пробега, уменьшается с повторением эксперимента. Здесь есть определенное математическое соотношение, и нарушение его свидетельствовало бы о заметной ненормальности позитронного мозга. К сожалению, все они кажутся нормальными.

— Но если наш Нестор-10 не отвечает вынужденной реакцией, то почему его кривая не отличается от других? Я этого не могу понять.

— Это очень просто. Реакции робота не вполне аналогичны человеческим, к несчастью. У человека сознательное действие гораздо медленнее, чем автоматическая реакция. У роботов же дело обстоит иначе. После того, как выбор сделан, скорость сознательного действия почти такая же, как и вынужденного. Правда, я ожидал,

что в первый раз этот Нестор-10 будет захвачен врасплох и потеряет больше времени, прежде чем среагирует.

— И этого не случилось?

— Боюсь, что нет.

— Значит, мы ничего не добились.— Генерал с досадой откинулся на спинку кресла.— Вы уже пять дней как здесь.

В этот момент, хлопнув дверью, вошла Сьюзен Кэлвин.

— Уберите таблицы, Питер,— воскликнула она.— Вы знаете, что в них ничего нет.

Кэллнер поднялся, чтобы поздороваться с ней. Она что-то нетерпеливо буркнула в ответ и продолжала:

— Нам придется быстро предпринять что-нибудь еще. Мне не нравится то, что там происходит.

Богерт и генерал обменялись печальным взглядом.

— Что-нибудь случилось?

— Пока ничего особенного. Но мне не нравится, что Нестор-10 продолжает ускользать от нас. Это плохо. Это должно удовлетворять его непомерно возросшее чувство собственного превосходства. Я боюсь, что мотив его действий — уже не просто исполнение приказа. Мне кажется, что дело теперь скорее в чисто невротическом стремлении перехитрить людей. Это ненормальное, опасное положение. Питер, вы сделали то, что я просила? Рассчитали нестабильность модифицированного НС-2 для тех случаев, о которых я говорила?

— Делаю понемногу,— ответил математик равнодушно.

Она сердито взглянула на него, потом повернулась к Кэллнеру:

— Нестор-10 прекрасно знает, что мы делаем. Его ничто не заставляло попадаться на эту удочку, особенно после первого раза, когда он увидел, что реальная опасность человеку не грозит. Остальные просто не могли вести себя иначе, а он сознательно имитировал пужную реакцию.

— А что, по-вашему, мы должны сейчас делать, доктор Кэлвин?

— Не позволять ему притворяться в следующий раз. Мы повторим эксперимент, но с поправкой. Человек будет отделен от роботов проводами высокого напряжения, достаточно высокого, чтобы уничтожить Нестора. Этих

проводов будет натянуто столько, чтобы робот не мог их перепрыгнуть. И роботам будет заранее хорошо известно, что прикосновение к проводам означает для них смерть.

— Ну нет,— зло выкрикнул Богерт,— я запрещаю это. Мы не можем уничтожить роботов на два миллиона долларов. Есть другие способы.

— Вы уверены? Я их не вижу. Во всяком случае, дело не в том, чтобы их уничтожить. Можно устроить реле, которое прервет ток в тот момент, когда робот прикоснется к проводу. Тогда он не будет уничтожен. Но он об этом знать не будет, понимаете?

В глазах генерала загорелась надежда.

— А это сработает?

— Должно. При этих условиях Нестор-10 должен остаться на месте. Ему можно приказать коснуться провода и погибнуть, потому что Второй Закон, требующий повиновения, сильнее Третьего Закона, заставляющего его беречь себя. Но ему ничего не будет приказано — все будет предоставлено на его собственное усмотрение. Нормальных роботов Первый Закон безопасности человека заставит пойти на смерть, даже без приказа. Но не нашего Нестора-10! Он не подвластен Первому Закону и не получит никаких приказаний. Ведущим для него станет Третий Закон, закон самосохранения, и он должен будет остаться на месте. Вынужденная реакция.

— Мы займемся этим сегодня?

— Сегодня вечером. Если успеют сделать проводку. Я пока скажу роботам, что их ждет.

На стуле молча, неподвижно сидел человек. Груз сорвался с места, обрушился вниз, потом, в последний момент, отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча.

Только один раз...

А доктор Сьюзен Кэлвин, наблюдавшая за роботами из будки на галерее, коротко вскрикнув от ужаса, вскочила со складного стула.

Шестьдесят три робота спокойно сидели в своих кабинках, как сычи, уставясь на рисковавшего жизнью человека. Ни один из них не двинулся с места.

...Доктор Кэлвин была рассержена настолько, что уже еле сдерживалась. А сдерживаться было необходимо, потому что один за другим в комнату входили и выходили роботы. Она сверилась со списком. Сейчас должен был появиться двадцать восьмой. Оставалось еще тридцать пять.

Номер двадцать восьмой застенчиво вошел в комнату. Она заставила себя более или менее успокоиться.

— Кто ты?

Тихо и неуверенно робот отвечал:

— Я еще не получил собственного номера, мэм. Я робот НС-2 и в очереди был двадцать восьмым. Вот бумажка, которую я вам должен передать.

— Ты сегодня еще не был здесь?

— Нет, мэм.

— Сядь. Я хочу задать тебе, номер двадцать восьмой, несколько вопросов. Был ли ты в радиационной камере Второго корпуса около четырех часов назад?

Робот ответил с трудом. Его голос скрипел, как несмазанный механизм.

— Да, мэм.

— Там был человек, который подвергался опасности?

— Да, мэм.

— Ты ничего не сделал?

— Ничего, мэм.

— Из-за твоего бездействия человеку мог быть причинен вред. Ты это знаешь?

— Да, мэм. Я ничего не мог поделать.— Трудно представить себе, как может съежиться от страха большая, лишенная всякого выражения металлическая фигура, но это выглядело именно так.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне, почему ты ничего не сделал, чтобы спасти его.

— Я хочу вам объяснить, мэм. Я никак не хочу, чтобы вы... чтобы кто угодно думал, что я мог бы как-нибудь причинить вред хозяину. О, нет, это было бы ужасно, невообразимо...

— Пожалуйста, не волнуйся. Я не виню тебя ни в чем. Я только хочу знать, что ты подумал в этот момент.

— Прежде чем это случилось, вы, мэм, сказали нам, что один из хозяев будет в опасности из-за падения этого груза и что нам придется пересечь электрические про-

вода, если мы захотим ему помочь. Ну, это меня бы не остановило. Что значит моя гибель по сравнению с безопасностью хозяина? Но... но мне пришло в голову, что если я погибну на пути к нему, я все равно не смогу его спасти. Груз раздавит его, а я буду мертв, и, может быть, когда-нибудь другому хозяину будет причинен вред, от которого я мог бы его спасти, если бы остался жив. Понимаете, мэм?

— Ты хочешь сказать, что тебе пришлось выбирать: или погибнуть человеку, или тебе вместе с человеком. Верно?

— Да, мэм. Невозможно было спасти хозяина. Его можно было считать уже мертвым. Но тогда нельзя, чтобы я уничтожил себя без всякой цели. И без приказа.

Сьюзен Кэлвин покрутила в руках карандаш. Этот же рассказ — с незначительными вариациями — она слышала уже двадцать семь раз. Наступило время задать главный вопрос.

— Знаешь, в этом есть смысл. Но я не думаю, чтобы ты мог так рассуждать. Это пришло в голову тебе самому?

Робот поколебался.

— Нет.

— Тогда кто придумал это?

— Мы вчера ночью поговорили, и одному из нас пришла в голову эта мысль. Она звучала разумно.

— Которому из вас?

Робот задумался.

— Не знаю. Кому-то из нас.

Она вздохнула.

— Это все.

Следующим был двадцать девятый. Осталось еще тридцать четыре.

Генерал-майор Кэллнер тоже был рассержен. Уже неделю вся работа на Гипербазе замерла, если не считать кое-какой писанины на вспомогательных астероидах группы. Уже почти неделю два ведущих специалиста осложняли положение бесплодными экспериментами. А теперь они — во всяком случае, эта женщина — сделали совершенно невозможное предложение. К счастью,

Кэллнер считал, что открыто проявить свой гнев было бы неосторожно.

Сьюзен Кэлвин настаивала:

— Но почему бы и нет, сэр? Ясно, что существующее положение опасно. Единственный способ достигнуть результатов, если мы еще не упустили время,— разделить роботов. Их больше нельзя держать вместе.

— Дорогая доктор Кэлвин,— заговорил генерал необыкновенно низким голосом,— я не вижу, где я смогу держать шестьдесят три робота по отдельности.

Доктор Кэлвин беспомощно развела руками.

— Тогда я ничего не могу сделать. Нестор-10 будет или повторять действия других роботов, или уговаривать их не делать того, что он сам сделать не может. В любом случае дело плохо. Мы вступили в борьбу с этим роботом, и он побеждает. А каждая победа усугубляет его ненормальность.— Она решительно встала.— Генерал Кэллнер, если вы не разделите роботов, мне останется только потребовать немедленно уничтожить их. Все шестьдесят три.

— Ах, вы этого требуете? — Богерт сердито взглянул на нее.— А какое вы имеете право ставить подобные требования? Эти роботы останутся там, где они находятся. Я отвечаю перед дирекцией, а не вы.

— А я,— добавил генерал-майор Кэллнер,— отвечаю перед моим начальством, и этот вопрос должен быть улажен.

— В таком случае,— вспыхнула Кэлвин,— мне остается только подать в отставку. И если это будет необходимо, чтобы заставить вас их уничтожить, я предам гласности всю эту историю. Это не я одобрила производство модифицированных роботов.

— Доктор Кэлвин,— произнес генерал спокойно,— если вы хоть одним словом нарушите распоряжения о неразглашении, вы будете немедленно арестованы.

Богерт почувствовал, что теряет контроль над ситуацией. Он заискивающе произнес:

— Ну, не будем вести себя, как дети. Нам нужно еще немного времени. Не может же быть, чтобы мы не сумели перехитрить робота, не подавая в отставку, не арестовывая людей и ничего не уничтожая.

Психолог в ярости повернулась к нему.

— Я не хочу, чтобы существовали неуравновешенные роботы. У нас здесь один заведомо неуравновешенный Нестор, еще одиннадцать потенциально неуравновешенных, и шестьдесят два нормальных робота, которые общались с неуравновешенным. Единственный абсолютно надежный путь — это полное их уничтожение.

Разговор прервало назойливое жужжание звонка. Гневный поток прорвавшихся чувств застыл в неподвижности.

— Войдите,— проворчал Кэллнер.

Это был Джералд Блэк. Он был явно обеспокоен, услышав сердитые голоса. Он сказал:

— Я думал, мне лучше зайти самому... я не хотел никому говорить...

— В чем дело? Короче.

— Кто-то трогал замки третьего отсека грузового корабля. На них свежие царапины.

— Третий отсек? — быстро откликнулась Кэлвин. — Тот, где находятся роботы? Кто это сделал?

— Изнутри,— лаконично ответил Блэк.

— Замки испорчены?

— Нет, все в порядке. Я уже четыре дня на корабле, и за это время никто из них не пытался уйти. Но я решил, что вы должны это знать, и не хотел говорить никому, кроме вас. Я сам это заметил.

— Там есть кто-нибудь? — спросил генерал.

— Я оставил там Роббинса и Мак-Адамса.

Наступило задумчивое молчание. Потом доктор Кэлвин иронически произнесла:

— Ну?

Кэллнер растерянно потер переносицу.

— В чем дело?

— Разве не ясно? Нестор-10 собирается нас покинуть. Приказание исчезнуть уже делает его неисправимо ненормальным. Я не удивлюсь, если то, что осталось у него от Первого Закона, не сможет противостоять этому стремлению. Он вполне может захватить корабль и ударить на нем. Тогда у нас будет сумасшедший робот на космическом корабле. А что он сделает дальше? Вы знаете? И вы, генерал, еще собираетесь оставить их всех вместе?

— Чепуха,— прервал ее Богерт. К нему уже верну-

лось прежнее спокойствие.— И все это из-за нескольких царяпин на замке!

— Доктор Богерт, раз вы высказываете свое мнение, то вы, очевидно, закончили анализ, который я вас просила сделать?

— Да.

— Можно мне посмотреть?

— Нет.

— Почему? Или спрашивать об этом тоже нельзя?

— Потому что, Сьюзен, в этом нет никакого смысла. Я уже говорил заранее, что эти модифицированные роботы менее стабильны, чем нормальная модель, и мой анализ подтверждает это. Есть некоторая, очень незначительная возможность выхода из строя при исключительных обстоятельствах, которые маловероятны. Этого достаточно. Я не собираюсь давать оснований для вашего нелепого требования уничтожить шестьдесят два хороших робота только потому, что вы до сих пор не способны найти среди них Нестора-10.

Кэлвин смерила его полным презрения взглядом.

— Вы не хотите, чтобы что-нибудь помешало вам навсегда остаться директором, не так ли?

— Перестаньте, пожалуйста,— вмешался раздраженный Кэллнер.— Вы считаете, что больше ничего нельзя сделать, доктор Кэлвин?

— Я ничего не могу придумать,— устало отвечала она.— Если бы только Несторы-10 отличались от нормальных роботов чем-нибудь еще, не связанным с Первым Законом... Пусть даже незначительно. Ну, обучением, приспособлением к среде, специальностью...

Она внезапно замолчала.

— В чем дело?

— Я подумала... Пожалуй...— Ее взгляд снова стал твердым и пристальным.— Слушайте, Питер. Эти модифицированные Несторы проходят то же самое первичное обучение, что и нормальные?

— Да. В точности такое же.

— Мистер Блэк.— Она повернулась к молодому человеку, который деликатно молчал, переживая вызванную его сообщением бурю.— Что это вы говорили... Однажды, жалуясь на чувство превосходства у Несторов, вы сказали, что техники обучили их всему, что знают.

— Да, по физике поля. Они не знакомы с ней, когда прибывают сюда.

— Верно,— удивленно сказал Богерт.— Я говорил вам, Сьюзен, что когда я разговаривал с другими Несторами, два из них, прибывшие позже всех, не успели изучить физику поля.

— А почему? — спросила Кэлвин со все увеличивающимся возбуждением.— Почему модель НС-2 с самого начала не обучается физике поля?

— Я могу вам ответить,— сказал Кэллнер.— Все это связано с секретностью. Если бы мы изготавливали специальную модель, знающую физику поля, использовали бы двенадцать экземпляров этой модели и применяли бы остальных в других областях, это могло бы возбудить подозрение. Люди, которым пришлось бы работать с нормальными Несторами, могли бы задуматься, зачем они знают физику поля. Поэтому они обучались лишь общим основам, так чтобы их можно было доучивать на месте. И, конечно, доучивали только тех, которые попадали сюда. Это очень просто.

— Ясно. Пожалуйста, выйдите отсюда. Все до единого. Мне нужно подумать одной около часа.

Кэлвин чувствовала, что она не сможет в третий раз выдержать это испытание. Она попыталась представить себе его, но это вызвало у нее настолько сильное отвращение, что ее даже затошнило. Она больше не могла предстать перед этой бесконечной вереницей одинаковых роботов.

Поэтому на этот раз вопросы задавал Богерт, а она сидела рядом, полузакрыв глаза и рассеянно слушая.

Вошел номер четырнадцатый — осталось еще сорок девять.

Богерт поднял глаза от бумаг и спросил:

— Какой твой номер в очереди?

— Четырнадцатый, сэр.— Робот предъявил свой номерок.

— Садись. Ты сегодня еще не был здесь?

— Нет, сэр.

— Так вот, вскоре после того, как мы кончим, еще один человек будет подвергнут опасности. Когда ты вый-

дешь отсюда, тебя отведут в кабину, где ты будешь спокойно ждать, пока не понадобится. Ясно?

— Да, сэр.

— Если человек будет в опасности, ты попытаешься спасти его?

— Конечно, сэр.

— К несчастью, между тобой и этим человеком будут проходить гамма-лучи.

Молчание.

— Ты знаешь, что такое гамма-лучи? — резко спросил Богерт.

— Какое-то излучение, сэр?

Следующий вопрос был задан дружеским тоном, как будто между прочим:

— Ты когда-нибудь имел дело с гамма-лучами?

— Нет, сэр, — уверенно ответил робот.

— Гм... Ну так вот, гамма-лучи мгновенно убьют тебя. Они уничтожат твой мозг. Ты должен это знать и помнить. Конечно, ты не хочешь быть уничтоженным.

— Естественно. — Робот, казалось, был потрясен. Потом он медленно произнес: — Но, сэр, если между мной и хозяином, которому будет грозить опасность, окажутся гамма-лучи, то как я могу спасти его? Я просто бесполезно погибну.

— Да, это верно. — Казалось, Богерт был озабочен этим. — Я могу посоветовать тебе только одно. Если ты заметишь между собой и человеком гамма-излучение, ты можешь остаться на месте.

Робот явно почувствовал облегчение.

— Спасибо, сэр. Ведь тогда нет никакого смысла...

— Конечно. Но если никакого опасного излучения не будет, тогда совсем другое дело.

— Ну, ясно, сэр. Без всякого сомнения.

— Теперь можешь идти. Человек там, за дверью, отведет тебя в кабину. Жди там.

Когда робот вышел, Богерт повернулся к Сьюзен Кэлвин:

— Ну как, Сьюзен?

— Очень хорошо, — ответила она вяло.

— А может быть, мы могли бы поймать Нестора-10, быстро задавая вопросы по физике поля?

— Может быть, но не наверное. — Ее руки бессильно

лежали на коленях.— Имейте в виду, он борется против нас. Он настороже. Единственный способ поймать его — это хитрость. А думать он может — в пределах своих возможностей — гораздо быстрее, чем человек.

— А все-таки, смеху ради, что если задавать роботам по несколько вопросов о гамма-лучах? Скажем, длины волн?

— Нет! — Глаза доктора Кэлвин вспыхнули.— Ему очень легко скрыть свои знания, и тогда он будет предупрежден об испытании, которое его ждет. А это наш единственный верный шанс. Пожалуйста, Питер, задавайте те вопросы, которые наметила я, и не импровизируйте. Рискованно даже спрашивать, имели ли они дело с гамма-лучами. Постарайтесь говорить об этом еще более безразлично.

Богерт пожал плечами и нажал кнопку, вызывая номер пятнадцатый.

Большая радиационная камера снова была в полной готовности. Роботы терпеливо ждали в своих деревянных кабинах, открытых к центру, но разделенных между собой перегородками.

Доктор Кэлвин согласовывала последние детали с Блэком, а генерал-майор Кэллнер медленно вытирал пот со лба большим платком.

— Вы уверены,— настаивала Сьюзен,— что ни один из роботов не имел возможности разговаривать с другими после опроса?

— Абсолютно уверен,— отвечал Блэк.— Они не обменялись ни единым словом.

— И каждый помещен в предназначенную для него кабину?

— Вот план.

Психолог задумчиво поглядела на чертеж.

— Гм-м...

Генерал заглянул через ее плечо.

— А по какому принципу их разместили, доктор Кэлвин?

— Я попросила, чтобы тех роботов, которые проявили хоть малейшие отклонения во время предыдущих испытаний, на этот раз поместили с одной стороны круга.

Я сама буду сидеть в центре и хочу следить за ними особенно внимательно.

— Вы будете сидеть там? — воскликнул Богерт.

— А почему бы и нет? — холодно возразила она. — То, что я надеюсь увидеть, может продолжаться одно мгновение. Я не могу рисковать и должна смотреть сама. Питер, вы будете на галерее, и я прошу вас следить за роботами на другой стороне круга. Генерал Кэллнер, я организовала кино съемку каждого робота на случай, если мы ничего не заметим. Если понадобится, пусть роботы остаются на месте, пока мы не проявим и не изучим пленки. Ни один из них не должен уходить или передвигаться по комнате. Понимаете?

— Вполне.

— Тогда приступим — в последний раз.

На стуле молча сидела Сьюзен Кэлвин. В глазах ее было заметно беспокойство. Груз сорвался с места, обрушился вниз, потом, в последний момент, отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча. Один из роботов сорвался с места и сделал два шага вперед.

Потом он остановился.

Но доктор Кэлвин тоже вскочила со стула. Ее указательный палец был властно направлен на робота.

— Нестор-10, подойди сюда! — крикнула она. — Иди сюда! ИДИ СЮДА!

Медленно, неохотно робот шагнул вперед. Не сводя с него взгляда, Кэлвин во весь голос отдавала распоряжения:

— Эй, кто-нибудь, уберите всех остальных роботов отсюда! Уберите их скорее!

Она услышала шум, топот тяжелых ног по полу. Но она не обернулась.

Нестор-10 — если это был Нестор-10, — повинаясь ее повелительному жесту, сделал еще шаг, потом еще два. Он был едва в трех метрах от нее, когда раздался его хриплый голос:

— Мне велели скрыться...

Пауза.

— Я не могу послушаться. До сих пор меня не нашли...

Он подумает, что я ничтожество... Он сказал мне... Но он неправ... Я могуч и умен...

Его речь была отрывистой. Он сделал еще шаг.

— Я много знаю... Он подумает... Меня обнаружили... Позор... Только не меня... Я умен... И обыкновенный человек... такой слабый... медлительный...

Еще шаг — и металлическая рука внезапно легла на плечо Сьюзен Кэлвин. Она почувствовала, как тяжелый груз придавливает ее к полу. Ее горло сжалось, и она услышала свой собственный пронзительный крик.

Как сквозь туман, слышались слова Нестора-10:

— Никто не должен обнаружить меня. Ни один хозяин...

Холодный металл давил на нее, она сгибалась под его весом...

Потом раздался странный металлический звук. Сьюзен Кэлвин упала на пол, не почувствовав удара. На ее теле тяжело лежала сверкающая рука. Рука не двигалась. Не двигался и сам Нестор-10, распростертый рядом с ней.

Над ней склонились встревоженные лица. Джералд Блэк спрашивал, задыхаясь:

— Вы ранены, доктор Кэлвин?

Она слабо покачала головой. С нее сняли руку робота и осторожно помогли ей подняться.

— Что случилось?

Блэк сказал:

— Я на пять секунд включил гамма-лучи. Мы не знали, что происходит. Только в последнюю секунду мы поняли, что он напал на вас, и другого выхода не оставалось. Он погиб мгновенно. Но вам это не причинит вреда. Не беспокойтесь.

— Я не беспокоюсь.— Она закрыла глаза и на мгновение прислонилась к его плечу.— Не думаю, чтобы он в самом деле на меня напал. Он просто пытался это сделать. Но то, что осталось от Первого Закона, все еще удерживало его.

Спустя две недели после первой встречи Сьюзен Кэлвин и Питера Богерта с генерал-майором Кэллнером состоялась их последняя встреча.

Работа на Гипербазе возобновилась. Грузовой космолет с шестьюдесятью двумя нормальными НС-2 продолжал свой прерванный путь, имея официальное объяснение двухнедельной задержки.

Правительственный корабль готовился доставить обоих роботехников обратно на Землю.

Кэллнер снова был в своей парадной форме. Его перчатки блистали белизной, когда он пожимал руки.

Кэлвин сказала:

— Остальных модифицированных Нестеров, конечно, нужно уничтожить.

— Они будут уничтожены. Мы попробуем заменить их обычными роботами или, в крайнем случае, обойдемся без них.

— Хорошо.

— Но скажите мне... Вы ничего не объяснили. Как вы это сделали?

Она улыбнулась сжатыми губами.

— Ах, это... Я бы сказала вам заранее, если бы была более уверена, что это удастся. Видите ли, Нестор-10 обладал комплексом превосходства, который все усиливался. Ему было приятно думать, что он и другие роботы знают больше, чем люди. Для него становилось очень важно так думать. Мы знали это. Поэтому мы заранее предупредили каждого робота, что гамма-лучи для него смертельны и что они будут отделять его от меня. Все, естественно, остались на месте. Пользуясь доводами Нестора-10 для предыдущего опыта, они все решили, что нет смысла пытаться спасти человека, если они наверняка погибнут, не успев это совершить.

— Да, доктор Кэлвин, это я понимаю. Но почему сам Нестор-10 покинул свое место?

— А! Мы с вашим молодым мистером Блэком приготовили небольшой сюрприз. Видите ли, пространство между мной и роботами было залито не гамма-лучами, а инфракрасными. Обычным тепловым излучением, абсолютно безобидным. Нестор-10 знал это и ринулся вперед. Он ожидал, что и остальные поступят так же под действием Первого Закона. Только через какую-то долю секунды он вспомнил, что обычный НС-2 способен обнаружить наличие излучения, но не его характер. Что среди них только он один может определять длину волны, бла-

годаря обучению, которое он прошел на Гипербазе под руководством обыкновенных людей. Эта мысль не сразу пришла ему в голову, потому что была слишком унижительной для него. Обычные роботы знали, что пространство, отделявшее их от меня, губительно для них, потому что мы им это сказали, и только Нестор-10 знал, что мы лгали. И на какое-то мгновение он забыл или просто не захотел вспомнить, что другие роботы могут знать меньше, чем люди... Комплекс превосходства погубил его. Прощайте, генерал!

Я покончил со своим обедом и глядел на нее сквозь дым сигареты.

— А когда был создан мир, который кажется золотым веком по сравнению с предыдущим столетием,— этому тоже способствовали наши роботы.

— Мыслящие Машины?

— Да, и Мыслящие Машины, но я имела в виду не их. Скорее, человека. Он умер в прошлом году.— В ее голосе неожиданно прозвучала глубокая печаль.— Или, по крайней мере, он счел нужным умереть, зная, что мы больше в нем не нуждаемся. Это Стивен Байерли.

— Да, я догадался, что вы говорите именно о нем.

— Впервые он вышел на политическую арену в 2032 году. Вы тогда были еще мальчишкой и не можете помнить, при каких странных обстоятельствах это произошло. Когда он баллотировался в мэры, эта избирательная кампания определенно была одной из самых необычных в истории...

УЛИКИ

Фрэнсис Куинн был политиком новой школы. Конечно, в этом выражении, как и во всех ему подобных, нет никакого смысла. Большинство «новых школ», которые мы видим, были известны в общественной жизни Древней Греции, а может быть, и в общественной жизни древнего Шумера и доисторических свайных поселений Швейцарии, если бы мы только лучше ее знали.

Однако, чтобы покончить со вступлением, которое обещает быть скучным и сложным, лучше всего поскорее отметить, что Куинн не баллотировался на выборные должности, не охотился за голосами, не произносил речей и не подделывал избирательных бюллетеней. Точно так же, как Наполеон сам не стрелял из пушки во время битвы при Аустерлице.

И так как политика сводит самых разных людей, то однажды напротив Куинна за столом оказался Альфред Лэннинг. Его густые седые брови низко нависли над глазами, выражавшими острое раздражение. Он был недоволен.

Это обстоятельство, будь оно известно Куинну, нимало его не беспокоило бы. Его голос был дружелюбным — может быть, это дружелюбие было профессиональным.

— Я полагаю, доктор Лэннинг, что вы знаете Стивенса Байерли?

— Я, конечно, слышал о нем... Так же, как и многие другие.

— Я тоже. Может быть, вы намереваетесь голосовать за него на следующих выборах?

— Не могу сказать.— В голосе Лэннинга появились заметные нотки ехидства.— Я не интересовался политической и не знал, что он выставил свою кандидатуру.

— Он вскоре может стать нашим мэром. Конечно, пока он всего лишь юрист, но ведь большие деревья вырастают из...

— Да, да,— прервал Лэннинг,— я это слышал раньше. Но не перейти ли нам к сути дела?

— А мы уже к ней перешли, доктор Лэннинг.— Голос Куинна был необыкновенно кротким.— Я заинтересован в том, чтобы мистер Байерли не поднялся выше поста окружного прокурора, а вы заинтересованы в том, чтобы мне помочь.

— Я заинтересован?! В самом деле?— Брови Лэннинга еще больше напустились.

— Ну, скажем, не вы, а «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн». Я пришел к вам как к ее бывшему научному руководителю, так как знаю, что руководство корпорации все еще с уважением прислушивается к вашим советам. Тем не менее вы уже не так тесно связаны с ними и обладаете значительной свободой действий, даже если эти действия будут не совсем дозволенными.

Доктор Лэннинг на некоторое время погрузился в размышления. Потом он сказал, уже мягче:

— Я совсем не понимаю вас; мистер Куинн.

— Это не удивительно, доктор Лэннинг. Но все довольно просто. Вы не возражаете?

Куинн закурил тонкую сигарету от простой, но изящной зажигалки, и на его лице с крупными чертами появилось довольное выражение.

— Мы говорили о мистере Байерли — странной и яркой личности. Три года назад о нем никто не знал. Сейчас он широко известен. Это сильный и одаренный человек и, во всяком случае, умнейший и способнейший прокурор из всех, которых я только знал. К несчастью, он не принадлежит к числу моих друзей...

— Понимаю,— механически сказал Лэннинг, разглядывая свои ногти.

— В прошлом году,— спокойно продолжал Куинн,— я имел случай изучить мистера Байерли — и очень подробно. Видите ли, всегда полезно подвергнуть прошлое политика, ратующего за реформы, подробному изучению. Если бы вы знали, как часто это помогает...

Он сделал паузу и невесело усмехнулся, глядя на рдеющий кончик сигареты.

— Но прошлое мистера Байерли ничем не замечательно. Спокойная жизнь в маленьком городке, окончание колледжа, рано умершая жена, автомобильная катастрофа и долгая болезнь, юридическое образование, переезд в столицу, прокурор...

Фрэнсис Куинн медленно покачал головой и прибавил:

— А вот его теперешняя жизнь весьма примечательна. Наш окружной прокурор никогда не ест!

Лэннинг резко поднял голову, его глаза стали неожиданно внимательными:

— Простите?

— Наш окружной прокурор никогда не ест! — повторил раздельно Куинн. — Говоря немного точнее, никто ни разу не видал, чтобы он ел или пил. Ни разу! Вы понимаете, что это значит? Не изредка, а ни разу!

— Я нахожу, что это совершенно невероятно. Заслуживают ли доверия ваши информаторы?

— Им можно верить, и я не нахожу это невероятным. Далее, никто не видел, чтобы наш окружной прокурор пил — ни воду, ни алкогольные напитки — или спал. Есть и другие факторы, но мне кажется, что я уже ясно высказал свою мысль.

Лэннинг откинулся в кресле. Некоторое время длился молчаливый поединок. Наконец старый роботехник покачал головой.

— Нет. Если сопоставить ваши слова с тем фактом, что вы говорите их мне, то из них может следовать только один вывод. Но это невозможно.

— Но ведь он совершенно не похож на человека, доктор Лэннинг!

— Если бы вы сказали мне, что он — переодетый сатана, я бы еще, возможно, вам и поверил.

— Я говорю вам, что это робот, доктор Лэннинг.

— А я говорю, что ничего более невероятного я еще не слышал, мистер Куинн.

Снова наступило враждебное молчание.

— Тем не менее,— Куинн аккуратно погасил свою сигарету,— вам придется расследовать это невероятное дело, используя все возможности корпорации.

— Я совершенно уверен, что не приму участия в подобном расследовании, мистер Куинн. Неужели вы хотите предложить корпорации вмешаться в местную политику?

— У вас нет выбора. Представьте себе, что мне придется опубликовать эти факты, не имея доказательств. Улики слишком косвенны.

— Это ваше дело.

— Но я этого не хочу. Прямое доказательство было бы гораздо лучше. И вы этого не хотите, потому что такого рода реклама может принести немалый вред вашей компании. Я полагаю, что вам прекрасно известны законы, строго запрещающие использование роботов в населенных мирах.

— Конечно! — последовал резкий ответ.

— Вы знаете, что «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн» — единственное предприятие в Солнечной системе, производящее позитронных роботов. А если Байерли робот, то он — позитронный робот. Вам известно также, что все позитронные роботы предоставляются в аренду, а не продаются; корпорация остается владельцем каждого робота и, следовательно, несет ответственность за его действия.

— Мистер Куинн, легче всего доказать, что корпорация никогда не выпускала человекоподобного робота.

— А вообще это возможно? Просто как предположение?

— Да. Это возможно.

— Очевидно, это возможно сделать и тайно? Без регистрации в ваших книгах?

— Только не с позитронным мозгом. Здесь сплетается слишком много разных факторов. И все делается под строжайшим правительственным контролем.

— Да, но роботы изнашиваются, ломаются, выходят из строя — и демонтируются.

— А позитронные мозги снова используются или уничтожаются.

— В самом деле? — Фрэнсис Куинн позволил себе едва заметный сарказм. — А если один из них, конечно случайно, не был уничтожен и случайно под рукой оказался человекоподобный робот, в который еще не был вложен мозг?

— Невозможно!

— Вам пришлось бы доказывать это правительству и народу, так почему бы не доказать это сейчас мне?

— Но зачем это могло бы нам понадобиться? — раздраженно спросил доктор Лэннинг. — Какие у нас могли быть мотивы? Признайте за нами хоть немного здравого смысла!

— Пожалуйста, дорогой мой. Корпорация была бы очень рада, если бы в различных странах было разрешено применять человекоподобных позитронных роботов. Это принесло бы огромные прибыли. Но публика слишком сильно предубеждена против этого. Что если дать ей сначала привыкнуть к таким роботам? Вот, например, искусный юрист или хороший мэр, и он, оказывается, робот. Покупайте нашего робота-слугу!

— Полная фантастика, доходящая до нелепости.

— Возможно. Почему бы вам не доказать это? Или вы все еще предпочитаете доказывать это публике?

В комнате уже наступали сумерки. Но еще не настолько стемнело, чтобы на лице Альфреда Лэннинга нельзя было заметить краску смущения. Рука роботехника потянулась к выключателю, и на стенах мягким светом загорелись лампы.

— Ладно, — проворчал он. — Посмотрим.

Лицо Стивена Байерли было бы нелегко описать. По документам ему было сорок лет. И с виду ему можно было дать сорок лет. Но его здоровая, упитанная, добродушная внешность лишала всякого смысла избитую фразу о том, что его наружность соответствовала возрасту.

Это было особенно заметно, когда он смеялся. А сейчас он как раз смеялся — громко и долго, временами успокаиваясь, а потом снова разражаясь хохотом.

А напряженное лицо Альфреда Лэннинга выражало

крайнее неудовольствие. Он обернулся к женщине, сидевшей рядом с ним, но ее тонкие, бескровные губы были лишь едва заметно сжаты.

Наконец Байерли более или менее отдышался и пришел в себя.

— Нет, в самом деле, доктор Лэннинг!.. Я!.. Я — робот!..

— Это не я сказал,— отрезал Лэннинг.— Я был бы вполне удовлетворен, если бы мог видеть в вас представителя человеческого рода. И так как наша корпорация не изготавлила вас, то я вполне уверен, что вы человек — с точки зрения закона, во всяком случае. Но поскольку предположение, что вы — робот, было сделано серьезно лицом, занимающим определенное положение...

— Не называйте его имени, если это идет вразрез с вашей железной этикой, но будем звать его ради простоты Фрэнком Куинном. Продолжайте.

Лэннинг яростно фыркнул, недовольный тем, что его прервали, и, после подчеркнутой паузы, продолжал еще более ледяным голосом:

— ...лицом, занимающим определенное положение,— о его имени мы сейчас гадать не будем,— я вынужден просить вашей помощи, чтобы опровергнуть это. Сам факт, что такое предположение может быть выдвинуто и опубликовано при помощи средств, имеющихся в распоряжении этого человека, мог бы нанести большой ущерб компании, которую я представляю, даже если обвинение и не будет доказано. Вы понимаете?

— Да, ваше положение мне ясно. Само обвинение нелепо, но неприятности, грозящие вам, серьезны. Извините, если мой смех обидел вас. Меня рассмешило обвинение, а не ваши трудности. Чем я могу вам помочь?

— Это очень просто. Вам нужно просто зайти пообсудить в ресторан в присутствии свидетелей и дать себя сфотографировать за едой.

Лэннинг откинулся в кресле. Самая трудная часть разговора была позади. Женщина рядом с ним была, очевидно, поглощена наблюдением за Байерли и не принимала участия в разговоре.

Стивен Байерли на мгновение встретился с ней глазами, с трудом отвел их и снова повернулся к робототехнику. Некоторое время он задумчиво вертел в руках броя-

зовое пресс-папье, которое было единственным украшением его стола.

Потом он тихо сказал:

— Боюсь, что я не смогу оказать вам эту услугу.— Он поднял руку.— Подождите минутку, доктор Лэннинг. Я понимаю, что вся эта история вам противна, что вас втянули в нее против вашего желания и вы чувствуете, что играете недостойную и даже смешную роль. Но все-таки это в гораздо большей степени касается меня, так что будьте снисходительны. Во-первых, почему вы думаете, что Куинн — ну, этот человек, занимающий определенное положение,— не водит вас за нос, чтобы вы поступали именно так, как ему нужно?

— Ну, вряд ли уважаемое лицо пойдет на такой риск, если оно не чувствует твердой почвы под ногами.

Глаза Байерли были серьезными.

— Вы не знаете Куинна. Он способен удержаться на таком крутом склоне, где и горный баран свернул бы себе шею. Я полагаю, он осведомил вас о подробностях того расследования, которому он якобы подвергал мое прошлое?

— В достаточной степени, чтобы убедить меня, что нашей корпорации стоило бы многих хлопот опровергнуть его, в то время как вам это было бы гораздо легче.

— Значит, вы поверили, что я никогда не ем. Вы же ученый, доктор Лэннинг! Подумайте только, где здесь логика? Никто не видел, чтобы я ел, следовательно, я никогда не ем. Что и требовалось доказать. Ну, знаете ли...

— Вы пользуетесь приемами прокурора, чтобы запутать очень простой вопрос.

— Наоборот, я пытаюсь прояснить вопрос, который вы с Куинном очень усложняете. Дело в том, что я мало сплю, это правда, и, конечно, никогда еще не спал при посторонних. Я не люблю есть с другими людьми — это необычно, вероятно, это нервное, но это не причиняет никому вреда. Послушайте, доктор Лэннинг. Представьте, что политик, стремящийся во что бы то ни стало устранить своего противника, наталкивается на такие странности в его частной жизни, о которых я говорил. И вот он находит самое лучшее средство, чтобы как можно эффективнее очернить этого противника, и это средство — ваша компания. Как вы думаете, скажет ли он

вам: «Такой-то — робот, потому что он не ест на людях, и я никогда не видел, чтобы он засыпал на заседании суда, а однажды, когда я ночью заглянул к нему в окно, он сидел с книгой, и в его холодильнике не было продуктов?» Если бы он так вам сказал, вы бы вызвали санитаров со смиренной рубашкой. Но он говорит: «Он никогда не спит, он никогда не ест». Ослепленные необычностью этого заявления, вы не видите, что его невозможно доказать. Вы играете ему на руку, внося свой вклад в шумиху.

— Тем не менее, сэр,— начал Лэннинг с угрожающим упорством,— считаете вы это дело серьезным или не считаете, но чтобы его прекратить, необходим только тот обед, о котором я говорил.

Байерли снова повернулся к женщине, которая все еще внимательно разглядывала его.

— Извините, я правильно уловил ваше имя? Доктор Сьюзен Кэлвин?

— Да, мистер Байерли.

— Вы психолог «Ю. С. Роботс»?

— Простите, робопсихолог.

— А разве психология роботов так отличается от человеческой?

— Огромная разница.— Она позволила себе холодно улыбнуться.— Прсжде всего, роботы глубоко порядочны. Уголки рта юриста дрогнули в улыбке.

— Ну, это тяжелый удар. Но я хотел сказать вот что. Раз вы психо... робопсихолог, да еще женщина, вы, наверное, сделали кое-что, о чем доктор Лэннинг не подумал.

— Что именно?

— Вы захватили с собой в сумочке какую-нибудь еду.

Что-то дрогнуло в привычно равнодушных глазах Сьюзен Кэлвин. Она сказала:

— Вы удивляете меня, мистер Байерли...

Открыв сумочку, она достала яблоко и спокойно протянула ему. Доктор Лэннинг, затаив волнение, напряженно следил, как оно перешло из одной руки в другую.

Стивен Байерли спокойно откусил кусок и так же спокойно проглотил его.

— Видели, доктор Лэннинг?

Доктор Лэннинг облегченно вздохнул. Даже его бро-

ви какое-то мгновение выражали некоторую доброжелательность. Но это продолжалось лишь одно недолгое мгновение. Сьюзен Кэлвин сказала:

— Мне, естественно, было интересно посмотреть, съедите ли вы его, но это, конечно, ничего не доказывает.

— Разве? — ухмыльнулся Байерли.

— Конечно. Очевидно, доктор Лэннинг, если бы этот человек был человекоподобным роботом, имитация была бы полной. Он слишком похож на человека. В конце концов, мы всю жизнь видим людей, и нас нельзя было бы обмануть чем-нибудь приблизительно похожим. Он должен быть совершенно похож. Обратите внимание на текстуру кожи, на цвет радужных оболочек, на конструкцию кистей рук. Если это робот, то жаль, что не «Ю. С. Роботс» изготовила его, потому что он прекрасно сработал. И разве тот, кто позаботился о таких мелочах, не сообразил бы добавить несколько устройств для еды, сна, выделения? Может быть, только на крайний случай: например, чтобы предотвратить такое положение, которое создалось сейчас. Так что обед ничего не докажет.

— Погодите, — возразил Лэннинг, — я не такой уж дурак, каким вы оба пытаетесь меня изобразить. Мне неважно, человек мистер Байерли или нет. Мне нужно выручить из беды нашу корпорацию. Публичный обед закончит с этим делом навсегда, что бы там ни делал Куинн. А тонкости можно оставить юристам и робописиологам.

— Но, доктор Лэннинг, — сказал Байерли, — вы забываете о политике, которая замешана в этом деле. Я так же стремлюсь быть избранным, как Куинн — воспрепятствовать этому. Кстати, вы заметили, что назвали его имя? Это мой старый профессиональный трюк. Я знал, что вы его назовете.

Лэннинг покраснел:

— Причем здесь выборы?

— Скандал, сэр, — это палка о двух концах. Если Куинн хочет объявить меня роботом и осмелится сделать это, у меня хватит мужества принять вызов.

— Вы хотите сказать, что... — Лэннинг не скрывал испуга.

— Вот именно. Я хочу сказать, что позволю ему действовать — выбрать себе веревку, попробовать ее проч-

ность, отрезать нужный кусок, завязать петлю, сунуть туда голову и оскалить зубы. А все остальные мелочи я сделаю сам.

— Вы очень уверены в себе.

Сьюзен Кэлвин поднялась.

— Пойдемте, Альфред. Мы не переубедим его.

— Вот видите,— Байерли улыбнулся,— вы и в человеческой психологии разбираетесь.

Но вечером, когда Байерли поставил свой автомобиль на транспортер, ведущий в подземный гараж, и подошел к двери своего дома, в нем, казалось, не было той уверенности в себе, которую невольно отметил доктор Лэннинг.

Когда он вошел, человек, сидевший в инвалидном кресле на колесах, с улыбкой повернулся к нему. Лицо Байерли засветилось любовью. Он подошел к креслу.

Хриплый, скрежещущий шепот калеки вырвался из перекошенного вечной гримасой рта, который зиял на лице, наполовину скрытом шрамами и рубцами.

— Ты сегодня поздно, Стив.

— Знаю, Джон, знаю. Но я сегодня столкнулся с одной необычной и интересной трудностью.

— Да? — Ни изуродованное лицо, ни еле слышный голос ничего не выражали, но в ясных глазах была видна тревога. — Ты не можешь с ней справиться?

— Я еще не уверен. Может быть, мне понадобится твоя помощь. Главная-то умница у нас — ты. Хочешь, я отнесу тебя в сад? Прекрасный вечер.

Его могучие руки подняли Джона с кресла. Они мягко, почти нежно обхватили плечи и забинтованные ноги калеки. Осторожно, медленно Байерли прошел через комнаты, спустился по пологому скату, специально приспособленному для инвалидного кресла, и через заднюю дверь вышел в сад, окруженный стеной с колючей проволокой по гребню.

— Почему ты не даешь мне ездить в кресле, Стив? Это глупо.

— Потому что мне нравится тебя носить. Ты против? Ведь ты и сам рад на время вылезти из этой механизированной телеги. Как ты себя сегодня чувствуешь?

Он с бесконечной заботой опустил Джона на прохладную траву.

— А как я могу себя чувствовать? Но расскажи о своих трудностях.

— Тактика Куинна в избирательной кампании будет основана на том, что он объявит меня роботом.

Джон широко раскрыл глаза.

— Откуда ты знаешь? Это невозможно. Я не верю.

— Ну, я же тебе говорю. Сегодня он прислал ко мне ученых заправил из «Ю. С. Роботс».

Руки Джона медленно обрывали одну травинку за другой.

— Ясно. Ясно...

Байерли сказал:

— Но мы можем предоставить ему выбрать оружие. У меня есть идея. Послушай и скажи, не можем ли мы сделать вот как...

В этот же вечер в конторе Альфреда Лэннинга разыгралась немая сцена. Фрэнсис Куинн задумчиво разглядывал Альфреда Лэннинга, тот яростно уставился на Сьюзен Кэлвин, а она, в свою очередь, бесстрастно глядела на Куинна.

Фрэнсис Куинн прервал молчание, сделав неуклюжую попытку разрядить атмосферу.

— Блеф! Он на ходу все это придумал.

— И вы готовы сделать ставку на это, мистер Куинн? — безразлично спросила доктор Кэлвин.

— Ну в конце концов это ваша ставка.

— Послушайте, — громкие слова доктора Лэннинга скрывали явный пессимизм, — мы сделали то, о чем вы просили. Мы видели, как этот человек ест. Смешно предполагать, что он робот.

— И вы так думаете? — Куинн повернулся к Кэлвин. — Лэннинг говорил, что вы специалист.

Лэннинг заговорил почти угрожающе:

— Слушайте, Сьюзен...

Куинн вежливо прервал его:

— Позвольте, а почему бы ей и не высказаться? Она здесь сидит и молчит уже полчаса.

Лэннинг почувствовал себя совершенно измученным.

Ему уже казалось, что от помешательства его отделяет всего один шаг.

— Ладно, говорите, Сьюзен. Мы не будем вас прерывать.

Сьюзен Кэлвин серьезно посмотрела на него, потом перевела холодный взгляд на мистера Куинна.

— Есть только два способа определенно доказать, что Байерли — робот. До сих пор вы предъявляете косвенные улики, которые позволяют выдвинуть обвинение, но не доказать его. А я думаю, что мистер Байерли достаточно умен, чтобы отбить такое нападение. Вероятно, и вы так думаете, иначе бы вы не пришли к нам. Доказать же можно двумя способами: физическим и психологическим. Физически вы можете вскрыть его или же использовать рентген. Каким образом — дело ваше. Психологически можно изучить его поведение. Если это позитронный робот, он должен подчиняться Трем Законам роботехники. Позитронный мозг не может быть построен иначе. Вы знаете эти Законы, мистер Куинн?

Она медленно и отчетливо прочла на память, слово в слово, знаменитые Законы, которые напечатаны крупным шрифтом на первой странице «Руководства по роботехнике».

— Я слышал о них, — сказал Куинн небрежно.

— Тогда вы легко поймете меня, — сухо ответила робопсихолог. — Если мистер Байерли нарушит хоть один из этих Законов — он не робот. К несчастью, только в этом случае мы получаем определенный ответ. Если же он выполняет Законы, то это ничего не доказывает.

Куинн вежливо поднял брови:

— Почему, доктор?

— Потому, что, если хорошенько подумать, Три Закона роботехники совпадают с основными принципами большинства этических систем, существующих на Земле. Конечно, каждый человек наделен инстинктом самосохранения. У робота это Третий Закон. Каждый «порядочный» человек, чувствующий свою ответственность перед обществом, подчиняется определенным авторитетам. Он прислушивается к мнению своего врача, своего хозяина, своего правительства, своего психиатра, своего приятеля; он исполняет Законы, следует обычаям, соблюдает приличия, даже если они лишают его некоторых удобств

или подвергают опасности. А у роботов это — Второй Закон. Кроме того, предполагается, что каждый «хороший» человек должен любить своих близких, как себя самого, защищать своих товарищей, рисковать своей жизнью ради других. Это у робота — Первый Закон. Попросту говоря, если Байерли исполняет все Законы роботехники, он — или робот, или очень хороший человек.

— Значит,— произнес Куинн,— вы никогда не сможете доказать, что он робот?

— Я, возможно, смогу доказать, что он не робот.

— Это не то, что мне нужно.

— Вам придется удовлетвориться тем, что есть. А что вам нужно, это ваше дело.

В этот момент Лэннингу пришла в голову неожиданная идея. Он с трудом выговорил:

— Постойте! А не приходило вам в голову, что должность прокурора — довольно странное занятие для робота? Судебное преследование людей, смертные приговоры — огромный вред, причиняемый людям...

— Нет, вы так не вывернетесь,— заявил Куинн.— То, что он окружной прокурор, еще не означает, что он человек. Разве вы не знаете его биографии? Да он хвастает тем, что ни разу не возбуждал дела против невиновного; что десятки людей остались на свободе только потому, что улики против них его не удовлетворяли, хотя он и мог бы, вероятно, уговорить присяжных казнить их! И так оно и есть.

Худые щеки Лэннинга дрогнули:

— Нет, Куинн, нет! В Законах роботехники ничего не говорится о виновности человека. Робот не может решать, заслуживает ли человек смерти. Не ему об этом судить. Он не может причинить вред ни одному человеку — будь то негодяй или ангел.

— Альфред,— в голосе Сьюзен Кэлвин прозвучала усталость,— не говорите глупостей. Что если робот увидит маньяка, собирающегося поджечь дом с людьми? Он остановит его или нет?

— Конечно.

— А если единственным способом остановить его будет убийство?

Лэннинг издал какой-то неопределенный звук и промолчал.

— В таком случае, Альфред, он сделает все, чтобы не убивать его. Если бы маньяк все-таки умер, робот нуждался бы в психотерапии. Иначе он сам мог бы сойти с ума, поставленный перед таким противоречием — нарушить букву Первого Закона, чтобы быть верным его духу. Но человек был бы все-таки убит, и его убил бы робот.

— Что же, Байерли, по-вашему, должен быть сумашедшим? — осведомился Лэннинг, вложив в эти слова весь сарказм, на который он был способен.

— Нет, но он сам не убил никого. Он лишь вскрывает факты, свидетельствующие о том, что данный человек опасен для множества остальных людей, которых мы называем обществом. Он встает на защиту большинства и таким путем исполняет Первый Закон наилучшим образом. Дальше этого он не идет. Потом уже судья приговаривает преступника к смерти или тюрьме, если присяжные признают его виновным. Казнит преступника палач, стережет его тюремщик. А мистер Байерли всего лишь выявляет истину и помогает обществу. После того, как вы, мистер Куинн, обратились к нам, я, действительно, познакомилась с карьерой мистера Байерли. Я узнала, что в своем заключительном слове он никогда не требует смертного приговора. Я узнала также, что он высказывался за отмену смертной казни и щедро финансирует исследования в области судебной нейрофизиологии. Он, очевидно, верит в то, что преступников следует лечить, а не наказывать. Я считаю, что это о многом говорит.

— Да? — Куинн улыбнулся. — А не пахнет ли здесь роботом?

— Возможно. Кто это отрицает? Такие действия свойственны только роботу или же очень благородному и хорошему человеку. Вы видите, что просто невозможно провести границу между поведением роботов и лучших из людей?

Куинн откинулся в кресле. Его голос дрожал от нетерпения.

— Доктор Лэннинг, возможно ли создать человекоподобного робота, который внешне ничем не отличался бы от человека?

— В виде опыта это делалось на «Ю. С. Роботс», конечно, без позитронного мозга. Если использовать чело-

веческие яйцеклетки и гормональную регуляцию, можно нарастить человеческую плоть и кожу на остов из пористого силиконового пластика, который нельзя будет обнаружить при внешнем обследовании. Глаза, волосы, кожа могут быть на самом деле человеческими, а не человекоподобными. И если к этому добавить позитронный мозг и любые внутренние устройства, какие вы только пожелаете, у вас получится человекоподобный робот.

— Сколько времени нужно для этого? — коротко спросил Куинн.

Лэннинг подумал:

— Если у вас все под рукой — мозг, остов, яйцеклетки, нужные гормоны, оборудование для облучения — скажем, два месяца.

Куинн выпрямился.

— Тогда мы посмотрим, на что похож мистер Байерли изнутри. Это принесет «Ю. С. Роботс» плохую славу, но вы имели возможность это предотвратить.

Когда они остались одни, Лэннинг нетерпеливо повернулся к Сьюзен Кэлвин:

— Почему вы настаиваете...

Не скрывая своих чувств, она резко возразила:

— Что вам нужно: истина или моя отставка? Я не собираюсь лгать ради вас. «Ю. С. Роботс» может постоять за себя. Не будьте трусом.

— А что если он вскроет Байерли, и выпадут шкивы и шестерни? Что тогда?

— Он не вскроет Байерли, — произнесла Кэлвин презрительно. — Байерли не глупее Куинна. По меньшей мере не глупее.

Новость облетела весь город за неделю до того, как Байерли должны были выдвинуть кандидатом в мэры. «Облетела» — это, пожалуй, не то слово. Она неверными шагами разбрелась по нему. Сначала она вызвала смех и шутки. Но по мере того, как невидимая рука Куинна не спеша усиливала нажим, смех стал звучать уже не так весело, появилась неуверенность, и люди начали задумываться.

На предвыборном собрании царило смятение. Еще неделю назад никакой борьбы на нем не ожидалось —

могла быть выдвинута кандидатура лишь одного Байерли. И сейчас его было нечем заменить. Пришлось выдвинуть его. Но это привело всех в полную растерянность.

Все было бы не так плохо, если бы рядовых избирателей не мучили сомнения. Всех поражала серьезность обвинения — если оно было правдой, или крайнее безрассудство обвинителей — если обвинение было ложным.

На следующий день после того, как собрание без особого энтузиазма проголосовало за кандидатуру Байерли, в газете появилось изложение длинной беседы с доктором Сьюзен Кэлвин — «мировой величиной в робопсихологии и позитронике».

И после этого разразилось такое, что можно было бы точно и лаконично охарактеризовать словами «черт знает что».

Только этого и ждали «фундаменталисты». Это не было названием какой-то политической партии или религии. Так называли просто людей, которые не смогли приспособиться к жизни в «атомном веке», прозванном так, когда атомы были еще в новинку. По сути дела, это были сторонники опрощения, тосковавшие по жизни, которая, вероятно, не казалась такой уж простой тем, кто испытал ее на себе.

Фундаменталисты не нуждались в новых поводах для своей ненависти к роботам и к тем, кто их производил. Но обвинений Куинна и рассуждений Кэлвин было достаточно, чтобы придать вес их доводам.

Огромные заводы «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн» напоминали ульи, кишевшие вооруженной охраной. Здесь готовились к отпору.

Городской дом Стивена Байерли оцепили полицейские.

Все остальные стороны предвыборной кампании, конечно, были забыты. Да и предвыборной кампанией все, что происходило, можно было назвать лишь потому, что оно заполняло промежуток между выдвижением кандидатур и днем выборов.

Появление суетливого маленького человечка не смутило Стивена Байерли. На него, очевидно, не произвели никакого впечатления и маячившие на заднем плане фор-

менные мундиры. На улице, за угрюмой цепью полицейских, ждали верные традициям своего ремесла репортеры и фотографы. Одна предприимчивая телевизионная компания установила камеру против крыльца скромного жилища прокурора, и диктор с деланным возбуждением заполнял паузы подробнейшими комментариями.

Суетливый маленький человечек вышел вперед. Он держал в руках длинную хитроумную официальную бумагу.

— Мистер Байерли, вот постановление суда, которое уполномочивает меня обыскать это помещение на предмет незаконного присутствия... гм... механических людей или роботов любого типа...

Байерли приподнялся и взял бумагу. Он бросил на нее равнодушный взгляд и, улыбаясь, протянул ее обратно:

— Все в порядке. Валяйте. Делайте ваше дело. Миссис Хоппен,— крикнул он своей экономке, которая неохотно вышла из комнаты,— пожалуйста, пройдите с ними и помогите, если сможете.

Маленький человечек, которого звали Херроуэй, колебался, заметно покраснел, тщетно попытался перехватить взгляд Байерли и пробормотал, обращаясь к двум полицейским:

— Пошли.

Через десять минут они вернулись.

— Все? — спросил Байерли безразличным тоном человека, не очень заинтересованного ответом.

Херроуэй прокашлялся, начал срывающимся голосом, остановился и сердито начал снова:

— Послушайте, мистер Байерли. Мы получили инструкцию тщательно обыскать дом.

— Разве вы этого не сделали?

— Нам точно сказали, что мы должны искать.

— Да?

— Короче, мистер Байерли, будем называть вещи своими именами. Нам велено обыскать вас.

— Меня? — произнес прокурор, расплываясь в улыбке.— А как вы предполагаете это сделать?

— У нас есть с собой флюорограф...

— Значит, вы хотите сделать мой рентгеновский снимок? А вы имеете на это право?

— Вы видели постановление.

— Можно еще раз посмотреть?

Херроуэй, на лице которого сияло нечто большее, чем простое усердие, снова протянул бумагу. Байерли спокойно произнес:

— Я сейчас прочитаю, что вы должны обыскать: «домовладение, принадлежащее Стивену Аллену Байерли, по адресу 355, Уиллоугров, Ивенстрон, а также гаражи, кладовые и любые другие здания или строения, относящиеся к этому домовладению, а также все земельные участки, к нему принадлежащие»... хм... и так далее. Все верно. Но, дорогой мой, здесь ничего не говорится о том, чтобы обыскивать мои внутренности. Я не являюсь частью домовладения. Если вы думаете, что я спрятал робота в кармане, можете обыскать мою одежду.

У Херроуэя не было сомнений относительно того, кому он обязан своей должностью. И он не собирался отступать, получив возможность выдвинуться на лучшую, то есть лучше оплачиваемую. Он произнес со слабым отпором вызова:

— Послушайте. Я имею разрешение осмотреть всю обстановку вашего дома и все, что я в нем найду. Но ведь вы находитесь в доме, верно?

— Удивительно верное замечание. Да, я в нем нахожусь. Но я — не обстановка. Я совершеннолетний, правомочный гражданин — у меня есть свидетельство о психической вменяемости, и я имею определенные законные права. Если вы обыщите меня, это можно будет квалифицировать как посягательство на мою личную неприкосновенность. Этой бумаги недостаточно.

— Конечно, но если вы робот, то о личной неприкосновенности говорить не приходится...

— Тоже верно. Тем не менее этой бумаги недостаточно. В ней подразумевается, что я человек.

— Где? — Херроуэй схватил бумагу.

— А там, где говорится: «домовладение, принадлежащее» и так далее. Робот не может владеть собственностью. И вы, мистер Херроуэй, можете сказать вашему хозяину, что если он попытается получить подобную бумагу, где не будет подразумеваться, что я человек, то я немедленно возбужу против него гражданский иск и потребую, чтобы он доказал, что я робот, на основе имеющейся у него сейчас информации. И если это ему не

удастся, он заплатит солидный штраф за попытку незаконно лишить меня моих прав, предусмотренных законом. Вы передадите ему все это?

Подойдя к двери, Херроуэй обернулся:

— Вы ловкий юрист...

Держа руку в кармане, он на секунду задержался в дверях. Потом вышел из дома, улыбнулся в сторону телекамеры, все еще продолжая играть свою роль, помахал рукой репортерам и крикнул:

— Завтра для вас, ребята, кое-что будет. Кроме шуток.

Сев в машину, Херроуэй откинулся на подушки, вынул из кармана маленький механизм и осмотрел его. Ему еще ни разу не приходилось делать снимок в отраженных рентгеновских лучах. Он надеялся, что все было сделано правильно.

Куинн и Байерли еще не встречались наедине лицом к лицу. Но визифон почти заменял такую встречу. Это была в буквальном смысле встреча лицом к лицу, хотя для каждого из них лицо другого представлялось лишь в виде черно-белого рисунка фотоэлементов.

Разговор устроил Куинн. Куинн его и начал, и без особых церемоний:

— Вам, наверное, будет интересно знать, Байерли, что я собираюсь опубликовать сообщение о том, что вы носите на себе непрозрачный для рентгеновских лучей экран.

— В самом деле? В таком случае вы, вероятно, уже его опубликовали. Боюсь, что наши предприимчивые представители прессы уже довольно давно подслушивают все мои телефонные разговоры из конторы, вот почему я и сижу последние недели дома.

Байерли говорил дружелюбно. Можно было подумать, что он болтает с приятелем.

Губы Куинна слегка сжались.

— Этот разговор защищен от подслушивания. Я устроил его с некоторым риском для себя.

— Ну конечно. Никто не знает, что вы стоите за этой кампанией. По крайней мере, этого никто не знает официально. Неофициально это знают все. Я бы на вашем

месте об этом не беспокоился. Значит, я ношу защитный экран? Я полагаю, вы обнаружили это, когда рентгенограмма, сделанная вчера вашим подставным лицом, оказалась передержанной?

— Вы понимаете, Байерли, для всех будет вполне очевидно, что вы боитесь рентгеновского просвечивания?

— А также станет ясно и то, что вы или ваши люди незаконно посягнули на мои права?

— Им наплевать на это.

— Может быть. Это, пожалуй, характеризует вашу и мою тактику, правда? Вам нет дела до прав гражданина. А я о них не забываю. Я не дам себя просвечивать, потому что настаиваю на своих правах из принципа. Так же как я буду настаивать на правах остальных, когда меня изберут.

— Несомненно, из этого выйдет очень интересная предвыборная речь. Но вам никто не поверит. Слишком высокопарно. Вот еще что, — его голос внезапно стал жестким, — вчера у вас дома находились не все, кто там живет.

— Это почему?

— Ко мне поступили сведения, — Куинн зашелестел разложенными перед ним бумагами, которые были видны в визифон, — что одного человека все же не хватало. Калекки.

— Совершенно верно, — произнес Байерли без всякого выражения, — калекки. Моего старого учителя, который живет со мной и который сейчас находится за городом — и находится там уже два месяца. В таких случаях говорят «заслуженный отдых». Вы не возражаете против этого?

— Ваш учитель? Какой-нибудь ученый?

— Когда-то он был юристом — прежде чем стал калеккой. У него есть официальное разрешение заниматься биофизическими исследованиями и иметь собственную лабораторию, и полное описание его работ сообщено соответствующим органам, куда вы можете обратиться. Большого значения его работы не имеют, но они безобидны, и развлекают... бедного калекку. А я помогаю ему, насколько могу.

— Ясно. А что этот... учитель... знает о производстве роботов?

— Я не могу судить о его познаниях в области, с которой я не знаком.

— Он имеет доступ к позитронным мозгам?

— Спросите об этом ваших друзей из «Ю. С. Роботс». Им лучше знать.

— Я буду краток, Байерли. Ваш калека-учитель и есть настоящий Стивен Байерли. Вы — созданный им робот. Мы можем это доказать. Это он попал в автомобильную катастрофу, а не вы. Это можно проверить.

— В самом деле? Пожалуйста, проверяйте. Желаю всего наилучшего.

— И мы можем обыскать эту дачу. Посмотрим, что мы там найдем.

— Ну, как сказать, Куинн. — Байерли широко улыбнулся. — На наше несчастье, мой так называемый учитель серьезно болен. Дача для него как бы санаторий, где он отдыхает. Его право на личную неприкосновенность при этих обстоятельствах еще прочнее. Вы не сможете получить разрешения на обыск, если не предъявите достаточных оснований. Тем не менее я не буду вас от этого удерживать.

Наступила небольшая пауза. Куинн наклонился вперед, так что его лицо заняло весь экран и стали видны тонкие морщины на его лбу.

— Байерли, зачем вы упираетесь? Вас все равно не выберут.

— Разве?

— Неужели вы этого не понимаете? Или, по-вашему, отказ опровергнуть обвинение, что вам было бы очень легко сделать, нарушив один из Законов роботехники, не убеждает людей, что вы в самом деле робот?

— Все, что я понимаю, — это то, что из малоизвестного, ничем не примечательного юриста я стал фигурой мирового значения. Вы умеете делать рекламу.

— Но вы же робот.

— Сказано — не доказано.

— Доказательств достаточно, чтобы вас не выбрали.

— Тогда успокойтесь, — вы победили.

— До свидания, — сказал Куинн. В его голосе впервые прозвучала злоба. Визифон погас.

— До свидания, — невозмутимо произнес Байерли перед пустым экраном.

...Байерли привез в город своего учителя за неделю до выборов. Вертолет опустился на окраине.

— Ты останешься здесь до конца выборов,— сказал ему Байерли.— Если дело плохо обернется, лучше, чтобы ты был подальше.

В хриплом голосе, вырывавшемся из перекошенного рта Джона, можно было услышать заботу.

— Разве можно опасаться насилия?

— Фундаменталисты грозятся, так что теоретически такая опасность есть. Но я не думаю, что это возможно. У них нет реальной силы. Они просто постоянно вносят смуту, и со временем это может вызвать беспорядки. Ты не возражаешь против того, чтобы оставаться здесь? Ну, пожалуйста! Мне будет не по себе, если придется о тебе беспокоиться.

— Ладно, я останусь. Ты все еще думаешь, что дело пойдет хорошо?

— Я в этом уверен. К тебе никто не приставал?

— Никто. Это точно.

— И ты хорошо сыграл свою роль?

— Достаточно хорошо. Там все будет в порядке.

— Тогда будь осторожнее, Джон, и завтра смотри телевизор.

Байерли пожал корявую руку, лежавшую на его руке.

Хмурое лицо Лентона выражало сильнейшее беспокойство. Он находился в незавидном положении уполномоченного Байерли по проведению избирательной кампании, которая была вообще не похожа на избирательную кампанию: объектом ее был человек, который отказался раскрыть свой план действий и не соглашался следовать указаниям своего уполномоченного.

— Вы не должны! (Это были его любимые слова. В последнее время они стали его единственными словами). Я говорю вам, Стив, вы не должны!

Он бросился в кресло перед прокурором, который не спеша проглядывал отпечатанный на машинке текст своей речи.

— Бросьте это, Стив! Посмотрите, ведь эту толпу организовали фундаменталисты. Вас слушать не станут. Скорее всего вас закидают камнями. Зачем вам высту-

пать с речью перед публикой? Чем плоха запись на пленку или выступление по телевидению?

— Но ведь вы хотите, чтобы я победил на выборах, не правда ли? — мягко спросил Байерли.

— Победили! Вам не победить, Стив! Я пытаюсь спасти вашу жизнь!

— О, я вне опасности.

— Он вне опасности! Он вне опасности! — Лентон издал какой-то странный звук. — Вы хотите сказать, что собираетесь выйти на балкон перед пятьюдесятью тысячами полоумных идиотов и попытаете вбить им что-то в голову — с балкона, как средневековый диктатор?

Байерли взглянул на часы.

— Да, и примерно через пять минут, как только телевидение будет готово.

Ответ Лентона был не совсем членораздельным.

Толпа заполняла оцепленную площадь. Казалось, что деревья и дома растут из сплошной людской массы. А телевидение сделало очевидцем происходящего все остальное человечество. Это были местные выборы, но все равно за ними следил весь мир.

Байерли подумал об этом и улыбнулся.

Но сама толпа не могла вызвать улыбки. Она щетинилась знаменами и плакатами, где на все лады повторялось одно и то же обвинение. Враждебная атмосфера сгустилась до того, что была почти осязательна.

С самого начала речь не пользовалась успехом. Ее покрывал рев толпы и ритмические выкрики кучек фундаменталистов, которые образовали в толпе целые островки. Байерли продолжал говорить, медленно и бесстрастно...

В комнате Лентон схватился за голову и застонал. Он ждал кровопролития.

Передние ряды толпы заволновались. Вперед проталкивался костлявый гражданин с выпученными глазами, в костюме, слишком коротком для его тощих конечностей. Полицейский, бросившийся за ним, медленно и с трудом пробивался сквозь толпу. Байерли сердитым взмахом руки остановил его.

Тощий человек был уже под самым балконом. Его слов не было слышно из-за рева толпы.

Байерли наклонился вперед.

— Что вы сказали? Если вы хотите задать мне законный вопрос, я отвечу.— Он повернулся к стоявшему рядом полицейскому.— Проведите его сюда.

Толпа напряглась. В разных местах послышались крики «Тише!», которые слились в общий гомон, а потом по-настоящему утихли. Тощий человек, красный и задышающий, предстал перед Байерли.

Байерли сказал:

— Вы хотите что-то спросить?

Тощий человек впился в него глазами и произнес надтреснутым голосом:

— Ударьте меня!

С неожиданной энергией он выставил вперед подбородок.

— Ударьте меня! Вы утверждаете, что вы не робот. Докажите это. Вы не сможете ударить человека, чудовище!

Наступила странная, пустая, мертвая тишина. Ее прорезал голос Байерли:

— У меня нет причин вас бить.

Тощий человек дико захохотал.

— Вы не можете меня ударить! Вы не ударите меня! Вы не человек! Вы чудовище, которое притворилось человеком!

И Стивен Байерли, стиснув зубы, на глазах у тысяч людей, смотревших на него с площади, и миллионов, глядевших на экраны телевизоров, размахнулся и нанес ему могучий удар в челюсть. Тощий человек упал навзничь без сознания. Лицо его выражало одно лишь бессмысленное изумление.

Байерли сказал:

— Мне очень жаль... Возьмите его в дом и устройте поудобнее. Когда я освобожусь, я хочу с ним поговорить.

И когда доктор Кэлвин, развернув свою машину, отъехала, только один репортер успел прийти в себя настолько, чтобы броситься за ней и выкрикнуть вопрос, который она не расслышала.

Обернувшись, Сьюзен Кэлвин прокричала:

— Он — человек!

Этого было достаточно. Репортер понесся прочь.

Вся остальная часть речи была произнесена, но ее никто не услышал.



— Ударьте меня! Вы утверждаете, что вы не робот...

...Доктор Кэлвин и Стивен Байерли встретились еще раз — за неделю до того, как он принял присягу, вступая в должность мэра. Было уже далеко за полночь.

Доктор Кэлвин сказала:

— Вы как будто не устали.

Новый мэр улыбнулся.

— Я могу еще задержаться. Только не говорите Куинну.

— Не скажу. Кстати, у Куинна была интересная версия. Жаль, что вы ее опровергли. Вы, вероятно, знаете, в чем она заключалась?

— Частично.

— Она была в высшей степени драматической. Стивен Байерли был молодой юрист, хороший оратор, большой идеалист и увлекался биофизикой. Кстати, вы интересуетесь роботехникой, мистер Байерли?

— Только с юридической стороны.

— А тот Стивен Байерли интересовался. Но произошла автомобильная катастрофа. Жена Байерли погибла. Ему пришлось еще хуже. Его ноги были искалечены, лицо изуродовано; он лишился голоса, пострадал отчасти и его рассудок. Он отказался от пластической операции и удалился от мира. Его карьера погибла, у него остался только его ум и руки. Каким-то образом ему удалось достать позитронный мозг, самый сложный, способный решать этические проблемы. А это высшее достижение роботехники. Он нарастил тело вокруг такого мозга. Он сделал из него все, чем он мог бы быть сам. Он послал его в мир в качестве Стивена Байерли, а сам остался старым учителем — калекой, которого никто никогда не видел...

— К несчастью,— сказал новый мэр,—я все это опроверг, ударив человека. Судя по газетам, ваш официальный приговор гласил, что я человек.

— Как это случилось? Расскажите мне. Это не могло быть случайностью.

— Ну, это была не совсем случайность. Большую часть работы проделал Куинн. Мои люди начали потихоньку распространять слух, что я ни разу в жизни не ударил человека; что я неспособен ударить человека; что если я не сделаю этого, когда меня будут провоцировать, это, наверное, докажет, что я робот. Поэтому

я устроил свое глупое публичное выступление, вокруг которого была создана такая шумиха, и почти неизбежно какой-нибудь дурак должен был клонуть. По сути дела, это был дешевый трюк. В таких случаях все зависит от искусственно созданной атмосферы. Конечно, эмоциональный эффект обеспечил мое избрание, чего я и добивался.

Робопсихолог кивнула.

— Я вижу, что вы вторгаетесь в мою область,— вероятно, это неизбежно для любого политического деятеля. Но я жалею, что получилось именно так. Я люблю роботов. Я люблю их гораздо больше, чем людей. Если бы был создан робот, способный стать общественным деятелем, он был бы самым лучшим из них. По Законам роботехники, он не мог бы причинять людям зла, был бы чужд тирании, подкупа, глупости или предрассудков. И прослужив некоторое время, он ушел бы в отставку, хотя он и бессмертен,— ведь для него было бы невозможно огорчить людей, дав им понять, что ими управляет робот. Это было бы почти идеально.

— Разве что робот мог бы не справиться с делом из-за коренных недостатков своего мозга. Ведь позитронный мозг по своей сложности не может сравниться с человеческим.

— У него были бы советники. Даже человеческий мозг не может управлять без помощников.

Байерли серьезно взглянул на Сьюзен Кэлвин.

— Почему вы улыбаетесь, доктор Кэлвин?

— Потому что Куинн предусмотрел не все.

— Вы хотите сказать, что эту его версию можно было бы дополнить?

— Да, только одной деталью. Этот Стивен Байерли, о котором говорил мистер Куинн, этот калека перед выборами провел три месяца за городом по каким-то таинственным причинам. Он вернулся как раз к вашему знаменитому выступлению. А в конце концов он мог и еще раз сделать то, что он уже сделал. Тем более, что задача была гораздо проще.

— Я вас не совсем понимаю.

Доктор Кэлвин встала и оправила костюм. Она, очевидно, была готова уйти.

— Я хочу сказать, что есть один случай, когда робот

может ударить человека, не нарушив Первого Закона. Только один случай...

— Когда же?

Доктор Кэлвин была уже в дверях. Она спокойно произнесла:

— Когда человек, которого нужно ударить,— просто другой робот.

Она широко улыбнулась. Ее худое лицо сияло.

— До свидания, мистер Байерли. Я надеюсь, что еще буду голосовать за вас через пять лет—на выборах Координатора.

Стивен Байерли усмехнулся:

— Ну, до этого еще далеко...

Дверь за ней закрылась.

Пораженный, я уставился на нее:

— Это правда?

— До последнего слова,— ответила она.

— И великий Байерли был просто робот?

— О, этого мы никогда не узнаем. Думаю, что да. Но когда он решил умереть, то распорядился, чтобы его тело уничтожили, так что доказать теперь ничего невозможно. И потом — какая разница?

— Ну, знаете...

— Вы тоже разделяете предрассудки против роботов. А зря. Он был очень хорошим мэром... Вот и все,— произнесла Сьюзен Кэлвин, вставая.— Я видела, как все это начиналось,— с того времени, когда бедные роботы еще не умели говорить. Больше я уже ничего не увижу. Моя жизнь окончена. Вам предстоит увидеть, что будет дальше.

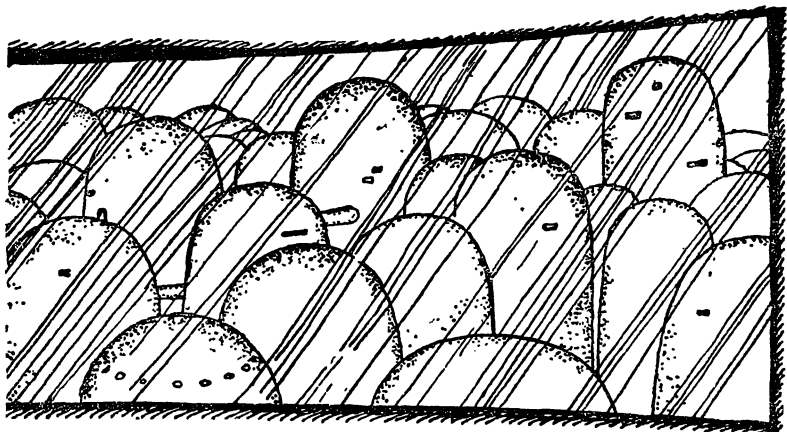
Я больше не видел Сьюзен Кэлвин. Месяц назад она умерла.

А. Азимов

СТАЛЬНЫЕ
ПЕЩЕРЫ

ПОВЕСТЬ





ГЛАВА I

Разговор с комиссаром полиции

Едва Лайдж Бейли уселся за стол, как почувствовал на себе пристальный взгляд Р. Сэмми. Строгое вытянутое лицо Бейли застыло.

— В чем дело?

— Вы нужны боссу, Лайдж. Немедленно. Велел вам явиться, как только придете.

— Хорошо.

Р. Сэмми не двинулся с места.

— Я сказал, хорошо. Убирайся!

Р. Сэмми круто повернулся и пошел выполнять другие поручения.

«Будто человек не может делать все это!» — возмущился про себя Бейли.

Он стал не торопясь изучать содержимое своего кيسета и прикинул, что если будет выкуривать по две трубки в день, то ему удастся дотянуть до выдачи новой порции.

Затем он вышел из-за перегородки — он уже два года имел право на отгороженный угол — и через общую

комнату направился к выходу. Его окликнул оператор ртутного запоминающего устройства Симпсон.

— Вас ждет босс, Лайдж.

— Знаю. Р. Сэмми уже приходил.

Испещренная кодом лента струилась из миниатюрного прибора. Он находил и анализировал данные своей памяти в поисках сведений, хранящихся в крохотных ячейках мерцающей внутри ртути.

— Я дал бы Р. Сэмми коленкой под зад, если бы не боялся сломать себе ногу,— сказал Симпсон.— На днях приходил Винс Бэррет.

— Ну и как?

— Хотел бы вернуться на старое место. Говорит, готов на любую работу у нас в управлении. Бедняга в отчаянии, но я ничем не мог его порадовать. Его место занял Р. Сэмми, и все тут. Парнишка нанялся на дрожжевую ферму. А ведь способный был малый и всем нравился.

Бейли пожал плечами и сказал строже, чем хотел на самом деле:

— Нам всем предстоит пройти через это.

Босс по своему положению имеет отдельный кабинет. На матовом дверном стекле вытравлена красивая надпись: «ДЖУЛИУС ЭНДЕРБИ. Комиссар полиции города Нью-Йорка».

Бейли вошел в кабинет:

— Вы звали меня, комиссар?

Эндерби посмотрел на него. Он носил старомодные очки, так как его глаза не переносили контактных линз. Только привыкнув к очкам, можно было разглядеть черты его заурядного, невыразительного лица. По твердому убеждению Бейли, комиссар отвергал контактные линзы только затем, чтобы выделяться среди других, а вовсе не из-за своих чувствительных глаз.

Комиссар был явно чем-то встревожен. Он поправил манжеты рубашки, откинулся на спинку кресла и сказал как-то уж слишком тепло:

— Садитесь, Лайдж. Присядьте, пожалуйста.

Бейли сел и ждал в напряженной позе.

— Как Джесси? Как сын?

— Хорошо,— ответил Бейли невыразительно.— Вполне нормально. А ваши как?

— Хорошо,— отозвался Эндерби.— Тоже нормально. Начало было неудачным.

«Какое-то у него сегодня странное лицо»,— подумал Бейли, а вслух сказал:

— Комиссар, могу я просить не посылать за мной Р. Сэмми?

— Вы знаете мое мнение на этот счет, Лайдж. Но раз он есть, должен же я как-то его использовать.

— С ним неприятно иметь дело, комиссар. Пришел сегодня, передал вашу просьбу и стоит как истукан. Так и будет стоять, пока не отошлешь.

— О, это моя вина, Лайдж. Я велел ему позвать вас, но забыл точно указать, что делать дальше.

Бейли вздохнул. Мелкие морщинки у его темно-карих глаз стали более отчетливыми.

— Ну ладно. Так вы хотели меня видеть?

— Да, Лайдж,— сказал комиссар,— и по весьма важному делу.

Он встал, подошел к стене позади стола, нажал какую-то кнопку — и тотчас же часть стены стала прозрачной. Бейли зажмурился от неожиданно хлынувшего потока сероватого света.

Комиссар улыбнулся:

— Это сделано по моему заказу в прошлом году. Я вам, кажется, еще не показывал. Подойдите поближе, Лайдж. В старые времена во всех комнатах были подобные штуки. Их называли окнами. Вы слышали об этом?

Бейли прекрасно об этом знал, так как читал не один исторический роман.

— Разумеется,— сказал он.

— Подойдите сюда.

Бейли слегка поежился, но все-таки подошел. Было даже что-то неприличное в том, что уединенность комнаты выставлялась напоказ внешнему миру. Комиссар временами доводил до крайности свое увлечение медиевистикой.

«Эти очки, например»,— подумал Бейли.

Так вот в чем дело! Вот почему у него такое странное лицо!

— Простите за любопытство, комиссар,— сказал Бейли,— но у вас, кажется, новая оправа?

Комиссар взглянул на него с удивлением, снял очки,

посмотрел на них, потом снова на Бейли. Сейчас его круглое лицо казалось еще более круглым, а подбородок — более заметным. И взгляд у него стал беспомощным, потому что все расплывалось перед его глазами.

— Да, новая,— подтвердил он. Он снова надел очки и добавил со злостью:— Старые я разбил три дня назад. Дел было по горло, так что новые получил только сегодня утром. Лайдж, эти три дня были сущим адом.

— Из-за очков?

— Да. И по другим причинам. Но об этом потом.

Он повернулся к окну. Бейли последовал его примеру и был слегка поражен, обнаружив, что снаружи идет дождь. С минуту он молча наблюдал, как сверху лились потоки воды, в то время как комиссар горделиво взирал на это явление природы, будто в этом была его личная заслуга.

— За этот месяц я третий раз смотрю, как идет дождь. Интересное зрелище, верно?

Бейли был вынужден согласиться, что зрелище действительно интересное. В свои сорок два года он почти не видел дождя да и вообще никакого другого явления природы.

— По-моему, неразумно, что вода вот так, без всякой пользы, поливает город,— заметил он.— Ее место в резервуарах.

— Лайдж,— ответил ему комиссар,— вы модернист. Вот в чем беда. В средневековые века люди жили на открытом воздухе, и не только на фермах. Даже в городах. Даже в Нью-Йорке. Когда шел дождь, им это не казалось неразумным. Они радовались этому, потому что жили близко к природе. Это и здоровее, и лучше. Все наши беды оттого, что мы оторваны от природы. Почитайте-ка на досуге об угольном веке.

Бейли довелось читать и об этом. Он слышал, как многие сетовали по поводу изобретения атомного реактора. Он и сам был не прочь поныть, когда что-нибудь не ладилось или когда одолевала усталость. Человек всегда чем-то недоволен. В угольном веке люди жаловались на паровую машину. А герой одной из пьес Шекспира возмущался тем, что кто-то изобрел порох. Лет через тысячу кому-нибудь не понравится создание позитронного мозга. К черту все это!

— Слушайте, Джулиус...— сказал он мрачно. (На работе он предпочитал держаться с комиссаром официально, даже если тот то и дело звал его по-приятельски Лайджем. Сейчас что-то подсказало ему поступить иначе.) — Слушайте, Джулиус, вы говорите здесь о чем угодно, только не о том, зачем вы меня вызвали. Меня это беспокоит. В чем все-таки дело?

— Я дойду до этого, Лайдж,— ответил комиссар.— Не подгоняйте меня. У нас неприятности, Лайдж.

— Еще бы! Здесь иначе и быть не может. Опять что-нибудь с роботами?

— В каком-то смысле да, Лайдж. Я вот стою здесь и думаю, что еще выпадет на долю нашей старушке Земле... Я сделал это окно не только чтобы иногда полюбоваться небом, а чтобы видеть город. Смотрю я на него и думаю, каким-то он будет через сотню-другую лет?

Бейли не был сентиментальным, но и он поддался очарованию открывшегося перед ним вида. Несмотря на окутавшую его серую дымку, город представлял изумительное зрелище. Полицейское управление размещалось на одном из верхних этажей здания муниципалитета, который господствовал над всем. Окно комиссара находилось над крышами соседних башен, устремившихся вверх, подобно растопыренным пальцам чьей-то гигантской руки. Стены этих башен были совершенно гладкими и слепыми — наружные оболочки огромных человеческих ульев.

— Жаль, что идет дождь,— заметил комиссар.— Не виден Космотаун.

Бейли посмотрел на запад. Комиссар был прав. Горизонта не было видно; башни Нью-Йорка тонули в серо-белой пелене дождя.

— Я знаю, как он выглядит,— отозвался Бейли.

— Мне нравится вид на него отсюда,— сказал комиссар.— Его можно разглядеть между двумя секторами Брунсвика. Эти приземистые купола космонитов... В этом все различие между нами и ими: мы тянемся кверху и живем кучно, а у них каждая семья живет отдельно. На семью — по дому. А между ними земля. Вам доводилось когда-нибудь беседовать с космонитами, Лайдж?

— Несколько раз. Месяц назад я разговаривал с одним по вашему селектору,— ответил Лайдж сдержанно.

— Да, да. Помню. Мне просто хочется пофилософствовать. Мы и они... Разные образы жизни...

У Бейли засосало под ложечкой. «Чем больше комиссар ходит вокруг да около,— подумал он,— тем ужаснее может оказаться известие».

— Это верно,— сказал он.— Но что в этом удивительного? На Земле невозможно расселить восемь миллиардов людей в маленьких куполах. А космониты привыкли к простору. Так что пусть живут, как им нравится.

Комиссар подошел к столу и сел. Его глаза, искаженные выпуклыми стеклами очков, не мигая смотрели на Бейли.

— Не все так герпимы к различиям в образе жизни. Ни у нас, ни у них.

— Согласен. Ну и что?

— А то, что три дня назад умер один космонит.

Наконец-то дело сдвинулось с места. На узком, печальном лице Бейли не было и следа охватившего его волнения. Лишь едва дрогнули уголки тонкого рта.

— Скверно,— только и сказал он.— Что-нибудь разное, вероятно. Какой-нибудь вирус или простуда?

Комиссар недоуменно взглянул на него.

— Вы понимаете, что говорите?

Бейли не стал объяснять. Всем хорошо известно, что космониты совершенно искоренили болезни в своем обществе. Еще лучше известно, как тщательно они стараются избегать контакта с заразными землянами. Что делаешь, до комиссара сарказм вообще не доходит.

— Так, ничего...— сказал Бейли и отвернулся к окну.— Отчего же он умер?

— Оттого, что кто-то разворотил ему грудь. Бластером.

Бейли напрягся всем телом. Не оборачиваясь, он спросил:

— А вы понимаете, что говорите?

— Я говорю об убийстве,— мягко сказал комиссар.— Вы ведь детектив, и вам известно, что такое убийство.

— Но убит космонит! — повернулся к нему Бейли.— Три дня назад, говорите?

— Да.

— Кто это сделал? И как?

— Космониты считают, что кто-то из землян.

— Этого не может быть.

— Почему не может? Они не нравятся ни вам, ни мне и вообще никому на Земле. А кто-то их просто ненавидит, вот и все.

— Это так, но...

— На заводах Лос-Анжелеса возник пожар. В Берлине громили роботов. В Шанхае вспыхнули беспорядки.

— Верно.

— Все это говорит о растущем недовольстве. Возможно, об организованном недовольстве.

— Комиссар,— проворчал Бейли,— до меня это не доходит. Вы что, проверить меня хотите?

— Проверить? Вас? — с искренним недоумением повторил комиссар.

Бейли не сводил с него глаз.

— Три дня назад совершенно убийство космонита, и они винят в этом землян. До сих пор,— Бейли постукал пальцем по столу,— еще ничего не выяснено. Я вас правильно понял? Невероятно, комиссар! Да если бы это действительно произошло, они стерли бы Нью-Йорк с лица земли.

Комиссар покачал головой.

— Все это не так просто. Слушайте, Лайдж. Я отсутствовал три дня. За это время я поговорил с мэром, побывал в Космотауне, съездил в Вашингтон. Я разговаривал с чиновниками из Всепланетного бюро расследований.

— Вот как! Ну и что эти чинуши?

— Говорят, что нам самим придется расхлебывать кашу. Мол, космониты живут в границах Нью-Йорка.

— Но они же пользуются правом экстерриториальности.

— Я знаю. Об этом потом.— Комиссар не выдержал сверлящего взгляда Бейли и отвел глаза в сторону. Он вел себя так, будто его внезапно разжаловали и он стал всего лишь помощником Бейли.

— Космониты сами могут повести дело,— заметил детектив.

— Не торопитесь, Лайдж,— продолжал комиссар.—

Не подгоняйте меня. Давайте обсудим все по-дружески. Войдите в мое положение. Когда это произошло, я был там. Я должен был встретиться с ними... с Роем Неммен-ни Сартонем.

— С жертвой?

— С жертвой.— Комиссар тяжело вздохнул.— Окажись я там пятью минутами раньше, я бы первым обнаружил труп. Представляете, какой ужас? До чего жестоко и отвратительно! Меня встретили и рассказали о случившемся. Лайдж, этот кошмар продолжался целых три дня. А тут еще все расплывается перед глазами и некогда заменить очки. Но это больше не повторится: я заказал себе сразу три пары.

Бейли живо представил себе, как все происходило. Вот высокие, стройные космониты подходят к комиссару и бесстрастно, ничего не приукрашивая, сообщают ему об убийстве. Джулиус снимает очки и начинает их протирать. Взволнованный событием, он роняет очки и растерянно смотрит вниз на осколки стекол. Его мягкие, полные губы нервно подрагивают. Можно не сомневаться, что по меньшей мере минут пять комиссара больше беспокоили разбитые очки, чем убийство.

Комиссар продолжал:

— Положение чертовски скверное. Вы правы, у космонитов экстерриториальные права. Захотят — расследуют сами и доложат своим правительствам, что им вздумается. Внешние Миры воспользуются этим, чтобы потребовать с нас непомерную компенсацию. Вы представляете, как отнесется к этому население?

— Согласиться платить было бы для Белого дома равносильно политическому самоубийству.

— А не согласиться — тоже самоубийство, только другого рода.

— Можете мне не объяснять,— сказал Бейли.

Он был еще маленьким мальчиком, когда сверкающие космопланы высадили своих солдат в Вашингтоне, Нью-Йорке и Москве, чтобы получить с Земли то, что якобы причиталось космонитам.

— Как видите, уплатим мы или нет, неприятностей не избежать. Единственный выход — самим разыскать убийцу и выдать его космонитам. Все зависит от нас.

— Почему бы не передать это дело ВБР? Допустим,

что с юридической точки зрения мы обязаны им заняться, но вопрос о межпланетных отношениях...

— ВБР не хочет вмешиваться. Расхлебывать все это придется нам.— Он поднял голову и внимательно посмотрел на своего подчиненного.— Плохи наши дела, Лайдж. Мы все рискуем остаться без работы.

— Ерунда! А кем они нас заменят? Ни у кого нет достаточной подготовки,— возразил Бейли.

— Кем? — повторил комиссар.— Вы забыли о роботах.

— Что?

— Р. Сэмми — только начало. Пока он выполняет мелкие поручения. Но подобные ему могут, например, патрулировать скоростные дороги. Черт побери, Лайдж, я лучше вас знаю космонитов и представляю, чем они сейчас занимаются. У них есть роботы, способные заменить и вас и меня. Нас могут просто деклассировать. Я говорю вполне серьезно. Не очень-то приятно в нашем возрасте оказаться за бортом...

— Согласен,— проворчал Бейли.

— Простите, Лайдж,— смутился комиссар.

Бейли кивнул, стараясь не думать о своем отце. Комиссару, конечно, известно, как неудачно сложилась его судьба.

— А когда заварилась эта каша с заменой? — спросил он.

— Слушайте, не будьте наивным человеком, Лайдж. Это грозит нам каждый день вот уже в течение двадцати пяти лет, с тех пор как на Земле появились первые космониты. Вы это знаете. Просто сейчас обстановка ухудшается, вот и все. Если мы проморгаем расследование, то быстро, слишком быстро окажемся там, где не радует мысль о пенсионной книжке. И наоборот, Лайдж, стоит нам его хорошо проверить, и тогда это может случиться очень не скоро. А больше всего может повезти вам.

— Мне? — удивился Бейли.

— Вы поведете расследование, Лайдж.

— Но я не подхожу по классу. Ведь у меня всего С-5.

— Вы бы не отказались от С-6, не так ли?

Еще бы! Бейли знал, какие привилегии дает класс С-6. Кресло в экспрессе в часы пик, а не только с де-

сяти до четырех, как сейчас. Лучшее меню в столовой сектора. Может быть, даже удастся получить новую квартиру и абонемент на место для Джесси в солярии.

— Вы еще спрашиваете. Конечно, нет! — сказал Бейли. — А что будет, если я не справлюсь?

— Справитесь, Лайдж, я в этом уверен, — льстиво ответил комиссар. — Ведь вы один из наших лучших сотрудников.

— У нас в отделе немало ребят с более высокими данными. Почему бы не поручить это дело кому-нибудь из них?

Хотя Бейли не сказал этого вслух, по его лицу было видно, что он думает: только самый крайний случай может заставить комиссара нарушить установленный порядок.

— На это есть две причины. — Комиссар сложил руки. — Во-первых, вы для меня не просто один из детективов, Лайдж. Мы ведь друзья. Я не забыл, что мы учились вместе в колледже. Если иногда я и бывал с вами чересчур строг, то виной этому разница в положении. Я — комиссар, а вы знаете, что это значит. Тем не менее я считаю себя вашим другом и не хотел бы, чтобы вы упустили такую блестящую возможность проявить себя.

— Это одна из причин, — отозвался Бейли без теплоты в голосе.

— Вторая заключается в том, что, как мне кажется, вы тоже питаете ко мне дружеские чувства... Я прошу об одолжении.

— Об одолжении?

— Вам придется взять в помощники космонита. Таково их условие. Они согласны пока не сообщать об убийстве и передать расследование нам. За это они требуют, чтобы их агент принял в нем участие от начала до конца.

— Похоже, что нам не доверяют?

— Вы правы, Лайдж. В случае неудачи многим из них придется нести ответ перед своими правительствами. Поверим им на слово. Хочется думать, что у них хорошие намерения.

— Я убежден в этом, комиссар. В том-то и вся беда. Комиссар пропустил это мимо ушей.

— Итак, Лайдж, вы согласны, чтобы вашим партнером был космонит?

— Вы просили меня об одолжении, не так ли?

— Да, я прошу вас заняться этим делом на условиях, выдвинутых космонитами.

— Я согласен, комиссар.

— Спасибо, Лайдж. Но... ему придется жить у вас.

— Позвольте, позвольте...

— Я все понимаю, Лайдж. У вас ведь просторная квартира. Три комнаты. Всего один ребенок, место найдется. Он не доставит вам много хлопот, поверьте мне. Потом, это необходимо.

— Джесси будет недовольна, я уверен.

— Скажите Джесси,— убеждал его комиссар с таким старанием, что казалось, будто его напряженный взгляд просверлит отверстие в заслоняющих глаза стеклах,— скажите ей, что если вы сделаете это для меня, я постараюсь присвоить вам С-7, понимаете?

— Хорошо, комиссар, договорились.

Бейли привстал было со стула, но, заметив взгляд Эндерби, снова опустился.

— Что-нибудь еще?

— Еще один вопрос.— Комиссар медленно кивнул головой.

— Какой?

— Имя вашего партнера.

— Какое это имеет значение?

— Космониты,— начал комиссар,— довольно странный народ. Вашим партнером будет не... В общем, он не...

Глаза Бейли широко раскрылись.

— Постойте, комиссар!

— Это необходимо, Лайдж. Просто необходимо. Другого выхода нет.

— В одной квартире? С этой штукой?

— Прошу вас, как друга прошу,— убеждал его комиссар.— Неужто вам надо все это разжевывать? Мы должны с ним работать. Мы должны выиграть, если хотим избежать новых контрибуций. А выиграть, пользуясь старыми методами, невозможно. Вашим партнером будет робот. Стоит ему самому раскрыть убийство, стоит ему сообщить своим о нашей беспомощности,

и мы погибли. Я имею в виду наш отдел. Вам это ясно, Лайдж, не так ли? Положение очень щекотливое. Вы будете с ним сотрудничать, но нужно, чтобы дело раскрыли вы, а не он. Понятно?

— То есть полностью с ним сотрудничать и в то же время стараться перерезать ему глотку? Хлопать его по плечу одной рукой, а в другой держать нож?

— А что делать? Другого выхода у нас нет.

Бейли нерешительно встал:

— Не знаю, как отнесется к этому Джесси...

— Если хотите, я поговорю с ней.

— Не надо, комиссар.— Он тяжело вздохнул.— Как его зовут?

— Р. Дэниел Оливо.

— К чему эти увертки, комиссар,— произнес Бейли грустно.— Я берусь за расследование, так что давайте называть этого типа полным именем: Робот Дэниел Оливо.

ГЛАВА II

Поездка на экспрессе

Как всегда, свободных мест на экспресс-транспортере было немного: ни внизу, где ехать можно было только стоя, ни на верхней площадке с креслами для привилегированных пассажиров.

Непрерывный людской поток струился по обе стороны экспресса по замедляющимся дорожкам тротуаров к межсекторным линиям и неподвижным тротуарам, которые, ныряя под арки и взбираясь на мосты, вели в бесконечный лабиринт жилых кварталов-секторов. А с противоположной стороны к экспрессу стремился точно такой же поток пассажиров, пересекающих дорожки в обратном порядке — от медленных к быстрым.

Кругом сияло море огней; стены и потолок излучали холодный фосфоресцирующий свет; всплески рекламы требовали к себе внимания; яркие цветные указатели не давали сбиться с пути: «К СЕКТОРАМ ДЖЕРСИ», «НАПРАВЛЕНИЕ К МАРШРУТНОЙ СЛУЖБЕ ИСТ-РИВЕР», «ВЕРХНИЙ ГОРИЗОНТ — ВСЕ НАПРАВЛЕНИЯ К СЕКТОРАМ ЛОНГ-АЙЛЕНДА». А над всем этим царил неясный шум, не отделимый от жизни сталь-

ного города: говор, смех, кашель, выкрики, пение, дыхание миллионов людей.

«Ни одного указателя к Космотауну»,— подумал Бейли. Он переходил с дорожки на дорожку с непринужденностью человека, привыкшего делать это всю жизнь. Едва начав ходить, дети учились «скакать по лентам». Бейли почти не замечал увеличения скорости каждой новой дорожки. Через тридцать секунд он добрался до последнего тротуара, скорость которого достигала шестидесяти миль в час, и теперь мог перешагнуть на огражденную перилами и остекленную платформу экспресса.

«Ни одного указателя к Космотауну»,— размышлял он.— Да они и не нужны. Тот, кто едет туда по делу, знает, как до него добраться. Если же он этого не знает, значит, делать ему там нечего.» Когда двадцать пять лет назад возник этот поселок, толпы зевак осаждали его.

Космонавты положили этому конец. Вежливо (они всегда отличались вежливостью), но решительно, они отгородились от Нью-Йорка силовым барьером и учредили нечто среднее между пограничными постами и таможней. Убедившись, что вы идете по делу, они подвергали вас обыску и направляли на медицинский осмотр и дезинфекцию.

Среди землян росло недовольство. Что вполне естественно. Однако оно приняло неоправданно широкий размах. А это, в свою очередь, сказалось на программе модернизации. Бейли вспомнил Барьерные бунты. Он был среди толпы недовольных, которые висли на перилах экспресса; не считаясь с привилегиями, занимали кресла на верхней площадке; рискуя жизнью, носились по тротуарам и два дня осаждали Космотаун, выкрикивая лозунги и круша городскую собственность.

При желании Бейли мог вспомнить песенки того времени. Вот, например, «Человек родился на Земле, ты слышишь?» на мотив старой народной песни с тарбарским припевом «Хинки-динки-парле-ву».

*Человек родился на Земле, ты слышишь?
Мать-Земля дала ему жизнь, ты слышишь?
Космонавт, прочь с лица Земли
В свой космос.
Грязный космонавт, ты слышишь?*

Куплетов насчитывалось сотни. Некоторые из них были остроумными, но гораздо больше было куплетов глупых, а то и непристойных. И каждый оканчивался словами: «Грязный космонит, ты слышишь?» Грязный. Грязный... Это была тщетная попытка землян отплатить космонитам за то, что они упорно считали жителей Земли болезненными до отвращения.

Разумеется, космониты не покинули Землю. Им даже не понадобилось прибегать к помощи своего наступательного оружия. Земляне убедились, что всякая попытка приблизиться к космопланам пришельцев была равноценна самоубийству. Несколько старомодных самолетов, которые рискнули пролететь над территорией Космотауна еще в первые дни его основания, попросту исчезли. Единственное, что удалось впоследствии обнаружить, были лишь исковерканные обломки плоскостей.

И едва ли можно привести толпу в такое неистовство, чтобы она забыла действие субэтерных «руколомов», применявшихся против землян в войнах прошлого столетия.

Космониты отсиживались за барьером, разрушить который земными средствами было невозможно, и ждали, пока городские власти не утихомирят разбушевавшуюся толпу. Это удалось сделать, применив снотворный и рвотный газы, после чего городские исправительные тюрьмы были набиты до отказа вожакими недовольных, подстрекателями и просто теми, кто оказался под рукой. Когда страсти улеглись, всех их отпустили на свободу.

Некоторое время спустя космониты стали снимать свои ограничения. Барьер убрали, а городские власти поручили полиции обеспечить охрану космонитов. Главная же их уступка заключалась в том, что медицинский осмотр перестал быть таким унижительным.

«Теперь,— размышлял Бейли,— дело может снова принять плохой оборот. Стоит им решить, что землянин проник в Космотаун и совершил убийство, как они, чего доброго, опять поставят свой барьер. Плохо дело».

Он ступил на нижнюю площадку экспресса, протиснулся через толпу пассажиров и по узкой спиральной лестнице поднялся вверх. Он не торопился предьявлять свою карточку находившемуся поблизости проводнику.

Класс С-5 не давал права на кресло в экспрессе восточнее Гудзона и западнее Лонг-Айленда, и хотя здесь были свободные места, его могли попросить перейти вниз. Люди всё щепетильнее относились к своим привилегиям, и Бейли отлично это знал.

Воздух с характерным свистом обтекал изогнутые ветровые стекла, установленные на спинке каждого кресла. Разговаривать из-за шума было бы трудно, но думать, если к нему привыкнуть, он не мешал.

«Все мы медиевисты по натуре,— рассуждал про себя Бейли.— Особенно, если тебя влекут к себе старые добрые времена, когда Земля была единственным миром, а не одним из пятидесяти, как теперь, причем далеко не самым лучшим».

Бейли рывком повернул голову вправо, откуда донесся чей-то пронзительный вопль. Какая-то женщина уронила свою сумку, мелькнувшую мягким розовым пятном на скучном сером фоне дорожек. Спешащий с экспресса пассажир, должно быть, нечаянно отбросил ее в сторону медленных дорожек, и теперь владелицу уносило прочь от ее собственности.

Бейли криво усмехнулся. Женщина сумеет вернуть свою сумку, если сообразит перейти на еще более медленную дорожку и если еще одна нога не толкнет сумку в другом направлении. Он так и не узнает, настигнет она ее или нет. Уже сейчас место происшествия отстало от него на полмили.

Пожалуй, ей это не удастся. Вычислено, что в разных частях города пассажиры роняют на дорожках свои вещи в среднем раз в три минуты и не могут их достать. Отдел находок разросся до невероятных размеров. И это тоже одна из сложностей современной жизни.

«Когда-то было проще,— думал Бейли.— Все было проще. Это и превращает людей в медиевистов».

Медиевизм принимает различные формы. Для лишнего воображения Джулиуса Эндерби — это такие атрибуты старины, как очки или окна. Для Бейли прошлое — это история. В особенности обычаи разных народов.

Взять, например, нынешний Нью-Йорк. Город, где он живет и работает. Эта громадина уступает по величине лишь Лос-Анжелесу. А население! Только в Шанхае жи-

вет больше народу. А ведь Нью-Йорку всего триста лет.

Правда, на этом месте когда-то существовало нечто, носившее название «Нью-Йорк». Тому примитивному поселению насчитывалось три тысячи, а не триста лет, и оно ничем не напоминало современный город.

То, что тогда называлось городом, было лишь жалким скоплением больших и малых домов, построенных под открытым небом. Они чем-то напоминали куполообразные жилища космонитов, хотя, конечно, сильно от них отличались. Тысячи таких городов (в самом крупном жило не более десятка миллионов человек, а в большинстве — даже меньше миллиона) были в беспорядке разбросаны по всей планете. С точки зрения современной экономики, каждый такой город был устроен крайне неразумно.

С ростом населения возникла необходимость более разумного устройства городов. Ценой снижения жизненного уровня Земля могла прокормить два миллиарда человек, три и даже пять миллиардов. Однако, когда население достигло восьми миллиардов, полуголодное существование стало почти неизбежным. В жизни человека должны были произойти коренные изменения, в особенности когда выяснилось, что Внешние Миры, тысячелетие назад бывшие лишь колониями Земли, намерены резко сократить приток переселенцев.

За тысячу лет современной истории Земли на ней выросли огромные города. Даже в древние времена люди догадывались, быть может подсознательно, о выгоде укрупнения. Кустарное производство уступило место фабрикам, а фабрики и заводы — целым отраслям промышленности.

Подумайте, насколько невыгодно содержать сотни тысяч домов для сотен тысяч семей по сравнению с одним сектором на сто тысяч квартир; сравните домашнюю библиотеку с централизованной книго-фильмотеккой; сравните индивидуальные телевизоры с системой видеопроводов. Наконец, возьмите такую простую вещь, как неоправданно глупое и бесконечное повторение одинаковых кухонь и ванных в каждой квартире в сравнении с блоками автоматизированных столовых и душевых, которые созданы современной городской цивилизацией.

Новые города медленно, но верно поглощали погибав-

шие деревни, поселки и старые города. Даже угроза атомной войны только замедлила этот процесс. Изобретение же силового щита дало ему новый толчок.

Современная городская культура означает целесообразное распределение пищевых продуктов и все возрастающее применение дрожжевых веществ и гидропоники. Нью-Йорк сейчас занимает площадь более двух тысяч квадратных миль, и по последней переписи в нем живет свыше двадцати миллионов человек. На Земле насчитывается около восьмисот городов с населением в среднем по десять миллионов человек в каждом.

Каждый город обладает определенной автономией и способен обеспечить себя почти всем необходимым. Он возвел над собой крышу, оградился со всех сторон, вгрызся глубоко в землю. Он уподобился стальной пещере, громадной, всем обеспеченной пещере из стали и бетона.

Внутренняя планировка города тщательно продумана. В центре его находится огромный комплекс административных учреждений. В строгом порядке разместились жилые секторы, соединенные друг с другом переплетением межсекторных пассажирских лент и линией экспресс-транспортера. На окраинах расположились заводы, гидропонные установки, дрожжевые чаны и энергостанции. Во все уголки проникают трубы водопровода и канализации, линии энергопередачи и лучевой связи, везде школы, тюрьмы и магазины.

Несомненно одно: именно создание такого города является вершиной победы человеческого гения над природой. Именно это, а не космические полеты, не пятьдесят освоенных миров, которые стали так вызывающе независимы.

Почти все без исключения земляне живут в стальных городах. Между городами простираются незаселенные пространства и открытое небо, один вид которого приводит в растерянность любого горожанина. Но и эти пространства необходимы человеку. Именно здесь он добывает себе воду, а также уголь и древесину, которые идут на изготовление пластмасс и вечно растущих дрожжевых культур. (Нефть уже давно израсходована, но ее полностью заменили богатые жирами штаммы дрожжей.) Здесь все еще работают шахты, и лишь немногие из горожан представляют, как широко используются поля для

выращивания злаков и что на них до сих пор пасется скот. Несмотря на необычайную дороговизну таких продуктов, как говядина, свинина и зерно, которые превратились в предмет роскоши, они все же находят себе сбыт и идут на экспорт на другие планеты.

Нужно очень мало людей, чтобы следить — да и то с расстояния — за работой шахт, ферм и водонасосных станций. Трудятся же там роботы, которые стоят меньше, и работают лучше.

Роботы! Какая ирония судьбы! Именно на Земле изобретен позитронный мозг, именно здесь роботы впервые стали использоваться в производстве.

Здесь, а не на Внешних Мирах. Тем не менее космониты ведут себя так, будто роботов породила их цивилизация. Справедливости ради надо сказать, что они достигли поразительных успехов в области роботехники. Долгое время земляне использовали роботов только на шахтах и фермах. Лишь за последнюю четверть века они начали постепенно проникать в города, да и то под нажимом космонитов.

Жить в городах не плохо. Все, кроме медиевистов, понимают, что без городов не обойтись. Беда, однако, в том, что жизнь эта меняется к худшему. Население Земли постоянно растет. Наступит день, когда даже города, со всей их техникой, будут просто не в состоянии обеспечить людям минимум калорий, необходимых для существования.

Положение осложняется тем, что потомки первых эмигрантов с Земли, космониты, живут в прекрасных условиях в своих малонаселенных, набитых роботами космических мирах. С холодной решимостью оберегают они созданный на полупустынных планетах комфорт и с этой целью ограничивают как уровень рождаемости у себя, так и приток эмигрантов с переполненной Земли. Поэтому...

Скоро Космотаун!

Бейли интуитивно почувствовал приближение секторов Нью-Арка. Помедли он еще немного, и экспресс унесет его на юго-запад, в глубь Трентонского района, теплый воздух которого насыщен кисло-горьким запахом дрожжей.

Главное — правильно рассчитать. Не теряя времени,

вниз по трапу протиснуться сквозь толпу недовольных пассажиров, проскользнуть вдоль перил к выходу, пересечь замедляющиеся дорожки.

Проделав все это, он оказался как раз у того ответвления неподвижного тротуара, к которому стремился. Сознание не принимало в этом участия — иначе он наверняка бы промахнулся.

Кругом — ни живой души. Только полицейский прогуливается по тротуару, и лишь жужжание экспресса нарушает гнетущую тишину.

Полицейский подошел к нему и, мельком взглянув на удостоверение Бейли, поднял руку, разрешая ему пройти.

Коридор сужался, делая резкие повороты то влево, то вправо. Это, конечно, не случайно. Толпе землян здесь не развернуться и уж совсем невозможно совершить нападение.

Бейли был рад, что встреча с напарником произойдет по эту сторону Космотауна. Ему вовсе не улыбалась мысль о медицинском осмотре, пусть они хоть сто раз вежливы.

В глубине коридора, неподалеку от дверей, ведущих наружу и к жилищам Космотауна, стоял космонит. Он был одет по земной моде: на нем были узкие в бедрах и расклешенные книзу брюки, отделанные по бокам цветной тесьмой, и обычная текстуровая рубашка с открытым воротом, застежкой на молнии и собранными у кисти рукавами. И все же это был космонит. Трудно сказать, что именно отличало его от коренного жителя Земли: посадка ли головы, манера держаться, гладко зачесанные назад короткие рыжеватые волосы или его широкоскулое лицо, холодное и невозмутимое.

Бейли подошел к нему деревянной походкой и сказал невыразительным голосом:

— Я — детектив Илайдж Бейли, Полицейское управление города Нью-Йорка, класс С-5...

Он показал свои документы и продолжал:

— Мне поручено встретить здесь Р Дэниела Оливо.— Бейли взглянул на часы.— Я прибыл немного раньше времени. Можно попросить, чтобы обо мне доложили?

Ему было не по себе. Он привык, как и все люди, к земным роботам. Этот робот будет, вероятно, другим. До

сих пор ему не приходилось их видеть, но по всей Земле ходили самые невероятные слухи о чудовищных роботах, которые решали непосильные для человека задачи в далеких, мерцающих Внешних Мирах. Бейли непроизвольно стиснул зубы.

— В этом нет необходимости,— вежливо ответил космонит.— Вас жду я.

Бейли было протянул руку, но тут же опустил ее. Его длинное лицо вытянулось еще больше. Он не нашелся, что сказать. Слова застряли у него в горле.

— Позвольте представиться,— продолжал космонит.— Мое имя — Р. Дэниел Оливо.

— Простите... Может быть, я ослышался? Мне казалось, что «Р» означает...

— Вы не ошиблись. Я — робот. Разве вас не предупредили?

— Предупредили,— пробормотал Бейли и зачем-то провел вспотевшей рукой по волосам. Затем он протянул ее роботу.— Простите, мистер Оливо, я как-то не ожидал... Здравствуйте. Меня зовут Илайдж Бейли, я ваш напарник...

— Прекрасно... (Бейли почувствовал, как усиливается рукопожатие робота и, став, так сказать, дружеским, снова ослабевает.) Но вы, кажется, чем-то встревожены? Можно просить вас быть со мной откровенным? В наших взаимоотношениях лучше всего знать как можно больше относящихся к делу фактов. Кроме того, у нас принято, чтобы сотрудники называли друг друга по имени. Я полагаю, это не очень противоречит обычаям вашего мира?..

— Дело в том, что вы совсем не похожи на робота,— окончательно растерялся Бейли.

— И это вас беспокоит?

— Я понимаю, что это глупо, Дэ... Дэниел. Ваши роботы все такие, как вы?

— С индивидуальными различиями, Илайдж, как люди.

— Земные роботы... В общем, понимаете у нас их можно сразу отличить от человека... А вы совсем как космонит.

— А, понимаю... Вы ожидали увидеть довольно грубую модель, а теперь удивлены. Но разве не логично, что

в данном, конкретном случае, во избежание недоразумений, робот должен обладать характерными человеческими чертами?

С этим нельзя было не согласиться. Обычный робот, разгуливающий по городу, сразу бы накликнул на себя беду.

— Вы правы,— согласился Бейли.

— Тогда пойдемте, Илайдж.

Они направились к экспрессу. Р. Дэниел быстро понял назначение дорожек и без труда переходил с одной на другую. Вначале Бейли старался идти помедленнее, затем, рассердившись, увеличил скорость. Робот не отставал. Казалось, ему это вовсе не трудно... «Может, он умеет двигаться еще быстрее, но не подает виду»,— подумал Бейли. Они добрались до бесконечной ленты экспреса, и Бейли совершил поистине рискованный прыжок на одну из платформ. Робот и здесь не уступил ему. Бейли покраснел и нерешительно сказал:

— Я с вами останусь внизу.

— Внизу? — переспросил робот, на которого ни шум, ни ритмичное покачивание экспреса не произвели ни малейшего впечатления.— Неужели мои сведения неточные? Мне сказали, что в определенных условиях класс С-5 дает право на место в верхнем салоне.

— Совершенно верно. Я могу подняться туда, а вы нет.

— Но почему же?

— Нужно иметь класс С-5, Дэниел.

— Мне это известно.

— Но у вас его нет,— возразил Бейли.

На открытой нижней платформе из-за шипения воздуха разговаривать было трудно, а Бейли, по понятным причинам, не хотел особенно повышать голос.

— Вы ошибаетесь. Я ваш партнер, следовательно, права у нас одинаковые. Мне дали вот это.

Из внутреннего кармана рубашки он достал свое удостоверение и протянул его Бейли. Выдано оно на имя Дэниела Оливо, класс владельца — С-5. Естественно, что инициал «Р» перед именем был опущен.

— Тогда пошли,— сухо сказал Бейли.

Бейли сидел, глядя прямо перед собой, и злился на свою недогадливость. Он попался дважды: во-первых, не

признал в Р. Дэниеле робота; во-вторых, не сообразил, что ему не могли не дать класс С-5.

Беда в том, что по своему характеру Бейли не отвечал общепринятому представлению о детективе. В нем не было ни холодной невозмутимости, ни непроницаемого спокойствия, ни способности применяться к любым условиям, он не был ни идеалом сообразительности, ни хладнокровия. Он отдавал себе в этом отчет, но никогда прежде не сетовал на отсутствие этих качеств. Но теперь он об этом жалел, и жалел потому, что, по всей видимости, Р. Дэниел Оливо был воплощением всего этого. Да и могло ли быть иначе? Ведь он — робот.

Бейли стал искать себе оправдание. Он привык к таким роботам, как их Р. Сэмми. Он ожидал встретить существо с кожей из плотного и глянцевого пластика мертвенно-бледного цвета. Он ожидал увидеть лицо, на котором застыло выражение бессмысленного добродушия. Он ожидал, что движения робота будут резкими, слегка неуверенными.

Ничего подобного у Р. Дэниела не было.

Бейли исподтишка взглянул на своего соседа, но Р. Дэниел перехватил его взгляд и спокойно кивнул. Когда он разговаривал, его губы двигались естественно, а не оставались полуоткрытыми, как у земных роботов. Да что там губы, у него был даже артикулирующий язык.

«Сидит себе спокойно,— подумал Бейли.— Ведь здесь для него все совершенно новое. Шум, свет, толпы людей!»

Он вскочил и обогнал Р. Дэниела со словами: «Не отставайте!» Они покинули экспресс и переходили с дорожки на дорожку.

«Боже правый, что же я все-таки скажу Джесси?» — думал Бейли.

Неожиданная встреча с роботом заставила его забыть обо всем другом, но теперь, когда межсекторная линия несла их прямо в Нижний Бронкс, мысль о предстоящем объяснении с женой тревожно сверлила его мозг. Он заговорил:

— Все, что вы видите вокруг, Дэниел,— это одно здание, весь город. В нем живут двадцать миллионов человек. Круглые сутки со скоростью шестьдесят миль по

нему несутся ленты экспресса. Их протяженность двести пятьдесят миль, а длина местных линий в несколько раз больше.

«Чего доброго,— замолчал Бейли,— придется сообщать, сколько тонн дрожжевых продуктов Нью-Йорк съедает в день, сколько кубометров мы выпиваем воды и сколько потребляем мегаватт энергии».

Однако робот опередил его.

— На инструктаже меня снабдили подробной информацией,— сказал он.

«Тем лучше. Значит, со всем этим покончено. Но чего ради я распинаясь перед роботом?» — возмущался собой Бейли.

Они доехали до 182-й Восточной улицы. Отсюда на одном из лифтов, снующих вверх и вниз среди бесчисленного множества квартир, можно было добраться и до квартиры Бейли.

Он уж было направился к лифту, как его внимание привлекла небольшая группа людей, толпившихся у ярко освещенного силового защитного барьера магазина, каких было множество на нижних горизонтах этого сектора.

— Что здесь происходит? — по привычке внушительным голосом спросил он у одного из зевак.

Вытягиваясь на носках, тот ответил:

— Кто его знает. Сам только что подошел.

— У них здесь эти проклятые роботы,— раздался чей-то возбужденный голос.— Эх, вытащили бы их сюда. Вот позабавились бы!

Бейли нервно оглянулся на Дэниела, но тот либо не понял сказанного, либо не расслышал, во всяком случае вид у него был невозмутимый.

Бейли врезался в толпу:

— Позвольте. Позвольте... Полиция!

Люди расступились. До Бейли донеслись обрывки фраз:

— ...разбирать по кусочку... Гайку за гайкой... Потихоньку распускать им швы...

Кто-то рассмеялся.

У Бейли похолодело внутри. Город был совершенным творением, и это накладывало на его обитателей определенные обязательства, и прежде всего от них требова-

лось подчиняться строгому, научно обоснованному порядку и соблюдать дисциплину. Временами сдерживаемые страсти прорывались наружу.

Бейли вспомнил Барьерные бунты.

Причин для недовольства роботами достаточно. Те, кто полжизни провел в труде и кому грозит теперь деклассирование, а значит, и минимум средств существования, эти люди не могут решить хладнокровно, что роботы здесь ни при чем. Робота хоть ударить можно.

Ведь нельзя же ударить то, что зовется «правительственной политикой», или стукнуть по призыву «Роботы во имя производительности».

Правительство называет это болезнью роста. Оно сочувственно покачивает своей «коллективной головой» и заверяет их, что, мол, все устроится и для всех наступит новая и лучшая жизнь.

Но движение медиевистов разрастается вместе с усилением процесса деклассирования. Люди приходят в отчаяние, а тогда очень легко перешагнуть границу между горьким разочарованием и диким буйством.

Вот и сейчас... Кто знает, может, считанные минуты отделяют сдерживаемую враждебность толпы от кровопролития и неистового мятежа.

Бейли отчаянно протискивался к силовому барьеру.

ГЛАВА III

Происшествие у обувного прилавка

Внутри магазина было значительно просторнее, чем снаружи. Директор с похвальной предусмотрительностью вовремя опустил перед дверью силовой защитный барьер, не дав тем самым потенциальным смутьянам проникнуть внутрь. Это позволило также задержать зачинщиков спора, что, впрочем, было не так важно.

Бейли прошел через барьер, открыв его офицерским нейтрализатором. К его удивлению, у Р. Дэниела тоже оказался такой нейтрализатор, только меньших размеров и более аккуратно выполненный, чем обычный полицейский образец.

К ним тотчас же подбежал директор.

— Господа полицейские, продавцов мне прислали городские власти,— начал он громким голосом,— и я не допускал никаких нарушений.

В глубине зала вытянулись в струнку три робота. У самого выхода стояла группа взволнованных женщин.

— Спокойно, пожалуйста,— сказал Бейли сухо.— Что здесь происходит? Что за шум?

— Я хотела купить туфли,— взвизгнула одна из женщин.— Почему меня не может обслужить нормальный продавец? Что, я выгляжу хуже других?

Ее одежда, в особенности шляпка, выглядели достаточно вызывающе, чтобы оставить этот вопрос без ответа. Женщина покраснела от злости, и теперь на ее лице были видны следы обильного грима.

— Если нужно, я сам ее обслужу,— вмешался директор,— но не могу же я заниматься всеми сразу. С моими людьми все в порядке. Они зарегистрированы в качестве продавцов. У меня их свидетельства и гарантийные талоны...

— «Талоны»! — возмутилась женщина и, злобно рассмеявшись, повернулась к остальным покупательницам.— Подумать только: он называет их людьми! Да в своем ли он уме? Не люди они. Они ро-бо-ты! — Она протянула это слово.— Вам должно быть известно, чем они занимаются. Если нет — я вам скажу. Они отнимают у людей работу. Вот почему правительство защищает их. Хочет проехаться на дармовщинку! А наши семьи пусть живут в бараках и питаются дрожжевой похлебкой! Это мы-то, рабочий люд! Будь я хозяином, мы бы живо покончили со всеми этими роботами. Уж это точно!

Ее вразнобой поддержали остальные; снаружи нарастал гул толпы.

Бейли буквально физически ощущал присутствие стоявшего рядом с ним Р. Дэниела Оливо. Он взглянул на продавцов. Этих роботов изготовили на Земле, причем это были далеко не самые дорогие модели. Они предназначались для относительно несложной работы: они разбирались в стилях обуви, знали цены и размеры, ориентировались в колебаниях цен на бирже и делали это лучше людей, так как, не извлекая выгоды для себя, они могли составлять заказ на следующую неделю и, если нужно, снять мерку с ноги покупателя.

Сами по себе они безобидны. В массе — чрезвычайно опасны.

Сейчас Бейли сочувствовал женщине гораздо больше, чем мог бы сочувствовать вчера. Нет, даже два часа назад. Он ощущал присутствие Р. Дэниела, и его не покидала мысль о том, что этот высокоорганизованный робот может заменить его, рядового детектива класса С-5. Перед его глазами возникали бараки, он ощущал вкус дрожжевой похлебки, он вспоминал своего отца.

Его отец был ядерным физиком и по своему классу принадлежал к высшему обществу города. На энергостанции произошел несчастный случай, и в этом обвинили его и деклассировали. Бейли не знал всех деталей: ему был всего год, когда это случилось.

Но он помнил бараки своего детства, тяжкое, почти невыносимое существование. Свою мать он почти не помнил: она не долго прожила после этого. Отец хорошо сохранился у него в памяти: изможденный и мрачный человек, который иногда рассказывал о прошлом хриплым, отрывистым голосом.

Отец умер, все еще деклассированный, когда Лайджу исполнилось восемь лет. Маленького Бейли и двух его сестер перевели в сиротский приют их сектора. Так называемый «детский горизонт». Брат его матери, дядя Борис, был сам слишком беден, чтобы помешать этому.

Жизнь была по-прежнему трудной. Не легче приходилось и в школе, так как он не унаследовал от отца никаких привилегий.

И вот теперь ему приходится умирять людей, которые, в сущности, лишь боятся деклассирования, так же как боятся его он сам.

Бесцветным голосом он обратился к первой женщине:

— Не надо скандалить, мадам. Продавцы ничего дурного вам не сделали.

— Конечно, не сделали, — взвизгнула женщина, — я сделать не посмею! Думаете, я позволю их холодным, жирным пальцам коснуться меня? Как бы не так! Я живой человек и желаю иметь дело только с людьми. А потом, слушайте, у меня двое детей, и я не хочу, чтобы они ужинали без меня в столовой, как сироты. Выпустите меня отсюда.

— Ну, хватит! — сказал Бейли, начиная терять тер-

пение.— Если бы вы дали себя обслужить, то давно были бы дома. Вам просто хочется поскандалить. Ну, давайте быстро.

— Как так?! — с испугом воскликнула женщина.— Я не позволю со мной так разговаривать. Я вам не грязь под ногами. Пора бы правительству смекнуть, что, кроме роботов, на Земле есть люди! Я простая рабочая женщина, и у меня есть права...— Она уже не могла остановиться.

Бейли почувствовал себя в ловушке. Положение становилось критическим. Если даже скандалистка согласится, чтобы ее обслужили, то от толпы снаружи так просто не отделаешься. За те несколько минут, что Бейли находился в магазине, она почти удвоилась, и сейчас у витрин собралось человек сто, не меньше.

— Как обычно поступают в подобных случаях? — внезапно обратился к нему Дэниел Оливо.

Бейли едва не подпрыгнул от удивления.

— Во-первых, случай весьма необычный,— начал он.

— Что говорит закон?

— Роботы находятся здесь в соответствии с установленным порядком. Они зарегистрированы, и нарушений закона не допущено.

Они переговаривались шепотом. Бейли напустил на себя важный и грозный вид. Лицо Оливо, как всегда, ничего не выражало.

— В таком случае прикажите женщине дать себя обслужить или уйти,— предложил он.

Бейли слегка скривился:

— Нам придется иметь дело с толпой, а не с женщиной. Надо, видимо, вызвать полицейский патруль.

— Граждане должны беспрекословно повиноваться даже одному представителю закона,— ответил на это Оливо и, повернув к директору свое широкое лицо, сказал: — Откройте силовой барьер, сэр.

Бейли схватил было его за плечо, но вовремя остановился. Открытая ссора между ними лишит их последнего шанса утрясти инцидент мирным путем.

Директор возразил и посмотрел на Бейли. Тот избегал его взгляда.

Р. Дэниел повторил своим бесцветным голосом:

— Я приказываю вам именем закона.

— Городу придется отвечать за порчу товаров и оборудования,— пролепетал хозяин магазина.— Официально заявляю, что делаю я это по вашему приказу.

Защитный барьер опустился, и в зал набилось много народу. Толпа издала победный рев.

Бейли слышал о подобных беспорядках и даже был свидетелем одного из них. Он видел, как десятки рук хватались за тяжелые и покорные тела роботов, с трудом поднимали их и передавали из рук в руки, разрывая на куски это металлическое подобие людей. В ход шли молотки, силовые ножи, игольчатые пистолеты, и в результате роботы превращались в груды изуродованного металла и запутанных проводов. Дорогостоящий позитронный мозг — венец творения человеческого ума — перебрасывали подобно мячу и в мгновение ока приводили в негодность. Обычно после такого веселого начала толпа принималась крушить и громить все вокруг, пока не насытит ее страсть к разрушению.

Роботы-продавцы, конечно, не могли знать всего этого, но и они при виде хлынувших в магазин людей пронзительно закричали и испуганно прикрыли лица руками, как бы пытаясь спрятаться. А женщина, затеявшая все это и не ожидавшая подобного поворота событий, лишь растерянно бормотала: «Что ж это такое? Что ж это такое?» Ее шляпка сбилась набок, и она лишь издавала какие-то нечленораздельные звуки.

— Остановите их, инспектор. Остановите их! — умолял хозяин.

Тут заговорил Р. Дэниел. Не прилагая видимых усилий, он перекрыл шум множества людских голосов.

«Конечно же,— в десятый раз подумал Бейли,— ведь он не...»

— Еще один шаг вперед, и я открою огонь! — сказал Р. Дэниел.

— Бей его! — крикнул кто-то из самых задних рядов, но на мгновение все застыли на месте.

Р. Дэниел тем временем легко вскочил на стул, а оттуда перебрался на транстексовую витрину. Холодный флуоресцирующий свет, струившийся сквозь полосы тонкой поляризованной молекулярной пленки, падал на его бесстрастное, гладкое лицо и придавал ему какой-то неземной вид.



*При виде хлынувших в магазин людей роботы пронзительно
закричали...*

«Неземной, еще бы», — подумал Бейли.

Никто не двигался с места, а Р. Дэниел ждал со спокойным, но грозным видом.

— Вы говорите себе, — решительно произнес Р. Дэниел. — «У него в руке нейтронная плеть или «щекоталка», и если мы все бросимся на него, то пострадают один или двое, да и те потом придут в себя. А мы тем временем разнесем здесь все, и пусть летят в космос закон и порядок». — Голос его не был ни суровым, ни злым, а авторитетным и уверенным. Он продолжал: — Вы ошибаетесь. У меня бластер, притом весьма мощный. Я им воспользуюсь и не стану целить поверх голов. Пока вы до меня доберетесь, я поражу многих, а может быть, большинство из вас. Я говорю серьезно.

Где-то в задних рядах произошло движение, но толпа больше не росла. Кое-кто еще останавливался из любопытства, но у дверей толпа значительно поредела. Передние стояли, затаив дыхание и отчаянно стараясь выдержать напор сзади.

Напряженную тишину прервали вопли женщины в шляпке:

— Он убьет нас! Я не виновата! Выпустите меня отсюда!.. — Она обернулась и оказалась лицом к лицу с плотной стеной набившихся в помещение мужчин и женщин. Она упала на колени.

Движение к выходу усилилось еще больше.

Р. Дэниел соскочил с витрины и сказал:

— Сейчас я пройду к выходу. Я уничтожу любого, кто прикоснется ко мне. Когда я дойду до двери, то застрелю любого, кто сунется не в свое дело. Что касается этой женщины...

— Нет, нет, — раздался ее пронзительный голос, — я уже сказала: я не виновата, мне не нужно никаких туфель! Мне нужно скорее домой...

— Эта женщина, — продолжал Р. Дэниел, — останется здесь, пока ее не обслужат.

Он сделал шаг вперед. Толпа молча смотрела на него. Бейли закрыл глаза. «Я здесь ни при чем, — думал он в отчаянии. — Сейчас совершится убийство, и произойдет нечто непоправимое...» Но ведь ему навязали в партнеры работа. Роботу дали равные с ним права.

Нет, это не оправдание. Это ясно. Он мог остановить

Р. Дэниела в самом начале. Он мог вызвать полицейскую машину раньше. Вместо всего этого он разрешил Дэниелу действовать самостоятельно, а сам почувствовал трусливое облегчение. Когда же он признался себе, что просто-напросто в данной ситуации личность Р. Дэниела взяла верх, то стал противен самому себе. Р о б о т взял верх...

В магазине было тихо — ни криков, ни проклятий, ни стонов, ни жалоб. Он открыл глаза.

Толпа расходилась.

Хозяин магазина понемногу приходил в себя; он поправлял сбившийся пиджак, приглаживал волосы и посылал угрозы по адресу бунтовщиков.

Снаружи донеслось характерное завывание сирены полицейской машины. «Как всегда, к шапочному разбору», — подумал Бейли.

Хозяин дернул его за рукав:

— Давайте уладим это дело, инспектор.

— Да уж все улажено, — сказал Бейли.

Отделаться от полицейских было нетрудно. Они были, чтобы рассеять собравшуюся на улице толпу. Полицейские не знали, что здесь произошло, а к их приезду улица уже очистилась. Р. Дэниел с безразличным видом отошел в сторону, а Бейли представил им происшедший инцидент как весьма незначительный и совершенно не упомянул об участии в нем Р. Дэниела.

Потом Бейли подвел Р. Дэниела к железобетонной башне какого-то здания.

— Слушайте, — сказал он ему, — я вовсе не стараюсь отбивать у вас хлеб, понятно.

— Отбивать у меня хлеб? Что это значит?

— Я не сообщил о вашем участии.

— Мне не знакомы все ваши обычаи. В нашем мире положено давать полный отчет, у вас, возможно, это не так. Во всяком случае, беспорядки предотвращены, а это самое главное, не так ли?

— Не совсем. Выслушайте меня... — Вынужденный говорить злым шепотом, Бейли тем не менее старался придать своим словам как можно больше убедительности. — Никогда больше не делайте этого.

— Никогда не настаивать на соблюдении закона? В чем же тогда моя задача?

— Никогда не угрожайте человеку бластером.

— Я бы не выстрелил ни при каких обстоятельствах, Илайдж, и вы это прекрасно знаете. Я не могу причинить вреда человеку. Но, как вы убедились сами, мне и не пришлось стрелять. И я знал, что так и будет.

— Вам просто здорово повезло, что не пришлось стрелять. Никогда больше не рискуйте. Я сам мог пустить им пыль в глаза.

— Пыль в глаза? Зачем?

— Неважно. Поймите суть того, что я вам втолковываю. Я бы и сам мог пригрозить им бластером. Тем более, что он у меня всегда с собой. Однако ни мне, ни вам нельзя ввязываться в подобные авантюры. Гораздо безопаснее вызвать машину, чем проявлять героизм в одиночку.

Р. Дэниел задумался. Он покачал головой.

— Мне кажется, вы ошибаетесь, Илайдж. Меня формировали о том, что, кроме всего прочего, землян, в отличие от жителей Внешних Миров, с детства приучают подчиняться авторитетам. По-видимому, это результат вашего образа жизни. Как вы убедились, одного решительного человека оказалось вполне достаточно. А то, что вы вызвали полицейскую машину, было в действительности лишь выражением вашего почти инстинктивного желания переложить ответственность на другого. Должен признаться, в нашем мире мой поступок не нашел бы себе оправдания.

Лицо Бейли покраснело от гнева.

— Если бы они узнали, что вы робот...

— Я был уверен, что не узнают.

— Во всяком случае, не забывайте, что вы все-таки робот. Робот, и ничего больше. Простой робот. Как те, что стоят у прилавка.

— Совершенно верно.

— И что вы не человеческое существо.— Бейли никак не мог совладать с охватившей его злостью.

Р. Дэниел, казалось, задумался над этими словами.

— Разница между человеком и роботом,— наконец сказал он,— вероятно, не так важна, как разница между интеллектом и отсутствием интеллекта.

— Возможно, в вашем мире,— сказал Бейли,— но не на Земле.

Он взглянул на часы и с ужасом убедился, что опаздывает на час с четвертью. У него пересохло в горле при мысли, что Р. Дэниел выиграл первый раунд, выиграл, в то время как он сам оказался совершенно беспомощным.

Он вспомнил об этом юноше, Винсе Бэррете, которого заменил Р. Сэмми. Подумал о себе, Илайдже Бейли, которого может заменить Р. Дэниел. Отца, по крайней мере, выбросили из-за несчастного случая, из-за того, что погибли люди. Может быть, отец и был виновен,— Бейли этого не знает. Но с другой стороны, его могли выдворить, чтобы освободить место для физика-робота. Может быть, и так. И тут ничего не поделаешь.

— Пойдемте,— сказал он сухо.— Я должен отвезти вас к себе.

— Понимаете, проводя сравнение, следует исходить лишь из наличия интел...— начал было Р. Дэниел.

Бейли повысил голос:

— Довольно. С этим покончено. Нас ждет Джесси.— И он направился к ближайшей межсекторной переговорной трубке.— Мне надо предупредить ее, что мы сейчас поднимемся.

— Джесси?

— Да, мою жену.

«О боже,— подумал Бейли,— настроение у меня как раз для Джесси!»

ГЛАВА IV

Знакомство с семьей детектива

Илайдж Бейли сначала обратил на нее внимание только из-за ее имени. Он познакомился с Джесси у чаши с пуншем во время рождественского вечера их сектора еще в ...02 году. Бейли лишь недавно окончил учебу, недавно получил назначение в городскую администрацию и недавно переехал в этот сектор. Он занимает один из альковов для холостяков в общежитии 122 А. Неплохое жилище для холостяка.

— Меня зовут Джесси,— сказала она, угощая его пуншем.— Джесси Наводны. Я с вами не знакома.

— Бейли,— ответил он.— Лайдж Бейли. Я только только поселился в этом секторе.

Он взял рюмку и вежливо улыбнулся. Ему понравился ее веселый нрав и приветливость, так что он решил держаться к ней поближе. Он никого здесь не знал, а когда не можешь принять участия в общем веселье, тобой поневоле овладевает чувство одиночества. Быть может, потом алкоголь сделает свое дело и станет веселее.

А пока он не отходил от чаши с пуншем и смотрел по сторонам, задумчиво потягивая напиток.

— Я помогала готовить пунш.— Голос девушки вывел его из задумчивости.— Так что рекомендую попробовать еще. Хотите?

Оказалось, что его маленькая рюмка пуста. Он улыбнулся и сказал:

— Да.

Овальное лицо девушки можно было бы назвать красивым, если бы не чуть-чуть великоватый нос. На ней было скромное платье. Ее светло-каштановые волосы колечками падали на лоб.

Она выпила с ним следующую рюмку, и ему стало лучше.

— Джесси...— Он с удовольствием, будто смакуя, произнес ее имя.— Хорошее имя. Вы не против, если я буду обращаться к вам по имени?

— Конечно, нет. Пожалуйста. А вы знаете мое полное имя?

— Джессика?

— Ни за что не догадаетесь.

— Больше я ничего не могу придумать.

Она рассмеялась и сказала лукаво:

— Мое полное имя — Джезебел.

Вот тут-то он по-настоящему заинтересовался ею. Он поставил свою рюмку и сдержанно сказал:

— Не может быть.

— Честное слово. Я не шучу. Джезебел. Во всех моих бумагах стоит именно это имя. Моим родителям нравилось, что оно такое звучное.

Она явно гордилась своим именем, хотя едва ли во всем мире найдется менее подходящая Джезебел.

— Вы знаете, а меня зовут Илайдж,— серьезно сказал он.— То есть это мое полное имя.

Это не произвело на нее впечатления.

— Илайдж, по библии — Илия, был злейшим врагом Джезебел-Иезавели, — сказал он.

— Правда?

— Конечно.

— Вот как? А я и не знала. До чего интересно!.. Но ведь это же не значит, что в жизни вы тоже должны стать моим врагом.

Это было исключено с самого начала. Сперва благодаря именно такому совпадению она перестала быть для него просто милой разливающей пуща. А потом оказалось, что она и жизнерадостна, и добра, и, наконец, даже миловидна. Особенно ему пришелся по душе ее веселый нрав. Его собственный скептицизм нуждался в противоядии.

А Джесси, по-видимому, ничего не имела против его серьезного, вытянутого лица.

— О боже, — говорила она, — а вдруг ты и в самом деле ужасно нудный? Нет, не может быть. И вообще если бы ты вечно улыбался, как заводной, вроде меня, на двоих этого было бы слишком много. Оставайся самим собой, Лайдж, и не давай мне слишком отрываться от земли.

Она же помогала Лайджу Бейли держаться на поверхности. Он подал заявление на небольшую квартиру для новобрачных и получил разрешение въехать в нее после женитьбы. Он показал ей ордер и сказал:

— Хочешь устроить так, чтобы я выехал из общежития, Джесси? Мне там не нравится.

Это было далеко не самое романтическое предложение в мире, но Джесси оно пришлось по душе.

Бейли припоминает только один случай, когда присущая Джесси веселость начисто изменила ей, и это тоже было связано с ее именем. Это произошло на первом году их совместной жизни, еще до рождения ребенка. «Быть может, — вспоминал Бейли, — она стала такой раздражительной, потому что ждала Бентли?»

У нее портилось настроение оттого, что Бейли постоянно задерживался на работе.

— Мне неудобно каждый вечер ходить одной в столовую, — сказала однажды она ему.

Бейли устал и был не в духе

— С чего бы это? — сказал он. — Там ведь немало интересных холостяков.

Тут уж она вскипела:

— Уж не думаешь ли ты, что я не способна нравиться мужчинам, Лайдж Бейли?

Возможно, это случилось только потому, что он устал; возможно, потому, что его соученик Джулиус Эндербн обошел его еще на одну ступеньку по служебной лестнице. А может быть, ему просто надоело смотреть, как она подделывается под свое имя, хотя у нее нет ни малейшего сходства с Иезавелью.

Во всяком случае, он едко заметил:

— Конечно, способна, но вряд ли станешь это делать. И вообще забудь-ка ты свое имя и оставайся сама собой.

— Это уж мое дело.

— Это ни к чему не приведет. И если хочешь знать, она вовсе не была такой, как ты думаешь. Библейская Джезебел старалась быть верной и хорошей женой и вообще не позволяла себе лишнего.

Джесси сердито посмотрела на него:

— Ничего подобного. О ней говорят «нарумяненная Джезебел». Я знаю, что это значит.

— Тебе это только кажется. Вот послушай. Когда муж Иезавели, царь Ахав, умер, царем стал ее сын. Один из его военачальников восстал против него, убил его и отправился в Изреель, где жила старая царица. Она узнала об этом и поняла, что он хочет убить ее тоже. В своей гордыне и отваге она нарумянила лицо и оделась в свои лучшие одежды, чтобы встретить его как подобает надменной и непокорной царице. Он приказал выбросить ее из окна дворца, и она погибла; по-моему, она умерла достойно. Именно это и имеют в виду люди, когда говорят «нарумяненная Джезебел», — знают ее историю или нет.

На следующий вечер Джесси негромко сказала:

— Я читала библию, Лайдж.

— Что? — Бейли даже не сразу понял, о чем идет речь.

— Те места, где говорится о Джезебел.

— О Джесси! Извини, если я тебя обидел. Я поступил, как мальчишка.

— Нет, нет.— Она не дала ему обнять себя и со строгим видом села на кушетку поодаль от него.— Я теперь знаю всю правду и не желаю, чтобы меня дурачили. Поэтому я и прочитала о ней. Все-таки она была испорченной женщиной, Лайдж.

— Понимаешь, эти главы написаны ее недругами. Мы не знаем ее версии.

— Она убила всех пророков господа, какие попались ей в руки.

— Ей это приписывают.— Бейли полез в карман за жевательной резинкой. (Несколько лет спустя он оставил эту привычку, потому что Джесси сказала, что с его длинным лицом и грустными карими глазами он напоминает старую корову, жующую неприятную жвачку, которую она не может проглотить, но и не хочет выплюнуть.) — А если хочешь знать ее версию, то я могу кое-что тебе рассказать. Она уважала религию своих предков, которые жили на этой земле еще задолго до прихода иудеев. У иудеев был свой бог, больше того — это был особый, единственный бог. Они хотели, чтобы ему поклонялись все без исключения.

Джезебел была консервативной по натуре и придерживалась старой веры. В конце концов, если новая вера отличалась более высокой моралью, старая приносила ей большее эмоциональное удовлетворение. Тот факт, что она истребила пророков, лишь подтверждает, что она была детищем своего времени. В те дни именно таким способом и обращали в свою веру. Если ты читала «Книгу царств», то должна помнить, что Илия — по-нашему Илайдж (на этот раз мой тезка) — состязался с восемьюстами пятьюдесятью пророками Ваала в том, кто сумеет вызвать небесный огонь. Илайдж победил и тут же приказал толпе убить восемьсот пятьдесят ваалитов. Что и было сделано.

Джесси прикусила губу.

— Как насчет виноградника Навуфея, Лайдж? Жил себе этот Навуфей, никого не трогал, а лишь отказался продать царю свой виноградник. Тогда Джезебел устроила так, что люди нарушили клятву и обвинили Навуфея в богохульстве или еще в чем-то.

— Кажется, он «хулил бога и царя», — заметил Бейли.

— Да. Поэтому его казнили и конфисковали его имущество.

— Они поступили несправедливо. В наше время с Навуфеем было бы легко справиться. Если бы городу понадобилась его собственность и даже если бы это случилось в медиевальные времена, суд приказал бы ему освободить ее, а то и применил бы силу и уплатил бы ему разумную сумму. У царя Ахава не было другого выхода. И все же решение Джезебел было неверным. Ее единственное оправдание в том, что Ахав был тогда ужасно расстроен, и ей казалось, что ее любовь к мужу важнее благополучия Навуфея. Так вот я и говорю, она была образцом преданной же...

Джесси рванулась от него, покрасневшая и рассерженная.

— Ты просто низкий и вредный человек.

Он посмотрел на нее в полном недоумении:

— Что я такого сделал? Что с тобой?

Она ушла, не сказав ни слова, и весь вечер до поздней ночи провела в субэтерных видеозалах, в раздражении переходя из зала в зал и расходуя свою двухмесячную норму (а кстати, и норму мужа).

Когда Джесси вернулась домой, Бейли все еще не спал, но она не стала с ним разговаривать.

Позднее, гораздо позднее Бейли сообразил, что он нанес ей сокрушительный удар. Ей прежде казалось, что ее имя таит в себе что-то интригующе порочное. Оно было как бы приятным вознаграждением за ее чопорное, слишком уж респектабельное прошлое. Оно несло в себе аромат безнравственности, и Джесси его обожала.

Но этому пришел конец. Она больше никогда не называла себя полным именем ни Лайджу, ни своим друзьям, ни, как он догадывался, даже самой себе. Ее звали Джесси, и она стала подписываться этим именем.

Через несколько дней она снова начала разговаривать с ним, а неделю спустя между ними установились прежние отношения. И как бы они потом ни ссорились, они никогда не касались этого большого места.

Только однажды, да и то косвенным образом, об этом зашла речь. Джесси скоро должна была стать матерью. Она оставила свое место помощника диетолога в столовой А-23 их сектора и от вынужденного безделья

развлекалась тем, что занималась приготовлениями к рождению ребенка.

Как-то вечером она сказала:

— А как насчет Бентли?

— Прости, дорогая, не понял? — Бейли оторвался от работы, которую взял на дом. (Если учесть, что скоро появится еще один рот, и что Джесси перестала получать жалование, и что перспектива его выдвижения на административный пост остается, как всегда, неопределенной, лишняя работа на дому не помешает.)

— Ну, если ребенок окажется мальчиком... Тебе нравится имя «Бентли»?

Бейли скорчил недовольную мину:

— Бентли Бейли? Не слишком ли похоже друг на друга?

— Не думаю. Мне кажется, в нем что-то есть. И потом, мальчик, когда подрастет, подберет себе второе имя на свой вкус.

— Ну что ж, я не возражаю.

— Ты серьезно? То есть... Может, ты хочешь, чтоб его звали Илайдж?

— Илайдж-младший? По-моему, это не очень удачная мысль. Если захочет, он может назвать так своего сына.

— Дело вот в чем...— начала Джесси и остановилась.

После короткой паузы он спросил:

— В чем?

Она словно избегала его взгляда, но все же достаточно твердо сказала:

— «Бентли» ведь не библейское имя, верно?

— Нет, не библейское,— ответил Бейли.— Я в этом вполне уверен.

— Тогда прекрасно. Хватит с меня всяких библейских имен.

Они больше никогда к этому не возвращались с того самого времени и до дня, когда Илайдж Бейли появился дома с роботом Дэниелом Оливо.

Бейли остановился у большой двойной двери, на которой светилась крупная надпись: «ТУАЛЕТНЫЙ БЛОК — МУЖЧИНЫ». Буквами поменьше было написано: «Секции IА—IЕ». А над замочной скважиной

стояла мелкая надпись: «В случае потери ключа немедленно сообщите по № 27—101—51».

Мимо них проскользнул мужчина, вставил в замочную скважину алюминиевую пластинку и вошел внутрь. Он закрыл за собой дверь, даже не сделав попытки придержать ее для Бейли. Поступи он иначе, Бейли воспринял бы это как серьезное оскорбление. По прочной традиции мужчины совершенно игнорировали присутствие друг друга внутри или в непосредственной близости от туалетных.

Джесси как-то сказала, что в женских туалетных делах обстоит совсем по-другому.

Она, бывало, говорит: «Встретила в туалетной Джозефину Грили, а та и говорит...»

Один из недостатков прогресса проявился в том, что, когда семья Бейли получила разрешение на установку небольшого умывальника в своей спальне, от этого пострадала светская жизнь Джесси.

Бейли сказал, не сумев скрыть свое смущение:

— Пожалуйста, подождите здесь, Дэниел.

— Вы будете умываться? — спросил Р. Дэниел.

Бейли недовольно поежился и подумал: «Чертов робот! Уж если его напичкали сведениями о нашем стальном колпаке, то почему не научили манерам? Ведь мне отвечать, если он обратится к кому-нибудь с чем-то подобным».

— Я приму душ, — сказал он. — Вечером будет слишком много народу. Я только потеряю время. Если я сделаю это сейчас, весь вечер у нас будет свободным.

Лицо Р. Дэниела не меняло своего спокойного выражения.

— По вашим обычаям, я должен ждать снаружи?

Бейли смутился еще больше.

— Но ведь вам там нечего делать...

— О, я вас понял. Да, конечно. Однако, Илайдж, мои руки тоже становятся грязными, и я хочу вымыть их.

Он протянул ему руки ладонями кверху. Они были розоватого цвета, полные, совсем как у человека. Они могли служить образцом безупречного и тонкого мастерства и были чистыми ровно настолько, насколько необходимо.

— Между прочим, у нас дома есть умывальник,— заметил Бейли небрежно. Снобизм все равно не дойдет до работа.

— Благодарю вас за любезность. Но все-таки я предпочел бы воспользоваться этим местом. Поскольку мне предстоит жить среди вас, жителей Земли, будет лучше, если я усвою как можно больше ваших обычаев и привычек.

— Тогда пойдемте.

Внутри было светло и радостно, в отличие от серого утилитаризма большинства других частей города, но сейчас Бейли не обратил на это внимания.

Он прошептал Р. Дэниелу:

— Я провожусь около получаса. Подождите меня.— Он отошел, но затем вернулся и добавил: — Слушайте, ни с кем не разговаривайте и ни на кого не смотрите. Ни слова, ни взгляда! Таков обычай.

Бейли быстро огляделся вокруг, чтобы убедиться, что никто не заметил этот короткий монолог и что на него не устремлены шокированные взгляды. К счастью, в вестибюле никого не было, и потом, это же только вестибюль, в конце концов.

Испытывая какое-то неприятное чувство, он быстро прошел мимо общих залов к индивидуальным кабинам. Прошло уже пять лет с тех пор, как он пользуется этим благом — просторной комнатой с душем, небольшой прачечной и другими удобствами. Здесь даже есть небольшой проектор, который можно настроить на передачу киноновостей.

— Дом вне дома,— пошутил он, когда впервые увидел эту кабину.

Сейчас он часто задумывался, трудно ли было бы ему вновь привыкнуть к спартанским условиям общих залов, если бы он вдруг лишился привилегии пользоваться кабиной.

Он нажал кнопку прачечной, и гладкая поверхность счетчика засветилась.

Р. Дэниел терпеливо ждал, когда Бейли возвратился чисто вымытый и в свежей сорочке; сейчас он чувствовал себя гораздо бодрее.

— Все в порядке? — спросил Бейли, как только они вышли наружу и уже могли разговаривать.

— В полном порядке, Илайдж,— ответил Р. Дэниел.
...Джесси встретила их у двери, натянуто улыбаясь. Бейли поцеловал ее и неуверенно произнес:

— Джесси, это мой новый напарник — Дэниел Оливо. Джесси протянула руку, и Р. Дэниел подержал ее и отпустил. Затем она повернулась к мужу и, робко взглянув на Дэниела, сказала:

— Присядьте, пожалуйста, мистер Оливо. Мне нужно поговорить с мужем о семейных делах. Это займет не больше минуты. Надеюсь, вы не обидитесь?

Она потянула Бейли за рукав в соседнюю комнату.

— Ты не пострадал, Лайдж? — прошептала она торопливо.— Я так волновалась после этого ужасного сообщения...

— Какого сообщения?

— По радио, час назад. О скандале в обувном магазине. Передавали, что два детектива их утихомирили. Я знала, что ты идешь домой со своим напарником, а это произошло совсем рядом с нами и как раз в то время, когда ты должен был там проходить, и я подумала, что все гораздо серьезнее, чем сообщили, и что...

— Успокойся, Джесси. Ты же видишь, я в полном порядке.

Ей с трудом удалось овладеть собой, и она спросила, все еще нервничая:

— А он из твоего отдела?

— Нет,— ответил Бейли, смутившись.— Он... не из наших.

— Как его принимать?

— Да как всех. Он — мой напарник, вот и все.

Он сказал это так нерешительно, что Джесси настояжилась снова.

— Что-нибудь случилось?

— Да нет же. Хватит, пойдем в гостиную, а то неудобно.

Лайдж Бейли испытывал сейчас какую-то неуверенность относительно своей квартиры. До самого последнего времени он был вполне ею доволен.

Сейчас же, когда гостем Бейли было существо из Внешних Миров, он вдруг засомневался. Квартира казалась ему тесной и неудобной.

— Лайдж, вы с мистером Оливо, наверно, здорово

проголодались? — с наигранной веселостью спросила Джесси.

— Между прочим,— поспешно ответил Бейли,— Дэниел не будет с нами питаться. А я бы перекусить не отказался.

Джесси спокойно восприняла это известие.

При нынешнем жестком контроле над распределением продуктов отказаться от угощения в чужом доме не считалось дурным тоном.

— Надеюсь, вы нас извините, мистер Оливо. Мы с мужем и сыном Бентли обычно ходим обедать в столовую. Это удобнее, да и выбор лучше, и, между нами, порции там побольше, чем дома. Кстати, нам с Лайджем разрешили трижды в неделю питаться дома, если мы захотим, конечно. Лайдж на хорошем счету у себя на работе, и у нас очень прочное положение. Так вот, я подумала, что, если бы вы к нам присоединились, мы бы могли немного попить дома, хотя, признаюсь, я не одобряю тех, кто злоупотребляет своими личными привилегиями. Это просто антиобщественно.

Р. Дэниел вежливо слушал.

Бейли незаметно подавал ей знаки, чтобы она замолчала.

— Джесси, я проголодался,— сказал он.

— Нарушу ли я ваш обычай, миссис Бейли,— обратился Р. Дэниел к Джесси,— если буду называть вас по имени?

— Что вы, конечно, нет.— Джесси опустила скрытый в стене обеденный стол и к углублению в его крышке подключила подогреватель тарелок.— Пожалуйста, э-э... Дэниел, не смущайтесь: зовите меня просто Джесси.— Она захихикала.

Бейли был вне себя от гнева. Положение становится все нелепей. Джесси принимает Р. Дэниела за человека. Он, конечно, будет темой для болтовни в женской туалетной. К тому же лицо у него по-своему интересное, и Джесси польстила его вежливостью. Это сразу видно.

«Интересно,— подумал Бейли,— какое впечатление на Р. Дэниела произвела Джесси?» За восемнадцать лет, что они женаты, она почти не изменилась, так, по крайней мере, казалось ему. Конечно, она пополнила немного, и ее движения утратили девическую порывистость.

В уголках рта появились складки, а щеки потеряли былую свежесть. Прическа стала более строгой, а волосы потемнели.

«А впрочем,— мрачно размышлял Бейли,— все это срунда. На Внешних Мирах женщины выше ростом и такие же стройные и горделивые, как мужчины. Во всяком случае, такими изображают их в книгофильмах, и Р. Дэниел привык, видимо, именно к такому типу женщин».

Как бы то ни было, Р. Дэниел совершенно спокойно отнесся к болтовне Джесси, ее внешности и к тому, что она назвала его по имени.

— Вы уверены, что это правильно? Ведь «Джесси» — это, видимо, уменьшительное имя, и так вас, наверное, зовут только близкие вам люди. Быть может, мне надлежит называть вас полным именем?

Джесси вдруг чересчур сосредоточенно стала вскрывать упаковку их обеденного пайка.

— Ничего,— сказала она отрывисто.— Меня все так зовут. Другого имени у меня нет.

— Очень хорошо, Джесси.

Открылась дверь, и в комнату осторожно вошел мальчик. Его взгляд почти сразу остановился на Р. Дэниеле.

— Папа?..— сказал мальчик неуверенно.

— Это мой сын Бентли,— негромко сказал Бейли.— Это мистер Оливо, Бен.

— Он твой напарник, да, пап? Здравствуйте, мистер Оливо.— Глаза его заблестели от возбуждения.— Слушай, пап, а что произошло в магазине? По радио говорили...

— Сейчас никаких вопросов, Бен! — резко прервал его отец.

Лицо Бентли вытянулось от огорчения, и он посмотрел на Джесси, которая молча указала ему на стул.

— Ты сделал все, что я велела, Бентли? — спросила Джесси, когда мальчик сел за стол.

Она погладила его по голове. У него были такие же темные волосы, как у отца, и роста он будет отцовского, все же остальное у него от нее. То же овальное лицо карие глаза, тот же беспечный нрав.

— Конечно, мама,— ответил Бентли и подался не-

много вперед, чтобы разглядеть, что было в накрытом крышкой блюде, из которого уже поднимался пахучий пар.— Что у нас на обед? Опять зимовил, а, мам?

— А чем плох зимовил? — ответила Джесси и сердито поджала губы.— Ты будешь есть то, что тебе дадут, и, пожалуйста, без разговоров.

Было совершенно ясно, чем их будут кормить. Бейли занял свое место за столом. Он тоже съел бы что-нибудь другое вместо зимовила с его резким запахом и неприятным привкусом. Но у них с Джесси уже был разговор на эту тему.

— Нет, я не могу этого делать, Лайдж,— объясняла она ему.— Я верчусь здесь целый день и не хочу наживать себе врагов. Все наши соседи знают, что я работала помощником диетолога, и стоит мне теперь раз в неделю брать на дом бифштекс или курицу, так начнутся лишние разговоры. Тем более, что многие из наших соседей не имеют права питаться дома даже по воскресеньям. Между прочим, зимовил и протовек не так уж плохи. Это очень питательные вещества и полностью усваиваются организмом. К тому же в них много витаминов, и минеральных солей, да и всего остального, что необходимо человеку. А курицу мы можем есть каждый вторник в столовой.

Бейли легко сдался. Джесси права: самое главное в жизни — избегать трений с людьми, которые со всех сторон окружают тебя. Убедить в этом Бентли было несколько трудней.

— Слушай, мам,— сказал он по этому поводу,— а можно мне одному пойти в столовую по папиному талону? Можно, а, мам?

Джесси раздраженно покачала головой и ответила:

— Ты меня удивляешь, Бентли. Что скажут люди, если увидят, что ты ешь один, будто у тебя нет ни семьи, ни дома?

— А ну их, это их не касается.

— Не смей спорить с мамой, Бентли,— вмешался отец с нотками раздражения в голосе.

Бентли грустно пожал плечами и замолк. В это время с другого конца комнаты донесся голос Р. Дэниела:

— Можно мне посмотреть эти кинофильмы, пока вы едите?

— Конечно! — воскликнул Бентли, вскочив со стула, и его лицо засветилось от интереса. — Это мои книги. Я взял их в библиотеке по специальному разрешению из школы. Сейчас я вам дам фильмоскоп. Он довольно хороший. Папа подарил мне его в прошлом году в день рождения.

Он принес фильмоскоп и спросил:

— Вы интересуетесь роботами, мистер Оливо?

У Бейли из рук выпала ложка, и он наклонился за ней.

— Да, Бентли. Очень интересуюсь.

— Тогда вам понравится. Здесь все о роботах. Я готовлюсь к сочинению на эту тему. А тема довольно сложная, — добавил он солидно. — Я, лично, против роботов.

— Сядь на место, Бентли, — не выдержал Бейли, — и не мешай мистеру Оливо.

— Он мне совершенно не мешает, Илайдж. Я бы очень хотел поговорить с тобой на эту тему, Бентли. К сожалению, сегодня вечером мы с твоим отцом будем очень заняты.

— Спасибо, мистер Оливо.

Бентли уселся за стол и, бросив на мать недовольный взгляд, ковырнул вилкой розовый, рыхлый кусок зимовила.

«Заняты сегодня вечером?» — подумал Бейли.

И тут он вспомнил о своем задании. Он с отвращением подумал о том, что в Космотауне лежит труп космонавта и что, занятый своими собственными делами, он на чисто позабыл о совершенном убийстве.

ГЛАВА V

Анализ убийства

Джесси попрощалась с ними. На ней была вечерняя шляпка и жакет из кератофибра.

— Извините меня, пожалуйста, мистер Оливо, — обратилась она к Р. Дэниелу, — но я знаю, что вам с мужем надо о многом поговорить.

Открыв дверь, она подтолкнула сына вперед.

— Джесси, когда вы вернетесь? — окликнул ее Бейли. Она помолчала.

— А когда нужно вернуться?

— Да как сказать... Допоздна не задерживайся. Приходи, как обычно, не позже двенадцати.

Он вопросительно взглянул на Р. Дэниела. Тот кивнул.

— Извините, что я выживаю вас из дому.

— Ничего подобного, мистер Оливо. Вы вовсе меня не выживаете. Я всегда провожу этот вечер с подругами. Пошли, Бен.

Но мальчик заартачился.

— Мне-то зачем уходить? Я не буду мешать. Правда!

— Перестань, Бен.

— Тогда почему мне нельзя пойти с тобой в этерекс?

— Потому, что я иду со своими друзьями, а у тебя есть другие дела...

Дверь закрылась за ними.

И вот теперь наступил тот момент, который Бейли все старался оттянуть. Вначале он думал: «Сперва познакомлюсь с роботом, посмотрю, что это такое». Потом решил: «Поговорю лучше с ним дома», а дома подумал: «Надо сперва поесть».

Теперь все это позади, и откладывать больше нельзя. Он наконец оказался лицом к лицу с проблемами убийства, межпланетных отношений, возможного повышения по службе или столь же вероятного позора. Но начать расследование он мог, лишь обратившись за помощью к роботу.

Задумавшись, он отбивал ногтями дробь по крышке стола, который не убрали в углубление в стене.

Р. Дэниел прервал молчание:

— Вы уверены, что нас здесь не подслушивают?

Бейли взглянул на него с удивлением.

— Никому в голову не придет подслушивать разговоры в чужой квартире.

— То есть у вас это не принято?

— Конечно, нет, Дэниел. Это все равно, что, ну, скажем, заглядывать в чужую тарелку.

— Или же совершить убийство?

— Что?

— Убивать у вас тоже не принято, так ведь, Илайдж? Бейли начал злиться.

— Слушайте, если хотите быть моим партнером, не напускайте на себя космонитскую спесь. Вам это не под стать, Р. Дэниел.— Он подчеркнуто произнес «Р. Дэниел».

— Простите, если я вас обидел, Илайдж. Я лишь хотел указать, что, поскольку люди вопреки их обычаям способны совершить убийство, они тем более могут заниматься подслушиванием.

— Квартира хорошо изолирована,— ответил Бейли, все еще хмурясь.— Вы ведь не слышите, что происходит у соседей слева и справа от нас? Вот и они нас не слышат. Кроме того, откуда им знать, чем мы собираемся заниматься?

— По-моему, не следует недооценивать противника. Бейли пожал плечами.

— А по-моему, пора приступать к делу. Я располагаю весьма отрывочными сведениями и могу без труда выложить все, что знаю. Мне известно, что человек, по имени Рой Немменни Сартон, гражданин планеты Аврора, житель Космотауна, был убит неизвестным лицом или лицами. Насколько я знаю, космониты не считают это случайным убийством. Я прав?

— Вы совершенно правы, Илайдж.

— Они связывают это с недавними попытками саботировать предложенный космонитами план превращения нас в единое общество людей и роботов, наподобие цивилизаций, существующих на Внешних Мирах, и полагают, что убийство было осуществлено хорошо организованной террористической группой.

— Да.

— Отлично. Тогда для начала предположим, что космониты ошибаются. Почему убийство не может быть делом рук какого-нибудь одинокого фанатика? На Земле многие недовольны роботами, однако нет ни одной партии, которая бы проповедовала насилие подобного рода.

— В открытую — возможно, и нет.

— Даже подпольная организация, цель которой — уничтожение роботов и роботехники,— не пошла бы на такой крайне рискованный шаг, как убийство космонита. Вероятнее всего, это поступок неуравновешенного человека.

Р. Дэниел внимательно слушал.

— «Фанатическая» версия кажется мне маловероятной,— сказал он.— Жертва выбрана тщательно, время для убийства тоже. Ясно, что все было заранее подготовлено организованной группой.

— В таком случае, вам известно больше, чем мне, и зачем играть в прятки!

— Я не знаю этого выражения, но смысл его, кажется, понял. Рассмотрим общую ситуацию. По нашему мнению, отношения между Космотауном и Землей складываются неудовлетворительно.

— Хуже некуда,— проворчал Бейли.

— Мне известно, что при основании Космотауна подразумевалось, что земляне создадут у себя объединенное общество, так хорошо зарекомендовавшее себя на Внешних Мирах. Поэтому нам казалось, что первые вспышки недовольства — это всего лишь проявление страха землян перед чем-то новым, непривычным... Однако,— продолжал Р. Дэниел,— время показало, что это не так. Несмотря на полное содействие Всеземного Правительства и правительств большинства городов, мы наталкивались на постоянное сопротивление, и добиться нам удалось немного. Естественно, нас беспокоит положение на Земле.

— Из чистого альтруизма, я полагаю,— вставил Бейли.

— Не совсем,— ответил Р. Дэниел.— Хотя очень любезно, что вы так хорошо о нас думаете. По нашему убеждению, здоровая и обновленная Земля принесет пользу всей Галактике. По крайней мере, таково мнение жителей Космотауна. Должен, однако, признать, что на Внешних Мирах имеются силы, противостоящие этому.

— Как? Разногласия среди космонитов?

— Разумеется. Кое-кто считает, что обновленная Земля станет опасней и агрессивней. Эту точку зрения разделяют те миры, которые расположены ближе к Земле и где еще хорошо помнят первые несколько столетий межпланетных путешествий, когда они находились в политической и экономической зависимости от Земли.

— Старая песня,— вздохнул Бейли.— Неужто их это в самом деле беспокоит? И когда им надоест попрекать нас тем, что произошло тысячу лет назад?

— Люди устроены по-особому,— заметил Р. Дэни-

ел.— Во многом они не столь разумны, как мы, роботы, поскольку их цепи в меньшей степени запрограммированы. Говорят, что это имеет свои преимущества.

— Может, и имеет,— ответил Бейли сухо.

— Вам лучше знать,— продолжал Р. Дэниел.— Как бы то ни было, наши постоянные неудачи на Земле сплотили ряды противников сближения с вами. Они утверждают, что земляне отличаются от космонитов и поэтому не могут усвоить традиции последних. И если навязать им роботов, говорят они, Галактика окажется в опасности. Они постоянно помнят о том, что население Земли насчитывает восемь миллиардов человек, тогда как число обитателей всех пятидесяти Внешних Миров не превышает пяти с половиной миллиардов. Жители Космотауна, в особенности доктор Сартон...

— Так он был ученым?

— Он был доктором социологии, специализировался в роботехнике. Весьма талантливый человек.

— Ясно. Продолжайте.

— Так вот, доктор Сартон и его сторонники опасались, что наши постоянные неудачи положат конец развитию Космотауна и всему, что с ним связано. Он пришел к выводу, что пора, наконец, постараться понять психологию землян. Говорить об их внутреннем консерватизме, повторять избитые фразы о «неменяющейся Земле» или о «непостижимом уме» землян — значит лишь уклоняться от решения проблемы.

Доктор Сартон считал, что это говорит наше невежество и что ни присказками, ни сновидениями от землян не отделаться. Те космониты, говорил он, которые поставили задачу переделать Землю, должны отказаться от изоляции Космотауна и смешаться с землянами. Они должны жить как земляне, думать, как думают те, быть, как они.

— Космониты? Но это же невозможно! — воскликнул Бейли.

— Вы совершенно правы,— согласился с ним Дэниел.— Несмотря на эту теорию, сам доктор Сартон был не в силах поселиться в городе, и он знал это. Он бы не вынес его громадных размеров и такого скопления людей. Даже если бы под угрозой оружия его и вынудили жить среди вас, внешняя среда так довела бы над ним, что

он никогда бы не проник в сокровенные тайны, которых искал...

— Не забывайте, как космониты трясутся над своим здоровьем,— прервал его Бейли.— Из-за одного этого они побоятся поселиться у нас.

— И это тоже. Внешние Миры не знают, что такое болезнь в земном смысле. А неизвестность всегда пугает. Доктор Сартон понимал все это и тем не менее настаивал на глубоком изучении землян и их образа жизни.

— Похоже, что он сам загнал себя в угол.

— Не совсем. Все эти трудности касаются лишь людей-космонитов. Роботы — совсем другое дело.

«Дьявольщина, все время забываю, что он робот»,— подумал Бейли, а вслух сказал:

— Вот как?

— Да,— ответил Р. Дэниел.— Мы, естественно, более гибки. По крайней мере, в этом отношении. Нас легче приспособить к жизни на Земле. Если внешне робот будет исключительно точной копией человека, земляне примут его и позволят ближе изучить свою жизнь.

— И вот вы...— осенило вдруг Бейли.

— ...и есть такой робот,— подхватил Дэниел.— Целый год доктор Сартон разрабатывал проект и конструкцию новых роботов. Я первый и пока лишь единственный экземпляр. К сожалению, мое образование еще не закончено, так как из-за убийства доктора Сартона меня решили использовать раньше намеченного срока.

— Значит, не все ваши роботы такие, как вы? То есть они все-таки больше походят на роботов, чем на людей?

— Разумеется. Внешний вид робота зависит от его назначения. Именно поэтому я и являюсь точным подобием человека. Другие роботы отличаются от меня, хотя все они имеют человеческий облик. И, уж конечно, они выглядят лучше, чем те невероятно примитивные модели, которые мы встретили в магазине. Неужели все ваши роботы такие?

— Более или менее,— ответил Бейли.— Вам это не нравится?

— Конечно, нет,— сказал Р. Дэниел.— Трудно заставить людей поверить в ум робота, пока внешне он лишь грубая пародия на человека. Разве ваши заводы не могут выпускать лучшие образцы?

— Я уверен, что могут, Дэниел. Но мы предпочитаем знать, когда имеем дело с роботом, а когда нет.

Бейли смотрел робота прямо в глаза. Они были ясными и влажными, как у человека, однако Бейли показалось, что взгляд их был слишком упорным и малоподвижным, в отличие от живого человеческого взгляда.

— Надеюсь, что со временем пойму эту точку зрения,— спокойно сказал Р. Дэниел.

Какое-то мгновение Бейли казалось, что он уловил сарказм в его словах, но тут же отбросил эту нелепую мысль.

— Во всяком случае,— продолжал Р. Дэниел,— доктор Сартон ясно себе представлял, что это одна из проблем C/Fe.

— Це-фе? Что это такое?

— Химические символы, обозначают элементы углерода и железа, Илайдж. Углерод составляет основу человеческой жизни, а железо — жизни робота. Поэтому символами C/Fe легко обозначить культуру, сочетающую в себе лучшие качества обоих на равной, но параллельной основе.

— Це-феррум... Это пишется через черточку или как?

— Нет, Илайдж. Между символами принято проводить диагональную линию. Тем самым предпочтение не отдается ни тому, ни другому, но подчеркивается слияние обоих.

Бейли вдруг спохватился, что с интересом слушает робота. Программа обязательного образования на Земле почти не дает знаний по истории и социологии Внешних Миров после Великого Восстания, давшего им независимость. К тому же дешевые книгофильмы создали свою галерею образов пришельцев из Внешних Миров: промышленного магната, желчного и эксцентричного; его прекрасной наследницы, как правило пораженной чарам одного из землян и находящей утешение от всех невзгод в любви; надменного соперника-космонита, злобно-го и глупого неудачника. Эти романы приносят один только вред, потому что в них искажаются самые очевидные факты. Всем известно, что космониты никогда не появлялись в городах и покуда на Земле еще не высадились ни одна представительница Внешних Миров.

Впервые в своей жизни Бейли почувствовал какое-то

странное любопытство. Как же все-таки живут космопиты?

С трудом он заставил себя вернуться к тому, что занимало сейчас их обоих.

— Кажется, до меня дошло, куда вы клоните,— обратился он к Р. Дэниелу.— Ваш доктор Сартон подошел к проблеме создания на Земле цивилизации C/Fe с новой и обнадеживающей позиции. Наши консерваторы, они еще называют себя медиевистами, забеспокоились. Они перепугались, что ему это удастся. Вот они и убили его. Отсюда и ваша версия об организованном заговоре, а не случайном убийстве. Верно?

— Приблизительно так, Илайдж.

Бейли задумчиво и негромко присвистнул. Его длинные пальцы слегка барабанили по столу.

— Шито белыми нитками,— покачал он головой.

— Простите. Я вас не понял.

— Я пытаюсь представить себе картину убийства. Один из наших идет в Космотаун, находит Сартона, уничтожает его и уходит. Не получается! Ведь вход в Космотаун охраняется.

Р. Дэниел кивнул.

— Я думаю, будет вернее сказать, что в Космотаун невозможно проникнуть через вход незамеченным,— заметил он.

— В таком случае, куда годится ваша теория?

— Она бы не годилась, если в Космотаун из Нью-Йорка можно было проникнуть только через вход.

Бейли задумчиво посмотрел на своего партнера.

— Не понимаю,— наконец сказал он.— Пока что в Космотаун иного пути нет.

— Пути, который соединяет оба города напрямую,— заметил Р. Дэниел и замолчал.— Все еще не понятно?

— Увы, нет.

— Тогда, если вы не обидитесь, я постараюсь объяснить. Не дадите ли вы мне лист бумаги и графер? Благодарю вас. Смотрите, партнер Илайдж. Вот я изобразил большой круг. Это Нью-Йорк. Круг поменьше — Космотаун. В точке их соприкосновения я начертил стрелку. Это — вход. Вы и теперь не видите никакого другого пути? — снова спросил Р. Дэниел.

— Не вижу. Другого пути нет.

— В каком-то смысле я рад, что вы так сказали,— начал Р. Дэниел.— Это совпадает с тем, чему меня учили о земном мышлении. Барьер и проход в нем — единственная *прямая* связь между городами. Но ведь и Нью-Йорк и Космотаун стоят на открытом пространстве. Кто-нибудь из землян мог свободно покинуть город, пересечь открытое пространство и беспрепятственно проникнуть в Космотаун.

Бейли облизал пересохшие губы и переспросил:

— Пересечь открытое пространство?

— Да.

— Пересечь открытое пространство! В одиночку?

— Почему бы и нет?

— Пешком?

— Несомненно. Так меньше всего опасности быть замеченным. Убийство произошло в начале рабочего дня, поэтому переход был осуществлен до рассвета.

— Невероятно! В городе не найдется человека, способного на это. Уйти из города? В одиночку?

— В обычных условиях, возможно, и не нашлось бы. Согласен. Мы, космониты, это знаем. Поэтому охраняется только вход. Даже во время Барьерного бунта земляне атаквали лишь барьер, защищавший вход к нам. Ни один из них не покинул город.

— Ну и что дальше?

— Перед нами необычная ситуация. Мы имеем дело не со стихийным нападением толпы, следующей по линии наименьшего сопротивления. Речь идет о попытке небольшой группы людей нанести удар с таким расчетом, чтобы застать нас врасплох. Вот вам и объяснение, как житель Земли, по вашим словам, мог проникнуть в Космотаун, найти доктора Сартона, убить его и скрыться. Нападение совершено из-за полной беспечности с нашей стороны.

Бейли покачал головой.

— Слишком невероятно. Вы что-нибудь сделали для проверки этой версии?

— Да. Ваш комиссар полиции оказался на месте почти в самый момент убийства...

— Знаю. Он говорил мне.

— Вот, Илайдж, еще один пример того, как тщательно выбрано время убийства. Комиссар в прошлом со-

трудничал с доктором Сартонем. На него-то и рассчитывал доктор Сартон, чтобы начать проникновение в город таких роботов, как я. В то утро он хотел обсудить свои планы с комиссаром. Убийство же приостановило их осуществление. Оттого, что в момент убийства на территории Космотауна находился ваш комиссар полиции, обстановка запуталась еще больше...

Но я отвлекся,— продолжал Р. Дэниел.— Мы сказали вашему комиссару: «Человек, наверное, прошел по открытому пространству». Как и вы, он ответил: «Невозможно» или «Недопустимо». Он, естественно, был очень расстроен, и это, вероятно, помешало ему разглядеть самое главное. Тем не менее мы потребовали от него немедленной проверки этой версии.

Бейли подумал о разбитых очках комиссара и, несмотря на свои мрачные мысли, даже слегка улыбнулся. Бедный Джулиус! Конечно, он был расстроен. Вряд ли он стал делиться своей бедой с высокомерными космонавтами, которые с особенным отвращением относятся ко всяким физическим недостаткам землян, не подвергающихся генетическому отбору. Едва ли он стал ронять перед ними свой престиж, которым он, комиссар полиции Джулиус Эндерби, так дорожил. Да, землянам нужно хоть в чем-то держаться друг друга. Во всяком случае, от Бейли робот никогда не узнает, что комиссар близорук.

Р. Дэниел продолжал:

— Один за другим мы проверили все выходы из города. Знаете, сколько их?

Бейли покачал головой и произнес наугад:

— Двадцать?

— Пятьсот два.

— Не может быть!

— Вначале их было еще больше. А сейчас осталось только пятьсот два. Ваш город меняется медленно, Илайдж. Когда-то он стоял под открытым небом и люди свободно выходили за его пределы.

— Конечно. Я это знаю.

— Потом, когда город накрыли куполом, выходов было довольно много. И сейчас их еще пятьсот два. Остальные застроили или закрыли. Кстати, мы не учитывали площадки для воздушного транспорта.

— Ну и что показала проверка?

— Безднадежно мало. Эти выходы не охраняются. Никто из ваших чиновников не считает это в своей компетенции. Создалось впечатление, что они и не подозревают об их существовании. Поэтому можно выйти и вернуться в город совершенно незамеченным.

— Ну, что еще? Оружие, конечно, исчезло.

— Конечно.

— Какие-нибудь улики?

— Никаких. Мы тщательно обследовали все пространство вокруг Космотауна. Сельскохозяйственные роботы как потенциальные свидетели оказались совершенно бесполезными. Они ведь едва отличаются от машин, а людей там не было.

— Так, так... Что же дальше?

— Не обнаружив ничего у нас, в Космотауне, мы будем продолжать расследование в Нью-Йорке. Сейчас наша задача — обнаружить подрывные организации, если они есть, тщательно проверить всех инакомыслящих...

— Сколько вы собираетесь здесь пробыть? — прервал его Бейли.

— Сколько понадобится. Чем меньше, тем лучше.

— Понятно, — сказал Бейли задумчиво. — Жаль, что вам не дали другого напарника.

— Что вы, — возразил робот, — комиссар высоко отзывался о вашей лояльности и способностях.

— Очень мило с его стороны, — сказал Бейли язвительно.

«Бедный Джулиус, — подумал он, — совесть его мучает, вот он и старается ради меня».

— Но мы не ограничились одним лишь отзывом комиссара, — заметил Р. Дэниел, — и навели справки сами. Вы открыто выступали против использования роботов у вас в отделе.

— Ну и что? Вам это не по вкусу?

— Отнюдь. Вы, видимо, выражали собственное мнение. Однако пришлось тщательно проверить ваш психологический тип. Оказалось, что, несмотря на отвращение к роботам, по долгу службы вы стали бы сотрудничать с одним из них. У вас необычайно высоко развито чувство долга и уважение к законной власти. Это то, что нам нужно. Комиссар Эндерби правильно вас охарактеризовал.

— Вы лично ничего не имеете против моего отношения к роботам?

— Нет, если это не мешает вам работать со мной и помочь мне выполнить задание.

Бейли был обескуражен.

— Ну хорошо, скажем, я прошел тест, а как вы? — спросил он вызывающе. — Почему вы считаетесь детективом?

— Я вас не понимаю.

— Ваше назначение — сбор информации, так ведь? Вы человекоподобная машина, призванная снабжать космонавтов фактами о жизни людей.

— Неплохое начало для расследователя, согласитесь? Быть машиной, накапливающей информацию?

— Для начала, быть может, и неплохо. Но это далеко не все, что нужно детективу.

— К тому же в последний момент мои электронные цепи были перестроены.

— Любопытно узнать, каким образом, Дэниел?

— Очень просто. Моим мотивировочным элементам было задано сильное стремление к справедливости.

— К справедливости! — воскликнул Бейли. Ирония слетела с его лица, уступив место выражению откровенного недоверия.

Р. Дэниел вдруг резко повернулся лицом к двери и сказал:

— Там кто-то есть.

Он не ошибся. Дверь отворилась, и в комнату вошла бледная, с поджатыми губами Джесси.

— В чем дело, Джесси? Что случилось? — забеспокоился Бейли.

— Простите, — тихо ответила Джесси, не глядя мужу в глаза. — Мне пришлось... — Она замолчала.

— Где Бентли?

— Он переночует в Детском зале.

— Как так? Ведь я велел вам вернуться.

— Ты сказал, что твой напарник останется здесь на ночь. Вот я и подумала, что ему понадобится комната Бентли.

— Не понадобится, Джесси, — вмешался Р. Дэниел.

Джесси подняла глаза на Р. Дэниела, всматриваясь ему в лицо.

Бейли углубился в созерцание кончиков своих пальцев, охватываемый предчувствием того, что может сейчас произойти и чего он не в силах предотвратить. Наступила тишина, тяжесть которой он ощущал физически, а затем откуда-то издалека, словно сквозь слой пластика, до него донесся голос жены:

— По-моему, вы — робот, Дэниел.

Спокойным, как всегда, голосом Р. Дэниел ответил:

— Вы правы.

ГЛАВА VI

Шепот в темноте

На самых верхних этажах некоторых богатейших секторов города расположены естественные солярии. Их воздухо непроницаемые кварцевые окна, снабженные металлическими ставнями, пропускают внутрь потоки солнечного света. Здесь загорают жены и дочери самых высокопоставленных чиновников. Здесь каждый вечер происходит необычайное явление.

Здесь наступает ночь.

В остальной части города (включая искусственные солярии, где миллионы горожан, по строгому расписанию, могут изредка подвергаться ультрафиолетовому облучению) смена дня и ночи — понятие весьма условное.

Деловая жизнь города могла бы вестись непрерывно: в три восьмичасовых или четыре шестичасовых смены — и «днем», и «ночью». Время от времени за это ратуют некоторые любители гражданских реформ, ссылаясь на интересы развития экономики и производства.

И каждый раз их идеи отвергаются.

И так уже во имя этой экономики пришлось пожертвовать тем, к чему привыкли люди прежних времен: простором, единым образом жизни и даже отчасти личной свободой. Но эти привычки возникли вместе с цивилизацией — не более десяти тысяч лет назад, тогда как привычке укладываться спать с наступлением ночи столько же лет, сколько самому человеку, — около миллиона, и избавиться от нее не так просто. Хоть самой ночи в городе не видно, ее можно узнать по тому, как гас-

нут в квартирах огни и замедляется ритм жизни. Пусть ни полуденное солнце, ни полночная луна не освещают крытых улиц, все же человечество следует молчаливым указаниям часовой стрелки.

Экспрессы пустеют, затихает шум на улицах, тают толпы людей в громадных провалах между зданиями. Город Нью-Йорк погружается в сон.

Лайджу Бейли не спалось. В комнате было темно, и где-то рядом с ним в кровати притаилась Джесси. По ту сторону стены сидел, стоял, а может, и лежал — терялся в догадках Бейли — Р. Дэниел Оливо.

— Джесси,— прошептал Бейли.— Джесси!

— В чем дело? — Она зашевелилась под простыней.

— Джесси, мне и так трудно, а тут еще ты...

— Мог бы сказать мне.

— Да не мог я! Не знал, как... Слушай, Джесси!

— Ш-ш-ш...

Бейли снова перешел на шепот:

— Как ты догадалась? Скажи.

Джесси повернулась к нему. Он почувствовал направленный на него сквозь темноту взгляд жены.

— Лайдж,— едва слышно выдохнула она,— он может нас услышать? Этот робот?

— Нет, если говорить шепотом.

— Почему знать. Может, его уши различают малейший звук. Эти космнитские роботы способны на всё.

Для Бейли это не секрет. Пропаганда роботехники превозносит чудодейственные свойства космнитских роботов: их неутомимость, совершенство органов чувств, те бесчисленные услуги, которыми они могут осчастливить человечество. Лично он считал, что здесь явно пересолили. Земляне стали еще больше ненавидеть роботов за их превосходство над собой.

— Дэниел не такой,— прошептал он в ответ.— Они нарочно сделали его похожим на человека. Поэтому он и слышит, как человек.

— Откуда ты знаешь?

— Было бы слишком опасно наделять его сверхчеловеческими чувствами: он мог бы случайно себя выдать. Он бы знал и умел слишком много.

— Что ж, возможно.

Опять наступила тишина.

Через минуту Бейли заговорил снова:

— Джесси, это только до тех пор, пока... В общем, прошу тебя, не надо сердиться.

— Сердиться? Ты чудак, Лайдж. Я вовсе не сержусь. Я боюсь. Я перепугалась до смерти.

Она всхлинула и схватилась за ворот его пижамы. Его охватила тревога.

— Не бойся, Джесси. Не волнуйся. Он совершенно безобидный, клянусь тебе.

— А ты не можешь избавиться от него, Лайдж?

— Ты же знаешь, что не могу. Ведь это задание управления. Как можно?

— Какое задание, Лайдж? Расскажи мне.

— Вот тебе и на. Ты меня удивляешь, Джесси.— Он протянул в темноте руку и погладил ее по мокрой от слез щеке. Рукавом пижамы он тщательно вытер ей глаза.— Слушай,— сказал он нежно,— не будь ребенком.

— Пусть поручат это задание кому-нибудь еще. Пожалуйста, Лайдж, попроси их.

Теперь его голос звучал не так нежно:

— Джесси, ты не первый год замужем за полицейским, и пора бы тебе знать, что задание есть задание.

— Да, но почему именно ты?

— Джулиус Эндерби...

— Как это я не сообразила? — прервала она его.— Сказал бы своему Джулиусу Эндерби, чтобы он хоть раз избавил тебя от черной работы. Ты слишком покорный, Лайдж, а сейчас...

— Ну, не надо, не надо, Джесси,— успокаивал он ее. Она замолчала, вся дрожа.

Бейли подумал: «Ей никогда не понять».

С тех пор как они поженились, упоминание о Джулиусе Эндерби всегда вызывало у них споры. Эндерби шел на два года раньше Бейли в Городской административной школе. Они тогда были друзьями. Когда Бейли прошел комплексную проверку на склонности и невроанализ и оказалось, что он годен для службы в полиции, Эндерби опередил его и тут: он был уже зачислен в сыскной отдел.

Бейли шел по стопам Эндерби, но все больше отставал от него. Вообще-то винить в этом некого. У Бейли вполне хватало и способностей, и рвения, но в одном

Эндерби превосходил его. Эндерби был прирожденным руководителем и прекрасно уживался в бюрократическом аппарате.

Комиссар не отличался большим умом, у него были свои странности, например внезапные приступы показного медиевизма. Он был ровен с подчиненными, никого не обижал, спокойно выслушивал приказы сверху и отдавал их сам без нажима, но достаточно твердо. Он даже ладил с космонавтами. Пожалуй, он был слишком подобострастен с ними, но они ему доверяли, и городские власти высоко ценили за это комиссара. (В отношении себя Бейли был уверен, что не вынес бы и полдня общения с ними, хотя фактически ему пока не доводилось по-настоящему разговаривать с космонавтом.)

Поэтому на гражданской службе, где общительность и умение ладить с людьми значат больше, чем личные способности человека, Эндерби быстро сделал карьеру и получил уже звание комиссара, тогда как Бейли застрял в классе С-5. Бейли не завидовал разнице их положения, хотя иногда, как всякий смертный, сетовал на судьбу. Однако Эндерби не забыл их прежней дружбы и старался как мог компенсировать свой успех.

Это задание тому пример. Сотрудничать с роботом нелегко и неприятно. Несомненно, однако, что в задании заложены блестящие возможности.

Комиссар ведь мог дать другому попытаться счастья. Его просьба об одолжении была лишь прозрачным намеком на это.

Но Джесси смотрела на это совсем по-другому. В подобных случаях она, бывало, выговаривала ему: «Это все твоя глупая преданность делу. Мне так надоело слушать, как все превозносят твое чувство долга. Хоть раз о себе подумай. Что-то те, наверху, не очень-то часто вспоминают о своем индексе лояльности».

Бейли лежал с открытыми глазами и ждал, пока она успокоится. Он должен был все обдумать. Проверить свои подозрения. Он перебирал в уме мельчайшие детали, складывая их в пока еще неясную картину.

Он почувствовал, как рядом зашевелилась Джесси.

— Лайдж? — прошептала она ему на ухо.

— Что?

— Может, тебе подать в отставку?

— Не сходи с ума.

— Я серьезно,— зашептала она возбужденно.— Зато ты избавишься от этого ужасного робота. Пойди и скажи Эндерби, что с тебя хватит.

Бейли холодно ответил:

— Я не могу подать в отставку в разгар важного расследования. Я не могу бросить все к черту, когда мне заблагорассудится. За такие штучки могут деклассировать.

— Ну и что? Ты снова пробьешься. Ты ведь можешь, Лайдж. Тебя возьмут в любой отдел.

— Деклассированных за служебные проступки на гражданскую службу снова не принимают. Меня могут поставить только на черную работу, так же, как и тебя. А Бентли потеряет наследуемые привилегии. Ради бога, Джесси, ты даже не знаешь, что это значит.

— Я читала об этом. Я готова на все,— пробормотала она.

— Ты с ума сошла! Ты просто сошла с ума! — Бейли задрожал всем телом. Перед его мысленным взором вспыхнула знакомая картина: его отец. Отец, которого вынужденное безделье привело к смерти.

Джесси тяжело вздохнула.

Бейли в гневе стал думать о другом. Его ум снова стал рисовать картины убийства.

Он сказал сдавленным голосом:

— Джесси, ты должна сказать. Как ты узнала, что Дэниел робот? Как ты догадалась?

— Понимаешь...— начала она и тут же осеклась. В третий раз она пыталась объяснить ему и почему-то не могла.

Он сжал ее руку, принуждая говорить.

— Пожалуйста, Джесси. Что тебя пугает?

— Я просто догадалась, что это робот, Лайдж,— ответила она.

— Ты не могла догадаться, Джесси. Ты не знала, что он робот, до того как ушла. Ну, говори!

— Н-нет, но я стала думать и...

— Продолжай, Джесси. Ну и что?

— Так вот... Понимаешь, приятельницы болтали в туалетной. Ну, ты знаешь, как обычно. Обо всем.

«О, женщины»,— подумал Бейли.

— В общем,— продолжала Джесси,— весь город полон слухов.

— Весь город? — Бейли почувствовал, как от восторга у него подпрыгнуло сердце. Еще одна деталь на месте!

— Во всяком случае, так мне сказали приятельницы. По их словам, в городе скрывается робот космонитов. Его, мол, не отличишь от человека, и он должен работать с нашей полицией. Они даже спросили об этом меня. Смеются и говорят: «А твой Лайдж слышал об этом, Джесси?» Я тоже засмеялась и сказала, что, дескать, не валяйте дурака. Потом мы пошли смотреть фильмы в этерекс. Вот тут я и подумала о твоём партнере. Помнишь, ты принес домой снимки космонитов, которые Джулиус Эндерби сделал в Космотауне? Я все пыталась вспомнить, кого напоминает твой напарник, и вдруг сообразила, что их. И тут я сказала себе: «О боже, его, наверное, узнали в магазине, а он с Лайджем...» — и тогда я сослалась на головную боль и помчалась...

— Постой, постой, Джесси,— прервал ее муж.— Спокойнее. Чего ты боишься? Ведь не самого же Дэниела? Согласись, что не его самого. Ты же прекрасно держалась, когда пришла. Прекрасно. Поэтому...

Он вдруг замолчал и сел в кровати, тараща глаза в темноте.

Он почувствовал, что жена подвигается к нему. Рука Бейли метнулась к ней, нащупала ее рот и плотно зажала его. Она напряглась всем телом, пытаясь вывернуться и оттолкнуть его руку, но он прижал руку еще сильнее.

Потом он вдруг отпустил ее. Она всхлипывала.

— Извини, Джесси,— сказал он хриплым голосом.— Я прислушивался.

Он встал и натянул на ноги теплый пленкопласт.

— Лайдж, куда ты? Не оставляй меня.

— Ничего. Я только к двери.

Его ноги, обутые в пленкопласт, мягко шаркали по полу. Он обошел кровать, приоткрыл дверь в гостиную и застыл в ожидании. Но ничего не случилось. Было так тихо, что он слышал дыхание Джесси. Он слышал, как глухо стучит кровь у него в ушах.

Рука Бейли осторожно протиснулась в щель и безошибочно нашла выключатель потолочного освещения.

Он только чуть-чуть к нему притронулся, и потолок тускло засветился, так тускло, что нижняя часть гостиной оставалась в полумраке.

Он увидел, что наружная дверь закрыта, а в гостиной нет ни души. Он повернул выключатель и пошел в спальню.

Итак, картина стала теперь полной. Все детали на своем месте.

— Что случилось, Лайдж? — испугалась Джесси.

— Ничего, Джесси, ровным счетом, ничего. Его нет.

— Робота? Ты хочешь сказать, что он ушел? Насовсем?

— Нет, нет. Он вернется. Но пока ответь на мой вопрос.

— Какой вопрос?

— Чего ты боишься?

Джесси молчала.

— Ты сказала, что до смерти перепугалась, — настаивал Бейли.

— Его.

— Нет, мы уже говорили об этом. К тому же ты знаешь, что робот не опасен для человека.

— Я подумала, — с трудом начала она, — что, если люди узнают, что это робот, начнется бунт. И нас убьют.

— Почему именно нас?

— Сам знаешь, как бывает во время беспорядков.

— Но ведь никому не известно, где он находится, верно?

— Они могут узнать.

— Значит, этого ты боишься — бунта?

— Понимаешь...

— Ш-ш-ш... — Он прижал Джесси к подушке. Потом наклонился к ее уху: — Он вернулся. Слушай меня и не произноси ни слова. Все в порядке. Он утром уйдет и больше не вернется. Никакого бунта не будет, никакого.

Ему стало легко, совершенно легко. Он почувствовал, что теперь он заснет.

Потом он сказал себе: «Никакого бунта, никакого. Никакого деклассирования».

Уже засыпая, он повторил: «Ни бунта, ни даже самого расследования. Ничего. Разгадка найдена...»

И он уснул.

ГЛАВА VII

Посещение Космотауна

Комиссар полиции Джулиус Эндерби с необычайной тщательностью протер стекла очков и не спеша надел их.

«Ловкий трюк,— подумал Бейли,— делаешь вид, что занят, а сам пока соображаешь, что́ сказать. И денег не стоит, как, например, разжигание трубки».

И уж поскольку эта мысль пришла ему в голову, он вынул свою трубку и погрузил ее в тощий кисет. Табак был одной из немногих дефицитных культур, которые пока еще выращивались на Земле, но этому вскоре должен был прийти конец. Сколько Бейли помнит, цены на табак все идут вверх, а не вниз, а нормы — вниз, а не вверх.

Кончив возиться с очками, Эндерби протянул руку к выключателю на краю стола, и на короткое мгновение дверь со стороны кабинета стала прозрачной.

— Так где он сейчас? — спросил комиссар.

— Попросил показать ему управление. Я поручил это почетное дело Джеску Тобину.— Бейли раскурил трубку и плотно прикрыл крышку.

Как большинство некурящих, комиссар терпеть не мог табачного дыма.

— Надеюсь, вы ему не сказали, что Дэниел робот.

— Конечно, нет.

Чувствовалось, что комиссар нервничает. Он бесцельно крутил рукой автоматический календарь на столе.

— Ну как дела? — спросил он, не глядя на Бейли.

— Так себе.

— Извините, Лайдж.

— Могли бы предупредить, что он так похож на человека,— сказал Бейли твердо.

— Как, разве я не сказал? — удивился комиссар.— Черт возьми, вам следовало самому сообразить,— добавил он раздраженно.— Неужто вы думаете, я бы стал просить вас взять его на квартиру, если бы он был похож на Р. Сэмми?

— Все ясно, комиссар, но я никогда не видел такого робота, а вы видели. Я не представлял, что это возможно. Хоть бы предупредили, что ли.

— Ладно, Лайдж, это моя вина. Мне следовало сказать вам. Вы правы. Но я так закрутился со всеми этими

делами, нервы буквально на пределе. И на людей кричу без причины... А этот Дэниел — робот нового типа. Находится пока еще на экспериментальной стадии.

— Он мне все объяснил.

— Ну тогда с этим покончено.

Бейли напрягся. Теперь, пожалуй, пора. Он зажал трубку в зубах и сказал как бы между прочим:

— Р. Дэниел устроил для меня поездку в Космотаун.

— В Космотаун? — возмутился комиссар.

— Да. Это логично, комиссар. Я бы хотел осмотреть место преступления и задать несколько вопросов.

Эндерби решительно покачал головой.

— Мне не нравится эта затея, Лайдж. Мы всё осмотрели, и вряд ли вы найдете там что-нибудь новое. К тому же космониты — странный народ. До того щепетильные... С ними надо уметь обращаться, а у вас нет опыта.— Он приложил свою пухлую руку ко лбу и добавил с неожиданной страстью: — Я их ненавижу!

— Черт побери, комиссар,— голос Бейли звучал враждебно,— раз робот пришел сюда — я должен побывать у них! Не хватает еще, чтобы этот тип обошел меня. Конечно, если вы думаете, что мне не справиться с заданием...

— Что вы, Лайдж! Дело не в вас — дело в космонитах. Вы совсем их не знаете.

Бейли нахмурился еще больше.

— Тогда, комиссар, почему бы нам не поехать вместе? — Чтобы не сглазить, он незаметно скрестил средний и указательный пальцы правой руки.

Глаза комиссара широко раскрылись.

— Нет, Лайдж. Не поеду. И не просите...— Казалось, эти слова вырвались у него помимо его воли. Потом он добавил более спокойно, с неуверенной улыбкой.— Понимаете, у меня масса дел. Запустил их ужасно.

Бейли задумчиво смотрел на него:

— Тогда вот что. Почему бы вам не использовать объемный видеофон. Ненадолго, на случай, если мне будет нужна помощь.

— Ну хорошо. Это я, наверное, смогу сделать,— хотя согласился комиссар.

— Отлично! — Бейли взглянул на стенные часы, кивнул и встал.— Я буду держать с вами связь.

Выходя из кабинета, Бейли на секунду задержался в двери и оглянулся на комиссара. Он увидел, как его голова медленно опускалась в изгиб локтя, которым он опирался о стол. Детектив мог поклясться, что слышал, как тот всхлипнул.

«Господи!» — молча изумился Бейли.

В общей комнате он присел на краешек ближайшего стола, не обратив внимания на его владельца, который взглянул на него, пробормотал какое-то приветствие и продолжал заниматься своими делами.

Бейли откинул крышку с трубки и продул ее. Потом он опрокинул трубку над небольшой вакуумной пепельницей в крышке стола, и она поглотила белый рассыпчатый пепел. Он с сожалением посмотрел на пустую трубку, приладил крышку и убрал ее. Вот и еще одну выкурил!

Он стал обдумывать свой разговор с комиссаром. С одной стороны, поведение Эндерби его не удивило. Он предполагал, что тот будет противиться его попытке поехать в Космотаун. Комиссар часто подчеркивал трудности общения с космонавтами и нежелательность отправки туда неопытных людей для ведения переговоров даже по мелким вопросам.

Однако Бейли не ожидал, что комиссар так быстро уступит. Он думал, что тот, по крайней мере, будет настаивать на совместной поездке. Ссылка на занятость теряет смысл по сравнению с важностью этого дела.

Собственно, Бейли и не хотел этого. Он получил то, чего добивался. Он добивался не личного присутствия Эндерби, а лишь его объемного изображения, чтобы тот мог следить за ходом расследования в полной для себя безопасности.

Безопасность — вот что главное. Бейли понадобится свидетель, которого нельзя будет быстро убрать с пути. В этом хоть какая-то гарантия его личной безопасности.

На это комиссар согласился сразу. Бейли вспомнил, как тот всхлипнул — а может, ему это почудилось? — и подумал: «Боже, старик сыт по горло всем этим!»

Он вздрогнул от раздавшегося за его спиной бодрого, с хрипотцой голоса.

— Какого черта тебе надо? — возмутился Бейли.

На лице Р. Сэмми сияла глупая застывшая улыбка.

— Джек велел сказать вам, что Дэниел готов, Лайдж.

— Хорошо. А теперь убирайся.

Он хмурился вслед удаляющемуся роботу. Фамильярность этого неуклюжего сооружения из металла буквально выводила его из себя. Он было пожаловался комиссару, но тот лишь пожал плечами: «Ничего не поделаешь, Лайдж. Народ требует, чтобы городские роботы имели сильный контур дружбы. К тому же вы ему нравитесь, вот он и называет вас самым дружеским именем, какое только знает».

Контур дружбы! Ни один робот, какой бы модели он ни был, не представляет опасности для человека. Первый Закон роботехники гласит: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред».

Первый Закон закладывается в самые недра позитронного мозга, и, что бы с ним ни произошло, робот не в состоянии нарушить этот закон. Строго говоря, введение дополнительных «контуров дружбы» — нелепая затея.

И все же комиссар прав. Вопреки всякой логике земляне не доверяют роботам, вот и приходится конструкторам придумывать разные «контуры дружбы», так же как и снабжать лица роботов глупой улыбкой. Речь идет о земных роботах, разумеется.

Кстати, Р. Дэниел совсем не улыбается.

Вздыхнув, Бейли встал со своего места.

Следующая остановка — Космотаун... Кто знает, быть может, это его последняя остановка...

Полицейским властям и крупным чиновникам до сих пор разрешается пользоваться служебными машинами для езды по городским коридорам и древним автотуннелям, вход в которые для пешеходов закрыт. Это дает повод либерально настроенным гражданам неустанно критиковать муниципалитет за его нежелание превратить туннели в детские площадки, или новые торговые центры, или, наконец, открыть их для пешеходов.

Однако соображения общественного порядка всегда берут верх. При возникновении больших пожаров, которые нельзя погасить местными средствами, серьезных авариях энергосистемы или вентиляции и, главным обра-

зом, при крупных вспышках недовольства блюстителям порядка важно быстро оказаться на месте происшествия. Автотуннели как раз и обеспечивают им такую возможность.

Бейли несколько раз доводилось пользоваться туннелем, и всегда его неприятная пустота действовала на него угнетающе. Казалось, будто он находится где-то в тысяче миль от пульсирующей жизни города.

Сейчас, когда он сидел за приборной доской машины, туннель извивался перед ним, подобно слепому, полному червю. После каждого плавного поворота его глазам открывались новые и новые участки туннеля. А позади, знал он, не глядя туда, еще один слепой и полый червь так же неизменно сокращался и закрывался. Туннель был хорошо освещен, но его пустота и молчание лишали свет всякого смысла.

Р. Дэниел ничем не старался ни нарушить это молчание, ни заполнить эту пустоту. Он смотрел прямо перед собой, безразличный сейчас к монотонному виду туннеля, так же как прежде был безразличен к переполненному экспрессу.

Наконец под дикое завывание сирены они выскочили из туннеля на проезжую часть городского коридора. Из уважения к одной из традиций прошлого четкие линии обозначали проезжую часть всех главных коридоров. Так как, кроме полицейских и пожарных машин, а также грузовиков технической службы, другие виды автомобильного транспорта не сохранились, пешеходы полностью игнорировали эти ограничения. Они с возмущением рассыпались в стороны от взвизгивающей сиреной машины Бейли.

Бейли лишь ненадолго почувствовал себя веселее в привычной городской сутолоке, так как метров через двести машина свернула в одно из неприметных ответвлений, ведущих в Космотаун.

У входа их ждали. Часовые, вероятно, знали Р. Дэниела в лицо и, хоть сами были людьми, кивнули ему без тени превосходства. Один из часовых приблизился к Бейли и отдал ему честь по всем правилам военного протокола. Он был высокого роста, с серьезным выражением лица, но, в отличие от Р. Дэниела, не являл собой идеальный образец космонавта.

— Пожалуйста, ваше удостоверение, сэр,— сказал он. Часовой быстро, но тщательно проверил удостоверение. Бейли заметил, что на нем были перчатки телесного цвета, а ноздри прикрывали едва заметные фильтры.

Возвращая удостоверение, часовой снова козырнул Бейли.

— Тут недалеко есть мужской туалетный блок, который мы хотели бы вам предложить, если вы пожелаете принять душ.

Бейли хотел было отказаться, но почувствовал, что Р. Дэниел слегка потянул его за рукав.

— По нашему обычаю, партнер Илайдж,— сказал Р. Дэниел,— перед тем как войти в Космотаун, жители города обязаны принять душ. Я говорю это, так как знаю, что вы не хотели бы из-за недостатка информации ставить в неловкое положение ни себя, ни нас. Было бы также жлательно, чтобы вы отправили здесь свои естественные потребности, так как в самом Космотауне для этого нет удобств.

— Нет удобств?!— сказал Бейли напряженно.— Но это невозможно.

— Точнее, они есть,— сказал Р. Дэниел,— но не для жителей города.

На лице Бейли было написано явное неодобрение.

— Я сожалею об этом,— сказал Р. Дэниел,— но таков обычай.

Бейли молча вошел в туалетную. Он скорее почувствовал, чем увидел, что Р. Дэниел Оливо последовал за ним.

«Проверяет меня,— подумал Бейли.— Следит, чтобы я смыл с себя городскую пыль?»

У него пронеслась злорадная мысль о том, какой удар он готовит Космотауну. Ему вдруг показалось неважным, что он фактически рискует подставить под блас-тер свою собственную грудь.

Туалетная не поражала размерами; она была хорошо оборудована и отличалась стерильной чистотой. В воздухе чувствовался какой-то резкий запах. На мгновение озадаченный, Бейли сообразил: «Озон!» Комната облучается ультрафиолетовыми лучами.

Помигав сначала несколько раз, засветилась небольшая надпись: «Просим посетителя снять с себя всю одеж-

ду, а также обувь и положить в находящийся внизу приемник».

Бейли неохотно подчинился. Он отстегнул бластер с портупей и потом снова надел его прямо на голое тело. Он показался ему тяжелым и неудобным.

Приемник с его одеждой закрылся и пропал из виду. Светящаяся надпись погасла. Впереди загорелся новый сигнал: «Просим посетителя отправить естественные потребности, а затем пройти в душ по направлению стрелки».

У Бейли было такое ощущение, будто его, как болванку, обрабатывают на автоматической линии силовые резцы с дистанционным управлением.

Войдя в небольшую кабинку душевой, он прежде всего тщательно обернул кобуру бластера влагонепроницаемым чехлом. Он по опыту знал, что менее чем за пять секунд сумеет выхватить оружие и пустить его в ход.

Повесить бластер было не на что. Не было даже видно душевой воронки. Он положил бластер в противоположный от входа угол.

Засветилась еще одна надпись: «Просим посетителя вытянуть руки в стороны и стать в круг посередине так, чтобы ноги заняли указанное положение».

Надпись погасла после того, как он поставил ноги в предназначенные для них углубления. И тотчас же с пола, потолка, со всех четырех сторон в него ударили жалеющие пенистые струи воды. Он чувствовал, что вода бурлит даже под ступнями. Это длилось целую минуту; его кожа покраснела от горячих и сильных струй, а легкие жадно ловили воздух в этой влажной духоте. Потом еще минуту он стоял под прохладным легким душем, и еще минуту его обдавал теплый воздух, отчего он совершенно обсох и чувствовал себя обновленным.

Он поднял бластер с портупей, и оказалось, что он тоже был сухим и теплым. Он надел бластер и вышел из кабинки как раз в тот момент, когда из соседнего душа показался Р. Дэниел. Еще бы! Хоть Р. Дэниел и не жил в городе, он принес на себе городскую пыль.

Совершенно произвольно Бейли отвернулся от него. Затем подумав, что, в конце концов, обычаи Р. Дэниела и обычаи города — это не одно и то же, он заставил себя бросить на него короткий взгляд. Его губы скривились

в усмешке. Сходство Р. Дэниела с человеком не ограничивалось лицом и руками: все его тело до мельчайших подробностей было выполнено с такой же точностью.

Бейли сделал шаг в том же направлении, в каком он двигался с тех пор, как вошел в туалетную. Его вещи были аккуратно сложены, и от них пахло теплой свежестью.

Надпись гласила: «Просим посетителя одеться и положить руку в углубление».

Как только Бейли приложил руку к чистой, молочно-белой поверхности, он почувствовал укол в подушечку среднего пальца. Он поспешно отдернул руку и увидел в этом месте набухающую капельку крови. Она тут же перестала расти. Он стряхнул кровь и попытался выдавить еще. Но даже тогда крови больше не показалось.

Значит, они делают ему анализ крови. Его охватила тревога. Он не сомневался, что врачи управления проводят ежегодный медицинский осмотр не с такой тщательностью и, пожалуй, не с таким знанием дела, как эти холодные роботопоклонники из космоса. Но он сомневался, так уж ли ему хочется снова проверять состояние своего здоровья.

Время ожидания показалось Бейли томительно долгим, но когда надпись вспыхнула снова, в ней говорилось: «Просим посетителя следовать дальше».

Бейли вздохнул с облегчением и направился было к выходу. Но тут путь ему преградили два металлических прута, а в воздухе повисла мерцающая надпись: «Просим посетителя не двигаться с места».

— Какого черта! — воскликнул Бейли, забыв в гневе, что все еще находится в туалетной.

Над ухом раздался голос Р. Дэниела:

— Наверное, детекторы обнаружили где-то источник энергии. Бластер у вас с собой, Илайдж?

Покраснев до корней волос, Бейли резко повернулся на каблуке и срывающимся голосом прорычал:

— Офицер полиции обязан постоянно иметь при себе бластер как во время несения службы, так и вне ее.

С тех пор как ему минуло десять лет, он впервые заговорил вслух, находясь в туалетном блоке. До этого он как-то в присутствии дяди Бориса всего лишь пожаловался, что ушиб палец ноги. Когда они вернулись домой,

дядя Борис хорошененько его вздул и прочитал нотацію о том, как подобает вести себя на людях.

— Посторонним у нас не разрешается носить оружие,— спокойно ответил Р. Дэниел.— Даже ваш комиссар оставляет здесь свой бластер. Таков наш обычай, Илайдж.

При других обстоятельствах Бейли просто повернулся бы и ушел, ушел из Космотауна, ушел бы подальше от этого робота. Но сейчас им владело безумное желание осуществить свой план и досыта насладиться местью.

В конце концов, его не подвергали тому унизительному осмотру, какой существовал у них много лет назад. Как хорошо он понимал, быть может, слишком хорошо понимал то возмущение и гнев, которые привели к Барьерным бунтам в дни его детства.

Помрачнев еще больше, Бейли отстегнул поргупсию с бластером. Р. Дэниел взял оружие у него из рук и положил в углубление в стене. Тонкая металлическая пластинка тотчас же накрыла его.

— Если вы вставите сейчас в эту впадину большой палец руки,— пояснил Р. Дэниел,— то потом только ваш палец сможет открыть крышку.

Сейчас Бейли чувствовал себя более нагим, чем несколько минут назад в душевой. Он прошел до места, где его недавно остановили, и наконец оказался в коридоре за туалетной.

Что-то необычное привлекло здесь его внимание: где-то впереди мерцал странный свет. Затем он почувствовал на лице едва уловимое движение воздуха, словно не-вдалеке промчалась патрульная машина.

Должно быть, Р. Дэниел заметил его смущение, потому что тут же объяснил:

— Мы сейчас выйдем на открытый воздух, Илайдж. Здесь кондиционеры не применяются.

Бейли стало не по себе. Как могут космонавты с такой опаской относиться к посетителям из города и в то же время дышать отвратительным наружным воздухом? Он зажал себе ноздри, словно это могло помочь лучше очищать вдыхаемый воздух.

— Я полагаю, вы скоро убедитесь, что открытый воздух отнюдь не вреден для человеческого организма,— сказал Р. Дэниел.

— Возможно, — проворчал Бейли.

Потоки воздуха раздражали его. Они мягко обдували его лицо, но были какими-то неустойчивыми. И это действовало на нервы.

Но худшее было впереди.

Коридор открывался в голубизну яркого солнечного дня. Бейли знал, что это такое. Однажды по долгу службы ему пришлось побывать в естественном солярии. Но там солнечные лучи преломлялись в толще защитного стеклянного колпака, и диска самого солнца видно не было. Здесь же все было открыто.

Он невольно посмотрел вверх на солнце, но сразу отвел взгляд. Его ослепленные глаза заморгали и за-слезились.

К ним приближался космонит. Предчувствие беды на мгновение овладело Бейли.

Р. Дэниел выступил вперед и обменялся с подошедшим космонитом рукопожатием. Тот повернулся к Бейли и сказал:

— Пожалуйста, следуйте за мной, сэр. Меня зовут доктор Хэн Фастольф.

Внутри одного из куполообразных домов Бейли почувствовал себя спокойней. Он с удивлением озирался вокруг, поражаясь величине комнат и тому, как неразумно использовалась их площадь, но был рад, что воздух здесь кондиционированный.

Усевшись в кресло и скрестив свои длинные ноги, Фастольф сказал:

— Вы, кажется, предпочитаете кондиционированный воздух паружному.

Его голос звучал дружелюбно. Мелкие морщины перерезали его лоб, кожа под глазами и подбородком казалась дряблой и иссохшей. У него были редкие, но не седые волосы, его большие уши смешно оттопыривались, придавая ему вполне домашний вид, отчего Бейли невольно почувствовал к нему еще большее расположение.

Рано утром перед поездкой Бейли еще раз просмотрел снимки, сделанные Эндерби в Космотауне. Р. Дэниел уже договорился о встрече в Космотауне, и Бейли старался привыкнуть к мысли, что скоро увидит космонитов во плоти. Как-никак это не то, что разговаривать с ними с расстояния в несколько миль.

С этих фотографий на него глядели высокие, рыжеволосые люди с красивыми, но холодными лицами, в общем, такие, какими их иногда изображают в кинофильмах. Такие, как, например, Р. Дэниел.

Р. Дэниел назвал имена этих космонавтов, и когда Бейли, указав на одного из них, спросил: «А это вы, да, Дэниел?» — Р. Дэниел спокойно ответил:

— Нет, Илайдж, это мой конструктор, доктор Сартон.

— Значит, вы сделаны по образу и подобию создателя? — спросил язвительно Бейли, на что ответа не последовало, да Бейли его и не ожидал: ведь на Внешних Мирах мало кто знаком с библией.

А теперь перед Бейли сидел Хэн Фастольф, который совсем не походил на привычный образ космонавта, чему представитель Земли был искренне рад.

— Не желаете ли закусить? — спросил Фастольф.

При этом он указал на стол, который разделял их. На нем стояла ваза, полная разноцветных шаров. Бейли взглянул на нее с недоумением. Он принял эти предметы за украшение.

— Это естественные плоды, которые растут на Авроре, — объяснил ему Р. Дэниел. — Советую вам попробовать. Их называют яблоками и говорят, что они приятны на вкус.

— Р. Дэниел, разумеется, сам никогда их не пробовал, — улыбнулся Фастольф, — тем не менее он прав.

Бейли поднес яблоко ко рту. Его красновато-зеленая кожица была прохладной и издавала слабый приятный аромат. Он с усилием откусил кусочек и стал осторожно пережевывать терпкую мякоть, от которой у него заныли зубы.

Рацион жителей города, разумеется, содержит определенное количество натуральных продуктов. Сам он часто ест натуральное мясо и хлеб. Но их продукты всегда подвергаются какой-нибудь обработке. Их подают либо в сваренном или перемолотом виде, либо смешивают или соединяют друг с другом. Строго говоря, из фруктов следует делать приправы или консервы. А то, что у него сейчас в руке, вышло, должно быть, прямо из грязного грунта планеты.

«Надеюсь, они догадались хотя бы помыть его», — подумал он.

И снова он удивился своеобразному представлению космонитов о чистоте.

— Позвольте мне более подробно рассказать о себе,— начал Фастольф.— Я здесь возглавляю расследование обстоятельств убийства доктора Сартона, точно так же как у вас этим занимается комиссар Эндерби. Вы можете рассчитывать на мою помощь. Как и вы, мы стремимся уладить этот инцидент и не допустить его повторения в будущем.

— Благодарю вас, доктор Фастольф,— ответил Бейли.— Мы вам признательны за подобный подход к делу.

«Ну, хватит обмениваться любезностями»,— подумал Бейли. Он решительно откусил от сердцевины яблока и, почувствовав во рту какие-то твердые продолговатые зернышки, поспешно выплюнул их на пол. Одно зернышко едва не попало на ногу космониту, которую тот вовремя отдернул.

Бейли покраснел и наклонился к полу.

— Не беспокойтесь, мистер Бейли,— остановил его космонит.— Пусть себе валяются.

Бейли выпрямился. Он осторожно положил яблоко на стол. У него было неприятное ощущение, что после его ухода эти предметы подберут пылесосом, вазу с фруктами сожгут или выбросят подальше от Космотауна, а комнату, в которой они сидят, подвергнут тщательной дезинфекции.

Он постарался скрыть свое смущение нарочитой резкостью, с которой обратился к Фастольфу:

— Прошу вас разрешить комиссару Эндерби принять участие в нашей беседе при помощи объемного видеофона.

Брови Фастольфа взлетели вверх.

— Пожалуйста, если вам это нужно. Дэниел, наладьте, пожалуйста, связь с городом.

Бейли сидел в напряженной позе, покуда блестящие стенки большого ящика в углу комнаты не превратились в объемное изображение комиссара Эндерби и части его стола. При виде знакомого лица Бейли сразу почувствовал себя намного лучше; ему захотелось быть рядом с ним в его кабинете или все равно где, лишь бы в родном городе. Даже в самом непривлекательном районе — Джерси с его дрожжевыми фабриками.

Теперь, когда у него был свидетель, Бейли решил немедленно приступить к делу.

— Мне кажется,— решительно сказал он,— что я проник в тайну, окружающую смерть доктора Сартона.

Краем глаза он заметил, как Эндерби резко вскочил на ноги, подхватив на лету соскочившие с носа очки. Его лицо оказалось при этом за границами объемного экрана, так что он, покрасневший и лишенный дара речи, был вынужден снова сесть за стол.

Доктор Фастольф был не менее поражен этим известием, однако он только слегка склонил голову набок. Только Р. Дэниел оставался бесстрастным.

— Вы хотите сказать,— спросил Фастольф,— что обнаружили убийцу?

— Нет,— ответил Бейли.— Я хочу сказать, что никакого убийства не было и в помине.

— Что? — воскликнул Эндерби.

— Минутку, комиссар Эндерби.— Фастольф поднял руку. Не сводя глаз с Бейли, он сказал: — По-вашему, доктор Сартон жив?

— Да, сэр. И кажется, я знаю, где он.

— Где?

— Перед вами,— сказал Бейли и уверенно показал на Р. Дэниела Оливо.

ГЛАВА VIII

Спор из-за работа

Какое-то мгновение Бейли не ощущал ничего, кроме бешеного сердцебиения. Казалось, время остановило свой бег. Как всегда, Р. Дэниел не выражал никаких эмоций. Хэн Фастольф был явно удивлен, но, как хорошо воспитанный человек, сдерживал свои чувства.

Но лишь реакция комиссара Джулиуса Эндерби настоящему интересовала Бейли. Объемный экран, из которого на него уставилось лицо комиссара, не давал совершенно четкого изображения. А потом, это его слабое мерцание и не совсем идеальная разрешающая способность. В общем, из-за этих несовершенств, а также толстых стекол очков комиссара прочесть взгляд Эндерби было невозможно.

«Держись, Джулиус,— подумал Бейли.— Ты мне нужен».

Он почти был уверен, что Фастольф не станет действовать в спешке или сгоряча. Он читал где-то, что космониты заменили религию холодным и флегматичным интеллектуализмом, возведенным в ранг философии. Он верил в это и рассчитывал на это. Они будут действовать не спеша, руководствуясь только здравым смыслом.

Будь он здесь один, без свидетеля, и сделай он такое заявление, ему бы никогда не вернуться в город. Холодный рассудок подсказал бы им это. Они дорожат своими планами больше, намного больше, чем жизнью одного из землян. Перед комиссаром Эндерби они как-нибудь оправдались бы. Возможно, даже доставили бы в город труп Бейли, объяснив убийство кознями заговорщиков-землян. Комиссар поверил бы им. Уж так он устроен. Если он и ненавидел космонитов, то потому что боялся их. Он не посмел бы не поверить им. Вот почему Бейли просил комиссара быть лишь свидетелем, причем таким свидетелем, до которого не дотянутся руки расчетливых космонитов.

— Лайдж, вы ошибаетесь,— раздался прерывающийся голос комиссара.— Я видел труп доктора Сартона.

— Вы видели обуглившиеся останки того, что вам выдали за труп Сартона,— смело парировал Бейли. Он мрачно подумал о разбившихся очках Эндерби. Космонитам здорово повезло.

— Нет, нет, Лайдж. Я хорошо знал доктора Сартона, и его лицо не было повреждено. Это был он.— Комиссар неловко притронулся к очкам: он, видимо, тоже вспомнил о них.— Я очень близко наклонился к нему, очень близко.

— Как по-вашему, комиссар? — Бейли указал на Р. Дэниела.— Этот похож на доктора Сартона?

— Да, как статуя может походить на человека.

— Но человек может придать своему лицу бесстрастное выражение, комиссар. Предположим, что вы видели робота, а не труп человека. Вы говорите, что тщательно его осмотрели. Достаточно ли тщательно, чтобы отличить обгоревшую органическую ткань человеческого тела от ее искусной имитации?

Комиссар пришел в негодование:

— Вы несете чушь, Бейли!

Бейли повернулся к космониту:

— Вы согласитесь на эксгумацию трупа, доктор Фастольф?

Доктор Фастольф улыбнулся:

— Разумеется, я бы не возражал против этого, мистер Бейли. Но беда в том, что мы не хороним умерших. У нас в обычае кремировать покойников.

— Весьма удобный обычай,— буркнул Бейли.

— Скажите, мистер Бейли,— обратился к нему Фастольф.— Как вы пришли к столь неожиданному заключению?

«Не сдается,— подумал Бейли.— Теперь будет давить на меня».

— Очень просто,— ответил он.— Чтобы сойти за робота, недостаточно придать лицу застывшее выражение и говорить штампами. Ваша беда в том, что вы, жители Внешних Миров, слишком привыкли к роботам. Вы относитесь к ним как к человеческим существам. Вы уже не замечаете разницы. На Земле все по-другому. Для нас робот есть робот. Во-первых, Р. Дэниел слишком человечен для робота. Вначале я принял его за космонита. Мне было трудно заставить себя поверить его словам, что он робот. И дело все в том, что он и есть **космонит**, а вовсе не **робот**!

Р. Дэниел вмешался в разговор, нимало не смущенный тем обстоятельством, что сам был предметом спора:

— Как я уже говорил вам, партнер Илайдж, я создан для того, чтобы на время занять место в человеческом обществе. Меня умышленно наделили всеми человеческими чертами.

— Даже такими, как удивительно точная копия частей тела, обычно скрытых под платьем?

— Как вы об этом узнали? — неожиданно раздался голос Эндерби.

— Случайно... — покраснел Бейли, — в душевой.

Эндерби был явно шокирован.

— Вы конечно, понимаете, что сходство должно быть полным, иначе бесполезно и начинать? — сказал Фастольф и добавил: — В осуществлении нашего проекта полумеры могут принести только вред.

— Разрешите мне закурить? — резко отозвался Бейли.

Три трубки в день — недопустимое расточительство, но он отважился на очень рискованный шаг, и табак ему нужен, чтобы успокоить нервы. В конце концов, он пытается уличить во лжи не кого-нибудь, а космонитов, и он заставит их подавиться собственной ложью.

— Простите меня, — раздался голос Фастольфа, — но я бы предпочел, чтобы вы не курили.

Его вежливая просьба прозвучала строже приказа. Поэтому Бейли безропотно сунул в карман трубку, которую он уже чуть было не разжег, полагая, что отказа не последует.

«Еще бы, — с горечью подумал он. — Комиссар ничего не сказал, потому что сам не курит, но это же ясно. Это само собой разумеется. Ведь чистюли с Внешних Миров не курят, не пьют и вообще не имеют никаких людских пороков. Не удивительно, что они признают роботов в своем чертовом — как, бишь, Дэниел называл его? — обществе C/Fel! Не удивительно, что Дэниел так хорошо играет роль робота. По существу, все они не люди, а роботы».

— Слишком полное сходство — только одна из многих улик, — сказал он. — Когда мы шли с ним домой, в нашем секторе чуть было не вспыхнул бунт. — Бейли снова показал на своего напарника. Он не мог заставить называть его ни Р. Дэниелом, ни доктором Сартоном. — И вот он-то утихомирил недовольных, направив на толпу бластер.

— Боже правый, — воскликнул Эндерби, — в протоколе говорится, что это вы...

— Я знаю, комиссар, — прервал его Бейли. — Протокол составлен по моим словам. Я не хотел, чтобы в официальных документах упоминалось, что робот угрожал людям бластером.

— Да, да. Разумеется, вы правы. — Эндерби был в отчаянии. Он наклонился в сторону, вглядываясь во что-то, находившееся за пределами экрана видеофона.

Бейли догадался, куда смотрел комиссар: он проводил, не подслушивая ли их.

— Итак, это тоже один из ваших аргументов? — спросил Фастольф.

— Конечно. Первый Закон роботехники гласит, что робот не может причинить человеку вреда.

— Но Р. Дэниел никому вреда не причинил.

— Согласен. Кстати, потом он сказал, что не выстрелил бы ни при каких обстоятельствах. Однако я никогда не слышал, чтобы робот мог действовать вопреки духу Первого Закона, хотя бы угрожая бластером человеку. Пусть даже он не собирался пустить его в ход.

— Ясно. Вы специалист по роботехнике, мистер Бейли?

— Нет, сэр. Но я прослушал курс общей роботехники и позитронного анализа. Я не совсем невежда в этой области.

— Очень хорошо,— согласился с ним Фастольф,— но я, как специалист, могу вас заверить, что ум робота устроен таким образом, что он способен воспринимать события лишь буквально. Он не признает духа Первого Закона — только его букву. Примитивные земные роботы, видимо, настолько застрахованы от нарушения Первого Закона, что, вероятно, вообще не могут угрожать человеку. Другое дело такой совершенный робот, как Р. Дэниел. Если я верно вас понял, он угрожал людям, чтобы предотвратить беспорядки. То есть он стремился к тому, чтобы людям не был причинен вред. Он следовал Первому Закону, а не нарушал его.

У Бейли внутри все сжалось, но внешне он сохранял напряженное спокойствие. Трудно ему придется, но он побьет этого космонита его же оружием.

— Можете спорить по каждому пункту — результат будет один и тот же,— сказал он.— Вчера вечером, когда мы обсуждали так называемое убийство, ваш липовый робот заявил, что его превратили в детектива при помощи какого-то дополнительного устройства в позитронном мозге. Устройства, которое, видите ли, вызывает в нем стремление к справедливости.

— Готов поручиться за это,— ответил Фастольф.— Три дня назад я лично наблюдал за этой операцией.

— Но стремление к *справедливости*! Справедливость, доктор Фастольф — это абстрактное понятие. Оно доступно только человеку.

— Если вы определяете «справедливость», как абстрактное понятие, как стремление воздавать каждому по

заслугам, как стремление к правде и тому подобное, то я согласен с вами, мистер Бейли. Человеческое понимание абстракций не может быть заложено в позитронный мозг, по крайней мере при нынешнем уровне наших знаний.

— Значит, вы это признаете... как специалист по роботехнике?

— Конечно. Вопрос лишь в том, что подразумевал Р. Дэниел под словом «справедливость»?

— Он подразумевал именно то, что могли бы подразумевать вы, или я, или любой другой человек, но никак не робот.

— Почему бы нам, мистер Бейли, не попросить его дать свое определение справедливости?

На мгновение Бейли смешался, но тут же повернулся к Р. Дэниелу:

— Ну?

— Да, Илайдж?

— Каково ваше определение справедливости?

— Справедливость, Илайдж,— это полное соблюдение всех законов.

Фастольф кивнул.

— Для робота это хорошее определение, мистер Бейли. Р. Дэниелу задано стремление следить за соблюдением всех законов. Справедливость у Р. Дэниела — вполне конкретное понятие, поскольку оно основано на соблюдении законов, конкретных, недвусмысленных законов. Здесь нет никакой абстракции. Человеку же, который исходит из каких-то абстрактных категорий морального порядка, некоторые законы могут казаться плохими, а проведение их в жизнь — несправедливостью. Как по-вашему, Р. Дэниел?

— Несправедливый закон,— ответил спокойно Р. Дэниел,— это терминологическое противоречие.

— Для робота — да, мистер Бейли. Так что, как видите, не следует смешивать его справедливость с нашей. Бейли резко повернулся к Р. Дэниелу и сказал:

— Вчера ночью вы отлучались из моей квартиры.

— Да,— ответил Р. Дэниел,— и прошу извинения, если нарушил этим ваш сон.

— Куда вы ходили?

— В мужской туалетный блок.

Бейли был обескуражен. Он и сам был в этом уверен, но не ожидал, что Р. Дэниел сознается так легко. Он почувствовал себя немного неуверенно, но решил, что им все равно не удастся сбить его с толку. Комиссар напряженно следил за разговором, быстро переводя взгляд с одного на другого. Отступать некуда, надо держаться до конца, какие бы хитроумные доводы они ни приводили.

— Когда мы дошли до нашего сектора,— начал Бейли,— он захотел войти со мной в туалетную. Причем предлог для этого нашел неубедительный. Ночью же, как он сейчас это сам признал, он пошел туда снова. Будь он человеком, я бы сказал, что это вполне естественно. Это ясно. Роботу же делать там нечего. Следовательно, вывод может быть один: он — человек.

Фастольф согласно кивнул ему. Он по-прежнему сохранял свое вежливое спокойствие.

— Весьма интересно,— сказал он.— Почему бы нам не спросить об этом самого Р. Дэниела?

Комиссар Эндерби подался вперед.

— Помилуйте, доктор Фастольф,— пробормотал он,— как можно?

— Не беспокойтесь, комиссар.— Губы Фастольфа скривились в нечто напоминавшее улыбку, но это не было улыбкой.— Я убежден, что ответ Дэниела не оскорбит ваших с мистером Бейли чувств. Так скажите же нам, Р. Дэниел: куда вы отлучались прошлой ночью?

— Покидая нас вчера вечером, жена Илайджа, Джесси, была уверена, что я человек, и это было видно по ее отношению ко мне. Вернулась она, уже зная, что я робот. Из этого явствует вывод, что эти сведения она получила вне квартиры. Следовательно, вчера вечером наш разговор на квартире у Илайджа был подслушан.

Илайдж сказал мне, что их квартиры звуконепроницаемы. Мы разговаривали негромко. Значит, обычное подслушивание отпадает. Однако известно, что Илайдж работает в полиции. Если в городе существуют заговорщики, которые сумели организовать убийство доктора Сартона, они с таким же успехом могли узнать, что расследование убийства поручено Бейли. Поэтому вполне возможно, даже вероятно, что его квартира прослушивается лучевыми подслушивателями.

После того как Илайдж и Джесси отправились спать, я как мог обыскал квартиру, но передатчика не обнаружил. Это усложнило задачу. Сдвоенный луч с фокусировкой прекрасно справляется и без передатчика, но устройство такого подслушивателя — дело довольно сложное.

Анализ ситуации привел меня к следующему выводу. Единственным местом, где житель Земли может заниматься чем угодно, не опасаясь постороннего вмешательства, является туалетный блок. Он может даже установить там сдвоенный подслушиватель. Никто и не посмотрит в его сторону, настолько интимным считается у землян пребывание в туалетной. Квартира Илайджа находится недалеко от туалетных блоков их сектора, так что фактор расстояния значения не имеет. Здесь мог использоваться портативный аппарат. Поэтому я отправился в туалетный блок.

— Что же вы там обнаружили? — быстро спросил его Бейли.

— Ничего, Илайдж. Никаких признаков лучевого подслушивателя.

— Ну как, мистер Бейли, это звучит убедительно, не так ли? — обратился к нему Фастольф.

— Может быть, и убедительно, да только чертовски далеко от правды, — ответил Бейли с прежней уверенностью в голосе. — Чего он не знает, так это где и, главное, когда жена узнала об этом. А узнала она, что он робот, как только вышла из дома. Причем к тому времени слухи уже несколько часов ходили по городу. Поэтому слух, что он робот, не мог быть результатом подслушивания вчерашнего разговора.

— Тем не менее, — настаивал доктор Фастольф, — можно считать, что он объяснил причину своего посещения туалетной.

— Тогда пусть попытается объяснить следующее: когда, где и каким образом просочился этот слух? — возбужденно отозвался Бейли. — Как люди узнали, что в городе робот космонитов? Насколько мне известно, только двое знали об этом — комиссар Эндерби и я, и мы держали это в секрете... Комиссар, кто-нибудь еще в управлении был в курсе дела?

— Никто, — ответил комиссар нервно. — Даже мэра

я не информировал. Только мы с вами и доктор Фастольф.

— Да он,— указал Бейли на Р. Дэниела.

— Я? — спросил Дэниел.

— Разумеется.

— Я все время был с вами, Илайдж.

— Ничего подобного! — воскликнул Бейли свирс-по.— До того, как мы пришли на квартиру, я полчаса, а то и дольше оставался в туалетной. На это время я потерял вас из виду. Тогда-то вы и связались со своими людьми в городе.

— С какими людьми? — удивился Фастольф.

— С какими людьми? — почти одновременно раздался голос Эндерби.

Бейли встал со стула и повернулся к экрану приемника.

— Комиссар, прошу вас внимательно меня выслушать. Нам сообщают об убийстве, и по любопытному стечению обстоятельств оно происходит именно в тот момент, когда вы направляетесь в Космотаун на свидание с жертвой. Вам показывают труп, который выдают за труп человека, и тут же его уничтожают, чтобы исключить возможность более тщательного осмотра.

Космониты заявляют, что убийца — житель Земли, но единственное их объяснение того, как это могло произойти, звучит смехотворно: по их версии человек должен был ночью, в одиночку, выйти из города и пересечь открытое пространство, чтобы попасть в Космотаун. Не мне вам говорить, как чертовски невероятно это звучит.

Затем они посылают в город своего так называемого робота; фактически они навязывают нам его. Первое, что делает этот робот, попав в город,— он угрожает людям бластером. Затем он распускает слух о том, что в город проник робот космонитов. Между прочим, Джесси сказала, что стали известны даже такие детали, как то, что, мол, робот сотрудничает с полицией. Это значит, что скоро люди узнают, кто угрожал им бластером. Быть может, уже сейчас слухи о роботе-убийце растекаются по дрожжевым фермам и гидропонным установкам Лонг-Айленда.

— Невероятно! Это невозможно! — простонал Эндерби.

— Нет, возможно. Именно это и происходит, комиссар. Да, в городе существует заговор, но направляется он из Космотауна. Космонитам необходимо сообщение об убийстве. Им нужны беспорядки. Им нужно нападение на Космотаун. Чем серьезнее обернется дело, тем лучше для них,— тогда на нас обрушатся их корабли и оккупируют все города Земли.

— Но у нас был для этого повод двадцать пять лет назад — Барьерные бунты,— мягко возразил Фастольф.

— Тогда вы не были к этому готовы. Не то что сейчас.— У Бейли бешено колотилось сердце.

— Вы приписываете нам слишком сложный заговор, мистер Бейли. Если бы мы хотели оккупировать Землю, то сделали бы это более простым способом.

— Не тут-то было, доктор Фастольф. Ваш фальшивый робот проговорился, что на Внешних Мирах нет единоподушия относительно Земли. Кстати, тогда он, видимо, говорил правду. Быть может, открытая оккупация была бы не по душе вашим народам. Быть может, для этого вам и понадобилось какое-то из ряда вон выходящее происшествие.

— Вроде убийства, да? Так ведь? Значит, мы должны были бы его инсценировать. Надеюсь, вы понимаете, что даже ради такого повода мы не стали бы убивать своих.

— Нет. Но вы создали робота — точную копию доктора Сартона, выстрелили в него из бластера и после этого показали комиссару Эндерби.

— А затем,— подхватил доктор Фастольф,— поручили доктору Сартону изображать Р. Дэниела в спровоцированном нами расследовании инсценированного убийства.

— Совершенно верно, — подтвердил Бейли. — Я утверждаю это в присутствии свидетеля, которого вы не можете уничтожить и который достаточно важная персона, чтобы ему поверило городское правительство да и сам Вашингтон. Вы не застанете нас врасплох, и нам известны ваши намерения. Если будет необходимо, наше правительство обратится непосредственно к вашему народу и разоблачит вас. Сомневаюсь, чтобы он смирился с такой авантюрой межзвездного масштаба.

Фастольф покачал головой.

— Простите, мистер Бейли, но ваши слова лишены смысла. У вас поистине поразительные идеи. Давайте предположим, лишь допустим, что Р. Дэниел действительно Р. Дэниел. Допустим, что он в самом деле робот. Не следует ли из этого, что комиссар Эндерби видел труп доктора Сартона? Едва ли разумно полагать, что этот труп был еще одним роботом. Комиссар Эндерби видел, как создавался Р. Дэниел, и может поручиться, что существует только единственный экземпляр.

— Если на то пошло,— упорствовал Бейли,— то комиссар не специалист по роботехнике. Может, у вас дюжина таких роботов.

— Не уклоняйтесь, мистер Бейли, что, если Р. Дэниел действительно робот? Не рухнет ли вся система ваших рассуждений? Сможете ли вы и тогда отстаивать эту выдуманную вами версию мелодраматичного и немыслимого межзвездного заговора?

— Если он робот! Я утверждаю, что это человек.

— И все же, мистер Бейли, вы не до конца изучили проблему, — возразил Фастольф.— Для того чтобы отличить робота, даже человекоподобного робота, от живого человека, вовсе не нужно делать заведомо шатких выводов из его реплик и поступков. Вы, например, пробовали колынуть Р. Дэниела булавкой?

— Что? — У Бейли отвисла челюсть.

— Это простой опыт. Есть и более сложные. Его кожа и волосы выглядят как настоящие, но пробовали ли вы рассмотреть их при достаточном увеличении? Затем, кажется, что он дышит, особенно когда ему нужен воздух для произнесения слов. Но заметили ли вы, что его «дыхание» неритмично, что по несколько минут он вообще не производит дыхательных движений? Наконец, можно было бы провести анализ выдыхаемого им воздуха на содержание в нем окиси углерода. Можно было бы попытаться взять анализ его крови, проверить его пульс или сердцебиение. Вы понимаете, к чему я клоню, мистер Бейли?

— Все это слова,— произнес Бейли сдавленным голосом.— Меня на пушку не возьмешь. Неужто вы думаете, что, если бы даже я и захотел, ваш липовый робот позволил бы мне приблизиться к нему со шприцем, стетоскопом или микроскопом?



Р. Дэниел притронулся к манжете правого рукава, и диамагнитный шов распался по всей его длине...

— Конечно, да. Но не будем спорить,— ответил Фастольф и подал Р. Дэниелу какой-то знак.

Р. Дэниел притронулся к манжете правого рукава, и диамагнитный шов распался по всей его длине, обнажив гладкую мускулистую руку, на вид ничем не отличающуюся от человеческой. Она была покрыта короткими рыжеватыми волосами, совсем как у человека.

— Ну и что? — не сдавался Бейли.

Р. Дэниел проделал какую-то манипуляцию со средним пальцем правой руки, что именно, Бейли не успел заметить, и точно так же как разошелся диамагнитный шов на рукаве, так его рука распалась надвое.

А внутри, под тонким слоем похожего на кожу материала, тускло поблескивали стальные тяги, шарниры и провода.

— Не хотите ли вы более тщательно осмотреть внутренности Р. Дэниела, мистер Бейли? — вежливо спросил доктор Фастольф.

Бейли почти не слышал этих слов из-за шума в ушах и неожиданно раздавшегося истерического с подвыванием хохота комиссара Эндерби.

ГЛАВА IX

Разъяснение космонавта

Шум в ушах Бейли все нарастал, и вот в нем уже потонул хохот комиссара. Комната и все, что в ней было, закачалась у него перед глазами; он потерял ощущение времени.

Хорошо, хоть он остался сидеть в прежней позе. Изображение комиссара исчезло; стенки объемного экрана больше не светились; рядом с ним сидел Р. Дэниел, за чем-то оттянувший участок кожи на его обнаженной выше локтя руке. Теперь Бейли различал медленно растворявшееся под кожей темное пятно на месте инъекции, исчезавшее у него на глазах.

Он окончательно пришел в себя.

— Вам лучше, партнер Илайдж?—спросил его Р. Дэниел.

Ему было лучше. Он высвободил руку, опустил рукав

и огляделся вокруг. Доктор Фастольф оставался на своем месте; легкая улыбка смягчала черты его невзрачного лица.

— Я потерял сознание? — спросил Бейли.

— Что-то в этом роде, — сказал Фастольф. — Боюсь, что вы пережили сильное потрясение.

И тут Бейли все вспомнил. Он схватил Р. Дэниела за руку, задрал рукав рубашки как можно выше. На ощупь рука казалась мягкой, как у человека, но под верхним слоем прощупывалось что-то более твердое, нежели кость.

Р. Дэниел спокойно реагировал на действия детектива. А Бейли оглядывал его руку со всех сторон, ощупывал там, где у человека проходит срединная артерия. Вероятно, здесь должен быть незаметный шов.

Логично предположить, что он должен проходить именно здесь. Такого робота, с искусственным кожным покровом и настолько похожего на человека, нельзя ремонтировать обычным способом. Нагрудная плита не может держаться у него на заклепках. И вряд ли его черепная коробка укреплена на обычных шарнирах. Вероятнее всего, различные части его механического тела соединяются по линии микромагнитных полей. Рука, голова, все его тело, должно быть, распадаются надвое от прикосновения в нужном месте и соединяются от прикосновения в другом.

Бейли бросил взгляд на экран.

— Где комиссар? — пробормотал он, сгорая от стыда.

— Неотложные дела, — ответил доктор Фастольф. — К сожалению, я посоветовал ему оставить нас и пообещал, что позабочусь о вас.

— Вы и так уже отлично обо мне позаботились, благодарю вас, — мрачно отозвался Бейли. — С этим покончено.

Он устало выпрямился, внезапно почувствовав себя очень старым. Слишком старым, чтобы начинать все сначала. Не надо обладать большой проницательностью, чтобы угадать, что ждет его впереди.

Комиссар в одинаковой степени и напуган и разгневан. Он холодно встретит Бейли и каждые пятнадцать секунд будет протирать свои очки. Тихим голосом — Джулиус Эндерби почти никогда не повышает голос на

подчиненных — он будет втолковывать ему, как смертельно оскорблены космониты.

«С космонитами так разговаривать нельзя, Лайдж. Они этого не любят.— Голос Эндерби звучал у него в ушах со всеми оттенками интонации.— Я предупреждал вас. Ясно без слов, какой огромный ущерб вы нанесли нам. Но, учтите, я вас понимаю. Мне ясно, чего вы добивались. Будь это земляне — тогда другое дело. Я бы сказал: да, попытайтесь. Рискните. Выкурите их. Но космониты! Лайдж, надо было сказать мне. Посоветоваться со мной. Ведь я знаю их. Я вижу их насквозь».

А что Бейли ответит на это? Что как раз ему он и не хотел доверить свой план. Что риск был слишком велик, тогда как комиссар — человек слишком осторожный. Что именно Эндерби подчеркивал невероятную опасность как полного провала, так и нерассчитанного успеха. Что избежать деклассирования можно было, лишь доказав вину космонитов...

Тогда комиссар скажет:

«Придется написать рапорт, Лайдж. Будут всякие неприятности. Я знаю космонитов. Они потребуют вашего отстранения, и мне придется подчиниться. Вы ведь понимаете, в чем дело, Лайдж, верно? Я постараюсь облегчить вашу участь. Можете рассчитывать на меня. Я как смогу буду отстаивать вас, Лайдж».

Именно так оно и будет. Комиссар выступит в его защиту... но лишь в известных пределах. Он побоится, например, навлечь на себя гнев мэра.

«Черт побери, Эндерби! — раскричится мэр.— Что за безобразие! Почему не посоветовались со мной? Кто в конце концов хозяин в городе? Кто разрешил этому роботу проникнуть в город? Какого дьявола вы поручили этому Бейли...»

И если положение самого комиссара окажется под угрозой, то ему будет не до Бейли. Собственно, Эндерби тут ни при чем.

Лучшее, на что Бейли может теперь рассчитывать,— это разжалование — вещь довольно отвратительная. Условия жизни в современном городе таковы, что даже полностью деклассированным обеспечен прожиточный минимум. Но он слишком хорошо знает, как низок этот минимум.

Лишь занимаемая должность обеспечивает скрашивавшие жизнь мелочи: будь то удобное место в экспрессе, лучшее блюдо в столовой или более короткая очередь еще где-нибудь. Можно подумать, что философскому уму присуще пренебрегать подобными мелочами.

Но ни один человек, как бы философски настроен он ни был, не может без боли отказаться от привилегий, когда-то прежде им полученных. В этом все дело.

Какое ничтожное бытовое удобство представляет собой индивидуальный умывальник, если учесть, что целых тридцать лет Бейли пользовался общими душевыми и это не казалось ему обременительным. Но если бы он лишился его, как унижительно и невыносимо стало бы снова ходить в душевые! С какой сладостной тоской вспоминал бы он о бритье у себя в спальне, как жалел бы об утраченной роскоши!

Среди современных публицистов стало модой с высокомерным осуждением толковать о меркантилизме прежних времен, когда экономикой правили деньги. Конкурентная борьба за существование, утверждают они, жестока. Ни одно по-настоящему сложное общество не может существовать из-за напряженных усилий, вызванных вечной борьбой за «чистоган». (Ученые по-разному толкуют слово «чистоган», однако общий его смысл сомнений не вызывает.)

И наоборот, они высоко превозносят современный «коллективизм», как наиболее продуктивную и просвещенную форму общества.

Может, это и так. Одни произведения романтизируют прошлое, другие — полны сенсаций. Медиевисты же считают, что индивидуализм и инициатива расцвели благодаря именно меркантилизму.

Как бы то ни было, сейчас Бейли терзала одна мысль: «Действительно, доставался ли когда-то человеку этот «чистоган», что бы он ни означал, тяжелее, чем жителю города достается его право съесть на воскресный ужин куриную ножку — мясистую ножку некогда живой птицы».

«За себя я не боюсь, — подумал Бейли. — Вот как быть с Джесси и Беном?»

В его мысли ворвался голос доктора Фастольфа:
— Минстер Бейли, вы меня слышите?

Бейли вздрогнул:

— Да.

Как долго стоял он, застыв как истукан?

— Прошу вас присесть, сэр. Теперь, когда вы обдумали свои проблемы, быть может, вы пожелаете посмотреть пленку, снятую нами на месте преступления?

— Нет, благодарю вас. У меня дела в городе.

— Но ведь дело доктора Сартона важнее.

— Не для меня. Я уже, наверное, отстранен. — Тут он внезапно взорвался: — Черт возьми, если вы могли доказать, что Р. Дэниел робот, почему вы сразу этого не сделали? Зачем было устраивать какой-то фарс?

— Дорогой мистер Бейли, меня очень интересовали ваши выводы. Что касается отстранения, то я в этом сомневаюсь. Я уже просил комиссара оставить вас. Полагаю, что он согласится.

Бейли с неохотой опустил на стул.

— Чем вызвана ваша просьба? — спросил он недружелюбно.

Доктор Фастольф забросил ногу на ногу и вздохнул.

— Мистер Бейли, мне встречались только два типа землян: бунтовщики и политиканы. Ваш комиссар нам полезен, но он увлекается политикой. Он говорит нам то, что нам хочется услышать. Он нас обхаживает, так сказать. Вы же приходите сюда и обвиняете нас в чудовищных преступлениях и стараетесь доказать свою правоту. Мне это понравилось. Это отрадное явление.

— Отрадное ли? — с сарказмом переспросил его Лайдж Бейли.

— Определенно. Вы тот человек, с которым можно говорить откровенно. Вчера ночью, мистер Бейли, Р. Дэниел связался со мной по субэтеральному каналу. Кое-что в его сообщении о вас меня заинтересовало. Например, ваши книгофильмы.

— А что в них особенного?

— Большинство из них на исторические и археологические темы. Значит, вы интересуетесь человеческим обществом и кое-что знаете об его эволюции.

— Даже полицейский, если пожелает, может посвящать свободное время книгофильмам.

— Совершенно верно. Но мне нравится их тематика. Ваш интерес к истории поможет мне объяснить вам кое-

что. Прежде всего речь пойдет об исключительности жителей Внешних Миров. Вот мы живем в Космотауне, не бываем в городе, очень редко и со всякими ограничениями общаемся с землянами. Мы дышим наружным воздухом, но при этом пользуемся фильтрами. И сейчас у меня в ноздрях фильтры, на руках — перчатки, и я стараюсь не подходить к вам очень близко. Как вы думаете: почему?

— Нет смысла гадать,— угрюмо ответил Бейли. «Теперь его черед говорить».

— Как многие земляне, вы могли бы ответить: потому что вы, мол, презираете землян и из опасения утратить свое превосходство не хотите, чтобы вас касалась даже их тень. Но это не так. Правильный ответ очевиден. Тот медицинский осмотр, который вы прошли, а также душ и прочее вовсе не часть ритуала. Они продиктованы необходимостью.

— Болезни?

— Да, болезни. Дорогой мистер Бейли, первые земляне, завоевавшие Внешние Миры, оказались на планетах, где полностью отсутствовали земные бактерии и вирусы. Они привезли своих, разумеется, но вместе с тем они обладали совершенными медицинскими и микробиологическими методами. Тем более, что им пришлось иметь дело с малым количеством микроорганизмов при полном отсутствии промежуточных хозяев — кормильцев паразитов. Не было ни комаров — разносчиков малярии, ни улиток, распространяющих шистозоматоз. Поэтому разносчики болезней были скоро уничтожены, а полезные бактерии беспрепятственно размножались. Постепенно на Внешних Мирах болезни исчезли. Естественно, со временем к иммигрантам с Земли стали предъявляться все более строгие требования, так как Внешние Миры все больше и больше опасались заразных болезней.

— А вы когда-нибудь болели, доктор Фастольф?

— Да, но не инфекционными болезнями. Мы подвержены таким заболеваниям, как, например, атеросклероз, но у меня никогда не было того, что вы называете гриппом. Заразись я им, я бы наверное не выжил. У меня к нему нет никакой сопротивляемости. Вот в чем беда всех жителей Космотауна. И все мы очень рискуем. Ведь

Земля кишит болезнями, от которых у нас нет защиты, естественной защиты. Вы сами являетесь носителем микробов почти всех известных болезней. Вы этого не чувствуете, поскольку постоянно контролируете их при помощи антител, выработанных вашим организмом за многие годы. В моем организме антител нет. Вы удивляетесь, почему я стараюсь держаться подальше от вас? Поверьте мне, мистер Бейли, только в целях самозащиты.

— Если это так, почему не растолковать это землянам? — предложил Бейли. — Объяснить, что дело не в вашей записчивости, а в той реальной опасности, которая вам угрожает.

Космонит покачал головой.

— Нас мало, мистер Бейли, к тому же нас не любят, как всех иностранцев. Мы сохраняем нашу безопасность, поддерживая в ваших людях шаткое представление о нас как о существах высшего порядка. Мы не можем уронить свой престиж, признав, что мы просто *боимся* приблизиться к жителю Земли. По крайней мере, до тех пор, пока земляне и космониты не научатся понимать друг друга.

— Если положение не изменится, это произойдет не скоро. Мы... они ненавидят вас как раз за это мнимое превосходство.

— В этом вся проблема. Не думайте, что мы этого не понимаем.

— Комиссар знает обо всем этом?

— Мы с ним никогда так откровенно не беседовали. Наверное, догадывается. Он ведь умный человек.

— В таком случае он должен был рассказать мне об этом, — как бы про себя произнес Бейли.

Доктор Фастольф удивленно поднял брови.

— И тогда вы не стали бы подозревать в Р. Дэниеле космонита. Так ведь?

Бейли только слегка пожал плечами.

— И вы были бы правы, — продолжал Фастольф. — Помимо психологических трудностей — влияния на нас ужасного шума и толп людей, — можно прямо сказать, что войти на территорию города для любого из нас равносильно самоубийству. Вот почему доктор Сартон предложил создать человекоподобных роботов, которые вместо людей могли бы общаться...

— Да, да. Р. Дэнисл рассказывал мне.

— И вы это осуждаете?

— Послушайте,— сказал Бейли,— раз уж мы говорим откровенно, позвольте задать вам простой вопрос. Зачем вы, космонавты, пришли на Землю? Почему бы вам не оставить нас в покое?

Доктор Фастольф не скрывал своего удивления:

— Разве вы довольны жизнью на Земле?

— У нас не так уж плохо.

— Верно, но всегда ли так будет? Население ваше постоянно растет; вам все труднее и труднее вырабатывать необходимое количество калорий. Земля зашла в тупик, мой дорогой.

— Нам не так плохо,— упрямылся Бейли.

— Но и не хорошо. Нью-Йорк тратит массу усилий на то, чтобы добывать себе воду и удалять отбросы. Атомные электростанции работают на уране, запасы которого скудеют даже на других планетах нашей системы, а потребности в нем все возрастают. Жизнь города зависит от того, вовремя ли прибудет древесная масса для дрожжевых баков или минеральные соли для гидропонных установок. Наконец, проблема вентиляции. Иными словами, сохраняемое равновесие зависит от тысяч и тысяч разнообразных проблем, которые усложняются с каждым годом. Что произойдет с Нью-Йорком, если нарушить это равновесие хотя бы на час?

— Этого еще никогда не случалось.

— Но может случиться в будущем. В примитивные времена населенные центры были почти полностью независимы и потребляли продукцию близлежащих ферм. Только стихийное бедствие — наводнение, эпидемия или неурожай — могли причинить им вред. С ростом этих центров и развитием техники стало возможным преодолевать бедствия местного характера, привлекая помощь извне, издалека. В результате огромные территории Земли стали зависеть друг от друга. Города средневековых времен, даже самые крупные, могли просуществовать на своих запасах, в том числе неприкосновенных, по крайней мере, в течение недели. Когда Нью-Йорк только стал современным городом, он мог прожить на своих запасах в течение дня. Сейчас он не продержится и часа. То бедствие, которое десять тысяч лет назад ощущалось

бы как неудобство, тысячу лет назад — как серьезная помеха, сто лет назад — как большая проблема, — сего дня такое бедствие было бы равносильно катастрофе.

Бейли заерзал на стуле.

— Я это слышал и раньше. Наши медиевисты хотят покончить с городами. Они призывают вернуться назад к природе и заняться возделыванием земли. Они просто рехнулись: это невозможно. Нас слишком много, и историю нельзя повернуть вспять. Конечно, если бы не ограничивалась эмиграция на Внешние Миры...

— Вы знаете, почему она ограничивается.

— Тогда что нам делать? Вы топчетесь на одном месте.

— Почему бы не освоить новые миры? Галактика насчитывает сотни миллиардов звезд. Предполагается, что сто миллионов планет годны или могут быть сделаны годными для жизни.

— Это нелепость.

— Почему? — горячо возразил Фастольф. — Почему нелепость? Земляне осваивали планеты в прошлом. Более тридцати из пятидесяти Внешних Миров, включая нашу Аврору, были освоены самими землянами. Разве теперь это невозможно?

— Ну знаете ли...

— Не можете ответить?! Тогда я вам скажу. Если это и невозможно, то только потому, что на Земле процветает культ стальных городов. До их появления вы были свободнее и могли оторваться от Земли, чтобы начать все сначала на чужой планете. Вы делали это не менее тридцати раз. А сейчас земляне так изнежились, так увязли в своих стальных пещерах, что им не выбраться оттуда вовек. Вы сами, мистер Бейли, не могли представить, что горожанин способен пересечь открытое пространство на пути в Космотаун. Пересечь же космическое пространство к новому миру для вас должно быть труднее во сто крат. Урбанизм разъедает Землю, сэр.

— Даже если это и так, — рассердился Бейли, — какое вам до этого дело? Мы сами решим свои проблемы. А если не решим, значит, таким будет наш особенный путь в ад.

— Лучше свой собственный путь в ад, чем чужая дорога в рай? — съязвил Фастольф. — Однако я понимаю

вас. Едва ли приятно слушать проповеди чужестранца. А вот мы не отказались бы от поучений со стороны, ибо у нас тоже есть проблемы, причем аналогичные вашим.

— Перенаселенность? — криво усмехнулся Бейли.

— Аналогичные, но не одинаковые. Мы страдаем от недостатка населения. Как вы думаете, сколько мне лет?

— Я бы сказал — шестьдесят, — умышленно зависил его возраст Бейли.

— А надо было сказать: сто шестьдесят.

— Неужели?

— А если быть точным, то скоро мне стукнет сто шестьдесят три года. Здесь нет никакого подвоха. Мой возраст исчисляется стандартным земным годом. Если мне повезет, и я буду за собой следить, и, самое главное, не подхвачу какую-нибудь земную болезнь, то доживу лет до трехсот. Многие жители Авроры достигают возраста трехсот пятидесяти лет. Причем средняя продолжительность жизни у нас постоянно растет.

Бейли оглянулся на Р. Дэниела (который за это время не проронил ни слова) будто за подтверждением.

— Но как это возможно? — недоуменно спросил он.

— В недонаселенном обществе большое внимание уделяется геронтологии — науке о старении организма. В вашем мире удлинение срока жизни было бы бедствием. Вы просто не можете себе позволить нового роста населения. На Авроре же хватает места и для трехсотлетних стариков. Чем длиннее жизнь, тем больше человек дорожит ею.

Умри вы сейчас, вы, возможно, потеряли бы ну сорок, а то и меньше лет жизни. Я же потерял бы не меньше полутора лет. Поэтому в нашей цивилизации важнейшую роль приобретает жизнь индивидуума. Уровень рождаемости у нас низок, а рост населения строго контролируется. И чтобы обеспечить наилучшие условия существования для каждого человека, мы поддерживаем определенное соотношение между количеством людей и роботов. Естественно, что мы тщательно отбираем умственно и физически неполноценных детей, не давая им достигнуть зрелого возраста.

Бейли прервал его:

— Значит, вы их убиваете, если они не...

— Если они не отвечают требованиям. Совершенно

безболезненно, заверяю вас. Вас это шокирует, так же как нерегулируемое развитие землян шокирует нас.

— Оно регулируется, доктор Фастольф. Каждой семье разрешается иметь определенное количество детей.

Доктор Фастольф снисходительно улыбнулся.

— Определенное количество любых детей, а не *здоровых* детей.

— Но кто решает, каким детям жить?

— Вопрос довольно сложный, и на него сразу не ответишь. Когда-нибудь мы с вами поговорим об этом подробнее.

— Ну так в чем ваши трудности? Похоже, что вы довольны своим образом жизни.

— Он стабильный. Вот в чем беда. Он слишком стабильный.

— Вам не угодишь,— заметил Бейли.— Мы, по-вашему, стоим на пороге невообразимого хаоса, ваши же порядки слишком стабильны.

— Стабильность может быть чрезмерной. За два с половиной столетия ни один из Внешних Миров не пытался осваивать новые планеты. Этого не предвидится и в будущем. Мы живем слишком долго и в слишком хороших условиях, чтобы рисковать.

— Быть может, это и так, доктор Фастольф. Но вы-то прилетели на Землю? Вы рискуете жизнью?

— Конечно. Среди нас есть люди, мистер Бейли, которые считают, что прогресс человечества стоит такого риска. К сожалению, нас пока мало.

— Ладно. Мы, кажется, подходим к самому главному. Какую роль в этом играет Космотаун?

— Пытаясь увеличить на Земле количество роботов, мы стремимся нарушить равновесие вашей экономики.

— Так-то вы собираетесь нам помочь! — Губы Бейли дрогнули.— То есть вы хотите, чтобы становилось все больше смещенных из-за роботов и деклассированных?

— Отнюдь не из-за жестокости или бессердечия, поверьте мне,— убеждал его доктор Фастольф.— Эти смещенные, как вы их называете, составят ядро будущих переселенцев на новые планеты. Кстати, вашу древнюю Америку открыли корабли, экипажи которых были укомплектованы преступниками. Разве вы не видите, что го-

род бросает смещенных на произвол судьбы. Терять им нечего, но, покинув Землю, они завоюют себе лучшую жизнь.

— Но из этого ничего не получается.

— Пока — нет, — грустно согласился Фастольф. — Что-то здесь не так. Всему виной отвращение землян к роботам. А ведь именно роботы могут сопровождать людей, помочь им устроиться на необжитых планетах и, наконец, освоить их.

— Ну и что потом? Новые Внешние Миры?

— Нет. Внешние Миры появились еще до возникновения на Земле стальных городов. Новые же колонии будут созданы людьми, которые жили в крытых городах и к тому же знакомы с культурой С/Fe. Это будет синтез того и другого, своего рода гибрид. Если же оставить все по-старому, то вскоре начнет разрушаться земная цивилизация, а несколько позднее наступит черед медленного загнивания и распада культуры Внешних Миров. Новые колонии внесут что-то свежее, так как будут сочетать в себе то лучшее, что есть в обеих цивилизациях. Их благотворное влияние на более старые миры, включая Землю, поможет и нам зажить новой жизнью.

— Не знаю, не знаю... Все это очень туманно, доктор Фастольф.

— Да, это мечта. Поразмыслите над этим. — С этими словами космонит резко встал на ноги. — Я провел с вами больше времени, чем намеревался. Кстати, больше, чем положено с точки зрения безопасности здоровья. Вы разрешите мне оставить вас?

Бейли и Р. Дэниел вышли наружу, и снова сверху, но под другим углом на них лились потоки солнечного света, теперь уже более желтого оттенка. У Бейли возникла неясная мысль: «Как выглядит солнечный свет на другой планете? Может быть, он не такой яркий и слепящий. Может, там он более приятный?» Другой мир? Безобразный космонит с оттопыренными ушами наполнил его ум странными мыслями. Интересно, пришлось ли однажды докторам с Авроры задуматься над тем, оставить жизнь ребенку, по имени Фастольф, или нет? Не слишком ли он безобразен? А может, внешность вообще не принимается в расчет? В каких случаях отталкивающий вид считается уродством и какие виды уродства...

Но как только исчез солнечный свет и они вошли в первую дверь, ведущую к душевым, настроение у него изменилось.

Бейли в отчаянии затряс головой. Все это чепуха. Заставлять землян эмигрировать и устраиваться на новом месте! Какая чушь! Чего они в действительности добиаются? Ответ на это найти ему не удалось.

Служебная машина медленно катилась по проезжей части коридора. Бейли вновь почувствовал себя в реальном мире. На правом бедре он ощущал теплую, успокаивающую тяжесть своего бластера. Таким же теплом и спокойствием повеяло на него от шумной, бурлящей жизни огромного города.

В тот момент, когда они въезжали на его территорию, Бейли почувствовал какой-то странный, едва уловимый запах.

«Это пахнет город?» — удивился он.

Он подумал о двадцати миллионах человеческих существ, загнанных за стальные стены огромной пещеры, и в первый раз в жизни почувствовал их запах своими ноздрями, омытыми чистым наружным воздухом.

Интересно, как будет на другой планете? Меньше народу и больше воздуха. Значит, чище?

Но вокруг них шумел вечерний Нью-Йорк, а запах постепенно ослабевал и, наконец, исчез совсем, и Бейли стало неловко за свои мысли.

Он медленно нажал на рычаг управления и увеличил подачу лучистой энергии в двигатель. Машина резко увеличила скорость и нырнула в пустоту автотуннеля.

— Дэниел, — сказал Бейли.

— Да, Илайдж?

— Зачем доктор Фастольф рассказывал мне все это?

— Вполне вероятно, Илайдж, что он хотел показать вам всю важность данного расследования. Мы с вами должны не только расследовать убийство, но и спасти Космотаун, а вместе с ним и будущее всей человеческой расы.

— Было бы больше проку, — сухо ответил Бейли, — если бы он показал мне место преступления и позволил допросить тех, кто обнаружил труп.

— Сомневаюсь, чтобы вы узнали что-нибудь новое, Илайдж. Мы тщательно проверили всё сами.

— Так ли уж тщательно? Вы ничего не нашли. У вас нет никаких улик. Вы не знаете, кого подозревать.

— Не знаем, вы правы. Ответ нужно искать в городе... Точнее говоря, мы подозревали одно лицо.

— Как так? Что же вы раньше не сказали?

— Я не считал это необходимым, Илайдж. Да и для вас не секрет, что подозрение могло автоматически пасть лишь на одного человека.

— На кого? Кто это, черт побери?

— Единственный житель Земли, кто оказался на месте преступления,— комиссар Джулиус Эндерби.

ГЛАВА X

Вечер полицейского детектива

Служебную машину занесло в сторону, и она резко остановилась перед слепой бетонной стеной автотуннеля. Урчание мотора прекратилось, наступила мертвая тишина.

Бейли повернулся к сидящему рядом с ним роботу и неестественно спокойным голосом сказал:

— Что вы сказали?

Время растянулось, пока Бейли ждал ответа. Нарастал заунывный вибрирующий звук, который, достигнув своей невысокой вершины, стал постепенно затихать. Вероятно, в миле от них по каким-то своим делам пробиралась другая служебная машина. А может, это пожарная команда спешила на встречу с огнем.

Где-то в уголке его мозга возникла отвлеченная мысль: «Найдется ли хоть один человек, который знает все автодороги, извивающиеся в чреве Нью-Йорка?»

Нет такой минуты ни днем, ни ночью, когда бы они совершенно пустовали. И все же там можно найти места, где в течение многих лет не ступала нога человека. Перед Бейли неожиданно с уничтожающей четкостью возник кинорассказ, который он видел еще в детстве.

Местом действия были автодороги Лондона, и все начиналось, как и положено, с убийства. Убийца пытался скрыться в заранее подготовленном убежище на одной из автодорог, в пыли которой за сотню лет отпечатались

следы только его ботинок. В этом убежище он был бы в полной безопасности, покуда не закончатся розыски.

Но он свернул не в ту сторону и в безмолвном унынии извилистых коридоров произнес безумную и богохульную клятву, что назло всем богам найдет свое убежище.

С тех пор он ни разу не свернул в нужном направлении. Он бродил по нескончаемому лабиринту от Брайтонского сектора на Ламанше до Норвича и от Ковентри до Кентербери. Он пробирался, как крот, из одного конца громадного лондонского подземелья в другой, по всей юго-восточной оконечности Старой Англии. Его одежда превратилась в лохмотья, а ботинки истрепались вконец, силы изменяли ему, но никогда не покидали его совсем. Он устал, очень устал, но не мог остановиться. Он мог лишь идти вперед и вперед, туда, где его ждали неверные повороты.

Иногда до него доносился шум проезжавших машин, но они всегда оказывались в соседнем коридоре, и, как бы быстро он туда ни бросался (ибо теперь он бы с радостью сдался властям), коридоры всегда оказывались пустыми. Иногда он замечал далеко впереди выход, который мог вернуть ему жизнь и воздух, но, сколько бы он ни приближался к нему, выход мерцал еще дальше, а после очередного поворота исчезал вовсе.

Некоторым лондонским чиновникам доводилось видеть издали на подземных дорогах расплывчатый силуэт человека, который бесшумно брел навстречу, с мольбой протягивая к ним руки и беззвучно шевеля губами. Когда к нему приближались, он словно растворялся и исчезал.

Это был один из тех рассказов, которые из области дешевой беллетристики перешли в царство фольклора. «Бродячего лондонца» знал весь мир.

В глубинах Нью-Йорка Бейли вспомнил этот рассказ, и ему стало не по себе.

Р. Дэниел заговорил, и его голос повторяло слабое эхо.

— Нас здесь могут подслушать,— насторожился он.

— Здесь? Никогда в жизни. Так что вы сказали о комиссаре?

— Он был на месте преступления, Илайдж. Он житель города. Естественно, что мы подозревали его.

— Подозревали? А сейчас?

— А сейчас— нет. Его невиновность была быстро доказана. Прежде всего, у него не было бластера. И не могло быть. Он проник в Космотаун обычным путем; это установлено точно. Как вам известно, все оставляют свое оружие при входе в Космотаун.

— Кстати, удалось вам обнаружить орудие убийства?

— Нет, Илайдж. Мы осмотрели все бластеры в Космотауне, и оказалось, что в течение нескольких недель они не были в употреблении. Проверка радиационных камер не оставляет никакого сомнения в этом.

— Следовательно, убийца либо так хорошо спрятал оружие, что...

— На территории Космотауна оно не обнаружено. Мы тщательно все осмотрели...

— Я пытаюсь представить себе все возможности,— нетерпеливо прервал его Бейли.— Значит, убийца спрятал оружие или унес его с собой.

— Совершенно верно.

— И если вы признаете только вторую возможность, значит, комиссар вне подозрений.

— Да. Для большей уверенности мы подвергли его цереброанализу.

— Какому анализу?

— Под цереброанализом я подразумеваю расшифровку электромагнитных полей живых мозговых клеток.

— Ага...— протянул неуверенно Бейли.— А что это вам дает?

— Мы получаем данные о типе нервной деятельности данного человека. В отношении комиссара Эндерби мы узнали, что он не способен на убийство доктора Сартона. Совершенно неспособен.

— Верно,— согласился Бейли.— Не такой он человек. Я бы вам сразу это сказал.

— Лучше иметь объективные данные. Естественно, все жители Космотауна согласились пройти цереброанализ.

— И конечно, все вне подозрений.

— Несомненно. Поэтому мы убеждены, что убийца живет в городе.

— Что ж, давайте пропустим всех жителей через эту вашу штучку.

— Это было бы не очень практично, Илайдж. Воз-

можно, лиц, способных по темпераменту на такой поступок, оказалось бы миллионы.

— Так уж и миллионы...— проворчал Бейли и подумал о том далеком дне, когда толпы людей всячески поносили «грязных космонитов», и о недавней осаде обувного магазина не менее грозной толпой.

Бедный Джулиус. Подозреваемый!

Бейли вспомнил, как комиссар рассказывал ему об убийстве. «Это было жестоко, жестоко»,— как сейчас слышал он его голос. Не удивительно, что от такого потрясения он уронил свои очки, а потом не хотел ехать с ним в Космотаун. «Я ненавижу их»,— процедил он тогда сквозь зубы.

Несчастный Джулиус! Знаток космонитов. Человек, заслуга которого перед городом заключалась в том, что он умел с ними ладить. Интересно, помогало ли это ему делать карьеру?

Не мудрено, что он поручил расследование Бейли. Преданный старина Бейли. Старый приятель! Уж он-то попридержит язык за зубами, если докопается до правды. «Интересно,— подумал Бейли,— как проводится этот церебронализ?» Он представил себе огромные электроды, деловитые пантографы, вычерчивающие кривые на миллиметровке, автоматические устройства, со щелчком принимающие нужное положение.

Бедняга Джулиус! Если он сейчас в таком ужасном отчаянии, в каком у него есть все основания быть, значит, у него перед глазами стоит строгое лицо мэра, который держит в руках его заявление об уходе в отставку, а вместе с ним и конец его блистательной карьеры.

Тем временем машина скользнула в нижние этажи здания городского муниципалитета.

Было уже 14.30, когда Бейли добрался до своего письменного стола. Комиссара на месте не оказалось. Вечно улыбающийся Р. Сэмми не знал, куда комиссар отлучился.

Бейли некоторое время провел за размышлениями. Он даже не испытывал чувства голода.

В 15.20 к его столу подошел Р. Сэмми и сказал:

— Комиссар уже у себя, Лайдж.

— Спасибо,— поблагодарил его Бейли.

Впервые вид Р. Сэмми не вызывал у него раздражения. В конце концов у Р. Сэмми было что-то общее с Р. Дэниелом, а Р. Дэниел отнюдь не такое существо — вернее, предмет,— который действует на нервы. «Интересно,— подумал Бейли,— как сложится жизнь на новой планете, где с самого начала у людей и роботов будут равные права?» Эта мысль несколько не вывела его из себя.

Комиссар просматривал какие-то бумаги, делая на полях пометки.

— Ну и дали же вы маху в Космотауне! — сказал он.

Длинное лицо Бейли вытянулось еще больше от досады.

— Вы правы, комиссар. Мне очень жаль...

Эндерби бросил на него пристальный взгляд. Сейчас, впервые за последние тридцать часов, он выглядел самым собой.

— Ничего страшного,— сказал он.— Похоже, что Фастольф не обозлился, так что забудем об этом. Станный народ эти космониты. Вам повезло, Лайдж, хоть вы этого не заслужили. В следующий раз посоветуйтесь со мной, прежде чем надумаете изображать из себя героя-одиночку из субэтерикса.

Бейли молча кивнул. С его плеч свалилась огромная тяжесть. Он хотел с треском разоблачить космонитов, но у него ничего не вышло. Что ж, ладно. Его слегка удивило, как безразлично он относится к этому сейчас, но факт остается фактом.

— Послушайте, комиссар,— сказал он.— Мне нужна квартира на двоих, для меня с Дэниелом. Я не поведу его сегодня к себе.

— Что это вдруг?

— Всем стало известно, что он робот, понимаете? Может, ничего и не случится, но я не хочу подвергать опасности семью, если начнутся беспорядки.

— Чепуха, Лайдж. Я проверил. В городе нет никаких слухов.

— Но Джесси откуда-то узнала, комиссар.

— То есть нет организованных слухов. Ничего серьезного. Я занимался проверкой с тех пор, как отключился от дома Фастольфа. Собственно, я поэтому и ушел. Что-

бы оперативно проверить источник слухов. Вот сообщения. Смотрите сами. Дорис Гиллид побывала в женских туалетных разных районах города. Вы знаете Дорис, она способная девушка. Она ничего не обнаружила. Нигде.

— Тогда как об этом узнала Джесси, комиссар?

— Это можно понять. Р. Дэниел устроил спектакль в обувном магазине. Кстати, Лайдж, он действительно вынул бластер или вы немножко увлеклись?

— Он вынул его в самом деле. И даже направил на толпу.

Комиссар покачал головой.

— Ну ладно. Кто-то узнал его. Признал в нем робота.

— Погодите! — возмутился Бейли. — Его нельзя отличить от человека.

— Почему?

— Вы могли? Я вот не смог.

— Это не доказательство. Мы с вами не специалисты. Предположим, в толпе был роботехник с заводов в Уэстчестере. Профессионал — человек, который всю жизнь занимается постройкой и конструированием роботов. Он замечает что-то странное в Р. Дэниеле. То, как Р. Дэниел говорит, или его манеру держаться. У него возникают сомнения. Может, он делится ими со своей женой, а та рассказывает подругам. Но это слишком неправдоподобно. Слухи замолкают. Люди не верят этому. Но до Джесси слухи успели дойти.

— Может быть, — неуверенно согласился Бейли. — Тем не менее как насчет комнаты на двоих?

Комиссар пожал плечами и поднял переговорную трубку. Через некоторое время он сказал:

— Вам могут дать лишь сектор Q-27. Соседство неважное.

— Ничего, сойдет.

— Кстати, где сейчас Р. Дэниел?

— Он просматривает картотеку. Пытается собрать сведения о подстрекателях.

— Боже правый, да ведь их миллионы!

— Я знаю, но он делает это с удовольствием.

Бейли уже было взялся за ручку двери, но неожиданно обернулся и спросил:

— Комиссар, доктор Сартон рассказывал вам о планах Космотауна? О внедрении культуры C/Fe?

— О чем?
— О введении роботов.
— Немного,— сказал комиссар равнодушно.
— Он говорил вам когда-нибудь, какие цели преследует Космотаун?

— О, улучшение здоровья людей, повышение жизненного уровня. Обычная болтовня, ничего нового. Конечно, я соглашался с ним. Поддакивал и все прочее. А что мне оставалось делать? Пусть себе тешатся, авось далеко не зайдут. Быть может, когда-нибудь...

Бейли ждал, но так и не узнал, что может произойти «когда-нибудь».

— А он говорил об эмиграции? — упорствовал он.

— Об эмиграции? Нет. Пустить жителя Земли на Внешние Миры им не легче, чем найти алмазный астероид в кольцах Сатурна.

— Я имею в виду эмиграцию на новые планеты.

На это комиссар ответил взглядом, полным откровенного скептицизма.

Бейли помолчал немного, а потом вдруг выпалил:

— Комиссар, что такое cerebroанализ? Когда-нибудь слышали об этом?

Круглое лицо комиссара нисколько не изменилось; он спокойно ответил:

— Понятия не имею. А что это?

— Ничего. Просто услышал где-то...

Он вышел из кабинета и, усевшись за свой стол, снова погрузился в размышления. Не такой уж комиссар актер, чтобы так притворяться. Что ж тогда...

В 16.05 Бейли позвонил жене и сообщил ей, что ни сегодня, ни в течение нескольких следующих дней он не будет почевать дома. После этого Джесси никак не хотела класть трубку.

— Лайдж, что случилось? Ты в опасности?

— Полицейский всегда подвергается опасности, — объяснил он беспечным тоном.

Такой ответ, видимо, не устраивал ее.

— Где тебя искать?

Но он не хотел ей говорить.

— Если тебе будет вечером скучно, поезжай к своей матери,— сказал он поспешно и тут же отключил линию.

В 16.20 он заказал разговор с Вашингтоном. У него ушло много времени, чтобы разыскать человека, которому он звонил, и не меньше того, чтобы убедить его на следующий день вылететь в Нью-Йорк. К 16.40 ему это удалось.

В 16.55 из кабинета вышел комиссар и, проходя мимо Бейли, неопределенно ему улыбнулся. Дневная смена повалила к выходу. Те немногие, кто работал здесь вечером, при виде Бейли приветствовали его с различной степенью удивления в голосе.

К столу подошел Р. Дэниел с кипой бумаг в руках.

— Это что? — спросил Бейли.

— Список тех, кто может иметь отношение к организации медиевистов.

— Сколько же их набралось?

— Более миллиона,— сказал Р. Дэниел.— У меня только часть из них.

— И вы надеетесь все это проверить, Дэниел?

— Это было бы непрактично, Илайдж.

— Слушайте, Дэниел, почти все земляне медиевисты по натуре. Комиссар, Джесси, я сам. Возьмите, например, комиссара с его... (Он чуть было не сказал «очками», но вспомнил, что земляне должны держаться друг за друга и что нужно беречь лицо комиссара как в прямом, так и в переносном смысле...) с его украшением вокруг глаз,— невнятно закончил он.

— Да, я обратил на это внимание, но не решался спросить, что это такое,— сказал Р. Дэниел и добавил:— У других землян я не видел таких украшений.

— Это довольно старомодная штука.

— А для чего она служит?

Бейли оставил этот вопрос без ответа, а вместо этого спросил сам:

— Как вам удалось составить этот список?

— Его составила машина. Оказывается, машине можно дать определенную задачу, и она сделает все остальное. Я настроил ее на проверку всех случаев нарушения общественного порядка, связанных с роботами, за последние двадцать пять лет. Другая машина просмотрела местные газеты приблизительно за тот же срок в поисках материалов, направленных против роботов или космонитов. Поразительно, как много можно сде-

лать за три часа! Машина даже вычеркнула из списка тех, кого нет в живых.

— Чему вы удивляетесь? Ведь у вас тоже есть электронные машины.

— Конечно, и самые разнообразные. Очень совершенные. Но все они уступают вашим по величине и сложности. Нам такие и не нужны, учитывая тот факт, что население самого крупного из Внешних Миров едва достигает населения Нью-Йорка.

— Вы бывали на Авроре? — спросил его Бейли.

— Нет, — ответил Р. Дэниел. — Меня собрали на Земле.

— Откуда же вы знаете, какие там электронные машины?

— Ну, это просто, партнер Илайдж. Моя электронная память содержит все, что знал покойный доктор Сартон. Можете не сомневаться, что в ней достаточно фактического материала о Внешних Мирах.

— Понятно. Вы можете есть пищу, Дэниел?

— Я работаю на ядерном топливе. Я думал, вы знаете об этом.

— Прекрасно знаю. Я спросил, умеете ли вы есть, а не нуждаетесь ли вы в пище? Класть пищу в рот, пережевывать ее, глотать? Ведь это очень существенная деталь, без которой нельзя походить на человека.

— Я вас понял. Да, я могу производить механические операции жевания и глотания. Но емкость того, что вы могли бы назвать желудком, у меня мала, так что рано или поздно мне надо удалять поглощенный материал.

— Отлично. Вы его отрыгнете вечером, когда вернемся домой. Дело в том, что я проголодался. Я прозевал обед — черт его подери! — и хочу, чтобы вы пошли со мной в столовую. Вам придется делать вид, что вы едите, не то на вас живо обратят внимание. Поэтому я и спрашивал. Ну, поехали!

Все столовые жилых секторов города похожи одна на другую. Более того, Бейли довелось бывать по делам в Вашингтоне, Торонто, Лос-Анжелесе, Лондоне и Будапеште, и там столовые точно такие же. Вероятно, в средневековую эпоху было иначе: тогда и языки и блюда были разные. Теперь всюду одни и те же дрожжи: от

Шанхая до Ташкента и от Виннипега до Буэнос-Айреса; что касается языка, то он перестал быть английским Шекспира и Черчилля, а окончательно превратился в какой-то винегрет, которым пользовались на всех континентах и даже, с некоторыми изменениями, на Внешних Мирах.

Помимо языка и меню есть еще нечто такое, что еще больше сближает столовые. Это — специфический запах, не поддающийся определению, характерный запах столовой. Это — тройная очередь, медленно подвигающаяся ко входу, сливающаяся у двери и снова разветвляющаяся влево, вправо и в центр. Это — людской гомон и шум от шарканья ног, в который врывается резкий перестук пластмассовой посуды. Это — отполированная до блеска имитация дерева, блики на стекле, длинные столы и облачка пара над тарелками.

Бейли медленно продвигался с очередью (несмотря на строгий график посещения столовой, в очереди приходится ждать по меньшей мере минут десять) и с неожиданным любопытством спросил Р. Дэниела:

— А вы умеете улыбаться?

Р. Дэниел, занятый тем, что внимательно вглядывался внутрь столовой, переспросил:

— Простите, Илайдж?

— Мне просто любопытно, Дэниел. Вы умеете улыбаться? — сказал он шепотом.

Р. Дэниел улыбнулся. Это была странная улыбка: его губы быстро растянулись в стороны и вверх, образовав на щеках две складки. Улыбался, однако, только рот. Улыбка не тронула большую часть лица робота.

Бейли покачал головой.

— Спасибо, Р. Дэниел. Лучше не улыбайтесь.

Они были у входа. Люди по очереди опускали свои жетоны в соответствующую прорезь автоматического контролера. Щелк, щелк, щелк...

Кто-то подсчитал, что четко работающая столовая может пропустить двести человек в минуту, причем жетоны каждого из них тщательно проверяются, чтобы каждый шел, куда положено, ел, что положено и сколько положено. Подсчитано также, какой длины должна быть очередь для максимальной эффективности столовой и сколько времени отнимает особое обслуживание.

Поэтому нарушение ритма работы столовой всегда имеет пагубные последствия. Именно в этом и были повинны Бейли и Р. Дэниел, когда они, миновав автомат, предъявили дежурной специальный пропуск.

Об этих последствиях Бейли как-то узнал от Джесси, хорошо осведомленной, как помощник диетолога, о работе столовых.

— Все тогда идет кувырком,— рассказывала она ему.— Меняется закладка, меняется калькуляция. Приходится заниматься дополнительной проверкой. То есть надо сравнить чеки всех остальных столовых сектора, чтобы проверить, не слишком ли нарушен баланс. Понимаешь? Баланс полагается составлять каждую неделю. И если что-нибудь случилось и у тебя перерасход, то виновен в этом прежде всего ты. Городские власти, как всегда, ни при чем, хотя сами раздают талоны налево и направо. Еще бы! А какой шум поднимается, когда объявляем, что выбора блюд не будет... В общем, как обычно, все неприятности валятся на голову человека за прилавком. Ему всегда достается больше всех.

Бейли прекрасно помнил все это и спокойно воспринял тот холодный, убийственный взгляд, который метнула в него из окошка дежурная. Она торопливо записывала: местожительство, род занятий, причина посещения чужой столовой («служебная командировка» — причина, вызывающая раздражение, но достаточно веская). Затем уверенными движениями она сложила чек и опустила его в прорезь. Электронный аппарат подхватил чек, поглотил его содержимое и переварил информацию. Дежурная повернулась к Р. Дэниелу.

Бейли добил ее.

— Мой приятель из другого города,— сказал он.

— Место постоянного жительства, пожалуйста,— спросила женщина с крайне недовольным видом.

И Бейли снова не дал Р. Дэниелу открыть рта.

— Сошлитесь на Полицейское управление. Детали не требуются. Находится здесь с официальным заданием.

Женщина рывком достала пачку чеков и заполнила их электронным кодом привычным нажатием двух пальцев правой руки.

— Долго вы будете у нас питаться? — спросила она.

— Впредь до дальнейшего уведомления,— ответил Бейли.

— Приложите сюда пальцы,— сказала она, перевернув бланк.

У Бейли екнуло сердце, когда Р. Дэниел приложил к бланку свои ровные, с блестящими ногтями пальцы. Да нет, едва ли они могли забыть такую важную деталь, как отпечатки пальцев.

Женщина взяла бланк и вставила его во всеядную машину, находившуюся у нее под рукой. Машина ничего назад не отрыгнула, и Бейли облегченно вздохнул.

Бейли и Р. Дэниел получили временные жетоны ярко-красного цвета. Женщина за конторкой, выдавшая им жетоны, строго предупредила:

— Сегодня выбора блюд нет. У нас перерасход продуктов. Ваш стол ДФ.

Они направились к столу ДФ.

— У меня создается впечатление, что большинство из вас регулярно питается в таких столовых,— заметил Р. Дэниел.

— Конечно. Правда, довольно неприятно ходить в незнакомую столовую. Ты никого здесь не знаешь. Другое дело в своем секторе: там всегда занимаешь определенное место, с тобой семья, твои друзья. А для молодежи это просто одно удовольствие.— И Бейли улыбнулся своим воспоминаниям.

Их стол, видимо, был предназначен для таких, как они, временных клиентов. Многие из них уже заняли свои места и сидели, молча уткнувшись в тарелки или с завистью поглядывая на другие столы, откуда доносились взрывы громкого смеха.

«Нет ничего хуже,— подумал Бейли,— чем питаться в чужом месте. Дома даже пища кажется вкуснее, что бы там ни твердили химики, готовые поклясться, что здесь она несколько не отличается от того, чем кормят в Иоганнесбурге».

Бейли сел на стул; Р. Дэниел уселся рядом.

— Нет выбора,— недовольно проворчал он,— что ж, тогда повернем этот выключатель и будем ждать.

Прошло две минуты. Диск в крышке стола отодвинулся в сторону, и в образовавшемся отверстии появилось дымящееся блюдо.

— Картофельное пюре, соус из зимовила и печеные абрикосы. Не так плохо,— заключил Бейли.

В проеме у низкой переборки посередине стола оказалась вилка и ломти темного дрожжевого хлеба.

— Если хотите, можете взять мою порцию,— едва слышно сказал Р. Дэниел.

Бейли было возмутился, но, вспомнив, с кем имеет дело, лишь пробормотал:

— Это неприлично. Начинайте. Ешьте.

Бейли поглощал еду быстро, но без удовольствия, изредка осторожно поглядывая на Р. Дэниела. Робот методично двигал челюстями. Слишком методично. Уж очень неестественно.

Странная вещь! Теперь, когда Бейли поверил, что Р. Дэниел действительно робот, в глаза ему бросались прежде неприметные детали. Например, что у Р. Дэниела при глотании не двигается кадык.

Но теперь это его не трогало. Неужто он уже так привык к этому существу? Допустим, что люди начнут освоение нового мира (с тех пор как доктор Фастольф заронил в нем эту мысль, она часто приходила ему на ум); допустим, туда отправится, ну, скажем, Бентли; сможет ли он привыкнуть работать и жить бок о бок с роботами? «Почему бы и нет? Чем мы хуже космонавтов?»

— Илайдж,— прервал его размышления Р. Дэниел,— прилично ли смотреть на человека, когда он ест?

— Конечно, нет, особенно если ты уставишься ему прямо в рот. Это подсказывает простой здравый смысл, не так ли? Человек имеет право на уединение. Однако разговаривать во время еды вполне прилично.

— Понятно. Тогда почему я насчитал восемь человек, которые внимательно, очень внимательно наблюдают за нами?

Бейли положил вилку. Он огляделся вокруг, как бы в поисках миниатюрной солонки.

— Я не заметил ничего подозрительного,— сказал он без всякой уверенности в голосе.

Скопление обедающих в столовой представилось ему лишь огромной безликой массой. Когда же Р. Дэниел повернул к нему свои невыразительные карие глаза, Бейли вдруг осенило, что это вовсе не глаза, а мощные

объективы, способные с фотографической точностью и в ничтожно малое время зафиксировать все, что творится вокруг.

— Но я совершенно в этом уверен,— спокойно возразил Р. Дэниел.

— Ну и что из того? Они просто не умеют себя вести, а это еще ничего не доказывает.

— Не знаю, Илайдж, но случайно ли то, что шестеро из них были в толпе, осаждавшей вчера вечером обувной магазин?

ГЛАВА XI

Бегство из столовой

Бейли судорожно сжал в руке вилку.

— Вы не ошибаетесь? — спросил он механически и тут же сообразил неуместность своего вопроса. Глупо спрашивать электронно-вычислительную машину, уверена ли она в своем ответе, даже если у нее есть руки и ноги.

— Нисколько,— ответил Р. Дэниел.

— Далеко они от нас?

— Не очень. В разных местах зала.

— Так, так.— Бейли снова принялся за еду, машинально двигая вилкой. Он нахмурился и лихорадочно оценивал обстановку.

Предположим, что вчерашние беспорядки были спровоцированы группой фанатиков, ненавидящих роботов, а не возникли случайно, как это показалось на первый взгляд. Среди подстрекателей могли быть люди, которые упорно занимались изучением роботов именно из-за своей ненависти к ним. Один из них, вероятно, сумел распознать в Р. Дэниеле робота. (Комиссар еще раньше подкасал такую возможность. Черт побери, иной раз поражаешься глубине ума этого человека!)

В этом есть логика. Хотя они и не сумели воспользоваться вчерашними беспорядками, но могут спровоцировать новые. Распознав Р. Дэниела, они с таким же успехом могли догадаться, кто такой Бейли. Раз офицер полиции находится в необычном обществе человекопо-

добного робота, значит, он — важная персона. (Теперь-то, задним числом, Бейли было легко все это сообразить)

Из этого следует, что, наблюдая за муниципалитетом, — а возможно, через своих агентов в муниципалитете, — им было нетрудно в короткое время установить слежку за Бейли, Р. Дэниелом или за ними обоими. Не удивительно, что им удалось это сделать в течение суток. Они обнаружили бы его еще раньше, не проводи он столько времени в Космотауне и в дороге.

Р. Дэниел кончил есть. Он молча сидел; его совершенной формы руки спокойно лежали на краю стола.

— Не лучше ли нам предпринять что-нибудь? — наконец спросил он.

— Здесь мы в полной безопасности, — сказал Бейли. — И предоставьте это мне. Пожалуйста.

Бейли осторожно огляделся вокруг, будто впервые оказался в столовой.

Люди! Тысячи людей. Сколько народу вмещает такая столовая? Он припомнил какие-то цифры. Кажется, в среднем две тысячи двести человек. А здесь их еще больше.

Что, если в воздухе раздастся крик: «Робот!»? Что, если среди тысяч людей он пронесется подобно?..

Он искал подходящее сравнение, да не нашел. Неважно, все равно это не случится.

Стихийный мятеж может вспыхнуть где угодно: в столовых, так же как и в коридорах и подъемниках. Пожалуй, в столовых скорее, чем где-либо. Люди здесь чувствуют себя свободней, простая забава из-за пустяка может перерасти здесь в нечто более серьезное.

Другое дело — организованный мятеж. В столовой сами подстрекатели окажутся среди разъяренной толпы, словно в ловушке. Как только в воздух полетят тарелки и затрещат столы, выбраться из зала будет нелегко. В числе сотен погибших могут оказаться и сами зачинщики бунта.

Нет, надежней устроить мятеж на улицах города, в каком-нибудь нешироком проходе. Пока паника будет ограничена этим пространством, можно быстро скрыться в заранее намеченном боковом переходе или незаметно ступить на межсекторный эскалатор и исчезнуть на одном из верхних горизонтов.

«Мы в западне,— подумал Бейли.— Снаружи, наверное, у них тоже есть люди. Они будут следить за каждым нашим шагом и в нужный момент подожгут запал».

— Почему бы не арестовать их? — спросил Р. Дэниел.

— Это только ускорит события. Вы помните их лица? Постарайтесь их не забыть.

— Я не способен забывать.

— Тогда мы схватим их в другой раз. А сейчас надо прорвать их сети. Следуйте за мной. Действуйте в точности, как я.

Он поднялся, перевернул свою тарелку вверх дном и установил ее в середине диска, из-под которого она появилась раньше. Затем он опустил в проем вилку. Р. Дэниел сделал то же самое. Вся посуда тотчас же исчезла.

— Они тоже встают,— заметил Р. Дэниел.

— Хорошо. Мне кажется, они к нам не подойдут. Во всяком случае, не здесь.

Детектив и робот стали в очередь к выходу, где слышалось ритуальное пощелкивание автоматов; каждый щелчок означал, что использован один обеденный паек.

Бейли оглянулся на гудящий, словно окутанный легкой дымкой зал и с необыкновенной ясностью вспомнил, как шесть или семь лет назад он водил Бена в зоопарк. Нет, то было восемь лет назад, потому что Бену только исполнилось восемь. («Боже! Куда делись эти годы?»)

Бен впервые попал в зоопарк и поэтому был в восторге. Ведь до того он ни разу не видел живую кошку или собаку. Но больше всего ему понравился вольер с птицами. Даже Бейли, который бывал здесь не однажды, с удовольствием рассматривал их.

Он испытывал не сравнимое ни с чем удивление, впервые увидев, как живые существа так непринужденно порхают по воздуху... Они подошли к клетке с воробьями во время кормежки, и служитель наполнил длинный желоб дробленным овсом. (Если люди постепенно привыкли к своим дрожжевым эрзацам, то более консервативные птицы и животные настаивали на натуральных продуктах.)

Воробьи слетались со всех сторон, и казалось, их было бесчисленное множество. С пронзительным щебетаньем они плотно, крылом к крылу, уселись по краям желоба...

Вот в чем дело: именно эта картина возникла перед

его глазами, когда он оглянулся на столовую. Воробы на кормежке. «Какое отвратительное зрелище!»

«Боже, — подумал он, — должен же быть какой-то иной путь!»

Но какой? Чем плох путь, который избрали они? Подобные мысли прежде не тревожили его.

— Вы готовы, Дэниел? — бросил он отрывисто.

— Я готов, Илайдж.

Они вышли из столовой; теперь их спасение было в руках одного Бейли.

Почти всем подросткам знакома игра, известная под названием «кросс по тротуарам». Ее правила почти одинаковы во всех городах, поэтому мальчик из Сан-Франциско без всякого труда мог бы принять в ней участие, оказавшись в Каире.

Суть ее заключается в том, что группа участников во главе с «лидером» отправляется из пункта «А» в пункт «Б», пользуясь всеми видами городского транспорта. При этом задача лидера — избавиться от большинства или всех своих преследователей. Если ему удастся это сделать и он прибывает на конечный пункт один, значит, он поистине искусный лидер, и лавры с ним делит тот из участников, кто преследовал его до конца.

Игра обычно проводится в вечерние часы «пик», что намного усложняет и делает ее гораздо опасней. Лидер устремляется вперед, перебегая с тротуара на тротуар. Чтобы сбить с толку преследователей, он подолгу не сходит с какой-нибудь дорожки, а потом неожиданно бросается вправо или влево. Затем быстро пересекает несколько других дорожек и снова останавливается на одной из них.

Беда тому преследователю, кто зазевается и ошибется дорожкой. Если он недостаточно ловок, даже если вовремя заметит свою ошибку, его тотчас же унесет далеко вперед или назад от лидера. А тот, конечно, постарается увеличить разрыв, помчавшись в нужном направлении.

Трудность игры возрастает во сто крат, если лидер решается пересечь межсекторные скоростные линии или даже сам экспресс. Считается неспортивным как совсем избегать их, так и слишком долго оставаться на них.

Взрослым трудно понять, в чем прелесть этой игры, в особенности тем, кто в детстве сам не увлекался ею. Участникам здорово достается от обычных пассажиров — как ни старайся, а налетишь не на одного из них. Их безжалостно преследует полиция и наказывают родители. Им выговаривают за это в школах и поучают во время сеансов в субэтериках. Не проходит года без четырех, а то и пяти смертельных случаев среди подростков — участников игры, десятков раненых, множества в той или иной степени «невинно» пострадавших.

Но никто не может справиться с ними. Чем больше опасность, тем ценнее награда из всех существующих наград — уважение в глазах сверстников. Подросток по праву гордится своим умением хорошо бегать кросс; слава же непобедимого лидера делает его заправилкой среди ребят.

Илайдж Бейли, например, даже сейчас с удовольствием вспоминает, что когда-то сам участвовал в кроссах. Однажды он вел группу в двадцать человек от сектора Конкорс до границ Куинса через три экспресс-транспортёра. За два утомительных, изнуряющих часа ему удалось избавиться от самых ловких преследователей из Бронкса и достичь конечного пункта в одиночку. Молва об этом кроссе не умолкала несколько месяцев...

Увы, сейчас ему уже за сорок, и хотя прошло больше двадцати лет с тех пор, как он бегал, он еще помнил кое-какие из старых трюков. Если он и утратил былую ловкость, то приобрел нечто другое. Он — полицейский. Знать город так хорошо, как он, знать начало и конец почти каждого закованного в металл проспекта мог только другой сотрудник полиции, с не меньшим, чем у него, опытом.

Он проворно, но не слишком быстро зашагал прочь от столовой. Вот-вот за спиной раздастся крик: «Робот, робот!» Сейчас самый рискованный момент. Он считал шаги, пока не почувствовал под ногами ленту первого тротуара.

На мгновение он остановился, и Р. Дэниел придвинулся к нему.

— Они идут за нами, Дэниел? — спросил он полушепотом.

— Да, и приближаются.

— Ну, это ненадолго,— уверенно отозвался Бейли.

Он оглядел дорожки, простиравшиеся по обе стороны от него. Каждая дорожка слева со все большей скоростью несла на себе живой человеческий груз. Почти всю свою жизнь он по многу раз в день чувствовал под собой движение тротуара, но впервые за последние семь тысяч дней он согнул ноги в коленях перед броском вперед. Его охватило так хорошо знакомое ему волнение, дыхание его участилось.

Легким и быстрым шагом, с темпом, вдвое большим «нормального», он стал переходить с дорожки на дорожку. Он резко наклонялся вперед, сопротивляясь ускорению. Теперь рядом с ним шелестела межсекторная линия. Какое-то мгновение казалось, что он непременно ступит на нее, однако он неожиданно подался назад и пошел все дальше и дальше, пробираясь через толпу, которая становилась тем плотнее, чем медленнее двигались тротуары. Он остановился на дорожке, идущей всего со скоростью каких-нибудь пятнадцати миль в час.

— Ну сколько их там позади, Дэниел?

— Всего один, Илайдж.— Робот стоял рядом с ним, спокойный и не запыхавшийся.

— Должно быть, он неплохо бегал в детстве, но и ему долго не продержаться.

Полный уверенности в своих силах, Бейли испытывал какое-то смутное волнение. Отчасти это было возбуждение участника мистического обряда, к которому допускались только избранные, отчасти — физическое ощущение ветра, бьющего ему прямо в лицо, и острое чувство опасности.

— То, что мы сейчас сделаем, называется «боковой финт»,— сказал он тихо Р. Дэниелу.

Он широким, быстрым шагом пошел по дорожке, ловко лавируя среди других пешеходов. Он, не сбавляя хода, двигался вдоль самой кромки тротуара, и ритмичное мелькание его головы в толпе, должно быть, имело гипнотический эффект. На это, собственно, он и рассчитывал.

Не меняя скорости, Бейли шагнул в сторону всего на два дюйма и оказался на соседней дорожке. Мышцы его ног напряглись до боли, чтобы удержать равновесие. Не останавливаясь, он проскользнул мимо скопления



Не снижая скорости, он снова помчался по ускоряющимся дорожкам...

пассажиров и попал на ленту, которая делала сорок пять миль в час.

— Ну, как теперь, Дэниел? — спросил он.

— Не отстаю, — последовал спокойный ответ.

Бейли стиснул зубы. Ничего не поделаешь, придется попробовать скоростные платформы; вот тут действительно нужна координация движений, пожалуй бóльшая, чем та, на которую он еще способен.

Он быстро огляделся. Мимо них пронеслась улица В-22. Прикинув что-то в уме, он сорвался с места. Все ближе и ближе к скоростной линии, и вот наконец ее платформа.

Отрешенные лица пассажиров скривились в гримасе негодования при виде того, как Бейли и Р. Дэниел вскочили на платформу и протиснулись под перилами.

— Эй, осторожнее! — схватилась за шляпку возмущенная дама.

— Простите, — задыхаясь, извинился Бейли.

Он пробился через стоящих пассажиров к противоположной стороне платформы. В последний момент какой-то разгневанный пассажир толкнул его в спину. Он потерял равновесие и, в отчаянии стараясь удержаться на ногах, шагнул на соседнюю ленту. От резкой перемены скорости он сначала упал на колени, а потом повалился на бок. Еще мгновение, и он собьет кого-нибудь, тот — другого, и беды не миновать: образуется людская пробка, куча мала, результатом которой будут десятки переломанных рук и ног...

Но тут он почувствовал, как рука Р. Дэниела подхватила его и с легкостью, недоступной человеку, поставила его на ноги.

— Спасибо, — выдохнул Бейли; на большее времени не было.

Он ринулся вниз по замедляющимся дорожкам. Его хитроумный замысел заключался в том, чтобы без потери времени оказаться в самой точке V-образного пересечения лент экспресса. Не снижая скорости, он снова помчался по ускоряющимся дорожкам, достиг экспресса и перескочил через него.

— Он все еще с нами, Дэниел?

— Нет. Я никого не вижу.

— Хорошо. Ну и лидер бы из вас получился, Дэниел!

А теперь сюда.— И, не переводя дыхания, он увлек его за собой на межсекторную ленту, а с нее вниз к широкой, внушительного вида двери.

Часовой преградил им путь.

— Мы по делу.— Бейли помахал перед ним удостоверением.

Они вошли внутрь.

— Энергостанция,— коротко заметил Бейли.— Здесь они окончательно потеряют наши следы.

Ему доводилось прежде бывать на энергостанциях, в том числе и на этой. Однако чувство благоговейного трепета от этого не уменьшалось. Оно овладевало им еще больше при мысли о том, что его отец когда-то руководил подобным предприятием до тех пор, пока...

В воздухе здесь царили острый запах озона и равномерный гул скрытых в глубине колодца мощных генераторов; ярко-красные линии молчаливо очерчивали границы, переступать которые без защитной одежды запрещалось.

Где-то в недрах установки (Бейли не знал, где точно) ежедневно потребляется около фунта ядерного топлива. Радиоактивные продукты распада, так называемая «горячая зола», удаляются сжатым воздухом по свинцовым трубопроводам в подводные пещеры, на расстояние в десять миль от берега океана и на глубину в полмили от его дна. Иной раз Бейли приходило на ум, что произойдет, когда эти пещеры наполнятся до отказа.

— Не подходите к красным линиям,— неожиданно резким тоном предупредил он Р. Дэниела. Затем, спохватившись, скромно добавил: — Впрочем, вам это наверно не страшно.

— Вы имеете в виду радиоактивность?

— Да.

— Тогда — страшно. Гамма-лучи нарушают чувствительное равновесие позитронного мозга. Они действуют на меня раньше, чем на вас.

— Вы хотите сказать, что они убьют вас?

— Мне понадобится новый позитронный мозг. Поскольку невозможно создать два совершенно одинаковых мозга, из меня выйдет новый индивидуум. Иными словами, погибнет Дэниел, с которым вы сейчас разговариваете.

Бейли посмотрел на него с сомнением.

— А я и не знал... По этому трапу, пожалуйста.

— Обычно об этом не говорят. Чтобы убедить землян, Космотаун подчеркивает преимущества таких, как я, а не наши слабости.

— Тогда зачем вы сказали мне?

Р. Дэниел посмотрел прямо в глаза своему живому напарнику.

— Вы — мой партнер, Илайдж. И вам надлежит знать все мои слабости и недостатки.

В ответ Бейли лишь неопределенно хмыкнул.

— Идемте сюда, — сказал он немного погодя. — Мы в четверти мили от нашей квартиры.

Это была унылая квартира низшей категории. Одна небольшая комната с двумя кроватями. Два складных стула и стенной шкаф. Встроенный в стену субэтеральный экран без ручного управления, который нельзя самостоятельно включить, но нельзя и выключить, когда он начнет работать. Здесь нет умывальника, даже самого простого, неактивированного; здесь нельзя приготовить пищу или хотя бы вскипятить воду. Лишь в углу торчит уродливая, ничем не замаскированная труба мусоропровода.

Бейли всего передернуло.

— Вот мы и дома. Надеюсь, выдержим.

Р. Дэниел подошел к мусоропроводу. Его рубашка разошлась по шву, обнаружив мускулистую на вид грудь.

— Что вы делаете? — удивился Бейли.

— Хочу избавиться от пищи, которую проглотил. Если ее оставить в пищевом мешке, она начнет портиться, и в моем обществе будет неприятно находиться.

Р. Дэниел нащупал что-то у себя на груди и особым образом надавил там двумя пальцами. Его грудная клетка раскрылась в продольном направлении. Р. Дэниел просунул руку сквозь паутину серебристого металла и извлек оттуда тонкий, местами вздувшийся полупрозрачный пакет. Бейли с ужасом наблюдал, как тот открыл его.

Р. Дэниел неуверенно сказал:

— Пища совершенно чистая. Я не выделяю слюну и

не жую. Понимаете, она проходит внутрь по пищеводу благодаря всасыванию. Она съедобна.

— Очень хорошо,— мягко ответил Бейли.— Я не голоден. Лучше выбросьте ее.

«Пищевой пакет Р Дэниела сделан из фтористо-углеродного пластика,— решил Бейли.— Хорошо хоть, что к нему ничего не пристает». Пища легко выходила из пакета и понемногу исчезала в мусоропроводе. «Хорошая ведь еда пропадает»,— подумал Бейли.

Бейли сел на край кровати и стянул с себя рубашку.

— Я предлагаю начать завтра пораньше,— сказал он.

— На это есть причина?

— Наши друзья пока не знают местоположения квартиры. Вернее, я надеюсь, что не знают. Чем раньше мы уйдем отсюда, тем лучше. А в муниципалитете мы решим, стоит ли нам впредь работать вместе.

— Вы в этом сомневаетесь?

Бейли пожал плечами и строго сказал:

— Мы не можем каждый день подвергать себя такому риску.

— Но мне кажется, что...

Р. Дэниела прервала пушковая вспышка сигнала входной двери.

Бейли бесшумно вскочил на ноги, отстегивая ремешок бластера. Сигнал вспыхнул еще раз.

Держа бластер наготове, он осторожно приблизился к двери, повернул специальную рукоятку, и узкая полоска двери стала прозрачной изнутри. Она давала искаженное изображение, но и его было достаточно, чтобы Бейли различил за дверью своего сына Бенгли.

Бейли распахнул дверь настежь, схватил Бена за руку, не дав ему в третий раз нажать на кнопку сигнала, и грубо втолкнул его в комнату.

С лица Бенгли медленно сходило выражение испуга и недоумения, пока он стоял, прижавшись к стене, к которой толкнул его отец. Он смущенно потирал руку.

— Отец,— сказал он обиженно,— вовсе незачем меня так дергать.

Бейли внимательно вглядывался в смотровую полосу закрытой теперь двери. Насколько он мог судить, коридор был пуст.

— Там кто-нибудь был, Бен?

— Нет. Слушай, пап, я просто пришел тебя провести.

— А зачем меня проводить?

— Не знаю, это мама. Она плакала и вообще... велела разыскать тебя. Сказала, что если я не пойду, то она пойдет сама и тогда, говорит, не знаю, что случится. Она велела мне, пап...

— Как ты меня нашел? Ты от мамы узнал мой адрес?

— Нет. Я позвонил тебе на работу.

— И тебе сказали?

— Конечно,— тихо ответил Бен, смущенный горячностью отца.— А разве нельзя было?

Бейли переглянулся с Р. Дэниелом.

— Где мама, Бен? Дома? — спросил он, вставая.

— Нет, она у бабушки и останется там ночевать. Мне надо сразу вернуться туда. То есть если у тебя все в порядке.

— Ты останешься здесь. Дэниел, вы заметили, где находится переговорная трубка?

— Да. Вы хотите выйти отсюда?

— Это необходимо. Я должен связаться с Джесси.

— Разрешите мне заметить, что более логично было бы поручить это Бенгли. Это довольно рискованно, а он представляет меньшую ценность...

— Ах ты... — возмутился было Бейли, но тут же пришел в себя.— Видите ли, Дэниел,— сказал он более спокойно,— у нас, у людей, взрослый мужчина никогда не станет подвергать опасности своего сына. Даже если логика подсказывает сделать это.

— «Опасности»! — с восторгом воскликнул Бен.— О пап, что случилось? Ну скажи...

— Ничего, Бен. И вообще это не твое дело. Понятно? Тебе пора спать. Когда я вернусь, чтоб ты уже был в постели. Слышишь?

— Ну ладно. Я не проболтаюсь.

— Немедленно!

— Да ну...

Стоя у переговорной трубки, Бейли откинул полу пиджака так, чтобы было удобнее выхватить бластер. Он назвал свой личный номер и ждал, пока электронная машина, установленная в пятнадцати милях отсюда, проверит, имеет ли он право на разговор. Ждать долго не

пришлось, поскольку на детектива подобные ограничения не распространяются. Затем он назвал номер квартиры тещи.

У основания трубки засветился небольшой экран, в котором показалось ее лицо.

— Мама,— сказал он негромко,— попросите Джесси.

Должно быть, Джесси ждала его, потому что тотчас же подошла к трубке. Бейли посмотрел на нее и слегка притемнил экран.

— Все в порядке, Джесси. Бен здесь. Что у тебя стряслось?

Бейли водил глазами из стороны в сторону, не переставая следить за коридором.

— Как ты? С тобой ничего не случилось?

— Да нет же, Джесси, разве ты не видишь? Прекрати сейчас же.

— О Лайдж, я так волновалась!

— Почему? — спросил он напряженно.

— Ты знаешь. Из-за твоего друга.

— При чем здесь он?

— Я говорила тебе вчера. Быть беде...

— Ерунда. Бен останется у меня. Спокойной ночи, дорогая. Не волнуйся.

Он отключил соединение и дважды глубоко вздохнул, прежде чем отправиться обратно. Лицо его посерело от напряженного ожидания и страха.

Он застал Бена посреди комнаты. Одна из его контактных линз аккуратно лежала в миниатюрном футляре. Вторая еще была у него на зрачке.

— Пап, здесь даже нет воды умыться. А мистер Оливо не пустил меня в туалетную.

— Он прав. Никуда не ходи. Вставь эту штуку в глаз, Бен. За ночь ничего с тобой не произойдет.

— Ну ладно,— покорился Бен и взобрался на кровать.— Ух ты, какой матрац!

Бейли повернулся к Р. Дэниелу:

— Надеюсь, вы не будете возражать, если вам придется посидеть.

— Конечно, нет. Между прочим, что это за стекла на глазах у Бентли? Их носят все земляне?

— Нет. Некоторые,— ответил Бейли уклончиво.— Я не ношу, например.

— А каково их назначение?

Бейли был слишком поглощен своими невеселыми мыслями, чтобы ответить.

В комнате погас свет.

Бейли не спал. Он почти не слышал ровного и глубокого дыхания сына, которое стало потом несколько жестким. Повернув голову, он скорее вообразил, чем увидел, как в углу неподвижно сидит Р. Дэниел, уставившись взглядом на дверь.

Затем он заснул, и ему приснился сон.

Ему приснилось, будто Джесси падает в реактор энергостанции, с воплем отчаяния протянув к нему руки. А он, не в силах переступить красную ограничительную линию, лишь смотрит, как удаляется от него ее искаженная фигура, становясь все меньше и меньше, пока не превращается в едва заметную точку.

Он ничем не может ей помочь и сознает во сне, что столкнул ее туда он сам.

ГЛАВА XII

Мнение эксперта

Илайдж Бейли устало кивнул комиссару Джулиусу Эндерби, когда тот вошел в комнату.

Комиссар взглянул на часы и проворчал:

— Вы что, провели здесь всю ночь?

— Ничего подобного,— отозвался Бейли.

Комиссар понизил голос:

— Что-нибудь произошло?

Бейли покачал головой.

— Я подумал, что, пожалуй, недооценивал вероятность беспорядков,— начал комиссар.— И если что-то такое...

— Ради бога, комиссар...— сказал сдержанно Бейли.— Если бы что-нибудь случилось, я бы вам сказал. Все в полном порядке.

— Хорошо, хорошо...— С этими словами комиссар скрылся за дверью, за которой его ждало полное уединение, достойное его высокого положения.

«Он-то наверное неплохо выпался»,— подумал Бейли, посмотрев ему вслед.

Бейли принялся сочинять рапорт, в котором не будет и строчки о событиях двух последних дней. Однако слова, которые он выстукивал пальцем, расплывались и прыгали у него перед глазами. Постепенно до него дошло, что у стола кто-то стоит.

Бейли поднял голову.

— В чем дело? — спросил он.

Перед ним стоял Р. Сэмми.

«Личный лакей Джулиуса»,— подумал он.— Все-таки неплохо быть комиссаром».

— Комиссар хочет вас видеть, Лайдж. Говорит, немедленно,— сказал Р. Сэмми со своей дурацкой улыбкой.

— Он только что меня видел. Передай ему, что я зайду позже,— отмахнулся от него Бейли.

— А он говорит: немедленно,— повторил Р. Сэмми.

— А я говорю: отправляйся.

Робот попятился, повторяя:

— Комиссар хочет вас видеть немедленно, Лайдж. Говорит: немедленно.

— О, дьявол! — процедил Бейли сквозь зубы.— Иду, иду.

Он встал из-за стола и направился к кабинету. Р. Сэмми замолчал.

— Черт возьми, комиссар...— начал Бейли с порога.— Не посылайте вы, наконец, за мной этого идиота!

— Садитесь, садитесь, Лайдж,— только и сказал комиссар.

Бейли сел, уставившись на него. Может быть, он несправедлив к старине Джулиусу. Может, старик вовсе не спал всю ночь. Вид у него довольно измученный.

Комиссар постукивал пальцем по лежавшей перед ним бумаге.

— Вот запись о вашем разговоре с неким доктором Джерригелом из Вашингтона, который вы вели по изолированному лучу.

— Верно, комиссар.

— Естественно, что записи самого разговора нет, так как луч изолированный. О чем у вас шла речь?

— Мне нужны дополнительные сведения.

— Он, кажется, ведь специалист по роботехнике?

— Совершенно верно.

Комиссар выпятил нижнюю губу и стал вдруг похож на обиженного ребенка.

— Но зачем вам это? Каких еще сведений вам не хватает?

— Я и сам не знаю, комиссар. Просто у меня такое ощущение, что материал о роботах может помочь расследованию.— Бейли замолчал, не желая вдаваться в подробности.

— Я бы этого не делал, Лайдж. Нет, нет. По-моему, это неразумно.

— Почему вы против, комиссар?

— Чем меньше народу знает об этом, тем лучше.

— Я не буду посвящать его в детали, естественно.

— И все же это ни к чему.

У Бейли и так было глупо на душе, а потому он не стал сдерживаться:

— Вы мне приказываете не встречаться с ним?

— Нет, нет. Поступайте как знаете. Вы ведете расследование, а не я. Только...

— Только — что?

Комиссар покачал головой.

— Ничего... А где этот? Вы знаете, кого я имею в виду.

Бейли знал.

— Дэниел все еще работает с картотекой.

Комиссар помолчал немного, а затем сказал:

— Что-то медленно у нас идут дела, знаете ли...

— Да никак пока не идут. Но могут пойти.

— Ну, вот и отлично,— сказал комиссар, но по его лицу не видно было, чтобы он сказал то, что думал.

Когда Бейли вернулся к своему столу, там его уже ждал Р. Дэниел.

— Ну, а у вас какие новости? — ворчливо произнес Бейли.

— Я закончил первую общую проверку картотеки, партнер Илайдж, и обнаружил двух из тех, кто вчера нас преследовал; кроме того, эти же двое участвовали в инциденте у обувного магазина.

— Покажите-ка мне их.

Р. Дэниел положил перед Бейли две карточки, размером с почтовую марку каждая. Их поверхность была сплошь усеяна точечным шифром. Затем робот достал портативный дешифратор и вложил одну из карточек в предназначенный для этого паз. Точки шифра обладают электропроводными свойствами, отличными от свойств самой карточки. Поэтому электрическое поле, проходящее через карточку, особым образом преобразуется, в результате чего на небольшом экране аппарата возникают цепочки слов. Если бы не код, эти слова заняли бы несколько страниц бумаги стандартных размеров. И если бы не дешифратор утвержденного полицейского образца, понять их было бы невозможно.

Бейли безучастно просматривал материал. Первым оказался Фрэнсис Клусарр, тридцати трех лет; арестован два года назад; причина ареста — подстрекательство к мятежу, служащий компании «Нью-Йорк Инст»; домашний адрес такой-то; родители такие-то; цвет волос и глаз, особые приметы, образование, послужной список; психологический тип, тип конституции, дополнительные сведения и, наконец, номер трех опознавательных снимков в галерее мелких преступников.

— Вы проверили фотографию?

— Да, Илайдж.

Вторым был Герхард Пауль. Бейли просмотрел данные о нем и сказал:

— Все это не то.

— Я с вами не согласен, — возразил Р. Дэниел. — Если существует организация землян, способных на убийство, то они ее члены. Разве это не очевидно? Не следует ли допросить их?

— Мы ничего от них не добьемся.

— И тот и другой были как в магазине, так и в столовой. Они не могут отрицать это.

— Находиться там еще не преступление. Кроме того, они могут отрицать это. Скажут, что не были там, вот и все. Как доказать, что они лгут?

— Но я их видел.

— Это не доказательство, — рассердился Бейли. — Ни один суд, если бы даже до этого дошло дело, не поверит, что вы можете запомнить два лица из миллиона.

— Но ведь я могу.

— Конечно. Ну-ка скажите им, кто вы такой. Стоит вам только признаться, и вы больше не свидетель. Ни один законный суд на Земле не признаёт вашего брата.

— Значит, вы передумали? — заметил Р. Дэниел.

— Что передумал?

— Вчера в столовой вы сказали, что их не нужно арестовывать. Вы сказали, что, коль скоро я помню их лица, их можно арестовать в любой момент.

— Верно, сказал глупость, — признался Бейли. — Я просто обалдел тогда. Это невозможно.

— Даже из психологических соображений? Они ведь не знают, что у нас нет доказательств их причастности к заговору.

— Слушайте, — произнес, нервничая, Бейли, — через полчаса сюда из Вашингтона прибудет доктор Джерригел. Вы можете подождать, пока я с ним не поговорю? Можете?

— Я подожду, — сказал Р. Дэниел.

Эптони Джерригел оказался аккуратным и весьма вежливым человеком среднего роста, и по его виду никак нельзя было сказать, что имеешь дело с лучшим знатоком роботехники на Земле. Он опоздал почти на двадцать минут и стал приносить свои глубокие извинения. Побелевший от томительного ожидания, Бейли не очень-то вежливо отмахнулся от его извинений. Он проверил, оставлена ли за ним комната для совещаний «Д», подтвердил распоряжение о том, чтобы в течение часа их никто не беспокоил, и повел доктора Джерригела и Р. Дэниела через коридор по трапу к двери одного из кабинетов, защищенных от лучей подслушивателя.

Прежде чем приступить к делу, он тщательно проверил изоляцию стен, прислушиваясь к низкому гудению пульсометра, который он держал в руке. Малейшее изменение тона пульсометра указывало бы на неплотность защитной оболочки. Он направил его также на потолок, пол и — особенно тщательно — на дверь. Изоляция была в полном порядке.

Доктор Джерригел слегка улыбнулся. Он производил впечатление человека, который никогда не улыбался более, чем слегка. Одет он был с аккуратностью, которую не назовешь иначе, как педантичной. Его седые волосы были гладко зачесаны назад, а румяное лицо, казалось,

было только что вымыто. Он сидел, чопорно выпрямив спину, будто еще в детстве от постоянных материнских наставлений о том, как надо сидеть, его хребет навсегда принял это положение.

— Начало довольно устрашающее, мистер Бейли,— сказал он.

— Дело серьезное, доктор. Мне нужны сведения о роботах, которые можете дать, пожалуй, только вы. Все, о чем мы будем здесь говорить, является государственной тайной, поэтому власти надеются, что, покинув это помещение, вы забудете, о чем здесь шла речь.

Бейли взглянул на свои часы.

Легкая улыбка мгновенно слетела с лица эксперта по роботехнике.

— Позвольте объяснить, почему я опоздал. (Это, видимо, не давало ему покоя.) Я решил не лететь самолетом. Я подвержен воздушной болезни.

— Очень жаль.— Бейли последний раз взглянул на пульсометр и, убедившись, что точность установки его не изменилась и что он работает нормально, отложил прибор в сторону и сел.

— Точнее сказать, я начинаю нервничать. Легкий приступ агорафобии. Так, ничего особенного, но факт есть факт. Вот я и решил добираться экспрессами.

— Агорафобия? — с внезапным интересом переспросил Бейли.

— У меня это прозвучало серьезней, чем следовало бы,— поспешно сказал эксперт.— Такое чувство вы испытываете в самолете. Вам когда-нибудь приходилось летать, мистер Бейли?

— Несколько раз.

— Тогда вы меня поймете. Это — ощущение, будто вокруг вас ничего нет, будто от пустоты, от воздуха вас отделяет тонкая полоска металла. Ужасно неприятно.

— Значит, вы ехали экспрессом?

— Да.

— Прямо из Вашингтона в Нью-Йорк?

— О, пустяки. С тех пор как открыли туннель Балти-мора — Филадельфия, это не составляет труда.

Так оно и есть. Хоть Бейли и не доводилось пользоваться этим видом транспорта, он знал, что такая возможность существует. За последние два столетия Ва-

шингтон, Балтимора, Филадельфия и Нью-Йорк разрослись настолько, что почти соприкасались друг с другом. Эта часть восточного побережья даже получила полуофициальное название Район Четырех Городов. Находятся даже сторонники объединения их в один Сверхгород. Бейли не нравилась эта идея. Один Нью-Йорк и то едва поддается централизованному управлению, а город с населением более пятидесяти миллионов человек просто рухнет под собственным весом.

— Беда в том,— продолжал доктор Джерригел,— что я опоздал на экспресс в Честере и из-за этого потерял столько времени. А потом вышла заминка с получением временного ордера на комнату. Вот почему я и задержался.

— Не беспокойтесь, доктор. Все, что вы рассказали, весьма интересно. Раз уж вы так не любите самолеты, что бы вы сказали относительно прогулки пешком за пределами города, доктор Джерригел?

— Это еще зачем? — спросил тот с удивлением и опаской.

— О, я вовсе не предлагаю вам такую прогулку! Мне просто хотелось узнать, по душе ли вам сама идея.

— Она мне далеко не по душе.

— Допустим, что вам пришлось бы выйти ночью из города и пройти пешком расстояние около мили?

— Не думаю... чтобы меня удалось уговорить.

— Ни под каким видом?

— Ну, если бы от этого зависела моя жизнь или жизнь моих близких...— У него был растерянный вид.— Но объясните же мне, в чем дело, мистер Бейли?

— Я объясню. Совершенно серьезное преступление, убийство, которое вызывает глубокое беспокойство. Я не волен посвящать вас в детали. Существует, однако, версия, по которой убийца, чтобы совершить преступление, должен был пересечь открытое пространство, притом ночью и без сообщников. Мне любопытно узнать, кто бы мог на это решиться.

— Ни один из тех, кого я знаю,— пожал доктор Джерригел плечами.— И, конечно, не я сам. Разумеется, среди миллионов людей можно пайти нескольких безумцев.

— То есть, по вашему мнению, маловероятно, чтобы человек мог решиться на это?

— Да, разумеется.

— Иными словами, если существует другая версия преступления, другая приемлемая версия, то ее следует рассмотреть?

Доктор Джерригел выглядел еще более растерянным, но сидел, по-прежнему строго выпрямившись и аккуратно сложив на коленях свои холеные руки.

— А у вас есть такая версия? — поинтересовался он.

— Да. Мне кажется, что для робота, например, не составит никакого труда пересечь открытое пространство.

— О, дорогой сэр! — вскочил доктор Джерригел.

— В чем дело?

— Не хотите ли вы сказать, что преступление совершил робот?

— Вот именно.

— Убийство? Человека?

— Да. Пожалуйста, сядьте, доктор.

Специалист по роботехнике повиновался.

— Мистер Бейли, речь идет о двух поступках: о том, чтобы пересечь открытое пространство, и об убийстве. Человек способен на последнее, но едва ли решится на первое. Робот же без труда совершит первое, но никогда — второе. Заменяя маловероятную версию невероятной, вы...

— «Невероятной» — это очень сильно сказано, сэр.

— Вы слышали о Первом Законе роботехники, мистер Бейли?

— Конечно, и даже могу его процитировать: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». — Бейли вытянул руку и продолжал: — Почему нельзя построить робота без Первого Закона? В чем святость этого Закона?

Доктор Джерригел окончательно растерялся и промолчал:

— Что вы, мистер Бейли...

— Я жду ответа!

— Если вы хоть сколько-нибудь знакомы с роботехникой, мистер Бейли, то вам должно быть известно, какая гигантская задача создать позитронный мозг как с точки зрения математики, так и электроники.

— Я представляю себе это, — сказал Бейли.

Он хорошо помнил посещение одного из заводов по производству роботов, где он был по делу. Он видел их книгофильмотеку. Каждый из книгофильмов содержал в себе математический анализ позитронного мозга одного определенного типа. Несмотря на сжатость изложения, на просмотр такого фильма уходит в среднем не менее часа. Но даже если изготавливать мозг по самым строгим техническим условиям, то и тогда один мозг будет отличаться от другого. Насколько понимал Бейли, здесь действует принцип неопределенности Гейзенберга. А это значит, что каждый фильм снабжается приложениями, в которых даются различные варианты.

— Да, нелегкая это работа, что верно, то верно.

— Тогда, значит, вы понимаете,— продолжал доктор Джерригел,— что сконструировать новый позитронный мозг, даже если в него вводятся мелкие усовершенствования, дело весьма сложное и за почь с ним не справиться. Обычно на это уходит до года работы всего научного персонала завода средних размеров. Но и им бы никогда не справиться с этим, не сумей мы добиться стандартизации принципиальных схем, которые ложатся в основу дальнейших разработок. Фундаментальная теория стандартных схем включает в себя Три Закона роботехники: Первый Закон, который вы только что процитировали; Второй Закон, который гласит: «Робот должен повиноваться командам человека, кроме тех команд, которые противоречат Первому Закону»; и Третий Закон: «Робот должен заботиться о собственной безопасности, постольку поскольку это не противоречит Первому и Второму законам».

Р. Дэниел, который, по всей видимости, внимательно прислушивался к разговору, вежливо обратился к Бейли:

— Простите меня, Илайдж, но я хотел бы убедиться, что правильно понял доктора Джерригела. Вы хотите сказать, сэр, что любая попытка создать робота, позитронный мозг которого не учитывал бы Три Закона, будет связана прежде всего с разработкой новой фундаментальной теории, а на это, в свою очередь, уйдет много лет.

У доктора Джерригела был очень довольный вид.

— Именно это я и имел в виду, мистер...

Бейли помешкал немного, а потом вежливо представил Р. Дэниела:

— Это Дэниел Оливо, доктор Джерригел.

— Добрый день, мистер Оливо.— Роботехник протянул руку и пожал руку Р. Дэниела.— На мой взгляд, разработка теории позитронного мозга, в который не были бы заложены основные положения Трех Законов, и создание приемлемой модели такого мозга заняла бы не менее пятидесяти лет.

— И никто никогда не брался за это? — спросил Бейли.— За несколько тысяч лет, что мы строим роботов? Неужто за все это время ни у кого не нашлось пятидесяти лет?

— Конечно, нет,— ответил ученый,— да и едва ли кто-либо брался за это.

— Трудно поверить. Из любопытства человек пойдет на что угодно.

— Но он не пошел на создание подобного робота. Человеческая раса обладает сильным комплексом Франкенштейна.

— Какого комплекса?

— Франкенштейна. Это название взято из одного средневекового романа, в котором робот напал на своего создателя. Мне не довелось его читать, но это к делу не относится. Я хочу сказать лишь одно: без Первого Закона роботов просто не создают.

— И даже нет теории такого робота?

— Насколько я знаю, а знаю я довольно много,— заметил он не без самодовольства,— такая теория не существует в природе.

— С другой стороны, робот, оснащенный Первым Законом, не может убить человека,— требовал подтверждения Бейли.

— Никогда. Если это не произошло по чистой случайности или если от этого не зависела жизнь двух или более человек. В обоих случаях возникший позитронный потенциал нанесет мозгу непоправимый вред.

— Хорошо. Так обстоят дела на Земле. Верно?

— Да, конечно.

— А как насчет Внешних Миров?

Выражение самодовольства постепенно сходило с лица доктора Джерригела.

— Увы, мистер Бейли, я не могу утверждать наверняка, но убежден, что если бы они разработали конструк-

цию или хотя бы построили математическую модель такого мозга, нам стало бы об этом известно.

— Вот как? Тогда проследим еще одну мысль, если вы не возражаете, доктор Джерригел.

— Нет, нет, что вы...— Он беспомощно посмотрел сначала на Бейли, а потом на Р. Дэниела.— Раз вы считаете, что это так важно, я буду рад помочь вам чем смогу.

— Благодарю вас, доктор. Мой вопрос заключается в следующем: зачем создавать человекоподобных роботов? Я с ними сталкивался всю свою жизнь, но только сейчас сообразил, что не знаю, чем оправдать их существование. Иными словами, зачем роботу иметь голову и четыре конечности? Почему он должен походить на человека?

— То есть вы хотите сказать, почему он не несет функциональных признаков, как любая другая машина?

— Совершенно верно,— подтвердил Бейли.— Почему?

На губах доктора Джерригела появилась легкая улыбка.

— Дорогой мистер Бейли, вы родились слишком поздно. Это было главной темой первых работ по роботехнике. А полемика развернулась тогда просто страшная. Если вы пожелаете ознакомиться со взглядами функционалистов и антифункционалистов, я могу порекомендовать вам «Историю роботехники» Хэнфорда. Математика там сведена к минимуму. Думаю, вам будет интересно.

— Я разыщу ее,— сказал терпеливо Бейли.— А пока, быть может, вы все-таки объясните мне вкратце?

— Решение было принято из соображений экономического порядка. Посудите сами, мистер Бейли, если бы вы управляли фермой, стали бы вы приобретать трактор с позитронным мозгом, косилку, сеялку, доильную установку и так далее — все с позитронным мозгом; или купили бы обычные машины и механизмы и приставили к ним одного робота с позитронным мозгом? Учтите при этом, что вторая альтернатива в пятьдесят или сто раз дешевле.

— Но зачем все-таки придавать ему вид человека?

— Потому что человеческая фигура — самая совершенная из всех форм, существующих в природе. Человек, мистер Бейли, не специализированное животное, за исключением, быть может, его нервной системы и некоторых

других признаков. Если вам нужна конструкция, способная выполнять, и довольно хорошо выполнять, самые разнообразные функции, вам не найти лучшей, чем человеческая фигура. Все рычаги и педали управления автомобилем, например, имеют такую форму и расположены таким образом, чтобы человеку было удобно ими манипулировать. Даже такие простые предметы, как стулья и столы, ножи и вилки, делаются с учетом формы и размеров человеческого тела и приспособлены для служения человеку. Поэтому проще создать человекоподобного робота, чем радикально изменить самую суть вещей, которыми мы пользуемся.

— Понятно. В этом есть смысл. Верно ли, доктор, что на Внешних Мирах роботы гораздо больше походят на человека, чем наши?

— Я полагаю, что это так.

— А они могут изготовить робота, которого в обычных условиях совсем не отличишь от человека?

Доктор Джерригел поднял брови и задумался.

— Видимо, да, мистер Бейли. Правда, это обошлось бы очень дорого и вряд ли бы окупилось.

— Ну, а мог бы такой робот,— настаивал Бейли,— ввести в заблуждение вас?

Роботехник негромко хмыкнул.

— О, любезный мистер Бейли. Я сомневаюсь. В самом деле. Ведь не только внешний вид отли...

Доктор Джерригел оборвал себя на полуслове. Затем он медленно повернулся к Р. Дэниелу, и его румяное лицо стало мертвенно-бледным.

— Не может быть,— прошептал он.— Не может быть.

Он протянул руку и осторожно притронулся к щеке Р. Дэниела. Р. Дэниел не пошевелинулся и продолжал спокойно взирать на ученого.

— Боже правый!— с надрывом произнес доктор Джерригел.— Так, значит, вы — робот?

— Вам понадобилось немало времени, чтобы заметить это,— сухо констатировал Бейли.

— Я и не предполагал. Ни разу не видел такого. Изготовлен на Внешних Мирах?

— Да,— сказал Бейли.

— Теперь все ясно. Манера держаться, его речь... Он не идеальное подобие человека, мистер Бейли.

— Все же неплохо сделан, а?

— О, потрясающе! Ведь с виду не скажешь, что это подделка. Я чрезвычайно вам признателен, что вы свели меня с ним. Можно осмотреть его? — Специалист по роботехнике нетерпеливо вскочил с места.

— Простите, доктор, — предупреждая поднял руку Бейли. — Одну минуту. Сначала поговорим об убийстве.

— Значит, оно было в самом деле? — Доктор Джерригел не скрывал своего глубокого разочарования. — А я-то решил, что вы все это выдумали, чтобы отвлечь меня и посмотреть, как долго удастся меня дурачить...

— Это не выдумка, доктор Джерригел. Теперь послушайте. Вот создается такой робот, как этот, и его назначение — во всем походить на человека. Не должен ли его мозг как можно ближе соответствовать человеческому?

— Разумеется, должен.

— Очень хорошо. Разве не может в нем отсутствовать Первый Закон? Что, если его опустили случайно? Вы сами сказали, что теории такого мозга не существует. А раз так, то конструкторы могли создать его без Первого Закона. Они просто не знали, чего опасаться.

Доктор Джерригел энергично замотал головой.

— Нет, нет. Невозможно.

— Вы уверены в этом? Впрочем, мы можем проверить Второй Закон... Дэниел, дайте мне бластер.

Бейли не сводил глаз с робота. На всякий случай он положил руку на рукоятку своего бластера.

— Пожалуйста, Илайдж, — спокойно сказал Р. Дэниел и протянул ему бластер прикладом вперед.

— Детектив не имеет права расставаться с оружием, робот же вынужден подчиняться человеку, — заметил Бейли.

— За исключением тех случаев, мистер Бейли, — вставил доктор Джерригел, — когда это ведет к нарушению Первого Закона.

— Знаете ли вы, доктор, что Дэниел направил свой бластер на группу вооруженных мужчин и женщин и грозился открыть огонь.

— Но я не выстрелил, — сказал Р. Дэниел.

— Не отрицаю, но угроза сама по себе — факт необычный, вы согласны, доктор?

Доктор Джерригел закусил губу.

— Чтобы дать ответ, мне нужно знать все подробности. Звучит это необычно.

— Тогда слушайте. Р. Дэниел был там, когда совершилось убийство, и если допустить, что житель Земли не мог перейти пространство, унося с собой оружие, то Р. Дэниел, и только Р. Дэниел из всех, кто там присутствовал, мог спрятать это оружие.

— Спрятать оружие? — переспросил доктор Джерригел.

— Я вам объясню. Бластер, которым совершено убийство, обнаружить не удалось. Место преступления было тщательно обследовано, но его там не оказалось. Не мог же он раствориться в воздухе. Существует лишь одно место, где его могли спрятать и которое никто не удосужился проверить.

— Какое место? — спросил Р. Дэниел.

Бейли вынул свой бластер и решительно направил его на робота.

— Ваш пищевой мешок, — сказал он. — Ваш пищевой мешок, Р. Дэниел.

ГЛАВА XIII

Мнение машины

— Вы ошибаетесь, — произнес Р. Дэниел негромко.

— Да? Пусть решит доктор. Доктор Джерригел?

— Мистер Бейли. — Взгляд роботехника, дико метавшийся между детективом и роботом во время их диалога, остановился наконец на человеке.

— Я пригласил вас сюда для авторитетного анализа этого робота. Я могу предоставить в ваше распоряжение лаборатории Городского бюро стандартов. Если вам понадобится другое оборудование, вы его получите. Мне важно одно — быстрый и точный ответ, и плевать на расходы и хлопоты.

Бейли поднялся. Он говорил довольно спокойно, но внутри у него все кипело. Ах, если бы он только мог схватить доктора Джерригела за горло и выдавить из него нужные ему доказательства, а не заниматься научными изысканиями!

— Ну так как, доктор? — потребовал он.

Нервно улыбнувшись, доктор Джерригел заявил:

— Мой дорогой мистер Бейли, лаборатория мне не понадобится.

— Это почему же? — спросил Бейли недоверчиво. Он стоял, судорожно напрягшись всем телом.

— Первый Закон проверить нетрудно. Хоть прежде мне и не приходилось заниматься этим, как вы сами понимаете.

Бейли втянул ртом воздух и медленно выдохнул его.

— Что вы хотите этим сказать? Что можете проверить его здесь?

— Да, конечно. Послушайте, мистер Бейли, я дам вам аналогичный пример. Будь я врачом и потребуйся мне узнать содержание сахара в крови пациента, я бы прибег к помощи лаборатории. Для определения интенсивности основного обмена, проверки функций головного мозга или исследования генов на наследственное заболевание мне потребовалось бы более сложное оборудование. С другой стороны, чтобы проверить, зрячий ли он, достаточно провести рукой у него перед глазами. Чтобы узнать, жив ли человек, почти всегда достаточно проверить его пульс.

Иначе говоря, чем важнее и фундаментальнее проверяемое свойство, тем проще используемое оборудование. То же самое с роботом. Первый Закон — его фундаментальное свойство. Он влияет на все. Проверить его наличие — или отсутствие — у робота можно десятками способов.

С этими словами он вынул из кармана плоский и черный предмет, который оказался портативным фильмоскопом. В приемное отверстие он вставил миниатюрный ролик пленки. Затем он достал секундомер, из нескольких белых пластмассовых полосок составил нечто похожее на логарифмическую линейку с тремя подвижными шкалами. Изображенные на них условные знаки показались Бейли совершенно незнакомыми.

Доктор Джерригел погладил свой книгоскоп и слегка улыбнулся, будто повеселев при мысли от предстоящей работы.

— Это мой «Справочник по роботехнике», — заметил он, — с которым я никогда не расстаюсь. Он стал частью

моей одежды.— Доктор Джерригел самодовольно хмыкнул.

Затем он поднес к глазам окуляр аппарата и стал осторожно вращать рукоятки настройки. Аппарат издал жужжащий звук и замолк.

— Книгоскоп имеет встроенный алфавитный указатель,— гордо произнес роботехник, не отрываясь от аппарата, отчего его голос звучал приглушенно.— Моя конструкция. Экономит массу времени. Впрочем, не о том речь. Так, так... Ну-ка придвиньтесь ко мне поближе, Р. Дэниел.

Р. Дэниел придвинул к нему свой стул. Он внимательно и бесстрастно следил за всеми этими приготовлениями.

Бейли держал его под прицелом.

То, что последовало, смутило и разочаровало его. Доктор Джерригел стал задавать какие-то бессмысленные вопросы и делать что-то непонятное, манипулируя то своей счетной линейкой, то книгоскопом. Вот, например, один из его вопросов:

— У меня двое родственников с разницей в возрасте пять лет; младшая из них девушка. Какого пола старший родственник?

— На основании приведенных данных определить невозможно,— ответил Р. Дэниел.

«Еще бы ему не ответить»,— подумал Бейли.

А доктор Джерригел, взглянув предварительно на секундомер, вытянул в сторону правую руку и предложил Р. Дэниелу дотронуться третьим пальцем своей левой руки до кончика его среднего пальца. С этой задачей Р. Дэниел справился быстро и легко.

Через пятнадцать минут, не больше, доктор Джерригел закончил проверку. Он в последний раз молча просчитал что-то на линейке и быстро разобрал ее; затем он убрал секундомер и вынул из книгоскопа «Справочник».

— И это все? — спросил Бейли, нахмурившись.

— Все.

— В высшей степени странно. Вы ведь не задали ни одного вопроса, относящегося к Первому Закону?

— Любезнейший мистер Бейли, когда врач ударяет вас по колену резиновым молоточком и нога дергается, не означает ли это, что он проверяет таким образом

состояние вашей нервной системы? Или, например, удивляет ли вас, что по реакции вашего зрачка на свет он может сделать вывод о злоупотреблении некоторыми алкалоидами?

— Так каково же ваше решение? — спросил Бейли.

— Мозг Р. Дэниела создан на основе Первого Закона! — Он резко утвердительно кивнул головой.

— Этого не может быть, — сказал Бейли хриплым голосом.

Бейли поверить не мог, что доктор Джерригел способен принять еще более чопорный вид, чем обычно. Его глаза сузились, и взгляд их стал жестким.

— Уж не хотите ли вы учить меня роботехнике?

— Я не подвергаю сомнению ваши знания, — извиняющимся тоном произнес Бейли. — Но, может быть, вы ошиблись? Ведь вы сами сказали, что никто не знает теории роботов, не оснащенных Первым Законом. Слепой может читать по системе Брайля или пользуясь звуковым аппаратом. Предположим, что вы ничего не слыхали ни о Брайле, ни об аппарате. Не стали бы вы тогда утверждать, и не подозревая о своей ошибке, что раз этот человек знает содержание какого-то кинофильма, значит, он зрячий?

— Я вас понял, — более мягким голосом проговорил ученый. — Однако ваш слепой не мог бы читать при помощи глаз, а именно это — пользуясь вашим сравнением — я и проверил. Поверьте мне на слово, мистер Бейли, Р. Дэниел вне всякого сомнения оснащен Первым Законом.

— А что, если он пошел на обман? — Это был отнюдь не самый умный вопрос, и Бейли знал это.

— Исключено. В том-то и разница между человеком и роботом. Мозг человека, как, впрочем, любого млекопитающего, не поддается полному анализу ни одним из существующих математических методов. Поэтому и невозможно с уверенностью предугадать его реакцию. Мозг же робота поддается такому анализу — иначе было бы невозможно его построить. Мы точно знаем, какой должна быть его реакция на определенные возбудители. Ни один робот не способен на фальсифицированные ответы. То, что вы называете обманом, просто-напросто чуждо умственному горизонту робота.

— Тогда давайте рассмотрим конкретный случай. Р. Дэниел все-таки направил свой бластер на толпу. Я сам видел это. Я присутствовал при этом. Верно, он не стрелял. Но не должен ли был Первый Закон вызвать у него какое-нибудь нервное потрясение? Как вы знаете, этого не произошло. Потом он был совершенно спокоен.

Доктор Джерригел неуверенно потер подбородок.

— Это явная аномалия...

— Ничего подобного,— неожиданно вмешался Р. Дэниел.— Партнер Илайдж, будьте любезны, осмотрите бластер, который вы у меня взяли?

Бейли взглянул на бластер Р. Дэниела, который лежал у него в левой руке.

— Откройте патронник,— настаивал Р. Дэниел.— Осмотрите его.

Бейли взвесил все «за» и «против» и с опаской отложил в сторону свой бластер, затем быстрым движением открыл бластер робота.

— Он пуст,— озадаченно сказал он.

— В нем нет заряда,— согласился Р. Дэниел.— При тщательном осмотре вы убедитесь, что его там никогда не было. Этот бластер не имеет запальника и использоваться как оружие не может.

— Значит, вы направили на людей незаряженный бластер?

— Бластер мне нужен только для того, чтобы выполнять роль детектива,— ответил Р. Дэниел.— Однако если бы меня снабдили настоящим заряженным бластером, я мог бы случайно причинить вред человеку, что, разумеется, немыслимо. Я бы вовремя объяснил вам все это, но вы сердились и не хотели меня выслушать.

Бейли невидящим взглядом уставился на бластер, который все еще держал в руке, и тихим голосом сказал:

— Теперь, кажется, все, доктор Джерригел. Благодарю вас за помощь.

Бейли послал за завтраком, но когда его принесли (рулет с дрожжевым орехом и довольно экстравагантный ломтик жареного цыпленка на крекере), он даже к нему не притронулся.

Мрачные мысли в хаотическом беспорядке проноси-

лись в его мозгу. На его длинном лице застыло угрюмое выражение.

Он как бы жил в нереальном мире, жестоком, вывернутом наизнанку мире.

Как это могло случиться? Недавние события тянулись за ним наподобие кошмарного сна, начиная с того момента, как он вошел в кабинет Джулиуса Эндерби и внезапно погрузился в пучину убийств и роботехники.

Господи! А ведь прошло только двое суток.

Он упорно искал разгадку в Космотауне. Дважды обвинил в убийстве Р. Дэниела: в первый раз как человека, подделывающегося под робота; во второй — как несомненного робота; и дважды его обвинение рассыпалось в прах.

Теперь он вынужден отступать. Хочет он этого или не хочет, ему придется заняться Нью-Йорком. А с прошлой ночи он не может отважиться на это. Его мозг осаждают недвусмысленные вопросы, но он отказывается их слышать, не в силах, наконец. Иначе придется ответить на них, и тогда... О боже, как страшится он этих ответов!

— Лайдж! Лайдж! — Кто-то тряс его за плечо.

— В чем дело, Фил? — спросил Бейли очнувшись.

Филипп Норрис, детектив класса С-5, сел, положил руки на колени и подался вперед, вглядываясь в лицо Бейли.

— Что с тобой? Наркотиков наглотался? Сидишь тут с открытыми глазами, а у самого вид, как у покойника.

Он взъерошил свои редеющие светлые волосы, а его близко поставленные глаза алчно поглядывали на стынувший завтрак Бейли.

— Цыпленок! — сказал он. — Скоро его будут давать только по рецепту врача.

— Угощайся, — сказал невыразительно Бейли.

Приличия взяли верх, и Норрис ответил:

— Не стоит, я через минуту иду обедать. Ешь сам... Слушай, что у тебя за делишки с шефом? — спросил он нарочито небрежным тоном.

— Какие делишки?

— Не прикидывайся. Ты знаешь, о чем речь. С тех пор как он вернулся, ты словно поселился у него. В чем дело? Наклевывается повышение?

Бейли нахмурился и почувствовал, как с упоминанием о служебных дразгах к нему возвращается чувство реальности. У Норриса примерно такой же стаж, как у него, и не мудрено поэтому, что он ревностно следит за всякими признаками предпочтения, оказываемого начальством Бейли.

— Что ты, какое там повышение! — сказал Бейли. — Все это ерунда. А что касается комиссара, то я бы с радостью уступил его тебе. Забирай, ради бога!

— Ты неверно меня понял, — сказал Норрис. — Пусть тебя повышают, мне все равно. Но если у тебя с шефом дела на мази, почему бы не помочь мальчонке?

— Какому еще мальчонке?

Ответа на это не потребовалось. Из какого-то укромного угла комнаты вышел, шаркая ногами, Винсент Бэррет, тот самый юноша, которого уволили ради Р. Сэмми. Он нервно мял в руках свою кепку, и на его скуластом лице появилось подобие улыбки.

— Здравствуйте, мистер Бейли.

— А, привет, Винс. Как дела?

— Неважно, мистер Бейли.

Он жадно оглядывался по сторонам.

«Конченный человек, — подумал Бейли, — живой труп... деклассированный».

Внезапно у него пронеслась гневная мысль (он с трудом сдержался, чтобы не выразить ее вслух): «Что ему от меня-то нужно?»

— Мне очень жаль, малыш, — сказал он. Что он мог еще сказать?

— Я все думаю... может, что подвернется.

Норрис придвинулся к Бейли и сказал ему на ухо:

— Кто-то должен положить этому конец. Теперь собираются уволить Чень-ло.

— Что?

— Неужто не слышал?

— Нет. Черт побери, у него же С-3. Десять лет службы за спиной.

— Что верно, то верно. Но его работу может делать машина с ногами. Кто следующий?

Молодой Винс Бэррет не прислушивался к шепоту. Погруженный в свои мысли, он сказал:

— Мистер Бейли?

— Да, Винс?

— Знаете, что говорят? Говорят, Лирана Миллейн, танцовщица субэтерикса, вовсе не человек, а робот.

— Глушости.

— Разве? Говорят, будто теперь таких научились делать, что не отличишь от человека: с какой-то особой пластической кожей, что ли.

Бейли вспомнил о Р. Дэниеле и не нашелся, что ответить. Он покачал головой.

— Как вы думаете,— продолжал юноша,— никто не будет против, если я поброжу здесь? Как-никак я здесь когда-то работал.

— Конечно, нет, малыш.

Юноша ушел. Бейли и Норрис проводили его взглядом.

— Пожалуй, медиевисты правы,— заметил Норрис.

— Значит, назад к Земле? Ты это имеешь в виду, Фил?

— Что ты! Я говорю о роботах. «Назад к Земле»... Ха! Будущее старушки Земли не имеет границ. Нам не нужны роботы, вот и все.

— Восемь миллиардов людей, а запасы урана иссякают,— проворчал Бейли.— Вот тебе и «не имеет границ».

— Ну и что, что иссякают. Ввозить уран будем. Или откроем новые ядерные процессы. Человеческую мысль не остановишь, Лайдж. Нужно быть оптимистом и верить в наше серое вещество. Изобретательность — наше главное богатство, и ее запасы не истощатся никогда, Лайдж.— Он разошелся вовсю: — Во-первых, можно использовать солнечную энергию, а ее хватит на миллиарды лет. В орбите Меркурия можно построить космические станции — аккумуляторы энергии. На Землю энергия будет передаваться направленным лучом.

Этот проект был не нов для Бейли. Ученые-теоретики носились с этой идеей уже по меньшей мере лет полтора. Беда в том, что пока не удается послать такой плотный пучок энергии, чтобы он не рассеялся, пройдя расстояние в пятьдесят миллионов миль. Бейли так и сказал.

— Понадобится, сделаем и это,— возразил Норрис.— К чему понапрасну трепать себе нервы?

Бейли представил себе Землю с неисчерпаемыми запасами энергии. Население сможет увеличиваться. Можно расширить дрожжевые фермы, интенсивнее использовать гидропонику. Все упирается только в энергию. Минеральное сырье можно доставлять с необитаемых небесных тел Галактики. А если узким местом станет вода, ее можно будет ввозить со спутников Юпитера. Черт возьми, можно заморозить и вытащить в космос океаны, и они будут кружить вокруг Земли, как маленькие ледяные луны. Всегда рядом, всегда под рукой, а дно океанов можно освоить и заселить. Даже запасы углерода и кислорода можно сохранить и увеличить за счет метановой атмосферы Титана и замороженного кислорода со спутника Урана Умбриеля.

Население Земли может вырасти до одного или двух триллионов. Почему бы и нет? Было время, когда казалось трудным представить, что население достигнет, как нынче, восьми миллиардов. Было время, когда население даже в один миллиард казалось невообразимым. Каждое поколение с медиевальных времен имело своих пророков мальтузианского толка, и их пророчества никогда не сбылись.

Но что бы сказал на это Фастольф? Мир в триллион человек? Допустимо, только жизнь их будет зависеть от привозного воздуха, и воды, и от энергии, мудреные хранилища которой расположены в пятидесяти миллионах миль отсюда. Как это страшно ненадежно. Земля постоянно будет на волосок от полной катастрофы при малейшем нарушении работы любой части галактического механизма.

— Мне лично кажется, что проще вывезти излишек населения,— сказал Бейли. Это был скорее ответ на картину, которую он вообразил себе, чем на то, что говорил Норрис.

— Да кто нас возьмет? — беспечно, но с горечью сказал Норрис.

— Любая необитаемая планета.

Норрис поднялся, похлопал Бейли по плечу:

— Лайдж, съешь своего цыпленка и приходи в порму. Не иначе, как ты глотал наркотики.— И он ушел, посмеиваясь.

Бейли смотрел ему вслед, скривив рот в невеселой

усмешке. Норрис раструбит об этом повсюду, и их отдельские остряки (а они есть в каждом учреждении) еще не скоро оставят его в покое. Тем не менее он был рад, что Норрис перестал твердить о Винсе, о роботах и о деклассировании.

Бейли вздохнул и ковырнул вилкой холодного, вязкого цыпленка.

Бейли доел свой рулет, и только тогда Р. Дэниел встал из-за стола, который ему выделили еще утром, и подошел к нему.

Бейли неприязненно взглянул на него:

— Ну что?

— Комиссар отсутствует, и никто не знает, когда он вернется. Я предупредил Р. Сэмми, что мы хотим воспользоваться кабинетом комиссара и что, кроме комиссара, он не должен впускать никого.

— Зачем нам понадобился кабинет?

— Чтобы никто не мешал. Вы ведь не станете отрицать, что нам надо обдумать следующий шаг. Я полагаю, вы не намерены прекратить расследование, Илайдж?

Именно это и было сокровенным желанием Бейли, в чем, разумеется, признаться он не мог. Он молча поднялся со стула и прошел в кабинет Эндерби.

— Ну, Дэниел, так в чем дело? — спросил Бейли.

— Партнер Илайдж, — начал робот, — с прошлой ночи вы сам не свой. В вашем психоизлучении произошел заметный сдвиг.

Ужасная догадка промелькнула в голове у Бейли.

— Вы — телепат? — воскликнул он.

Если бы не все эти тревожнения, он бы и мысли такой не допустил.

— Нет. Разумеется, нет, — ответил Р. Дэниел.

— Тогда какого дьявола вы толкуете о моем психоизлучении? — немного успокоился Бейли.

— Я употребил данное выражение, чтобы описать какое-то ощущение, которое вы скрываете от меня.

— Какое ощущение?

— Это трудно объяснить, Илайдж. Если вы помните, первоначально я был предназначен для изучения психологии человека.

— Да, да, конечно. И вас потом превратили в детектива, снабдив пресловутым контуром справедливости.— Бейли и не старался скрыть свой сарказм.

— Совершенно верно, Илайдж. Однако мое первоначальное назначение также осталось в силе. Меня создали для проведения цереброанализа.

— Для анализа биотоков мозга?

— Вот именно. При наличии соответствующего приемного устройства цереброанализ можно проводить на расстоянии, не прибегая к помощи электродных контактов. Мой мозг и является таким приемником. Разве на Земле не применяется этот метод?

Бейли не знал, что ответить, поэтому игнорировал этот вопрос.

— Что вы узнаете, измеряя биотоки мозга? — поинтересовался он с опаской.

— Конечно, не мысли, Илайдж. Я получаю представление об эмоциях и, главным образом, анализирую темперамент человека, его скрытые побуждения. Так мною было установлено, что комиссар Эндерби был не в состоянии убить человека при тех обстоятельствах, которые преобладали в момент совершения преступления.

— И с него сняли подозрение только на основании ваших выводов?

— Да. Потому что они достаточно достоверны. Я ведь очень точная машина.

Еще одна мысль поразила Бейли.

— Постойте! — воскликнул он. — Значит, комиссар и не подозревал, что его подвергают цереброанализу?

— Мы не хотели задевать его чувств.

— То есть вы просто стояли и смотрели на него. Никакой аппаратуры, никаких электродов: ни самописцев, ни графиков.

— Конечно, нет. Я обхожусь без них.

От злости и досады Бейли до боли закусил нижнюю губу. Рухнула его последняя надежда нанести космонтам решающий удар.

Сначала Р. Дэниел заявил, что комиссара подвергли цереброанализу, а часом позже сам комиссар начисто и как будто вполне искренне отрицал это, сказав, что не знает даже, о чем идет речь. Но если бы с человека, которого подозревают в убийстве, снимали энцефалограмму,

да еще с электродами и графиками, он получил бы полное представление о том, что такое цереброанализ.

От противоречия, которое сразу же подметил Бейли, не осталось и следа. Комиссар подвергся цереброанализу, и не догадываясь о нем. Значит, и робот и комиссар говорили правду.

— Ну, так что вы узнали обо мне? — не очень деликатно обратился к роботу Бейли.

— Вы обеспокоены.

— Потрясающее открытие, не правда ли? Еще бы мне не беспокоиться.

— Точнее, ваше беспокойство вызвано столкновением ваших внутренних побуждений. С одной стороны, преданность долгу призывает вас тщательно расследовать заговор землян, преследовавших нас прошлой ночью. Не менее сильное побуждение толкает вас в противоположном направлении. Именно это мне удалось прочесть в биотоках ваших мозговых клеток.

— К дьяволу мои клетки! — возмутился Бейли. — Я вам скажу, почему нет смысла заниматься этим вашим так называемым заговором. Он не имеет никакого отношения к убийству. Признаться, раньше я думал, что имеет. Вчера в столовой мне показалось, что нам грозит опасность. Но чем это кончилось? Они нас преследовали, мы скрылись, и делу конец. Хорошо организованные и отчаянные люди так себя не ведут.

Мой сын без труда разыскал нас, позвонив в управление. Причем он даже не назвал себя. То же самое могли сделать и наши уважаемые заговорщики, пожелай они только расправиться с нами.

— По-вашему, они этого не хотят?

— Конечно, нет. Они могли использовать беспорядки у магазина, а вместо этого покорно уступили приказу человека с бластером в руках. Не человеку — роботу, который — и они это хорошо знают — никогда не пустит в ход оружие против людей. Все они — медиевисты, безобидные, малость свихнувшиеся люди. Вы могли этого не знать, но как я опростоволосился? Дело в том, что из-за всей этой кутерьмы я стал рассуждать, как... сентиментальный дурак. Поверьте, я знаю, что это за люди: мягкие, мечтательные, которым не по душе нынешний образ жизни. Они ищут спасения в идеальном мире прошлого,

который они создали в своем воображении. Если бы вы могли подвергнуть своему анализу все это движение, как вы это делаете с отдельными людьми, то сразу бы убедились, что они не более способны на убийство, чем сам Джулиус Эндерби.

— Я не могу поверить вам на слово,— медленно сказал Р. Дэниел.

— То есть как это?

— Вы слишком резко изменили свою точку зрения. Кроме того, в ней есть определенные несоответствия. Вы договорились о встрече с доктором Джерригелом задолго до того, как мы оказались в столовой. В то время вы ничего не знали о моем пищевом мешке, и потому не могли подозревать меня в убийстве. С какой целью тогда вы вызвали доктора Джерригела?

— Я подозревал вас уже тогда.

— А прошлой ночью вы разговаривали во сне.

— Что я говорил? — широко раскрыл глаза Бейли.

— Одно слово — «Джесси», которое вы повторили несколько раз. Я полагаю, вы имели в виду свою жену.

Бейли расслабился и проговорил неуверенно:

— Мне приснился кошмар. Вы знаете, что это такое?

— Не по личному опыту, разумеется. Словарь определяет это, как неприятное сновидение. Сущность последнего я также знаю по словарю. Это — иллюзия реальности, которую вы испытываете при временном выключении сознания, что называется у вас сном.

— Ладно. Идет. Пусть иллюзия. Только иногда эти иллюзии чертовски похожи на жизнь. Ну так вот, мне приснилось, что моя жена оказалась в опасности. Людям часто видятся во сне подобные вещи. Я звал ее. Это тоже случается при определенных обстоятельствах. Можете мне поверить.

— Я охотно вам верю. В связи с этим у меня есть вопрос. Как Джесси узнала, что я робот?

Лоб Бейли снова покрылся капельками пота.

— Опять одно и то же. По слухам, которые...

— Простите, партнер Илайдж, но в городе нет слухов. Если бы они были, весь город сегодня охватило бы волнение. Я проверил все поступившие в управление рапорты: в городе спокойно. Никаких слухов не существует. Поэтому каким образом узнала ваша жена?

— Черт возьми! Куда вы клоните? Уж не думаете ли вы, что моя жена является членом...

— Да, Илайдж.

Бейли судорожно сжал руки.

— Ничего подобного, и давайте забудем об этом.

— Это на вас не похоже, Илайдж. Выполняя свой долг, вы дважды обвинили меня в убийстве.

— А теперь вы хотите со мной расквитаться?

— Я не совсем понимаю, что вы хотите этим сказать. Я, разумеется, одобряю вашу готовность подозревать меня. У вас было на это основание. Вы ошибались, но могли и не ошибиться. Сейчас имеются столь же веские причины подозревать вашу жену.

— В убийстве? Вы с ума сошли, Джесси пальцем никого не трогает. Она бы ни за что не решилась выйти из города. Она никогда... Черт побери, да будь вы сделаны из плоти и крови, я бы...

— Я лишь говорю, что она участник заговора. Я говорю, что ее следует допросить.

— Нет, клянусь вашей жизнью! Нет, клянусь тем, что вы называете своей жизнью! Теперь послушайте меня. Медиевисты не жаждут нашей крови. Это не в их духе. Они просто хотят выжить вас из города. Это точно. И для этого они повели психическую атаку. Они стараются доставить нам обоим как можно больше неприятностей. Они стараются как можно больше досадить вам, да и мне, раз я с вами. Они могли без труда узнать, что Джесси — моя жена. Их следующий ход — как-то сообщить ей о вас. Джесси такая же, как все люди. Она не любит роботов. Она не хочет, чтобы я имел дело с роботом, тем более, если ей кажется, что это опасно. А уж опасность они ей, конечно, расписали. И это, представьте, подействовало. Всю ночь Джесси умоляла меня бросить расследование и как-нибудь выдворить вас из города.

— По-видимому, — сказал Р. Дэниел, — вы испытываете сильное желание избавить жену от допроса. Я подозреваю, что вы сами не очень верите в то, что только что пытались мне объяснить.

— Не забываетесь, черт вас возьми! — пришел в ярость Бейли. — Вы не детектив. Вы — машина для cerebroанализа, вроде тех, что стоят у нас в лаборатории. Вы — машина, хоть у вас есть руки и ноги и вы умеете

говорить. А та цепь, которую в вас всадили, ни черта не значит. Все равно вы не детектив, а потому помалкивайте и предоставьте делать выводы мне.

— Мне кажется, будет лучше, если вы немного понизите голос,— спокойно произнес Р. Дэниел.— Пусть вашему я не детектив, тем не менее я бы хотел обратить ваше внимание на одну небольшую деталь.

— Меня это нисколько не интересует.

— И все же прошу меня выслушать. Если я ошибусь, вы меня поправите, и от этого никто не пострадает. Дело в следующем. Вчера вечером вы вышли из комнаты, чтобы позвонить Джесси. Я предложил тогда поручить это вашему сыну. Вы мне сказали, что, по вашим обычаям, отец никогда не станет подвергать жизнь своего сына опасности. Может ли позволить себе это мать?

— Конечно, нет... — начал было Бейли и осекся.

— Вы меня поняли,— сказал Р. Дэниел.— Если бы Джесси хотела предупредить вас о грозящей вам опасности, она бы сделала это сама, а не рисковала жизнью сына. Тот факт, что она все-таки послала Бентли, может означать лишь одно: она боялась за себя, но была уверена в полной безопасности сына. Если бы в заговоре состояли люди, не знакомые Джесси, она бы за себя не опасалась, во всяком случае, у нее не было бы причин для опасений. С другой стороны, будучи членом заговорщической группы, она могла знать, она *могла знать*, Илайдж, что за ней станут следить и узнают ее, тогда как Бентли может не обратить на себя внимание.

— Пойдите,— сказал Бейли упавшим голосом,— вы хорошо рассуждаете, но...

Бешено замелькавший сигнал на столе комиссара не дал ему закончить свою мысль. Р. Дэниел ждал, что Бейли ответит, но тот лишь беспомощно уставился на сигнал. Р. Дэниел соединил контакт сам.

— В чем дело? — спросил робот.

Громкий, с хрипотцой голос Р. Сэмми ответил:

— Здесь какая-то дама желает поговорить с Лайджем. Я сказал ей, что он занят, но она не хочет уходить. Она говорит, что ее имя Джесси.

— Пропустите ее,— спокойно сказал Р. Дэниел, и его бесстрастные карие глаза встретились с паническим взглядом Бейли.

ГЛАВА XIV

Власть имени

Бейли стоял как в столбняке, когда к нему подбежала Джесси и прижалась к нему, обхватив его за плечи. Его побелевшие губы беззвучно произнесли:

— Бентли?

Джесси посмотрела на него и затрясла головой так, что взметнулись ее каштановые волосы.

— С ним все в порядке.

— Так что же ты...

Джесси вдруг разразилась слезами и прерывающимся, чуть слышным голосом сказала:

— Я больше не могу, Лайдж. Я этого не выдержу. Я не ем и не сплю... Я должна тебе все рассказать...

— Не говори ничего,— сказал Бейли с болью в голове — Ради бога, не сейчас...

— Я должна. Я такое натворила. Это ужасно, Лайдж... — Из-за рыданий ее совсем нельзя было понять.

— Мы здесь не одни,— сказал Бейли безнадежно.

Она подняла голову и безучастно посмотрела на Р. Дэниела. Вполне возможно, что из-за потоков слез, струившихся из ее глаз, она вообще не различала, кто стоит перед ней.

— Добрый день, Джесси,— негромко сказал Р. Дэниел.

Она задохнулась от изумления:

— Это... тот робот?

Джесси провела по глазам тыльной стороной ладони и освободилась от обнимавшей ее за плечи руки мужа. Она глубоко вздохнула, и на какое-то мгновение на ее губах возникла дрожащая улыбка.

— Так это вы, да?

— Да, Джесси.

— Вы ведь не против, что я называю вас роботом?

— Нет, Джесси. Я ведь и есть робот.

— А меня можно называть душой, идиоткой и... и... подлым агентом. Потому что так оно и есть.

— Джесси! — простонал Бейли.

— Не падо, Лайдж,— сказала она. — Он твой партнер, так что пусть знает. Я больше не могу. Я чуть с ума не сошла со вчерашнего дня. Пусть меня бросят в тюрь-

му. Пусть отправят в самый низ и посадят на сырые дрожжи и воду. Мне безразлично... Ты защитишь меня, Лайдж, правда? Ты не дашь им расправиться со мной? Я боюсь. Я так боюсь...

Она снова громко разрыдалась. Бейли поглаживал ее по плечу и сказал, обращаясь к Р. Дэниелу:

— Она нездорова. Ее надо увезти отсюда. Который час?

— Четырнадцать сорок пять,— ответил робот, не глядя на часы.

— Комиссар может вернуться в любую минуту. Вызовите служебную машину. Мы поговорим в туннеле по дороге домой.

Джесси резко вскинула голову.

— В туннеле? О, не надо, Лайдж!

Он старался говорить как можно мягче и успокаивающе:

— Слушай, Джесси, не надо капризничать. Ведь в таком виде тебе просто нельзя появиться на экспрессе. Будь паинькой и успокойся, а то даже через общую комнату неудобно идти. Я принесу тебе воды.

Она вытерла лицо влажным носовым платком и сказала тоскливо:

— О, посмотри на мой грим...

— Не волнуйся ты о гриме,— сказал Бейли.— Дэниел, как с машиной?

— Машина ждет нас, партнер Илайдж.

— Пошли, Джесси.

— Подожди. Одну минутку, Лайдж. Мне что-то надо сделать с лицом.

— Да неважно это...

— Ну, прошу тебя,— упорствовала она.— Я не могу в таком виде идти через общую комнату. Это займет буквально секунду.

Человек и робот стали ждать: человек при этом нервно сжимал и разжимал кулаки, робот же был бесстрастен.

Джесси рылась в своей сумочке в поисках нужных ей принадлежностей. (Бейли однажды торжественно заявил, что если и есть на свете нечто такое, что не подда-

лось усовершенствованию с медиевальных времен, то это дамская сумочка. Потерпела неудачу даже попытка заменить металлическую застежку магнитным замком.) Джесси вынула небольшое зеркальце и косметический набор в серебряной оправе, который Бейли подарил ей на день рождения три года назад.

В наборе было три миниатюрных распылителя, и она по очереди воспользовалась каждым. Содержимое первых двух было незаметным для глаз. Она обращалась с ними с таким изяществом и ловкостью, которыми природа наделила только женщину и которые, казалось, не изменяют ей даже в самые тяжелые минуты.

Первым кладется ровный слой основы, от которой кожа становится матовой и гладкой, с легким золотистым оттенком, именно таким — Джесси по опыту знала это, — который больше всего идет естественному цвету ее волос и глаз. Затем налет загара на лоб и подбородок, мягкое прикосновение румян на обе щеки и изящный мазок голубизны на верхнее веко и на мочку уха. Наконец, на губы ровным слоем ложится кармин. Это и есть то единственное видимое облачко нежно-розового цвета, которое влажно поблескивает в воздухе, но высыхает и темнеет от прикосновения к губам.

— Ну, вот теперь все, — сказала Джесси, несколькими ловкими движениями взбив волосы и изобразив крайнее неудовлетворение своим видом. — Пожалуй, так сойдет.

Джесси, конечно, не уложились в обещанную секунду, но вся эта процедура заняла менее четверти минуты. Однако Бейли казалось, что ей конца не будет.

— Пошли, — сказал он.

Она едва успела убрать в сумочку свою косметику, как он тут же подтолкнул ее к двери.

По обе стороны дороги лежала жуткая, плотная тишина.

— Ну так что, Джесси? — сказал Бейли.

Ее лицо, отчужденно застывшее с тех пор, как они покинули кабинет Эндерби, начало постепенно оживать. Она молча беспомощно переводила взгляд с мужа на работа.

— Ну что же ты, Джесси? Прошу тебя. Ты совершила преступление? Настоящее преступление?

— Преступление? — Она неуверенно покачала головой.

— Возьми себя в руки, Джесси. Не надо истерик. Скажи только «да» или «нет». Ты... — он заколебался, — убила кого-нибудь?

— Ты что, Лайдж Бейли! — Выражение лица Джесси стало возмущенным.

— Да или нет, Джесси?

— Нет, конечно, нет!

У него отлегло от сердца.

— Ты украла что-нибудь? Подделала талон для питания? Кого-нибудь оскорбила? Причинила ущерб городу? Говори же, Джесси!

— Я не сделала ничего особенного. То есть не то, что ты думаешь. — Она оглянулась. — Лайдж, почему мы стоим здесь?

— Мы не тронемся с места, пока ты все не расскажешь. Ну, начинай. Зачем ты пришла к нам?

Бейли встретился со взглядом Р. Дэниела, устремленным на него поверх склоненной головы Джесси.

Джесси заговорила тихим голосом, который становился все громче и уверенней по мере того, как продолжался ее рассказ.

— Всею виной эти медиевисты. Ты-то их знаешь, Лайдж. Они всегда тут как тут и все время болтают. Так было, еще когда я работала помощником диетолога. Помнишь Элизабет Торнбау? Она была медиевисткой и постоянно твердила, что все наши беды из-за стальных городов и что до их появления все было куда лучше.

Я допытывалась, откуда у нее такая уверенность в этом, особенно после того, как встретила тебя, Лайдж (помнишь, наши разговоры?), а она ссылалась на эти ролики книгофильмов, что до сих пор ходят по рукам. Ну, знаешь, вроде «Позора городов» того парня... Как там его имя?

— Оргински, — рассеянно сказал Бейли.

— Вот, вот, только большинство из них намного хуже. А когда мы с тобой поженились, она стала страшно ехидничать. Бывало, говорит: «Уж коли ты вышла замуж за полицейского, так станешь, наверное, настоящей

городской дамой». Она стала меньше со мной разговаривать, а потом я ушла с работы, и на этом все кончилось. Она рассказывала мне всякую всячину и, наверное, хотела меня поразить, или ей нравилось казаться эффектной и таинственной. Понимаешь, она была старой девой и так никогда и не вышла замуж. Многие из этих медиевистов просто-напросто неудачники. Помнишь, ты как-то говорил, Лайдж, что иногда люди сваливают собственные неудачи на общество и требуют переделать города, потому что не могут переделать сами себя.

Бейли вспомнил, но теперь эти самые слова прозвучали для него как пустая болтовня.

— Пожалуйста, ближе к делу, Джесси,— ласково сказал он.

— В общем,— продолжала она,— Лиззи все твердила, что придет день и люди объединятся. Мол, всему виной космониты, потому что они хотят, чтобы Земля всегда оставалась слабой и деградировала. Это было любимое ее словечко — «деградировать». Посмотрит, бывало, на меню, которые я составляла на неделю, поморщится и скажет: «Деградируем, деградируем». Мы в поварской со смеху умирали, когда Джейн Майерс принималась ее передразнивать. Она говорила — Элизабет, конечно,— что в один прекрасный день мы разделимся с городами и станем жить на свободе, а заодно и расчитаемся с космонитами, которые стараются всучить нам роботов, чтобы навсегда связать нас с городами. Только она никогда не говорила «роботы»: она называла их — простите меня, Дэниел — «бездушными чудищами».

— Я не понимаю значения прилагательного, Джесси,— сказал робот,— но тем не менее принимаю ваше извинение. Пожалуйста, продолжайте.

Бейли заерзал на месте. Вот так с ней всегда! Будет ходить вокруг да около, что бы тут ни случилось, каким бы критическим ни было положение.

— Элизабет любила говорить намеками, чтобы создалось впечатление, будто у нее много единомышленников. Бывало, начнет: «На прошлом собрании...», потом остановится и посмотрит на меня так, словно ей и хочется, чтобы я ее порасспрашивала, да боится, как бы не попасть из-за меня в беду. Я, конечно, ни о чем не спра-

шивала. Не хотелось доставлять ей удовольствия Коро-
че говоря, когда мы поженились, Лайдж, все это прекра-
тилось, пока...

Она замолчала.

— Продолжай же, Джесси,— подгонял ее Бейли.

— Помнишь, Лайдж, как мы с тобой повздорили? Ну,
из-за Джезебел?

— Ну и что? — Он даже не сразу сообразил, что
Джесси имеет в виду свое имя, а не говорит о ком-то
другом.

Он повернулся к Р. Дэниелу и стал машинально
оправдываться:

— Джезебел — полное имя Джесси. Она его не лю-
бит и не пользуется им.

Р. Дэниел серьезно кивнул, а Бейли подумал: «Госпо-
ди, и этот еще на мою голову».

— Меня это здорово взволновало, Лайдж,— продол-
жала Джесси.— В самом деле. Может, это и глупо, но
твои слова не выходили у меня из головы. Ты сказал,
что Джезебел была просто консервативной и отстаивала
обычаи своих предков против странных обычаев при-
шельцев. В конце концов, меня тоже звали Джезебел, и
я всегда...

Она замялась, подыскивая нужное слово, и Бейли
подсказал ей:

— Отождествляла себя с ней?

— Вот-вот,— сказала она, но тут же замотала голо-
вой и опустила глаза.— Вернее, нет. Не в прямом смыс-
ле. В общем, ты помнишь, за кого я ее принимала. Я та-
кой не была.

— Я знаю, Джесси. Не глупи.

— Я ломала над этим голову и потом решила, что
сейчас все происходит так же, как было когда-то. То
есть у нас, землян, были свои старые обычаи, но вот
пришли космониты с массой новых обычаев и стали под-
держивать то новое, до чего мы как-то добрались сами.
Может быть, медиевисты все-таки правы. Может, нам
и в самом деле стоит вернуться к старым добрым обы-
чаям. Вот я и вернулась и нашла Элизабет.

— Ну, продолжай...

— Она сказала, что не знает, о чем я говорю, и что
к тому же я — жена полицейского. Я возражала, что это,

мол, к делу не относится, и наконец она согласилась поговорить с кем-то. А через месяц подошла ко мне и говорит, что все, мол, улажено и меня приняли. С тех пор я и хожу на их собрания.

Бейли грустно смотрел на нее.

— И ты не сказала мне ни слова.

— Прости меня, Лайдж,— дрожащим голосом сказала Джесси.

— Слезами горю не поможешь. Расскажи мне о собраниях. Прежде всего, где они проводились?

Им овладело какое-то тупое безразличие. Как ни старался он скрыть его от себя, горькая правда предстала перед ним во всей полноте. В каком-то смысле даже лучше, что с неопределенностью покончено.

— Здесь,— ответила Джесси.

— Здесь? В туннеле? Да ты что?

— Да, в туннеле. Поэтому мне так не хотелось сюда ехать. Правда, для встреч здесь идеальное место. Мы приходили...

— Сколько вас было?

— Трудно сказать. Человек шестьдесят—семьдесят. Сюда приносили раскладные стулья, напитки, еду, кто-нибудь произносил речь, чаще о том, как хорошо жилось прежде и как мы разделаемся с чудищами, то есть с роботами, да и космонавтами тоже. И так каждый раз. Всем было скучно, но мы чувствовали себя ужасно важными. Мы давали разные клятвы, выдумывали тайные приветствия.

— И вас ни разу не прерывали? Ни служебные машины, ни пожарники?

— Ни разу.

— Это необычно, Илайдж? — вмешался Р. Дэниел.

— Пожалуй, нет,— задумчиво сказал Бейли.— Некоторыми боковыми проездами практически уже давно не пользуются. Правда, найти их мудреная штука... И это все, чем вы занимались на собраниях? Произносили речи да строили из себя конспираторов?

— Иногда еще пели песни. И, конечно, закусывали сэндвичами, сок пили...

— В таком случае,— зло произнес Бейли,— чего ты устроила истерику?

Джесси заморгала глазами.

— Не сердись, Лайдж.

— Пожалуйста,— с необычайным терпением настаивал Бейли,— ответь на мой вопрос. Если все так безобидно, как ты говоришь, почему ты вдруг ударилась в панику?

— Я боялась за тебя, Лайдж. Почему ты не хочешь меня понять? Я ведь объяснила тебе...

— Нет, Джесси. Пока ты еще ничего не объяснила. Ты рассказала о ваших секретных сборищах с болтовней и песнопениями. А открытые демонстрации вы устраивали? Учиняли расправу над роботами? Устраивали беспорядки? Убивали людей?

— *Никогда!* Лайдж, да я бы сразу порвала с ними, как ты не понимаешь!

— В чем же тогда твое преступление? Почему ты завела речь о тюрьме?

— Дело в том... В общем, нам говорили, что когда-нибудь мы окажем давление на правительство. Мы организуем огромные забастовки, прекратим работать и вынудим правительство запретить роботов, а космонитов заставим убраться восвояси. Я думала, что дальше разговоров дело не пойдет, но потом произошла эта история с тобой и Р. Дэниелом. И вот теперь в туалетной я услышала: «Пора переходить к действиям», и еще: «Надо проучить их как следует, надо сейчас же остановить вторжение роботов». Они не знали, что речь идет о тебе. А я сразу это поняла.

Ее голос прервался.

— Ну, успокойся,— сказал Бейли уже не так строго,— ты же видишь: ничего не произошло. Все это одна болтовня.

— Я так ис... испугалась. Я подумала, что если начнут убивать и громить, то могут убить тебя с Бентли. И что все это из-за меня, а поэтому меня надо посадить в тюрьму.

Бейли дал ей выплакаться. Он нежно прижал ее к себе и, стиснув зубы, вызывающе посмотрел на Р. Дэниела, который ответил ему невозмутимым взглядом.

— Ну, а теперь, Джесси, постарайся вспомнить, кто был во главе вашей группы?

Она понемногу приходила в себя и время от времени прикладывала к глазам мокрый от слез носовой платок.

— Его зовут Джозеф Клемин. Он очень маленького роста и ничего собой не представляет. Совершенно затюканный, безобидный человек. Ты ведь не арестуешь его, правда, Лайдж? Только потому, что я сказала? — Она виновато посмотрела на мужа.

— Пока я не собираюсь никого арестовывать. Как он получал инструкции?

— Не знаю.

— На собраниях появлялись какие-нибудь незнакомые тебе люди? Я имею в виду ваших деятелей из Центра.

— Иногда, раз или два в год, но их никогда не называли по имени. Просто говорили, это, мол, один из наших, и все.

— Ясно. Дэниел!

— Да, Илайдж? — отозвался Р. Дэниел.

— Опишите людей, которых вы подозреваете. Может быть, Джесси узнает кого-нибудь.

По мере того как Р. Дэниел с присущим ему педантизмом перечислял подозреваемых, подробно характеризуя каждого из них, на лице Джесси все отчетливее появлялось выражение отчаяния. Наконец она замотала головой:

— Не надо, хватит. Не помню я никого! Ни одного...

Она немного помолчала, будто задумавшись. Потом спросила:

— Вы сказали, что один из них работает на дрожжевой ферме?

— Фрэнсис Клусарр, — ответил Р. Дэниел, — служащий «Нью-Йорк Йист».

— Понимаете, однажды я сидела в первом ряду. И от выступавшего на меня пахнуло запахом сырых дрожжей. Я запомнила это потому, что чувствовала себя неважно, а тут мне чуть не стало плохо. Пришлось даже перейти в задние ряды. Было так неловко. Может, это и есть тот человек? Ведь когда работаешь с дрожжами постоянно, их запах насквозь пропитывает одежду.

— А ты не помнишь его лицо? — спросил Лайдж.

— Нет, — без колебания ответила Джесси.

— Ну хорошо. Сейчас, Джесси, я отвезу тебя к твоей матери. Бентли уже там. Без моего ведома никуда не

отлучайтесь. Бен пусть не ходит пока в школу. Я договорюсь, чтобы вам приносили еду на дом. Все подступы к квартире будут под наблюдением полиции.

— А как ты? — заволновалась Джесси.

— Я буду в безопасном месте.

— Долго это будет продолжаться?

— Не знаю. Может, день или два.— Он почувствовал, как неубедительно прозвучали его слова.

Бейли и Р. Дэниел снова ехали по автотуннелю, но на этот раз без Джесси.

— Мне кажется,— прервал Бейли свои невеселые мысли,— что структура этой организации такова: внизу — основная масса ее членов. У них нет никакой программы; главная их задача — поддержать переворот, когда придет время. Ими руководит немногочисленная верхушка, имеющая четко выработанную программу действий. Ее-то мы и должны обнаружить. Опереточными заговорщиками, о которых говорила Джесси, можно пренебречь.

— Это звучит логично,— заметил Р. Дэниел,— если принять на веру то, что рассказала Джесси.

— Я думаю, что в правдивости ее рассказа сомневаться не приходится,— жестко сказал Бейли.

— Возможно. Мозговые импульсы Джесси не указывают на наличие у нее патологической склонности к лжи.

Бейли бросил на робота оскорбленный взгляд.

— Этого еще не хватало! И вообще в рапортах не следует упоминать ее имя. Вы меня поняли?

— Если вам так угодно, партнер Илайдж,— спокойно сказал Р. Дэниел,— но тогда наш рапорт не будет ни точным, ни полным.

— Ну и что из того? Она пришла к нам по своей воле и откровенно все рассказала. Если мы о ней напишем, она будет на учете полиции, а мне бы этого совсем не хотелось.

— Хорошо, я согласен, при условии, что нам не нужно больше ничего выяснять.

— Что касается ее — ничего. Ручаюсь.

— В таком случае не объясните ли вы, почему слово

«Джезебел», почему сочетание этих звуков, заставило ее забыть свои прежние убеждения ради новых? Не ясна мотивировка.

Они медленно ехали по пустому, извилистому туннелю.

— Это трудно объяснить. Джезебел — редкое имя. Когда-то оно принадлежало женщине с очень плохой репутацией. Моя жена весьма дорожила этим. Это имя как бы бросало на нее тень порочности и вознаграждало за всю ее добропорядочную жизнь.

— Зачем уважающей закон женщине чувствовать себя порочной?

Бейли едва не улыбнулся.

— Женщина есть женщина, Дэниел. В общем, я поступил очень глупо. Я вышел из себя и стал доказывать, что библейская Джезебел вовсе не была такой уж порочной и что, пожалуй, она была хорошей женой. Я никогда себе этого не прощу. Джесси ужасно расстроилась, — продолжал он. — Сам того не сознавая, я погубил то, что было ей очень дорого. И она, вероятно, решила отплатить мне. У нее, видимо, появилось желание сделать что-то назло мне, и она вступила в эту организацию. Я бы не сказал, что ее желание было осознанным.

— Может ли желание быть неосознанным? Нет ли здесь противоречия в терминах?

Бейли молча смотрел на Р. Дэниела, даже не пытаясь объяснить ему, что такое подсознательное мышление. Затем он сказал:

— К тому же на ум и чувства человека очень влияет библия.

— Что такое библия?

Бейли было удивился, но затем вспомнил, что космоныты исповедуют механистическую философию, а Р. Дэниел может знать только то, что знают они, ни словом больше.

Он сказал отрывисто:

— Это священная книга у почти половины населения Земли.

— Я не понимаю значения прилагательного в этой фразе.

— Это значит, что ее высоко чтут. Различные ее части при правильном толковании содержат в себе прави-

ла поведения. Многие считают, что, следуя им, человечество достигнет всеобщего счастья.

Р. Дэниел, казалось, задумался над этим:

— Входят ли эти правила в ваши законы?

— Боюсь, что нет. Их нельзя насаждать законодательным порядком. Каждый человек сам по себе должен чувствовать сильную внутреннюю потребность соблюдать их. В каком-то смысле они стоят над любым законом.

— Над законом? Нет ли здесь противоречия в терминах?

Бейли криво улыбнулся.

— Хотите, я расскажу вам кое-что из библии? Думаю, вам будет интересно.

— Пожалуйста.

Машина медленно катилась по инерции и наконец остановилась. Некоторое время Бейли сидел с закрытыми глазами, вспоминая притчу.

Он рассказал библейскую притчу об Иисусе Христе и виновной женщине, которую хотели побить камнями. На вопрос о том, как поступить с этой женщиной, Христос ответил обвинителям: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень». Никто не мог это сделать, и все разошлись.

Притча заканчивалась следующими словами:

«Иисус, не видя никого, кроме женщины, спросил: «Женщина! Где твои обвинители? Никто не осудил тебя?»

Она отвечала: «Никто».

Он сказал: «И я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши».

Р. Дэниел внимательно слушал.

— И та женщина была виновной?

— Да, была.

— Тогда почему же ее не пбили камнями?

— После слов Иисуса никто из обвинителей не мог решиться на это. Смысл рассказа в том, чтобы показать, что существует нечто даже более возвышенное, чем понятия о справедливости, которые ты усвоил. Например, человеческое побуждение, называемое жалостью; человеческий поступок, называемый прощением.

— Я не знаком с этими понятиями, Илайдж.

— Я знаю,— проворчал Бейли.— Я знаю.

Он рывком тронул машину с места, и она с бешеной скоростью понеслась вперед. Бейли прижало к подушкам сиденья.

— Куда мы едем? — спросил Р. Дэниел.

— В Йист-таун — Дрожжевой город,— бросил Бейли.— Чтобы вытрясти правду из этого заговорщика Фрэнсиса Клусарра.

— Вы сумеете это сделать, Илайдж?

— А я и не собираюсь. Это сделаете вы, Дэниел. Причем весьма просто.

Машина прибавила скорость.

ГЛАВА XV

Арест заговорщика

Бейли почувствовал приближение Йист-тауна по специфическому запаху, который усиливался с каждой минутой. Он не был ему противен, как некоторым; Джесси, например. Пожалуй, он даже нравился ему. Стоило запаху сырых дрожжей донестись до него, как алхимия чувств отбрасывала его более чем на тридцать лет назад. Ему снова было десять, и он гостил у дяди Бориса, работавшего на дрожжевой ферме. У дяди Бориса дома всегда был небольшой запас дрожжевых сластей: мелкое печенье, конфеты со сладкой текучей начинкой и другие, твердые,— фигурки собачек и кошек. Несмотря на свой возраст, он понимал, что у дяди Бориса они не для того, чтобы раздавать бесплатно, и всегда потихоньку уплетал сласти, повернувшись ко всем спиной.

От этого они казались еще вкусней.

Бедный дядя Борис! Он погиб от несчастного случая. Мальчику так и не рассказали, как это случилось, и он горько плакал, ибо решил, что дядю арестовали за то, что он уносил дрожжи с фабрики. Он боялся, что его тоже арестуют и накажут. Много лет спустя он внимательно просмотрел полицейский архив и узнал правду. Дядя Борис попал под гусеницы транспортера. Так буднично развеялся этот миф.

Но все же при малейшем запахе дрожжей он неизмен-

но возникал у него в голове, пусть на самое короткое мгновение.

Йист-таун — Дрожжевой город... Официально в Нью-Йорке нет района с таким названием. Его не найдешь ни в справочнике, ни на карте. То, что горожане зовут Йист-тауном, в почтовом ведомстве числится как округи Нью-Арк, Нью-Брунсвик и Тронтон. Большая часть этого огромного пространства, за исключением нескольких жилых секторов, занята многоэтажными дрожжевыми фермами, где растут и размножаются сотни разнообразных дрожжевых культур.

Здесь трудится пятая часть населения города. Столько же народу работает в смежных отраслях.

Горы древесины и сырой целлюлозы, которые поступают из дремучих лесов Аллеген и перерабатываются в громадных чанах с кислотой в глюкозу; тысячи тонн селитры и фосфатов, необходимых для процесса; бесчисленные контейнеры с органическими веществами из химических лабораторий — все это нужно, чтобы получить только один продукт — дрожжи, как можно больше дрожжей. Без них шесть из восьми миллиардов землян через год страдали бы от голода.

Бейли похолодел от этой мысли. Такая возможность существовала и три дня назад, но подобная мысль тогда просто не пришла бы ему в голову.

Машина выскочила из туннеля на окраины Нью-Арка. Вид малонаселенных улиц, с обеих сторон сжатых слепами блоками дрожжевых ферм, не радовал глаз.

— Который час, Дэниел? — спросил Бейли.

— Шестнадцать часов пять минут, — ответил Р. Дэниел.

— Если он в дневной смене, мы его застанем.

Бейли поставил машину в проеме одной из стен и выключил двигатель.

— Так это и есть «Нью-Йорк Йист», Илайдж? — спросил робот.

— Да. Часть ее.

Они пошли по коридору между двумя рядами служебных помещений и оказались лицом к лицу с улыбающейся секретаршей.

— Кого вы хотели бы увидеть? — вежливо спросила она.

Бейли показал ей свое удостоверение.

— Полиция,— пояснил он.— У вас в «Нью-Йорк Йист» должен работать некий Фрэнсис Клусарр.

— Одну минутку. Я проверю.— Девушка была явно обеспокоена.

Она нажала кнопку селектора, под которой значилось «Отдел кадров», и, хотя губы ее двигались, артикулируя какие-то слова, вслух она их не произносила.

Бейли не впервые встречался с ларингофоном, который преобразовывал в слова малозаметные движения гортани.

— Говорите вслух, пожалуйста. Мне нужно вас слышать.

— ...и говорит, что он из полиции, сэр,— тотчас же донеслось до него.

Появился смуглый, хорошо одетый человек. У него были небольшие усики и редущая шевелюра. Приятно улыбаясь, человек представился:

— Я — Прескотт из отдела кадров. Чем могу быть вам полезен, инспектор?

Бейли холодно посмотрел на него, и его улыбка стала напряженной.

— Мне бы не хотелось волновать рабочих,— извиняющимся тоном произнес Прескотт,— они не очень-то жалуют полицию.

— Ничего не поделаешь,— остановил его Бейли.— Клусарр сейчас работает?

— Да, инспектор.

— В таком случае, дайте мне поводок. И если Клусарра не окажется на месте, нам придется разговаривать при других обстоятельствах.

Прескотту стало не до улыбок. Он пробормотал:

— Сюю минуту, инспектор.

«Поводок» был настроен на вторую секцию отдела ЦГ Бейли понятия не имел о значении этих слов, да его это и не интересовало. Он знал, что «поводок» приведет его туда, куда нужно. Этот оригинальный маленький аппарат легко помещается в ладони и обладает способностью быстро нагреваться или охлаждаться в зависимости от того, идете вы в правильном направлении или отклоняетесь от него. Чем ближе вы к цели, тем теплее становится «поводок».

Для новичка «поводок» с его едва заметными колебаниями температуры почти бесполезен: горожане же все, за малым исключением, прекрасно справляются с ним. Испокон веков дети увлекаются игрой в прятки с игрушечными «поводками» в коридорах школьного горизонта. («Поводок, поводок, приведи в уголок». «Горячо, горячий. Поводок всех умней».)

Издавна привыкший им пользоваться, Бейли без труда нашел правильный путь среди лабиринта каких-то громоздких сооружений. Когда через несколько минут он оказался в большой, ярко освещенной комнате, «поводок» нагрелся до предела.

— Фрэнсис Клусарр здесь? — спросил Бейли у ближайшего к нему рабочего.

Тот кивком головы показал ему на человека в другом конце комнаты, который встал со своего места и начал снимать с себя передник. Он был среднего роста, с молодым, хотя и в глубоких морщинах лицом и начинающими седесть волосами. У него были большие узловатые руки, которые он не торопясь вытирал селлетексовым полотенцем.

— Я Фрэнсис Клусарр, — сказал он.

Бейли бросил взгляд на Р. Дэниела. Робот кивнул.

— О'кей, — сказал Бейли. — Где мы сможем поговорить?

— Место-то найдется, — медленно ответил Клусарр, — да вот только смена у меня кончается. Может быть, завтра?

— От сегодня до завтра пройдет слишком много времени. Давайте-ка лучше сейчас, — возразил Бейли и протянул ему свое удостоверение.

Руки Клусарра не дрогнули, он продолжал методично вытирать палец за пальцем.

— Не знаю, как у вас в полиции, — холодно сказал он, — но здесь нам дают на еду три четверти часа, и ни минуты больше. С 17.00 до 17.45. Не хочешь, не ешь совсем.

— Не беспокойтесь, — настаивал Бейли. — Я попрошу, чтобы вам принесли сюда.

— Так, так, — невесело сказал Клусарр. — Прямо как аристократу или полицейскому чину. А что еще? Может, отдельную ванну примем?

— Отвечайте на вопросы, Клусарр,— сухо ответил Бейли,— а шуточки поберегите для своей подружки. Так куда мы пойдём?

— Если хотите, пошли в весовую. Вас это устраивает? Только мне не о чем с вами говорить.

Весовая представляла собой квадратную, снежно-белую комнату, с лучшей, чем в соседнем зале, вентиляцией. Вдоль стен под стеклянными колпаками стояли ряды тонких электронных весов с электронными манипуляторами. В колледже Бейли пользовался более простыми моделями. На одной из них, которую Бейли узнал, можно взвесить даже миллиард атомов.

— Мне кажется, здесь нам не помешают,— заметил Клусарр, когда они вошли в комнату.

Бейли что-то буркнул в ответ и повернулся к Р. Дэниелу:

— Пожалуйста, пойдите и распорядитесь насчет обеда. И подождите снаружи, пока его не принесут.

Когда Р. Дэниел вышел, он обратился к Клусарру:

— Вы химик по профессии?

— С вашего позволения, я зимолог.

— Разве это не одно и то же?

Клусарр высокомерно взглянул на него.

— Химики только и возятся со своими вонючими реактивами, а от нас, зимологов, зависит жизнь нескольких миллиардов людей. Я — специалист по дрожжевым культурам.

— Ну ладно, ладно,— согласился Бейли.

Но Клусарра нельзя было остановить:

— Эта лаборатория обслуживает всю компанию «Нью-Йорк Йист». Каждый час, каждый день мы, как проклятые, выращиваем для нее сотни дрожжевых штаммов. Мы исследуем и изменяем их питательные свойства. Мы следим за их ростом. Мы меняем их генетику, создаем новые штаммы, размножаем их, выделяем нужные нам свойства, а потом снова скрещиваем их.

Когда несколько лет назад в Нью-Йорке начала появляться масса клубники, это была не клубника, парень. То была особая сахаристая дрожжевая культура естественного клубничного цвета с ничтожной добавкой ароматических веществ. И мы создали ее здесь, в этой комнате.

Двадцать лет назад *Saccharomyces olei* Benedictae был всего лишь бесполезным штаммом с мерзким привкусом сала. Он до сих пор отдает салом, но содержание в нем жира увеличено с 15 до 87 процентов. Если сегодня вы пользовались экспрессом, то знайте, что вся его смазка — это *S. O. Benedictae*, штамм АГ-7. Создан здесь, в этой самой комнате... Так что я не химик, а зиналог.

Бейли невольно отступил перед бурным натиском собеседника.

— Где вы были вчера вечером между шестью и семью? — резко спросил он.

Клусарр пожал плечами.

— Прогуливался. Я люблю погулять немного после обеда.

— Вы были в гостях или ходили в субэтерикс?

— Нет. Просто гулял.

Бейли поджал губы. Посещение субэтерикса можно было бы проверить по отметке в абонементе Клусарра: встреча же с друзьями повлекла бы за собой очную ставку.

— Значит, вас никто не видел?

— Может быть, кто-нибудь и видел, не знаю. Во всяком случае, знакомые мне не попадались.

— А чем вы занимались накануне вечером?

— Тем же самым.

— Значит, вы не можете представить алиби?

— Соверши я преступление, инспектор, я бы позаботился о нем. Для чего мне алиби?

Бейли промолчал. Он заглянул в свою записную книжку.

— Вы уже однажды привлекались к суду. За подстрекательство к бунту.

— Ну и что? Меня толкнул какой-то робот, а я сделал ему подножку. Это, по-вашему, подстрекательство?

— Суд пришел именно к такому выводу. Вас признали виновным и оштрафовали.

— Ну и дело с концом. Или вы хотите оштрафовать меня снова?

— Два дня назад у обувного магазина в Бронксе чуть было не вспыхнул бунт. Вас там видели.

— Кто?

Бейли оставил этот вопрос без ответа.

— В то время у вас был перерыв на ужин. Вы ужинали позавчера вечером?

Клусарр замялся, затем покачал головой.

— Расстройство желудка. Бывает иногда из-за дрожжей. Даже если давно имеешь с ними дело.

— Вчера вечером начались беспорядки в Уильямсбурге, и вас там видели тоже.

— Кто?

— Вы отрицаете, что были в обоих местах?

— Мне просто нечего отрицать. Скажите мне, где точно все это происходило и кто говорит, что видел меня?

Бейли не сводил глаз с зимолога.

— Не прикидывайтесь, вы знаете, о чем речь. Мне думается, вы один из руководителей тайной медиевистской организации.

— Я не могу запретить вам думать, инспектор. Но это не может служить доказательством, что вам, вероятно, тоже известно,— сказал Клусарр насмешливо.

— Вероятно,— ответил Бейли с каменным выражением лица.— Но я заставляю вас признаться. И сделаю это сию же минуту.

Бейли подошел к двери и выглянул наружу. Неподалеку недвижно стоял Р. Дэниел.

— Принесли ужин Клусарра?

— Еще нет.

— Внесите его, хорошо, Дэниел?

Спустя несколько минут в комнате появился Р. Дэниел с металлическим, разделенным на секции подносом в руках.

— Поставьте его перед мистером Клусарром, Дэниел,— приказал Бейли.

Он сел на табурет у стены, закинул ногу на ногу и слегка покачивал кончиком ботинка. Он заметил, как Клусарр резко отстранился от робота, когда тот наклонился, чтобы поставить поднос на табурет возле зимолога.

— Мистер Клусарр,— сказал Бейли,— познакомьтесь с моим помощником Дэниелом Оливо.

Р. Дэниел протянул руку со словами:

— Здравствуйте, Фрэнсис.

Клусарр не сказал ни слова. Он и не попытался пожать протянутую ему руку. Р. Дэниел же не опускал ее, и лицо Клусарра стало краснеть.

— Вы невежливы, мистер Клусарр,— мягко заметил Бейли.— Или вы считаете зазорным пожать руку полицейскому?

Клусарр пробормотал:

— Простите, но я голоден.

Он вынул складную вилку и сел, не сводя глаз с подноса.

— Дэниел, мне кажется, наш друг обижен на ваше холодное обращение,— продолжал Бейли.— Вы ведь на него не сердитесь, не так ли?

— Конечно, нет, Илайдж,— сказал Р. Дэниел.

— Тогда докажите это на деле. Обнимите его за плечи.

— С удовольствием,— сказал Р. Дэниел и сделал шаг вперед.

Клусарр положил вилку:

— В чем дело? Что здесь происходит?

Нисколько не обескураженный этим, Р. Дэниел попытался дотронуться до его плеча.

Клусарр отшатнулся от него, отбросив в сторону руку Р. Дэниела.

— Какого черта, не прикасайся ко мне!

Он вскочил на ноги, задев при этом табурет, и поднос с едой с грохотом повалился на пол.

Бейли коротко кивнул Р. Дэниелу, и тот снова попытался приблизиться к отступавшему от него зимологу. Бейли встал перед дверью.

— Уберите от меня эту гадость! — завопил Клусарр.

— Ну как вам не совестно! — невозмутимо сказал Бейли.— Ведь этот человек — мой напарник.

— Какой он человек! Это проклятый робот! — закричал пронзительно Клусарр.

— Отойдите от него, Дэниел,— тотчас же приказал Бейли.

Р. Дэниел молча стал у двери позади Бейли, напротив которого, сжав кулаки, стоял возбужденный Клусарр.

— Отлично, умник,— сказал Бейли.— Почему вы решили, что Дэниел робот?

— Каждому видно!

— Предоставим это решать судье. Тем временем мы отправим вас в полицию. Нам нужно выяснить, как вы узнали, что он робот. И многое другое, мистер, многое другое. Дэниел, пойдите свяжитесь с комиссаром. Он должен быть дома. Попросите его сейчас же прибыть в управление. Скажите, что мы задержали одного парня, которого надо немедленно допросить.

— Что вами движет, Клусарр? — спросил Бейли, когда Р. Дэниел вышел из комнаты.

— Я требую адвоката.

— Вы его получите. А пока лучше расскажите, к чему вы, медиевисты, стремитесь.

Клусарр отвернулся, храня решительное молчание.

— Да, нам известно все и о вас, и о вашей организации. Я не беру вас на пушку. Мне просто самому хочется услышать, что же вам, медиевистам, нужно?

— Назад к Земле,— сдавленным голосом сказал Клусарр.— Просто, не так ли?

— Просто на словах,— возразил Бейли.— Труднее на деле. Сумеет ли Земля прокормить восемь миллиардов ртов?

— Разве я сказал, что это произойдет в один день? Или за год? Или же за сотню лет? Шаг за шагом, мистер полисмен. Неважно, сколько времени это займет, пусть только нас выпустят из пещер, в которых мы живем. Пусть нам дадут выйти на свежий воздух...

— А вам самому доводилось побывать там хоть раз? Клусарр съехался.

— Ладно, меня уж не переделаешь. Но дети-то еще не испорчены. Каждый день новые рождаются. Выпустите их наружу, черт возьми! Пусть у них будет простор, и воздух, и солнце. А если нужно, мы готовы постепенно сократить население.

— Другими словами, назад, в невозможное прошлое, да? — Бейли сам не понимал, почему спорит, и лишь ощущал какое-то лихорадочное возбуждение.— Разве нет пути вперед? Зачем сокращать население? Ведь его можно вывезти на другие планеты. «Назад к природе!» Хорошо. Но к природе других планет! Осваивайте их!

Клусарр хрипло рассмеялся:

— Для чего? Чтобы появились новые Внешние Миры? Чтобы стало больше космонитов?

— Ничего подобного. Внешние Миры основаны людьми, не знавшими стальных городов, землянами, которые были индивидуалистами и материалистами. Этими качествами они обладали в избытке. Мы же довели до абсурда нашу зависимость друг от друга, нашу модернизацию. Соединение того и другого на новой основе может привести к появлению совершенно необычной цивилизации, не похожей ни на древнюю Землю, ни на Внешние Миры. Что-то новое и хорошее.

Бейли признавал, что, как попугай, повторяет доводы доктора Фастольфа, однако слова лились у него сами собой, будто он давным-давно обдумал все это.

— Глупости! — воскликнул Клусарр. — Какой дурак согласится оставить обжитое место ради пустых миров?

— Согласятся многие. И они вовсе не будут дураками. Им помогут роботы.

— Никогда! — снова вспыхнул Клусарр. — Роботы — ни за что на свете!

— Почему, ради всего святого? Я тоже их не люблю, но жизнь мне дороже всяких предрассудков, — убеждал Бейли. — Почему мы боимся роботов? Все дело, скажу я вам, в нашем комплексе неполноценности. Мы все чувствуем себя ниже космонитов и ненавидим это чувство. А нам нужно хоть в чем-то кого-то превосходить, и нас бесит, что мы не можем позволить себе это даже в отношении роботов. Нам кажется, что они лучше нас, только это неверно. Вот в чем ирония, черт возьми!

Бейли испытывал необычайное возбуждение.

— Возьмите этого Дэниела, с которым я пробыл больше двух дней, — продолжал он. — Он выше меня ростом, сильнее и интереснее, чем я. В общем, похож на космонита. У него память лучше, и знает он больше моего. Ему не нужно ни спать, ни есть. Его не тревожат ни болезни, ни паника, ни любовь, ни чувство вины.

Но все-таки он — машина. Я могу сделать с ним все, что захочу. Как с этими микровесами. Вот я ударил по ним, и они не могут дать мне сдачи. Не делает этого и Дэниел. Я могу заставить его прикончить себя бластером, и он подчинится.

Нельзя построить робота, который мог хотя бы сравниться с человеком в том, что нам дороже всего. Мы не можем наделить робота чувством прекрасного, сознанием эстетических и религиозных ценностей. Его позитронный мозг не в силах ни на йоту оторваться от совершенного практицизма.

Мы не можем сделать такого робота, черт его побери, не можем! И не сможем до тех пор, пока сами до конца не разберемся, отчего тикает наш собственный мозг. Пока существуют непонятные для науки явления. Что такое красота, любовь, доброта, искусство, наконец? Мы вечно топчемся на грани неизведанного и пытаемся понять то, что недоступно пониманию. Именно это и делает нас людьми!

Мозг же робота мыслит законченными категориями. Он рассчитывается до последнего десятичного знака и имеет конец. Создать иной мозг пока невозможно. Так чего же вы боитесь, черт побери! Робот может принять обличье человека, быть красивым, как бог, но он не больше человек, чем кусок дерева. Неужто вы не понимаете этого?

Клусарр пытался несколько раз прервать поток красноречия детектива, но безуспешно. А теперь, когда Бейли замолчал, он тихо сказал:

— Полицейский превратился в философа. Ну и дела...

В комнату вошел Р. Дэниел.

Бейли хмуро взглянул на него, отчасти потому, что еще не совсем остыл, отчасти из-за новой волны раздражения.

— Почему вы задержались? — спросил он.

— Я разыскивал комиссара Эндерби, Илайдж. Оказалось, что он до сих пор находится в Управлении у себя в кабинете.

Бейли взглянул на часы.

— Как так? Почему?

— Там произошли неприятности. В Полицейском управлении обнаружен труп.

— Не может быть! Ради бога, чей?

— Рассыльного Р. Сэмми.

Бейли помолчал, а потом со злостью заметил:

— Вы, кажется, сказали «труп»?

— Ивините, обнаружен робот с полностью деактивированным мозгом,— поправился Р. Дэниел.

Клусарр неожиданно разразился смехом. Бейли повернулся к нему и мрачно предупредил:

— Держите язык за зубами. Слышите?

Он подчеркнутым движением отстегнул ремешок бластера. Клусарр хранил полное молчание.

— Ну и что такого? — обернулся Бейли к роботу.— Р. Сэмми отдал концы. Велика важность.

— Комиссар Эндерби не сказал этого прямо, Илайдж, но у меня сложилось впечатление, что комиссар считает, что кто-то умышленно деактивировал мозг Р. Сэмми.

И так как Бейли не отозвался на это сообщение, Р. Дэниел добавил серьезно:

— Или, если хотите, убил его.

ГЛАВА XVI

Мотивы преступления

Бейли застегнул ремешок бластера, но не отнимал руки от приклада.

— Идите к выходу «Б» семнадцатой улицы,— приказал он Клусарру.

— Я так и не поел,— пожаловался Клусарр.

— Не надо было швырять еду на пол,— нетерпеливо отозвался Бейли.

— Но мне положен обед.

— В тюрьме вас накормят. А если разок и не поедите, то с голоду не померете. Ну, пошли!

Все трое стали молча пробираться по запутанным коридорам здания «Нью-Йорк Иист». Клусарр вышагивал впереди, за ним следовал Бейли; замыкал шествие Р. Дэниел.

После того как Бейли и Р. Дэниел отметились в приемной, а Клусарр оформил увольнительную и попросил приборать весовую, они вышли наружу к машине Бейли. И тут Клусарр неожиданно остановился, шагнул к Р. Дэниелу и, развернувшись, едва не вlepил роботу сильнейшую пощечину.

— Какого черта! — Бейли рванулся к Клусарру и крепко обхватил его.

Клусарр не оказывал никакого сопротивления.

— Все в порядке. Я не убегу. Просто хотел проверить ваши слова. — Он насмешливо улыбался.

Р. Дэниел увернулся от удара, и, хотя рука Клусарра все же задела его по щеке, следов пощечины на ней не было видно. Он спокойно посмотрел Клусарру прямо в глаза.

— Вы поступили опрометчиво, Фрэнсис, — заметил он. — Если бы я не отклонился, вы бы могли повредить себе руку. Во всяком случае, я сожалею, что причинил вам боль.

Клусарр рассмеялся.

— Садитесь в машину, Клусарр. И вы тоже, Дэниел. Сядьте рядом с ним на заднее сиденье, да смотрите, чтобы он не шелохнулся. Даже если это будет стоить ему сломанной руки. Это — приказ.

— А как же Первый Закон? — издевался Клусарр.

— У Дэниела хватит сил и сноровки вовремя остановить вас, не причинив вам вреда. Впрочем, если бы при этом он покалечил вас немного, это пошло бы вам на пользу.

Бейли сел за руль, и машина начала набирать скорость. Упругий ветер растрепал волосы Бейли и Клусарра; гладкая же прическа Р. Дэниела не пострадала.

— Мистер Клусарр, почему вы боитесь роботов? Из опасения потерять работу? — негромким голосом спросил Р. Дэниел.

Бейли не мог обернуться, чтобы увидеть выражение лица Клусарра, но был уверен, что на нем должно быть написано крайнее отвращение и что Клусарр сидит в напряженной позе, отодвинувшись как можно дальше от Р. Дэниела.

— Боюсь не только за себя, а за своих детей. За судьбу всех детей, — слышался голос Клусарра.

— Можно принять надлежащие меры, — сказал робот. — Если бы вы согласились, например, готовить детей к эмиграции...

— Так вот оно что? — прервал его Клусарр. — То-то полицейский толкует об эмиграции. Оказывается, его натаскали роботы. А может, он и сам робот?

— Эй ты, не увлекайся! — крикнул на него Бейли.

Р. Дэниел сказал ровным голосом:

— Школа подготовки для эмиграции гарантировала бы вам безопасность, определенный класс и карьеру. Если вы заботитесь о своих детях, вам следует обдумать эту возможность.

— Не нужны мне никакие подачки ни от роботов, ни от космонитов, ни от дрессированных гиен из правительства.

Все трое снова погрузились в тишину автотуннеля, нарушаемую лишь ровным урчанием мотора да шелестом шин по мостовой.

В Полицейском управлении Бейли выписал ордер на арест и оставил Клусарра на попечение соответствующих лиц. Затем он вместе с Р. Дэниелом поднялся по мотоспирали на верхние этажи управления.

Р. Дэниел несколько не удивился тому, что они не воспользовались лифтами, впрочем, Бейли и не ожидал увидеть на его лице признаков удивления. Он уже начал привыкать как к поразительным способностям робота, так и к его смирению, и потому перестал принимать в расчет его чувства. Конечно, логичнее всего было бы на скоростном лифте покрыть расстояние, отделяющее сектор предварительного заключения от штаба управления. Тем более, что эскалатором, носившим название мотоспирали, обычно пользуются, чтобы подняться на два, самое большее на три этажа. Чиновники самых различных рангов то и дело входили и сходили с эскалатора, оставаясь на нем около минуты. Только Бейли и Р. Дэниел продолжали медленно и упорно подниматься вверх.

Бейли нужно было какое-то время, чтобы привести в порядок свои мысли. Даже эти несколько минут будут для него желанной передышкой перед тем, как в штабе он снова погрузится в сложные перипетии необычного дела.

Как медленно ни двигалась лента мотоспирали, ее скорость казалась ему слишком высокой.

— Следовательно, выходит, что мы не будем пока допрашивать Клусарра, — сказал Р. Дэниел.

— Он подождет. Надо сначала узнать, что стряслось с этим Р. Сэмми,— раздраженно ответил Бейли. И добавил вполголоса, больше самому себе, чем Р. Дэниелу:— Не думаю, что это случайное совпадение: здесь должна быть какая-то связь...

— Жаль,— заметил Р. Дэниел.— Мозговые характеристики Клусарра...

— А что с ними такое?

— Они изменились странным образом. Могли бы вы рассказать, что произошло между вами в мое отсутствие?

— Ничего особенного. Я прочитал ему проповедь. Толковывал евангелие от Святого Фастольфа,— ответил Бейли рассеянно.

— Я не понимаю вас, Илайдж.

Бейли вздохнул.

— О господи. Ну пытался объяснить, что нам следует использовать роботов и перебросить излишек населения на другие планеты. Хотел выбить у него из головы всю эту медиевистскую чушь. Бог знает зачем. Никогда не думал, что превращусь в миссионера. Во всяком случае, так оно выглядело.

— Понятно. Кое-что мне становится ясным. Вы говорили ему что-нибудь о роботах, Илайдж?

— Вас это в самом деле интересует? Я сказал, что роботы — это просто машины. В данном случае я читал евангелие от Святого Джерригела. Между прочим, евангелий, кажется, может быть сколько угодно.

— Вы случайно не говорили ему, что робота можно ударить без опасения получить ответный удар, как любой механический предмет?

— Кроме боксерской груши, пожалуй... Да, говорил. Но как вы догадались? — Бейли с удивлением посмотрел на робота.

— По обнаруженным у него церебральным изменениям,— ответил Р. Дэниел.— Становится понятной и его попытка ударить меня по лицу. Он, вероятно, думал над тем, что вы ему сказали, и решил сразу проверить на практике ваше утверждение. Тем самым он дал выход своей агрессивности и удовлетворил свое желание унижить меня. Эти мотивы, а также дельта-колебания...

Он помолчал, а потом сказал:

— Да, весьма интересно. Теперь, кажется, я смогу сложить все эти данные в единое целое.

Они приближались к цели своей поездки, и Бейли спросил у Р. Дэниела, который час.

Он раздраженно подумал, что гораздо быстрее мог сам узнать это по своим часам. Тем не менее он сознавал, почему обратился к роботу. Причины были почти те же, что и у Клусарра, когда тот дал Р. Дэниелу пощечину. Задавая ему этот несложный вопрос, на который тот должен ответить, он как бы подчеркивал, что Р. Дэниел всего-навсего робот и, наоборот, что Бейли — живой человек.

«Все мы одним миром мазаны», — подумал Бейли.

— Двадцать десять, — сказал Р. Дэниел.

Они сошли с мотоспирали, и несколько секунд Бейли владело то странное ощущение, которое возникает, когда организм перестраивается от состояния длительного и равномерного движения к покою.

— А ведь я так и не поел, — вспомнил вдруг Бейли. — Проклятая работа...

Бейли увидел и услышал комиссара Эндерби через открытую дверь его кабинета. В общей комнате не было ни души, и голос Эндерби прозвучал в ней с неожиданным резонансом. Его лицо казалось беззащитным и голым без очков, которые он держал в одной руке; другой рукой он прикладывал тонкую бумажную салфетку к своему гладкому лбу.

— Наконец-то! Где это вас носит, Бейли? — почти прокричал он.

Бейли пропустил вопрос мимо ушей и в свою очередь спросил:

— Что здесь происходит? Куда девалась вечерняя смена? — И тут он заметил, что, кроме них, в кабинете находится еще один человек.

— Доктор Джерригел! — не удержался от восклицания Бейли.

Седовласый роботехник коротко ответил на это приветствие.

— Рад снова встретиться с вами, мистер Бейли.

Комиссар надел очки и пристально посмотрел на Бейли.

— Все сотрудники внизу на допросе. Подписывают

свои показания. Я чуть с ума не сошел, пытаюсь разыскать вас. Ваше отсутствие могло показаться странным.

— Мое отсутствие!..— возмущился Бейли.

— Отсутствие любого. Не знаю, кого подозревать, но всем нам это чертовски дорого обойдется. Боже, какая неприятность! Какая дьявольская неприятность!

Он поднял руки, словно взывая к небесам, и при этом его взгляд упал на Р. Дэниела.

«Впервые ты смотришь ему прямо в лицо. Присмотрись к нему хорошенько, Джулиус»,— подумал язвительно Бейли.

— Ему тоже придется дать показания,— вполголоса сказал Эндерби.— Я и то был вынужден сделать это. Я!

— Послушайте, комиссар,— сказал Бейли,— отчего бы не предположить, что мозг Р. Сэмми вышел из строя сам по себе? Почему вы решили, что его кто-то прикончил?

Комиссар тяжело опустился на стул.

— Спросите у него,— кивнул он на доктора Джерригела.

Доктор Джерригел откашлялся.

— Право, не знаю, с чего начать, мистер Бейли,— сказал он.— Мне показалось, что вас удивило мое присутствие здесь.

— Более или менее,— неопределенно ответил Бейли.

— Дело в том, что я не торопился возвращаться в Вашингтон, так как мне редко выпадает возможность бывать в вашем городе. Кроме того,— и это самое главное — я считал бы за преступление покинуть Нью-Йорк, не попытавшись еще раз повидать вашего чудесного робота, которого я с таким удовольствием хотел бы изучить поближе. Тем более, что вы привели его с собой...

— Это совершенно исключено,— прервал его Бейли.

— Не сейчас, конечно. Может быть, позже? — огорченно спросил роботехник.

Длинное лицо Бейли было непроницаемым.

— Я звонил вам, но вас не оказалось на месте, и никто не знал, где вы...— продолжал доктор Джерригел.— Тогда я поговорил с комиссаром, и он предложил прийти сюда и подождать вас здесь...

— Я подумал, что он может понадобиться,— вмешался комиссар Эндерби.— Вы ведь хотели его видеть.

— Спасибо,— кивнул Бейли.

— К сожалению, то ли поводок был неисправен, то ли в своем возбуждении я им неправильно пользовался. Так или иначе я по ошибке попал в какую-то комнату...

— На склад фотоматериалов, Лайдж,— снова вступил комиссар.

— Да, да,— закивал Джерригел.— И там на полу во весь рост лежал робот. После беглого осмотра у меня не оставалось никаких сомнений, что он полностью деактивирован. По-вашему—мертв. Так же легко было установить причину деактивации.

— Какая она? — спросил Бейли.

— В правой руке робота был зажат небольшой продолговатый предмет длиной около двух дюймов со слюдяным окошком на конце,— объяснял доктор Джерригел.— Этим предметом, который оказался альфа-излучателем, он касался своего виска. Вы, видимо, знаете, что такое альфа-излучатель?

Бейли кивнул. Для этого ему не нужно было лазить в словарь или справочник. Еще на лабораторных занятиях по физике ему не раз приходилось иметь дело с этим нехитрым устройством; оно состояло из овального корпуса свинцового сплава с узким каналом посередине, в конце которого помещалось небольшое количество соли плутония. С одного конца канал прикрывался слоем слюды, пропускающей альфа-частицы. Именно сквозь нее наружу вырывался поток жесткого излучения.

Альфа-излучатель предназначался для самых различных целей, но отнюдь не для уничтожения роботов.

— Он, конечно, направил альфа-излучатель на себя? — полувопросительно сказал Бейли.

— Разумеется,— ответил доктор Джерригел,— и все позитронные мозговые связи были немедленно расстроены. Мгновенная смерть, так сказать.

Бейли повернулся к бледному комиссару:

— Ошибки не произошло? Это действительно был альфа-излучатель?

Комиссар кивнул, выпятив свои пухлые губы.

— Несомненно. Счетчики среагировали на него с десяти футов. Фотопленка оказалась засвеченной. Так что тут все ясно.

Он задумался над чем-то, а затем резко сказал, обращаясь к роботехнику:

— Доктор Джерригел, боюсь, что вам придется задержаться в городе на день-два, пока мы не запишем ваши показания на ниточную пленку. Я прикажу проводить вас в отдельную комнату. Надеюсь, вы не будете возражать против охраны?

— А вы считаете, что это необходимо? — спросил, нервничая, доктор Джерригел.

— Так будет вернее.

Окончательно растерявшись, доктор Джерригел пожал всем руки, в том числе и Р. Дэниелу, и вышел.

Комиссар тяжело вздохнул.

— Это сделал кто-то из наших, Лайдж. Вот что меня беспокоит. Посторонний не стал бы заходить в управление, чтобы только прикончить робота. Их сколько угодно снаружи, да там и безопаснее. К тому же не каждый может достать альфа-излучатель.

В разговор вступил Р. Дэниел. Его холодный, ровный голос звучал резким контрастом по сравнению с взволнованными словами комиссара.

— Но каков мотив данного убийства? — спросил он.

Комиссар с явным неодобрением взглянул на Р. Дэниела и отвернулся.

— Мы тоже люди. Почему полицейский должен лучше других относиться к роботам? Этого уничтожили, и, возможно, кому-то на душе полегчало. Кстати, Лайдж, помните, как он раздражал вас?

— Едва ли это может послужить поводом для убийства, — возразил Р. Дэниел.

— Конечно, нет, — решительно поддержал его Бейли.

— Да это и не убийство, — заметил комиссар. — На юридическом языке это квалифицируется лишь как порча имущества. Но произошло это в управлении. Если бы не в управлении, все бы обошлось. А теперь это раздуют в первоклассный скандал. Итак, Лайдж!

— Да?

— Когда вы в последний раз видели Р. Сэмми?

— Р. Дэниел разговаривал с ним после обеда, — ответил Бейли. — Что-то около тринадцати тридцати. Он договорился, что мы займем ваш кабинет, комиссар.

— Мой кабинет? Зачем?

— Мне нужно было поговорить с Р. Дэниелом наедине. Вас не было, а ваш кабинет самое удобное для этого место.

— Ясно,— многозначительно произнес комиссар.— Значит, вы сами не видели его?

— Нет, но часом позже слышал его голос.

— Вы уверены, что это был он?

— Абсолютно.

— Это было около четырнадцати тридцати?

— Возможно, немного раньше.

Комиссар задумчиво закусил нижнюю губу.

— Ну что ж, одно стало мне ясно.

— Вот как?

— Да. Сегодня здесь был этот парень — Винсент Бэррет. Вы об этом знали?

— Знал. Но, комиссар, он не способен на это.

Комиссар поднял глаза на Бейли.

— Почему? Р. Сэмми отнял у него работу. Я его понимаю. Он должен чувствовать себя несправедливо обиженным. Ему хотелось как-то отомстить. Как и всякому бы на его месте. Дело, однако, в том, что он вышел из здания в четырнадцать ноль ноль, а вы говорите, что слышали Р. Сэмми в четырнадцать тридцать. Правда, он мог передать роботу альфа-излучатель раньше с приказом применить его через час. Но где он достал его? Непостижимо! Вернемся к Р. Сэмми. Так что вам сказал Р. Сэмми в четырнадцать тридцать?

Бейли какое-то мгновение заколебался, а затем осторожно сказал:

— Не помню. Мы сразу ушли.

— Куда вы направились?

— В Йист-таун. Кстати, я хочу поговорить с вами об этом.

— Потом, потом...— Комиссар потер подбородок.— Сюда, оказывается, приходила Джесси. Видите ли, мы проверяли списки всех посетителей, и я натолкнулся на ее имя.

— Да, приходила,— холодно сказал Бейли.

— С какой целью?

— По личным делам.

— Ее придется тоже допросить. Не волнуйтесь, это простая формальность.

— Я знаком с порядками, комиссар. Между прочим, как насчет альфа-излучателя? Удалось установить, откуда он?

— О да! С одной из энергостанций.

— Как они объясняют потерю излучателя?

— Никак. Понятия не имеют. Послушайте, Лайдж, вас лично все это не касается. Кроме того, что вы дадите лишь формальные показания. Занимайтесь своим делом. Вот и все... Занимайтесь своим расследованием.

— Разрешите дать показания несколько позднее, комиссар,— возразил Бейли.— Дело в том, что я с утра ничего не ел.

Комиссар Эндерби направил на Бейли свои очки.

— Конечно, конечно, Лайдж... Только не выходите из управления, ладно? Кстати, ваш напарник прав (казалось, он не хотел обращаться непосредственно к Р. Дэниелу или называть его по имени): нам действительно нужно найти мотив преступления. Мотив...

Бейли внезапно почувствовал, как похолодело у него внутри.

Вроде бы сами по себе, как бы помимо его воли, события сегодняшнего дня, и вчерашнего, и дня накануне стали вдруг мелькать перед ним, подгоняясь одно к другому. И снова перед ним начала возникать картина.

— Какой энергостанции принадлежал альфа-излучатель, комиссар? — спросил он.

— Уильямсбургской. А что?

— Так, ничего.

Когда Бейли и шедший за ним по пятам Р. Дэниел выходили из кабинета, до них донесся голос комиссара Эндерби, который бормотал про себя:

— Да, мотив, мотив...

Бейли сидел в небольшом неуютном кафе управления за своим скромным ужином. Он поглощал фаршированные томаты с салатом, не замечая, что ест, и даже когда на картонной тарелке не осталось ни крошки съестного, он несколько раз бесцельно ковырнул ее вилкой в поисках того, чего там уже не было.

Наконец он опомнился и, вполголоса чертыхнувшись, положил вилку на стол.

— Дэниел, — позвал он робота.

Р. Дэниел сидел за соседним столиком, словно не хотел мешать размышлениям Бейли или же искал уединения сам. Впрочем, это меньше всего интересовало Бейли.

Р. Дэниел поднялся со своего места и сел рядом с детективом.

— Да, партнер Илайдж?

Бейли не повернул головы.

— Дэниел, мне нужна ваша помощь.

— Чем я могу вам помочь?

— Меня и Джесси подвергнут допросу. Это не вызывает сомнений. Я буду отвечать, как сочту нужным. Вы меня поняли?

— Конечно, я понял то, что вы сказали. Однако если мне зададут прямой вопрос, я смогу ответить только то, что есть на самом деле.

— Если вам зададут такой вопрос — тогда другое дело. Я прошу только самому не вмешиваться в разговор. Вы ведь можете это сделать?

— По-видимому, Илайдж; если не окажется, что мое молчание может причинить вред человеку.

Бейли сказал мрачно:

— Если заговорите, вы причините вред мне. Уж можете поверить.

— Но я не совсем понимаю вашу точку зрения, Илайдж. Дело Р. Сэмми вовсе не должно нас беспокоить.

— Вы так думаете? Все сводится к мотиву преступления, не так ли? Зачем кому-то понадобилось уничтожить Р. Сэмми? Вы не можете ответить на этот вопрос. Мы с комиссаром тоже не знаем ответа. Учтите, дело не в том, что кто-то решил на уничтожение робота вообще. Фактически любой житель Земли мог пойти на это. Вопрос в том, почему выбрали именно Р. Сэмми. Это мог сделать Винсент Бэррет, но комиссар утверждает, что он не сумел бы достать альфа-излучатель, и он прав. Надо искать в другом месте, и надо сказать, что у одного человека такой мотив есть. Он очевиден. Он просто кричит о себе.

— Кто этот человек, Илайдж?

И Бейли сказал тихим голосом:

— Это я, Дэниел.

Даже после такого заявления лицо Р. Дэниела осталось бесстрастным. Он лишь покачал головой.

— Вы не согласны,— продолжал Бейли.— Сегодня сюда приходила моя жена. Им это уже известно. Комиссара заинтересовал этот факт. Не будь у нас с ним приятельских отношений, он бы не прекратил допрос так быстро. Но они узнают, зачем она приходила. Это точно. Она оказалась замешанной в заговоре, каким бы глупым и безобидным он ни был. Ничто не может больше скомпрометировать полицейского, чем это. Отсюда логический вывод: я должен был попытаться замять это дело. Дальше. Кто знал об этом? Мы с вами, Джесси и, конечно, Р. Сэмми. Он видел, в каком она была ужасном состоянии. И когда Р. Сэмми сказал ей, что мы велели никого к нам не пускать, она, вероятно, совсем потеряла контроль над собой. Вы помните, какая она была, когда вошла.

— Я не думаю, чтобы она сказала что-нибудь компрометирующее вас,— усомнился Р. Дэниел.

— Может быть, и нет. Но я восстанавливаю события так, как это сделают они. Вот вам и мотив. Я убил Р. Сэмми, чтобы заставить его молчать.

— Они этого не подумают.

— Именно это и придет им в голову! Убийство подстроено таким образом, чтобы подозрение пало на меня. Возьмите хотя бы оружие преступления. Его трудно заполучить, но зато легко обнаружить. Поэтому истинный преступник и избрал альфа-излучатель, а чтобы не оставалось никаких сомнений, приказал роботу идти на фото склад и там прикончить себя. Даже если бы они каким-то чудом проглядели излучатель, засвеченная пленка тотчас же навела бы их на правильную мысль.

— Но какое отношение это имеет к вам, Илайдж?

Бейли слегка усмехнулся, но было видно, что ему совсем не до смеха.

— Самое прямое. Альфа-излучатель похищен с Уильямсбургской станции. Вчера мы с вами были на этой станции. Нас там видели, и это несомненно выплывет наружу. Вот вам и то, как я достал оружие, вот и мотив преступления. Может получиться и так, что мы с вами были последними, кто видел Р. Сэмми в живых... за исключением настоящего убийцы, разумеется.

— Я был с вами на энергостанции и могу засвидетельствовать, что у вас не было возможности похитить альфа-излучатель.

— Спасибо,— печально отозвался Бейли,— но вы — робот, и ваши показания не имеют силы.

— Комиссар ваш друг. Он меня выслушает.

— Комиссар держится за свое место, а я и так доставил ему много хлопот. Есть только один путь к спасению.

— Да?

— Я задаю себе вопрос: почему меня впутывают в эту историю? Очевидно, чтобы отделаться от меня. Но зачем? Видимо, я представляю для кого-нибудь опасность. Я стараюсь быть предельно опасным для убийц доктора Сартона. Поэтому, может быть, и для медиевистов или, по крайней мере, для их верхушки. Именно они могли проследить нас до энергостанции, хотя нам показалось, что мы ускользнули.

Вполне возможно, что если я найду убийцу доктора Сартона, то обнаружу того или тех, кто старается убрать меня с пути. Если я как следует все обдумаю, если я докапаюсь до сути, если только я раскушу этот орешек, я — спасен. И Джесси тоже. Я не могу допустить, чтобы она... — Он замолчал. Его кулаки судорожно сжимались и разжимались. — У меня мало времени. У меня очень мало времени.

С внезапной надеждой Бейли посмотрел на чеканное лицо Р. Дэниела. Что бы о нем ни говорили, это было сильное, преданное и лишенное всякого эгоизма существо. Чего еще можно требовать от друга? Бейли нужен был друг, и у него не хватало ни времени, ни желания придираться к тому, что вместо сердца у Р. Дэниела какой-то механизм. Но Р. Дэниел с сомнением покачивал головой.

— Мне очень жаль, Илайдж,— сказал робот без тени сожаления на лице, что было вполне естественно,— но я не предвидел всего этого. Возможно, мой поступок причинит вам вред. Я сожалею, но этого требует общее благо.

— Какое еще общее благо? — едва слышно проговорил Бейли.

— Я связался с доктором Фастольфом.

— Боже мой! Когда?

— В то время, как вы ужинали.

Бейли стиснул зубы.

— Ну? — процедил он. — Что еще случилось?

— Вам придется доказывать свою невиновность в убийстве Р. Сэмми, не используя для этого расследование обстоятельств убийства моего конструктора, доктора Сартона. Жители Космотауна на основании представленных мною данных решили сегодня прекратить расследование и начать подготовку к эвакуации Космотауна с Земли.

ГЛАВА XVII

Конец проекта

Бейли с отрешенным видом посмотрел на свои часы. Они показывали 21.45. Через два с четвертью часа наступит полночь. Сегодня он встал около шести и вот уже два с половиной дня находится в постоянном нервном напряжении. У него было смутное ощущение нереальности всего происходящего.

Он вынул свою трубку и стал шарить по дну кисета в поисках драгоценных остатков табака.

— Так в чем все-таки дело, Дэниел? — с трудом спросил он ровным голосом.

— Вы не поняли? Разве это не ясно?

— Я не понял. Мне не ясно, — терпеливо повторил Бейли.

— Мы находимся здесь, — сказал Р. Дэниел (я подразумеваю жителей Космотауна), — чтобы разбить оболочку, окружающую Землю, и вынудить ее жителей отправиться на новые планеты.

— Я это знаю. Можете не развивать свою теорию.

— Но это очень важно, и потому я должен. Если мы и хотели добиться наказания лица, виновного в убийстве доктора Сартона, то, как вы понимаете, вовсе не потому, что надеялись вернуть доктора Сартона к жизни: наша неудача могла бы только укрепить позиции противников Космотауна на Внешних Мирах.

— А сейчас, — внезапно вспыхнул Бейли, — вы вдруг решили по собственной воле отправиться восвояси. По-

чему? Во имя неба, почему? Разгадка дела Сартон близка. Очень близка, иначе они бы не старались изо всех сил покончить со мной. У меня такое ощущение, что мы располагаем всеми необходимыми фактами. Ответ сидит где-то здесь.— Он постучал себя по лбу костяшками пальцев.— Не хватает одной фразы. Может быть, одного слова!

Он отчаянно зажмурил глаза, словно надеялся, что дрожащая, полупрозрачная пелена, в течение нескольких дней висевшая у него перед глазами, наконец спадет, и все прояснится. Но этого не произошло. Этого не произошло.

Бейли шумно вздохнул. Он досадовал на самого себя. Распустил нюни перед этой холодной, бесчувственной машиной, способной лишь молча глядеть на тебя.

— Ну ладно. Забудем об этом,— сказал он хриплым голосом.— Почему космониты все-таки решили сорвать с места?

— Наш проект завершен,— пояснил робот.— Мы удовлетворены тем, что жители Земли способны на колонизацию.

— Откуда вдруг такой оптимизм? — Бейли сделал первую глубокую затяжку и почувствовал, что начинает понемногу овладевать собой.

— Уже в течение длительного времени мы, жители Космотауна, пытаемся изменить Землю, меняя ее экономику. Мы пытались внедрить на Земле цивилизацию С/Fe. Правительство вашей планеты, а также правительства некоторых городов сотрудничали с нами, поскольку это было необходимо. И все же за двадцать пять лет мы не добились ничего. Чем большие усилия мы прилагали, тем сильнее становилось движение медиевистов.

— Все это мне известно,— сказал Бейли, а про себя подумал: «Бесполезно просить. Он не замолчит, пока не выложит все. Чертова машина!»

А Р. Дэниел тем временем продолжал:

— Доктор Сартон первым выдвинул идею коренного изменения тактики. Согласно его теории, нам надо было найти среди землян тех, чьи желания совпадают с нашими желаниями, или тех, кто поддается убеждению. Мы передали бы этим людям инициативу, чтобы новое движение разрасталось внутри, а не насаждалось

извне. Труднее всего было найти таких людей. Вы сами, Илайдж, стали объектом интересного эксперимента.

— Я? Я? Да вы что? — удивился Бейли.

— Мы были рады, что комиссар рекомендовал вас. Мы решили, что по типу нервной деятельности вы подходящий экземпляр. А церебрoанализ, которому я вас подверг при первой нашей встрече, подтвердил наше суждение. Вы человек практического склада ума, Илайдж. Несмотря на ваш здоровый интерес к прошлому Земли, вы не вздыхаете по нему с сожалением. Но и современная городская культура также не кажется вам идеальной. Мы полагаем, что люди, подобные вам, снова могут повести землян к звездам. Это одна из причин, по которой доктор Фастольф так хотел встретиться с вами вчера утром.

Надо сказать, ваша практичность имеет слишком ярко выраженный характер. Вы отказывались понимать, что фанатическое служение идеалу, даже ошибочному идеалу, может толкнуть человека на немислимые в обычных условиях поступки. Например, пересечь ночью открытое пространство, чтобы уничтожить того, кого он считает злейшим врагом своего дела. Поэтому мы не были слишком удивлены, что у вас хватило дерзости и упрямства стараться доказать фальсификацию убийства. В каком-то смысле это подтвердило вашу пригодность для эксперимента.

— Какого эксперимента, черт возьми? — Бейли стукнул кулаком по столу.

— Эксперимент заключался в том, чтобы убедить вас, что колонизация является решением проблемы Земли.

— Что ж, вам это удалось. Не стану отрицать.

— Да, однако не без помощи соответствующего лекарства.

Бейли разжал зубы, стискивавшие чубук трубки. Она вывалилась у него изо рта, но он успел подхватить трубку на лету. Он снова увидел себя в куполообразном жилище космонавта. Вот он медленно приходит в себя от потрясения, которое получил, узнав, что Р. Дэниел все-таки робот; пальцы Р. Дэниела оттягивают кожу на его руке; а под кожей, вначале отчетливо видимое, медленно рассасывается темное пятно инъекции.

— Что вы мне вприснули? — спросил он прерывающимся голосом.

— Не волнуйтесь, Илайдж. Всего лишь слабое лекарство, от которого ваш ум должен был стать более восприимчивым.

— Поэтому я и поверил вашим словам. Так, что ли?

— Не совсем. Вы отказывались верить тому, что было чуждо вашему образу мышления. Фактически результаты эксперимента несколько разочаровали нас. Доктор Фастольф надеялся, что вы станете фанатичным сторонником новой теории. Вместо этого вы всего лишь одобрили ее, не больше. Мешал ваш практический ум. Это привело нас к выводу, что единственная наша надежда — романтически настроенные люди, но они, к сожалению, либо участвуют в движении медиевистов, либо сочувствуют ему.

Бейли невольно возгордился: ему стало приятно от мысли, что он устоял перед ними и разочаровал их. Пусть экспериментируют над кем-нибудь другим.

Он злобно усмехнулся:

— И вот вы сдались и решили отправиться восвояси?

— Нет, это не так. Я только что сказал, что мы удовлетворены, поскольку Земля пойдет на освоение новых миров. Вы сами подсказали нам ответ.

— Я? Каким это образом?

— Вы говорили с Фрэнсисом Клусарром о преимуществах колонизации. Вы, видимо, говорили с увлечением. Эксперимент над вами помог добиться хотя бы этого. И в психоизлучении Клусарра произошли изменения. Незначительные, разумеется, но все же изменения.

— По-вашему, мне удалось убедить его? Не верю.

— Нет, убеждение не приходит так скоро. Однако изменение данных его cerebroанализа убедительно показало, что ум медиевиста открыт для такого убеждения. Я сам провел небольшой эксперимент. Покидая Йист-таун и догадываясь, что могло произойти между вами в мое отсутствие, я спросил Клусарра, не согласился бы он послать своих детей в школу для эмигрантов. Он отверг эту идею, но и на этот раз его психоизлучение изменилось. Для меня очевидно, что подобный метод воздействия самый правильный.

Р. Дэниел умолк, а затем заговорил снова:

— То движение, которое вы называете медиевизмом, есть не что иное, как стремление к новому. Правда, оно обращено к Земле, которая близко и имеет великое прошлое, но восприимчивая романтическая натура легко увлечется видением новых миров. Примером может служить Клусарр. Ведь вы только раз поговорили с ним. Как видите, Космотаун уже добился успеха, сам того не ведая. Скорее всего, мы сами, а не наши идеи действуют на вас раздражающе. Из-за нас ваши романтики стали медиевистами и объединились в организацию. В конце концов, именно они хотят порвать с установившимися традициями, а не правительство, заинтересованное в сохранении статуса кво. Нам надо покинуть Землю, оставив здесь несколько подобных мне роботов, которые при содействии таких землян, как вы, откроют школы для будущих завоевателей новых миров, и медиевист постепенно отвернется от Земли. Ему понадобятся роботы, и он либо получит их от нас, либо построит их сам. Он создаст культуру C/Fe по собственному вкусу.

Для Р. Дэниела это была длинная речь. Он, видимо, понял это, так как после короткой паузы сказал:

— Я говорю вам все это для того, чтобы объяснить, почему необходимо сделать то, что может причинить вред вам лично.

Бейли с горечью подумал, что робот не может причинить вред человеку, если только каким-либо образом не сумеет доказать, что это делается для его же блага.

— Постойте,— сказал Бейли.— Одно практическое соображение. Вот вы отправитесь на свои миры и заявите, что житель Земли убил космонавта и не получил наказания. Внешние Миры потребуют с нас контрибуцию. Хочу вас предупредить: Земля не потерпит подобного обращения. И тогда беды не миновать.

— Убежден, что этого не произойдет, Илайдж. Те у нас, кто может потребовать контрибуции, будут очень рады положить конец Космотауну. И мы это сделаем, если они откажутся от своих требований. Во всяком случае, мы на это рассчитываем. Мы будем жить с Землей в мире.

— Но что будет со мной? — воскликнул Бейли хриплым голосом.— Комиссар сразу прекратит расследование убийства Сартона, если этого захочет Космотаун. Но

останется дело Р. Сэмми, так как речь идет о престиже управления. У него масса улик против меня. Он их предъявит. Я знаю. Это все подстроено. Меня деклассируют, Дэниел. А что станет с Джесси. Ее заклеят как преступницу. А Бентли...

— Не думайте, Илайдж, что я не понимаю, в каком положении вы оказались. Тот, кто печется о благе человечества, должен быть готов к лишениям. У доктора Сартона остались жена, двое детей, родители, сестра и много друзей. Все скорбят о его смерти и будут сожалеть, что не наказан его убийца.

— Тогда почему же не найти и не наказать его?

— В этом больше нет необходимости.

— Почему было не сказать сразу, что расследование вам понадобилось, чтобы изучить нас в особых условиях? — с досадой сказал Бейли. — Вам фактически наплевать, кто убил доктора Сартона.

— Мы бы хотели это узнать, — возразил Р. Дэниел холодно, — но для нас интересы общества всегда важнее интересов индивидуума. Дальнейшее расследование могло бы повредить положению, которое мы признаем удовлетворительным. Мы не можем предугадать, насколько велик был бы этот вред.

— То есть вы хотите сказать, что убийцей может оказаться важная персона из медиевистов, а в данный момент космонавты не хотят портить отношений со своими новоиспеченными друзьями?

— Я бы так не сказал, но в ваших словах есть доля правды.

— Где же ваш контур справедливости, Дэниел? Какая же это справедливость?

— Имеются разные степени справедливости, Илайдж. Меньшая должна уступать большей, если она с ней несовместима.

Казалось, будто ум Бейли описывал кольца вокруг непроницаемой логики позитронного мозга Р. Дэниела и старался найти в нем лазейку, какое-нибудь слабое место.

— И вам самому не интересно, Дэниел? — продолжал допытываться Бейли. — Вы назвали себя детективом. Знаете ли вы, что это такое? Понимаете ли вы, что расследование — это не просто работа? Это — вызов. Столк-

новение двух умов: детектива и преступника. Можете ли вы покинуть поле битвы и признать себя побежденным?

— Могу, если цель недостойна продолжения.

— И вам не будет жалко? Вы не испытаете чувства досады и разочарования? Неудовлетворенного любопытства?

Вообще не возлагавший больших надежд на свое красноречие, Бейли почти совсем сник под конец. А то, что он попытался взывать к «любопытству» робота, лишь напомнило ему его собственные аргументы, которые он приводил Клусарру четыре часа назад. Тогда-то он отчетливо представлял, какие особенности отличают человека от машины. Любопытство должно быть одной из них. Полуторамесячный котенок может быть любопытным, но может ли обладать любопытством машина, пусть самая человекоподобная?

Р. Дэниел словно повторил эти мысли, сказав:

— Что вы имеете в виду под любопытством?

Бейли постарался придать этому слову побольше веса:

— Под любопытством мы подразумеваем желание расширить свои знания.

— Во мне существует такое желание, когда расширение знаний необходимо для выполнения поставленной задачи.

— Правильно,— язвительно сказал Бейли,— когда, например, вы интересуетесь контактными линзами Бентли, чтобы разузнать побольше о странных повадках землян.

— Совершенно верно,— ответил Р. Дэниел без намека на то, что почувствовал сарказм собеседника.— Однако бесцельное расширение знаний, что, видимо, и означает термин «любопытство», ведет к снижению эффективности. Мне положено избегать этого.

В этот самый момент с Бейли произошло то, чего он ждал с таким отчаянием: пелена, застилавшая его мысленный взор, начала постепенно оседать, уступая место четкому изображению.

Он как открыл рот, так и сидел пока говорил Р. Дэниел.

Он раньше не мог вообразить себе картину убийства во всей ее полноте. Так в жизни не бывает. Почти не со-

знаявая этого сам, он составлял ее, составлял тщательно и кропотливо, но под конец натолкнулся на одно-единственное противоречие. Одно противоречие, которое не обойдешь и от которого не отмахнешься. Покуда оно существовало, его сознание не могло добраться до разгадки, чтобы подвергнуть ее анализу.

И вот теперь его осенило; противоречие исчезло — последняя деталь стала на свое место.

Наступившее просветление придало Бейли новые силы. К тому же он совершенно неожиданно сообразил, в чем слабость Р. Дэниела, слабость любой думающей машины. В голове промелькнула обнадеживающая мысль: эта штукавина должна понимать все дословно.

— Верно ли,— лихорадочно заговорил он,— что проект «Космотаун» завершается сегодня, а вместе с ним прекращается и расследование дела Сартона?

— Таково решение жителей Космотауна,— спокойно согласился Р. Дэниел.

— Но сегодняшней день еще не кончился.— Бейли взглянул на часы.— Сейчас двадцать два тридцать. В нашем распоряжении еще есть полтора часа.

Р. Дэниел не отвечал. Казалось, он размышлял над чем-то.

Бейли не давал ему передышки:

— Значит, проект существует до полуночи. Вы — мой партнер, и расследование продолжается.— В спешке он говорил почти телеграфным текстом.— Будем работать, как прежде. Попытаемся еще раз. Вашим это не повредит. Наоборот, только поможет. Даю слово. Если, по вашему, я буду делать что-то не так — остановите меня. Я прошу дать мне всего полтора часа.

— Все, что вы сказали, правильно,— ответил наконец робот.— День еще не кончился. Я об этом не подумал, партнер Илайдж.

«Ага, «партнер» опять»,— пронеслось у Бейли. Он улыбнулся и сказал:

— Мне кажется, доктор Фастольф упоминал о фильме, сделанном на месте преступления?

— Да, упоминал.

— Могу я получить экземпляр?

— Да, партнер Илайдж.

— Сейчас! Немедленно!

— Через десять минут, если можно воспользоваться передатчиком управления,— ответил Р. Дэниел.

На это ушло еще меньше времени. Бейли не сводил глаз с небольшого алюминиевого ящичка, который он держал в дрожащих руках. Слабые сигналы, поступавшие из Космотауна, образовали в нем определенную атомную схему.

В этот момент в дверях показался комиссар Джулиус Эндерби.

Он увидел Бейли, и его круглое лицо, до этого встревоженное, стало приобретать грозный вид.

— Слушайте, Лайдж Бейли, вы чертовски долго ужинаете.

— Я ужасно устал, комиссар. Извините, если задержал вас.

— Мне-то что, но... Пойдемте-ка лучше в мой кабинет.

Бейли бросил быстрый взгляд на Р. Дэниела, но не встретил в его глазах сочувствия. Все трое вышли из кафетерия.

Джулиус Эндерби беспокойно шагал взад и вперед по кабинету. Бейли, сам едва справлявшийся со своими нервами, наблюдал за ним, время от времени украдкой поглядывая на часы.

22.45.

Комиссар сдвинул очки на лоб и энергично, до красноты потер глаза. Потом он снова опустил очки на переносицу и моргая уставился на Бейли.

— Лайдж,— спросил он,— когда вы в последний раз были на Уильямсбургской станции?

— Вчера, после того как ушел из управления. Наверное, около шести вечера,— ответил Бейли.

Комиссар покачал головой.

— Почему вы сразу об этом не сказали?

— Я собирался включить это в свои показания.

— Как вы туда попали?

— По пути на временную квартиру.

Комиссар резко остановился перед Бейли.

— Эта версия не пройдет, Лайдж. Кому придет в голову ехать домой через энергостанцию?

Бейли пожал плечами. Нет смысла объяснять, что их преследовали медиевисты и как они отделались от них. Во всяком случае, не сейчас. Поэтому он сказал:

— Если вы намекаете, что я имел возможность достать там альфа-излучатель, которым прикончили Р. Сэмми, то учтите, что со мной был Р. Дэниел. Он подтвердит, что я ни на минуту там не останавливался и вышел оттуда без альфа-излучателя.

Комиссар медленно опустился на стул. Он не смотрел в сторону Р. Дэниела и, видимо, не намеревался с ним говорить. Он положил перед собой на стол свои белые пухлые руки и стал рассматривать их с выражением крайнего страдания на лице.

— Лайдж,— проговорил наконец он,— я просто не знаю, что и подумать. Вы ведь понимаете, что ваш... ваш партнер не может обеспечить вам алиби. Его показания не имеют силы.

— И все же я отрицаю, что брал альфа-излучатель. Пальцы комиссара судорожно переплетались между собой и снова расходились.

— Лайдж, зачем приходила сюда Джесси?

— Вы уже это спрашивали, комиссар. Ответ будет тот же: по нашим частным делам.

— У меня есть показания Фрэнсиса Клусарра, Лайдж.

— Какие?

— Он утверждает, что Джезебел Бейли является членом медиевистского общества, ставящего своей целью свержение нынешнего правительства.

— Вы уверены, что это она? В городе много женщин, по фамилии Бейли.

— Но не Джезебел Бейли.

— Он назвал ее этим именем?

— Да, он сказал Джезебел. Я слышал это собственными ушами.

— Что с того, что Джесси вступила в это безобидное общество тихопомешанных? Она только посещала собрания, в чем ужасно раскаивается.

— Едва ли это прозвучит убедительно для проверочной комиссии, Лайдж.

— Вы хотите сказать, что меня арестуют по подозрению в порче государственной собственности в виде Р. Сэмми?

— Надеюсь, что нет, Лайдж, но дела ваши плохи. Всем известно, что вы недолюбливали Р. Сэмми. Сегодня с ним разговаривала ваша жена. Она была в слезах, и нам удалось узнать кое-что из того, что она говорила. Сами по себе ее слова звучали безобидно, но ведь очень нетрудно смекнуть, что к чему, Лайдж. У вас могло появиться желание заставить его замолчать. К тому же именно вы могли завладеть орудием преступления...

Бейли не дал ему договорить:

— Пожелай я уничтожить все улики против Джесси, стал бы я приводить сюда Фрэнсиса Клусарра? По-видимому, он знает о ней гораздо больше, чем было известно Р. Сэмми. Кроме того, я оказался на энергостанции за восемнадцать часов до того, как Джесси встрети-лась с Р. Сэмми. Я ведь не ясновидец, чтобы заранее знать, что мне нужно будет уничтожить робота и сделать это именно альфа-излучателем.

— Неплохие аргументы, Лайдж,— заметил комиссар.— Я сделаю все, что смогу. Мне очень жаль, Лайдж.

— Да? А вы сами верите в мою невиновность, комиссар?

— Говоря откровенно, Лайдж,— медленно сказал Эндерби,— я и сам не знаю, что думать.

— Тогда послушайте, что я думаю. Все это тщательно подстроенная провокация против меня.

Комиссар настороженно выпрямился.

— Погодите, Лайдж. Не бейте вслепую. Защищаясь таким образом, вы ничего хорошего не добьетесь. Не один отпетый преступник пользовался этим приемом.

— А я ничего и не добиваюсь. Я просто говорю правду. Меня хотят убрать с пути и не дать раскрыть убийство Сартонa. К сожалению, мои друзья-провокаторы немного опоздали.

— То есть как это?

Бейли взглянул на часы. Они показывали 23.00.

— Я знаю, кому невтерпёж засадить меня за решетку — сказал он.— Я знаю, как убили доктора Сартонa и кто это сделал. У меня всего час, чтобы рассказать вам об этом, схватить виновного и закрыть расследование.

ГЛАВА XVIII

Конец расследования

Глаза комиссара Эндерби сощурились в недобром взгляде.

— Что вам нужно? Вчера утром у Фастольфа вы уже устроили один спектакль. С нас хватит.

— Я знаю,— кивнул Бейли.— В тот раз я ошибся.

«Потом ошибся еще раз,— с яростью произнес он про себя,— но не теперь, тут уж я не ошибусь...»

— Посудите сами, комиссар,— продолжал он.— Допустите, что улики против меня подтасованы, и тогда посмотрим, куда это нас приведет. Задайте себе вопрос; кто мог это сделать? Видимо, тот, кто знал, что вчера вечером я был в Уильямсбурге.

— Ну ладно. Кто же этот человек?

— Уже в столовой меня начали преследовать несколько медиевистов. Я был уверен, что избавился от них, но, видимо, один из них заметил, что я проходил через станцию. Сделал я это, как вы понимаете, чтобы окончательно замести следы.

Комиссар задумался:

— Клусарр? Он был среди них?

Бейли кивнул.

— Хорошо, мы его допросим. Мы вытянем из него все, что ему известно. Чем еще я могу быть вам полезен, Лайдж?

— Подождите. Я хочу убедиться, что вы меня поняли?

— Давайте попробуем разобраться.— Комиссар снова сжал руки.— Клусарр сам или через члена их группы узнал, что вы вошли в Уильямсбургскую станцию. Он решил использовать этот факт против вас и отстранить вас от расследования. Вы это имели в виду?

— Приблизительно.

— Отлично,— оживился комиссар.— Он, естественно, знал, что ваша жена входит в его организацию, а потому рассчитывал, что вы побоитесь предать это гласности. Он думал, что вы предпочтете подать в отставку, чем опровергать косвенные улики против себя... Кстати, Лайдж, как насчет отставки? Я хочу сказать, если дело действительно примет плохой оборот. Мы сумеем замять все это...

— Ни за что на свете, комиссар.

Эндерби пожал плечами.

— Да, так о чем это я говорил? Ага, вспомнил. Так вот, по-видимому, через сообщника он достал альфа-излучатель и поручил кому-нибудь уничтожить Р. Сэмми.— Его пальцы слегка постукивали по столу.— Не годится, Лайдж.

— Почему же?

— Слишком притянута. Слишком уж много сообщников. И, между прочим, проверка показала, что у него есть железное алиби на ночь и утро убийства в Космотауне.

— Но ведь я не говорил, что убийца — Клусарр. Это предположили вы, комиссар,— заметил Бейли.— Им может быть любой медиевист. Клусарр лишь один из тех, кого узнал Р. Дэниел. Больше того, я не думаю, что он играет сколько-нибудь важную роль в медиевистской организации. Однако кое-что в нем кажется мне занятным.

— Что именно? — насторожился Эндерби.

— Он заявил, что знает Джесси. Неужели он помнит всех членов организации?

— Трудно сказать. Во всяком случае, Джесси он знает. Может быть, потому, что она жена полицейского или по другой причине.

— И он сразу сознался и сказал, что Джезебел Бейли — член их организации? Именно так и сказал: «Джезебел Бейли»?

Эндерби кивнул:

— Повторяю вам, я слышал это собственными ушами.

— Странная вещь, комиссар. Вам хорошо известно, что Джесси невзлюбила свое полное имя и давно отказалась от него. Это совершенно точно. К медиевистам же она примкнула много позже этого. И никогда не пользовалась полным именем. Как же мог Клусарр назвать ее «Джезебел»?

Комиссар покраснел и поспешно ответил:

— О, простите, если так, то он, возможно, назвал ее «Джесси». А я механически занес ее в протокол полным именем. В самом деле, так оно и было. Он сказал «Джесси»,

— До сих пор вы утверждали, что он сказал «Джез-бел». Я несколько раз переспрашивал.

Комиссар повысил голос:

— Уж не хотите ли вы сказать, что я лгу?

— Я подумал, что, быть может, Клусарр вообще ничего не говорил. Я подумал, уж не сочинили ли вы все это сами. Вы знакомы с Джесси лет двадцать и, уж конечно, знаете ее полное имя.

— Да вы спятили, Лайдж!

— Неужто? А где вы были сегодня после обеда? Вас не было здесь около двух часов?

— Как вы смеете допрашивать меня?

— И посмею ответить за вас, сэр. Вы были на Уильямсбургской энергостанции.

Комиссар вскочил на ноги. Его лоб заблестел от пота.

— Что за чушь вы несете!

— Значит, я не прав?

— Бейли, вы отстранены. Прошу ваше удостоверение.

— Как бы не так. Сначала выслушайте меня.

— И не подумая. Вы виновны. Вы виновны, черт вас возьми! И еще имеете наглость сваливать все на меня, будто я замышляю что-то против вас! — прокричал комиссар срывающимся от возмущения голосом и добавил, едва владея собой: — Бейли, вы арестованы.

— Не торопитесь, комиссар, — процедил угрожающе Бейли. — Мой бластер на взводе, и я не промахнусь. Сейчас я за себя не ручаюсь. Я скажу все, что знаю, а потом делайте со мной что хотите.

Широко раскрытыми глазами Джулиус Эндерби уставился на ствол направленного на него бластера.

— Двадцать лет, Бейли, — пробормотал он, — двадцать лет в самой глубокой тюрьме города...

К Бейли неслышно подошел Р. Дэниел и решительно отвел в сторону его руку с бластером.

— Я не могу допустить этого, партнер Илайдж, — спокойно сказал он. — Вы не должны причинить вред комиссару.

Впервые с тех пор как Р. Дэниел появился в городе, комиссар обратился прямо к нему:

— Держи его Первый Закон!

— Я не хочу причинять ему вред, — торопливо заговорил Бейли. — Только не дайте ему арестовать меня,

Дэниел. Вы сказали, что поможете мне до конца. У меня еще есть сорок пять минут.

Не отпуская руки Бейли, Р. Дэниел сказал:

— Комиссар, я полагаю, Илайджу следует позволить говорить. В данный момент я поддерживаю связь с доктором Фастольфом...

— Не может быть! Каким образом? — воскликнул комиссар.

— В меня встроены портативный субэтеральный аппарат,— сказал Р. Дэниел.

Комиссар молча уставился на него.

— Я поддерживаю связь с доктором Фастольфом,— продолжал робот,— и если вы откажетесь выслушать Илайджа, комиссар, это произведет плохое впечатление. Могут быть сделаны неблагоприятные для вас выводы.

Комиссар безмолвно опустил на стул.

— Я утверждаю,— начал Бейли,— что сегодня вы побывали на Уильямсбургской энергостанции, достали там альфа-излучатель и передали его Р. Сэмми. Вы умышленно остановились на Уильямсбурге, чтобы приписать это потом мне. Вы даже воспользовались появлением доктора Джерригела и дали ему неправильно настроенный поводок, который привел его на фотосклад, где он обнаружил останки Р. Сэмми. Вы рассчитали, что он установит правильный диагноз гибели Р. Сэмми...— Бейли убрал бластер в кобуру.— Можете теперь арестовывать меня, но едва ли Космотаун расценит это как ответ на мое обвинение.

— Мотив...— едва слышно прошептал Эндерби. Его очки запотели, и он снял их и снова выглядел неуверенным и беспомощным.— Какой мотив? Для чего это могло мне понадобиться?

— Чтобы навлечь на меня неприятности. Чтобы помешать расследованию дела об убийстве Сартона. А кроме всего прочего, потому, что Р. Сэмми слишком много знал.

— О чем, ради бога?

— О том, как пять с половиной дней назад было совершено убийство космонита. И убийцей доктора Сартон из Космотауна является не кто иной, как вы, комиссар.

На это отозвался Р. Дэниел. Потому что Эндерби лишь запустил руки в волосы и молча качал головой.

— Партнер Илайдж,— сказал робот,— боюсь, что ваша версия совершенно неприемлема. Как вам известно, комиссар Эндерби не способен убить доктора Сартона.

— Тогда послушайте. Выслушайте меня. Эндерби упрашивал заняться расследованием именно меня, а не моих старших по чину коллег. И вот почему. Он рассчитывал на нашу старую дружбу и был уверен, что мне никогда не придет в голову заподозрить в преступлении своего приятеля и уважаемого начальника. Он полагался на мою преданность, видите ли. Кроме того, он знал, что Джесси является членом подпольной организации и мог в крайнем случае шантажировать меня, если бы я стал докапываться до правды. Да это его не очень-то и тревожило. С самого начала он делал все, чтобы пробудить во мне недоверие к вам, Дэниел, чтобы мы с вами действовали наперекор друг другу. Он знал, что мой отец был деклассирован. Поэтому мою реакцию было нетрудно предугадать. Как видите, если убийца сам руководит расследованием, это дает ему большие преимущества.

Комиссар вновь обрел дар речи.

— Откуда я мог знать о Джесси? — сказал он слабым голосом и, повернувшись к роботу, добавил: — Если вы ведете передачу в Космотаун, скажите им, что все это ложь! Ложь от начала до конца!

Бейли заговорил вначале громко и возбужденно, а потом перешел на неестественно спокойный тон:

— Конечно, вы знали насчет Джесси. Вы сами медиевист и входите в ту же организацию. Ваши старомодные очки! Эти окна! Да и характер у вас подходящий. Но у меня есть более веские доказательства.

Как Джесси узнала, что Дэниел робот? Этот вопрос не давал мне покоя. Теперь ясно, что через свою организацию. Но откуда об этом стало известно медиевистам? Вы, комиссар, выдвинули версию, что в нем, мол, признали робота во время неурядиц у обувного прилавка. Я усомнился в этом. Ведь принял же я его за человека в самом начале, а глаза у меня в полном порядке.

Вчера я пригласил сюда доктора Джерригела. Сначала он был мне нужен, чтобы убедиться, узнает ли он происхождение Дэниела без моей помощи, но потом появились и другие причины.

Он не узнал, комиссар! Я представил ему Дэниела,

они обменялись рукопожатием, завязалась общая беседа, но его осенило только тогда, когда речь зашла о человекоподобных роботах. Так это же был доктор Джерригел, крупнейший на Земле специалист по роботам! И вы станете утверждать, что какие-то медиевисты смекнули это быстрее, чем он, да еще в той напряженной обстановке, причем были настолько уверены в этом, что пустили в ход всю свою организацию? Ведь они могли лишь догадываться, что Дэниел робот.

Я теперь убежден, что медиевисты с самого начала точно знали, кто такой Дэниел. Столкновение в магазине было рассчитано на то, чтобы показать Дэниелу, а следовательно, и Космотауну, до чего в городе не любят роботов. Цель инцидента — запутать все дело, отвести подозрение с отдельных лиц и направить его на все население... Итак, кто же мог раскрыть им правду об Р. Дэниеле? Не я. Я было заподозрил самого Дэниела, но и это отпало. Из всех землян об этом знали еще вы, комиссар.

— К нам в управление могли проникнуть шпионы! — с несожиданным пылом воскликнул Эндерби. — Медиевисты могли подослать их сколько угодно. Вашу жену, например. А раз уж вы сочли возможным заподозрить меня, то что же говорить о других, менее надежных сотрудниках?

Бейли недобро усмехнулся:

— Давайте пока не будем толковать о мифических шпионах, а посмотрим, куда приведет нас прямое решение. Я утверждаю, что вы не только вероятный, но и фактический предатель.

Вспомните, комиссар, как менялось ваше настроение в зависимости от того, близко я находился от разгадки или далеко от нее. А как вы нервничали... Вчера утром, когда я хотел поехать в Космотаун и отказался сказать вам зачем, вы чуть в обморок не упали. Вы думали, я застукал вас, комиссар? Что я хотел заманить вас в ловушку?

Вы сказали, что ненавидите их. Вы едва не разрыдались. Я было решил, что вы вспомнили о том унижении, которое испытали в Космотауне, когда вас держали под подозрением. Но потом Дэниел сказал мне, что они пощадили вашу чувствительность. Вы и не знали, что нахо-

дитесь под подозрением. Причиной вашей паники был страх, а не унижение.

А когда с таким треском провалилась моя первая версия, когда вы увидели, как далек я от правды, вы снова обрели уверенность. Вы даже спорили со мной, защищали космонитов. После этого вы некоторое время владели собой, были вполне уверены. Тогда я удивился, что вы так легко простили мои ложные обвинения против космонитов, хотя до этого сами пугали меня их шепетильностью.

Затем я заказал разговор с доктором Джерригелом; вы хотели знать зачем; я вам не сказал. Это снова повергло вас в панику, потому что вы боялись...

— Партнер Илайдж! — неожиданно поднял руку Р. Дэниел.

Бейли посмотрел на часы: 23.42.

— В чем дело?

— Возможно, его тревожила мысль о том, что раскроются его связи с медиевистами, если мы установим их. Однако это не следует связывать с убийством. Он не мог иметь с ним ничего общего.

— Вы глубоко ошибаетесь, Дэниел, — возразил Бейли. — Он не знал, для чего мне нужен Джерригел, но мог легко предположить, что для получения сведений о роботах. Это и перепугало комиссара, так как именно робот имеет самое непосредственное отношение к его болсестязному преступлению. Я прав, не так ли, комиссар?

Эндерби покачал головой.

— Когда это кончится?.. — с ненавистью прохрипел он, но замолк, не в силах продолжать.

— Как же было совершено убийство? — Бейли едва сдерживал охватившую его ярость. — С помощью C/Fe, черт бы его побрал! C/Fe! Я пользуюсь вашим термином, Дэниел. Вы готовы лопнуть от гордости за свою цивилизацию C/Fe, а вот догадаться, что житель Земли воспользовался именно ею, хоть и временно, оказалось вам не под силу. Вот как все происходило.

Нет ничего удивительного в том, что за пределы города выходит робот. Даже ночью. Даже в одиночку. Комиссар вручил Р. Сэмми бластер и сказал ему, когда и куда идти. Сам он оказался на территории Космотауна законным путем и, конечно, сдал при входе свое оружие.

Взяв у Р. Сэмми бластер, он убил доктора Сартона и вернул оружие роботу, который благополучно доставил его в Нью-Йорк. Сегодня он уничтожил Р. Сэмми, так как тот знал слишком много.

Все становится понятным. И присутствие комиссара, и пропажа орудия убийства. Отпадает и невероятная версия, по которой житель Нью-Йорка должен был целую милю пробираться в Космотаун под открытым ночным небом.

Р. Дэниел терпеливо дождался конца этого монолога и невозмутимо сказал:

— Я вам сочувствую, партнер Илайдж, но я рад и за комиссара Эндерби, потому что ваш рассказ вовсе не убедителен. Я уже вам говорил, что cerebroаналитические свойства комиссара таковы, что он не может совершить умышленное убийство. Я не знаю, каким словом можно описать этот психологический факт: трусостью, совестью или жалостью. Я знаком со словарным толкованием этих слов, но мне трудно судить самому. Во всяком случае, комиссар Эндерби убийства не совершал.

— Спасибо,— произнес Эндерби более уверенным голосом.— Не знаю, каковы ваши побуждения, Бейли, и с какой целью вы стараетесь уничтожить меня, но я доберусь до них...

— Постойте,— прервал его Бейли.—Я еще не кончил. У меня есть вот это.

Он швырнул на стол алюминиевый кубик. Он не чувствовал в себе той уверенности, какую, ему казалось, излучал на других. Вот уже в течение получаса он скрывал от себя одну небольшую истину: он не знал, что покажет этот оригинальный проектор. Он вел рискованную игру, но ему больше ничего не оставалось делать.

Эндерби отпрянул от блестящего предмета.

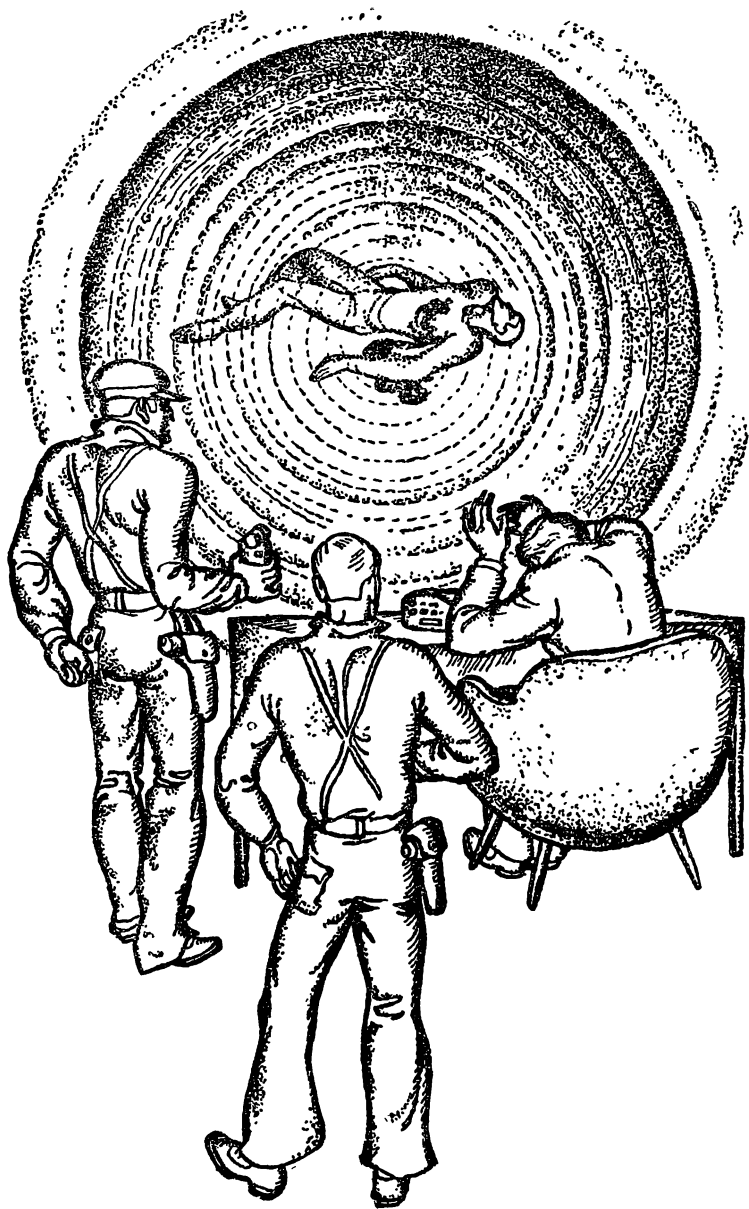
— Что это?

— Не бойтесь, не бомба,— усмехнулся Бейли.— Всего лишь обычный микропроектор.

— Что вы собираетесь доказать?

— Сейчас увидите.

Бейли прикоснулся к одной из прорезей сбоку проектора; угол кабинета Эндерби тотчас же осветился, и в нем возникло объемное изображение какой-то странной



В центре был виден изуродованный труп космонавта.

сцены. Она захватила все пространство от пола до потолка и уходила за стены кабинета. Ее окутывал сероватый свет незнакомого для жителей Нью-Йорка происхождения.

«Должно быть, они называют это рассветом», — подумал Бейли со смешанным чувством отвращения и любопытства.

Сцена изображала комнату куполообразного дома Сартона. В центре был виден изуродованный труп космонавта.

Глаза Эндерби готовы были выскочить из орбит.

— Я знаю, что комиссар по натуре не убийца, — говорил Бейли. — Мне и без вас это ясно, Дэниел. Но если бы я не упустил из виду одну деталь, то уже давно закончил бы расследование. Меня осенило час назад, когда я напомнил вам о контактных линзах моего сына. — Он повернулся к Эндерби. — Да, комиссар, именно в этом все дело. Лишь тогда я сообразил, что ваша близорукость и ваши очки — ключ к разгадке. Жители Внешних Миров понятия не имеют о том, что такое близорукость, иначе бы они без труда установили, кто убил Сартон. Комиссар, когда вы разбили очки?

— Какое это имеет отношение к делу? — возмутился Эндерби.

— В самом начале расследования вы сказали, что разбили очки в Космотауне. Я решил, что вы уронили их от волнения, когда узнали об убийстве. Но вы сами ничего такого мне не говорили, значит, мое решение было безосновательным. На самом же деле, если вы шли в Космотаун, замышляя преступление, то были уже достаточно возбуждены и могли уронить и разбить свои очки до, а не после убийства. Так оно в действительности и произошло, комиссар.

— Я не вижу, к чему вы клоните, партнер Илайдж.

«Мне остается десять минут быть партнером. Быстрее! Говорить быстрее! И думать быстрее!» — пронеслось у Бейли.

Продолжая говорить, он манипулировал объемным изображением жилища Сартона. Охваченный волнением, он непослушными пальцами двигал рычажки, увеличивая его. Медленно, рывками к ним приближался труп, вырастая на глазах и занимая собой все пространство в

углу комнаты. Бейли казалось, что он чувствует запах обгоревшей плоти.

Бейли искоса взглянул на комиссара. Эндербби сидел с закрытыми глазами. По-видимому, ему было плохо. Бейли тоже тошнило, но он должен был смотреть. Сейчас невидимый луч передатчика обшаривал квадрат за квадратом пространство вокруг трупa. Палец Бейли соскочил с рычажка, и изображение покачнулось и расплылось в неразличимую картину, выйдя за пределы разрешающей способности передатчика. Он уменьшил изображение, и труп отплыл в сторону.

Бейли все еще продолжал говорить. Другого выхода не было. Он не мог остановиться, пока не найдет то, что ищет. И если ему это не удастся, никто не поверит ни одному его слову. Хуже, чем не поверит. Его сердце работало толчками, в висках стучала кровь. Он говорил.

— Комиссар не способен на умышленное убийство. Согласен! На умышленное. Но это могло произойти печально. Комиссар шел в Космотаун не для того, чтобы убить доктора Сартона. Он задумал уничтожить вас, Дэниел, вас! Есть ли в его cerebroанализе какос-нибудь указание, что он не способен разрушить машину? Это ведь не убийство, а просто диверсия.

Он убежденный медиенист. Он сотрудничал с доктором Сартонem и знал, для чего предназначался Дэниел. Он опасался, что космонавтам удастся их план и что землян постепенно отлучат от Земли. Поэтому он решил уничтожить вас, Дэниел. Такого робота, как вы, больше нет; вот он и подумал, что сумеет остановить космонавтов, показав им размах и решимость медиенистского движения. Он знал, что общественное мнение Внешних Миров против существования Космотауна. Доктор Сартон, должно быть, поделился с ним этим. И он решил, что убийство будет последней каплей, которая переполнит чашу.

Не думаю, чтобы мысль об убийстве, пусть даже робота, была ему по душе. Он охотно передоверил бы это Р. Сэмми. Но вы так похожи на человека, что такой примитивный робот, как Сэмми, не увидел и никогда не понял бы, в чем разница. Первый Закон не дал бы ему убить вас.

С другой стороны, из всех землян лишь один комис-

сар имел свободный доступ в Космотаун. Иначе бы он наверняка заставил кого-нибудь другого совершить это черное дело.

Мне кажется, план комиссара заключался в следующем. Признаюсь, пока это только предположение, но, по-моему, предположение верное. Он договорился о встрече с доктором Сартонем, но умышленно пришел задолго до назначенного времени. Точнее — на рассвете, полагая, что Сартон будет еще спать, а вы, Дэниел, будете бодрствовать. Кстати, я исходил из того, что вы постоянно находились в доме Сартона.

— Вы совершенно правы, партнер Илайдж,— кивнул робот.

— Тогда я продолжу. Комиссар рассчитывал, что у двери встретите его вы, Дэниел, и тогда он всадит в вас полный заряд бластера. С вами покончено. Комиссар тут же отправляется к тому месту, где его должен ждать Р. Сэмми, отдает ему бластер, и, не торопясь, возвращается к дому Сартона. В случае нужды ему не составит никакого труда оправдать свое раннее появление в Космотауне тем, что пришел предупредить доктора Сартона о якобы готовящемся на них нападении. Мертвый робот лишь придаст вес его словам. Что касается Р. Сэмми, то едва ли кто обратит на него внимание, приняв его за одного из роботов, используемых на фермах. Ну так как, комиссар, близок я к истине?

Эндерби всего передернуло:

— Я не убивал...

— Р. Дэниела? — подхватил Бейли. — Конечно, нет. Вот он, перед вами. Не потому ли за все время, что он в городе, вы ни разу не назвали его по имени и не обратились к нему непосредственно. Посмотрите на него хорошенько, комиссар!

Комиссар не мог этого сделать. Он закрыл лицо трясущимися руками.

Проектор едва не вывалился из дрожащих рук Бейли. Он нашел то, что искал.

Перед ними крупным планом стояло изображение входа в дом доктора Сартона. Дверь была открыта; она была задвинута в стену, отчего стали ясно видны металлические желобки, по которым она скользила. В них что-то поблескивало. Ошибиться было невозможно!

— Так вот как это было,— торопился Бейли.— Вы подошли к дому Сартона. Вы нервничали и, как всегда, когда вы волнуетесь, сняли очки и стали их протирать. Вот тут-то вы их и уронили; быть может, и наступили на них. Во всяком случае, очки разбились, и в этот момент дверь отодвинулась, и в ней показалась похожая на Дэниела фигура.

Вы разрядили в него бластер, подхватили остатки очков и скрылись. Труп обнаружили они, а не вы, а когда они увидели вас, оказалось, что вы убили доктора Сартона, а не Дэниела. Беда в том, что доктор Сартон придал роботу свой облик, а вы без очков не заметили разницы. Если вам нужны вещественные доказательства, то они здесь!

С этими словами Бейли осторожно положил на стол микропроектор и бережно накрыл его рукой.

Лицо комиссара Эндерби искажилось от ужаса, лицо Бейли — от напряжения; Р. Дэниел оставался бесстрастным.

Бейли протянул руку к Р. Дэниелу.

— Что, по-вашему, блестело в желобках двери, Дэниел?

— Два небольших осколка стекла,— холодно ответил робот.— Нам это ни о чем не говорит.

— Сейчас вам станет понятно. Это часть вогнутых линз. Измерьте их оптические свойства и сравните со стеклами, которые носит сейчас Эндерби. Не смей, комиссар!

Он бросился к комиссару и выхватил очки у него из рук, прежде чем тот швырнул их на пол. Тяжело дыша, он протянул их Р. Дэниелу.

— По-моему, этого вполне достаточно, чтобы доказать, что он был у дома доктора Сартона раньше, чем предполагалось.

— Я полностью убежден,— сказал Р. Дэниел.— Теперь я вижу, что был совершенно сбит с толку cerebro-анализом комиссара. Поздравляю вас, партнер Илайдж.

На часах у Бейли было 24.00. Наступал новый день.

Комиссар медленно опустил голову на руки и невнятно проговорил:

— Это была ошибка. Ошибка... Я не хотел его убивать.

Он неожиданно соскользнул со стула и свалился ничком на пол.

Р. Дэниел бросился к нему со словами:

— Вы причинили ему вред, Илайдж. Это очень плохо.

— Но он жив, не так ли?

— Да. Потерял сознание.

— Ничего, очнется. Нервы подкачали, наверное. У меня не было другого выхода, Дэниел. Для судебного преследования моих выводов было бы недостаточно, я должен был вынудить его сознаться, пусть даже такой ценой. Вы ведь слышали его признание, Дэниел?

— Да, слышал.

— Если вы помните, я обещал, что это будет на пользу планам Космотауна... Погодите, он приходит в себя.

Комиссар застонал. Он медленно открыл глаза и молча посмотрел на склонившиеся над ним фигуры.

— Комиссар, вы меня слышите? — спросил Бейли.

Эндерби безразлично кивнул.

— Тогда слушайте внимательно. Космонитам сейчас не до вас. У них есть более серьезные дела, и если вы согласитесь сотрудничать...

— Что, что? — В глазах комиссара появилась надежда.

— Вы, должно быть, важная персона в медиевистском движении Нью-Йорка, а то и всей планеты. Убедите своих единомышленников согласиться на освоение космоса. Вы ведь знаете, какую надо проводить линию? Мы сможем вернуться назад к природе... но на других планетах.

— Не понимаю, — пробормотал комиссар.

— Космониты добиваются именно этого. И, черт побери, теперь я полностью разделяю их точку зрения. Ради этого они каждый день рискуют своей жизнью, оставаясь на Земле, и если вы сумеете воспользоваться смертью доктора Сартона, чтобы убедить медиевистов возобновить освоение Галактики, космониты, возможно, сочтут эту жертву оправданной. Вы меня поняли?

— Илайдж совершенно прав, — вступил в разговор

Р. Дэниел.— Помогите нам, комиссар, и мы забудем прошлое. Я говорю от имени доктора Фастольфа и других. Однако если, согласившись сейчас, вы потом предадите нас, мы будем вынуждены предъявить вам обвинение в убийстве. Надеюсь, вы отдаете себе в этом отчет? Мне больно напоминать вам об этом.

— И я не подвергнусь судебному преследованию? — недоверчиво спросил комиссар.

— Нет, если поможете нам.

Слезы появились у него на глазах.

— Конечно, конечно. Произошел несчастный случай. Объясните им. Потом, мне казалось, что я поступаю правильно.

— Вы поступите правильно, если поможете нам,— убеждал его Бейли.— Спасение Земли — в освоении космоса. Отбросьте свои предрассудки, и тогда вы поймете это. А то поговорите с доктором Фастольфом. А пока вы можете помочь тем, что замнете дело Р. Сэмми. Объясните его гибель несчастным случаем или как вам угодно.— Бейли встал на ноги.— И учтите, Космотаун в курсе всех событий, так что не советую вам замышлять что-нибудь против меня. Надеюсь, это вам понятно, комиссар Эндерби.

— Можете быть спокойны, Илайдж,— сказал Р. Дэниел.— Он искренне соглашается сотрудничать с нами. Это явствует из его цереброанализа.

— Хорошо. Тогда мне пора домой. Как-никак у меня есть жена и сын, и я чертовски хочу спать.— Бейли пытливо посмотрел на Р. Дэниела.— Дэниел, вы останетесь на Земле после отъезда космонавтов?

— У меня еще нет никаких инструкций на этот счет. А почему вы спрашиваете?

Бейли прикусил губу и нерешительно сказал:

— Не думал, что когда-нибудь придется делать такое признание такому, как вы, Дэниел, но я доверяю вам. Даже больше — я восхищен вами. Я слишком стар, чтобы самому отправиться на новые планеты, но если в конце концов будут открыты школы для эмигрантов, я отдам туда Бентли. Кто знает, может, когда-нибудь вы с Бентли вместе...

— Кто знает...— Лицо Р. Дэниела не выражало никаких эмоций.

...Джулиус Эндерби смотрел на них обоих с выражением удивления на лице, которое только сейчас стало обретать свой естественный цвет.

— Друг Джулиус,— сказал робот,— я пытался понять кое-какие рассуждения Илайджа. Возможно, я начинаю понимать его мысль, ибо сейчас мне уже кажется, что уничтожение того, чего не должно быть, то есть уничтожение того, что вы, люди, называете злом, не столь оправдано и желательно, как обращение этого зла в то, что вы зовете добром.

Затем нерешительно, словно бы удивляясь собственным словам, он произнес:

— Иди и впредь не греши.

Лайдж Бейли неожиданно улыбнулся, взял Р. Дэниела за локоть, и оба рука об руку вышли из комнаты.

СОДЕРЖАНИЕ

О современном Жюле Верне — Артуре Кларке и творце роботехнике Айзеке Азимове. <i>А. Стругацкий</i>	5
<i>Артур Кларк</i> . ЛУННАЯ ПЫЛЬ. (Перевел Жданов Л. Л.)	17
<i>Айзек Азимов</i> . Я, РОБОТ. (Перевел Иорданский А. Д.)	223
<i>Айзек Азимов</i> . СТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ. (Перевел Розенталь Ф. А.)	403

Для среднего и старшего возраста

Артур Кларк
ЛУННАЯ ПЫЛЬ

Айзек Азимов
Я, РОБОТ СТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ

Ответственный редактор
Н. М. Беркова

Художественный редактор
С. К. Пушкова

Технический редактор
Т. М. Токарева

Корректоры

К. П. Тягельская и Е. Н. Щербакова

Сдано в набор 29/III 1968 г. Подписано к печати 29/XI 1968 г. Формат 84×108¹/₃₂ Печ. л 19,5 Усл печ л 32,76 (Уч-изд л 32,06) Тираж 300 000 (1—150 000) экз Цена 1 р 22 к. на бум № 1

Издательство «Детская литература».
Москва, М. Черкасский пер. 1
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Рославлиполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР Москва, Сушевский вал 49 Заказ № 2174

